

О КНИГѢ

ПРОРОКА ІОНЫ.

ОПЫТЪ ПЕДАГОГИКО-ЭКЗЕГЕТИЧЕСКАГО ИСЛѢДОВАНІЯ.

Законоучителя Лицея Цесаревича Николая,

Свящ. Іоанна Соловьева

МОСКВА.

1884.

О КНИГѢ ПРОРОКА ІОНЫ.

ОПЫТЪ ИСАГОГИКО-ЭКЗЕГЕТИЧЕСКАГО ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

„Годъ гл҃авъ и предлюбодѣй знаменія ищеть и знаменіе не дастся ему, токмо знаменіе Іоны пророка. Ибо бо бѣ Іона во чревѣ китовѣ три дни и три ноци, тако бѣдетъ и Смыслъ человѣческій въ сердци земли три дни и три ноци. Мужіе Ниневитстїи востанутъ на сѣдѣ съ родомъ смѣхъ и осудятъ его, яко покаашася проповѣдью Іониною. и се бо бѣ Іоны здѣ“ (Ме 12, 39—41)

Законоучителя Лицея Цесаревича Николая,

Свящ. Іоанна Соловьева

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи (М. Катковъ),
на страстномъ бульварѣ.

1884.

По опредѣленію Совѣта Московской Духовной Академіи печатать
дозволяется. 30 Марта 1884 года.

Академіи Ректоръ, Протоіерей С. Смирновъ.

Биографическія свѣдѣнія о пророкѣ Іонѣ. Содержаніе книги его имени. Особенности этой книги. Исторія литературы объ ней. Задача изслѣдованія.

Предметомъ настоящаго изслѣдованія служить одна изъ каноническихъ книгъ ветхаго заветѣ, занимающая въ еврейскомъ подлинникѣ библин, въ латинскомъ, славянскомъ и русскомъ переводахъ ея пятое, а въ переводѣ LXX шестое мѣсто между священными книгами малыхъ пророковъ и надписанная именемъ пророка Іоны. При изслѣдованіи каждаго предмета напередъ должны быть даны нѣкоторыя свѣдѣнія объ немъ, чтобы потомъ яснѣе можно было видѣть, что въ данномъ предметѣ можетъ и должно подлежать изслѣдованію. Поэтому и мы прежде чѣмъ приступать къ самому изслѣдованію о книгѣ пр. Іона считаемъ нужнымъ сказать о томъ, кто былъ пророкъ Іона, именемъ котораго надписывается подлежащая изслѣдованію библейская книга и какое содержаніе этой книги, чтобы яснѣе видѣть, что въ ней можетъ и должно подлежать изслѣдованію.

Итакъ кто былъ пророкъ Іона, именемъ котораго надписывается подлежащая изслѣдованію книга?—*„Еврей, чтитель Иеговы, Бога небеснаго, сотворившаго море и сушу, сынъ Амита“*, такъ отвѣчаетъ на данный вопросъ сама книга пр. Іоны. Гроцій ¹⁾,

---

¹⁾ Annotat. ad lib. Ion. cap. 1, 1.

разбирая значеніе имени и отчества пророка Іоны, говоритъ, что это имя можетъ обозначать человѣка, происшедшаго изъ Греціи; такъ какъ у Грековъ были прорицатели—амитаониды. Ученый мужъ производилъ имя 'амитаі отъ амитаониды и поставлялъ въ связь съ именемъ: *jona* имя: *javan*, которое носилъ одинъ изъ сыновей Іафета (Быт. 10, 2), родоначальникъ Іонійцевъ и которымъ семиты, жившіе ближе всего по мѣстоположенію къ Іонійцамъ, обозначали всю Грецію (ср. Ис. 66, 19) и во множественномъ числѣ: *javanim*—грековъ ¹⁾). Но такое словопроизводство не соотвѣтствуетъ этимологическимъ законамъ грамматики ²⁾, и опровергается краснорѣчивымъ признаніемъ самого Іоны, что онъ еврей. Другіе представляютъ другое словопроизводство, по которому отъ *jaan*—былъ красивъ, происходитъ: *ja'on*, въ женскомъ р: *j'ona*, а съ уничтоженіемъ *aleph* послѣ *chateph*: *jona*—красивая, пригожая ³⁾); но и это словопроизводство едва ли справедливо. Правильнѣе производить имя Іоны отъ *jana*—угнеталъ, разорялъ, притѣснялъ; происходящее отсюда *jona*—въ активной дѣйствительной формѣ означаетъ предметъ, который притѣсняетъ, въ каковомъ смыслѣ употреблено это слово въ Соф. 3, 1 и въ Іер. 46, 16, въ пассивной, страдательной формѣ—существо угнетаемое, стесняемое, голубицу, горлицу, въ уединеніи воркующую, въ каковомъ смыслѣ читается это слово въ Пѣсни П. 4, 1; Псал. 56, 1; Лев. 5, 7; 12, 8 и др. Въ послѣднемъ значеніи толкуетъ имя Іоны и блажен. Іеронимъ; и это совершенно справедливо. ⁴⁾ Названіе голубя, говоритъ Марковіусъ ⁵⁾, должно прилечь нашему пророку не въ смыслѣ предосудительной для голубя и вредной для него неразумности, какъ употреблено это слово у Ос. 7, 11; такъ какъ въ нашемъ пророчѣ этого не было, а скорѣе въ смыслѣ красоты, невинности, кротости, вѣрности и даже робости“. Думаютъ, что родители нашего пророка дали своему сыну это имя по которой-

¹⁾ Ср. Еврейско-Халдейскій этимологич. словарь къ кн. В. З. О. Н. Штейнберга.

²⁾ См. Евр. грам. Гезеніуса, § 23, 3.

³⁾ Hillerus въ *Introduct. ad. libr. proph. vet. Testamenti*, D. J. H. Carp-zovii. 2, Lipsiae. 1851. pag. 345.

⁴⁾ См. Proem. in *Comm. Ionnae*. tom. 6, pag. 389, по изд. *Curs. compl. Patrol.*

⁵⁾ Въ *Comment. in Ion. 1, 1*. pag. 562, по цитациі Карпзовія въ его *Introduct.*

нибудь изъ двухъ причинъ, или, чтобы передать ему τὴν ἀκεραιότητα τῆς περιουσίας (Мѡ. 10, 16), или чтобы лучше напомнить себѣ о бѣдственномъ положеніи Израиля въ ихъ время и легче возбудить чрезъ это себя и другихъ къ сѣтованію.

Далѣе въ самой книгѣ Іоны пророкъ называется сыномъ Амитаѣя (въ слав. переводѣ Амаѡи). Много предположеній высказано было и о значеніи этого отчества пророка. Въ англійскомъ переводѣ Корана съ объясненіями Георга Сала, взятыми имъ изъ арабскихъ толкователей, въ примѣчаніи къ 10 сурѣ, которая озаглавляется „Іона“, говорится, что свое отчество Іона носилъ не по отцу, а по матери, которая называлась *matnai* и въ этомъ онъ одинъ былъ сходенъ съ Іисусомъ Христомъ, не имѣвшимъ отца ¹⁾).

Нѣтъ, конечно, нужды говорить объ очевидной несправедливости такого замѣчанія; не безъ причины же, не само собой явилось. Магометанская духовная литература по своему содержанію есть въ большинствѣ случаевъ искаженіе христіанскихъ и іудейскихъ писаній и преданій. Въ этихъ же писаніяхъ мы дѣйствительно находимъ нѣчто такое, что можно считать источникомъ приведеннаго замѣчанія. Именно. Равв. Абарбанель (15 в.), говоритъ, что Іона названъ былъ сыномъ Амитаѣя потому, что предсказанія его всегда соотвѣтствовали истинѣ и что мать его была та вдова, которая дала въ своемъ домѣ пріютъ пр. Іліи и сына которой (Іону) Елисей воскресилъ отъ мертвыхъ. И тутъ самое смѣшеніе именъ двухъ пророковъ въ одной исторіи ясно говоритъ, конечно, противъ исторической вѣроятности такого сказанія, ясно обнаруживаетъ въ немъ позднѣйшія наслоенія, но вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ право предпологать въ немъ и долю правды. Чтобы добраться до этой правды, не лишне прослѣдить іудейскія и христіанскія преданія объ имени пророка Іоны дальше. „Нѣкоторые, говоритъ Калметъ ²⁾, утверждаютъ, что мать пророка—Сунамитянка и Іона есть тотъ ея сынъ, который былъ воскрешенъ изъ мертвыхъ по молитвамъ пр. Елисея (4 Ц. 4, 11)“³⁾. Въ сочиненіи же, прии-

¹⁾ Въ коранѣ исторія Іоны упоминается четыре раза: въ Сурѣ IV, 98; VI, 86; XXXVI, 139 и LXVIII, 48.

²⁾ Ст. его Commentarius litteral. in S. Scripturam. 1759. t. VI. pag. 617.

сываемомъ Епифанію (*de viris prophet. XVI, 11. p. 246 4*), Иона называется сыномъ вдовы Сарептской, котораго Илія воскресилъ изъ мертвыхъ. Еще раньше Іеронимъ, передавая это преданіе, приписываетъ ему іудейское происхожденіе, говоря: „подтверждаютъ же они (евреи) это мнѣніе словами вдовы Сарептской, обращенными къ пророку послѣ воскресенія ея сына: „теперь на самомъ дѣлѣ узнала я, что ты—человѣкъ Божій и „слово Божіе въ устахъ твоихъ—истина“; и по этой причинѣ, продолжаетъ Іеронимъ, самый отрокъ названъ былъ такъ; ибо „еврейское слово *amitai* на нашемъ языкѣ значитъ истина, и „изъ того, что Илія сказалъ истину, тотъ, который воскрешенъ „имъ, говорятъ, есть сынъ истины“ ¹⁾. Это преданіе передается у раввиновъ С. Ярхи, Д. Кимхи и І. Абарбанелл ²⁾).

Такимъ образомъ изъ сопоставленія всѣхъ этихъ преданій оказывается, что арабскія преданія заимствованы изъ христіанскихъ, христіанскія—изъ іудейскихъ. Взаимное разногласіе и даже противорѣчіе этихъ преданій и искусственность іудейскаго толкованія отчества Ионы не позволяютъ принимать ихъ и полагаться на нихъ вполне; но нельзя рѣшительно и отвергать ихъ историческаго значенія. Они по крайней мѣрѣ прежде всего даютъ намъ вѣсть къ отысканію мѣста и времени жизни пр. Ионы по книгамъ библейскимъ.

Дѣйствительно, въ 4 кн. Цар. послѣ изображенія жизни и дѣятельности прор. Иліи и Елисея при царяхъ Ахаавѣ, Іиуѣ, Іоахазѣ и Іоасѣ (1—13 гл.), объ Іеровоамѣ II, царѣ израильскомъ, преемникѣ Іоаса, замѣчается, что онъ расширилъ предѣлы израильскаго царства отъ входа Емаесскаго ³⁾ до моря Аравит-

¹⁾ См. въ цитов. выше мѣстѣ.

²⁾ См. *Sarpzovii introductio p. 348.*

³⁾ Входомъ Емаескимъ, или входомъ въ Емаѳъ называлась долина между горами Ливаномъ и Антиливаномъ, составляющими водораздѣлъ между Оронтомъ и Литаніемъ; носила же она это имя потому, что чрезъ нее лежала большая дорога къ главному городу Верхней Сиріи—Емаѳу (въ настоящее время Хамаху), доселѣ еще считающемуся съ окружающею его мѣстностію житницею сѣвер. Сиріи. Ср. Числ. 34, 6; Ис. Нав. 13, 5 и др. См. Библ. слов. А. Верховскаго т. 1, стр. 623.

сваго ¹⁾ по *малому Господу Богу Израилева, якоже глагола рукою раба своего Ионы, сына Амавиама, пророка, иже отъ Геваховера*. Сходство имени и отчества нашего пророка съ именемъ и отчествомъ этого пророка Ионы кн. Царствъ, а равно и то обстоятельство, что библія не знаетъ другихъ еврейскихъ пророковъ съ именемъ Ионы, въ связи съ вышеприведенными преданіями, дѣлають для насъ несомнѣннымъ тожество обомъ этимъ пророкамъ ²⁾.

Стало быть, по происхожденію своему Иона былъ галилеянинъ, принадлежать къ пророкамъ израильскаго царства, былъ родомъ изъ города Геваховера (точнѣе съ Евр. Гатхверъ). Геваховеръ, по свидѣтельству книги І. Навина (19, 19), при раздѣленіи земли обѣтованной между сынами израильтянами по жребію достался колѣну Завулонову и лежалъ, какъ говоритъ на основаніи іудейскаго преданія Іеронимъ ³⁾, въ двухъ миляхъ на югъ отъ Сепфориса или Діокесаріи—главнаго города восточной Галилеи, на пути въ Тиверіаду, что соотвѣтствуетъ положенію теперешней деревни Эль-мешхадъ, по западнымъ путешественникамъ ⁴⁾, или

¹⁾ Моремъ Аравитскимъ, или съ евр. моремъ пустыни называлось мертвое, или сланое (Числ. 34, 3), море граничащее на Ю. В. съ пустыней Аравіей.

²⁾ По словамъ Карцовія въ его *Introd.* р. 347 выраженіе книги Царствъ *малого раба своего Ионы*, съ одной стороны, и, съ другой, то обстоятельство, что мы не имѣемъ письменнаго пророчества такого содержанія отъ Ионы, Ниневійскаго проповѣдника, нѣкоторыми выставлялось какъ основаніе для того, чтобы отрицать тожество обомъ пророкамъ. Но такое заключеніе несправедливо потому что а) многое, написанное древними пророками, не дошло до насъ, и, хотя было извѣстно, какъ такое, уже много спустя послѣ нихъ, все таки не внесено въ канонъ Св. книгъ, какъ напр. записи прор. Наана, Гада (2 Цар. 29, 30), Ахія Соломлянина, (2 Пар. 9, 29. Ср. 3 Цар. 11, 29), прозорливца Іоила (2 Пар. 9, 29), пр. Самел и прозорливца Ады (2 Пар. 12, 15; 13, 22) и хѣтонисы царей іудейскихъ (3 Ц. 14, 29. 15, 7. 4 Ц. 8, 29) и израильскихъ (3 Ц. 14, 19, 16, 5. 14. 4 Цар. 1, 18. 10, 34), которыя послужили источникомъ для книгъ Царствъ и Паралипоменонъ, написанныхъ во времена Ездры и Нееміи; б) выраженію *малого раба*—дѣтъ основанія придавать исключительное значеніе написавъ, точно такъ же, какъ и выраженіе *малого устамъ*, не всегда значить устно произнесъ (Дѣян. 1, 16. Ср. Пс. 68, 26. 108, 8): общее значеніе того и другаго—открылъ, передалъ; в) не все то, что говорили пророки, и записано, такъ напр. пророчество Еноха (Іуд. 9 ст.)

³⁾ Въ цит. выше соч. его р. 390.

⁴⁾ См. Robinson *Palaest.* 111, 449.

водоему при селеніи Рене, на полчаса ходьбы отъ Каны Галилейской, по свидѣтельству русскихъ паломниковъ ¹⁾, сл. въ нижней Галилеѣ.

Другая біографическая подробность о пр. Іонѣ, какою даетъ указанная цитата 4 кн. Царствъ, именно та, что по его слову Іеровоамъ II-й, царь израильскій, возстановилъ предѣлы Израиля отъ входа въ Емаѣъ до Аравитскаго моря, важна по отношенію къ опредѣленію времени жизни пр. Іоны.—Свящ. писатель, поставивъ имя Іоны въ связь съ славными побѣдами Іеровоама II, который воцарился во Израили въ 835 г. до Р. Х. ²⁾ и царствовалъ 41 годъ (4 Ц. 14, 23), не сказалъ, на какой періодъ этого долговременнаго царствованія падаетъ указанное событіе, было ли оно по смерти пр. Іоны или при жизни его, и, если при жизни, то въ какомъ возрастѣ его. Между тѣмъ въ силу этого молчанія, лишь гадательно отвѣчая на поставленные вопросы, можно раздвигать конечные предѣлы жизни пр. Іоны слишкомъ широко и время его жизни можно отодвигать или назадъ, или впередъ чуть не на цѣлое столѣтіе, какъ дѣйствительно и случилось съ толковниками. Такъ Кейль ³⁾, Геферникъ ⁴⁾, Генстенбергъ ⁵⁾, Филаретъ, М. Московскій ⁶⁾ и мн. др. далеко впередъ простираютъ жизнь пр. Іоны и утверждаютъ, что посольство его въ Ниневію было во время нашествія на землю израильскую Фула, царя ассирійскаго, прѣ Маваимѣ, который сталъ царемъ спустя 20 лѣтъ по смерти Іеровоама, или 60 лѣтъ послѣ вступленія послѣдняго на престолъ; они слѣдовательно предполагаютъ, что и свое предсказаніе о побѣдахъ Іеровоама II Іона произнесъ при жизни его и даже не въ самомъ началѣ его царствованія, хотя несомнѣнно въ началѣ

¹⁾ См. Путеш. къ св. мѣстамъ въ 1835 г. А. Норова, ч. 2, стр. 196 и 235 и Муравьева Путеш. въ Іерусалимъ 1854 года. ч. 1. стр. 213.

²⁾ По хронологіи, представленной въ Чтен. въ Об. Л. Д. Пр. 1874 г. ч. 1, стр. 388.

³⁾ См. Comment. in die zwölf klein. Prophet. von Keil, 1873 г. S. 245.

⁴⁾ См. Handbuch der historisch—kritischen Einleitung in das A. Testament, von H. Haevernick, 2 Theil, 2 Abth. S. 327.

⁵⁾ См. Christologie des alt. Testament. und Commentar. über die messian. Weissagungen, 1 Band. 2 Ausg. 1854, S. 467.

⁶⁾ См. Пророческія книги В. Завѣта. Изъ академ. чтеній Филарета М. Московскаго, стр. 80.

своей пророческой дѣятельности. Другіе же ¹⁾ напротивъ думаютъ, что царствованіе Іеровоама II было самымъ крайнимъ и послѣднимъ предѣломъ пророческой дѣятельности пр. Іоны, и что начало ея, а слѣдовательно и начало жизни пророка было гораздо раньше царствованія Іеровоама. Словомъ, одни утверждаютъ, что пр. Іона жилъ въ VIII, а другіе, что въ IX в. до Р. Хр. и, что замѣчательно, на основаніи одной и той же библейской даты... Впрочемъ рѣшить, на сторонѣ каихъ изъ указанныхъ ученыхъ правда не особенно трудно.

Расширеніе израильскаго царства до давидовскихъ границъ, предсказанное пр. Іоною, нельзя относить къ концу царствованія Іеровоама II; ибо война, плодомъ которой было это расширеніе предѣловъ, началась не при Іеровоамѣ, а еще со времени Іуи и Іоахаза, царствованіе которыхъ обнимаетъ собою періодъ въ 45 лѣтъ (4 Ц. 10, 32—33; 13, 7). При этихъ царяхъ война израильтянъ съ сирійцами не была успѣшна. Счастье улыбнулось израильтянамъ только при сынѣ Іоахаза, Іоасѣ, который побѣдилъ сирійскаго царя Венадада въ трехъ сраженіяхъ, по предсказанію пр. Елсея (4 Ц. 13, 14 — 23), но не поразилъ еще Сиріи до скончанія. Это славное дѣло скончанія выпало на долю сына его Іеровоама II, по глаголу Господа Бога Израилева, *ибоже глагола рукою раба своего Іоны, сына Амавіина, пророка, иже отъ Геваховера*; слѣдовательно, оно совершено было имъ еще въ началѣ своего царствованія, когда онъ не творилъ еще лукавое предъ Господомъ.—Если это такъ, то слово пр. Іоны, по которому совершилось это побѣдоносное дѣло, было изречено не при Іеровоамѣ, и тѣмъ болѣе не при концѣ его 40-лѣтняго царствованія, а раньше, если не при Іоахазѣ, то по крайней мѣрѣ при Іоасѣ; и писатель 4 кн. Царствъ, упомянувъ объ этомъ словѣ въ исторіи Іеровоама, не указываетъ здѣсь точнаго опредѣленія времени его произнесенія, а лишь рѣшительнѣе предсказаніе поставляетъ въ связь съ исполненіемъ его, что подтверждаетъ и контекстъ рѣчи. Ибо, упомянувъ о томъ, что при Іеровоамѣ II исполнилось предсказанное пр. Іоною, писатель 4 книги Царствъ указываетъ даже поводъ къ произнесенію пророчества Іоны. *Яко*

¹⁾ См. „Объ историческомъ значеніи книгъ малыхъ пророковъ“, П. Казанскаго въ прибавл. къ Тв. Св. Отцевъ 1872 г., г. 25. стр. 110—112.

видѣ Господь, говорится далѣе, *смирение Израилево горько зѣло и мало содержимыхъ и умаленныхъ и оставленныхъ и не бы помогающаго Израилю. И не глагола Господь искоренити стѣмене Израилева подъ небесемъ и спасе я рукою Героваома, сына Иоасова* (4 Ц. 14, 27). Въ такомъ бѣдственномъ положеніи народъ израильскій былъ не при Героваамѣ, а раньше. Еще при Іууѣ началъ Іегова отторгать части у Израиля и поражать его рукою Азаила, царя сирійскаго; при Иоахазѣ же царство израильское такъ страшно страдало отъ опустошительныхъ нашествій грознаго Азаила, что военная сила израильскаго царя сокрушилась до 50 всадниковъ, 10 колесницъ и 10,000 пѣшихъ воиновъ (4 Ц. 13, 1—7). И это было, по словамъ писателя кн. Царствъ, слѣдствіемъ гнѣва Божія на Израиля (3 ст.), по повелѣнію Его; ибо въ то время еще, когда Азаиль, будучи подданнымъ Венадада, посланъ былъ имъ къ пр. Елисею, послѣдній, увидѣвъ его, горько заплакалъ, говоря, что *много зла сотворитъ онъ сыномъ Израилевымъ: крепости ихъ соожжетъ огнемъ и избранная ихъ избіетъ мечемъ и младенцы ихъ разбіетъ, а во чревь имѣющія ихъ расторгнетъ*, но что все-таки Господь повелѣлъ ему помазать его (Азаила) *въ цари надъ сирійцами* (4 Ц. 8, 8—13). Естественно, что эти слова пророка Божія не остались неизвѣстными во Израилѣ и въ связи съ настоящимъ бѣдственнымъ положеніемъ дѣль при Иоахазѣ колебали духъ народа Божія, наводя его на мысль, что должно-быть Господь хочетъ въ конецъ искоренить Израиля. (Поэтому вѣроятно писатель кн. Царствъ и замѣчаетъ, показывая неосновательность этого упадка духа, что и *не глагола Господь искоренити стѣмене Израилева подъ небесемъ*; 14, 27. Ср. Иоан. 21, 22. 23). Въ такомъ положеніи оставилъ Иоахазъ царство израильское сыну своему Иоасу, и потому, когда пр. Елисей, главный провозвѣстникъ воли Божіей при Іууѣ и Иоахазѣ объ отношеніи Израиля къ сирійцамъ, сдѣлался боленъ предсмертною болѣзнію, при Иоасѣ ¹⁾, царь израильскій

---

¹⁾ Вѣроятно въ началѣ царствованія Иоаса; потому что Елисей влѣтъ былъ пр. Иліею въ спутники себѣ отъ плуга, слѣдов. совершеннолѣтнимъ, еще при Ахавѣ (3 Ц. 19, 16—21). а отъ смерти Ахава (въ 908 г.) до воцаренія Иоаса (въ 850 г.) прошло 58 г.; слѣдов. уже при воцареніи Иоаса Елисею было лѣтъ 80.

пришелъ къ нему и плакалъ надъ нимъ. Человѣкъ Божій сказалъ ему: *ты побѣдиши Сирію во Афекъ до скончанія, и велѣлъ ему битъ лукомъ по землѣ*. Царь ударилъ трижды и остановился; Елисей, разгнѣвавшись на это, сказалъ, что за это онъ побѣдитъ Сирійцевъ только трижды, а не *до скончанія*, и умеръ (4 Ц. 13, 14 — 20). Царю нуженъ былъ руководитель, который былъ бы *при немъ*, ободрялъ бы его во имя Іеговы въ его военныхъ подвигахъ съ сирійцами, досказалъ бы недосказанное Елисеемъ. Таимъ-то руководителемъ при царѣ Іоасѣ, заступившимъ мѣсто Елисея, и былъ по всей вѣроятности пр. Іона. Пророчество его о расширеніи предѣловъ израильскаго царства есть въ своемъ существѣ продолженіе и дополненіе пророчества Елисея, которое послужило для него историческимъ основаніемъ, и какъ такое, вѣроятно изречено было имъ одновременно, или даже прежде троекратной побѣды Іоаса надъ Сирійцами, слѣдовательно прежде конца его царствованія, когда онъ воевалъ уже съ Іудейскимъ царемъ (4 Цар. 14, 1. 5—14).

Итакъ можно думать, что пророкъ Іона жилъ не въ VIII, а въ IX в. и именно въ половинѣ его—при Іоасѣ, слѣдовательно онъ древнѣе Амоса и Осии галилейскихъ и Іонія іудейскаго пророковъ, которые въ свою очередь древнѣе другихъ пророковъ, оставившихъ намъ свои писанія; слѣдовательно по времени своего служенія Іона есть первый изъ пророковъ, давшихъ своими твореніями пмя цѣлому отдѣлу В. З писанія. Конечно нельзя отвергать того, что Іона жилъ и при Іеровоамѣ II; но то былъ уже конецъ жизни нашего пророка. Начало же ея, по всей справедливости, должно отнести къ царствованію Іоахаза и даже Іиуя. Если въ сохранившемся до насъ въ кн. Царствъ пророчествѣ его онъ является продолжателемъ дѣла прор. Елисея, какъ самъ Елисей былъ продолжателемъ дѣла Іили (3 Ц. 19, 15. 16; ср. 4 Ц. 8, 7—15; 9, 1—10),—одного духа съ нимъ; то нѣтъ ничего невѣроятнаго, что Іона былъ ученикомъ пр. Елисея, принадлежалъ къ той школѣ сыновъ пророческихъ, въ главѣ которой стоялъ сначала Іилиа и потомъ Елисей (4 Ц. 2, 2—6, 6, 1—8, 9, 1 и др.) ¹⁾. Въ этомъ смыслѣ пр. Іона можетъ быть названъ

¹⁾ Ср цитов. выше статью П. Каланскаго стр. 110—112.

духовнымъ сыномъ Елсея, и имѣть основаній не вѣрить іудейскому преданію о томъ, что одинъ изъ сыновъ пророческихъ, посланныхъ Елсеемъ для помазанія Іуул на царство, былъ именно Іона, тогда еще отрочищъ пророкъ (4 Ц. 9, 9—11) ¹⁾. Одинъ изъ древнихъ славянскихъ издателей толковой библии замѣчаетъ, что „блаженный Іона многа и ина пророчества прореклъ есть, но не вписуется въ се слово (т. е. въ книгу его имени). чему научихомъ же ся отъ книгъ, нареченныхъ тетравасиліонъ (т. е. Царствъ)“ ²⁾. Замѣчаніе это не безъ значенія по отношенію къ вопросу о справедливости вышешприведеннаго преданія, особенно если принять во вниманіе назначеніе и характеръ общественной дѣятельности пророческихъ школъ еврейскихъ.

Св. Димитрій Ростовскій въ житіи пр. Іоны, распростра- няя это замѣчаніе, конечно справедливое въ своемъ общемъ, говоритъ что пр. Іона, „пришедши въ возрастъ живяше „добродѣтельно, ходя во всѣхъ заповѣдехъ Господнихъ без- порочно, благоугоди же Богу толико, яко сподобиси проро- ческаго дара и пророчествова о страсти Господней, и о за- „пустеніи Іерусалима, и о кончинѣ: внигда, рече, узрять ка- „мень вопіющъ тонкимъ гласомъ и жалостнымъ и отъ дре- „ва вѣщаніе къ Богу, тогда приблизится спасеніе и пойдуть „все языцы въ Іерусалимъ на поклоненіе Господеви, будетъ „же Іерусалиму омерзѣти въ запустѣніе звѣрей и тогда при- „детъ кончина всякому дыханію“ ³⁾.—Само собою разумѣет- ся, святитель заимствовалъ это сказаніе изъ раннѣйшихъ жи- тій пророка; но вопросъ о томъ, откуда же это сказаніе въ тѣхъ житіяхъ и насколько оно достовѣрно, все же остается открытымъ. Намъ кажется, что рѣшеніе это дается сравненіемъ даннаго сказанія съ словами 14-й главы, 4—9 стиховъ книги Товита. Здѣсь престарѣлый Товитъ убѣж- даетъ сына своего Товію отправиться въ Мидію и видѣти

¹⁾ За вѣроятность этого преданія говоритъ и сходство чертъ характера того сына пророческаго—подвижнаго, пылкаго, неистоваго, какъ говорится въ вв. Царствъ, съ отличительными чертами характера пр. Іоны, о которыхъ см. ниже.

²⁾ См. изданіе славяно-русскихъ рукописей, Вл. Ундольскаго, № 18.

³⁾ См. книгу житій святыхъ, изд. К. П. Лавры. 1875 г. мѣс. Сентябрь, 2-я полов. л. 49 на обор.

изъ Ниневіи; потому что она будетъ разрушена, какъ говорилъ пр. Іона ⁴⁾, и далѣе картинно изображаетъ, какъ Іерусалимъ до времени останется пустъ и братья (іудеи) будутъ разсѣяны, какъ потомъ они, собранные Богомъ, снова построятъ Іерусалимъ и храмъ, и всѣ народы, испровергнувъ идоловъ, обратятся къ Іеговѣ, Богу Израилеву, и будутъ прославлять Его, *какъ о томъ*, прибавляетъ въ объясненіе сего Товитъ, *говорили пророки*. Сходство общей мысли и отдѣльныхъ образовъ этой рѣчи съ сказаніемъ житій очевидно. Четвертый и восьмой стихи этой рѣчи, заключающіе въ себѣ, изъ книги Іоны несомнѣнно заимствованныя, пророческія слова этого пророка, послужили вѣроятно поводомъ къ смѣшенію съ ними и остальныхъ частей рѣчи. Въ силу ли пропуска (по недосмотру), или вслѣдствіе своеобразнаго толкованія замѣчанія Товита: *какъ о томъ говорили пророки*, и всѣ остальные стихи рѣчи приняты были за продолженіе словъ пр. Іоны и въ разукрашенномъ видѣ приведены въ сказаніи Метафраста, св. Димитріемъ лишь сокращенномъ. Въ разукрашенномъ же, слѣдовательно из-

---

⁴⁾ Въ латинской библіи имени пр. Іоны въ данномъ мѣстѣ не поставлено а есть лишь ссылка на общее пророческое слово о гибели Ниневіи. Основаніемъ этого опущенія вѣроятно было съ одной стороны то, что разрушеніе Ниневіи, кромѣ пр. Іоны, весьма ясно предсказали Наумъ (3, 7) и Софонія (2, 13—15), съ другой—то соображеніе, что на пророчество-де Іоны Товитъ не могъ сослаться, потому что, по книгѣ Іоны, вслѣдствіе проповѣди этого пророка Ниневія не разорилась, а спаслась. Указывая на эти основанія, нѣкоторые предполагаютъ, что и въ греческомъ текстѣ кн. Товита, съ котораго сдѣланъ и славянскій переводъ этой книги, первоначально стояло не Ἰωνᾶς, а Ναοὺμ и что только въ послѣдствіи по ошибкѣ или недоразумѣнію переписчиковъ появилось вмѣсто Ναοὺμ Ἰωνᾶς и отсюда заключаютъ, что на это мѣсто книги Товита нельзя сослаться, какъ на свидѣтельство іудейской церкви о книгѣ Іоны. Но такое заключеніе несправедливо; основаніе его произвольное и неподтверждается ни однимъ положительнымъ свидѣтельствомъ: нѣтъ ни одной древней греческой рукописи, гдѣ бы читалось вмѣсто Ἰωνᾶς Ναοὺμ. Поэтому справедливѣе считать настоящее чтеніе Ἰωνᾶς подлиннымъ и слова Товита объяснять такъ, что онъ считалъ исполненіе пророчества Іоны о гибели Ниневіи лишь на время отложеннымъ вслѣдствіе покаянія Ниневитянъ; теперь же, когда Товитъ видѣлъ, что нечестіе Ниневитянъ возрасло до крайнихъ предѣловъ, онъ пришелъ къ убѣжденію, что прор. слово Іоны не должно пройти мимо и Ниневія должна погибнуть.

жѣненномъ видѣ это сказаніе явилось точно также, какъ и другія житія святыхъ, составленныя Метафрастомъ, всѣдствие первоначальнаго назначенія житій для вѣщанія на церковныхъ кафедрахъ; для этого обычно было истину убирать цвѣтами краснорѣчія ¹⁾.

Еще менѣе, чѣмъ о началѣ и продолженіи жизни пр. Іоны, можно сказать о концѣ жизни его и о смерти. Балметъ ²⁾ въ своемъ толкованіи говоритъ: „Псевдо-Епифаній и Псевдо-Доро-
„ея повѣствуютъ, что Іона изъ Ниневіи возвратился въ іудею,
„но, преслѣдуемый со стороны своихъ соотечественниковъ презрѣ-
„ніемъ и насмѣшками по поводу его неисполнившагося предсказанія
„о гибели Ниневіи, недолго жилъ здѣсь и вмѣстѣ съ своею
„матерью бѣжалъ въ Тиръ Финикійскій, гдѣ и умеръ, положенный
„въ гробницу судіи Кеназа“ ³⁾. Но о такой судьбѣ пр. Іоны ни-
кто болѣе не говоритъ; гораздо распространеннѣе другія преданія.
По одному изъ нихъ, Іона, исполнивши Божественное порученіе
о Ниневіи, оставался тамъ до конца своей жизни, тамъ и скон-
чался; по другому, онъ возвратился въ свой отечественный городъ
Геаахверъ, и здѣсь уже умеръ. Трудно окончательно рѣшить, на
сторонѣ котораго изъ этихъ преданій, взаимно исключающихъ себя,
правда: оба онѣ пользуются одинаковымъ довѣріемъ до сего вре-
мени; и какъ въ Мозулѣ, возлѣ Харсабада, на высокомъ холмѣ
той мѣстности, гдѣ въ 1842 г. открыты были развалины Нине-
віи, такъ и въ деревнѣ Эль-мешкадъ, по преданію на мѣстѣ древ-
няго Геаахвера, доселѣ показываютъ гробницы пр. Іоны. Объ
одной изъ нихъ, что близъ Мозуля, говорятъ западные изслѣ-
дователи развалинъ Ниневіи, а другую видѣлъ нашъ русскій
путешественникъ А. Муравьевъ ⁴⁾. Та и другая гробницы находят-

¹⁾ Нѣкто Никодимъ Сягогорець, составитель синаксарія, объясняя, по-
чему извѣстный составитель житій, Симеонъ названъ Метафрастомъ, гово-
рить: τοὺς ὁμοίους αὐτὸς πάλιν ἐμετάφρασεν εἰς ὑλικυτάτην φρασίν—т.е. со-
бравши имъ житія святыхъ онъ переложилъ на сладчайшую рѣчь. См. Си-
наксарь 9 ноября. Ср. Труды К. д. академіи 1862 г., кн. 9.

²⁾ См. его цитов. выше сочин. р. 617.

³⁾ Этотъ судья Кеназъ обозначаетъ вѣроятно Геоніида, судію израильскаго,
происходившаго отъ Кеназа (Суд. 3, 9).

⁴⁾ См. Муравьева путешеств. въ цит. выше мѣстѣ.

ся во владѣніи магометанъ, которые относятся къ нимъ съ такимъ уваженіемъ, что никто не смѣетъ войти внутрь, окружающихъ эти гробницы, часовенъ съ обутыми ногами. Впрочемъ нужно замѣтить, что преданіе о возвращеніи Іоны изъ Ниневіи въ отечество и о смерти его здѣсь уже, кажется, должно имѣть бѣльшее вѣроятіе, чѣмъ преданіе о его смерти въ Ниневіи; потому что а) оно и само по себѣ естественнѣе, и б) подтверждается свидѣтельствомъ 3 кн. Мавк., гдѣ говорится, что *Іону во чревь кита морскаго обитающаго Богъ показалъ невредими всемъ своимъ*, т.-е. соотечественникамъ. На сторонѣ этого преданія стоитъ и христіанская древность ¹⁾. Нельзя не включить наконецъ въ рядъ этихъ преданій и еще одного, доселѣ сохраняющагося въ римско-католической церкви, что св. Іона былъ однимъ изъ тѣхъ пророковъ, которые воскресли со Спасителемъ (Мѡ. 27, 52) ²⁾. Большинство преданій о пр. Іонѣ принято православною восточною церковію и включено въ службу этому пророку, память котораго празднуется 22 сентября.

Именемъ этого - то пророка Іоны и надписывается священная пророческая книга, подлежащая настоящему изслѣдованію. Что же это за книга, и каково ея содержаніе?

По объему своему она, послѣ книгъ пророковъ Авдія и Аггея, самая меньшая изъ всѣхъ каноническихъ книгъ ветхаго завѣта и заключаетъ въ себѣ лишь четыре небольшихъ главы.

Содержаніе книги таково. Іона, сынъ Амитая, получаетъ отъ Іеговы (въ слав. пер. *Господа*) повелѣніе идти въ Ниневію, городъ великій и проповѣдывать въ немъ ³⁾, что (въ слав. *яко*, въ соотвѣтствіе чему въ русскомъ, Синод. изданіи, переводѣ: *ибо*, какъ

¹⁾ См. Ефремъ Сиринъ въ бесѣдѣ его на 3, 2—3 кн. Іоны, о чемъ ниже.

²⁾ См. Comment. Cornet a lapide in Matth. XXVII, 53. Но противъ этого справедливо, основываясь на томъ преданіи, что въ моментъ смерти Спасителя распались скалы лишь около Іерусалима (Жир. Іерусал. Катих. 13), говорятъ, что тогда воскресли только тѣ, которые въ окрестностяхъ Іерусалима были погребены и недавно умерли. Ев-ліе Никодима указываетъ при этомъ на воскресеніе двухъ сыновъ Симеона Богопріимца. Ср. Послѣд. дни земн. жизни І. І. Христа, Івнокентія, 1857 г., ч. V, стр. 80.

³⁾ Въ переводѣ, представленномъ въ толкованіи пр. Палладія, стоитъ: *протить него*; но едва ли справедливо.

и въ латин. *quia*)¹⁾ злодѣянiя (въ слав. *воплъ злобы*)²⁾ взошли предъ лице Іеговы (1, 1—2). Іона вмѣсто Ниневiя идетъ въ Іопшiю и тамъ, отдавши плату за провозъ, садится на корабль, плывущiй въ Оарсисъ, чтобы бѣжать туда отъ лица Іеговы (3 ст.). Іегова посылаетъ на море ³⁾ крѣпкiй вѣтеръ; на морѣ поднимается страшная буря; корабль готовъ идти ко дну (4 ст.). Корабельщиками овладѣваетъ страхъ за свою жизнь и они обращаются съ мольбою о помощи, каждый къ своему богу; но опытные въ своемъ дѣлѣ, они не пренебрегаютъ и обыкновенными средствами спасенiя и начинаютъ выбрасывать корабельную поклажу въ море, чтобы облегчить корабль и чрезъ то спасти его и самихъ себя отъ потопленiя (5 ст.). Среди этой суматохи начальникъ корабля (въ слав. пер. *кормчiй*) сходитъ въ нижнюю внутреннюю часть его, гдѣ Іона лежалъ и спалъ крѣпкимъ сномъ. Съ крикомъ: „что хранишь ты“, будить онъ его и убѣждаетъ молиться своему Богу: не смилуется ли этотъ Богъ надъ ними (6 ст.). Когда же ничто, ни усердная молитва къ богамъ, ни обыкновенныя средства для предупрежденiя опасности, не помогли дѣлу, всѣ бывшiе на кораблѣ рѣшили бросить жребiй для отысканiя виновника бури ³⁾ и жребiй палъ на Іону (7 ст.). Всѣ обступили его съ вопросами о причинѣ бѣды, объ его занятiи, отечествѣ, народѣ, и онъ отвѣчаетъ имъ, что онъ еврей, чтитель Іеговы (въ слав. съ греч. *рабъ Господень есмь*) Бога небеснаго, сотворившаго море и сушу (8 и 9 ст.). Что это (въ русск. синод. *для чего*) ты сдѣлалъ. говорятъ они Іонѣ, послѣ того, какъ узнали отъ него, что онъ бѣжитъ отъ лица Іеговы, и, устрашенные могуществомъ Бога Іоина и не зная сами, какъ умилостивить Его, они снова обращаются къ пророку, показавшему уже предъ ними свое вѣдѣнiе волп божественной,

¹⁾ Евр. *ки* чаще, чѣмъ: *потому что*, означаетъ: *что*. какъ союзъ придаточнаго *существительнаго* предположенiя, безъ котораго главное (*проповѣдуй* = евр. *кэра*) остается безъ зависящаго дополненiя.

²⁾ Въ слав. и русскомъ переводахъ: *на морь*, т.-е. предложный падежъ на вопросъ: гдѣ; но глаголъ воздвигать (евр. *этти* — пустилъ, прогналъ), требуетъ послѣ себя винит. падежа на вопросъ: куда.

³⁾ Употребленное въ латин. переводѣ: *зачто* неточно передаетъ мысль евр. слова: *бэшалми* которое сокращено изъ буквы: *бетъ*, слова: *’ашеръ*, буквв. *ламебъ* и *и*, значить собственно: *изъ-за кого*. См. Евр.Халд. Сл. Штѣнберга.

съ мольбою, чтобы онъ самъ сказалъ имъ, что они должны сдѣлать съ нимъ, чтобы утихло море подъ ними (10 ст.) ¹⁾. Онъ предлагаетъ имъ бросить его въ море; но они не рѣшаются на это и напрягаютъ послѣднія усилія ²⁾, чтобы пристать къ берегу. Когда же эти усилія, вслѣдствіе все еще продолжавшейся бури, оказываются тщетными, они сознаютъ неизбежность совѣта пр. Іоны и бросаютъ его въ море, но предварительно воззвавъ къ Іеговѣ, чтобы Онъ не вмѣнилъ имъ въ преступленіе того, что они, не имѣющіе никакого права надъ Іоной, неповиннымъ предъ ними, рѣшаются привести въ исполненіе такой страшный приговоръ его надъ самимъ собой. И престало море отъ ярости своей (11—15 ст.). Страхъ преданнаго благоговѣнія предъ Іеговою объѣлъ корабельщиковъ, и они принесли Ему жертвы и дали обѣты (16 ст.) (въ слав. пер. *помолитася молитвами*). Этимъ замѣчаніемъ оканчивается содержаніе первой главы.

Вторая глава начинается повѣствованіемъ о томъ, что Богъ повелѣлъ большой рыбѣ (въ слав. и русск. синод. *киту большому* ³⁾) проглотить Іону, который пробылъ во чревѣ ея три дня и три ночи (2, 1 ст.). Затѣмъ излагается благодарственная пѣснь, которою молился Іона изъ чрева рыбы (2—10 ст.). Въ этой пѣсни послѣ приступа (3 ст.) Іона поэтически изображаетъ свое погруженіе въ глубину моря и тѣ душевныя волненія, которыя вызывались въ немъ этимъ событіемъ, говоритъ о томъ, какъ волны морскія проходили надъ нимъ (4 ст.), какъ морской травой опутывалась голова его, какъ воды объѣли его до самаго дыханія и смерть готова была пожрать его (6 и 7 ст.), какъ вслѣдствіе этого казалось ему, что земля потеряна для него и онъ не увидитъ болѣе святаго храма Іеговы (5 ст.), какъ потомъ встрепенулась его вѣрующая душа и онъ вспомнилъ объ Іеговѣ (8 ст.). *Чтущіе суетныхъ и ложныхъ боговъ* ⁴⁾ оставили милосердаго своего: а я гласомъ хвалы принесу Тебѣ жертву, и что обѣщавъ, исполню. *Г Іеговы спасеніе* (9—10 ст.), восторженно восклицаетъ Іона, окан-

¹⁾ Не совсѣмъ точно въ слав. *отъ насъ* и рус. синод. изд. *для насъ*.

²⁾ Въ пер. Палладія: *стали было усиливаться*, не точно; мысль подлинника ослабляется.

³⁾ О происхожденіи и достоинствѣ такого чтенія см. ниже.

⁴⁾ Это послѣднее слово въ русскомъ переводѣ лишнее противъ греч. и слав. переводовъ и евр. подлинника.

чивая свою пѣснь. *И повелѣлъ Иегова, такъ обанчивается содержаніе второй главы, рыби извергнутъ Иону на сушу* (11 ст.).

Третья глава представляетъ пр. Иону снова на судѣ. Снова приходитъ къ Ионѣ повелѣніе отъ Иеговы идти въ Ниневію и проповѣдывать въ ней, что повелѣно было проповѣдывать въ первый разъ, и Иона не бѣжитъ теперь отъ лица Иеговы, а дѣйствительно идетъ въ Ниневію, городъ великій у Бога — на три дня ходьбы (1—3 ст.). И началъ ходить пророкъ по городу, сколько можно пройти въ одинъ день, и проповѣдывалъ, говоря: „еще сорокъ дней и Ниневія будетъ разрушена (4 ст.)“ ¹⁾. Грозная и могучая проповѣдь пророка быстро облетѣла весь городъ и произвела въ немъ рѣшительное дѣйствіе. Самъ царь всталъ съ престола своего, снялъ съ себя царское одѣяніе, одѣлся во власяницу ²⁾ и сѣлъ на пеплѣ. По его примѣру и приказанію тоже было сдѣлано во всей Ниневіи: всѣ, отъ мала до велика—и люди и скоть—держали постъ, покрыты были вретischemъ и крѣпко вопіяли къ Богу о помилованіи; прежній злой путь и насиліе рукъ оставлены (5—9 ст.). И пожалѣлъ Иегова о бѣдствіи, о которомъ сказалъ, что наведетъ на Ниневитянъ и не навелъ (10 ст.).

Иона сильно огорчился этимъ, такъ начинается четвертая, послѣдняя, глава книги, и затѣмъ рассказывается, какъ ропталъ Иона на это божественное милосердіе, и какъ Иегова старался напра-

¹⁾ Въ греч., а съ него и въ славян. переводахъ поставлено *три* вмѣсто: *сорокъ* подлинника. Такого чтенія держались Оригенъ, Златоустъ, Іустинъ и др., а секта Яковитовъ въ память 3-дневнаго Ниневитскаго поста и покаянія даже держитъ 3-дневный постъ. Но уже блаж. Феодоритъ справедливо замѣтилъ, что этотъ срокъ невѣроятенъ, ибо иначе тремя днями ограничится время, въ которое и Иона обошелъ весь городъ и Ниневитяне, принеся Богу многотрудное покаяніе, сподобились отъ Него спасенія, и пророкъ, сидя у городскихъ воротъ, ожидалъ исполненія своего пророчества. Нужно думать, что LXX читали въ евр. и перевели на греческій *сорокъ*, а чтеніе *три* для произошло вѣроятно отъ погрѣшности первыхъ переписчиковъ; по нимъ же пошли и другіе (Твор. Св. От. въ русск. пер. т. XX, стр. 417). И эта погрѣшность вполнѣ естественна; поставитъ γ, употребляющуюся у грековъ для обозначенія числа три, вмѣсто ц=сорокъ, очень легко, вслѣдствіе большаго сходства этихъ буквъ по начертанію.

²⁾ Слав. *вретисще* болѣе соотвѣтствуетъ евр. слову. *саж*, которое отъ *сакак*—*текъ*, пропускалъ сквозь себя *агау*, означаетъ собственно *рыбнику*, *дерягу* и уже дальше *власяницу*, какъ въ русскомъ.

вить его на правую мысль. *Неужели это такъ сильно огорчило тебя*, спрашиваетъ Иегова Иону, когда этотъ послѣдній въ своихъ жалобахъ дошелъ до того, что сталъ просить себѣ смерти (2—4 ст.). Въмѣсто отвѣта Иона вышелъ изъ города, остановился съ восточной стороны его, сдѣлалъ тамъ себѣ кущу и сѣлъ въ ожиданіи окончательнаго рѣшенія участи Ниневіи, которая, казалось ему, еще можетъ быть погибнуть (5 ст.). Тогда Иегова произрастилъ клещевину (въ слав. и русск. синод. переводахъ: *тыква*)¹⁾, которая, поднявшись надъ головою Ионы, давала ему тѣнь своими листьями и такимъ образомъ избавляла его отъ непріятныхъ палящихъ лучей солнца, и Иона очень обрадовался этому растенію (6 ст.). Но Иегова на другой же день послѣ этого, при появленіи утренней зари, повелѣлъ червю подточить растеніе и оно засохло; а потомъ, когда взошло солнце, Онъ послалъ знойный восточный (въ слав. перев. *жуицъ*) вѣтеръ, и солнце стало палить голову Ионы до изнеможенія. Иона снова воззрѣлъ на Иегову и снова сталъ просить у Него смерти себѣ (7—9 ст.). Въ отвѣтъ на это новое огорченіе Ионы, по поводу исторіи съ клещевиной, Иегова снова наставляетъ его на правый образъ мыслей относительно Ниневіи. „*Если ты сожалѣешь*, говоритъ Онъ, *о клещевинѣ, которая была дочь ночи и какъ, дочь ночи, пропала* ²⁾, *то Милли не пожалѣть Ниневіи, города великаго, въ которомъ болѣе 120,000 немлющихъ отличитъ правой руки отъ лѣвой и множество скота*“? (10—11 ст.). Этимъ вопросомъ заключается содержаніе книги пр. Ионы.

Теперь, послѣ опредѣленія предмета изслѣдованія, послѣ того, какъ даны предварительныя свѣдѣнія о личности пр. Ионы и представлень очеркъ содержанія книги его имени, по видимому можно не только поставить вопросъ о томъ, въ чемъ же должна состоять задача изслѣдованія даннаго предмета, что въ этомъ предметѣ должно подлежать изслѣдованію, каковъ долженъ быть характеръ и направленіе этого изслѣдованія и какой путь его, — а и отвѣтить на этотъ вопросъ. Въ самомъ дѣлѣ если предметомъ изслѣдованія является библейская пророческая книга съ извѣст-

¹⁾ О неточности послѣдняго чтенія и справедливости перваго см. ниже.

²⁾ Славянскій переводъ *яже родися обношь и обношь пошибе*, свободный по формѣ, но мысля согласенъ съ евр. подлинникомъ и объясняетъ его.

нымъ историческимъ содержаніемъ, то и задача этого изслѣдованія должна быть такая же, каковая можетъ быть и относительно другихъ библ. книгъ: она опредѣляется названіемъ изслѣдованія исагогико - экзегетическимъ, или вступительно - истолковательнымъ, и состоитъ, слѣдовательно, въ томъ, чтобы представить научно-доказанную и разумно-обоснованную, исторію происхожденія книги пр. Іоны, т. е. рѣшить вопросы объ ея писателѣ, времени, мѣстѣ, поводѣ и цѣли ея написанія и, главное, объ ея источникахъ,—это съ одной стороны, а съ другой—истолковать содержаніе книги какъ въ его общемъ, такъ и въ частностяхъ, какъ съ его формальной, такъ и съ логической стороны, какъ въ его вѣшной буквѣ, такъ и въ внутреннемъ смыслѣ и значеніи, именно какъ пророческой книги. Но 1) въ этихъ словахъ не указывается основаній такого опредѣленія задачи изслѣдованія, и 2) руководясь однимъ этимъ общимъ опредѣленіемъ задачи изслѣдованія, при выполненіи ея, не трудно затеряться и запутаться въ уклоненіяхъ въ сторону, въ отступленіяхъ, оговоркахъ, вставочныхъ прибавленіяхъ, повтореніяхъ и тому подобныхъ литературныхъ и логическихъ промахахъ, и при всемъ томъ не изчерпать предмета изслѣдованія вполне — не дать отвѣта на многіе вопросы, необходимые для всесторонняго, обстоятельнаго исагогико-экзегетическаго изслѣдованія. Причина, обуславливающая возможность такого оборота дѣла и не для новичка въ научныхъ изслѣдованіяхъ, лежитъ съ одной стороны въ особенностяхъ самой книги пр. Іоны, съ другой,—въ исторіи доселѣ бывшихъ воззрѣній на нее, научныхъ и не научныхъ мнѣній о ней, словомъ въ исторіи литературы объ ней. И только послѣ знакомства съ этими особенностями книги и исторіей литературы объ ней мы можемъ ясно и опредѣленно намѣтить себѣ вѣрный и основательный путь для выполненія поставленной выше задачи изслѣдованія, выяснить себѣ этотъ путь по отношенію къ характеру, направленію и даже содержанію его. По этому объ особенностяхъ книги пр. Іоны и объ литературѣ объ ней должна быть и рѣчь наша.

И такъ какія же особенности книги пр. Іоны? Отвѣчаемъ. Другія пророческія книги по своему содержанію представляютъ изложеніе видѣній, рѣчей и символическихъ дѣйствій пророковъ только съ краткими, по большей части въ началѣ книги, историческими замѣчаніями о самомъ пророкѣ, о времени, мѣстѣ, по

водахъ къ произнесенію имъ своихъ рѣчей и видѣній и употребленію символовъ, а равно и объ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ ихъ и послѣдовавшихъ за ними. Особенно же это нужно сказать о книгахъ малыхъ пророковъ. Содержаніе книги пр. Іоны, принадлежащаго къ числу малыхъ пророковъ, представляетъ собою совершенно обратное явленіе. Она занимается не столько изложеніемъ содержанія самаго пророчества Іоны о гибели Ниневіи, которое (изложеніе) занимаетъ лишь два стиха (2 ст. 1-й гл. и 3 ст. 3 гл.), сколько повѣствованіемъ о тѣхъ историческихъ обстоятельствахъ, которыми сопровождалось произнесеніе Іоною своего пророчества, такъ что съ этой стороны книгу пр. Іоны естественнѣе, повидимому, называть исторіею пророчества Іоны, чѣмъ самымъ пророчествомъ. Не смотря на это, книга пр. Іоны въ канонѣ свщ. книгъ В. З. занимаетъ мѣсто не между историческими книгами, въ которыхъ есть не мало рассказовъ, вполне аналогичныхъ съ исторіею Іоны ¹⁾, а между пророческими. Далѣе. Самая исторія посольства пр. Іоны въ Ниневію и плодотворной проповѣди его тамъ представляетъ собою нѣчто необычайное. Иное, о чемъ говорится здѣсь, является вполне чудеснымъ и непонятнымъ: таковы—появленіе и исчезновеніе клещевины и трехдневное пребываніе Іоны во чревѣ рыбы; послѣднее, кромѣ того, находитъ для себя аналогію въ мифическихъ сказаніяхъ другихъ народовъ, напоминаетъ собою или греческій мифъ о Геркулесѣ и Гезіонѣ, или финикійскій о Персеѣ и Андромедѣ, и потому представляется, какъ будто, заимствованнымъ оттуда; иное представляется невѣроятнымъ исторически вообще: таково изображеніе величины Ниневіи и покаянія Ниневитянъ; иное—выходящимъ изъ ряда обычной еоократической дѣятельности еврейскихъ пророковъ, этихъ стражей дому Іеговы: таковъ самый фактъ посольства Іоны въ языческую Ниневію; многое, чего повидимому естественно было бы ожидать отъ точной исторіи, какъ имя ниневійскаго царя, при которомъ было описываемое въ книгѣ событіе, исторія предыдущей и послѣдующей жизни пророка, въ книгѣ опущено. Словомъ, книга пр. Іоны, отличная отъ остальныхъ пророческихъ писаній, несомнѣнъ похожа и на обыкновенную исторію.

¹⁾ || пр. 2 Ц. 7. 12. 3 Ц. 11, 29—39; 13, 1—32 и особ. 17—21 гл.—о прор. Или || 22 гл.—о ир. Михей и 4 Ц. 2—9 гл.—о пр. Елисеѣ.

Такіи особенности книги пр. Іоны, рѣзко выдѣляющія ее изъ ряда другихъ свящ. книгъ, должны были вызвать соотвѣтствующія имъ сужденія о книгѣ, и едвали столько разнообразныхъ и противорѣчивыхъ сужденій произнесено было и произносится относительно какой-либо другой книги В. Завѣта, сколько ихъ высказано объ одной этой, не большой по объему, книгѣ.

На самыхъ первыхъ страницахъ библейскаго экзегеса мы встрѣчаемся съ іудейскимъ, строго историческимъ и пророчесственнымъ пониманіемъ книги пр. Іоны, соединеннымъ съ глубокимъ уваженіемъ и почтеніемъ къ ней. Такое пониманіе высказывается въ книгахъ: Товита (14, 4—8) и третьей Маккавейской (6, 6), написанныхъ раньше втораго вѣка до Р. Хр. Изъ 1-го вѣка по Р. Хр. мы имѣемъ свидѣтельство ученаго іудейскаго священника Іосифа Флавія, который въ одной (9, гл. XI) изъ своихъ двадцати книгъ іудейскихъ древностей, написанныхъ имъ около 37 г. по Р. Хр., повѣствуя о времени жизни и объ израильской дѣятельности пр. Іоны, передаетъ подробно и содержаніе его книги, какъ подлинную исторію, написанную самимъ пророкомъ. ¹⁾ Іудей Трифонъ въ своемъ разговорѣ съ Іустиномъ мученикомъ представленъ вполне согласнымъ съ этимъ послѣднимъ въ томъ, что книга пр. Іоны есть подлинная исторія, прообразовавшая собою Іисуса Христа и Его славное воскресеніе. ²⁾ Тѣже самыя, только болѣе распространенныя, мнѣнія о нашей книгѣ высказывали и позднѣйшіе талмудисты. ³⁾ Только въ 15-мъ вѣкѣ раввинъ Исаакъ Абарбанель въ своемъ толкованіи на книгу Іоны, принимая, какъ чистый фактъ, 1—5 ст. 1-й гл., 3-ю и 4-ю главы, остальныя части книги (разсказъ о жребіи, навшемъ на Іону и трехдневномъ пребываніи Іоны во чревѣ рыбы) объяснялъ,

---

¹⁾ Въ разсказѣ его есть впрочемъ нѣкоторое отступленіе отъ текста книги Іоны; въ немъ говорится, что послѣ трехдневнаго пребыванія во чревѣ морскаго звѣря Іона изверженъ былъ невредимымъ на берегъ Понта *Евксинскаго*. Въ семь мѣстъ, испросивъ отъ Бога прощенье отъ своего согрѣшенія, пришелъ въ городъ Ниневію и, ставъ на удобномъ мѣстѣ, откуда бы всякъ слышалъ, была его проповѣдь, провозгласивъ, что скоро *Шиневитяне* лишатся своего владѣнія надъ Азною, и послѣ того возвратился въ свое отечество.

²⁾ См. памятники древней христіанской письменности въ русск. переводѣ, изд. Свящ. Преображенскаго, стр. 323—324.

³⁾ Eisenmenger, *Histor. Judenth.* § 724.

какъ сонъ пророка, видѣнный имъ на кораблѣ ¹⁾; но это воззрѣніе, какъ одинокое въ исторіи іудейскаго экзегеса, слѣдуетъ считать исключеніемъ.

Въ строго-историческомъ духѣ, съ выясненіемъ пророческаго и правоучительнаго смысла книги, понимала и толковала книгу пр. Іоны и древне-христіанская церковь. Нѣтъ сомнѣнія, что какъ чистую исторію, имѣющую пророчественно-прообразовательное значеніе, понималъ книгу пр. Іоны и І. Христосъ, какъ то ясно открывается изъ Его словъ, приведенныхъ въ 12, 39—42 и 16, 4 евангелія отъ Матѳея и въ 11, 29—32 Луки. ²⁾ Отцы и учителя древней христіанской церкви, всегда вѣрно понимавшіе, толковавшіе и раскрывавшіе слова и заповѣди Своего Господа, и въ отношеніи къ книгѣ пр. Іоны восприняли Христово пониманіе, внесли его въ символъ вѣры ³⁾ и богослужебныя книги ⁴⁾, и въ своихъ твореніяхъ развивали и раскрывали его, уже какъ несомнѣнное, не затрогивая даже въ своихъ разсужденіяхъ о книгѣ Іоны вопроса объ ея достовѣрности. Такъ по свидѣтельству Григорія Нисскаго, Ефремъ Сиринъ (+ 372), написалъ букввальное толкованіе на всю книгу пр. Іоны съ указаніемъ пророческаго смысла ея, хотя это толкованіе и не дошло до насъ, какъ и многія другія его толкованія ⁵⁾; въ замѣнъ этого намъ осталась его „Бесѣда на слова втораго и третьяго стиховъ третьей главы книги Іоны“; въ ней Св. Отецъ дѣлаетъ прекрасный психологическій анализъ всей исторіи Іоны съ нравственными вы-

¹⁾ Jonas Hebraice et Chaldaice. Cum Masora, utraque et commentariis Jarchii, Ab. Esrae, Dav. Kimchii, atque Abarbanelis edidit. I. Christiani, Lips. 1683, по цитатіи D. L. Bertholdt'a въ его Historisch—kritische Einleitung in sammtliche kanon. und apocriphisch. Schriften des Alt. u. Neuen Testamentes. 5. Bd. 2. Hälfte. 1816. § 2382.

²⁾ Анализъ и толкованіе словъ І. Христа см. ниже.

³⁾ Пятый членъ Никеоцареградскаго символа (вѣрую въ) воскресшаго въ третій день по писаніемъ, очевидно указываетъ на исторію пр. Іоны. См. простр. катехиз. о пятомъ членѣ 9-й вопр.

⁴⁾ Въ бѣльшей части каноновъ утрени ярмось шестой пѣсни восхваляетъ чудесное спасеніе Іоны во чревѣ рыбы, какъ возбуждающее насъ къ нравственному исправленію.

⁵⁾ См. прибавленіе къ Твореніямъ Св. Отцевъ, т. 6, 2-я половъ „Ефремъ Сиринъ, какъ толкователь свящ. писанія,“ стр 83—85.

водами изъ нея ¹⁾. У Св. Іоанна Златоустаго (+ 407), въ его толкованіи на Евангеліе отъ Маттея 12, 39—42, выяснено, хотя и не особенно подробно, историко-прообразовательное и правоучительное значеніе проповѣди Іоны въ Ниневіи ²⁾. Зеновъ Веронскій въ своемъ размышленіи объ Іонѣ послѣ краткаго изложенія содержанія книги говоритъ точно также о прообразовательномъ и правоучительномъ значеніи ея ³⁾. Блаж. Іеронимъ Стридонскій (+ 419) вмѣстѣ со множествомъ другихъ толкованій написалъ толкованіе и на книгу пр. Іоны. Въ этомъ толкованіи, при небольшомъ объемѣ его, полно и отчетливо разъясненъ историческій-буквальный и пророческій-прообразовательный смыслъ книги пр. Іоны ⁴⁾. Есть толкованіе на книгу пр. Іоны и у Св. Кирилла Александрійскаго (+ 444) ⁵⁾. Блаж. Θεодоритъ, еп. Кипрскій (+ 457), точно также написалъ толкованіе на нашу книгу, которое представляетъ собою немногословное парафрастическое объясненіе буквального историческаго смысла содержанія книги ⁶⁾. Только у бл. Августина Иппонійскаго въ его письмѣ къ Астерію ⁷⁾, и изъ XI в. у Θεофилакта, еп. Болгарскаго (+ ок. 1085), въ его *enarratio in Iona m proph.*, представляющемъ собою нѣсколько видоизмѣненное соображеніе древлеотеческихъ толкованій, на ряду съ выясненіемъ положительнаго смысла содержанія книги пр. Іоны встрѣчаются и нѣкоторыя разсужденія объ исторической достовѣрности ея. Разсужденія ихъ касаются

¹⁾ См. Творенія Св. Отцевъ въ русскомъ переводѣ т. XVIII, ч. 6, стр. 247—289.

²⁾ См. его толкованіе на Евангеліе отъ Маттея, ч. 2, бесѣда 43. Въ бесѣдахъ же его на разныя мѣста Св. Писанія, переведенныхъ въ Христ. чтеніи за 1861 г. Т. 1, стр. 420—570, заключается введеніе въ ветхій заветъ вообще и въ каждую книгу его въ отдѣльности, слѣд. и въ книгу пр. Іоны. Таковое же введеніе есть и въ снописцѣ, приписываемомъ, Аванасію В. и переведенномъ въ Христ. чтеніи 1841 г. Т. 4.

³⁾ См. Христ. чтеніе 1843 г. ч. 2. стр. 378—387.

⁴⁾ См. исторію жизни бл. Іеронима приложенную къ твореніямъ его, на русскомъ языкѣ издававшимся при Труд. Киев. Дух. Академіи. Ср. *Cursus Compl.* Т. 70. *Operum Hieron.* Т. VI.

⁵⁾ Въ *Patrol. curs. compl.* Т. 72.

⁶⁾ Въ Твореніяхъ Св. Отцевъ русск. переводѣ Т. XXIX, ч. 4. стр. 394—412.

⁷⁾ См. *Operum* его Т. II. *Opera et studio Monachor. ordinis Sancti Benedicti e Congregatione S. Mauri.* Ed. nov. Antverp. 1709. Ep. CII.

собственно чуда трехдневнаго пребыванія Іоны во чревѣ рыбы и появленія и исчезновенія клещевины.

Указанія апологетико-полемическія разсужденія и замѣчанія Августина и Теофилакта конечно для насъ важны не по своимъ внутреннимъ достоинствамъ, которыхъ и нельзя требовать отъ нихъ, какъ отъ первыхъ критическихъ опытовъ, но потому, что они направлены противъ языческихъ нападеній на историческую достовѣрность этихъ фактовъ и, какъ такія, показываютъ намъ первый зародышъ отрицательнаго отношенія къ книгѣ пр. Іоны именно въ язычествѣ. Западные Богословы первымъ противникомъ книги пр. Іоны называютъ языческаго сатирическаго писателя III в. Лукіана Самосатскаго, утверждая, что вѣроятно исторія морскихъ приключеній съ Іоной въ иронически-отрицательномъ тонѣ передѣлана имъ въ исторію о фаятонѣ, плавающимъ въ морѣ. ¹⁾ По свидѣтельству бл. Августина, языческій философъ Порфирій (неоплатоникъ † 304) и многіе другіе изъ того же языческаго лагеря съ насмѣшкою и отрицаніемъ говорили объ указанныхъ фактахъ, какъ о чемъ-то невѣроятномъ (*ἀπίθανον*) ²⁾; то же самое возраженіе приводитъ и разбираетъ и бл. Теофилактъ, говоря, что то чудо грекамъ, особенно вышедшимъ изъ школы, кажется превосходящимъ всякую вѣру ³⁾.

¹⁾ Ἰωνῆς ἱστορίας λόγος πρῶτος, 30—40. Luciani Sam. opera ex recognitione Car. Iakobitz. Vol. 2. Lipsiae 1877; ср. Pavernick, Handbuch der historisch-kritischen Einleitung in das A. Test. 2 Thl. 2 Abthl. 1844. s. 243.—A. Scholz, Einleitung in die heilig. Schriften des A. und N. Test. 3 Thl. § 189.—Keil, Lehrbuch der. hist. kritisch. Einleit. in d. kanon. und apokryph. Schriften A. Test. 2 Aufl. 1859. S 291. Кромѣ Лукіана и Порфирія вѣроятно нападали на подлинность книги пр. Іоны и Цельсъ въ своемъ истинномъ словѣ къ христіанамъ и Импер. Юліанъ, не оставившіе безъ возраженій ничего чудеснаго въ библіи.

²⁾ Вотъ подлинныя слова Августина объ этомъ въ цитов. выше мѣстѣ его сочиненія: „*l'ostrema quaesitio proposita est de Iona, nec ipsa quasi ex Porphirio, sed tanquam ex irrisione paganorum, sic enim proposita est: „Deinde quid sentire, inquit, debemus de Iona, qui dicitur in ventre ceti triduo fuisse, quod ἀπίθανον est et incredibile, transvoratum cum veste hominem fuisse in corde piscis. Aut si figura est, hanc dignaberis pandere. Deinde quid sibi etiam illud vult, supra evomitum Ionam cucurbitam natam, quid causae fuit, ut haec nasceretur.“* Hoc enim genus quaestionis multo cachinno a paganis graviter irrisum animadverti.“

³⁾ Въ цитов. выше сочиненія говорить „*Devoratur ergo a ceto Ionas, tresque dies ac totidem noctes in eo permanet vates, quae res omnem accedere*

Правда со смертію язычества умерло на время и это отрицательное отношеніе къ книгѣ пр. Іоны; но вмѣстѣ съ тѣмъ прекратились и положительныя изслѣдованія объ ней отцевъ и учителей церкви. Изъ вѣковъ упадка духовнаго просвѣщенія и схоластики (отъ VI до XVI) не осталось ни одного самостоятельнаго изслѣдованія, какъ о другихъ священныхъ книгахъ, такъ и о книгѣ пр. Іоны; тутъ были только глоссы и схоліи — своды отеческихъ толкованій, повтореніе того, что было сказано прежде и что въ лучшемъ видѣ можно усматривать у бл. Феофилакта. Съ XVI вѣка, времени возрожденія духовнаго просвѣщенія на западѣ, въ библейскомъ экзегесѣ на ряду съ положительнымъ выясненіемъ буквального и таинственнаго смысла содержанія свящ. книгъ, какъ законныя и необходимыя части экзегеса, выступаютъ и раціонально-критическія изслѣдованія объ этихъ книгахъ — объ ихъ подлинности, происхожденіи и значеніи; на ряду съ экзегетикой является и исагогика, и это какъ по отношенію ко всей библии вообще, такъ въ частности и по отношенію къ книгѣ пр. Іоны. Уже Лютеръ говорилъ: „очень полезно для пониманія пророческой книги узнавать время и мѣсто ея происхожденія, личность писателя и современную исторію“, и въ своихъ сочиненіяхъ потомъ критически рѣшалъ и исагогическіе вопросы о происхожденіи книги пр. Іоны, о пребываніи пр. Іоны во чревѣ рыбы, о времени его жизни и др. ¹⁾ Изъ писателей, послѣ Лютера и по его примѣру критически-раціональнымъ путемъ изслѣдовавшихъ книгу пр. Іоны, можно указать на Пфейфера ²⁾, Герардта ³⁾, Кокцейюса ⁴⁾, Карпцовія ⁵⁾ Кальмета (катол. бенедектин. монаха + 1757) ⁶⁾, и др. Въ ихъ твореніяхъ уже не одно толкованіе тек-

---

fidem audientibus videtur, maxime iis, qui a Graecorum scholis sapienteque doctrina ad hanc, historiam accedunt.“

¹⁾ См. Theologisch. homiletisches Bibelwerk. Die heil. Schriften A. u. N. Test. von Lange T. XIX, 5. 20—22.

²⁾ См. A. Pfeiffer's Praelectiones in Prophet. Ion. Viteb 1671.

³⁾ См. I. Gerhardt Adnotat. in lib. Amos et Iona. Ien. 1676

⁴⁾ См. Coccejus Op. T. III. Francf. ad M. 1689. Commentarium in Ionam.

⁵⁾ См. его выше цитов. сочин.

⁶⁾ См. его выше цитов. сочин.

ста книги Іоны, а и разсужденія о подлинности ея, о личности писателя, времени и цѣли ея написанія приведены, систематизированы и въ своемъ родѣ научно обоснованы, хотя и не у всѣхъ одинаково полно, и у всѣхъ далеко несовершенно.

Огличительнымъ характеромъ всѣхъ этихъ и католическихъ и даже протестантскихъ писателей о книгѣ пр. Іоны было все еще ортодоксальное направленіе; потому что какъ ни много произвольнаго протеста внесено было въ церковное ученіе Лютеромъ и ему подобными, самое понятіе о богодухновенности библии не было еще подвергнуто отрицательной критикѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ не могло быть и стремленій объяснить библейскія сказанія вопреки тому, чгò дается буквой ихъ. Отсюда и въ отношеніи къ книгѣ пр. Іоны изслѣдователи старались только показать, что въ разсказанномъ ею событіи нѣтъ никакихъ подробностей, которыя можно было бы считать не за истинную исторію. Но нельзя не замѣтить, что уже самъ Лютеръ довольно свободно толковалъ напр. фактъ трехдневнаго пребыванія Іоны во чревѣ рыбы. Правда изъ этого періода времени отъ Лютера до начала XVIII в. мы знаемъ одну только попытку объяснить книгу пр. Іоны не какъ историческую: это — попытка Германа фонъ-деръ-Гардта, который исторію пр. Іоны рассматривалъ, какъ аллегорическое изображеніе жизни и дѣятельности іудейскихъ царей Манассин и Іосин ¹⁾). Правда и

---

¹⁾ Онъ написалъ нѣсколько сочиненій о книгѣ пр. Іоны, въ которыхъ въ сущности проводилъ одинъ и тотъ же взглядъ на нее, но постепенно развивалъ и видоизмѣнял его въ частностяхъ, такъ что его первое объясненіе не совсемъ похоже на послѣднее. Первое сочиненіе его *Jonas in Carcharia. Helmst. 1718*, затѣмъ: *Jonas sub sillicyrgio. 1719*, возраженія, сдѣланныя ему на это сочиненіе, дали поводъ къ изданію имъ въ томъ же году *Programma de rebus Ioniae*; скоро послѣ этого явилась: *aenigmata Ioniae ex vetusto hebraicorum fontium stilo et profundis ultimae antiquitatis recessibus publica recensione tentata*; наконецъ въ 1723 году Гардтъ сказалъ свое послѣднее слово о книгѣ пр. Іоны въ сочиненіи: *aenigmata prisici orbis Ioniae in luce in historia Manassis et Josiae.*—Свѣдѣнія о Гардтѣ и его сочиненіяхъ подробно см. въ цитов. уже бибельверкѣ Ланге и у Фридрихсена въ цитов. также его сочиненіи стр. 2, 80—86, гдѣ приведено и содержаніе сочиненій Гардта, указаны и возражатели противъ нихъ, словомъ вся исторія его мнѣнія. Между прочимъ—въ числѣ возражателей противъ Гардта былъ и упомянутый выше Карпцовій, который высказалъ свои замѣчанія противъ него въ своемъ *introd. p. 349 и д.*

то, что противъ объясненій Гардта раздавались возраженія и вообще онъ очень мало нашель себѣ сочувствія въ современномъ ему обществѣ, такъ что противъ его послѣдняго сочиненія изданъ даже былъ приговоръ, по которому ему запрещено было чтеніе экзегетическихъ лекцій и самъ онъ оштрафованъ былъ 100 гульденами. Но, къ сожалѣнію нужно сказать, все это было лишь послѣднее усиліе ортодоксальнаго запада отстоять свои воззрѣнія на книгу пр. Іоны; самая настойчивость, съ которою Гардтъ отстаивалъ свое объясненіе, ясно свидѣтельствуесть, что на христіанскомъ западѣ и особенно въ протестантскомъ мірѣ таплись уже зачатки иного направленія богословской мысли, зачатки, положенные самимъ Лютеромъ.

Съ середины прошедшаго столѣтія, подъ вліяніемъ различныхъ философскихъ направленій антихристіанскаго и вообще антирелигіознаго характера, на западѣ вполнѣ развилось и окрѣпло отрицательное направленіе въ области богословія вообще, и въ отношеніи къ библейскимъ книгамъ въ частности. Отрицательная критика отвергла прежде всего богодухновенность священныхъ книгъ и стала трактовать ихъ на равнѣ съ памятникамъ языческой классической литературы; затѣмъ, отвергнувъ все чудесное въ этихъ книгахъ, она оставила въ нихъ одно естественное, возможное съ ея точки зрѣнія, усумнилась въ исторической достовѣрности ихъ повѣствованій и построила тысячи гипотезъ и теорій для объясненія ихъ происхожденія, сущности и значенія. Этой участи на равнѣ съ другими книгами Писанія не избѣжала и книга пр. Іоны.

Отказавъ книгѣ Іоны въ ея пророческомъ значеніи, богословы запада и особенно протестантскіе стали разсматривать ея, какъ простую исторію, имѣющую временное и частное значеніе, и въ своихъ изслѣдованіяхъ объ ней поставили главною задачею своею рѣшеніе вопроса объ исторической подлинности и достовѣрности книги, подчинивъ ему всѣ остальные псагогическіе вопросы, или опутивъ ихъ, какъ не нужные. Всѣ усилія такихъ критиковъ направились къ тому, чтобы отвергнуть эту историческую достовѣрность книги пр. Іоны, и едва ли остались въ ней хотя одинъ образъ, хотя одинъ фактъ, хотя одно слово, о которыхъ не говорили бы, какъ о чемъ-то или невѣроятномъ, или несестественномъ, или невозможномъ, или несправедливомъ—сло-

вомъ неподлинномъ. Какъ таковыя, были отвергнуты и перетолкованы и изображеніе трехдневнаго пребыванія пророка во чревѣ рыбы и повѣствованія о клещевинѣ и о чрезмѣрномъ успѣхѣ проповѣди Іоны въ Ниневіи, и изображеніе величины Ниневіи и покаянія Ниневитянъ, и молитва пр. Іоны, характеръ ея, поведеніе корабельщиковъ и пр. и пр. При этомъ отсутствіе свидѣтельствъ о книгѣ пр. Іоны въ раннихъ и ближе подходящихъ къ вѣку Іоны священныхъ еврейскихъ книгахъ и ассирійскихъ клинообразныхъ писаніяхъ, ея языкъ, слогъ, основная идея ея, ея характеръ и направленіе, наконецъ самая краткость и историческая, будто бы, неполнота книги—все это и многое другое обращено было въ доказательство исторической неподлинности нашей книги. Такъ дѣло было на западѣ въ прошедшемъ и началѣ настоящаго столѣтія; такъ осталось оно тамъ и до сего дня.

Впрочемъ сходясь въ общемъ и главномъ, представители отрицательной критики расходились и расходятся между собою въ частностяхъ—въ построеніи своихъ положительныхъ выводовъ о сущности, характерѣ, происхожденіи и времени написанія книги Іоны. Частностей этихъ много и они разнообразны. Собственно говоря, множество именъ и книгъ, съ которыми мы встрѣчаемся при обзорѣ отрицательной литературы о книгѣ пр. Іоны середины прошедшаго и начала настоящаго вѣка не можетъ служить мѣриломъ количества различныхъ отрицательныхъ гипотезъ и мнѣній о книгѣ Іоны; ибо это разнообразіе гипотезъ и мнѣній относится собственно къ первому времени этого вѣковаго періода; позднѣйшіе же писатели по большей части примыкали и примыкаютъ къ тому или другому изъ ранѣйшихъ, дополняя и исправляя его и такимъ образомъ лишь отчасти видоизмѣняя. Самое разнообразіе отрицательныхъ гипотезъ и теорій не такъ велико; всѣ ихъ можно раздѣлить на два рода: на гипотезы или теоріи вымысла и гипотезы мифа или легенды; каждый изъ этихъ родовъ имѣетъ въпрочемъ свои виды. Все же нельзя не подивиться обилію и силѣ отрицательныхъ воззрѣній на книгу пр. Іоны. Вотъ факты.

Въ 50-хъ годахъ прошедшаго столѣтія явились изслѣдованія Лессинга о басняхъ вообще и въ частности о басняхъ Эзопа, какъ о вымышленныхъ разсказахъ, искусно олицетворяющихъ собою какія-либо нравственныя, или практическія положенія.

Духъ времени, склонявшійся болѣе къ морали и мистицизму, былъ причиною того, что современники Лессинга съ восторгомъ отвесились къ его идеямъ. И вотъ прошло едва 10 лѣтъ послѣ появленія его твореній, какъ появилось сочиненіе Д. Землера, въ которомъ онъ на ряду съ другими книгами писанія изслѣдовалъ и книгу пр. Іоны, доказывая, что она есть вполне вымышленный разсказъ (басня), придуманный неизвестно кѣмъ въ послѣднѣе время для выясненія того моральнаго положенія, что Іегова не объ однихъ іудеяхъ печется, а распространяетъ Свое божественное промыслительное дѣйствіе и на другіе народы¹⁾. Это воззрѣніе скоро нашло себѣ подражателей, рядъ которыхъ продолжается до нашихъ дней и которые отличаются отъ Землера и различаются между собою только тѣмъ, что предполагаютъ другія моральныя положенія книги; такъ что Землера можно назвать родоначальникомъ воззрѣнія на книгу Іоны, какъ на вымысль. Спусти 10 лѣтъ послѣ Землера то же самое о книгѣ пр. Іоны высказалъ А. Пимейеръ, стараясь лишь доказать въ своемъ изслѣдованіи, что главное моральное положеніе книги то, что пути божественнаго промысленія и мысли божественной воли отличны отъ путей и мыслей человѣческихъ²⁾. Въ 1793 же году Гедель, поправляя и дополняя Пимейера, выставилъ, какъ такое положеніе книги, ту мысль, что какъ ни непріятно и ни опасно пророческое званіе, отъ него не должно бѣгать, потому что Богъ всемогущъ и премудръ³⁾. Но Гердеру этотъ вымысль есть живое изображеніе тѣхъ недостатковъ, которыхъ могутъбыть не чужды и пророки⁴⁾. Одновременно

¹⁾ См. I. S. Semleri Apparatus ad liberalem veteris Testamenti interpretationem. Hallae, Magdb. 1773. Lib. 1, cap V, p. 269 sq.

²⁾ См. Charakteristick der Bibel von Aug. H. Niemeyer. Thl 5. 1782. S. 392 u. w.

³⁾ См. Die Bibel des Alten und Neuen Testamentes mit vollständig erklärenden Anmerkungen von W. Fr. Hezel. Thl. 7, 2 Aufl. 1793. S. 153 u. w.

⁴⁾ См. Joh. Gottfr Herders Briefe über das Studium der Theologie betreffend 2 Aufl Weimar 1786 S. 136 u. w. ср. въ Magazin für Religions 1792 Bd. 2. его же Prophet Ionas Не вполнѣ развитое Гердеромъ со стороны указанія исторической причины, по которой нужно было выясненіе такого положенія, его воззрѣніе уже въ 1838 г. было повторено и дополнено Кестеромъ, по которому книга пр. Іоны, какъ правоучительный вымысль, должна была устранить сомнѣвія, высказывавшіяся послѣ ея относительно

съ Гердеромъ и Нимейеромъ высказались за это воззрѣніе Михаэлисъ и Ёйхгорнъ, выставивъ, какъ основное положеніе, выведенное въ вымышленномъ будто-бы разсказѣ объ Іонѣ, одну и ту же мысль, что Богъ прощаетъ не іудеевъ только, а и язычниковъ, которые въ нравственномъ отношеніи лучше іудеевъ, такъ презрительно относящихся къ нимъ ¹⁾. Въ 1815 г. явилось сочиненіе Гривингера, въ которомъ онъ доказывалъ, что разсказъ книги пр. Іоны, какъ чистый вымыселъ, придуманъ какимъ-либо евреемъ во время ассирійскаго плѣна для того, чтобы дать знать Ассиріянамъ, что они остались живы только благодаря проповѣди у нихъ еврейскаго пророка ²⁾. Согласно, или почти согласно, съ Михаэлисомъ и Ёйхгорномъ высказались Бѣме въ 1836 г. ³⁾ и Іагеръ въ 1840 г.; какъ особенность воззрѣнія Іагера, можно выставить лишь то, что по нему книга написана пр. Іезекилемъ ⁴⁾. Въ 1838 г. Гитцигъ, выходя изъ того положенія, что книга пр. Іоны написана въ Египтѣ во времена Маккавеевъ, по поводу неисполнявшагося предсказанія Авдіа объ истребленіи иноплемениковъ, назвалъ ее вымысломъ, придуманнымъ для оправданія Іеговы отъ насмѣшекъ язычниковъ касательно причинъ неисполненія предсказанія Его пророка ⁵⁾. Это воззрѣніе имѣетъ своихъ представителей и въ новѣйшее время въ лицѣ Влѣка, Реусса и Нельдеке. Особенность воззрѣнія этихъ новѣйшихъ защитниковъ вымышленнаго пониманія книги пр. Іоны та, что вмѣсто обычнаго прежде въ отношеніи къ нашей книгѣ термина: „басня“ или „парабола“,

---

справедливости пророческихъ угрозъ. См. Die Propheten, von Fr Bern. Köster. 1838. S. 118 u. w.

¹⁾ См. Deutsche Übersetzung des Alt. Testaments mit Anmerkungen für Angelehrte von I. D. Michaelis. 1782. Thl. II. S. 106 u. w. и Einleitung in das Alte Testament von I. G. Eichhorn. 4 Bd 1 Ausg. 1824. § 578.

²⁾ См. Neue Ansicht der Aufsätze in Buche Daniel von G. Fr. Griesinger. Stnttg. u Tubing. 1815, S. 71—73.

³⁾ Въ Zeitschrift für die histor. Theologie, herausgeb. von Chr Ilgen. 1836. 6 Bd. S 195—280, 1 St. Über das Buch Jonas von Ghr. Fr. Böhme

⁴⁾ См. Pr Iagers Ueber den sittlich-religiösen Endzweck des Buchs Jonah, über die Zeit seiner Abfassung und über der Grund seiner Stellung in Kanon des Alt. Testaments, въ Tübing. Zeitschrift für Theologie 1840. S. 61-167

⁵⁾ См. Kurzgefasstes exegetisches Handbuch zum A. Testament. 1 Lieferung. Die kleinen Propheten, von F. Hitzig Leipz. 1838 S 359—372.

Блэкъ называетъ ее просто моральнымъ вымысломъ, Реуссъ и Нельдеке—тенденціознымъ романомъ ¹⁾. Кромѣ того Блэкъ, не оставляя нерѣшеннымъ вопроса о первоисточникѣ образовъ книга пр. Іоны, почему они именно такіе, а не иные, склоненъ видѣть въ нихъ живые современные составителю книги типы. „Книга написана, говоритъ онъ, скорѣе въ Іудей, чѣмъ въ Вавилонъ, какъ думаетъ Крамеръ, хотя подь образомъ Ниневіи и изображень Вавилонъ“. Въ этомъ отношеніи воззрѣніе Блэка болѣе напоминаетъ собою воззрѣніе Крамера, который видоизмѣнилъ землеровское пониманіе книги пр. Іоны въ томъ смыслѣ, что она есть аллегорическое изображеніе современнаго составителю общества ²⁾.

Такъ посчастливилось строго — землеровскому воззрѣнію на книгу Іоны, какъ на вымысль; не такая судьба постигла другіе виды этого воззрѣнія, нѣсколько уклонившіяся отъ своего прототипа. Однимъ изъ этихъ видоизмѣненій было мнѣніе, по которому книга Іоны есть символическая басня или притча, предложенная самимъ Іоной, и которое первымъ высказалъ Штейдлинъ. Выходя изъ того положенія, что символическія дѣйствія пророковъ суть дѣйствія вымышленныя, онъ говорилъ, что такое вымышленное символическое дѣйствіе описано самимъ пр. Іоной и въ его книгѣ, и что Іона написалъ это для того, чтобы научить, что послушаніе Богу и исправленіе влекутъ за собою прощеніе грѣховъ, а непослушаніе—наказаніе ³⁾. Спустя три года послѣ Штейдлина, то же самое воззрѣніе на книгу пр. Іоны высказалъ Павлюсъ ⁴⁾, затѣмъ Брюно-Бауеръ и отчасти Пареау, который хотя и предполагалъ историческую основу книги, но въ общемъ считалъ ее вымысломъ, составленнымъ Іоной

¹⁾ См. *Einleitung in d. Alt. Testament von Fr. Bleck. Berlin. 1860. S. 569—577*; въ *Bibel-Lexikon D. Schenkel S. 365—391, St. Ionas von Reusz*; *Die Alttestamentliche Litteratur in einer Reihe von Aufsätzen dargestellt von Th. Noldecke. Leipz. 1868. S. 71 u. w.*

²⁾ Рѣчь о воззрѣніи Крамера будетъ ниже.

³⁾ См. въ *Neue Beiträgen zur Erläuterung der bibl. Propheten. Gotting. 1791, s. 224 u. w. Über die symbolischen Handlungen der Propheten—G. Fr. Staudlin.*

⁴⁾ См. въ *H. E. Paulus Memorabilien. Leipz. 1794. 6 st. S. 58 u. w.,* его статью. *Über den Zweck der parabel Ionah.*

для выясненія того, что Іегова не Іудеевъ только Богъ, а и язычникъ ¹⁾.—Наконецъ Бляше, одновременно съ Нимейеромъ высказавшій свое воззрѣніе на книгу пр. Іоны, какъ на вымысль, составленный самимъ пр. Іоною, только объяснивъ его не какъ параболу или басню, а какъ видѣніе, которое пророкъ созерцалъ въ экстазѣ, былъ первымъ и послѣднимъ представителемъ уже третьяго видоизмѣненія земмлеровской гипотезы вымысла ²⁾.

Тѣ же въ сущности мотивы, изъ которыхъ вытекали воззрѣнія Штейдлина, Павлюса и Бляше, именно сознаніе недостаточности и неполноты Земмлеровскаго взгляда на книгу пр. Іоны при согласіи съ нимъ въ обще-отрицательномъ отношеніи къ ней, послужили основаніемъ новому роду воззрѣнія на нашу книгу, не какъ на подлинную исторію, но и не въ смыслѣ чистаго вымысла безъ всякихъ историческихъ основоположеній, а какъ на миѳъ, или легенду, въ основѣ имѣющую историческое зерно, которое путемъ преданія, переходя изъ рода въ родъ, развивалось, пополнялось и видоизмѣнялось, пока не получило чудесной окраски и не было записано какимъ либо позднѣйшимъ евреемъ. Этотъ родъ пониманія книги также, какъ и предыдущій, представляетъ нѣсколько развѣтвленій, взаимныя различія которыхъ касаются или историческихъ данныхъ, лежащихъ въ основѣ разсказа, или условія и способа ихъ распространенія и развитія въ настоящій видъ.

Первымъ по времени представителемъ миѳическаго воззрѣнія на нашу книгу былъ Таддей въ 80-хъ годахъ прошедшаго столѣтія. Рѣшаясь совсѣмъ отвергнуть буквѣ Писанія по примѣру Землера, но не соглашаясь вполнѣ и съ нимъ, онъ говорилъ о книгѣ пр. Іоны, что вообще въ основаніи ея лежитъ истинная исторія, которая какимъ либо-евреемъ въ позднѣйшія времена

¹⁾ См. Bruno-Bauer's Die Religion des Alten Testaments in der geschichtlichen Entwickelung ihrer Principien dargestellt. Bd. II. 1886. S. 301 u. w.

²⁾ См. I. H. Pareau, Institutio interpret. veteris Testamenti. 1822. p. 534 etc. ср. Rosenmulleri Prophetae minores annotatione perpetua illustrati vol. 11. ed. 2. 1827 p. 340 etc.

³⁾ Systematischer Commentar uber den Brief an die Hebraer ingleichen uber messianische Weissagungen der Prophet. Iesaias, Ieremias, Ezechiel. Hosias, Ioel, Ionas, Haggai, Zacharias, Malachi, von I. C. Blasche. Leipz. 1782. Thl. 2. S. 756 u. w.

украшена чудесными подробностями ¹⁾. Вполнѣ согласно съ Таддеемъ высказался о книгѣ пр. Іоны нѣкто Аммонъ ²⁾. Спустя три года послѣ появленія сочиненія Таддея, Гриммъ въ своихъ примѣчаніяхъ къ книгѣ пр. Іоны горячо доказывалъ, что писатель ея—какой либо израильтянинъ, жившій во время плѣна въ Вавилонѣ, записавшій въ ней народное преданіе объ Іонѣ; въ этомъ преданіи, отъ долгаго времени забылось, что Іона во время своего морскаго путешествія лишь во снѣ видѣлъ, какъ его бросили въ море и тамъ его проглотила рыба, и забытое принято было за случившееся съ нимъ на самомъ дѣлѣ; такъ оно и записано теперь въ 1, 6—2, 11 нашей книги ³⁾. Въ сущности согласно съ мнѣніемъ Гримма, только гораздо сложнѣе и искусственнѣе его, мнѣніе Зонненмайера ⁴⁾. На преданіе, какъ на источникъ чудесныхъ подробностей подлинной исторіи Іоны, ссылаясь далѣе Пальмеръ ⁵⁾.

По всѣмъ указаннымъ возрѣніямъ въ основѣ книги пр. Іоны лежитъ больше, чѣмъ историческое зерно; но были и такіе представители миѣческаго пониманія книги, которые уменьшали это зерно до minimum'a. Таковъ Ейхгорнъ, который, высказавшись за теорію вымысла, какъ будто, не прочь былъ предполагать въ основѣ книги и что-либо дѣйствительно бывшее (точно чтò, неизвѣстно), путемъ преданія совершенно измѣнившееся и искажившееся; какъ особенность этого колеблющагося мнѣнія должно выставить предположеніе Ейхгорна о морально-дидактической цѣли записи преданія; слѣдовательно, по нему, составитель книги пр. Іоны не просто копистъ, а редакторъ-исправитель, нѣчто конечно измѣнившій въ преданіи сообразно съ сво-

¹⁾ См. Die Sendungsgechichte des Proph. Iona kritisch untersucht und von Widersprüchen gerettet von Taddaus 1786.

²⁾ См. Entwurf einer Christologie des Alt. Testamentes von Chph. Fr. Ammon. Erlang. 1794. S 129 u. w.

³⁾ См. Der Prophet Ionas auf's Neue übersetzt und mit erklärend Anmerkungen herausgegeben von H. A. Grimm. 1789. S 59 u. w.

⁴⁾ См. Meine Ansicht der Stelle Mth. 12, 48—35 von Sonnenmayer въ I. Chr. W. Augustis Theologischer Monatschrift 1802 Bd 1, Hft 4. № 3 S. 255 u. w.

⁵⁾ См. Über Ionas im Wollfisch von Pr. Palmer въ Archiv zur Vervollkommung des Bibelstudiums herausgeb. von I. L. Scherer Bd I 1801, S. 93 u. w.

ими цѣлями ¹⁾. Согласно съ Ейхгорномъ, только съ предположеніемъ другаго моральнаго положенія высказались Мюллеръ ²⁾ и изъ новѣйшихъ Леберехтъ де-Ветте ³⁾ и Евальдъ ⁴⁾; впрочемъ де-Ветте говоритъ, что трудно доказать все такъ дѣйствительность исторической основы, а Евальдъ утверждаетъ, что такой основой была жизнь пр. Іоны, вѣроятно полная великихъ событій, и относитъ книгу его къ литературѣ аналогичной, будтобы, съ арабской сказочной литературой.

Новыя видоизмѣненія мнѣнскаго воззрѣнія на книгу пр. Іоны представляютъ собою воззрѣнія Нахтигала ⁵⁾ и Бунзена ⁶⁾. Между тѣмъ какъ доселѣ указанные ученые въ качествѣ основы книги предполагали факты; по мнѣнію этихъ богослововъ историческимъ субстратомъ книги пр. Іоны была пѣснь, воспѣтая имъ послѣ спасенія отъ морской опасности, въ преданіи видоизмѣненная и обставленная историческими чудесными подробностями, которою и воспользовался позднѣйшій составитель для моральныхъ цѣлей; только Нахтигаль между послѣдней редакціей книги и ея первоисторическимъ субстратомъ полагаетъ еще третью редакцію, которой принадлежатъ третья и четвертая главы книги, написанныя кѣмъ либо во время плѣна въ дополненіе къ пѣсни.

Всѣ указанныя воззрѣнія на книгу пр. Іоны по теоріи мифа или легенды, при видимыхъ немаловажныхъ взаимныхъ различіяхъ относительно какъ исторической основы книги, такъ и способа и условія ея видоизмѣненія въ настоящій видъ, очевидно, имѣютъ между собою то общее, что не впадаютъ въ исторію происхожденія книги пр. Іоны ничего виѣврейскаго. Но есть цѣлый рядъ ученыхъ, которые, отыскивая источники происхожденія этого, якобы, мифа, не ограничиваются исторіей и ду-

---

¹⁾ См. его выше цитов сочиненіе § 577.

²⁾ См. *Jonas, eine moralische Erzählung*—von I. S. Möller S. 159 u. w.

³⁾ См. *Lehrbuch der historisch-kritischen Einleitung in die kanon. und apokryph. Bücher des A. Testaments* von W. M. Leberecht-de-Wette 4. ausg. 1833. S. 296 u. w.

⁴⁾ *Die Propheten des A. Bundes erklärt.* von K. Ewald. 2 Bd. 1840.

⁵⁾ См. *Über das Buch des A. Testaments mit der Aufschrift Jonas*, von S. C. Nachtigal *Der Allgem. Bibliothek der Bibl. Litteratur* von Eichgorn Bd. 9. Leipz. 1799. S. 221 u. w.

⁶⁾ См. *Gott in der Geschichte* von Bunsen. Leipz. 1857. Bd. 1. S. 34.

хомъ еврейскаго народа, а обращаютъ вниманіе на нѣкоторыя сходныя съ исторіей пр. Іоны языческія мѣны.

Первымъ представителемъ этого въ собственномъ смыслѣ мистическаго воззрѣнія на книгу пр. Іоны былъ Гольдхорнъ, выставившій свой взглядъ въ опроверженіе мѣнія Зонненмайера въ 1804 г. Онъ, опредѣляя точно фактъ, лежащій въ основѣ книги и его позднѣйшее видоизмѣненіе, говоритъ, что самая мѣстность дѣйствительнаго событія изъ жизни пр. Іоны—при Іонпії—способствовала смѣшенію его въ преданіи съ финикійскимъ мѣномъ о Персеѣ и Андромедѣ и съ сходнымъ съ нимъ греческимъ мѣномъ о Геркулесѣ и Гезіонѣ и что уже такимъ измѣненнымъ преданіемъ объ Іонѣ воспользовался неизвѣстный составитель книги для дидактическихъ цѣлей ¹⁾. Въ 1813 году Розенмюллеръ видоизмѣнилъ Гольдхорново воззрѣніе въ томъ отношеніи, что сплетеніе исторической основы книги Іоны изъ жизни самого пророка съ указанными мѣнами относилъ не къ народному преданію, а къ составителю книги ²⁾. Въ 1830 г. тоже самое, что говорилъ Розенмюллеръ, повторилъ Грамбергъ ³⁾. Такимъ образомъ это воззрѣніе примыкаетъ и къ теоріи вымысла и къ теоріи мѣна, потому что въ числѣ источниковъ книги указываетъ языческія мѣны и фантазію составителя книги, какъ единственнаго передѣлывателя ихъ.—Также разсуждалъ о происхожденіи книги пр. Іоны не много спустя послѣ Грамберга Крамеръ; существенное отличіе его взгляда отъ предыдущихъ состоитъ въ томъ, что по нему составитель книги на основаніи этихъ мѣновъ хотѣлъ представить аллегорическое изображеніе современнаго ему общества; онъ относитъ написаніе книги ко времени построенія втораго храма Іерусалимскаго ⁴⁾. Но уже въ томъ же 1813 г., когда появились схолии Розенмюллера, Гезеніусъ развивалъ этотъ взглядъ

¹⁾ См. Excursus zum Buche Jonas von I. D. Goldhorn 1804. S. 27. Съ Гольдхорномъ въ сущности согласенъ и Форбигеръ. См. Theoph. Sam. Forbiger Commentarium de Lykophronis Cassandra Leipz. 1827. S. 31 etc.

²⁾ См. Carl. Rosenmuller, Scholia in Vetus Testamentum T. VII. Vol. 2. Lips. 1813. p. 354 etc.

³⁾ См. Kritische Geschichte der Religionsideen des A. Testamentes, von I. P. W. Gramberg. Berlin 1830. Thl. 2. S. 508 u. w.

⁴⁾ См. Das Buch Jonas. historisch-kritisch untersucht von A. W. Kramer. 1846.

въ томъ смыслѣ, что видоизмѣненіе греческаго и финикійскаго мифовъ приписалъ не одному составителю и не одному преданію, а тому и другому вмѣстѣ ¹⁾). Къ воззрѣнію Гезеніуса, лишь пополняя и развивая его, примкнули Бертольдъ ²⁾, затѣмъ, хотя не такъ рѣшительно, Винеръ ³⁾, далѣе Кнобель ⁴⁾ и наконецъ Фридрихсенъ ⁵⁾. — Совершенно согласно съ послѣдними учеными въ вопросѣ о способѣ и условіяхъ происхожденія книги Іоны. но съ предположеніемъ совершенно новаго историческаго основположенія, трактовалъ книгу пр. Іоны Бауръ. Онъ разсматриваетъ два совершенно отличныя другъ отъ друга восточныя мифа (мифъ объ Оаннесѣ и культъ Адониса), какъ источникъ, изъ котораго еврейское преданіе и позднѣйшій составитель нашей книги образовали настоящій рассказъ ея; при этомъ Бауръ отвергаетъ мысль о какихъ бы то ни было дидактическихъ цѣляхъ книги ⁶⁾.

Такъ развивались, развѣтвлялись и переплетались между собою отрицательныя воззрѣнія на книгу пр. Іоны въ концѣ прошедшаго и въ первой половинѣ текущаго столѣтія на западѣ. Въ самыя послѣдніе годы не появляется новыхъ спеціальныхъ изслѣдованій и монографій о книгѣ пр. Іоны, и она, какъ и вообще книги В. Заваѣта, не возбуждаетъ такого вниманія, какъ прежде; но это объясняется тѣмъ, что, въ силу различныхъ историческихъ обстоятельствъ, І. Христосъ, Его исторія и исторія основанной Имъ церкви стали особеннымъ предметомъ нападеній и возраженій отрицательной критики, и потому нисколько не говоритъ о томъ, что духъ отрицанія пересталъ уже вѣять надъ книгой пр.

¹⁾ См. въ Hallisch. Litteraturzeitung 1813. Recenzion der Rosenmullerschen Scholien S. 179 u. w.

²⁾ См. Historisch-kritische Einleitung in Sammtliche kanon. und apokryph. Schriften d. A. u. N. Testaments von B. Berthold. S. Bd. 2 Hft. Erlang. 1816. § 568 u. w.

³⁾ См. Biblisches Realwörterbuch von Dr. G. B. Winer. 2. Ausg. 1 Bd. A—K. Leipz. 1833. S. 701 u. w.

⁴⁾ См. Der Prophetismus der Hebräer vollständig dargestellt von Knobel 2 Thl. Breslau 1837. S. 366 u. w.

⁵⁾ См. его цитов. выше сочиненіе S. 274 u. w.

⁶⁾ См. Der Prophet Ionas, ein Assyrisch-Babylonisches Symbol. von Fr. Chr. Baur въ Zeitschrift für die historische Theologie, herausg. von Ch. Fr. Ilgen. 1837. Leipz. 1 Bd.

Юны. Изъ кабинета ученыхъ и изъ книгъ этотъ духъ отрицанія только перешелъ въ жизнь, въ общество ¹⁾).

Такое широкое развитіе отрицательнаго отношенія къ книгѣ пр. Юны со стороны нѣкоторыхъ ученыхъ не могло не вызвать къ дѣятельности и защитниковъ церковнаго и древлеотеческаго пониманія ея, и они дѣйствительно не остались и не остаются въ долгу предъ невѣріемъ, съ оружіемъ въ рукахъ остановившимся вниманіемъ своимъ на тѣхъ же вопросахъ, которые подняты послѣднимъ. Вопросы сагогивы о писателѣ книги, о поводѣ, цѣли, времени и мѣстѣ ея написаніи, подчинивъ себѣ и включивъ въ себя толкованіе текста, заняли первое мѣсто въ ихъ изслѣдованіяхъ о книгѣ пр. Юны, и стали раскрываться въ полемической формѣ и главнымъ образомъ въ зависимости отъ преимущественно пререкаемаго невѣріемъ вопроса объ исторической достовѣрности книги. Само собою разумѣется, что и защищеніе историческаго пониманія книги пр. Юны, идя руна объ руку съ развивающимся невѣріемъ, въ борьбѣ съ нимъ, поражая каждое вновь являющееся отрицательное возрѣніе на нашу книгу, и само съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе пополнялось, развивалось и укрѣплялось въ своихъ силахъ. Выступивъ на борьбу съ невѣріемъ съ оружіемъ науки въ рукахъ, защитники историческаго пониманія книги, какъ пчелы, собирали данныя въ свою пользу и

---

¹⁾ Въ доказательство этого вотъ фактъ. Въ Русск. Вѣстникѣ за 1879 г. кн. 5, Путята въ своихъ „Очеркахъ студенческой жизни въ Германіи“, сообщая на основаніи собственныхъ наблюденій о сборникѣ студенческихъ пѣсень подъ названіемъ *Leipzige Commersbuch*, между прочимъ говоритъ: „въ другой (т. е. пѣсни буффональнаго содержанія) повѣствуется, что въ Аскалонѣ, въ гостинницѣ „Черный китъ“, одинъ человѣкъ кутилъ уже три дня и три ночи и хозяинъ замѣчаетъ, что онъ ѣсть больше, чѣмъ за сколько въ состояніи будетъ заплатить. Тогда онъ подаетъ ему счетъ на шести табличкахъ, исписанныхъ кривообразными надписями. Гость заявляетъ, что наличныхъ у него нѣтъ и что они погибли при разрушеніи Ниневіи и хозяинъ выгоняетъ его вонъ съ грознымъ наставленіемъ впередъ пожирать столько, за сколько въ состояніи заплатить.“ Конечно нельзя говорить о серьезномъ значеніи этой пѣсни, но нельзя отрицать и того, что эта пѣсня сложившаяся между слушателями теологическаго факультета университета выражаетъ настроеніе, духъ протестантской ученой молодежи и какъ таковая не въ генетической связи стоитъ и со всѣми отрицательными теоріями на книгу пр. Юны

изъ исторіи, и изъ географіи, и изъ палеонтологіи, и изъ археологіи, и изъ филологіи, и изъ психологіи, и изъ логики — словомъ отовсюду, на чемъ только старалось утвердиться невѣріе, пока въ послѣднихъ своихъ изслѣдованіяхъ не воздвигли цѣлую стѣну въ защиту достовѣрности книги. Были конечно и тутъ, особенно въ началѣ борьбы, неудачные опыты защиты, когда напр. хотѣли защитить подлинность книги чрезъ филологическое искаженіе текста, какъ дѣлали это въ прошедшемъ столѣтіи Лессъ ¹⁾, и Антонъ ²⁾. Но ихъ попытки не нашли себѣ подражателей въ числѣ защитниковъ подлинности книги, которые въ большинствѣ стояли за буквальное пониманіе ея. Таковы — въ порядкѣ времени — труды изъ прошедшаго столѣтія: Лафатера ³⁾, Лессинга ⁴⁾, Иоанна Гесса — составителя исторіи Иисуса ⁵⁾, Пипера ⁶⁾, и изъ настоящаго: Фершуира ⁷⁾, Рейндля ⁸⁾, Лаберенца ⁹⁾, Геферника ¹⁰⁾, Шольца ¹¹⁾. Въ сочиненіяхъ всѣхъ этихъ и другихъ — съ ними одной школы — ученыхъ обращено главное вниманіе на разборъ отрицательныхъ воззрѣній и на доказательства исторической до-

¹⁾ См. S. Less, vom historischen Stil des höheren Alterthums oder der Urwelt und den eigenthümlichen Auslegungsregeln des A. Test. вь его Vermischt. Schriften 1 Thl. Gotting. 1782. S. 82. 157 и 176.

²⁾ См. C. Anton-s Versuch die Melodie und Harmonie der alt. hebraischen Gesänge und Tonstücke zu entziffern Thl. 2 вь Neue Repertorium für. bibl. und morgenl. Litteratur, herausg. von Paulus 1791. Bd. 1 u. w.

³⁾ См. Predigten über das Buch Jonas von Joh. Casp. Lavater. Zurich. 1773.

⁴⁾ Th. Lessingi Observationes in vaticinia Ionaе et Nahumi. Chemnit. 1780.

⁵⁾ Geschichte der Könige Iuda und Israel von dem Verfasser d. Geschichte Jesu (Ioh. Hess) Zurich. 1787. S. 320 u. w.

⁶⁾ Dissertatio critico-biblica, historiam Ionaе a recentiorum conatibus vindicatum sistens. Theoph. C. Piper. Greiswald. 1786.

⁷⁾ Ioh. Henr. Verschuur de argumento libelli Ionaе ejusque veritate historica вь его Opuscula ed. Lotze. Utrecht. 1810.

⁸⁾ Die Sendungsgeschichte des Propheten Iona nach Ninivie, eine exegetisch-historische und typologische Abhandlung von G. C. Reindl. Bamberg. 1826.

⁹⁾ De vera libri Ionaе interpretatione commentatio exegetica, quam scripsit G. Laberenz. 1836.

¹⁰⁾ Handbuch der historisch-kritischen Einleitung in das Alte Testament von Dr. H. A. Gaverniek. 2 Thl. 2 Abthl. 1844. § 242 u. w

¹¹⁾ Einleitung in die heilig. Schriften d. Alt. u. Neu. Testaments von Dr I. M. Scholz. Leipz 1848. 3 Thl. § 186 u. w.

ствѣрности книги пр. Іоны, но мало, или ничего не говорится о пророчественномъ значеніи ея. Этотъ пробѣлъ достаточно восполняется въ трудахъ другихъ не менѣе знаменитыхъ ортодоксальныхъ экзегетовъ запада, каковы въ прошедшемъ столѣтіи: Людервальдъ ¹⁾, и въ настоящемъ: Генгстенбергъ ²⁾, Баумгартенъ ³⁾, Деличъ и Кейль ⁴⁾ Клейнертъ ⁵⁾ и др. На ряду съ прекраснымъ выясненіемъ символическаго характера книги пр. Іоны есть впрочемъ у нѣкоторыхъ изъ нихъ и непослѣдовательныя уступки невѣрію, какъ напр. у Клейнерта въ опредѣленіи времени написанія книги; по нему, книга написана была во время плѣна; ту же самую мысль и раньше проводилъ одинъ изъ защитниковъ историческаго пониманія книги, Шуманнъ ⁶⁾. Нельзя наконецъ не упомянуть, что въ числѣ защитниковъ историко-пророческаго смысла и значенія книги пр. Іоны были не одни толкователи св. писанія, а и богословы - апологеты, догматисты; таковы: Саккъ ⁷⁾, Христлибъ ⁸⁾ и др.

Такова исторія литературы о книгѣ пр. Іоны съ XVI в. до настоящаго времени на западѣ.

Не то представляетъ намъ христіанскій востокъ этого времени по отношенію къ книгѣ пр. Іоны. Тяжелыя внѣшнія положенія,

¹⁾ Über Allegorie und Mythologie in der Bibel, insonderheit in Absicht auf den Proph. Iona und andere Wundergebenheiten, von I. B. Luderwald. Helmst. 1786.

²⁾ Christologie des Alt. Testaments und Commentar über die messianisch. Weissagungen, von E. W. Hengstenberg. 1 Bd. 2 Ausg. Berl. 1854. s. 467. u. w.

³⁾ Über das Zeichen des Proph. Ionas von Baumgarten въ Zeitschrift für d. gesamm. Litteratur Theologie und Kirche, herausg. Rudelbach 1844. 11, S. 1. u. w.

⁴⁾ Biblischer Commentar über d. alt. Testament, herausg. K. Fr. Keil u. Fr. Delitzsch 3 Thl. 4 Bd. 2 Aufl. Leipz. 1873. ср. Lephrbuch der historisch-kritischen Einleitung in die kan. u. apokryph. Schriften des A. Testaments von K. Fr. Keil. 3 Aufl. Frankfurt a. M. 1873. s. 291 u. w.

⁵⁾ Theologisch-homiletisches Bibelwerk. Die heil. Schriften A. u. N. Testam. von L. P. Lange A. T. XIX Thl. von Dr. Kleinert. § 13 u. w.

⁶⁾ Praktische Einleitung in die Bücher d. A. u. N. Testaments von O. Schumann. 1848. s. 219. Относительно этого сочиненія не лишне замѣтить, что оно въ нѣкоторыхъ нашихъ духовныхъ журналахъ почему-то рекомендовалось въ качествѣ пособія при изученіи св. писанія въ д. семинаріяхъ (!).

⁷⁾ См. его Chr. Apologetick. 2 Ausg. s. 345.

⁸⁾ Moderne Zweifel an christischen Glauben, von Theod. Christlib. s. 378 u. w.

которыя не разъ приходилось переживать въ это время греческой церкви, не давая греческимъ богословамъ ни времени, ни средствъ поднять свое духовное и мірское просвѣщеніе до болѣе или менѣе высокаго уровня, заставляли греческихъ богослововъ гѣмъ крѣпче лишь держаться унаслѣдованнаго и сохранившагося отъ отцевъ ученія безъ всякаго развитія и раскрытія его. Русская же церковь, вѣрная вообще матери своей, греческой церкви, въ характерѣ и направленіи своей жизни, до настоящаго вѣка была еще очень молода, чтобы пользоваться наукой, какъ средствомъ для раскрытія, обоснованія и оправданія своей вѣры. Оттого, какъ относительно другихъ библейскихъ книгъ, такъ и относительно книги пр. Іоны, хрстіанскій востокъ на обоихъ своихъ концахъ — сѣверномъ и южномъ—до настоящаго вѣка не имѣлъ научныхъ богословскихъ изслѣдованій. До прошедшаго столѣтія въ нашей русской богословской литературѣ о книгѣ пр. Іоны были только переводы изъ свято-отеческихъ толкованій и древнихъ греческихъ житій святыхъ ¹⁾. Какъ на научныя въ нѣкоторомъ родѣ псагогико-экзегетическія сочиненія объ ней можно указать изъ прошедшаго столѣтія только на лекціи, читанныя въ московской славяно-греко-латинской академіи ректорами ея, хранящіяся въ бібліотекѣ академіи. Къ числу ихъ принадлежатъ толкованія на все свящ. Писаніе Теофилакта (Горскаго), Аѳанасія (Иванова), гдѣ на ряду съ псагогическими свѣдѣніями о книгѣ пр. Іоны есть и аллегорическое толкованіе текста, и Амвросія (впослѣдствіи еп. Сѣвскаго), который писалъ краткое введеніе между прочимъ и въ книгу пр. Іоны, какъ историко-пророческую, написанную самимъ пророкомъ ²⁾. Было у насъ и подробное толкованіе на книгу пр. Іоны Иринея еп. Псковскаго ³⁾; но какъ это послѣднее сочиненіе, такъ и предыдущія главнымъ образомъ имѣли нравственный характеръ и заключали въ себѣ буквальное толкованіе текста книги съ самыми краткими псагогическими замѣчаніями въ положительномъ смыслѣ.

¹⁾ См. выше о рукописяхъ Ундольскаго и четыри-миняехъ Дмитрія Ростовскаго.

²⁾ Его лекціи, составленныя по Гофману, не въ рукописяхъ, а печатныя, подъ заглавіемъ: Краткое руководство къ чтенію книгъ в. и н. зав. Амвросія, еп. (Сѣвскаго. 1779 г.

³⁾ См. его „Толкованіе на дванадесять пророковъ“, часть 4-я.

и догматическомъ тонѣ. И въ настоящемъ столѣтїи не мало появилось мелкихъ статей о книгѣ пр. Іоны въ такомъ же религиозно-нравственномъ духѣ и направленїи въ духовныхъ періодическихъ изданїяхъ ¹⁾; есть и объемистое толкованіе на книгу пр. Іоны въ такомъ же направленїи еп. Палладїя ²⁾. Но уже въ этихъ статьяхъ и въ этомъ толкованїи проглядываетъ знакомство составителей ихъ съ научною постановкою дѣла. Замѣтно уже не одно перефразированіе святоотеческаго ученїя, и не одно раскрытіе его въ положительномъ духѣ, а и оправданіе его противъ нападенїй западнаго невѣрія путемъ научныхъ обоснованїй библейскаго текста. И чѣмъ дальше шло время и чѣмъ ближе подходили къ намъ отголоски западнаго невѣрія, тѣмъ эта научная постановка толкованїя писанїя вообще, и книги Іоны въ частности, становилась все серьезнѣе и серьезнѣе. Въ доказательство этого мы указываемъ: 1) на лекціи Филарета, м. Московскаго, читанныя имъ въ С.-Петербургской Академіи въ 20-хъ годахъ настоящаго столѣтїя ³⁾ и совершенно сходныя съ ними и по объему и по содержанію академическія же лекціи Арсенїя м. Кїевскаго, за 1826 г. ⁴⁾; въ нихъ на ряду съ положительной исагогикой въ книгу пр. Іоны приведены и, хотя очень кратко и обще, опровергнуты нѣкоторыя возраженїя отрицательной критики противъ книги Іоны и 2) на учебныя руководства къ послѣдовательному чтенію пророческихъ книгъ Хергозерскаго и Х. Орды и на брошюру И. Смирнова. „святыи про-

¹⁾ Таковы „Знаменїе пр. Іоны“, въ Воскр. чтенїи IV, стр. 49 и д.; „Новозавѣтныя событія, предуказанныя въ исторїи пр. Іоны“, въ Хр. чтенїи 1853, стр. 229 и дал.; „Прообразовательное значенїе событїй, описанныхъ въ книгѣ пр. Іоны“ въ Воскр. чтенїи XVIII, 17—47. Во всѣхъ этихъ статьяхъ къ каждой отдѣльной чертѣ содержанїя книги пр. Іоны подыскивается прообразованное имъ новозавѣтное событіе. Затѣмъ „Св. пророкъ Іона“, С. Писарева, въ Душопол. чтенїи 1860 г. ч. 2, стр. 65 и др., гдѣ дѣлается анализъ содержанїя книги Іоны съ присовокупленїемъ біографическихъ свѣдѣнїй о немъ изъ преданїя, и наконецъ „Всѣды о книгѣ пр. Іоны“, Х. Орды, 1870, въ которыхъ предлагается анализъ содержанїя книги (по славянскому тексту) съ психологической и нравственной точекъ зрѣнїя. Здѣсь между прочимъ обращается на себя вниманїе изображенїе поведенїя пр. Іоны. не разъ называемаго несчастнымъ и виновнымъ (!)

²⁾ См. Толкованїе на книги св. пророковъ Іоны и Михея, Палладїя. еп. Саранульскаго. 1874.

³⁾ См. выше Пророческія книги ветхаго завета. Изъ академическихъ чтенїй Филарета м. Московскаго. Изд. 1873 А. Полотебнова, стр. 80 и л.

⁴⁾ См. Труды Кїевской Духовной Академіи. 1872.

рокъ Іона“. Всѣ они по своему характеру и содержанію могутъ быть названы сокращенными извлеченіями изъ историко-критическихъ введеній нѣмецкихъ ученыхъ ортодоксальнаго направленія и ихъ комментаріевъ на книгу пр. Іоны. Въ самое послѣднее время у насъ, правда, стали появляться и самостоятельныя научныя изслѣдованія о книгѣ пр. Іоны; но въ сожалѣнію изслѣдованія эти касаются лишь отдѣльныхъ и частныхъ вопросовъ изъ книги Іоны и появляются не въ большомъ числѣ. Въ данномъ случаѣ можно сослаться на цитованную выше статью П. Казанскаго въ Пр. въ Тв. Св. Отц. и на статью А. Смирнова въ чт. въ О. Л. Д. Пр. 1884, 1 отд. 70 стр. „Покаяніе Ниневитянъ“; авторъ послѣдней, опровергая гипотезу Баура о происхожденіи книги пр. Іоны, даетъ на основаніи ассирійской литературы много мѣткихъ указаній и сравненій важныхъ для яснаго представленія покаянія Ниневитянъ. Въ силу самой своей рѣдкости или малочисленности всѣ эти труды конечно дороги для насъ; они дороги для насъ и потому что представленные ими изъ западной апологетической литературы положительные выводы о книгѣ нашего пророка въ общемъ согласны съ святоотеческимъ, историко-пророчесственнымъ пониманіемъ этой книги, но, повторяемъ, ихъ очень мало. А что на ряду съ этими трудами въ русской литературѣ были и есть отголоски и другаго рода западной учености, доказательства того можно находить 1) въ сочиненіяхъ Сеньковского (о величинѣ и населенности Ниневіи); и 2) въ явившейся въ 1871 г. еврейской грамматикѣ О. Штейнберга, гдѣ въ числѣ свящ. книгъ, относимыхъ составителемъ на основаніи ихъ языка по ихъ происхожденію къ послѣднѣйшему времени, поставлена и книга пр. Іоны¹⁾; 3) впрочемъ еще раньше не строго-историческое пониманіе книги пр. Іоны проводилъ, кажется, и прот. Павскій, который называлъ книгу пр. Іоны не больше, какъ нравоучительною повѣстію²⁾. Что же касается отрицательныхъ плн

¹⁾ См. Починъ курсъ евр. грамматики О. Н. Штейнберга Вильна. 1871 § 9.

²⁾ См. Исторія перевода библіи на русскій языкъ Чистовича. 18 стр. Кстаги. Когда книга наша готова была уже къ печати, появилось сочиненіе арх. Амфилохія. „Пути промысла въ развитіи вселенной“. Въ ней авторъ, не безъ претензій на научность, въ фельетонно-туманныхъ выраженіяхъ пытается дать упрощенное представленіе о чудесныхъ событіяхъ, рассказанныхъ въ книгѣ Іоны и въ угоду современности не стѣсняется искажать точный библейскій текстъ до неузнаваемости.

позитрицательныхъ мнѣній о книгѣ пр. Іоны не записанныхъ, а ходячихъ въ русскомъ обществѣ, то думаемъ, что приводить доказательство дѣйствительности существованія такихъ мнѣній, даже очень яро и открыто высказываемыхъ, хотя, обычно, никакъ научно не обосновываемыхъ, совершенно излишне: каждый изъ насъ знаетъ объ этомъ и безъ письменныхъ доказательствъ или свидѣтельствъ.

Какой же теперь на основаніи съ одной стороны указанныхъ особенностей самой книги пр. Іоны, какъ книги пророческой съ историческимъ содержаніемъ, съ другой—этой многовѣковой и многосодержательной литературы объ ней, можно сдѣлать выводъ по отношенію къ задачѣ исагогико-экзегетическаго изслѣдованія о книгѣ пр. Іоны и, частіе, къ способу ея выполненія?

Задача эта состоитъ въ томъ, чтобы, имѣя въ виду, основывающееся на словахъ Христа Спасителя (Мѡ. 12,40), отношеніе къ книгѣ пр. Іоны отцевъ и учителей древней христіанской церкви вообще и православныхъ русскихъ богослововъ въ частности, какъ къ книгѣ историко-пророчесвенной, доказать, что сообщаемые въ книгѣ пр. Іоны факты не подлежатъ сомнѣнію со стороны ихъ исторической достовѣрности, и затѣмъ выяснить пророчесвенно-прообразовательной смыслъ этихъ фактовъ, дающій право и основаніе считать книгу пр. Іоны несомнѣнно пророческою книгою на ряду съ прочими несомнѣнно-пророческими писаніями, среди которыхъ она и занимаетъ мѣсто въ ветхозавѣтной библіи. Существованіе же цѣлаго ряда научныхъ и ненаучныхъ, иностранныхъ (западныхъ) и русскихъ возрѣній на книгу пр. Іоны, на основаніи внутреннихъ и внѣшнихъ чертъ и особенностей содержанія ея отвергающихъ ея историческую подлинность и пророческій смыслъ, и считающихъ ее или вымысломъ, или легендой позднѣйшаго сравнительно съ вѣкомъ Іоны происхожденія, составленной по частнымъ мотивамъ и для временныхъ цѣлей, обяываетъ по отношенію къ такимъ возрѣніямъ защищать историко-пророчесвенное пониманіе книги не положительнымъ только путемъ, а и отрицательно, полемизируя съ неправославными возрѣніями на книгу пр. Іоны и доказывая

несостоятельность какъ возраженій отрицательной критики противъ исторической достовѣрности книги, такъ и построенныхъ на этихъ возраженіяхъ мнѣній о ней.—Отсюда для насъ самъ собою открывается такой путь изслѣдованія нашего предмета. Начавъ съ разбора отрицательныхъ воззрѣній на книгу пр. Іоны, мы далѣе чрезъ опроверженіе и самихъ этихъ воззрѣній и оснований ихъ должны придти къ утвержденію исторической достовѣрности книги; а это утвержденіе дастъ намъ ключъ къ выясненію пророчественно-прообразовательнаго смысла и значенія книги. Идя такимъ путемъ, мы можемъ соблюсти самую строгую постепенность въ уясненіи изслѣдуемаго предмета; ибо предшествующес при этомъ должно будетъ быть основаніемъ для послѣдующаго, а вмѣстѣ съ тѣмъ, думается, избѣжимъ, насколько возможно, повтореній, отступленій и т. подобныхъ литературныхъ и логическихъ промаховъ и охватимъ предметъ изслѣдованія полно.

ГЛАВА I.

Разборъ и опроверженіе воззрѣнія на книгу пророка Іоны, какъ на чистый вымысль.

Самымъ крайнимъ воззрѣніемъ на книгу пр. Іоны, всѣхъ болѣе удаляющимся отъ библейско-церковнаго, историко-пророчественнаго пониманія ея, конечно должно быть признано то, по которому книга эта есть не подлинная исторія, хотя бы то украшенная, видоизмѣненная и дополненная мнѣческими и легендарными прибавленіями, а не имѣющая никакой исторической подкладки, кромѣ собственныхъ именъ, выдумка, вымысль, произведеніе фантазіи какого-либо еврея, написанное съ морально-дидактической цѣлью. Представителей этого воззрѣнія на книгу Іоны, какъ мы видѣли, очень много; различаются же они между собою въ опредѣленіи того рода вымысла, къ которому слѣдуетъ приурочить эту книгу. Между тѣмъ какъ одни считаютъ ее просто вымышленнымъ рассказомъ, напоминающимъ собою современныя тенденціозныя повѣсти, другіе то аллегоріей, то параболой или притчей, то басней въ собственномъ смыслѣ слова, или, какъ принято называть ее у экзегетовъ, апологомъ, то символическою басней, или рассказомъ о вымышленномъ символическомъ дѣйствіи; а одинъ изъ самыхъ раннѣйшихъ представителей этого воззрѣнія (Вляше) говорилъ даже, что содержаніе книги пр. Іоны представляетъ собою такое же вымышленное пророче-

ское видѣніе, каковы, будто бы, и всѣ вообще такъ называемыя пророческія видѣнія.

Нѣтъ конечно нужды долго останавливаться на разборѣ этого послѣдняго мнѣнія, приравнивающаго къмгу пр. Іоны къ тѣмъ рассказамъ о пророческихъ видѣніяхъ, которыми наполнены всѣ почти книги большихъ и малыхъ пророковъ и которые повѣствуютъ о томъ, какъ пророки въ состояніи восхищенія созерцали своимъ духовнымъ взоромъ, сокровенныя для тѣлесныхъ очей современниковъ ихъ, идеальныя картины будущаго. Простой, связанный и послѣдовательный рассказъ книги пр. Іоны о событіяхъ уже бывшихъ вовсе не идетъ въ параллель съ повѣствованіями о пророческихъ видѣніяхъ, отличающимися отрывочностію и, такъ сказать, безвременностію, по которой событія, предносившіяся предъ взоромъ пророка, стоятъ, какъ будто, выше, или внѣ условій пространства и времени. Противъ такой параллели рѣшительно говоритъ обычное у всѣхъ пророковъ, оставившихъ намъ повѣствованія о бывшихъ имъ видѣніяхъ, надписаніе, прямо указывающее, что слѣдующее повѣствованіе есть видѣніе, слѣдовательно, нѣчто отличное отъ исторической дѣйствительности, о которой они говорятъ, не обозначая своихъ рассказовъ объ ней подобнымъ надписаніемъ, какъ не обозначена имъ и книга пр. Іоны. Стоило Бляше сравнить книгу пр. Іоны съ первыми главами первой же пророческой книги пр. Исаи, повѣствующей и о видѣніяхъ (гл. 1, 2, 3, 4, 5, 6, 13 и др.) и о простыхъ историческихъ событіяхъ (гл. 7, 36, 37, 38 и др.), чтобы удержаться отъ своего произвольнаго пониманія нашей книги. Эти главы, а равно и другія подобныя имъ въ остальныхъ пророческихъ книгахъ служатъ очевиднымъ и несомнѣннымъ опроверженіемъ мнѣнія Бляше.

Болѣе, повидимому, основательности и правдоподобія имѣютъ другіе виды разбираемаго нами воззрѣнія на книгу пр. Іоны, но именно только повидимому; при безпристрастномъ разборѣ ихъ путемъ сравненія и сопоставленія книги пр. Іоны съ другими библейскими данными, и эти другія видоизмѣненія разбираемаго воззрѣнія оказываются точно также несостоятельными, какъ и разобранный мнѣніе Бляше, не смотря на то, что они имѣютъ очень многихъ сторонниковъ. Остановимся прежде всего на менѣ основательномъ изъ нихъ мнѣніи Штейншпа, который считаетъ книгу пр. Іоны рассказомъ о ры-

мышленномъ символическомъ дѣйствии, и называютъ её символической басней.

Правда на страницахъ священныхъ, пророческихъ и историческихъ, книгъ есть не мало рассказовъ, въ которыхъ повѣствуется о символическихъ дѣйствіяхъ пророковъ, съ которыми Штейдлинъ, а занимъ и Бауеръ сравниваютъ книгу пр. Іоны и на которые ссылаются они въ доказательство справедливости своего мнѣнія объ этой книгѣ, какъ о символической баснѣ, составленной самимъ пророкомъ Іоной; но всѣ тѣ рассказы вовсе не похожи на книгу нашего пророка. Во всѣхъ тѣхъ рассказахъ непосредственно послѣ описанія самаго символическаго дѣйствія слѣдуетъ его объясненіе и приложеніе къ данной исторической дѣйствительности ¹⁾. Ничего подобнаго нѣтъ въ книгѣ пр. Іоны. Нельзя же считать за что-либо въ этомъ родѣ заключительныя слова книги (4, 10 и 11), какъ думаетъ Штейдлинъ: потому что ими не обнимается и не разъясняется многое изъ сказаннаго выше; къ нимъ не имѣютъ никакого отношенія ни поведеніе корабельщиковъ, ни молитва пр. Іоны. Кромѣ того эти слова и по своему содержанію являются естественнымъ, слѣдовательно, неотъемлемымъ продолженіемъ предшествующаго рассказа историческаго характера, являются частію цѣлаго, а не отдѣльною самостоятельною прибавкою. Далѣе. Во всѣхъ тѣхъ рассказахъ пророки выставляются дѣйствующими въ первомъ лицѣ, какъ отвѣтственные личности; другіе же предметы и лица, вводимые въ тѣ рассказы, поставлены въ нихъ въ пассивной зависимости отъ пророковъ ²⁾. Въ книгѣ пр. Іоны наоборотъ. Если въ благодарственной молитвѣ (2, 3—11) Іона пророкъ и выставляется говорящимъ въ первомъ лицѣ; то словами предваряющими молитву: *„и молился Іона во чревь рыбы“*, ясно показывается, что эта молитва есть нѣчто вносное. Правда Іона есть все-таки главное дѣйствующее лицо книги, но и остальные лица, корабельщики и Ниневитяне, изображаются въ ней дѣйствующими такъ или иначе вовсе не въ безусловной, пассивной зависимости отъ пророка, хотя и подвѣянны, или, такъ сказать, по поводу его. Дѣйствія и самаго пр.

) См. Іер. 13, 1—15, 27, 2—8, Іезек. 4, 4—8. Ос. 1 и 2 гл., 3 Цар. 11, 39—39 и мн. др.

) См. напр. Ис. 7 и 8 гл., Ос. 1 и 2 и др.

Іоны, какъ главнаго совершителя символа, вовсе не напоминаютъ собою символическихъ же дѣйствій другихъ пророковъ. Всѣ другіе пророки въ подобныхъ случаяхъ представляются дѣйствующими по непосредственному повелѣнію Іеговы. Если они и изображаются иногда отказывающимися исполнять возложенныя на нихъ порученія—символическія дѣйствія (Іез. 4, 14), по малодушію ли то, или по недоумѣнію; то все же, послѣ того, какъ Іегова снова подтверждалъ имъ Свое повелѣніе, пророки исполняли повелѣнное имъ, хотя бы оно противорѣчило повидимому даже закону ¹⁾). Отсюда существенною частію разсказовъ о такихъ случаяхъ, центромъ ихъ, около котораго должны группироваться, какъ побочныя, остальные части разсказа, все-таки остается повѣствованіе о самомъ символическомъ дѣйствіи, совершенномъ пророкомъ по повелѣнію Божію и имѣющимъ большею частію свое пророчественное отношеніе къ будущему. Въ книгѣ же пророка Іоны главный интересъ содержанія сосредоточивается не столько на пророческой проповѣди, произнесенной имъ въ Ниневіи по повелѣнію Божію, сколько на исторіи этой проповѣди, на тѣхъ второстепенныхъ подробностяхъ, которыя обнимаютъ собою почти все содержаніе книги, но могутъ быть поставлены въ параллель все не съ главною частію, будто бы, аналогичныхъ съ книгою пр. Іоны разсказовъ о символическихъ дѣйствіяхъ другихъ пророковъ, а развѣ лишь съ побочными краткими введеніями ихъ: такъ что самаго зерна-то разсказа, описанія самаго символическаго дѣйствія пр. Іоны, собственно говоря, нельзя указать. Словомъ книгу пр. Іоны никакъ нельзя сравнивать съ разсказами о символическихъ дѣйствіяхъ другихъ пророковъ, предполагая даже, что тѣ символическія дѣйствія не были на самомъ дѣлѣ, а вымышлены пророками, при каковомъ только предположеніи и возможна мысль о сопоставленіи книги пр. Іоны съ тѣми разсказами. Но и самое это предположеніе невѣрно.

Правда символическія дѣйствія пророковъ, если разсматривать ихъ съ внѣшней формальной стороны, безъ проникновенія въ ихъ таинственно-пророческій смыслъ, кажутся неразумными, безцѣльными и потому едва вѣроятными, какими кажутся представителямъ разсматриваемаго пониманія книги пр.

¹⁾ Срав. Ос. 1 и 2 гл. съ Втор. 22. 21—39.

Юны и событія, рассказанныя въ этой послѣдней; но что же изъ этого слѣдуетъ? Смысль символическихъ дѣйствій не въ ихъ внѣшней формѣ, а въ тѣхъ идеяхъ, образами которыхъ онѣ служатъ, такъ что безъ этихъ идей не должно быть и самыхъ дѣйствій. Отсюда говорить о вымышленномъ характерѣ ихъ на основаніи неразумности и безцѣльности внѣшней формы такихъ дѣйствій можно только тогда, когда будетъ доказана неразумность и безцѣльность самыхъ идей, ими олицетворяемыхъ; въ противномъ же случаѣ говорить объ ихъ недѣйствительности можно только на основаніи ихъ физической невыполнимости. Но этого ни объ одномъ изъ тѣхъ символическихъ дѣйствій, о которыхъ говорится въ священныхъ библейскихъ книгахъ, сказать нельзя ¹⁾. Если же такимъ образомъ нѣтъ достаточныхъ основаній считать недѣйствительными самыя символическія дѣйствія пророковъ; то и повѣствованія объ нихъ со всѣми ихъ подробностями и частностями нельзя считать неподлинными, тѣмъ болѣе, что

---

¹⁾ Правда Штейдлинъ въ доказательство вымышленнаго характера символическихъ дѣйствій пророковъ ссылается на рассказы о символическихъ дѣйствіяхъ пр. Іереміа, помѣщенные въ 13, 1—11 его книги, дѣйствіяхъ, будто бы невыполнимыхъ и ничему не научающихъ; но это несправедливо. Поэтому рассказу, Іеремія, по повелѣнію Іеговы, купилъ льняной поясъ и положилъ его на чресла свои; потомъ, носивши его нѣкоторое время, отвесъ его на берегъ р. Евфрата и спряталъ его въ расщелинѣ скалы; наконецъ, по прошествіи многого времени по возвращеніи съ Евфрата, пророкъ снова путешествовалъ туда и взялъ съ собою истлѣвшій поясъ. Такое символическое дѣйствіе можно было бы назвать невыполнимымъ и ничему не научающимъ только при томъ предположеніи, что оно должно совершиться все непрерывно, въ нѣсколько не только дней, а часовъ, и притомъ на глазахъ народа. Но предполагать это нѣтъ никакихъ резоновъ; конецъ этого дѣйствія могъ быть и былъ, вѣроятно, отдаленъ отъ начала его на очень продолжительное время, и вовсе не было нужды въ томъ, чтобы оно все совершенно было на глазахъ народа. Іегова повелѣлъ пр. Іереміа совершить указанное дѣйствіе прежде всего для наученія самаго Іереміа; потому-то въ объясненіи его, непосредственно за сямъ рассказанномъ, ни однимъ словомъ не намечается на то, что пророкъ долженъ идти и передать это народу; объясненіе направлено къ самому пророку, для котораго не составляли препятствія къ пониманію символическаго дѣйствія разновременность и разномѣстность самаго совершенія. Для народа же этотъ рассказъ долженъ былъ получить свое научающее значеніе постѣ, изъ устъ самаго пророка и его книги.

такіе рассказы о символических дѣйствіяхъ пророковъ находятсѣ не въ пророческихъ только книгахъ на ряду съ описаніями видѣній пророковъ, а и въ историческихъ. Здѣсь же эти рассказы составляютъ обыкновенно одно неразрывное цѣлое съ остальными частями исторіи и между первыми и послѣдними нигдѣ нѣтъ никакого указанія, или намска на то, что факты, представленныя символическими, суть вымышленныя дѣйствія, а остальные—дѣйствительно бывшія. Отсюда, если мы тѣ—первыя факты станемъ понимать не буквально; то точно также должны понимать и всю исторію, съ которой они стоятъ въ органической связи. Если же эту исторію должно понимать буквально; то также должно понимать и рассказы о символическихъ дѣйствіяхъ пророковъ, вдетенныя въ ту исторію; и эти рассказы совершенно однородны съ рассказами о символическихъ дѣйствіяхъ, находящимися въ пророческихъ книгахъ.

Итакъ нѣтъ достаточныхъ основаній считать рассказы о символическихъ дѣйствіяхъ пророковъ и самыя эти дѣйствія вымышленными; слѣдовательно и сопоставленіе съ ними книги пророка Іоны ничего не говоритъ въ пользу вымышленнаго характера содержанія этой послѣдней: понятіе о символической баснѣ не только не приложимо къ книгѣ нашего пророка, а и само по себѣ невѣрно и несправедливо.

Нѣсколько основательнѣе въ этомъ отношеніи поступаютъ тѣ изъ защитниковъ пониманія книги пр. Іоны, какъ вымысла, которые, вслѣдъ за Землеромъ, называютъ ее или басней въ собственномъ смыслѣ слова, апологомъ, или параболой, т. е. притчей, и въ подтвержденіе своего мнѣнія ссылаются на тѣ рассказы библіи, которые предлагаются намъ въ Суд. 2, 8—15; 2 Цар 12, 1—4; 4 Цар. 14, 9—10; Іезек. 17, 1—10 и во многихъ мѣстахъ Евангелій, гдѣ излагаются притчи Господа Нашего Іисуса Христа. Противъ вымышленнаго, неимѣющаго никакой исторической подкладки характера всѣхъ этихъ рассказовъ нельзя ничего говорить; всѣ они несомнѣнно написаны единственно съ морально-дидактическими цѣлями. Но и тутъ сравненіе съ ними книги пр. Іоны приводитъ не къ тому заключенію, которое защищаютъ наши противники, а къ другому, совершенно обратному.

Впрочемъ прежде, чѣмъ приступать къ самому сравненію, необходимо замѣтить, что представители рассматриваемаго пониманія

книги пр. Ионы, выставляя въ подтвержденіе своего мнѣнія указан-
ные цитаты и изъ книги Судей, гдѣ говорится о деревьяхъ, изби-
рающихъ себѣ цари, и изъ 4 Царствъ, гдѣ разсказывается о тернѣ
и кедрѣ, и изъ 2 Цар.---о богатѣ, отнявшемъ послѣднюю овцу у
бѣдняка, и изъ Евангелій, гдѣ излагаются притчи Господа, и
называя книгу пр. Ионы безразлично то басней, то притчей, оче-
видно смѣшиваютъ между собою эти послѣднія два понятія, а слѣ-
довательно обнаруживаютъ смутное и неопредѣленное пониманіе
дѣла, что заранѣе ясно обличаетъ несостоятельность ихъ мнѣнія.

Дѣло въ томъ, что разказы, заключающіеся въ Суд. 9, 8—15
и въ 4 Цар. 14, 9—10, существенно отличны отъ разсказовъ во
2 Цар. 12, 1—4 и въ Іезек. 17, 1—10 и отъ евангельскихъ
разсказовъ о притчахъ Господнихъ; послѣдніе говорятъ о прит-
чахъ въ собственномъ смыслѣ слова, а первые—обасняхъ, или
апологахъ. Правда, въ подлинникѣхъ на еврейскомъ языкѣ однимъ и
тѣмъ же словомъ: *מִשְׁלָל* (отъ *מָשַׁל*—равнять, примилъ, правилъ,
сравнивалъ и т. п. ²⁾) обозначается и притча въ собственномъ
смыслѣ слова ³⁾ и приточное изреченіе—поговорка ⁴⁾, и простое
сравненіе ⁵⁾, и рѣчь аллегорическая, иносказательная ⁶⁾; но это
указываетъ лишь на бѣдность лексикона еврейскаго языка и
ничего не говоритъ за тожество самыхъ понятій, обозначаемыхъ
этимъ словомъ ⁷⁾. Самыя же понятія эти должны быть строга

²⁾ См. Еврейско-халдейскій этимологическій словарь Штейнберга.

³⁾ Въ такомъ смыслѣ слово: *מִשְׁלָל* употребляется въ Іезек. 17. 4 и въ
новѣйшихъ переводахъ Нов. Завета на еврейскій языкъ, гдѣ этимъ словомъ
обозначаются притчи Господа Нашего Иисуса Христа.

⁴⁾ См. Притч. 1, 1, Еккл. 12, 9; 4 Цар. 10, 12 и др.

⁵⁾ См. Іезек. 16, 44. 24. 3 и др.

⁶⁾ См. Ис. 78, 2. Въ значеніи басни или аполога это слово не употребляется,
въ книгахъ Св. Писанія

⁷⁾ Привычкою же думать на еврейскомъ языкѣ, объясняется безразличное
употребленіе одного и того же слова: *מִשְׁלָל* для обозначенія всѣхъ этихъ
понятій и у Евангелистовъ, ср. Лук. 8, 4. 9. 11 съ 6, 39 и 4, 23; Мѣ. 13, 34.
10. 13 съ 15. 14. 15. Впрочемъ въ греческомъ переводѣ LXX и въ Евангелии
отъ Іоанна для обозначенія всѣхъ этихъ понятій кромѣ понятія притчи упо-
требляется и другое слово: *παραβολα*. Безразличное же употребленіе слова
מִשְׁלָל, для обозначенія всѣхъ указанныхъ понятій въ русскомъ и славянскомъ
переводахъ объясняется приверженностію переводчиковъ къ буквѣ подлинника.

различасмы между собой, потому что апологъ имѣть существенное отличіе отъ притчи.

Отличіе аполога отъ притчи замѣтно уже во внѣшней формѣ того и другой. Видимый міръ, предметами котораго притча пользуется, какъ образами, она изображаетъ, въ его дѣйствительномъ видѣ, не нарушая уставовъ природы и не допуская никакой аномаліи; апологъ же, не стѣсняясь, отстуетъ отъ дѣйствительности, представляя говорящими растенія, разсуждающими животныхъ и вообще приписывая животнымъ и предметамъ бездушнымъ человѣческія свойства, какъ и есть въ разсказахъ книги Судей и 4 Царствъ, гдѣ дѣйствующими лицами выводятся деревья и имъ приписываются свойства, мысли, чувства, стремленія и страсти человѣческія. Ничего подобнаго не найдемъ мы ни въ одной притчѣ. Нѣтъ этого и въ книгѣ пр. Іоны, изображающей между прочимъ и животныхъ и растенія, но только съ свойствами, принадлежащими природѣ именно этихъ, а не иныхъ существъ—не человѣка. Пусть защитникамъ отрицательнаго пониманія книги эти изображенія кажутся преувеличенными и даже несстественными, чего, какъ мы увидимъ ниже, на самомъ дѣлѣ нельзя сказать: но ихъ никогда нельзя назвать противуестественными.

Правда, одно отсутствіе въ книгѣ пр. Іоны такого чисто-басеннаго элемента, какой мы встрѣчаемъ въ апологахъ книгъ Судей и Царствъ, не даетъ еще права вовсе отвергать басенный характеръ этой книги. Изъ древней греческой литературы мы имѣемъ цѣлый рядъ басенъ Эзопа, въ которыхъ предметы дѣйствительнаго міра, взятые для олицетворенія посредствомъ ихъ какихъ либо идей, представляются въ своемъ естественномъ видѣ, какъ они существуютъ на самомъ дѣлѣ; въ басняхъ современныхъ намъ баснописцевъ мы встрѣчаемся нерѣдко съ такими же явленіемъ. Но во 1-хъ, не вполне справедливо въ подтвержденіе свойствъ и качествъ литературныхъ произведеній одного народа поставятъ ихъ въ аналогію съ такими же произведеніями изъ литературы другихъ народовъ, болѣе культурно развитыхъ, чѣмъ меравъ, и во 2-хъ, указанная свойства басни относятся лишь къ одной, и то несущественной, внѣшней сторонѣ ея. Кромѣ формы или, такъ сказать, внѣшняго содержанія каждая басня или апологъ имѣетъ свое вну-

треннее содержаніе, касающееся олицетворяемых ею идей и мыслей, и съ этой-то существенной стороны каждая басня такъ рѣзко отличается какъ отъ притчи, такъ и отъ книги пр. Іоны, что страннымъ кажется, какъ возможно такое смѣшеніе понятій, такое очевидно невѣрное опредѣленіе книги

Въ притчѣ раскрываются тайны царствія Божія (Мѡ. 13, 10. 11), его судьбы, свойства, законы, условія вступленія въ него, раскрываются съ цѣлю пробудить въ человѣкѣ сознаніе божественнаго первообраза и собственнаго его удаленія отъ этого носидляго, чтобы способствовать человѣку въ его стремленіи къ этому идеалу и въ достиженіи возраста духовнаго человѣка, (Мѡ. 13. 10—17; Лук. 8, 9. 10. 18; Мрк. 4, 10. 13. 23—25; ср. 1 Кор. 2- 14). Цѣль и предметъ притчи совпадаютъ такимъ образомъ съ цѣлью и предметомъ всего священнаго писанія. Какъ такая, притча должна находить и находить свое мѣсто преимущественно въ Евангеліи, должна исходить и исходить отъ самаго Бога, какъ въ собственномъ смыслѣ Слово Божіе, существенно-отличное по своему предмету и по своей конечной цѣли отъ басни, или аполога, какъ произведенія ума и чувствъ чисто человѣческихъ. Въ силу такого происхожденія, басня очевидно не можетъ обладать указанными достоинствами притчи. Она въ своемъ внутреннемъ содержаніи ограничивается житейскими опытами и не отрѣшается отъ земли: своими идеалами она не переходитъ за предѣлы простой житейской мудрости и практическаго благоразумія; ея нравоученіе вѣрѣдко идетъ даже въ разрѣзъ съ духовными заповѣдями писанія. Оттого басня не должна имѣть мѣста въ священномъ писаніи, какъ Слово Божіе. Это вполне подтверждаютъ и указанныя нами въ книгахъ Судей и Царствъ апологи. Правда, они записаны на страницахъ священнаго писанія, но они исходятъ не отъ Бога; нѣкъ изрекають люди и излагають съ житейской точки зрѣнія. Іоамъ (въ кв. Судей) хочетъ показать Сихемлянамъ лишь ихъ безразсудство при избраніи въ цари Авимелеха, а не грѣховность ихъ дѣйствій; равнымъ образомъ Іоась хочетъ показать Амаси его гордость и тщеславіе, ставшія причиною вражды между ними, но, вове не съ цѣлю дать ему нравственный урокъ ¹⁾.

¹⁾ Ср. Притчи Господа нашего І. Христа. Изъ чтеній Дублинск. архіепіскопа Тренча. Переводъ съ англ. 1880. стр. 2 и д.

Совсѣмъ не то, что апологъ, представляеть своимъ содержаниемъ книга пр. Іоны. Нѣтъ даже нужды распространяться о внутреннемъ ея содержаніи, о тѣхъ моральнодидактическихъ сентенціяхъ, олицетвореніемъ которыхъ служить ея будтобы вымышленная форма. Изъ 15 защитниковъ мнѣнія о книгѣ пр. Іоны, какъ о баснѣ или притчѣ, въ большинствѣ случаевъ предлагающихъ различныя моральныя истины, какъ основныя идеи книги¹⁾, ни одинъ не выставилъ такой идеи книги какого либо простаго, житейски—практическаго наставленія; всѣ представляемыя ими идеи имѣють религіозно-нравственный и именно эсократическій характеръ. Иначе и быть не можетъ. Самые вѣщныя образы книги взяты изъ этой области. Иегова—Богъ не іудеевъ только, а и язычниковъ, карающій зло и милующій кающихся въ своихъ прегрѣшеніяхъ, пророкъ Іона—посланникъ Иеговы, ревнующій о славѣ Своего Бога и наказываемый Имъ за непослушаніе волѣ Его, корабельщики, молящіеся сначала каждый богу своему, а затѣмъ приносящіе жертвы Иеговѣ, Ниневитяне, внимающіе грозной проповѣди чужеземнаго пророка и возвращающіеся отъ пуги своего лукаваго и отъ неправды, сущи въ рукахъ ихъ, въ надеждѣ на помилованіе отъ Господа—таковы лица, выведенныя въ книгѣ пр. Іоны, и таковъ характеръ ихъ дѣйствій и состояній. Ясно, что такія понятія, какъ грѣхъ, покаяніе, молитва, вѣра, надежда и др., понятія, извлекаемыя изъ книги нашего пророка, вовсе не принадлежать земной, житейской области басни; онѣ высоко поднимаются надъ землею и парятъ до самаго неба. Ясно, значитъ, что книга пр. Іоны не можетъ быть признана басней.

Но, не имѣя права считать книгу пр. Іоны басней или апологомъ, мы не можемъ относить ее и къ притчамъ, съ которыми она повидимому такъ тѣсно соприкасается духовнымъ, религіозно-нравственнымъ предметомъ своего содержанія; потому что притча, помимо указанныхъ нами свойствъ, которыми она отличается отъ басни, хотя и сходна съ книгой пр. Іоны, имѣеть и другія свойства, которыхъ не имѣеть книга пр. Іоны.

¹⁾ См. объ этомъ выше въ исторіи литературы о книгѣ пр. Іоны.

Въ основѣ въ собственномъ смыслѣ приточнаго разсказа лежитъ мысль о гаянственвой гармоніи между естественнымъ и духовнымъ мірами. Естественнымъ міръ со всѣмъ своимъ видимымъ строемъ и даже съ своими невидимыми отношеніями и состояніями, и въ самомъ бытіи своемъ, и въ измѣнѣ познаніи его, имѣеть истинный смыслъ и свое послѣднее значеніе не самъ въ себя, а лишь по столько, по сколько онъ служитъ отображеніемъ, гипомъ небеснаго духовнаго міра—неземныхъ явленій, состояній и отношеній; самъ по себѣ видимый міръ есть лишь стѣнь грядущихъ благъ духовнаго міра, по которой мы должны гадать объ этихъ послѣднихъ; весь онъ—та великая притча, которая должна служить откровеніемъ будущей славы Божіей. Разъясненіе же и указаніе этой приточности или типичности естественнаго міра въ его отношеніи къ міру духовному, выраженное въ словесной формѣ и есть въ собственномъ смыслѣ приточный образъ рѣчи—притча въ собственномъ смыслѣ слова. Отсюда 1) существеннымъ свойствомъ образовъ притчи должна быть ихъ принадлежность къ видимому міру и отдѣльность ихъ отъ обозначаемыхъ ими идей, которыя должны относиться къ духовному—небесному царству. 2) Между образами притчи и обозначаемыми ими идеями при вѣшной раздѣльности этихъ образовъ и идей должна быть органически—тѣсная связь, они должны принадлежать другъ другу не по одной лишь намѣренной условности этой связи, какъ въ баснѣ, а въ силу необходимости. 3) Образами притчи должны быть не единичныя представленія и частныя понятія, подтверждаемыя въ своей дѣйствительности лишь опытомъ, а общія родовыя или видовыя понятія, реальность которыхъ очевидна и несомнѣнна. 4) Какъ такіе, образы притчи должны не объяснять только обозначаемыя ими истины, и доказывать ихъ собою. Какъ скоро читатель или слушатель притчи признаеть приточность слышимыхъ имъ въ притчѣ образовъ; то онъ, открывши обозначаемую этими образами идею притчи, уже не можетъ не признавать этой идеи: несомнѣнная очевидность образовъ идеи служить неопровержимымъ доказательствомъ истинности и несомнѣнности ея самой. Вотъ отчего зависить 5) обаятельная убѣдительность притчи. Въмѣсто всякихъ логическихъ соображеній притча представляетъ фактъ, который въ силу своей неотразимости заставляеть человека вѣрить притчѣ прежде, чѣмъ онъ пойметъ связь ся образовъ и идей; сила убѣжденія

ея почти безотчетная ¹⁾. Конечно такую безотчетно обаятельную убедительность притча может имѣть только для того, кто признаетъ, лежащую въ основѣ притчи, таинственную связь естественнаго и духовнаго міровъ и вѣрить въ реальность этого послѣдняго міра. Какъ скоро же читатель или слушатель притчи не вѣритъ въ эту реальность, онъ въ притчѣ ничего болѣе не видитъ, кромѣ самыхъ простыхъ, естественныхъ и въ тоже время ничего незначащихъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ несомнѣнныхъ, картинъ природы и жизни (МѠ. 13, 11—16).

Таковы существенныя свойства притчи именно, какъ иносказательной рѣчи. Всѣми ими вполне отличались притчи Госнода, производившія обезотчетно-обаятельное вліяніе на народъ, и именно на тѣхъ изъ народа, которымъ дано было знать тайны царствія Божія, которые вѣрили въ духовный міръ и стремились къ нему. Для галилѣй Спасителю достаточно было указать и лишь кратко разъяснить связь извѣстныхъ явленій видимаго міра съ явленіями міра небснаго, и у нихъ все уже было и преизбывало — и вѣра въ этотъ духовный міръ и въ указанныя въ приточныхъ образахъ явленія его, какъ въ несомнѣнныя, и пониманіе ихъ самымъ сердцемъ своимъ. Тѣ же, которые вслѣдствіе погруженія своего въ чувственность не признавали и не хотѣли знать небснаго царства—фарисей и саддукеи, слушая притчи Госнода, *видя не видѣли и слыша не слышали*, но въ тоже время ничего и никогда не смѣли, да и не могли возразить противъ этихъ притчей; не пытались оспаривать дѣйствительности и истинности ихъ образовъ, какъ оспаривали они не приточную рѣчь Госнода, они могли только или поникать главами своими, или уходить, питая въ умѣ своемъ мысль о необходимости убить Исуса.

Можно ли сказать что-либо подобное о книгѣ пр. Іоны? Такъ ли необходимо обязательно или неотразимо—обаятельно вліяніе образовъ этой книги и обозначасмыхъ при ней идей, какъ это мы видѣли въ притчахъ Госнода? Если да, то чѣмъ объяснить то, что изъ многочисленныхъ представителей приточнаго пониманія книги пр. Іоны едва ли не всѣ расходятся между со-

---

¹⁾ Ср. Das Leben I. Christi in seinem geschichtlichen Zusammenhange und seiner gesch. Entwicklung—von Dr. Neander, 6. Aufl. 1862. s. 138 u. w.

бою въ опредѣленіи выводимыхъ ими нравственныхъ уроковъ книги? Ясно, что эти уроки не обнимаютъ собою, каждый въ огдѣльности, всего содержанія книги, имѣя ближайшее отношеніе лишь къ нѣкоторымъ частямъ ея, въ книгѣ пр. Іоны есть цѣлыя отдѣлы внѣ связи съ указываемыми нашими противниками правоучительными выводами изъ нея. Ясно, значить, что эти выводы вовсе не такъ рѣзко бросаются въ глаза, какъ этого хочется нашимъ противникамъ, что на ряду съ ними могутъ быть и другіе выводы, что они слѣдовательно не такъ обязательно-необходимы, какъ это должно быть въ притчѣ. Въ притчѣ правоучительные выводы необходимо должны быть, по сознанію читателя ея; такъ что безъ нихъ приточный рассказъ хотя и имѣетъ смыслъ, чего нельзя сказать напр. о символѣ, но не имѣетъ никакого значенія и интереса; такъ онъ обычно простъ и зауряденъ. Въ книгѣ пр. Іоны не такъ, рассказъ ея и безъ духовно-нравственныхъ выводовъ имѣетъ и смыслъ, и интересъ, и значеніе, какъ нѣчто особенное, дивное. Правда духовно-нравственные выводы неволью возникаютъ при чтеніи ея разсказа, но именно въ силу самой особенности ея историческаго содержанія, точно такъ, какъ это естественно и въ обыкновенной исторіи. Выдающееся въ ней, явленіе или событіе, неволью представляется знаменательнымъ, въ смыслѣ правоучительнаго или пророческаго, хотя эта знаменательность нисколько не говоритъ противъ не сомнѣнной подлинности того явленія или событія; не даромъ же исторію называютъ наставницею грядущихъ поколѣній¹⁾. Въ этомъ смыслѣ, и даже гораздо въ большемъ, только не въ пригочномъ, мы называемъ правоучительною и книгу пр. Іоны, ибо, повторяемъ, нельзя не чувствовать, что лица, предметы и отношенія, выставленные въ этой книгѣ, имѣютъ свое значеніе и смыслъ не сами въ себѣ только, а и по отношенію къ чему-то другому, высшему, что они типы будущаго (подробнѣе и обстоятельнѣе объ этомъ ниже во второй части изслѣдованія). Слѣдовательно мы не отрицаемъ той органически-необходимой гармоніи между олицетворяемыми этой исторіей духовными истинами съ одной, и лицами, предметами и отношеніями, изображенными

¹⁾ См. первая строка предисловія къ исторіи Государства Рос. Карамзина.

въ немъ, съ другой стороны; но допуская эту гармонію, мы необходимо должны вѣрить въ несомнѣнную подлинность лицъ, предметовъ и отношеній книги. А въ такомъ случаѣ это будетъ подлинная исторія, а не притча, или точнѣе, это будетъ великая притча, но не природы, а исторіи, не слова, а факта. Т.-е. не образы книги пр. Іоны должны быть признаны типами, а самыя лица, предметы и отношенія, обозначаемыя этими образами, и притомъ предметы и лица историческія, а не просто типичныя.

Образы книги пр. Іоны не могутъ быть названы приточными и потому, что они не имѣютъ въ себѣ свойствъ и качествъ пригодныхъ образовъ; они не отличаются очевидностію и универсальностію, чѣмъ должны отличаться образы притчи, какъ общія понятія. Никто не скажетъ, что образы притчи І. Христа, наприм. о блудномъ сынѣ, суть дѣйствительныя факты, но въ тоже время каждый до несомнѣнности убѣжденъ въ ихъ истинности, но крайней мѣрѣ, въ цѣломъ; потому что видятъ въ нихъ выраженіе общечеловѣческихъ чувствъ, состояній и отношеній, отвлеченныхъ отъ исторической индивидуальности, отличающейся условностію, и потому, встрѣчаясь съ этими образами въ притчѣ, никто не задается даже вопросомъ объ ихъ подлинности, но непосредственно, какъ на аксіомахъ, основываетъ на нихъ правоучительныя выводы. Въ книгѣ пр. Іоны совершенно наоборотъ. Образы ея, обставленныя историческими опредѣленіями, носятъ на себѣ частныя, индивидуальныя характеры. Обозначая собой частныя временныя явленія, будучи выраженіемъ состояній и отношеній, выходящихъ изъ ряда обыкновенныхъ даже іудейско-эсократическихъ состояній и отношеній, они и для самихъ евреевъ могли имѣть и имѣли значеніе, какъ выразители идей высшаго, духовнаго порядка, только потому, что евреи собственнымъ опытомъ были убѣждены въ ихъ подлинности; точно также и для насъ они могутъ и должны имѣть такое значеніе только послѣ признанія ихъ исторической подлинности. Слѣдовательно эти образы таковы, что сами еще требуютъ для себя подтвержденія и доказательства вмѣсто того, чтобы въ значеніи приточныхъ аксіомъ служить доказательствами идей высшаго порядка. Защитники приточнаго пониманія книги пр. Іоны въ опредѣленіи характера образовъ книги его идутъ еще дальше; они не признаютъ или, лучше, не хотятъ признать за ними исторической подлинности, даже

при строго-критическомъ обоснованіи ея, и въ тоже время называютъ ихъ приточными образами. Это уже есть внутреннее противорѣчіе, къ которому можно придти, не замѣчая его, только изъ пристрастнаго желанія зашитить свое мнѣніе; потому что характеръ очевидности, несомнѣнной для каждаго, составляетъ такую отличительную черту образовъ притчи, что не замѣтить ея нельзя. Между тѣмъ этого характера не могутъ имѣть образы книги пр. Іоны, единичные, временные, слѣдовательно—неповторяемые; они не могутъ стать общими родовыми или видовыми понятіями, или, по крайней мѣрѣ, не стали ими. Правда и между притчами Господа есть притча о богатомъ и Лазарѣ, гдѣ въ качествѣ образа притчи употреблено, по видимому такое же частное и единичное понятіе (Лазаря) ¹⁾, какъ и въ книгѣ пр. Іоны; но это понятіе только по видимому такое же частное, какъ собственные имена книги пр. Іоны. Въ книгѣ пр. Іоны собственныя имена дополнены и частными историческими опредѣленіями: въ ней къ имени пр. Іоны прибавлено даже и отчество его; въ притчѣ же о богатомъ и Лазарѣ, единственной притчѣ, въ которой мы встрѣчаемъ собственное имя, это собственное имя имѣетъ нарицательное значеніе и поэтому-то оно можетъ быть приточнымъ образомъ въ качествѣ общаго понятія ²⁾.

Анализируя содержаніе книги пр. Іоны въ его отношеніи къ притчамъ Господа Нашего Иисуса Христа дальше, нельзя не замѣтить отсутствія въ ней и другихъ необходимыхъ свойствъ притчи. Такъ въ ней внѣшніе ея образы и обозначаемыя ими явленія высшаго порядка сливаются между собой, чего не должно быть въ притчѣ; въ ней образы Іеговы и пророка Его, въ ихъ взаимоотношеніяхъ и поведеніи въ отношеніи къ язычникамъ встрѣчаются и во внѣшнемъ содержаніи; они же по необходимости должны быть предметомъ и ея тайнаго смысла. Это потому, что эти образы принадлежать не къ одному только естественному міру, изъ котораго должны быть образы притчи; по крайней мѣрѣ нельзя этого сказать объ указанныхъ нами обра-

¹⁾ См. Лук. 26, 16—31.

²⁾ Лазарь значить безпомощный, или вспомошествоемый Богомъ и въ такомъ смыслѣ это слово перешло даже во многіе языки. См. Пр. Господа—Третья стр. 375.

захъ и ни съ однимъ изъ нихъ мы не встрѣчаемся въ притчахъ Господа нашего Иисуса Христа. Въ притчахъ Господа подобные образы являются не какъ типы, а какъ истины, выражаемыя ими, не какъ образъ только вещей, а какъ самая вещь. Слѣдовательно, если эти образы въ книгѣ пр. Іоны встрѣчаются въ ея виѣшнемъ содержаніи, то ясно, что это виѣшнее содержаніе должно быть понимаемо въ прямомъ, буквальномъ смѣслѣ, а не приточномъ, что оно есть исторія, а не притча.

Итакъ и сопоставленіе книги пр. Іоны съ притчами Господа Нашего І. Христа, на основаніи выясненія существенныхъ свойствъ притчи, вообще рѣшительно говоритъ противъ приурочиванія нашей книги къ приточнымъ рассказамъ точно также, какъ и къ баснямъ.

Противъ этого говоритъ наконецъ и то, что и въ басняхъ, или апологахъ кн. Судей и Царствъ и въ притчахъ Господа Нашего Иисуса Христа, прежде изложенія самаго содержанія ихъ, выставлены поводы къ ихъ произнесенію и въ заключеніе выяснено приложеніе ихъ къ дѣйствительности; мало того: въ евангельскихъ рассказахъ о притчахъ Господа читатели предупреждаются точно также, какъ предупреждаемы, значить, были и первоначальные слушатели, что предложена будетъ притча. Въ книгѣ же пр. Іоны, какъ мы имѣли уже случай говорить, рѣчь начинается непосредственно съ изложенія содержанія этой, якобы, басни или притчи; ни о прологѣ, ни объ эпилогѣ, ни объ указаніи характера содержанія книги тутъ нѣтъ и рѣчи. Самое это содержаніе обънимаетъ собою четыре главы, заключающихъ въ себѣ 48 стиховъ, чего не встрѣчаемъ мы ни въ одной баснѣ, ни въ одной притчѣ, обычно болѣе краткихъ и сжатыхъ.

Указывая выше несходство книги пр. Іоны съ притчей, мы говорили о смѣшеніи въ ней образовъ съ выражаемыми ими идеями, чего не должно быть въ притчѣ. Но такое смѣшеніе можетъ быть въ аллегоріи, какъ показываютъ это аллегоріи, читаемыя нами въ Пѣсни Пѣсней, Іоан. 10, 1—16 и др.; слѣдовательно въ этомъ отношеніи книга пр. Іоны сходна повидимому съ аллегоріями, напоминаетъ ихъ. Нельзя ли поэтому признать справедливымъ то воззрѣніе на книгу пр. Іоны, какъ на аллегорическое изображеніе современнаго составителю книги общества, который высказано было, какъ мы видѣли выше, еще въ прошедшемъ сто-

лѣтія Германомъ фонъ-деръ-Гардтомъ, и въ настоящемъ съ нѣкогорыми измѣненіями повторено Крамеромъ. Выказывая такое возрѣніе, первый въ доказательство его ссылался вообще на аллегорическій способъ представленія древности, на многія древнія свѣтскія и священныя книги, которыя должны быть толкуемы аллегорически, а второй указывалъ на апокалипсисъ и ветхозавѣтныя пророческія писанія, которыя, будто-бы, всѣми толкуются такъ, какъ онъ объясняетъ книгу пр. Іоны.

Но приведенныя доказательства едва ли можно признать имѣющими какую-бы то ни было доказательную силу. Правда, въ древности мы находимъ аллегорическій способъ выраженія преобладающимъ; въ религіозныхъ міоахъ и легендахъ мы встрѣчаемъ, такъ сказать, сплошныя аллегоріи; но все это имѣло мѣсто лишь въ самой глубокой древности, на зарѣ исторической жизни, когда только лишь слагался еще языкъ, отвлеченное мышленіе было чужду человѣческому уму, и когда люди не владѣли даже зачатками науки, не имѣли исторіи и вообще литературы. Поэтому ссылаться на аллегоризмъ глубокой древности въ доказательство правильности аллегорическаго пониманія книги пр. Іоны и въ тоже время относить ея происхожденіе къ временамъ плѣна вавилонскаго и даже послѣдующимъ, какъ дѣлаютъ это Гардтъ и Крамеръ, значитъ ничего не доказывать. Во времена плѣна и послѣплѣнные евреи вошли, какъ входили и прежде, въ связь съ другими народами, стоявшими уже на сравнительно высокой степеніи культуры, и сами имѣли у себя и историковъ, и историческія творенія въ собственномъ смыслѣ. Положимъ, фигуральнымъ, не собственнымъ языкомъ и въ это время пользовались иногда ветхозавѣтныя писатели и особенно пророки, и послѣдніе тогда, когда говорили о премірныхъ духовныхъ отношеніяхъ и явленіяхъ, для которыхъ на языкѣ человѣческомъ нѣтъ особыхъ словъ. Но въ такихъ случаяхъ пророки предупреждали объ этомъ своихъ читателей, или послѣ разъяснили имъ свою рѣчь, какъ это мы видѣли уже въ библейскихъ рассказахъ объ апологахъ; пророческихъ видѣніяхъ, притчахъ и какъ это можно видѣть въ апокалипсисѣ. Ничего подобнаго нѣтъ въ книгѣ пр. Іоны; слѣдовательно и ссылаться на аллегорическіе отдѣлы въ писаніяхъ пророческихъ и вообще библейскихъ въ доказательство аллегорическаго характера нашей книги нѣтъ основаній. Конечно книга

пр. Іоны имѣеть сходство съ писаніями пророковъ, но лишь съ тѣми частями ихъ, которыя содержатъ въ себѣ дѣйствительную исторію и не даютъ повода къ аллегорическому ихъ толкованію.

Правда, въ библіи находятся отдѣлы и даже цѣлыя книги, которые мы толкуемъ и должны толковать аллегорически, не смотря на то, что составители этихъ отдѣловъ и книгъ не дѣлають указаній на ихъ аллегоричность. Такъ мы разсматриваемъ, какъ аллегорію, книгу „Пѣснь Пѣсней“, хотя писатель ея и не дѣлаеть указаній на ея аллегорическій характеръ; и это потому, что при буквальной ея пониманіи становаются неизбежными разнаго рода натяжки и несообразности и такіе выводы, которые не согласимы съ достоинствомъ библейской книги. Но приложима ли эта мѣрка къ книгѣ пр. Іоны? О томъ, что изъ ряда выходящія особенности ея содержанія не являются несообразными и несогласимыми съ достоинствомъ этой книги, какъ библейской, при ея буквальной пониманіи, рѣчь будетъ ниже. Правда ли, что эти особенности ея и безъ стороннихъ указаній говорятъ объ аллегорическомъ характерѣ книги, такъ что аллегорическое ея толкованіе является единственно возможнымъ и правильнымъ?

Аллегорія есть распространенная метафора или цѣлая рѣчь, изложенная метафорически. Метафорой же называется употребленіе для обозначенія извѣстныхъ предметовъ, состояній и отношеній, имѣющихъ и собственныхъ имена, другихъ именъ, заимствованныхъ отъ другихъ предметовъ, состояній и отношеній, съ которыми первые имѣють сходство. По своему происхожденію и сущности она тоже, что простое сравненіе; характеристическое отличіе ея отъ сравненія заключается въ томъ, что въ сравненіи не только сравниваемый предметъ и тотъ, съ которымъ онъ сравнивается, поставляютъ одинъ подле другаго, но указывается и самое это сравнительное взаимоотношеніе ихъ, которое выражается обыкновенно посредствомъ сравнительныхъ союзовъ: *какъ, подобно тому какъ*; въ метафорѣ же это именно указаніе взаимоотношенія опускается для краткости рѣчи. Ясно, что различіе это чисто внѣшнее; въ существѣ и метафора и сравненіе сходны между собой; слѣдовательно сходны и ихъ существенныя свойства. Отсюда. какъ въ сравненіи, такъ и въ метафорѣ, а слѣдовательно и въ аллегоріи, какъ распространенной метафорѣ, наряду

съ образными, несобственными, выражениями должны стоять и буквальные, составляющія собственные имена обозначаемых тѣмъ выражениями предметовъ и состояній. Необходимымъ слѣдствіемъ этой особенности метафоры, а слѣдовательно и аллегоріи, является то, что въ ней (аллегоріи) можетъ и не быть ни обозначенія того, что это есть именно аллегорія, ни особаго толкованія, какъ въ притчакъ и апологахъ. Самое сопоставленіе въ ней сравниваемыхъ предметовъ рядомъ должно замѣнять собою это обозначеніе и толкованіе, какъ это и видимъ мы въ рѣчахъ напр. Господа о Себѣ, какъ о Настырѣ (Іоан. 10, 11), или виноградной лозѣ (Іоан. 15, 1—8).

Можно ли сказать что-либо подобное о книгѣ пр. Іоны? Таково ли смѣшеніе образовъ ея съ изображаемыми ими предметами, какое имѣетъ мѣсто въ аллегоріи, и понятенъ ли вслѣдствіе этого смѣшенія смыслъ этой, якобы, аллегоріи безъ толкованія? Едва ли можно отвѣтить на эти вопросы утвердительно. Смѣшеніе образовъ въ книгѣ пр. Іоны съ обозначаемыми ими предметами и состояніями, въ томъ его видѣ, какъ оно является въ толкованіи Гардта и Крамера, вовсе не есть только сопоставленіе ихъ, какъ бываетъ это въ аллегоріи, а смѣшеніе въ полномъ смыслѣ слова, такъ что одно и тоже выраженіе обозначаетъ собою и то, что сравнивается, и то, съ чѣмъ это послѣднее сравнивается. Чтобы нагляднѣе видѣть на сколько непригодно аллегорическое толкованіе книги пр. Іоны, предложенное Гардтомъ и Крамеромъ, не лишне привести ихъ собственные объясненія.

Въ своемъ послѣднемъ сочиненіи о книгѣ пр. Іоны: *Aenigmata prisca orbis Ionas in luce in historia Manassis et Iosiae*, Гардтъ приписываетъ ее первосвященнику Хелки, жившему при Іосіи и описавшему въ ней аллегорически исторію и дѣянія іуд. царей Манасіи и Іосіи и потому раздѣляетъ книгу на двѣ равныя части. Въ первой части (1 и 2 гл.), думаетъ онъ, рассказана исторія Манасіи, а во второй (3 и 4 гл.)—исторія Іосіи. Моменты исторіи, аллегорически обозначенные въ нашей книгѣ, Гардтъ представляетъ такъ.—Нечестивый Манассія, склонный вообще къ идолопоклонству, допустилъ въ своей странѣ воздвигнуть алтари въ честь идоловъ и, тѣснимый ассиріянами, задумалъ предпринять войну противъ нихъ вопреки воли Іеговы, говорившаго ему

чрезъ пророковъ, что могущество ассиріянъ въ свое время кончится. Не смѣя вслѣдствіе такого своего поведенія надѣяться на помощь Господа въ предстоящей войнѣ, онъ вступилъ въ союзъ съ могущественнымъ царемъ Сарды; но Іегова не замедлил наказать его за это невѣріе и непослушаніе. Едва ассирійскій царь узналъ объ этомъ союзѣ, тотчасъ напалъ на іудейское царство. Іудеи употребляли всѣ усилія, чтобы отстоять свою самостоятельность, но ничто не помогало; даже Іерусалимъ былъ осажденъ и самъ царь скрылся въ подземномъ ходѣ, думая спастись бѣгствомъ въ случаѣ опасности. Когда затѣмъ ассиріане потребовали отъ осажденныхъ ими евреевъ выдачи ихъ царя, послѣдніе выдали его ассиріянамъ, какъ виновника бѣдствія, чтобы доставить покой себѣ, чего и достигли. Освободившись отъ бѣдствія, они предприняли даже религіозныя реформы. Манассія же, отведенный въ илѣнъ въ оковахъ въ городъ Либонъ, на р. Оронтѣ, обратился съ молитвою къ Іеговѣ, и Онъ снова возвратилъ его въ Іерусалимъ. Въ третьей и четвертой главахъ книги Іоны, по Гардту, также аллегорически разсказывается исторія Іосія. Когда Мидійскій царь, Фраоть, напалъ на ассиріянъ и осадилъ ихъ столицу Ниневію, царь Іосія думалъ, что Ниневія будетъ разрушена и такимъ образомъ іудеи освободятся отъ тягчайшаго ихъ притѣсненія. Но ассиріане обратились съ молитвою къ Богу о помилованіи; Фраоть снялъ осаду съ Ниневіи и самъ погибъ съ большею частію своего войска и такимъ образомъ Ниневія была спасена. Это опечалило Іосія, который опять сталъ сомнѣваться въ надеждѣ на освобожденіе своего царства отъ ига ассиріянъ. Когда же сынъ Фраота, Ксерксъ, мстя за смерть отца, съ многочисленнымъ войскомъ выступилъ противъ Ниневіи, Іосія снова воспрянулъ духомъ, но не надолго; потому что великое войско скивовъ, пользуясь отсутствіемъ Ксеркса, вторглось въ Мидію и такимъ образомъ отвлекло Ксеркса отъ осады Ниневіи. Громовымъ ударомъ для Іосія было это обстоятельство, потому что скивы не только Ниневію освободили, а и пришли въ Палестину. Іудейскіе пророки въ этомъ печальномъ положеніи утѣшали царя тѣмъ, что хотя теперь Господь по милосердію Своему и пощадитъ Ниневію, но все-таки ихъ предсказанія о гибели Ниневіи исполнятся въ свое время.—Такова, будто бы, поллиная исторія, лежащая въ основѣ содержанія книги пр. Іоны.

Нѣтъ нужды приводить въ параллель съ этими разсказами отдѣльныя части книги пр. Іоны, будтобы, олицетворяющія ихъ: достаточно сказать, что Іона — образъ іудейскихъ царей, корабль—іудейскаго царства, корабельные люди—гражданъ этого царства, Сарда—образъ Фарсиса, Ниневія—Ниневія же, китъ—ассиріяны, клещевина—мидяны; остальное понятно само собой.

Крамеръ же ¹⁾, выходя изъ того положенія, что книга Іоны написана въ послѣднѣе время, когда іудеи особенно стали не навидѣть язычниковъ и спорили съ самарянами, видитъ въ Іонѣ, корабельщикахъ и ниневитянахъ въ ихъ взаимоотношеніяхъ послѣднѣйшихъ іудеевъ, самарянъ и персидско-вавилонскихъ язычниковъ въ ихъ взаимоотношеніяхъ. Іона—олицетвореніе іудеевъ въ ихъ духовномъ и политическомъ положеніяхъ; товарищи его морскаго путешествія—это самаряне, которые точно также, какъ и корабельные товарищи пророка, переселены были изъ разныхъ частей Ассиріи въ Палестину и религія которыхъ была пестрою смѣсью различныхъ идей; подъ кораблемъ въ нашей книгѣ должно разумѣть могучее отношеніе Персіи къ іудеямъ и самарянамъ; подъ Ниневіей, ея царемъ и вельможами—Персію съ ея столицей Вавилономъ и персидскаго царя съ его вельможами. Какъ Іона, пророкъ Іеговы, хочетъ бѣжать отъ лица Его, такъ точно и іудеи, почитатели истиннаго Бога, часто уклонились въ идолопоклонство. Во время своего бѣгства Іона встрѣтился съ язычниками и поплылъ съ ними въ Фарсисъ; точно также и іудеи, находясь въ одинаковомъ съ самарянами отношеніи къ Персіи, приглашали ихъ къ построенію храма. Язычники сначала не знали о намѣреніяхъ и цѣляхъ путешествія Іоны и все-таки относились къ нему съ нѣкоторымъ уваженіемъ; точно также и самаряне не знали сначала о намѣреніи іудеевъ добиться политической самостоятельности и все-таки соглашались на построеніе ихъ храма, надѣясь и для себя получить что-либо отъ Кира. Но какъ въ исторіи Іоны, едва корабль оставилъ гавань, поднялась буря (отъ востока—Вавилона) и плывшимъ угрожала опасность смерти въ волнахъ моря; такъ и въ исторіи іудеевъ, едва только началось построеніе храма, Киръ, покровитель іудеевъ, умеръ и на престолъ вступилъ

¹⁾ См. цитов. выше его сочиненіе.

жестокій Камбизъ. Въ началѣ его царствованія они всячески старались заслужить его благоволеніе, но напрасно; точно также и въ исторіи Іоны, не смотря на то, что и здѣсь корабельщиками приняты были всѣ мѣры предосторожности, буря не утихала. Самаряне, чтобы обаяться чистыми предъ Камбизомъ, прозрѣвавшимъ ихъ замыслы, написали ему доносъ на іудеевъ; жребій осужденія палъ на послѣднихъ точно также, какъ на Іону, и имъ запрещено было продолжать постройку храма, въ которой и они принимали въ началѣ участіе. Язычники въ исторіи Іоны послѣ того, какъ ими испытаны были всѣ другія средства обороны, старались направить корабль къ твердой землѣ, но напрасно; и самаряне въ своихъ стремленіяхъ отворотить отъ себя, а слѣдовательно и отъ іудеевъ, ужасныя бѣдствія ничего не достигли; ибо хоти Камбизъ и погибъ въ Египтѣ, но воцарившійся на его мѣсто Псевдосмердисъ, которому жаловались они на іудеевъ, какъ на мятежниковъ, повторилъ снова запрещеніе строить храмъ, такъ что Іудеи не надѣялись уже снова видѣть его (храмъ). Но скоро на мѣсто Псевдосмердиса вступилъ гуманный Дарій Истаситъ, и іудеи и самаряне (Іона и язычники) были спасены. Послѣ спасенія отъ смерти во чревѣ рыбы Іона пошелъ въ Ниневію и проповѣдывалъ покаяніе; такъ точно и іудеи безъ царскаго дозволенія снова начали постройку храма, и, когда были призваны къ отвѣту, сослались на письменное дозволеніе Кира. Когда же Дарій отъ своего имени и отъ имени своихъ вельможъ далъ позволеніе продолжать постройку, начавшая было угасать надежда іудеевъ оживилась и они сдѣлались опять нетерпимѣе къ самарянамъ и язычникамъ точно также, какъ и Іона, видя покаяніе ниневитянъ, вышелъ изъ города и построилъ себѣ кущу, чтобы здѣсь ожидать гибели Ниневіи. Въ одну почъ надъ кущей Іоны выросла клецевина, которой онъ былъ чрезвычайно радъ; точно также и у іудеевъ ихъ враждебность къ обращающимся къ Іеговѣ персамъ нѣсколько ослаблялась и переходила въ горделивое самодовольство вслѣдствіе продолжавшейся царской помощи, и чѣмъ болѣе они увлекались чрезъ это въ своихъ партикулярстическихъ ожиданіяхъ, тѣмъ сишнѣе должны были быть ихъ жалобы къ Іеговѣ при несбывавшихся ожиданіяхъ, и Іегова долженъ былъ наставлять и удерживать ихъ отъ проклятій противъ персидскаго двора, какъ наставлялъ Онъ и Іону.—

„Ясно, что такимъ аллегорическимъ разсказомъ, говорить въ заключеніе Крамеръ, составитель книги хотѣлъ выставить на видъ своимъ современникамъ ту истину, что ихъ гордое непослушаніе Иеговъ и ропотъ противъ Него достойны наказанія, такъ какъ Иегова знаетъ, что полезно имъ, хотѣлъ научить евреевъ, что только безусловно подчиняющіеся Итовъ и обращающіеся къ Нему заслуживаютъ Его благоволеніе и милость“.

Такъ объясняютъ Гардтъ и Крамеръ книгу пр. Іоны, признавая ея аллегорическимъ повѣствованіемъ. Но что слѣдуетъ изъ этихъ объясненій? Слѣдуетъ то, что, только прибѣгая къ самымъ невѣроятнымъ и несестественнымъ натяжкамъ, можно признать книгу пр. Іоны за аллегорію, что книга пр. Іоны, какъ аллегорія, неясна безъ разъясненій нашихъ аллегористовъ, что въ ней нѣтъ аллегорическаго сопоставленія двухъ исторій; слѣдуетъ, словомъ, что книга пр. Іоны вовсе не имѣетъ тѣхъ свойствъ, которыя должна имѣть, какъ существенныя, каждая художественная аллегорія. — Въ самомъ дѣлѣ отъ всякой аллегоріи, даже не художественной, каждый въ правѣ, какъ мы говорили уже, требовать послѣдовательности въ проведеніи ея символовъ до конца, — въ правѣ требовать, чтобы то, что въ началѣ аллегоріи было образомъ или символомъ одного предмета; послѣ, въ этой же аллегоріи, не было образомъ другаго предмета, точно такъ же, какъ образъ, который въ началѣ былъ избранъ для одного предмета, послѣ не былъ замѣняемъ другимъ. И это разумное требованіе исполнѣ и точно приложимо къ аллегоріямъ библейскимъ; но оно не приложимо къ книгѣ пр. Іоны, что несомнѣнно свидѣтельствуетъ противъ правильности ея аллегорическаго пониманія. Такъ по Гардту одинъ и тотъ же пр. Іона—символъ двухъ и при томъ совершенно различныхъ личностей—Манассинъ и Іосинъ. и наоборотъ, такіе различные предметы, какъ влещевина и червь, суть символы однихъ и тѣхъ же скибовъ. Что же касается Крамера, то онъ этотъ приемъ смѣшенія символовъ практикуетъ еще съ большею смѣлостію, чѣмъ Гардтъ. У него одинъ и тотъ же пр. Іона олицетворяетъ собою и однихъ іудеевъ и іудеевъ вмѣстѣ съ самарянами; точно также и самаряне олицетворяются и въ Іонѣ и въ корабельщикахъ; одни и тѣ же перемъ изображаются и какъ неодушевленные корабль и какъ финиціанс; отношеніе пр. Іоны къ Иеговъ есть символъ отношеній іудеевъ и къ Иеговъ

и въ персидскимъ царямъ и т. д. — Дальше. Во всякой аллегоріи мы въ правѣ предъявить и такое требованіе, чтобы символъ аллегоріи всегда соотвѣтствовалъ тому, что чрезъ него обозначается. Не въ силахъ были выполнить и этого требованія наши ученые. У Гардта и Крамера многіе символы подобраны такъ искусственно, что безъ натяжки нельзя видѣть никакого соотвѣтствія между сравниваемымъ предметомъ и тѣмъ, съ которымъ онъ сравнивается. Такъ, по представленію Гардта, Іона — образъ іудейскаго царя Манассія; между тѣмъ, по его же мнѣнію, Манассія—идолопоклонникъ, а Іона—чтитель Господа небесе и земли. Точно также колеблющійся и убогающій отъ Іеговы Іона вовсе не напоминаетъ собою мужественнаго Іосіа. Если и можно находить тутъ какое-либо соотвѣтствіе; то развѣ только между образами книги пр. Іоны и изображеніями Манассія и Іосіа, предлагаемыми фантазіей Гардта, но никакъ не исторіей. Если мы провѣримъ рассказъ его о Манассіи съ тѣмъ, что повѣствуется объ этомъ царѣ въ 33-й главѣ второй книги Паралипоменонъ, главномъ источникѣ, изъ котораго могъ заимствовать Гардтъ свой рассказъ; то увидимъ ясно, какъ далеко отъ истины представленіе Гардта. Ибо въ книгѣ Пар. говорится только то, что Манассія склоненъ былъ къ идолопоклонству и былъ невнимателенъ и небреженъ къ откровеніямъ Іеговы, бывшимъ къ нему и народу его (см. Ос. 11—13 ст. 33 гл.); все остальное—выдумка Гардта. Откуда напр. извѣстіе о связи Манассія съ царемъ Сарды, о религиозной реформациі іудеевъ во время плѣна? Последнее стоитъ даже въ противорѣчій съ тѣмъ, что говорится въ 15—17 ст. 33 гл. вн. Паралипоменонъ; ибо по этимъ стихамъ отмѣна идолопоклонства и возстановленіе почитанія Іеговы было дѣломъ самаго царя по его возвращенію въ Іерусалимъ, а не народа. Что же касается Гардтова изображенія Іосіа, то оно все есть произведеніе самого Гардта; ибо въ 34 и 35 гл. книги Паралипоменонъ, гдѣ говорится объ Іосіи, ничего такого нѣтъ, что передастъ Гардтъ. Точно также много нужно имѣть фантазіи, чтобы въ образахъ книги пр. Іоны узнать послѣплѣнныхъ іудеевъ, самаритъ и персидско-вавилонскихъ язычниковъ въ ихъ взаимоотношеніяхъ, какъ думаетъ Крамеръ. Такъ велико несоотвѣтствіе между тѣми и другими. Въ самомъ дѣлѣ можетъ ли Іона по своему характеру и поведенію по отношенію къ Іеговѣ, корабельщикамъ и виневи-

тянамъ быть образомъ послѣдственныхъ іудеевъ въ ихъ духовномъ и политическомъ положеніяхъ? Его мягкій характеръ вовсе не походитъ на неуступчивость жестоковѣрныхъ іудеевъ; его самоотверженное поведеніе въ отношеніи къ корабельщикамъ стоитъ даже въ прямомъ противорѣчіи съ дѣйствительными, изображаемыми въ первой книгѣ Ездры и Нееміи, отношеніями іудеевъ къ самарянамъ, которыхъ они презирали и для которыхъ они никогда не жертвовали своею жизнію. Между тѣмъ какъ по исторіи самаряне должны были помогать іудеямъ въ построеніи храма, по изображенію книги пр. Іоны наоборотъ — Іона долженъ былъ помогать корабельщикамъ. Точно также и положеніе Іоны по отношенію къ виневиціанамъ, совершенно самостоятельное и независимое, вовсе не напоминаетъ собою той полурабской зависимости іудеевъ отъ персидскихъ царей даже въ матеріальномъ отношеніи, о которой говорится въ 1-й книгѣ Ездры. Еще больше этого несоотвѣтствія въ символѣ самарянъ. Чтобы ближе поставить другъ къ другу образъ и изображаемое, Крамеръ долженъ былъ представить религіозныя понятія самарянъ такими ничтожными, какихъ они, содержащія пятокнижіе, никогда не имѣли. Корабельнымъ же товарищамъ Іоны онъ долженъ былъ приписать напротивъ уже слишкомъ большія свѣдѣнія объ Іеговѣ и поставить ихъ въ такое отношеніе къ Нему, какого, по книгѣ пр. Іоны, вовсе не выходитъ; потому что по 5-му стиху первой главы этой книги корабельщики были истыми язычниками, каждый изъ которыхъ призывалъ своего собственнаго бога. Какъ такіе, они ужъ вовсе не могли изображать собою самарянъ, которые просили у іудеевъ позволенія принять участіе вмѣстѣ съ ними въ построеніи храма Іеговѣ въ Іерусалимѣ, и, когда тѣ не согласились на это, строили Ему же свой храмъ на горѣ Гаризинѣ. Если по 10, 14 и 16 ст. первой главы книги Іоны корабельные товарищи его и знали Іегову, то знали на столько и такъ, какъ обыкновенно знаютъ язычники о богахъ сосѣднихъ народовъ и это знаніе перешло у нихъ въ сознательное призваніе могущества Іеговы только послѣ того, какъ Онъ показалъ Свою силу въ утишеніи бури. То ли было у самарянъ? Что же касается третьяго символа — виневиціанъ, то тутъ несоотвѣтствіе между книгой пр. Іоны и исторіей достигаетъ крайней степени. Въ самомъ дѣлѣ нельзя повѣрить, что чрезъ подробное изображеніе вине-

вѣтъ п ихъ покаяніи (3, 3—9) составитель книги пр. Іоны хотѣлъ сказать только то, что Даріи царь персидскій далъ евреямъ позволеніе строить храмъ и пожаловалъ имъ для этой постройки денежную помощь. Здѣсь между образомъ и тѣмъ, что чрезъ него изображается, лежитъ такая пронасть, что перешагнуть чрезъ нее бодро усумнился самъ Крамеръ, добавившій въ концѣ своей параллели, что духовное обращеніе Дарія и его вельможъ, котораго, встаетъ замѣтимъ, на самомъ-то дѣлѣ не было, въ 3, 5—10 книги пр. Іоны обозначено нѣсколько преувеличенно. Хорошо еще, что Крамеръ свои сближенія образовъ книги пр. Іоны съ исторіей, въ высшей степени натянутыя и неестественныя, не провелъ до конца, что онъ не вздумалъ подыскивать объясненія для сна Іоны на кораблѣ, его трехдневнаго пребыванія въ чревѣ рыбы и т. п.; иначе этихъ несоотвѣтствій и даже противорѣчій исторіи было бы еще больше.....

Итакъ и это воззрѣніе на книгу пр. Іоны, какъ на аллегорическое изображеніе современнаго составителю общества, окажется несостоятельнымъ.

Послѣ всего сказаннаго ясно, кажется, должно быть, что книгу пр. Іоны никакъ нельзя приурочивать къ тому роду вымысловъ, который обнимаетъ собою апологи, притчи и аллегоріи; ибо въ ней нѣтъ тѣхъ существенныхъ свойствъ, которыя необходимы въ литературныхъ произведеніяхъ такого рода. Уже Карционій очень мѣтко говоритъ: *ubi visiones, aenigmata, parabolae et schemata exponuntur, Spiritus S. de figurato dictionis genere, ut plurimum lectores admonuit, vel per disertam admonitionem, vel per ἀπόδοσιν, et parabolae applicationem, vel per totius contextus structuram, vel per allegationem alibi factam, vel denique per alias e textu ducentes διακρίσεως notas. At nihil tale in Ioniae libello, nullum visionis aut parabolae indicium, nullum symbolici dicendi generis vestigium comparet, aut volo, sed plana omnia et aperta historiam non tam produunt, quam evineunt, ita secundum litteram gestam, uti exponitur, citra symbolorum, aut aenigmatum involucra* ¹⁾. „При такихъ обстоятельствахъ, говорить Геферникъ ²⁾, защитникамъ вымышленнаго характера книги пр. Іоны не остается ничего другаго, какъ предположить, что

¹⁾ См. ego Introd. p. 343.

²⁾ См. ego Einl. § 244.

составитель книги хотѣлъ выдать свою выдумку за исторію“. Правда Герферникъ дальше говоритъ, что такое предположеніе не можетъ быть оправдано съ нравственной точки зрѣнія; ибо въ содержаніи книги пр. Іоны нѣтъ ничего такого, что давало бы право на обвиненіе составителя книги въ намѣренной лжи, и вполнѣ справедливо; но это не смутило повѣйшихъ защитниковъ вымышленнаго характера книги пр. Іоны, которые, не согласившись ни съ однимъ изъ доселѣ-разобранныхъ мнѣній о ней, назвали ее тенденціознымъ вымышленнымъ разсказомъ, или, говоря ихъ словами, романомъ. Къ числу такихъ защитниковъ вымышленнаго характера книги пр. Іоны принадлежатъ Блэкъ ¹⁾, Реусъ ²⁾ и Нельдекке ³⁾.

Выходи изъ того положенія, что содержаніе книги пр. Іоны своими невѣроятностями и противоестественностями на столько превосходить всякую дѣйствительность, что объ историческомъ характерѣ этого содержанія не можетъ быть и рѣчи, это съ одной стороны, съ другой, невольно замѣчал тенденціозный характеръ содержанія книги Іоны, Нельдекке о сущности и происхожденіи ея говоритъ, что книга относится къ тому времени, когда обычай свободнаго пользованія преданіемъ распространился у евреевъ слишкомъ широко и дошелъ до того, что отъ преданія бралась лишь одна повѣствовательная форма, наполнявшаяся самозмышленнымъ содержаніемъ. Видя первые опыты такого пользованія преданіемъ въ эпизодическихъ разсказахъ историческихъ книгъ о пророкахъ, Нельдекке говоритъ, что, какъ самостоятельный родъ литературы, такой романъ развился у евреевъ слишкомъ поздно и представителями его мы имѣемъ книги Товита, Іудифъ, Маккавейскія и между ними книгу Іоны. Всѣ онѣ и въ цѣломъ и въ частяхъ представляютъ собою свободный продуктъ фантазій, въ которыхъ изъ преданій взяты лишь одни собственные имена. Но собственные имена въ книгѣ пр. Іоны взяты не произвольно. Желая дать нѣкоторыя наставленія своимъ современникамъ по поводу и противъ партикуляризма ихъ, составитель книги избралъ имена Іоны и Ниневи, какъ давно забытыя, о

---

¹⁾ См. цит. его сочин. во введ. стр. 30.

²⁾ См. цит. его соч. тамже.

³⁾ См. цит. его соч. тамже.

которыхъ ничего не было извѣстно, кромѣ краткихъ и общихъ замѣчаній въ историческихъ книгахъ, избралъ для того, чтобы тѣмъ легче и свободнѣе можно было обращаться съ ними. Совершенно въ такомъ же духѣ высказываются о происхожденіи и сущности книги пр. Іоны Блэккъ и Реуссъ, не представивъ никакихъ новыхъ положительныхъ доказательствъ такого именно, а не иного пониманія дѣла, кромѣ вышеприведенныхъ, и слѣдовательно разсуждалъ также неосновательно, какъ и Нёльдекке.

Въ самомъ дѣлѣ (говоримъ о положительной сторонѣ этого мнѣнія) есть ли въ немъ хоть одно твердо-доказанное положеніе, одинъ вѣрный фактъ? Здѣсь брошено нѣсколько общихъ предположеній необоснованныхъ, не подтвержденныхъ исторією, взаимно противорѣчащихъ и при своей туманной краткости не имѣющихъ даже вида определенной мысли, и больше ничего; такъ что кажется, что или сами защитники такого мнѣнія не придавали этимъ фразамъ серьезнаго значенія, бросая ихъ лишь для того, чтобы дать своему мнѣнію хоть видъ доказательности, или, если придавали, то потому, что смутно представляли свое мнѣніе сами себѣ. И невольно является вопросъ: заслуживаетъ ли мнѣніе это, серьезнаго разбора? Ибо что такое по этому воззрѣнію книга пр. Іоны? Чистый вымыселъ, привязанный къ историческимъ именамъ и написанный съ тенденціозными цѣлями, Нёльдекке названный романомъ. Но въ романѣ, понимаемомъ въ современномъ смыслѣ этого слова, или, лучше, въ исторической повѣсти все должно быть представлено въ естественномъ и правдоподобномъ видѣ такъ, чтобы разсказъ этотъ въ своемъ буквальномъ смыслѣ походилъ на подлинную исторію, чтобы факты, изображаемые въ немъ, не только въ общемъ были согласны съ духомъ и характеромъ того времени и того народа, къ которому должны относиться, а и въ своихъ частностяхъ были возможны и естественны. Это нужно, понятно, ни того, чтобы читая такой разсказъ, читатель вѣрилъ ему, какъ дѣйствительности, и, какъ изъ такой уже, выводилъ изъ него для себя правоученіе. Защитники же разбираемаго мнѣнія потому и считаютъ разсказъ книги пр. Іоны вымысломъ, что содержаніе его, по ихъ мнѣнію, на столько превышаетъ дѣйствительность, что его нельзя считать исторією, и утверждаютъ даже, что такой характеръ содержанію книги приданъ составителемъ ея намѣренно. Но чѣмъ же въ такомъ случаѣ составитель книги думалъ возбудить въ чита-

теляхъ ея довѣріе къ олицетворяемымъ въ книгѣ моральнымъ истинамъ? Если для первыхъ читателей невѣроятными казались самыя образы книги пр. Іоны, то какъ могли и могутъ казаться имъ вѣроятными олицетворяемыя этими образами идеи? Если невѣроятнымъ казалось и кажется, какъ дѣйствительный фактъ, то, что Іегова такъ милостиво чрезъ Своего пророка относился къ язычникамъ, что пророкъ Его такъ мало понимать Его планы и намѣренія и т. п.; то какимъ образомъ могло казаться все это вѣроятнымъ, какъ общая идея, представленная осуществленною въ дѣйствительности? Отвергать первое и признавать послѣднее—это внутреннее противорѣчіе, запечатлѣнное характеромъ полной психологической неестественности. Такъ несостоятельно предложенное Нельдеекс представленіе о литературной сущности вымысла книги пр. Іоны, что замѣтилъ еще Саккъ. Онъ называлъ противнымъ смыслу и свойствамъ правоучительнаго сочиненія въ повѣствовательной формѣ то, чтобы при такой цѣли сочиненія содержаніе его намѣренно не походило на исторію. Книгѣ не достаесть въ такомъ случаѣ дидактическаго единства цѣли, которое должно быть въ тенденціозномъ вымыслѣ ¹⁾.—Далѣе. Не естественно предполагать возможность такого рода вымысла у евреевъ, которыхъ вовсе нельзя назвать народомъ также развитымъ въ интеллектуальномъ и художественномъ отношеніи, какъ и современнымъ другіе культурные народы. А у такихъ только народовъ и возможно существованіе этого высокаго рода художественной литературы. И у этихъ народовъ онъ возможенъ только по тому, что за нимъ, какъ его основа, лежитъ цѣлая литература историческая — въ обработанной и не обработанной формѣ; такъ что романъ изъ прошлаго есть уже въ своемъ родѣ историческое произведеніе. Ужь не въ такомъ же ли смыслѣ романъ и книга пр. Іоны? Ибо если она есть не имѣющій никакой исторической подкладки тенденціонный вымыслъ о пророкѣ; то откуда же могли взяться образы и картины этой книги, особенно тѣ, которые не имѣютъ связи съ религіей? Ибо какъ ни богата можетъ быть фантазія поэтовъ; но въ своихъ образахъ и она всегда зависима отъ окружающей поэтовъ дѣйствительности, если не въ цѣломъ, то въ частяхъ. *Nihil est in intellectu, quod non fuerit*

¹⁾ Ср. Havernick § 244.

in sensu — таковъ законъ нашей душевной жизни, дѣйствія котораго на себѣ не избѣгли даже ветхозавѣтные пророки, въ своихъ твореніяхъ изображавшіе намъ прсмѣрныя явленія въ формахъ, взятыхъ изъ окружающей пророковъ дѣйствительности. Откуда же писатель книги пр. Іоны заимствовалъ образы пр. Іеговы, несогласные даже съ исторіей? Откуда могла придти ему въ голову мысль о трехдневномъ пребываніи пророка во чревѣ рыбы великой, о траурѣ, наложенномъ ниневитянами даже на домашній скотъ и т. п.? Если онъ не видалъ ничего подобнаго въ дѣйствительности и не слыхалъ въ исторіи чего либо похожаго на написанное имъ, въ цѣломъ ли то, или въ частяхъ; то откуда же все это? Вотъ вопросы, которые неразгаданными остаются и останутся для всѣхъ защитниковъ чисто-вымышленнаго характера книги пр. Іоны, для послѣднихъ же представителей этого воззрѣнія въ особенности; потому что у всѣхъ остальныхъ, въ силу самой опредѣленности ихъ пониманій книги, эти вопросы отступаютъ на задній планъ. Вотъ почему у Нельдекке при его общихъ и неопредѣленныхъ представленіяхъ о характерѣ вымысла книги пр. Іоны, въ его немногословной рѣчи объ этомъ характерѣ не разъ проскальзываетъ слово *преданіе*. Видно, чувствовалъ онъ необходимость дать отвѣты на невольна возникающіе при его пониманіи дѣла вопросы; по задумываясь надъ ними, онъ проговаривался, своими собственными словами опровергая свое предположеніе о чисто-вымышленномъ характерѣ книги пр. Іоны. Такъ онъ говоритъ, что въ книгѣ пр. Іоны нѣтъ ничего историческаго кромѣ собственныхъ именъ, взятыхъ *изъ преданія*. Правда тутъ же онъ прибавляетъ, что имена эти взяты составителемъ книги пр. Іоны изъ преданія потому, что они были имена давно забытыя, о которыхъ ничего не было извѣстно, кромѣ общихъ замѣчаній объ нихъ въ историческихъ книгахъ; но эта фраза очень обще и неопредѣленно выражена и потому - то только и могла имѣть мѣсто въ числѣ доказательствъ полной вымышленности книги пр. Іоны. На самомъ же дѣлѣ невозможно представить, чтобы въ преданіи сохранялись одни лишь голыя имена безъ какихъ бы то ни было представленій о лицахъ, носившихъ эти имена. Нельдекке ссылается на 4 Ц. 14, 25; но тамъ говорится объ одномъ пр. Іонѣ и притомъ нѣчто такое, что совершенно противоположно рассказываемому объ немъ въ кни-

гѣ его имени и, какъ такое, ни кониъ образомъ не могло дать собою матеріала, или даже повода представлять пророка проповѣдующимъ между язычниками. Ясно, что Нельдекке хотѣлъ этой ссылкой ослабить мысль объ исторической основѣ книги пр. Іоны, чтобы тѣмъ очевидно было, что собственные имена книги — имена давно забытыя; но онъ сейчасъ же и обличаетъ самую себя, подтверждая свое мнѣніе о книгѣ пр. Іоны, аналогіями книгъ: Товита, Іудифъ, и особенно Маккавейскихъ. Можно конечно ухищренными софизмами и туманными фразами защитить эту аналогію относительно книгъ Товита и Іудифъ; но немного нужно соображеній, чтобы видѣть, что книги Маккавейскія не могутъ быть образчиками того свободнаго отношенія къ преданію, по которому въ нихъ отъ преданія осталась лишь одна повѣствовательная форма съ самоизмышленнымъ содержаніемъ; потому что въ нихъ повѣствуется, какъ о дѣйствительныхъ, о событіяхъ того времени, къ которому отнестъ написаніе ихъ вѣроятно и самъ Нельдекке. И такъ несомнѣнно, что и самъ Нельдекке предполагаетъ какую-нибудь историческую первооснову для книгъ Маккавейскихъ, въ которыхъ приравниваетъ онъ и книгу пр. Іоны. Если же такъ, то онъ очевидно долженъ предполагать что-либо подобное и для этой послѣдней. А это значитъ считать ее уже не чистымъ вымысломъ, а рассказомъ имѣющимъ какую-нибудь историческую основу, — считать ее легендой или мифомъ.

Такъ возрѣше на книгу пр. Іоны, какъ на чистый вымыселъ; исторически и незамѣтно само для себя приближается, хотя очень мало, къ чисто историческому пониманію книги, следовательно само разрушаетъ себя, давалъ въ вопросѣ о происхожденіи книги мнѣсто мысли о преданіи и отождествляясь такимъ образомъ съ возрѣніемъ на книгу Іоны, какъ легенду, о чемъ рѣчь въ слѣдующей главѣ.

Разборъ и опроверженіе воззрѣнія на книгу пр. Іоны, какъ на мифъ или легенду.

Сущность мифическаго или легендарнаго пониманія книги пр. Іоны вытекаетъ изъ самаго понятія мифа или легенды. Въ основѣ мифа или легенды всегда лежатъ нѣчто дѣйствительное, историческое въ обширномъ смыслѣ—какое-либо событіе или явленіе; но эта историческая основа, распространяясь путемъ народнаго преданія изъ рода въ родъ, въ теченіе извѣстнаго періода времени, постепенно видоизмѣняется, украшается съ помощію народнои фантазіи, склонной къ преувеличеніямъ, къ таинственному, къ чудесному, и наконецъ отливается въ форму такого сказанія, въ которомъ всегда бываетъ трудно открыть первоначальное зерно исторической истины и которое не имѣетъ почти ничего общаго съ повѣствованіемъ въ собственномъ смыслѣ историческимъ. Къ разряду таковыхъ сказаній и должна, будто бы, быть отнесена книга пр. Іоны. Въ ея основѣ несомнѣнно есть нѣчто дѣйствительное, историческое; но въ настоящемъ своемъ видѣ она всего менѣе истинная исторія. Это—мифъ, легенда, плодъ досуужей народнои фантазіи.

Это новое воззрѣніе на книгу пр. Іоны имѣетъ, какъ мы видѣли выше, еще болѣе многочисленныхъ представителей и послѣдователей, чѣмъ разобранное доселѣ; но и оно не болѣе существенно, чѣмъ это предыдущее. Не вдаваясь въ подробный разборъ каждой гипотезы, въ ихъ отдѣльности, что завело бы насъ слишкомъ далеко и заставило бы повторяться, остановимся своимъ вниманіемъ на основныхъ и существенныхъ положеніяхъ эта-

го воззрѣнія, общіхъ во всѣхъ видоизмѣненіяхъ его, ведя дѣло систематически, принципиально, и прежде всего рассмотримъ тѣ фактическія данныя, которыя предполагаются въ основѣ книги пр. Іоны, потомъ разберемъ предполагаемыя способы (процессы) образованія изъ этихъ данныхъ нашей книги въ ся настоящемъ видѣ, и затѣмъ уже, разобравши эти положенія, сдѣлаемъ заключительный выводъ относительно состоятельности самаго воззрѣнія, само собою разумѣется, основывая свои общія замѣчанія на частныхъ фактахъ—на данныхъ тѣхъ или другихъ гипотезъ и не оставляя безъ разбора особенностей каждой изъ нихъ.

I

Въ опредѣленіи историческихъ основъ, давшихъ, будто бы, собою матеріалъ для содержанія книги пр. Іоны, представители мнѣнскаго или легендарнаго пониманія книги значительно расходятся между собою. Между тѣмъ какъ одни такихъ историческихъ основъ книги ищутъ въ жизни самаго пр. Іоны, или вообще въ еврейской исторіи, другіе обращаются для этого къ языческимъ сказаніямъ, третьи наконецъ соединяютъ тѣ и другіе вмѣстѣ. Каждое изъ этихъ видоизмѣненій въ опредѣленіи первоосновъ книги имѣетъ своихъ представителей, какъ въ прошедшемъ, такъ и въ новѣйшемъ времени, какъ это мы и видѣли во введеніи при обзорѣ литературы о книгѣ пр. Іоны; но изъ этого же обзорѣнія нельзя было не замѣтить, что всѣ эти видоизмѣненія явились не одновременно, а развивались одно изъ другаго. Такъ сначала явились воззрѣнія Абарбансла, Таддея, Аммона, Гримма, Зонненмаейра и другихъ, по которымъ въ основаніи книги пр. Іоны лежитъ истинная исторія изъ жизни этого пророка, только въ послѣдствіи украшенная чудесными подробностями; слѣдующее же видоизмѣненіе разбираемаго мнѣнія, предполагающее въ основѣ книги языческое сказаніе, явилось, какъ опроверженіе первыхъ воззрѣній, не объясняющихъ вполнѣ происхожденія книги пророка; точно также изъ сознанія недостаточности каждаго въ отдѣльности изъ двухъ, указанныхъ въ предыдущихъ воззрѣніяхъ, источниковъ книги пр. Іоны выходили и тѣ ученые, которые въ качествѣ исторической первоосновы книги нашего пророка указывали и на факты изъ жизни самаго Іоны и на языческія преданія. Такимъ

образомъ выходить, что и разбираемое возрѣніе, какъ и предыдущее, опровергается самими защитниками его, конечно не всецѣло, но по крайней мѣрѣ уже отчасти. Если по сознанию позднѣйшихъ защитниковъ этого мнѣнія ни одинъ изъ указанныхъ ими источниковъ книги недостаточенъ для объясненія происхожденія книги въ своей отдѣльности; то едва ли можно надѣяться, что они достаточны будутъ взятыя для этого вмѣстѣ... Но обратимся въ частности и прежде всего къ разбору того, что говорили первые ученые представители разсматриваемаго возрѣнія.

По мнѣнію Таддея, Аммона и др., въ книгѣ пр. Іоны далеко не все можно признавать въ строгомъ смыслѣ историческимъ. Такъ не могутъ быть названы историческими разназы о поглощеніи пророка рыбою великою (2, 1—2. 11), о клещевинѣ, въ одну ночь выросшей и въ одну ночь засохшей (4, 6—7) и т. п.; объ нихъ слѣдуетъ будто бы предположить, что это—чудесная окраска, приданная подлинной исторіи Іоны въ позднѣйшее время. Въроманѣ всего, дѣло происходило проще и естественнѣе, чѣмъ какъ рассказано въ книгѣ. Дѣлая предположенія относительно этого простаго и естественнаго, Таддей говоритъ, что Іона, дѣйствительно, получивъ отъ Іеговы повелѣніе идти въ Ниневію, послушался Его и поплылъ на кораблѣ въ Фарсисъ; во время плаванія дѣйствительно случилась буря; но слѣдствіемъ этой бури было не поглощеніе Іоны рыбою великою и не изверженіе его этою рыбою на берегъ, а просто кораблекрушеніе, выбросившее Іону на берегъ. Это-то кораблекрушеніе и принято было пророкомъ за божественное внушеніе идти въ Ниневію, котораго онъ теперь и послушался. Понятно, что такой фактъ, какой предполагаетъ Таддей, проще и естественнѣе описаннаго въ книгѣ пр. Іоны; но вѣдь такимъ образомъ предположить можно многое, а это не значитъ еще рѣшить вопросъ. Чтобы вопросъ былъ рѣшенъ, каждое положеніе и предположеніе должны быть обоснованы; а этого-то и не дѣлаетъ Таддей, не рѣшая вовсе существеннаго въ данномъ случаѣ вопроса о томъ, откуда же взялся рассказъ о поглощеніи пророка рыбою великою.

Этого вопроса не рѣшилъ и Аммонъ, разсуждавшій подобно Таддею, и утверждавшій, что Іона, выброшенный за бортъ корабля, пойманъ былъ не рыбою великою, а людьми съ другаго корабля, или рыболовною лодки, и привезенъ былъ на берегъ.

Нѣчто подобное говоритъ и Ейхгорнъ въ своемъ введеніи ¹⁾; предполагая кораблекрушеніе, онъ думаетъ, что во время этого кораблекрушенія Иона спасся на сплывъ убитаго морскаго чудовища, которое прибитое къ берегу вмѣстѣ съ нимъ выброшено было волнами на сушу. Но эти ученые къ недостаткамъ Таддея присоединяютъ новые; вмѣсто описаннаго въ книгѣ факта они предполагаютъ другой *такой*, котораго нельзя назвать ни простымъ, ни естественнымъ.

Еще неестественнѣе и невѣроятнѣе факты, которые предполагали въ основѣ книги пр. Ионы Исаакъ Абарбанель, Гриммъ и Зонненмайеръ. По ихъ мнѣнію, все рассказанное въ книгѣ пр. Ионы отъ 6-го или отъ 12-го стиха 1-й главы до 11-го второй на самомъ дѣлѣ было небольшое, какъ сновидѣніе пророка, уже въ послѣдствіи передѣланное въ разсказъ, какъ о бывшемъ въ дѣйствительности. Въ первый разъ, какъ бы мимоходомъ, эту мысль высказалъ раввинъ Исаакъ Абарбанель еще въ XV ст. ²⁾ и лишь въ прошедшемъ столѣтіи Гриммъ, воспользовавшись ею, развилъ изъ нея свое объясненіе позднѣйшаго сравнительно съ нѣкомъ Ионы происхожденія книги. Доказывая, что книга пр. Ионы въ себѣ настоящимъ видѣ легенда, записанная лишь послѣ илліа вавилонскаго, онъ говоритъ, что въ дѣйствительности дѣло было такъ. Иона почувствовалъ въ себѣ признаніе идти въ Ниневію въ качествѣ проповѣдника покаянія, но, убоявшись трудности этого путешествія, рѣшился сдѣлать его невыполнимымъ для себя и для этого сѣлъ на корабль въ Іопію. Скоро поднялась буря; она привела Иону къ тяжелымъ размышленіямъ о своемъ положеніи, среди которыхъ онъ и уснулъ. Эти размышленія пророка объ его предпріятіи въ настоящемъ положеніи и породили то сновидѣніе, которое, какъ дѣйствительное событіе, и описано въ 1, 6—2, 11 книги пр. Ионы.

Противъ гипотезы Гримма, вскорѣ же послѣ ея появленія, въ сказаны были возраженія нѣкоторыми богословами даже отрицательнаго направленія ³⁾. Прежде всего противъ нея указывали

¹⁾ См. *erg Einl.* § 576.

²⁾ См. *Historisch-kritisch Einl. in samtl. k. u. ap. Schriften. d. A. u. N. Test. von Berthold*, 5 Bd. 2 Theil. 1816 § 2352.

³⁾ Вскорѣ послѣ появленія сочиненія Гримма: *Der Prophet Jonas*, противъ него писалъ Бенценбергеръ (*Ein paar Resensioen aus Herzensgrund, oder meine*

на то, что въ книгѣ нѣтъ никакихъ указаній, что 1, 6—2 и 11 должно считать за сонъ; это мѣсто стоитъ въ неразрывной связи съ предыдущими и послѣдующими стихами, которые самъ Гриммъ считаетъ за рассказы о бывшемъ на самомъ дѣлѣ. Еслибы указанный цитатъ говорилъ о томъ, что происходило дѣйствительно во снахъ; то это такъ и было бы обозначено составителемъ книги, какъ то находимъ мы въ другихъ мѣстахъ библіи (ср. напр. Быт. 28, 12; 15, 1—26; 37, 5; Числ. 12, 6—10; 1 Царст. 1, 3. 4 и др.) Далѣе. Берценбергеръ справедливо также возражалъ противъ Гримма, что если пребываніе пр. Іоны на кораблѣ, плывшемъ въ Фарсисъ, было на самомъ дѣлѣ, а рассказъ о томъ, что онъ выброшенъ былъ въ море и уже изъ чрева рыбы снова попалъ на землю, обозначалъ собою не больше, какъ сновидѣніе пророка, видѣнное имъ все на томъ кораблѣ, плывшемъ въ Фарсисъ; то не понятно, какъ Іона, плывшій въ Фарсисъ, слѣдовательно на западъ отъ Іонціи—въ сторону противоположную отъ Ниневіи, могъ на этомъ же самомъ кораблѣ приближаться къ Ниневіи и, слѣзши съ него, дѣйствительно очутиться въ этомъ послѣднемъ городѣ. Еще Гриммъ поворить, что пр. Іона чувствовалъ въ себѣ призваніе идти въ Ниневію съ проповѣдью покаянія, но, сознавъ трудности этого предпріятія, рѣшилъ сдѣлать его невыполнимымъ для себя и для этого отплылъ на кораблѣ въ отдаленный Фарсисъ. Но представляя дѣло такъ, нашъ ученый допускаетъ въ пророкѣ такое внутреннее противорѣчіе, какого на самомъ дѣлѣ не можетъ быть. Конечно нельзя отвергать возможности внутренней борьбы въ человѣкѣ; такая борьба не рѣдко бываетъ и кончается она обыкновенно тѣмъ, что изъ двухъ борющихся влеченій одно беретъ перевѣсъ. Но при этомъ обыкновенно уступаетъ влеченіе мимолетное, случайное и побѣда остается за

Gedanke von H. Eichhorn's Antritts Programm über Gen. 11, 1—9 und von H. Grimm's neuer Erklärung des proph. Jonas. Leipz. 1789), отъ Гримма на замчаніи Бенценбергера (Kurze Prüfung der Gedanken d. H. Benzenbergers über d. Erklärung, d. Pr. Jonas. Ein Sendschreiben an einen Freund. Duss. 1790) снова ставилъ особаго подробнѣе равнѣе свои возраженія (Antwort auf des H. Grimm's kurze Prüfung der Gedanken über die Grim. Erklärung des proph. Jonas 1790. Затѣмъ противъ Гримма же писалъ даже Эйхгорнъ въ его *Allgem. Bibliothek der bibl. Litteratur*. Bd. 2, Leipz. 1789, ср. его же *Einl.* § 575 и Фридрихсена цит. соч. стр. 70 и д.

гѣмъ, которое выражаетъ собою существенное направленіе души. А можемъ ли мы сказать, что главное направленіе душевной жизни пр. Іоны характеризуется именно его бѣгствомъ отъ Іеговы ²⁾, возбужденное же въ немъ высшее стремленіе духа—обратить народъ вавилонскій на путь покаянія было мимолетнымъ стремленіемъ, которое легко можно было побѣдить? Въ такомъ случаѣ какъ понять то, что послѣ видѣннаго пророкомъ сновидѣнія онъ все-таки пошелъ въ Ниневію?... Вообще нужно сказать, что въ виду уже однихъ указанныхъ неестественностей предполагаемаго гипотезой Гримма историческаго факта, какъ первоосновы книги пр. Іоны, гипотеза эта по всей справедливости должна быть отнесена къ числу наименѣе удачныхъ.

Зонненмайеръ такъ видоизмѣнилъ гипотезу Гримма. Іона, убѣжавшій въ Фарсисъ не отъ своихъ мыслей, а отъ божественнаго повелѣнія, послѣ того, какъ на морѣ поднялась буря великая, и опасаясь, что его товарищи по путешествію могутъ прочесть на его лицѣ страхъ, появившійся въ немъ вслѣдствіе его непослушанія голосу Іеговы, спустился въ нижнюю часть корабля и тамъ заснулъ. Во снѣ его разстроенное воображеніе представило ему, какъ дѣйствительно случившееся, то, чего онъ такъ боялся въ въ сознаніи своего проступка, именно то, что рассказывается въ 1, 6—2, 11. Потомъ, когда его разбудили, чтобы онъ молился Богу своему во время поднявшейся бури, сонъ предносился предъ его глазами еще живѣе; замѣтившіе это корабельщики предложили ему нѣсколько вопросовъ; пророкъ потерялся совсѣмъ и въ испугѣ рассказалъ имъ свой сонъ. Корабельщики, принявъ этотъ сонъ за указаніе свыше, дѣйствительно бросили его въ море, но скоро сами же и спасли его, когда онъ, при наступившей тишинѣ, поднялся къ кораблю. Оставивъ его на палубѣ корабля, они чрезъ три дня высадили его на берегъ, послѣ чего Іона дѣйствительно пошелъ въ Ниневію и т. д.—Вотъ событіе, изъ котораго по Зонненмайеру образовался въ народномъ преданіи рассказъ о трехдневномъ пребываніи пророка во чревѣ рыбы.

Но такое событіе, лежащее будто бы въ основѣ 1, 6—2, 11 книги пр. Іоны, болѣе естественно сравнительно съ предполагае-

---

²⁾ Характеристично бѣгства Іоны отъ Іеговы см. ниже.

мымъ Гриммомъ въ однихъ частностихъ, въ другихъ гораздо сложнѣе и невѣроятнѣе послѣдняго. Невѣроятно напр. то, чтобы человекъ, изнуренный и физически и нравственно, во время сильнѣйшей бури, могъ продержаться на морскихъ волнахъ до тѣхъ поръ, пока утихла буря. Развѣ буря утихла не постепенно, какъ бываетъ обыкновенно, а вдругъ? Но въ такомъ случаѣ это будетъ чудо, не меньшее того, противъ котораго встаютъ названные ученые...

Кромѣ того предлагаемое Зонненмайеромъ объясненіе легендарнаго происхожденія и значенія книги нашего пророка точно также, какъ и предъ симъ разобранныя объясненія его единомышленниковъ, страдаетъ и недостаточностію. Отвергая все чудесное въ книгѣ пр. Іоны, ни онъ, ни предшественники его не сказали, какіе же болѣе естественные факты лежатъ въ основѣ остальныхъ разсказовъ книги о чудесномъ и необыкновенномъ, помимо разсказа о трехдневномъ пребываніи пророка въ чревѣ рыбы. Да и относительно самаго этого разсказа у нихъ осталось не рѣшеннымъ, откуда же въ немъ образы трехдневнаго пребыванія пророка именно во чревѣ рыбы великой? Вѣдь и образы сновидѣнія не безпочвенны въ своемъ содержаніи. На эти неестественности, лежащихъ, будто бы, въ основѣ книги пр. Іоны, фактовъ съ одной стороны, и съ другой на ихъ недосказанность и научную недоказанность въ гипотезахъ Зонненмайера и предшественниковъ его, давно обращали вниманіе даже нѣкоторые изъ тѣхъ, которые въ принципѣ согласны съ названными учеными относительно сущности и происхожденія книги пр. Іоны. Это указаніе, думаемъ, лучшее свидѣтельство о справедливости нашихъ замѣчаній противъ разобранныхъ гипотезъ.

Первымъ сдѣлалъ подобное указаніе на несостоятельность разобранныхъ нами гипотезъ Гольдхорнъ, выставившій въ опроверженіе мнѣнія Зонненмайера свои предположенія и развившій ихъ съ обстоятельною подробностію. „Въ основѣ народной легенды, очень поздно записанной въ книгѣ пр. Іоны, говоритъ онъ ¹⁾, лежитъ слѣдующій фактъ. Одинъ изъ ассирійскихъ царей, вѣроятно Фуль, объявилъ войну израильтянамъ. Іеровоамъ II, царь

¹⁾ См. его Vier Excuse zum Buche Ionas, 1804; ср. Фридрихсена стр. 230 и д

израильскій, послалъ къ нему Иону для переговоровъ, которые должны были предотвратить угрожающее изравлю бѣдствіе. На пути къ Фулу, Ионѣ пришло на мысль для болѣе успѣшнаго веденія своего дѣла выступить предъ ассирійскимъ царемъ не въ качествѣ политическаго дѣятеля или государственнаго посла, а въ качествѣ посланника Іеговы, и онъ рѣшился это свое намѣреніе привести въ исполненіе. Но вдругъ имъ овладѣло опасеніе, что имъ самимъ выдуманнй планъ дѣйствія не удастся, и вотъ онъ бѣжитъ въ Ионшю, а оттуда въ Фарсисъ, чтобы скрыться отъ глазъ своихъ соотечественниковъ. Дорогою при поднявшейся бурѣ онъ, какъ по жребію оказавшійся виновнымъ въ этомъ бѣдствіи, былъ высаженъ въ лодку, на которой случайно и доплылъ до берега. Принявъ этотъ случай за указаніе провидѣнія слѣдовать своему плану, Иона снова пошелъ въ Ниневію и съ такимъ жаромъ говорилъ Фулу о всемогущемъ Іеговѣ, что суровѣйшій деспотъ испугался и устроилъ торжественное обращеніе къ Богу. Когда Иона въ уединеніи дождался исхода дѣла, имъ снова овладѣло безпокойство, снова явилось охлажденіе къ задуманному имъ дѣлу. Но случай съ доставлявшимъ ему пріятную тѣнь палашомъ изъ клещевины скоро смягчилъ его печаль и снова принесъ покой въ его сматенную душу“.

Гольдхорнъ, выставивши этотъ фактъ, какъ первооснову книги Ионы, указалъ и способъ, которымъ изъ названнаго факта въ народномъ преданіи сложился рассказъ книги пр. Ионы, и первооснову остальныхъ образовъ книги. Въ этомъ заключается главное преимущество гипотезы Гольдхорна предъ разобранными раньше мнѣніями, дѣлающее цѣннымъ свидѣтельство его противъ тѣхъ мнѣній и бывшее причиною того, что и всѣ послѣдующіе защитники легендарнаго происхожденія книги Ионы безбоязненно стали подъ вліяніе его гипотезы въ этихъ послѣднихъ отношеніяхъ. Но замѣчательно, что ни Форбигеръ, ни Розенмюллеръ, ни Гезеніусъ, ни Бертольдъ, ни Винеръ, ни Фридрихсенъ, ни другіе, которые стали подъ вліяніе воззрѣнія Гольдхорна въ узазанныхъ отношеніяхъ, не согласились однако съ нимъ относительно предполагаемой имъ первоосновы книги пр. Ионы изъ жизни самого пророка, и не безъ причины.

Фактъ, лежащій, будто бы, въ основѣ книги пр. Ионы, самъ по себѣ невѣроятенъ, хотя, нѣтъ сомнѣнія, онъ и естественнѣе пред-

полагаемыхъ Гриммомъ и Зонненмайеромъ. Дѣло въ томъ, что о такомъ фактѣ ничего не говорятъ историческія книги евреевъ; Гольдхорнъ заключаетъ о немъ на основаніи сопоставленія сказанія 4-ой книги царствъ о времени, непосредственно слѣдовавшемъ за смертію Іеровоама II, съ сказаніемъ книги Іоны о дѣятельности этого пророка въ Ниневіи, какъ понимаетъ это послѣднее сказаніе самъ Гольдхорнъ. По нему выходитъ такъ. Въ книгѣ царствъ ассирійскіе цари представляются сильными завоевателями по отношенію къ Израилю непосредственно послѣ смерти Іеровоама II; очевидно, это отношеніе не могло быть инымъ до противоположности при Іеровоамѣ. Но книга царствъ ничего не говоритъ о завоевательномъ отношеніи ассиріянъ къ Израилю при Іеровоамѣ II; слѣдовательно въ то время отношеніе это не доходило еще до такихъ рѣзкихъ и крайнихъ границъ, какъ послѣ, и вѣроятно возможность новыхъ столкновеній на этотъ разъ предотвращена была взаимнымъ соглашеніемъ, достигнутымъ путемъ переговоровъ. Это доказывается фактомъ существованія книги пр. Іоны, который жилъ во время Іеровоама II—книги, говорящей вообще объ отношеніяхъ Израиля къ ассиріянамъ. Но такъ какъ содержаніе этой книги нельзя понимать буквально; то и необходимо предположить, что лежащій въ основѣ этого содержанія фактъ соответствовалъ тогдашнимъ взаимнымъ отношеніямъ обихъ царствъ. Отсюда-то Гольдхорнъ и выводитъ а-ргіогі тотъ фактъ, который, по нему, лежитъ въ основѣ книги Іоны. Итакъ фактъ, предполагаемый Гольдхорномъ въ основѣ книги пр. Іоны, есть лишь а-ргіогі предполагаемый фактъ; основаніемъ же этого предположенія очевидно служитъ другое предположеніе, которое въ свою очередь основывается на первомъ; такимъ образомъ выходитъ тотъ логическій кругъ, который называется *petitio principii* и которымъ ничего не доказывается. Это послѣднее тѣмъ несомнѣннѣе, что такое предположеніе противорѣчитъ тѣмъ сказаніямъ четвертой книги царствъ объ Іеровоамѣ II, по которымъ онъ представляется не слабымъ царемъ, лишь дипломатическими переговорами покупающимъ миръ своего сосѣда, а такимъ сильнымъ завоевателемъ, который снова восстановилъ древніе предѣлы Израиля отъ входа въ Емаеъ до моря пустыни (4 ц. 14, 25); такому царю вовсе нѣтъ основаній приписывать трусливую политику. Слова же книги царствъ, въ которыхъ Гольдхорнъ

видитъ указаніе на дипломатическія сношенія израильскаго царя съ ассирійскимъ (*по маголу Господа, Бога Израилева, егоже магола рукою раба своего Ионы...*), означаютъ лишь, какъ мы старались доказать выше, предопредѣленіе Вожіе о восстановленіи Геровоаомомъ предѣловъ Израиля, и какъ такіа, должны относиться къ болѣе раннему сравнительно съ временемъ Геровоама періоду—по крайней мѣрѣ ко времени отца Геровоама Іоаса ¹⁾.—Что же касается частностей, въ какихъ представляетъ этотъ фактъ дипломатическаго посольства Іоны Гольдхорнъ; то тутъ еще болѣе невѣроятнаго. Если Іона отправленъ былъ Геровоаомомъ въ Ниневію въ качествѣ дипломатическаго посла; то невѣроятно, чтобы онъ отправился туда одинъ; еще менѣе вѣроятно, чтобы ему пришла дорогой мысль самовольно перемѣнить роль политическаго дѣятеля на роль вѣстника Іеговы. Изъ исторіи сношенія ассирійцевъ съ евреями при Езекии подъ стѣнами Іерусалима (4 ц. 18 гл. ²⁾) ясно видно какъ то, что такіа посольства отъ одного царя къ другому совершались чрезъ высокопоставленныхъ лицъ и именно многихъ, такъ и то, что несмотря на политическое значеніе свое, посольства эти имѣли религіозный характеръ; рѣчи пословъ обычно произносились отъ лица боговъ. Что же послѣ этого значитъ перемѣна пророкомъ Іоною характера своего посольства? Потому, если мысль объ этой перемѣнѣ была простымъ гаданіемъ, думой пророка съ самимъ собою; то какъ понять такой страхъ пророка предъ этой думой относительно ея невыполнимости, страхъ, заставляющій его бѣжать въ отдаленный Фарсисъ? Почему пророкъ не могъ просто оставить свое гаданіе гаданіемъ и идти въ Ниневію въ качествѣ государственнаго посла, какъ онъ и былъ посланъ отъ царя? Если бы онъ поступилъ такъ, то онъ не былъ бы ни предъ кѣмъ отвѣтственнымъ, даже въ случаѣ неудачи своего путешествія; потому что онъ самъ могъ успокоить себя тѣмъ, что онъ сдѣлалъ повелѣнное ему. Теперь же, когда Іона, испугавшись своихъ мыслей, бѣжить въ Іоппію, замедляя чрезъ это ходъ переговоровъ, онъ чрезъ эту отсрочку, чрезъ это бѣгство отъ самаго себя, не только себя подвергалъ опасности, а и царя своего

¹⁾ См. въ введеніи стр. 5—9.

²⁾ Ср. 3 Ц. 20, 9, 17. 23, 2 Пар. 32, 25—31, Ис. 39 гл.; 4 Ц. 5, 4—6 и др.

Въ объясненіе такого состоянія пророка, самъ Гольдхорнъ ничего не могъ сказать больше, какъ только назвать это состояніе пророка замѣшательствомъ. Также невѣроятность далѣе и въ разсказѣ о спасеніи пр. Іоны на лодкѣ во время бури, когда вслѣдствіе этой бури корабль готовъ былъ разбиться. Наконецъ самъ Гольдхорнъ чувствуетъ, что предполагаемый имъ для объясненія происхожденія четвертой главы книги пр. Іоны фактъ изъ жизни самаго Іоны слишкомъ общъ и неопредѣлененъ и потому-то онъ спѣшитъ подкрѣпить этотъ фактъ исторіею пр. Или¹⁾, и др.

Что же касается тѣхъ изъ защитниковъ легендарнаго происхожденія и значенія книги пр. Іоны, которые, стоя подъ вліяніемъ Гольдхорна въ опредѣленіи этихъ другихъ историческихъ основоположеній книги, не согласны всетаки съ нимъ относительно предполагаемаго имъ подлинно-историческаго факта изъ жизни Іоны; то нужно замѣтить, что разсужденія этихъ ученыхъ по поводу указаннаго несогласія ихъ съ Гольдхорномъ, подкрѣпляя собою нашъ разборъ гипотезы послѣдняго, положительно и очень сильно говорятъ въ пользу не легендарнаго, а именно чистоисторическаго пониманія нашей книги. Такъ ближайшіе по времени къ Гольдхорну продолжатели его воззрѣній на книгу пр. Іоны Бертольдъ и Винеръ сочли болѣе справедливымъ въ рѣшеніи вопроса объ историческихъ основахъ этой книги изъ жизни самаго Іоны не пускаться въ такія частности и подробности, какъ Гольдхорнъ и его ближайшіе предшественники, а идти по стопамъ первыхъ защитниковъ легендарнаго значенія книги; они предполагаютъ, что въ основѣ книги пр. Іоны лежитъ что-либо болѣе вѣроятное и естественное, чѣмъ описанное въ книгѣ, но что именно, точно не извѣстно, хотя несомнѣнно, что это историческое основоположеніе книги было въ томъ же родѣ и духѣ²⁾. Правда Кно-

¹⁾ Согласно съ Гольдхорномъ въ общемъ опредѣляя фактъ, лежащій въ основѣ книги пр. Іоны, изъ жизни самаго пророка, и Нахтигаль, съ тѣмъ лишь различіемъ, что 1) опасность, постигшую пророка, онъ представлялъ совершившеюся не на морѣ, а на сушѣ—на пути въ Ниневію, или даже въ самой Ниневіи, не опредѣляя ея точно, и 2) считалъ подлинною молитву пророка, изложенную въ 2, 3—10 книги его. См. *Über das Buch d. A. Test. mit der Aufschrift: Jonas, von I. Nachtigal* въ *Allgm. Bibliothek der bibl. Litteratur von Eichhorn*. Bd. 2. 1799. s. 221 и в. Въ этомъ послѣднемъ пунктѣ гипотеза Нахтигала преимуществуетъ конечно предъ гипотезой Гольдхорна.

²⁾ См. *Realwörterbuch von Winer* 2 aufl., 1 Thl. 1838. s. 702; ср. *Berthold Einl.* s. 569.

бель, поддерживая Бергольда, говорилъ, что противъ предполагаемыхъ основоположительныхъ фактовъ, какъ таковыхъ, т. е. вѣроятныхъ и естественныхъ, спорить не всегда можно ¹⁾, и это совершенно вѣрно; но совершенно вѣрно также и то, что говорилъ по этому поводу продолжатель дѣла Кнобеля, Фридрихсенъ, именно, что такимъ соображеніемъ не много докажешь. „Попытка, говорить онъ въ своемъ обзорѣни различныхъ воззрѣній на книгу пр. Іоны ²⁾, выдѣлить въ легендѣ черты чисто фактическаго характера отъ чертъ легендарнаго происхожденія, конечно, всегда заключаетъ въ себѣ нѣчто сомнительное, какъ основывающаяся на субъективномъ чувствѣ, и съ перваго раза можетъ казаться, *будто*, Эйхгорнъ правъ, когда противъ такой попытки говорить, что по легендѣ можно только вообще догадаться объ истинномъ основоположеніи, но нельзя опредѣлить объ каждомъ отдѣльномъ обстоятельстве, дѣйствительный ли оно фактъ, или легендарное прибавленіе, потому что для такого опредѣленія не достаетъ общаго основнаго правила. Если хотять мѣркую принимать вѣроятное, то развѣ вѣроятное можетъ служить вѣрнымъ доказательствомъ дѣйствительно историческаго? Ибо и преданіе можетъ украсить фактъ между прочимъ и вѣроятными подробностями. Отсюда, если легенда употреблена для моральныхъ цѣлей; то остается все-таки еще неизвѣстнымъ, какими прибавленіями снабжена легенда для моральныхъ цѣлей, точно также какъ и то, что прибавило преданіе къ простому факту, если нѣтъ въ книгѣ какихъ-либо рѣзкихъ отличительныхъ чертъ, указывающихъ на это. И въ легендѣ объ Іонѣ мы не имѣемъ такихъ чертъ ³⁾“. Правда Фридрихсенъ, приведя эти слова Эйхгорна, говоритъ, что этотъ послѣдній только, *будто бы*, правъ, а не на самомъ дѣлѣ; но при всемъ томъ противъ справедливости этихъ словъ ничего не могъ выставить больше этого: *будто*, хотя бы несомнѣнно и желалось ему. А это лучшее доказательство, что слова Эйхгорна не *будто бы* только справедливы, а и на самомъ дѣлѣ таковы. И это понятно. Поставлять критеріемъ при выдѣленіи въ книгѣ подлинно-историческаго отъ легендарнаго одно понятіе о вѣ-

¹⁾ См. его *Der Prophetismus d. Hebraer.* 2 Thl. 1887. S. 366.

²⁾ См. его *дѣт. выше соч.* стр. 270 и 8.

³⁾ Ср. *Kichhorn-Einl.* S. 346—347.

роятномъ значигь строить свои соображенія на субъективныхъ основаніяхъ, самыхъ шаткихъ и ненадежныхъ. Ибо самое понятіе вѣроятнаго одно изъ самыхъ удоборастяжимыхъ; что одному можетъ казаться вѣроятнымъ и что поэтому онъ можетъ относить къ подлинно-историческому, то другому не кажется таковымъ и онъ подбираетъ, какъ подлинно историческія, другія черты, третій-третью и такъ далѣе. Эту кажущуюся вѣроятность можно разнообразить до бесконечности въ ту и другую сторону, какъ это мы уже и видѣли отчасти при разборѣ нѣкоторыхъ гипотезъ о книгѣ пр. Іоны, какъ о легендѣ. Изъ многочисленныхъ представителей этого воззрѣнія едва найдется нѣсколько вполне согласныхъ между собою въ опредѣленіи историческихъ чертъ книги пр. Іоны; такъ что въ концѣ концовъ теряется всякая грань, отдѣляющая это воззрѣніе на книгу Іоны отъ пониманія ея, какъ чистаго вымысла, какъ вполне справедливо сознается опять тотъ же Эйхгорнъ. И это сознаніе тѣмъ большее должно имѣть значеніе въ качествѣ безпристрастнаго и основательнаго сужденія, что оно идетъ отъ человѣка, который, отвергая историческую подлинность книги пр. Іоны, всѣ усилія свои направлялъ къ тому, чтобы защитить свое невѣріе, и, соглашаясь съ отрицателями въ общемъ, въ частностяхъ все-таки не применилъ ни къ одному изъ нихъ. Конечно окончательнымъ опроверженіемъ разбираемаго нами воззрѣнія съ этой именно стороны—со стороны предполагаемыхъ имъ историческихъ основъ книги изъ жизни самаго пророка, должно быть научное оправданіе подлинности всѣхъ чертъ книги пр. Іоны, которыя тѣми или другими учеными считаются за невѣротныя; но объ этомъ рѣчь ниже. Теперь же еще нѣсколько словъ о Фридрихсенѣ.

Не смотря на приведенное самимъ Фридрихсеномъ предостереженіе Эйхгорна, онъ далѣе все-таки пытается выдѣлпать въ содержаніи книги пр. Іоны чистый фактъ отъ позднѣйшихъ наслоеній. Для этого онъ прежде всего говоритъ о томъ, что могло быть вымысломъ послѣдняго редактора книги. Причисляя сюда черты, которыя противорѣчатъ духу и симпатіямъ народа, а въ то же время и необходимы для выведенія той моральной истины, ради которой составитель книги могъ воспользоваться легендой о пр. Іонѣ, Фридрихсенъ считаетъ за вымыслъ послѣдняго редактора книги 4, 10. 11; 2, 4. 9; 3, 6—8, и всѣ тѣ мѣста, которыя обнаруживаютъ контрастъ между Іоной и обѣими языческими

партіями—корабельщиками и ниневитянами. Потому, выдѣливши такимъ образомъ вымышленное, онъ задаетъ себѣ вопросъ, какой же чистый фактъ лежитъ въ основаніи разсказа, и, оговорившись, что его дерзновенное рѣшеніе этого вопроса будетъ только все-таки гадательное, продолжаетъ: „вѣроятно Іона получилъ огъ Іеговы повелѣніе идти въ Ниневію съ проповѣдью покаянія, старался сначала уклониться отъ этого повелѣнія чрезъ бѣгство, впрочемъ позднѣе выступилъ съ проповѣдью въ Ниневію; ниневитяне покаялись и городъ остался цѣль, къ досадѣ пророка“. Далѣе онъ съ меньшей увѣренностію причисляетъ къ дѣйствительнымъ же фактамъ и морское путешествіе пророка, лишь разсказъ о поглощеніи послѣдняго рыбою великою считая произведеніемъ народнаго преданія. Въ заключеніи Фридрихсенъ говоритъ о молитвѣ пр. Іоны, что онъ не дерзаетъ рѣшить, куда отнести ее.

Такимъ образомъ выходитъ, что Фридрихсенъ считаетъ подлиннымъ содержаніе книги пр. Іоны въ его общихъ чертахъ, отвергая, какъ не подлинныя, какъ позднѣйшее наслоеніе, частности и подробности этого содержанія, признаетъ подлинною идею, такъ сказать, фактовъ, ихъ заголовки, общее въ его отвлеченіи отъ частнаго. Но общее, какъ нѣчто отвлеченное отъ частныхъ, въ дѣйствительности безъ этихъ частныхъ не существуетъ. Если же Фридрихсенъ отвергаетъ, какъ дѣйствительныя, образы и формы принимаемыхъ имъ фактовъ; то стало-быть онъ принимаетъ, или предполагаетъ какіе-либо другіе образы и формы? Иначе не можетъ быть фактовъ. Но онъ не обозначаетъ точно этихъ образовъ; онъ принимаетъ, что ниневитяне покаялись, но отвергаетъ тѣ формы покаянія, въ какихъ представлено оно въ книгѣ пр. Іоны, не объясняя того, какъ же эти люди выражали свое покаяніе. А это другими словами значитъ отказаться отъ рѣшенія вопроса, самимъ же поставленнаго себѣ. Между тѣмъ для достиженія такого печальнаго вывода, или точнѣе, для замаскированія его Фридрихсенъ построилъ цѣлыи рядъ запутанныхъ, искусственныхъ умозаключеній, допустилъ даже логическій кругъ въ своихъ доказательствахъ, и все-таки не скрылъ своего безсилія. Впрочемъ иначе и быть не можетъ, потому что для чистыхъ фактовъ нужны данныя, какъ прямыя свидѣтельства объ нихъ. Какъ скоро такихъ свидѣтельствъ нѣтъ, то по необходимости

приходится или предполагать фактъ голословно, какъ дѣлали это первые представители разбираемаго мнѣнія, или вовсе отказаться отъ мысли отыскать этотъ фактъ.

Между тѣмъ вопросъ о томъ, откуда же, изъ чего взялась описанная въ книгѣ пр. Іоны исторія, если она не была дѣломъ фантазіи, гдѣ и каковы тѣ положительныя данныя, которыя лежатъ въ основѣ книги, что дало собою пищу ея содржанію — есть первый, неотвязчивый и вполне законный вопросъ, который можно предъявить защитникамъ легендарнаго происхожденія и значенія описанной исторіи. Это сознаютъ и сами представители разбираемаго воззрѣнія на книгу пр. Іоны, и можно быть вполне увѣреннымъ, что они не рѣшились бы на указанной нами подвигъ самоосужденія, если бы они не нашли подходящихъ, какъ будто, къ дѣлу фактическихъ основъ книги пр. Іоны въ другой средѣ, не въ жизни Іоны, которую нужно еще, такъ сказать, создать въ такомъ видѣ, въ какомъ она желательна для нихъ, а въ жизни другихъ ветхозавѣтныхъ пророковъ, рассказы о которыхъ въ готовомъ уже видѣ даются въ некоторыми библейскими книгами, и въ языческихъ мифахъ. На эти готовые данныя изъ библейскихъ историческихъ рассказовъ и языческіе мифы, какъ на неоспоримыя фактическія основы книги пр. Іоны, защитники легендарнаго ея происхожденія и обратили свое особенное испытующее вниманіе, стараясь ими или затушевать, или даже совсѣмъ замѣнить фактическія основы книги изъ жизни самого пророка. Первымъ, который въ виду недостаточности предыдущихъ объясненій обратилъ вниманіе на подысканіе историческихъ основъ для тѣхъ рассказовъ книги пр. Іоны, зерна которыхъ нельзя, казалось, находить въ жизни самого пророка, былъ тотъ же Гольдхорнъ, о которомъ мы говорили выше. Предположивъ для однихъ рассказовъ книги основу изъ жизни самого Іоны, онъ для другихъ рассказовъ — именно для рассказовъ о растеніи и рыбѣ великой хотѣлъ находить основу въ рассказахъ 3-й книги Царствъ (17, 1—7 и 19, 3—14) о пр. Или и въ греко-финикійскомъ мифѣ о Геркулесѣ и Гезіонѣ, или Персеѣ и Андромедѣ. Послѣдній далъ будто бы собою основу для рассказа книги пр. Іоны о пребываніи его во чревѣ рыбы, а первые дали собою матеріаль

для четвертой главы книги ⁴⁾. Но такъ ли? И прежде объ основахъ четвертой главы книги.

Въ этой главѣ книги пр. Іоны пророкъ, предсказавшій гибель грозной Ниневіи, представляется вышедшимъ изъ города и сидящимъ въ ожиданіи своего предсказанія; говорится далѣе, какъ онъ, не видя этого исполненія, огорчился и просилъ себѣ у Бога смерти, какъ надъ головою его выросло тѣнистое растеніе и въ одну ночь засохло и какъ наконецъ Богъ наставлялъ пророка пожалѣть Ниневію. Нельзя конечно отрицать, что въ общемъ этотъ рассказъ напоминаетъ собою рассказъ третьей книги царствъ о томъ, какъ пр. Ілія, предсказавъ голодъ Ахаву, царю израильскому, удалился отъ преслѣдованій его къ потоку Хоріеу (17, 1—7), и особенно, о томъ, какъ въ другой разъ Ілія, избившій жрецовъ Вааловыхъ и спасаясь отъ Іезавели, убѣжалъ въ пустыню и тамъ сидя подъ можжевельнымъ кустомъ, просилъ у Бога смерти себѣ и какъ Богъ, сначала чрезъ ангела, а потомъ и Самъ непосредственно наставлялъ его, показывая ему несправедливость его жалобъ. (19, 1—12). Но 1) этими только чертами и ограничивается все взаимное сходство между четвертой главой книги пр. Іоны и разказами книги царствъ о пр. Іліи. Сходство же это, заключающееся въ томъ, что тотъ и другой пророкъ негодуютъ по поводу неисполненія ихъ грозныхъ предсказаній о гибели нечестивцевъ, и того и другого Богъ вразумляетъ,—касается очевидно идеи этихъ рассказовъ, ихъ смысла, но никакъ не чудесныхъ образовъ, въ которыхъ представлены эти идеи. Эти послѣдніе существенно различны между собою. Такъ

---

⁴⁾ Между защитниками легендарнаго происхожденія книги пр. Іоны были и такіе, которые искали для чудесныхъ рассказовъ книги прецедента въ поэтическихъ образныхъ выраженіяхъ молитвы пр. Іоны, принятыхъ въ народномъ преданіи въ собственномъ смыслѣ. Таковы были: 1) Нахтигаль, считавшій подлинною молитву пророка и изъ образовъ ея выводившій происхожденіе первой главы книги, и 2) Пальмеръ, утверждавшій, что образныя выраженія молитвы и рассказъ о поглощеніи пророка рыбою великою образовались въ народномъ преданіи изъ поэтическихъ образныхъ рассказовъ одѣявшихъ бившихъ душевными безнокійствами пророка. Неестественность и фантастичность такихъ предположеній слишкомъ очевидна, чтобы останавливаться на нихъ.

пр. Илія огорчался по поводу нечестія своего народа, Иона при стѣнахъ Ниневіа думаетъ о судьбѣ этого языческаго города; пр. Илію Богъ вразумляетъ сначала дѣлами, ясно обнаруживающими благодѣющій промыслъ Его надъ пророкомъ; Иону Богъ наставляетъ сначала тоже чудомъ, но такимъ, изъ котораго тотъ могъ понять, какъ тяжело видѣть погибель даже растенія; непосредственное наставленіе пророку Иліи имѣетъ символическій характеръ и смыслъ; наставленіе, обращенное къ пр. Ionѣ, просто и безыскусственно. Какимъ же образомъ можно говорить о причинной зависимости разсказа четвертой главы книги пр. Ионы въ его образахъ отъ образовъ книги царствъ? Тѣмъ менѣе это справедливо, что образъ растенія, въ которомъ собственно и суть дѣла, совсѣмъ иной въ книгѣ царствъ, чѣмъ въ книгѣ пр. Ионы. 2) Для того, чтобы разсказы о пр. Иліи могли дать собою матеріаль для украшенія чудесными образами подлинной, но простой, исторіи Ионы, нужно, чтобы эти разсказы въ ихъ настоящемъ видѣ существовали уже задолго до ассирійскаго плѣна, когда, по мнѣнію Гольдхорна, произошла книга пр. Ионы; пророкъ же Илія, дѣйствовавшій при Ахавѣ, Охозіи и Іорамѣ, жилъ едва на 50 лѣтъ раньше пр. Ионы; слѣдовательно разсказы о немъ могли получить свою чудесную окраску точно также, какъ и разсказы о пр. Ionѣ, не раньше ассирійскаго плѣна; потому что въ противномъ случаѣ непонятна будетъ самая возможность возникновенія этихъ разсказовъ въ виду близости времени появленія ихъ съ временемъ ихъ основоположительныхъ фактовъ. Какимъ же образомъ они могли стать источникомъ разсказовъ о другомъ пророкѣ, жившемъ почти одновременно съ первымъ?..

Если такимъ образомъ нельзя принять сближенія разсказовъ о пр. Иліи съ разсказами о пр. Ionѣ въ силу самой искусственности и неестественности этого сближенія; то нельзя ли въ греко - финикійскомъ мнѣіи о Геркулесѣ и Гезіонѣ искать основы для разсказа книги пр. Ионы о трехдневномъ пребываніи его во чревѣ рыбы? За это говоритъ повидямому то обстоятельство, что въ этомъ пунктѣ съ Гольдхорномъ вполне согласны многіе изъ послѣдующихъ и даже новѣйшихъ ученыхъ. Не говоря уже о Розенмюллерѣ, Гезеніусѣ, Бертольдѣ, Винерѣ, Кнобелѣ, Фридрихсенѣ и другихъ позднѣйшихъ защитникахъ ле-

гендарнаго происхожденія книги пр. Іоны, за эти миѡы, какъ за источниии книги пр. Іоны, говорятъ Гитцигъ, Блекъ, Нельдекке и др., которые, считая книгу пр. Іоны вымысломъ, не отказываются, хотя мимоходомъ, бросать мысль о зависимости нашей книги отъ языческихъ миѡовъ.

Конечно такой облакъ свидѣтелей за эти миѡы великъ, но правды и въ нихъ нѣтъ.

Миѡы, на которые всѣ эти ученые ссылаются при рѣшеніи вопроса объ источникѣ повѣствованія книги пр. Іоны касательно трехдневнаго пребыванія пророка во чревѣ рыбы, передаются современными миѡологами съ поэтическими подробностями. Вотъ сущность миѡа о Геркулесѣ и Гезіонѣ, какъ онъ, на основаніи произведеній классиковъ, составленъ Шголемъ. Посейдонъ и Аполлонъ, по порученію повелителя небесъ Зевса, укрѣпили городъ цари Лаомеда, Трою, воздвигнувъ вокругъ него крѣпкія стѣны; когда же они окончили свою работу, Лаомедъ отказалъ имъ въ условленной платѣ и изгналъ ихъ изъ своей страны. Мстя за обиду, оба бога рѣшили наказать Трою великими казнями: Аполлонъ поразилъ городъ губительной язвой, а Посейдонъ послалъ на него изъ морской пучины страшное чудовище, пожиравшее людей. По словамъ оракула одно средство могло спасти жителей Трои отъ постигшей ихъ бѣды: царь Лаомедъ долженъ былъ отдать на съѣденіе чудовищу свою собственную дочь Гезіону. Удрученный горемъ народъ принудилъ царя пожертвовать дочерью, и вотъ Гезіона приковывается къ скалѣ на морскомъ берегу. Ей грозитъ уже опасность скоро быть проглоченною морскимъ чудовищемъ, какъ въ Трою является Геркулесъ на своемъ обратномъ пути изъ похода аргонавтовъ послѣ побѣды надъ амазонками. Увидавъ дѣву и узнавъ о судьбѣ ея, онъ обѣщаетъ спасти ее, если только Лаомедъ дастъ ему въ награду за это коня, полученнаго имъ нѣкогда въ даръ отъ Зевса. Лаомедъ согласился исполнить условіе и Геркулесъ, вооруженный мечемъ, вскочилъ въ пасть чудовища и въ продолженіе трехъ дней терзалъ его внутренности, и послѣ этого вышелъ оттуда невредимымъ, лишь съ потерю своихъ волосъ ¹⁾).

¹⁾ См. Миѡы класс. древности Г. Штоля, въ переводѣ Покровскаго. Т. 1, кн. 3, стр. 106 и д.

Огличіе этого міѡа отъ исторіи пр. Іоны такъ существенно и рѣзко, что весь этотъ міѡъ поставляютъ въ генетическую связь съ исторіей пророка нѣтъ никакой возможности. Конечно религиозный или церковный строй жизни еврейскаго народа требовалъ, чтобы при пересаживаніи греческаго міѡа на его почву съ этого послѣдняго снята была оболочка греческой свѣтскости и ему былъ приданъ національный церковный характеръ какъ въ общемъ, такъ и въ частностяхъ. Но это еще не значитъ вовсе передѣлывать міѡъ до неузнаваемости ¹⁾. Въ данномъ же случаѣ это взаимное различіе міѡа о Геркулесѣ и исторіи Іоны очень велико и очевидно съ перваго взгляда. Между Геркулесомъ и пророкомъ еврейскимъ самая пылкая фантазія не найдетъ ни малѣйшаго соотвѣтствія. Единственное, что въ міѡѣ о Геркулесѣ можетъ напоминать собою исторію пр. Іоны, и служить точкою ихъ взаимнаго соприкосновенія, это—сказаніе о морскомъ чудовищѣ и трехдневномъ пре-

---

¹⁾ Какъ далеко можетъ простираться передѣлываніе характера, духа извѣстнаго міѡа при переходѣ его отъ одного народа къ другому, примѣръ этого можно видѣть въ исторіи этого же самаго міѡа. Именно. Въ христіанской исторической литературѣ есть сказаніе о *нарочитомъ* чудѣ св. славнаго великомученика Георгія побѣдоносца (см. книги житій святыхъ, изд. по благослов. Св. Синода вв. 4, 23 ч. мѣс. апрѣля). Въ этомъ сказаніи точно также, какъ и въ міѡѣ, о Геркулесѣ, говорится о морскомъ чудовищѣ, выходящемъ на берегъ и пожирающемъ людей; и въ немъ точно также, какъ и въ міѡѣ, существомъ, обреченнымъ въ жертву чудовищу, является царская дочь, и въ немъ точно также спасителемъ ея является въ своемъ родѣ герой—Георгій на бѣломъ конѣ. Словомъ, сюжетъ разсказа и въ житіи Георгія и въ міѡѣ о Геркулесѣ и въ общемъ и въ частяхъ одинъ и тотъ же; такъ что нѣтъ возможности сомнѣваться въ томъ, что одно сказаніе есть передѣлка другаго, и что пальма первенства по времени должна принадлежать міѡу. Въмѣстѣ съ этимъ нельзя не замѣтить между ними и существенныхъ различій, зависящихъ отъ различія среды, къ которой принадлежатъ эти разсказы. Въ языческомъ міѡѣ сами боги представляются дѣйствующими по человѣческимъ страстямъ и чувствамъ, и въ немъ дѣло идетъ объ оскорбленной красотѣ и т. п., въ житіи Георгія все сводится къ христіанству. Въ немъ Георгій спасаетъ царскую дочь отъ морскаго чудовища подъ условіемъ обращенія всего города въ христіанскую вѣру. Вотъ различіе, происшедшее отъ перенесенія сказанія съ одной почвы на другую—съ языческой на іудейско-христіанскую. Ясно, что какъ ни существенно это различіе между тѣмъ и другимъ сказаніями, между ними остается еще много общаго, въ чемъ они взаимно соприкасаются; такъ что нѣтъ никакого труда отыскать параллели между всѣми частями того и другаго. Въ книгѣ пр. Іоны нѣтъ ничего подобнаго.

бываніи Геркулеса во чревѣ его и освобожденіи его оттуда, очень сходное съ сказаніемъ книги Іоны о пребываніи пророка во чревѣ рыбы великой и чудесномъ спасеніи его изъ нея. Но этотъ пунктъ въ томъ и другомъ разсказѣ составляетъ едва 20-ю часть цѣлаго. Правда и это не незначительно, если бы только было справедливо; правда и то, что очень много было и есть богослововъ, которые на основаніи этой связи говорятъ о зависимости книги вр. Іоны отъ греческаго мифа; но правда и то, что не мало было и такихъ богослововъ, которые на основаніи этой связи доказывали, что этотъ мифъ заимствованъ изъ книги пр. Іоны, составляетъ искаженіе, передѣлку ея, а не наоборотъ. Таковы изъ древнихъ Кириллъ Александрійскій ¹⁾, блаженный Теофилактъ болгарскій ²⁾, изъ протестантскихъ богослововъ—Карпцовій ³⁾ и мн. др. Почему же нужно согласиться съ первыми, а не съ послѣдними? Нельзя ли оправдать положеніе послѣднихъ, если не во всей его полнотѣ, то хотя отчасти?

Прежде всего приведенный мифъ въ такомъ полномъ видѣ является только у позднѣйшихъ писателей христіанскаго періода. Именно о томъ, что Геркулесъ пробылъ во чревѣ морскаго чудовища три дня и три ночи, въ первый разъ упоминается у Іустина мученика въ его увѣщаніи къ еллинамъ (гл. 14), потомъ у Евдоксія и у Тзетца въ его схоліяхъ къ Кассандрѣ Ликофрона ⁴⁾; ни одинъ изъ языческихъ писателей не знаетъ этой подробности. Если слѣдовательно эта подробность явилась въ мифѣ только у христіанскихъ писателей, то откуда же взяли они ея, если не было ея у язычниковъ, какъ не изъ библейской книги ⁵⁾? Правда,

¹⁾ См. Patrol. curs. compl. T. 72.

²⁾ См. его Enarratio in Ionam.

³⁾ См. его Introductio in v. Test. p. 245.

⁴⁾ Мѣсто это у Тзетца читается такъ: Τριέσπερον τὸν Ἡρακλέα κάλει. Λυκόφρονος διὰ τὸ ἐν τῇ κήτει τρεῖς ἡμέρας ποιῆσαι, ἃς ἐσπέρας κάλει διὰ τὸ ἀφωστῆσθαι καὶ σκοτεῖνῃ εἶναι τῆν γαστέρα τοῦ θυρίου, по цит. Фридрихсена.

⁵⁾ Конечно это предположеніе, но предположеніе вполне естественное. Іустинъ былъ философъ, искавшій истины; нашедши ея въ христіанствѣ, онъ естественно вступилъ въ борьбу съ язычествомъ, начавъ доказывать его тщету. Отсюда у него сильно проглядываетъ мысль, что языческая философія заимствована изъ божественнаго откровенія; а изъ этой общей мысли, сама собою, какъ ея частное выраженіе, вытекала мысль и о томъ, что и греческій мифъ о Геркулесѣ есть передѣлка исторіи пр. Іоны. Проводи параллель между тѣмъ

слова Тзетца написаны имъ въ объясненіе 33 стиха Кассандры Ликофрона, въ которомъ (стихѣ) Геркулесъ называется триесперосъ—трехвечерній ¹⁾; но эти слова у Ликофрона указываютъ не на трехдневное пребываніе его во чревѣ чудовища, а на то, что Зевсъ той ночи, въ которую зачатъ былъ Геркулесъ, далъ продолженіе трехъ ночей; слѣдовательно, по Кассандрѣ Ликофрона, въ мифѣ о Геркулесѣ и Гезіонѣ общимъ съ разсказомъ книги пр. Іоны былъ только тотъ фактъ, что Геркулесъ былъ въ пасти морскаго чудовища, безъ точнаго опредѣленія того, сколько времени. Ликофронъ — Хилейдскій поэтъ, жившій въ Александріи при Птоломѣѣ Филадельфѣ не раньше 280 г. до Р. Хр.; стихотвореніе же приписываемое ему, въ которомъ приводится такая подробность о Геркулесѣ, говорятъ (это утверждаетъ Нибуръ въ своихъ изслѣдованіяхъ), не принадлежитъ ему, а относится лишь къ началу II вѣка до Р. Хр. Если это послѣднее положеніе справедливо; то значить раньше II в. до Р. Хр. въ мифѣ о Геркулесѣ не было и той подробности, что герой *былъ въ пасти* чудовища. Всѣ раннѣйшіе языческіе писатели—Аполлодоръ, описатель мифовъ (2-й пол. II в. ²⁾), Овидій ³⁾ и Діодоръ Сицилійскій ⁴⁾), говорившіе объ этомъ мифѣ, знаютъ только то, что Гезіона была обречена въ добычу морскому чудовищу и освобождена Герку-

---

и другимъ разсказомъ, онъ естественно могъ прибавить и эту подробность о трехдневномъ пребываніи героя во чревѣ чудовища, чего не было раньше. За Іустинкомъ пошли и другіе.

¹⁾ Слова эти слѣдующія:

Ἄι, αἰ ταλαινα θηλαμῶν κεκαυμένη.
 Καὶ πρόσθε μὲν πεύκησιν οὐλαμηφόρους
 Τριεσπέρου Λεύοντος, ὃν πότε γνάθοις—
 Τριπῶνος ἤμαλψε κάρχαρος κύων.
 Ἐμπνοὺς δὲ δαιτρός ἡπάτων φλοιδούμενος
 Τινθῶ λεξήτος ἀφλόγοις ἐπ' ἐσχάrais,
 Σμήριγγας ἐστάλαξε κωδείας πέδῳ.

²⁾ Вотъ его слова: Ταύτην (т.-е. Гезіону) ἰδὼν ἐκκειμένην Ἡρακλῆς ὑπέσχετο σώσειν αὐτήν, εἰ τὰς ἴκπους παρὰ Λαομεδόντος λήψεται, ἃς ὁ Ζεὺς ποιήνῃ τῆς Γανυμήδους ἀρπαγῆς ἔδωκε. Δώσειν δὲ Λαομεδόντος εἰπόντος, κτείνας τὸ κῆτος, Ἡσιόνην ἔσωσε (т.-е. Геркулесъ). Apollod. Athea. biblioth. II, 5—9.

³⁾ См. его Metamorphos. XI, 201 и д.

⁴⁾ Опр. Diod. Sicil. IV, 42.

бываніи Геркулеса во чревѣ его и освобожденіи его оттуда, очень сходное съ сказаніемъ книги Іоны о пребываніи пророка во чревѣ рыбы великой и чудесномъ спасеніи его изъ нея. Но этотъ пунктъ въ томъ и другомъ разсказѣ составляетъ едва 20-ю часть цѣлаго. Правда и это не незначительно, если бы только было справедливо; правда и то, что очень много было и есть богослововъ, которые на основаніи этой связи говорятъ о зависимости книги вр. Іоны отъ греческаго мифа; но правда и то, что не мало было и такихъ богослововъ, которые на основаніи этой связи доказывали, что этотъ мифъ заимствованъ изъ книги пр. Іоны, составляетъ искаженіе, передѣлку ея, а не наоборотъ. Таковы изъ древнихъ Кириллъ Александрійскій ¹⁾, блаженный Теофилактъ болгарскій ²⁾, изъ протестантскихъ богослововъ—Карпцовій ³⁾ и мн. др. Почему же нужно согласиться съ первыми, а не съ послѣдними? Нельзя ли оправдать положеніе послѣднихъ, если не во всей его полнотѣ, то хотя отчасти?

Прежде всего приведенный мифъ въ такомъ полномъ видѣ является только у позднѣйшихъ писателей христіанскаго періода. Именно о томъ, что Геркулесъ пробылъ во чревѣ морскаго чудовища три дня и три ночи, въ первый разъ упоминается у Іустина мученика въ его увѣщаніи къ еллинамъ (гл. 14), потомъ у Евдоксія и у Тзетца въ его схоліяхъ къ Кассандрѣ Ливофрона ⁴⁾; ни одинъ изъ языческихъ писателей не знаетъ этой подробности. Если слѣдовательно эта подробность явилась въ мифѣ только у христіанскихъ писателей, то откуда же взяли они её, если не было ея у язычниковъ, какъ не изъ библейской книги ⁵⁾? Правда,

¹⁾ См. Patrol. curs. compl. T. 72.

²⁾ См. его Enarratio in Ionam.

³⁾ См. его Introductio in v. Test. p. 245.

⁴⁾ Мѣсто это у Тзетца читается такъ: Τριῆσπερον τὸν Ἡρακλέα κάλει. Λυκόφρονα διὰ τὸ ἐν τῷ κήτει τρεῖς ἡμέρας ποιῆσαι, ἃς ἑσπέρας κάλει διὰ τὸ ἀφωτίστον καὶ σκοτεινὴν εἶναι τὴν γαστέρα τοῦ θύριου, по цит. Фридрихсена.

⁵⁾ Конечно это предположеніе, но предположеніе вполне естественное. Іустинъ былъ философъ, искавшій истины; нашедши ее въ христіанствѣ, онъ естественно вступилъ въ борьбу съ язычествомъ, начавъ доказывать его тщету. Отсюда у него сильно проглядываетъ мысль, что языческая философія заимствована изъ божественнаго откровенія; а изъ этой общей мысли, сама собою, какъ ея частное выраженіе, вытекала мысль и о томъ, что и греческій мифъ о Геркулесѣ есть изредѣлка исторіи пр. Іоны. Проводи параллель между тѣмъ

слова Тзетца написаны имъ въ объясненіе 33 стиха Кассандры Ликофрона, въ которомъ (стихѣ) Геркулесъ называется триѣсперосъ—трехвечерній ¹⁾; но эти слова у Ликофрона указываютъ не на трехдневное пребываніе его во чревѣ чудовища, а на то, что Зевсъ той ночи, въ которую зачатъ былъ Геркулесъ, далъ продолженіе трехъ ночей; слѣдовательно, по Кассандрѣ Ликофрона, въ мифѣ о Геркулесѣ и Гезіонѣ общимъ съ разсказомъ книги пр. Іоны былъ только тотъ фактъ, что Геркулесъ былъ въ части морскаго чудовища, безъ точнаго опредѣленія того, сколько времени. Ликофронъ — Хилейдскій поэтъ, жившій въ Александріи при Птоломѣѣ Филадельфѣ не раньше 280 г. до Р. Хр.; стихотвореніе же приписываемое ему, въ которомъ приводится такая подробность о Геркулесѣ, говорятъ (это утверждаетъ Нибуръ въ своихъ изслѣдованіяхъ), не принадлежитъ ему, а относится лишь къ началу II вѣка до Р. Хр. Если это послѣднее положеніе справедливо; то значить раньше II в. до Р. Хр. въ мифѣ о Геркулесѣ не было и той подробности, что герой *былъ въ части* чудовища. Всѣ раннѣйшіе языческіе писатели—Аполлодоръ, описатель мифовъ (2-й пол. II в. ²⁾), Овидій ³⁾ и Діодоръ Сицилійскій ⁴⁾), говорившіе объ этомъ мифѣ, знаютъ только то, что Гезіона была обречена въ добычу морскому чудовищу и освобождена Герку-

---

и другимъ разсказомъ, онъ естественно могъ прибавить и эту подробность о трехдневномъ пребываніи героя во чревѣ чудовища, чего не было раньше. За Иустиномъ пошли и другіе.

¹⁾ Слова эти слѣдующія:

Ἄϊ, αἱ τάλαινα θηλαμῶν κεκαυμένη.
 Καὶ πρόσθε μὲν πεύκησιν οὐλαμηφόρους
 Τριεσπέρου Λεύοντος, ὃν πότε γνάθοις—
 Τριτώνος ἤμαψε κάρχαρος κύων
 Ἐμπνοὺς δὲ δαιτρὸς ἠπάτων φλοιδούμενος
 Τινθῶ λεξήτος ἀφλόγοις ἐπ' ἐσχάταις,
 Σμήριγγας ἐστάλαξε κωδείας πέδω.

²⁾ Вотъ его слова. Ταύτην (т.-е. Гезіону) ἰδῶν ἐκκεϊμένην Ἡρακλῆς ὑπέσχετο σώσειν αὐτήν, εἰ τὰς ἕκπους παρὰ Λαομεδόντος λήψεται, ἃς ὁ Ζεὺς ποιήνῃ τῆς Γανυμήδους ἀρπαγῆς ἔδωκε. Δώσειν δὲ Λαομεδόντος εἰπόντος, κτείνας τὸ κῆτος, Ἡσιόνην ἔσωσε (т.-е. Геркулесъ) Apollod. Athea. biblioth. II, 5—9.

³⁾ См. его Metamorphos. XI, 201 и д.

⁴⁾ Opp. Diod. Sicil. IV, 42.

лесомъ; никакихъ подробностей о способѣ освобожденія ея они не приводятъ. Правда, схолиастъ Гомера, въ объясненіе Иліады XX, 145, приводитъ отрывокъ Гелланика, Логографа V вѣка до Р. Хр., въ которомъ (отрывкѣ) ходъ дѣла разсказывается совсѣмъ почти такъ, какъ у Аполлодора, и въ заключеніе опредѣляется способъ, которымъ Геркулесъ убилъ морское чудовище ¹⁾); но это ничего не говоритъ въ пользу нашихъ противниковъ. Ибо по изслѣдованіямъ Нибура, схолиастъ гомеровою Иліады въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ ссылается на какого-либо свидѣтеля, употребляя при этомъ формулу: ὡς τε ἱστορεῖ, не одни слова названнаго свидѣтеля приводятъ, а позволяютъ себѣ вносить въ нихъ и то, что онъ зналъ о предметѣ изъ другаго источника. Отсюда мы вправѣ заподозрить достовѣрность свидѣтельства Гелланика, приведеннаго схолиастомъ подъ формулою: ἢ ἱστορία παρὰ Ἑλλανήκῳ...; тѣмъ болѣе вправѣ, что ни Аполлодоръ, ни Діодоръ Сицилійскій, пользовавшіеся въ своихъ сочиненіяхъ Гелланикомъ, ничего не знаютъ объ этой подробности; они не привели ея. Если бы они читали ее въ сочиненіи Гелланика, то быть не можетъ, чтобы они не упомянули объ ней; потому что они любили въ своихъ повѣствованіяхъ разсказывать о чудесномъ. Стало быть подробности о пребываніи Геркулеса въ пасти чудовища, можно положить, не было и у Гелланика, и въ его стихотвореніи она является позднѣйшею вставкою схолиаста. За справедливость всего этого говорить наконецъ и послѣднее самое раннѣйшее свидѣтельство о разбираемомъ мифѣ, какое находится въ самой Иліадѣ Гомера. По ней для борьбы Геркулеса съ огромнымъ китомъ троянскіе мужи съ Аѣною воздвигли насыпной валъ въ полѣ, чтобы Геркулесу можно было спастись за него, если ужасный за нимъ устремлялся отъ берега въ поле ¹⁾). Правда,

¹⁾ Этотъ отрывокъ (по изданію Sturz-a), читается такъ: Ἦρακλῆς δὲ παρὰ γενόμενος ὑπέσχετο τὸν ἄθλον καταρθῶσθαι, καὶ Ἄθηνάς αὐτῷ πρόβλημα ποιήσας τὸ καλούμενον ἀμφύχιτον τεῖχος εἰς δὺς διὰ τοῦ στόματος, εἰς τὴν κοιλίαν τοῦ κήτους τὰς λαγόνας διέφθειρεν

¹⁾ Мѣсто это въ XX пѣсни ст. 144—148 по переводу Гнѣдича читается такъ
 Такъ говоря, предъ Аѣною шествовалъ царь черновласны (Посейдонъ)
 Къ валу тому насыпному Геракла, подобнаго Богу,
 Въ полѣ, который героя Троянскіе мужи съ Аѣною
 Древле воздвигли, чтобъ онъ отъ огромнаго кита спасался,
 Если ужасный за нимъ устремлялся отъ берега въ поле

въ этомъ мѣстѣ о нашемъ мнѣнїи говорится, такъ сказать, мимоходомъ и, какъ о предметѣ общеизвѣстномъ, который нѣтъ нужды описывать подробно; но изъ него всетаки съ несомнѣнною ясностію можно заключать, что во времена Гомера и близкія къ нимъ изъ послѣдующихъ разбираемый нами мнѣе представлялъ освобожденіе Геркулесомъ Гезіоны не такъ, какъ представлено оно въ послѣдующихъ редакціяхъ этого сказанія: въ немъ не было мысли о пребываніи Геркулеса во внутренности чудовища; борьба представлялась такъ сказать наружною, въ родѣ поединка; иначе троянскимъ мужамъ не было бы нужды воздвигать насыпной валъ на берегу моря. А чтобы опредѣлить вѣкъ Гомера, достаточно вспомнить, что въ Грецію изъ Іоніи въ первый разъ принесть отдѣльныя пѣсни Илиады Ликуръ, жившій не раньше VIII в. до Р. Хр. ¹).

Такимъ образомъ самая исторія мѣеа о Геркулесѣ и Гезіонѣ показываетъ, что въ немъ до II или по крайней мѣрѣ до III вѣка до Р. Хр. одинъ только образъ морскаго чудовища могъ быть общимъ съ рассказомъ книги пр. Іоны о трехдневномъ пребываніи его во чревѣ рыбы великой. Неужели же одна эта черта мѣеа могла дать собою матеріалъ для рассказа книги пр. Іоны? Невѣроятно... Да и возможно ли, чтобы греческій мнѣе о Геркулесѣ, хотя бы то въ простомъ его видѣ, разо сталъ извѣстенъ евреямъ непосредственно отъ грековъ? И могли ли евреи именно изъ этого мѣеа заимствовать матеріалъ для рассказа о пр. Іонѣ?

Правда, въ 10, 2—5 Бытія говорится о потомкахъ Іафетова сына Іавана, подъ которыми нельзя не узнать племена Іоніи Еллады и другихъ земель греческихъ; но этимъ краткимъ указаніемъ на нихъ, даже безъ опредѣленія мѣста жительства ихъ, и ограничиваются всѣ свѣдѣнія, заключающіяся въ еврейскихъ книгахъ о народѣ греческомъ. Съ другой стороны ни одинъ и изъ греческихъ писателей—историковъ и философовъ, посѣщавшихъ отдаленныя страны, не только не сообщаетъ никакихъ свѣдѣній о вѣншихъ явленіяхъ жизни и дѣятельности евреевъ, но

Другое мѣсто Илиады, въ которомъ можно видѣть указаніе на мнѣе о Геркулесѣ, находится въ XXI, 442.

¹ См. предисловіе къ Илиадѣ гом. въ перев. Гяфд. стр. V.

не упоминаетъ даже и имени ихъ. И это вполне естественно. „Въ древнія времена, говоритъ Іосифъ Флавій, объясняя причины; по которымъ греки не знали евреевъ, не было ничего такого, что способствовало бы сближенію насъ съ эллинами, ни страсть къ торговлѣ, ни мореплаваніе, ни образъ жизни; мы были отдѣлены отъ грековъ сосѣдними націями, которыя, какъ крѣпкое средостѣніе, стояли между евреями и греками до времени Александра Македонскаго“ ¹⁾. Этотъ государь свои завоеванія, а вмѣстѣ съ ними и греческую культуру дѣйствительно распространилъ далеко на востокъ, даже до предѣловъ іудей. Слѣдствіемъ этого соприкосновенія евреевъ съ греками и разсѣянія первыхъ между послѣдними, въ 280 г. до Р. Хр. въ Александріи, при Птоломѣѣ Филадельфѣ, явилась даже нужда въ переводѣ свящ. Писанія на греческій языкъ, и этотъ переводъ сдѣланъ былъ по почину не евреевъ, а грековъ ²⁾. Еще позднѣе это знакомство евреевъ съ греками распространилось уже широко ³⁾. На основаніи всѣхъ этихъ данныхъ можно, вѣжеться, утверждать, что 1) евреи до временъ Александра Македонскаго не могли быть знакомы съ греческимъ міоомъ, не могли пересадить его на свою почву прямо, такъ сказать, изъ греческихъ рукъ, и 2) отношенія евреевъ къ грекамъ послѣ Александра Македонскаго по своему характеру дѣлаютъ вполне справедливымъ заключеніе не о томъ, что прибавленія въ миѣѣ о Геркулесѣ, какія являются въ немъ со II в. до Р. Хр., дали собою матеріалъ для книги пр. Іоны, а наоборотъ, что самыя эти прибавленія занесены въ миѣѣ изъ книги пр. Іоны, которая существовала тогда въ ея настоящемъ видѣ. За справедливость этого заключенія говоритъ свидѣтельство Тацита о томъ, что слава о Геркулесѣ очень распространилась въ это время, и что греки не сомнѣвались приписывать ему все, что только встрѣчали въ исторіи славнаго и чудеснаго, не заботясь о томъ, кому въ самомъ дѣлѣ это славное принадлежитъ.

¹⁾ Contra App. 1, 12.

²⁾ См. Graetz: Geschichte d. Juden, Leipz. 1856. т. III S. 42 и 479; ср. ж. чт. въ Общ. Л. Д. Просв. 1876, 1, 2—47.

³⁾ Смъ подробнѣе и обстоятельнѣе объ этомъ Е. Ловягина: „Объ отношеніи писателей классическихъ къ библейскимъ“. гл. 1, §§ 1 и 2.

Впрочемъ всѣмъ сказаннымъ доселѣ рѣшается лишь полови-
ну вопроса объ отношеніи книги пр. Іоны, или собственно раз-
сказа ея о трехдневномъ пребываніи пророка во чревѣ рыбы, къ
греческому мнѣю о Геркулесѣ и Гезіонѣ: ибо если и невозможно
было заимствованіе евреями разныхъ сказаній изъ греческихъ
классиковъ непосредственно; то можетъ быть оно возможно было
при посредствѣ другихъ восточныхъ народовъ, которые несомнѣн-
но входили въ соприкосновеніе какъ съ эллинами съ одной сто-
роны, такъ и съ евреями съ другой.

Дѣйствительно, нельзя отрицать связи евреевъ съ египтянами,
финкійянами и вавилонянами съ одной стороны, и этихъ послѣд-
нихъ съ греками съ другой. Не говоримъ о пребываніи евре-
евъ въ Египтѣ, о плѣнахъ ассирійскомъ и вавилонскомъ; уже и въ
тѣ времена, когда евреи составляли изъ себя самостоятельное цар-
ство, связь ихъ съ восточными народами была. Стоить только
припомнить времена Соломона (сн. 3 Ц. 3; 5; 10 и 11; ср. 1 Ц.
5, 10,—12; Іов. 1, 3; 2, 11; 8, 11—19 и мн. др.) и непосред-
ственно слѣдовавшихъ за нимъ царей іудейскихъ и израильскихъ
(сн. 4 Ц. 3, 8; 2 Пар. 20 и др). Съ другой стороны выше вся-
каго сомнѣнія связь съ греками и этихъ сосѣднихъ съ евреями
народовъ; но связь эта такого рода. Отъ самаго начала греческой
науки до высочайшаго ея развитія всѣ замѣчательные умы Гре-
ціи: Фалесъ, Пифагоръ, Эмпедоклъ, Платонъ, Гомеръ, Солонъ и
др. путешествовали на востокъ и особенно въ Египтъ, чтобы
обогащать себя знаніями. Да и вообще древность культуры Егип-
та и другихъ сосѣднихъ съ нимъ странъ, далеко превосходящая
собою древность культуры греческой и еврейской ¹⁾, дѣлаетъ
несомнѣннымъ положеніе, что духовное общеніе грековъ съ во-
сточными народами было заимствованіемъ образованія и вообще
свѣдѣній, особенно религіозныхъ, первыми у послѣднихъ, а не на-
оборотъ. Такъ по свидѣтельству греческихъ классиковъ ²⁾, древ-
нихъ отцевъ и учителей церкви ³⁾ и новѣйшихъ ученыхъ бого-

¹⁾ См Исх. 2, 10, Дѣян. 7, 22. Исх. 5, 6 и др. ср. Иліад. Гомера XXIII,
743; Одис. XV, 295; Герод. V, 5 и др

²⁾ См. напр. Plin. Histor. natur. XXX, 2.

³⁾ См. Іуст. муч. увѣщаніе къ еллинамъ гл. 14. Климентъ Алекс. Strom. 1,
14. 15. Евсевъ Praepar. Evang. XIII, 16 и др.

слововъ ¹⁾). Отсюда если даже и предположить, что восточные народы могли передать евреямъ какое-либо сказаніе, изъ котораго послѣдніе развивали свои легенды; то они могли передать имъ лишь *свое* сказаніе, но никакъ не греческое, потому что не греки восточнымъ народамъ, а послѣдніе первымъ передали свою культуру. Слѣдовательно является еще вопросъ: не восточнаго ли происхожденія и самый мифъ о Геркулесѣ.

Положительное рѣшеніе поставленнаго вопроса подтверждается самой греческой мифологіей. Въ ней наряду съ мифомъ о Геркулесѣ и Гезіонѣ есть сходный съ нимъ мифъ о Персеѣ и Андромедѣ. Этотъ послѣдній, по метаморфозамъ Овидія ²⁾, представляется въ такомъ видѣ. Кассіопея какъ-то разъ надменно высказала, что она прекраснѣе всѣхъ нимфъ морскихъ. Разгнѣванныя нимфы пожаловались Посейдону, прося его отмстить за нихъ Кассіопеѣ. Посейдонъ, заступаясь за своихъ дочерей, послалъ на эіопскую страну великій потопъ и огромное морское чудовище, которое, выходя изъ моря, поглощало людей и животныхъ. Оракулъ Зевса-Аммона возвѣстилъ Кефею, что это наказаніе прекратится только тогда, когда Андромеда, дочь Кассіопеи, будетъ отдана въ жертву морскому чудовищу. Кефей, вынужденный народомъ, дѣйствительно обрекъ Андромеду въ жертву этому чудовищу и для этого она прикована была къ скалѣ въ Іоніи, на морскомъ берегу. Въ это время надъ іонійской скалой проносился Персей, на возвратномъ пути съ побѣды надъ Горгонами, въ своихъ обрыленныхъ сандаляхъ; онъ увидалъ прикованную Андромеду, поразился ея красотой и общалъ Кефею убить морское чудовище, если онъ отдастъ ему спасенную Андромеду въ супруги, и подъ этимъ условіемъ дѣйствительно убилъ чудовище, съ воздуха поражая его мечемъ. По мифологіи, между героями того и другого мифа была даже родословная связь. мать Геркулеса Алкмена и воччимъ Амфитріонъ были внуками великаго героя Персея ³⁾. Уже по одному этому можно предполагать, что мифъ о Геркулесѣ и Гезіонѣ есть лишь позднѣйшее видоизмѣненіе мифа о Персеѣ. По свидѣтельству Бутмана,

---

¹⁾ См. напр. цит. выше соч. Довягина.

²⁾ IV, 604, V, 248.

³⁾ См. Штоля т. 1, кн. 3, стр. 27—29.

миѣ объ освобожденіи Гезіоны Геркулесомъ вовсе не принадлежалъ прежде къ кругу миѣвъ о Геркулесѣ ¹⁾. Отсюда по отношенію къ книгѣ пр. Іоны вопросъ сводится къ зависимости ея отъ мѣа о Персеѣ и Андромедѣ, а не отъ мѣа о Геркулесѣ и Гезіонѣ. Поэтому, то еще Бертольдъ, ссылаясь на единство мѣста дѣйствія въ миѣѣ о Персеѣ и въ книгѣ пр. Іоны, говорилъ, что „естъ много причинъ думать, что этотъ именно миѣъ съ финикійскаго берега распространился во Израили и здѣсь принялъ новую форму“ ²⁾. Согласно съ Бертольдомъ думаютъ и другіе, собственными словами обличая свое безсиліе по вопросу о значеніи въ образованіи исторіи пр. Іоны именно мѣа о Геркулесѣ и Гезіонѣ, и уклончивыми соображеніями о восточномъ происхожденіи мѣа о Персеѣ думая найти подспорье своему мнѣнію о миѣической первоосновѣ книги пр. Іоны. Но опять не совсѣмъ удачно.

Восточное происхожденіе мѣа о Персеѣ и Андромедѣ дѣйствительно несомнѣнно. За это говорить восточный характеръ родословной таблицы этого мѣа, собственныхъ именъ этой таблицы и географическихъ мѣстностей въ миѣѣ о Персеѣ даже по греческой миѣологіи. Именно Персей происходитъ отъ дочери аргивскаго царя Акризія; Авризіій—внукъ Линкея, одного изъ сыновей Египтоса; Египтосъ же сынъ Бела, потомка Епафа отъ Іо и Зевса въ Египтѣ. Итакъ Персей, потомокъ Белоса, а имя Белосъ (=Бель Ваалъ=Вааль) ясно говоритъ за свое финикійское происхожденіе. Точно также Епафъ, предокъ Белоса, и Египтосъ, сынъ Белоса, связываютъ Персея съ Египтомъ. Самое мѣсто рожденія Персея, его жизни и рода,—Аргосъ, получившій свое имя отъ исполина Аргоса. Къ роду же этого Аргоса принадлежитъ Агеноръ, который, какъ сидонскій царь и отецъ Кадма, египтскаго героя, снова переноситъ насъ въ Финикію и Египетъ. Сюда переноситъ насъ и имя Кефея, отца Андромеды, который, будучи египетскимъ царемъ, называется иногда сыномъ Агенора; кромѣ того имя Кефея напоминаетъ собою еврейское имя: Кафа. По нѣкоторымъ же редакціямъ мѣа, битва Персея съ чудовищемъ изъ за Андромеды была близь Іоппіи, или Яффы. На

¹⁾ См. его *Über den Mythos des Herakles*. 1810. S. 23.

²⁾ См. соч. его *цит. выше стр. 2435.*

это мѣсто дѣйствія мѣа и указываютъ главнымъ образомъ критики отрицательнаго направленія, какъ на главную дату, доказывающую происхожденіе разсказа о пр. Іонѣ изъ этого именно мѣа.

Конечно это послѣднее заключеніе было бы справедливо или, лучше, могло бы казаться вѣроятнымъ, если бы справедливо было положеніе, что мѣа о Персеѣ и Андромедѣ въ такомъ именно видѣ существовалъ на финикійскомъ берегу издавна, и что слѣдовательно издавна встрѣчающіеся въ немъ образы Іоніи и морскаго чудовища, единственные образы, сближающіе этотъ мѣа съ исторіею пр. Іоны, могли быть источниками разбираемой части книги пр. Іоны. Но этого—то и нельзя доказать. Что этотъ мѣа существовалъ на финикійскомъ берегу въ такомъ именно видѣ, свидѣтельства объ этомъ мы находимъ лишь у греко-римскихъ писателей, и главнымъ образомъ у позднѣйшихъ, у Страбона ¹⁾ и Плинія ²⁾, у іуд. историка Іосифа Флавія, писавшаго для римлянъ ³⁾, и у блаж. Іеронима ⁴⁾. Всѣ эти свидѣтельства относятся къ тому періоду греко-римскаго язычества, когда въ римскомъ пантеонѣ собраны были боги всѣхъ покоренныхъ римлянами народовъ. Въ это время естественно ожидать у римлянъ смѣшенія мѣаовъ разныхъ народовъ съ своими или греческими, внесенія въ мѣаы восточныхъ народовъ чертъ изъ развитыхъ греко-римскихъ собственно мѣаовъ, замѣны однихъ другими въ силу сходства ихъ содержанія. Смотри съ этой точки зрѣнія на мѣа о Персеѣ и Андромедѣ, мы имѣемъ полное право ожидать, что собственные имена, встрѣчающіяся въ немъ, есть или переводъ туземныхъ на греческій языкъ съ измѣненіемъ ихъ звуковъ, но съ удержаніемъ смысла, или наоборотъ, искаженіе смы-

¹⁾ XVI, 759.

²⁾ Плиній въ Hist. natur. 5, 14; 9, 4 говоритъ, что въ его время въ Римѣ между другими примѣчательностями показывали кости того чудовища, которому на съѣденіе отдана была Андромеда при Іоніи; кости длиною 40 ф. толщиною 1 ф. и шириною толще костей индійскаго слона.

³⁾ По его свидѣтельству въ его время точно также сохранились еще окрестности Андромеды.

⁴⁾ Въ Comm. in. Ion онъ говоритъ *Hic locus est in quo usque hodie saxa monstrantur, in litore, in quibus Andromeda religata Persei quondam sit liberata praesidio.*

сла туземныхъ при одинаковости звуковъ. Разсмотрѣніе именъ вполне подтверждаетъ ожиданія. Такъ имя: Кефей, подобовучно еврейскому: *каф*—скала, Белось — Виль, главное божество вавилонянъ; Персей вполне соответствуетъ Везефу, финикійскому богу, чрезъ простую перестановку согласной *ф* и перемѣну ея на *н*; имя Андромеды означаетъ женщину, похожую на мужчину; чудовище, убитое Персеемъ, называемое то *кѣтос* (тоже, что *кѣтос*), то *дракон*, именемъ своимъ очень напоминаетъ и Дагона, филистимское божество съ туловищемъ рыбы и головой челоуѣка (Суд. 16, 23; 1 Цар. 5, 1; 1 Мавк. 10, 87; 11, 4 и др.), и финикійскую рыбообразную богиню Деркетю или Кето, вполне соответствующую филистимскому Дагону (2 Мавк. 12, 26); имя Юппія, получившее въ греческой мифологіи свою исторію, очень напоминаетъ собою еврейское: *яффо* или *яфф* (отъ *яффа*) красота, каковымъ именемъ называлась пристань на западномъ берегу Палестины. Почему же не предположить, что если греки здѣсь узнали финикійскій мифъ, то естественно и мѣсто дѣйствія этого мифа назвали именемъ мѣстонахожденія его? А такъ какъ это мѣсто есть пристань Яффа, гдѣ спасались ихъ корабли отъ вѣтровъ, то они и назвали его Юппія, именемъ Юппы, богини вѣтровъ. Если же такъ; то 1) имя Юппія ни въ какомъ случаѣ не можетъ указывать на зависимость исторіи пр. Ионы отъ финикійскаго мифа; это имя могло и не быть въ мифѣ въ томъ его видѣ, въ какомъ онъ былъ на финикійскомъ берегу, и могло явиться въ немъ лишь у грековъ, когда они переносили этотъ мифъ на свою почву; 2) за исключеніемъ же этого имени, а равно и другихъ чисто-греческихъ наслоеній и видоизмѣненій мифа, мы получаемъ въ итогѣ лишь подобіе даннаго мифа, получаемъ мифъ о мужеподобномъ существѣ, обреченномъ на гибель отъ Дагона, или Деркетю и спасенномъ Резефомъ, сыномъ Беа, или Ваала. Отсюда, если ужъ нужно говорить о зависимости исторіи пр. Ионы отъ мифа о Персѣѣ и Андромедѣ, то не въ греко-римской его обочкѣ, а въ томъ простомъ его видѣ, въ какомъ онъ является безъ этихъ греческихъ наслоеній.

Разные барельефы и надписи, открываемые на финикійскомъ берегу, гдѣ почитаемы были главный богъ Вааль, сынъ его Резефъ и богиня Деркетю, дѣйствительно подтверждаютъ существованіе

миа о Персеѣ Андромедѣ на этомъ берегу въ раннѣйшее время ¹⁾. Несомнѣнно такъ же и то, что такой же точно миѣ и въ раннѣйшее сравнительно время существовалъ и въ Египтѣ, съ которымъ связывается миѣ о Персеѣ именемъ Египтоса. Геродотъ, совершившій путешествіе въ Египетъ, говоритъ о какомъ-то Персеѣ, котораго почитали тамъ. Черты, которыми онъ изображаетъ этого Персея, очень напоминаютъ собою черты египетскаго бога Гора, побѣдителя Тифона, соответствующаго финикійскому Резефу ²⁾. Подлинныя и сравнительно древніе тексты и изображенія на египетскихъ памятникахъ вполне подтверждаютъ свидѣтельство Плутарха о Горѣ, сынѣ Озириса. Здѣсь онъ точно такъ же, какъ и Резефъ финикійскій, часто представляется убивающимъ змія ³⁾. Но какое же заключеніе изъ этого выходитъ по отношенію къ занимающему насъ вопросу? Совершенно противоположное тому, какое хотѣлось бы всѣмъ, выставляющимъ этотъ миѣ, какъ первооснову хотя бы то небольшой части книги пр. Іоны.

Конечно не всѣ указанные миѣ, но большинство изъ нихъ должны были быть извѣстны евреямъ еще въ самое раннее время ихъ жизни. О Дагонѣ, какъ филистимскомъ богѣ, говорится еще въ книгѣ Судей (16. 23—24); при Самуилѣ ковчегъ завѣта, захваченный въ плѣнъ филистимлянами и поставленный ими въ азотскомъ храмѣ Дагона, поразилъ идола этого бога, и лежалъ Дагонъ лицомъ своимъ къ землѣ предъ ковчегомъ; голова Дагонова и руки его лежали отъщепенная на порогъ (1 Ц. 5, 1—9). Еще раньше извѣство было евреямъ и божество Ваала; о немъ упоминается не только въ книгахъ Царствъ (2 Ц. 3, 2; 10 19—27), а и въ книгахъ Моисея, которыя написаны были тогда, когда израильтяне находились въ пустынѣ на поляхъ Моавитскихъ (Числ. 16, 21—32; 25 и др.). Слѣдовательно тогда еще могъ быть извѣстенъ имъ и миѣ о Резефѣ, побѣждающемъ Дагона. Исторія же золотого тельца при Синаѣ (Исх. 32, 1—29; ср. 1 Ц. 12, 28 и 2 Ц. 17, 16)

¹⁾ См. Кириичикова Св. Георгій или Егорій храбрый въ Ж. Мин. Н. Просв. 1879 г. 2 кн. стр. 176—198 ид.

²⁾ Не стоитъ ли слово *kétoç* или *keféoc* въ связи съ егип. именемъ Тифона, изображаемаго крокодиномъ?

³⁾ Ср. Duncker, Geschichte Alterthums. 1864, 1. Bd. s. 39.

едвали не указываетъ на то, что евреи вообще были знакомы съ главнымъ божествомъ Египта, Озирисомъ, изображаемымъ въ видѣ быка-Аписа; были слѣдовательно знакомы они были и съ сыномъ Озириса, Горомъ, а слѣдовательно почему же и не съ миеомъ о борьбѣ Гора съ Тифономъ? Если же такъ; то вопросъ о томъ, почему защитники миеическаго происхожденія книги пр. Ионы, ссылаясь, какъ на основу ея, въ ея ли цѣломъ или только въ части ея, на миеъ о Геркулесѣ и Гезіонѣ и Персеѣ и Андромедѣ въ его греческой оболочкѣ, игнорируютъ, или лучше, замаскировываютъ намѣренно его восточное происхожденіе и характеръ, рѣшается просто. При предположеніи, что евреи заимствовали этотъ миеъ еще въ землѣ египетской, или на поляхъ Моавитскихъ, при Моисеѣ, можно было бы избѣжать труднаго вопроса о способѣ перехода даннаго миеа къ евреямъ въ виду несомнѣнности близкаго общенія евреевъ съ указанными народами; но тогда противъ заключенія противниковъ безъ всякихъ разсужденій прямо можно было бы сослаться на тѣ мѣста библіи, въ которыхъ говорится объ отношеніи евреевъ къ фигурирующимъ въ этомъ миеѣ богамъ, и по которымъ евреи ясно и точно отличали всѣхъ этихъ боговъ отъ Іеговы, Своего Бога, *Господа небесе и земли*, отличали ихъ, какъ несуществующую на самомъ дѣлѣ противоположность ихъ дѣйствительному Богу. А при такомъ оборотѣ дѣла психологически немислимо разсужденіе о происхожденіи библейскаго разсказа о пророкѣ Іеговы изъ языческаго миеа, нами разобраннаго. Мало того. Тогда пришлось бы съ береговъ Архипелага, Средиземнаго моря и Нила идти и къ берегамъ Тигра и Евфрата, и въ другія самыя отдаленныя страны, какова напр. Америка, и углубляться въ начальныя доисторическія времена; ибо и тамъ вездѣ, и весьма рано можно найти нѣчто, совершенно сходное съ миеомъ о Персеѣ. Такъ въ знаменитой вавилонской героической поэмѣ, прочитанной Смитомъ, между прочимъ выводится на сцену богоподобный герой Издубаръ, освобождающій дѣву отъ морскаго чудовища и его крылатаго быка ¹⁾). Александръ Гумбольдтъ доставилъ изъ Америки рисунки, изображающій женскую фигуру въ

---

¹⁾ См. цитов. выше изслѣд. Кирпичникова стр. 199; ср. Сейса, Ассири-вавилонская литература, перев. съ англ. 1879, стр. 21 и ниже въ разборѣ гипотезы Баура.

моментъ опасности быть проглоченною морскимъ чудовищемъ ¹⁾. Стоя же предъ такимъ всемірнымъ явленіемъ, какъ мнѣ обь освобожденіи страждущаго человѣка отъ злыхъ чудищъ природы, мнѣ, который при всемъ его различіи у разныхъ народовъ, различіи, обуславливаемомъ уже самымъ различіемъ мѣстностей, въ которыхъ жили эти народы, въ сущности одинъ и тотъ же у всѣхъ ихъ, невольно приходишь въ изумленіе, когда слышишь, что этотъ мнѣ воспринять былъ евреями слишкомъ поздно, уже въ то время, когда другіе совсѣмъ позабыли о немъ и, воспринятый, переработанъ ими до неузнаваемости. Гдѣ причина этой поздней переработки? Отчего зависить самая своеобразность переработки? Чѣмъ объяснить то безпримѣрное явленіе, что между тѣмъ, какъ у другихъ народовъ мысль о борьбѣ человѣка съ разрушительными силами природы сохранилась въ своемъ существѣ, оразнообразившись лишь въ подробностяхъ и деталяхъ, у евреевъ случилось совсѣмъ наоборотъ, удержались лишь одни внѣшніе образы, форма мысли, самая же мысль утратилась? Ибо нѣтъ сомнѣнія, что между тѣмъ, какъ въ мнѣ образъ чудовища стоитъ въ органической связи съ сущностію мнѣа, такъ что, отнявъ отъ этого образа представленіе о враждебности чудовища въ отношеніи къ человѣку, о страхѣ предъ нимъ послѣдняго, взаимной борьбѣ ихъ и побѣдѣ надъ нимъ человѣка, мы теряемъ самый мнѣ, въ книгѣ пр. Іоны нѣтъ и намекъ на враждебность чудовища по отношенію къ человѣку, на борьбу съ нимъ человѣка и побѣду послѣдняго надъ нимъ. Чудовище является здѣсь не дѣйствующимъ героемъ трагедіи, какъ въ мнѣ, а лишь слѣпымъ орудіемъ наказующей воли Іеговы. Да и самый образъ чудовища вовсе не такой въ исторіи пр. Іоны, какъ въ мнѣ: въ послѣднемъ оно въ полномъ смыслѣ чудище, какъ нѣчто необычайное, выходящее изъ ряда обыкновеннаго; въ исторіи пр. Іоны оно лишь въ переводѣ LXX κήτος μέγαλη—вить великій; въ еврейскомъ же подлинникѣ животное, поглотившее пророка Іону, названо лишь *дай—идбѣл*—рыба великая. Такъ падаетъ даже внѣшняя связь разобранныхъ нами мнѣовъ съ исторіею пр. Іоны ²⁾.

¹⁾ См. Kreuzer Deutsche Schriften II, 6, 303.

²⁾ Впрочемъ мысль мнѣа о борьбѣ человѣка съ враждебными ему силами природы, мысль, встрѣчающаяся у всѣхъ народовъ, не затерялась у евреевъ.

Послѣ этого для окончательнаго опроверженія мысли о заимствованіи исторіи пр. Іоны изъ языческихъ мифовъ слѣдовало бы сказать о нравственной невозможности для евреевъ времянъ пророческихъ (до Малахія) смѣшивать свои вѣрованія съ мифами язычниковъ; но прежде нѣсколько словъ о гипотезѣ Баура, указывающей источникъ книги пр. Іоны въ ассировавилонской литературѣ, раннее знакомство съ которой евреевъ, какъ будто, даетъ право преимуществовать этой гипотезѣ предъ разобранными нами, хотя она и не нашла себѣ такого сочувствія въ средѣ противниковъ подлинности книги пр. Іоны, какъ тѣ.

По гипотезѣ Баура ¹⁾, въ основѣ книги пр. Іоны лежитъ вавилонскій мифъ объ Оаннесѣ и сказаніе культѣ Адониса. Оаннесъ—это рыба съчеловѣческими ногами, каждое утро выплывавшая изъ моря въ Вавилонъ и научавшая людей хорошей нравственности, наукамъ, искусствамъ и ремесламъ. Сходство имени пр. Іоны съ именемъ этого мифическаго существа дало собою, будто бы, поводъ народному еврейскому преданію поставить на мѣсто языческаго Оаннеса еврейскаго пр. Іону и перенести на послѣдняго свойства и дѣйствія перваго. Но такъ какъ пр. Іона въ народномъ преданіи былъ живымъ пророкомъ Іеговы; то понятно, что при переходѣ этого мифа на еврейскую почву должны были нѣсколько видоизмѣниться и черты Оаннеса, и вотъ явилось преданіе, что Іона, дѣйствовавшій въ Ниневіи (мѣсто, гдѣ дѣйствовалъ и Оаннесъ), былъ поглощенъ морскимъ чудовищемъ и снова выброшенъ имъ на берегъ. Главнымъ дѣломъ еврейскаго пророка среди язычниковъ должно было

Она не въ такой грубой формѣ, какъ въ языческихъ мифахъ, но все-таки была и у евреевъ. На первыхъ же страницахъ еврейскихъ священныхъ книгъ, въ книгѣ Бытія, въ сказаніи объ искушеніи Адама и Евы въ рай и о божественномъ Искушителѣ, сказаніи, упоминаемъ и о женѣ, погубляемой змѣемъ, и о Побѣдителя этого змія—Потомкѣ жены, имѣющемъ стереть главу его не безъ основанія нѣкоторые находятъ прототипъ тѣхъ языческихъ мифовъ. Въ известномъ сочиненіи Ипполита: *Philosophumena*, приводится такое именно толкованіе мифа о Персеѣ Кефей—это Адамъ, Кассіопея—Ева, Андромеда—душа, а спаситель ея Персей—Слово Бога, *ὁ λόγος τοῦ Θεοῦ*, которое въ Апокалипсисѣ Іоанна Богослова представляется всадникомъ на бѣломъ конѣ, поражающимъ змія древняго, *иже есть диаволъ и сатана* (Апок. 20, 11—21). Ср. цитов. выше сочиненіе Кириличикова стр. 191.

¹⁾ См. *ero Der Prophet Ionas, ein Assyrisch. Babilonisches Symbol* въ *Zeitschrift für d. histor. Theologie* 1837 1 Bd. S. 88—114.

быть призваніе ихъ къ покаянію; отсюда естественно, будтобы, вышло то, что Іона явился въ еврейскомъ преданіи не законодателемъ, какимъ главнымъ образомъ былъ Оанесъ, а проповѣдникомъ покаянія. Чтобы представить еще болѣе естественнымъ переходъ вавилонскаго мифа объ Оаннесѣ именно на пр. Іону, Бауръ говоритъ далѣе, что Іона значитъ голубь; а голубь на востока былъ символомъ всеоживляющей силы природы: голуби вскормили Семирамиду, которая сама улетѣла въ видѣ голубя, хотя была въ то же время рыбой. Объяснивъ такимъ образомъ происхожденіе первыхъ двухъ главъ книги пр. Іоны, или, лучше, указавъ матеріалъ для ихъ образованія, Бауръ въ качествѣ такого матеріала для остальныхъ двухъ главъ книги указываетъ на вавилонскій же культъ Адониса. Культъ этотъ былъ праздникомъ глубокаго плача о быстромъ отцвѣтаніи радостей жизни, и, какъ такой, символизировался чрезъ растенія, которыя быстро вырастаютъ и также быстро исчезаютъ. Само собою разумѣется, символическій обычай траурнаго праздника долженъ былъ при переработкѣ его въ рассказъ книги пр. Іоны о траурѣ ниневитянъ и погибшемъ растеніи явиться разъ совершившимся фактомъ.

При разборѣ этой гипотезы нѣтъ нужды указывать на ея неразвитость и недоказательность, на ея искусственность и другіе литературные и логическіе недостатки, обличающіе ея несостоятельность; достаточно остановиться на фактической сторонѣ дѣла, на основной мысли ея. Можно ли въ самомъ дѣлѣ допустить, чтобы указываемые въ ней мифъ и культъ дали собою основной матеріалъ для книги пр. Іоны? Прежде о мифѣ объ Оаннесѣ.

Нѣтъ сомнѣнія, что мифъ объ Оаннесѣ можетъ напоминать собою исторію пр. Іоны, или наоборотъ. Но первый и самый естественный выводъ отсюда тотъ, что если ниневитяне имѣли этотъ мифъ и вѣрили въ него; то, услышавъ отъ пришедшаго къ нимъ съ проповѣдью покаянія еврейскаго пророка о случаѣ, бывшемъ съ нимъ на морѣ, могли тѣмъ легче повѣрить его проповѣди, гадая о томъ, не посланникъ ли это того Оаннеса, котораго чтутъ они. Выводъ этотъ вполне справедливо и дѣлаютъ нѣкоторые ученые ¹⁾. Для заключенія же о генетической связи между

¹⁾ См. статью А. Смирнова: „Покаяніе Ниневитянъ“ въ журн. Чтенія въ Об. Л. Д. просвѣщенія 1879 г. кн. X

миромъ и исторіей пр. Іоны въ нихъ нѣтъ никакихъ достаточныхъ данныхъ. Въ существенныхъ своихъ чертахъ Оаннесъ отличенъ отъ Іоны до противоположности. Тотъ—высшее божественное существо, этотъ—обыкновенный человѣкъ; тотъ по своему внѣшнему виду—рыба съ человѣческими ногами, этотъ—человѣкъ, только бывшій случайно во чревѣ рыбы; тотъ каждое утро выплываетъ изъ моря, чтобы научать людей знанію; этотъ однажды является въ Ниневіи проповѣдникомъ покаянія, и т. д. Самъ Бауръ сознаетъ это различіе и потому старается отстоять связь между миромъ и исторією Іоны по крайней мѣрѣ въ двухъ главныхъ понятіяхъ: пророка, какъ вдохновеннаго отъ Бога лица, и морскаго животнаго. Но собственная исторія евреевъ съ первой своей страницы была полна самыхъ чудныхъ и величественныхъ образовъ пророка, какъ вдохновеннаго вѣстника Божіихъ велѣній. И эти образы такъ возвышенны и величавы по сравненію ихъ съ страннымъ образомъ Оаннеса, что невольно приходишь въ изумленіе, слыша, что евреи, имѣвшіе свои величавые образы пророковъ, воспользовались для образа пр. Іоны языческимъ представленіемъ о просвѣтительной дѣятельности Оаннеса. Остается одинъ образъ морскаго животнаго; но и онъ, какъ мы уже видѣли, существенно отличенъ отъ образа рыбы великой, поглотившей пророка. Далѣе, по Бауру, въ мирѣ объ Оаннесѣ и въ исторіи пр. Іоны точкой ихъ взаимнаго соприкосновенія, исходя изъ которой можно, будто бы, думать о генетической зависимости одного изъ нихъ отъ другаго могутъ быть еще имена главныхъ дѣйствующихъ лицъ того и другаго сказанія: “вѣроятно, говоритъ Бауръ, имена эти сходны и даже тождественны въ своемъ корнѣ”. Но при видимомъ подобозвучіи этихъ именъ внутренняго сродства между ними, по свидѣтельству знатоковъ семитическихъ языковъ, не можетъ даже быть. Посредствующія между ними имена, выставляемыя Бауромъ, какъ бы связующія ихъ звенья, имѣютъ совершенно различныя значенія. „Если *Oannes* вмѣсто *Evannes*, говорятъ Гатцигъ, можно еще поставить въ связь съ *Ioannes*, то никакъ не съ *Iannes* и еще менѣе съ *Jonas*“ ¹⁾ *Jonas*, по евр. *jonaḡ* (отъ глагола *jānā?*—притѣсняль), значить—голубь; *Ioannes* же, по евр. *johānān*

¹⁾ См. его цит. выше соч стр. 68.

(отъ *j'gova*—Господь и *xanān*—быль расположенъ), означаетъ милость Божию. Очевидно сходство именъ чисто вѣшнее — звуковое только, но не внутреннее—по значенію. Отсюда, если при произнесеніи одного пзъ этихъ именъ возможно еще воспоминаніе о другомъ и комбинированіе перваго съ послѣднимъ; то только или при незнаніи значенія того и другаго имени, или если и при знаніи, то лишь на время, въ первыя минуты увлеченія, какъ то можно предположить о Баурѣ, или о ниневитянахъ въ моментъ выслушиванія ими проповѣди пророка. Для лицъ же знакомыхъ съ значеніемъ того и другаго имени, особенно при предположеніи длиннаго періода времени, въ которое оба эти имени совмѣстно жили въ представленіи этихъ лицъ—для евреевъ, такое смѣшеніе ихъ было неестественно; скорѣе можно предположить, что имя Оаннеса въ сознаніи евреевъ могло вызвать собою представленіе объ *Ioannes*, или по евр. *johānān*, чѣмъ объ *Ionas*, тѣмъ болѣе, что на страницахъ еврейской исторіи первое имя встрѣчается не разъ (см. 1 Пар. 3, 15; 12, 4 и д.) Чѣмъ же объяснить то, что случилось, по Бауру, наоборотъ? Бауръ ссылается на легенды о Семирамидѣ. Сходство Семирамиды (и голубя и рыбы вмѣстѣ) съ Оаннесомъ дало возможность передѣлать мнѣ о послѣднемъ въ исторію не Іоханана какого-нибудь, а именно Іоны, имя котораго значить голубь; эти легенды привлекли, будто бы, собою въ исторію пр. Іоны и представленіе о немъ, какъ о вдохновенномъ пророкѣ. Какая запутанная искусственность и натянутость сближеній! Какъ будто Іона не могъ быть представленъ вдохновеннымъ пророкомъ безъ легенды о Семирамидѣ, тотъ Іона, дѣйствительнаго существованія котораго не отрицаетъ и самъ даже Бауръ! И какимъ образомъ изъ понятія о Семирамидѣ выходило понятіе о пророкѣ? Гдѣ внутренняя связь между легендами о Семирамидѣ и мнѣемъ объ Оаннесѣ? Это вопросы, на которые могъ отвѣчать только Бауръ, при помощи своей пылкой фантазіи.

Правда и мнѣе объ Оаннесѣ и легенды о Семирамидѣ извѣстны намъ изъ одного и того же источника—изъ книги Бероза, трактующей о халдейскихъ древностяхъ; но книга эта по своему происхожденію относится ко временамъ селевкидовъ и написана на греческомъ языкѣ. Следовательно она заключаетъ

въ себѣ міросозерцаніе и міеологію ассиріянъ въ томъ ихъ видѣ, въ какомъ онѣ существовали въ это именно позднее время. Мы не то хотимъ связать, что эти міеы такого поздняго происхожденія, а лишь то, что систематизація ихъ относится дѣйствительно къ этому позднему времени; къ этому же позднему времени относятся и сопоставленіе міеа объ Оаннесѣ съ легендами о Семирамидѣ. Къ эпохамъ же древнѣйшимъ сравнительно съ вѣкомъ, яко бы, легендарнаго происхожденія книги Іоны, относится лишь міеъ объ Оаннесѣ, о которомъ говорятъ кромѣ Бероза и разныя надписи. Но здѣсь точно также, какъ и у Бероза, міеъ этотъ стоитъ въ непосредственной связи съ другими сказаніями, сопоставленіе съ которыми можетъ повести къ выводамъ о происхожденіи этого міеа крайне невыгоднымъ для Баура. Вотъ эта связь по книгѣ Бероза. Сказавъ о сотвореніи міра—невидимаго и видимаго, Берозъ рассказываетъ исторію первыхъ людей, которая была эпохой совокупной жизни боговъ и людей. Первые цари суть тѣже боги, живущіе на землѣ по 10 тысячъ лѣтъ и иногда получающіе безсмертіе. „Въ началѣ, говоритъ Берозъ, въ Вавилонѣ было множество людей различныхъ племенъ, которые населяли Халдею; они жили безъ правильнаго устройства, какъ животныя. Но въ первый же день вышло изъ Эритрейскаго моря существо Оаннесъ,“ и далѣе рассказывается приведенный нами выше міеъ. Послѣ него говорится о царствованіи одной династіи, продолжавшемся 36,000 лѣтъ и закончившемся появленіемъ новаго Оаннеса, похожаго на перваго, затѣмъ—о другой династіи и третьемъ Оаннесѣ, далѣе—о третьей династіи и четвертомъ Оаннесѣ и такъ дальше до 10-го Оаннеса, послѣ разказа о которомъ Берозъ говоритъ о потопѣ. Это повѣствованіе имѣетъ очень много чертъ общихъ у него съ библейскимъ повѣствованіемъ о томъ же. Это-то именно сходство, служа съ одной стороны подтвержденіемъ подлинности библейскаго сказанія, съ другой, въ виду большаго правдоподобности и естественности библейскаго сказанія сравнительно съ сказаніемъ Бероза, ясно говоритъ, что сказаніе послѣдняго въ своемъ первоисточникѣ исходитъ изъ Библии ¹⁾. Отсюда нѣтъ ничего невѣроятнаго гадать о такомъ же

---

¹⁾ Само собою разумѣется, непосредственнымъ источникомъ для Бероза служила собственно ассировавилонская литература и мы, говоря о зави-

происхожденіи и другихъ частей Берозова повѣствованія, предшествовавшихъ повѣствованію о потопѣ. Десять династій, царствовавшихъ по нѣскольку тысячъ лѣтъ, въ каждой изъ которыхъ можно приурочить по одному мудрому Оаннесу, очень напоминаютъ собою эпоху десяти допотопныхъ патріарховъ, жившихъ по нѣскольку сотъ лѣтъ¹⁾. Если же присоединить къ этому сказанію книги Бытія (4 гл.) о потомкахъ Каина, сыновьяхъ Ламеха, которыми было положено начало разнымъ ремесламъ и искусствамъ; то понятно станетъ, какъ изъ всего этого выродился мифъ объ Оаннесѣ, который въ своемъ общемъ есть не больше, какъ фантастично-олицетворенное искаженіе библейскихъ данныхъ, самую краткостію своею говорящихъ о своей правдоподобности и естественности.

Такимъ образомъ анализъ мифа объ Оаннесѣ приводитъ насъ къ тому заключенію, что не исторія пр. Іоны передѣлана изъ мифа объ Оаннесѣ, а самый этотъ мифъ былъ заимствованъ изъ библейскихъ данныхъ, и при томъ не стоящихъ съ исторіей пророка ни въ какой связи.

Точно къ такому же заключенію долженъ привести насъ анализъ и культа Адониса, давшаго, будтобы, своею обрядовой стороною матеріалъ для третьей главы книги пр. Іоны, а своимъ символическимъ значеніемъ — для четвертой. Въ третьей главѣ говорится о покаяніи ниневитянъ, выразившемся въ ихъ постъ и одѣяніи во вретще. Но покаяніе и у евреевъ было та-

смости сказанія его отъ библейскихъ данныхъ, разумѣемъ зависимость отъ нихъ именно ассиро-вавилонской литературы, пусть опять даже не непосредственно изъ письменн., а изъ преданія. Справедливость же этого послѣдняго доказывается тѣмъ, что въ открытой и разобранной Смитомъ эпической поэмѣ, изображенной идеографически и потому относящейся къ хрвене-халдейской литературѣ, которая вѣроятно и служила первымъ источникомъ для Берозова сказанія о потопѣ, находятъ ясныя слѣды заимствованія. Эти слѣды, по указаніямъ такихъ ученыхъ ассириологовъ, какъ Смитъ, Сейсъ и др., заключаются въ томъ, что въ поэмѣ иногда одни и тѣже выраженія употребляются вмѣсто перваго лица въ третьемъ; мѣстами попадаются и противорѣчія; иногда одно и то же повторяется въ выраженіяхъ съ едва замѣтными отличіями. Словомъ все указываетъ на неумѣлую компиляцію, требовавшую для своей обработки значительнаго времени. Ср. Сейсъ, стр. 20 и д.

¹⁾ См. Быт. 5 гл; ср записки на кн. Бытія Филарета ч. 1, стр. 102.

кимъ же обыкновеннымъ явленіемъ, какъ и въ ассиріи, и образы, въ которыхъ выражалось оно, были одинаковы на всемъ востокѣ; это тѣже постъ и одѣяніе во вретнице, о которыхъ говорится въ книгѣ пр. Іоны. Въ такихъ же чертахъ изображается покаяніе и въ другихъ несомнѣнно древнихъ историческихъ книгахъ еврейскаго же народа ¹⁾. Слѣдовательно евреямъ не было никакой нужды обращаться за такими образами къ языческому культу Адониса, тѣмъ болѣе, что въ печальныхъ обрядахъ этого культа не было и намека на покаяніе. Культъ этотъ—оплакиваніе бога - юноши, похищеннаго смертію изъ объятій любящей егѡ богини; слѣдовательно это не покаянный, а траурный, печальный культъ. Правда, на древнемъ востокѣ печаль и покаяніе выражались въ однихъ и тѣхъ же образахъ ²⁾; правда и то, что какъ въ культѣ Адониса для выраженія печали о скоротечности чело- вѣческой жизни наряду съ траурными обрядами являлись на сцену и растенія, такъ и въ книгѣ пр. Іоны вмѣстѣ съ образами покаянія нинсвятянъ (въ 3 гл.) встрѣчается и образъ быстро исчезающаго растенія (въ 4 гл.). Но ссылаться на это именно сходство въ объясненіе перерожденія культа Адониса въ сказаніе о пр. Іонѣ еще менѣе можно; ибо послѣдній образъ (растенія) въ книгѣ пр. Іоны совсѣмъ не похожъ на свой первообразъ въ культѣ Адониса. Здѣсь разумѣтся растеніе вообще, въ книгѣ пр. Іоны говорится объ одномъ опредѣленномъ растеніи — клещевинѣ; тамъ растеніе—только символъ скоротечности жизни природы вообще и чело- вѣческой жизни въ частности, въ книгѣ пророка оно само представляется именно такимъ скоротечнымъ и въ этой своей скоротечности даже противопологается чело- вѣку; въ культѣ Адониса въ мысли о скоротечности вся суть дѣла, въ книгѣ Іоны смыслъ разсказа въ вытекающемъ изъ него нравоученіи о милосердіи къ ближнимъ. Гдѣ же въ книгѣ пр. Іоны и въ культѣ Адониса внутреннее связующее ихъ зерно? Но взгляды въ дѣло ближе.

Сказаніе, объясняющее намъ происхожденіе и значеніе культа

¹⁾ См. 1 Цар. 7, 6, 2 Цар. 12, 13—16, 3, 31; 3 Цар. 21, 27—29; Іов. 4, 2 и др.

²⁾ Ср. съ приведенными предъ сѣмъ цитатами Іов 2, 12, 13; Іер. 27, 30, 31; Плачъ Іер. 2, 10, 11; Сирах. 22, 11 и др.

Адониса, находится въ обширной эпической поэмѣ, клинообразные фрагменты которой были открыты и разобраны Смитомъ. Въ этой поэмѣ разсказывается о приключеніяхъ одного мифическаго лица, названнаго Смитомъ Издубаръ, и между прочимъ о супружествѣ его съ богиней Истаръ ¹⁾, вдовой другаго божественнаго супруга. Въ періодъ вдовства послѣ смерти этого послѣдняго супруга, Истаръ спускается въ темную область преисподней для свиданія съ этимъ своимъ супругомъ и здѣсь воскрешаетъ его. Этотъ—то умершій въ молодости супругъ богини Истаръ и есть Адонисъ. Такъ называли этого бога греки, къ которымъ перешло почитаніе его съ востока; вѣроятнѣйшее же чтеніе ассирійскаго наименованія его въ поэмѣ, изображеннаго идеографически, *Думи* и *Дуваци*. А тѣмъ какъ въ аккадійскомъ языкѣ не было почти различія какъ въ изображеніи, такъ и въ написаніи между буквами *e* и *m*; то *Дуваци* могло быть произнесимо и *Думаци*, или съ нѣкоторымъ умягченіемъ звуковъ: *Тумази*. Не напоминаетъ ли это имя извѣстнаго Таммуза, почитаніе котораго вмѣстѣ съ ассирійскимъ господствомъ проникло даже въ іудею, и за почитаніе котораго такъ порицали евреевъ пророки, жившіе послѣ ассирійскаго падѣна? (см. Іез. 8, 14)? Въ Вульгатѣ употребленное здѣсь еврейское слово: *т'амузъ* даже прямо переведено: *adonis*, и вполне справедливо. Идолослуженіе въ честь Таммуза, пророкомъ обличаемое въ данномъ мѣстѣ, изображается имъ, какъ поклоненіе на востокъ солнцу (16 ст.), сопровождавшееся поднесеніемъ вѣтвей къ носамъ своимъ (17 ст.), т. е. очень сходно съ обрядами культа Адонаса. Слѣдовательно этотъ культъ извѣстенъ былъ и даже былъ распространенъ между евреями время Іезекіиля въ своемъ первоначальномъ видѣ, въ какомъ онъ былъ въ ассиріи. Здѣсь культъ этотъ праздновался въ іюль мѣсяцѣ, когда начинается уменьшеніе дня, слѣдовательно удаленіе солнца, обожненнаго въ этомъ культѣ; не отсюда ли произошло у евреевъ и позднѣйшее названіе іюля Таммузъ?

Послѣ сказаннаго едва ли можетъ быть рѣчь о томъ, что культъ Адониса, перешедши на еврейскую почву, видоизмѣнился въ сказаніе о пр. Іонѣ ²⁾. А если такъ; то и о всей гипотезѣ Баура

¹⁾ Не Истаръ ли послѣ извѣстна была евреямъ подъ именемъ Астарты?

²⁾ Другое дѣло область язычества; такъ скорѣе, чѣмъ у евреевъ, могло явиться такое видоизмѣненіе. Правда культъ Адониса былъ выраженіемъ

вполнѣ справедливо сказать, что она совсѣмъ несостоятельна, хотя и полезна отчасти для пониманія книги пр. Іоны, для пониманія того, какъ вивевитане могли повѣрить проповѣди Іоны. Этому—то полезностию данной гипотезы мы и подвинулись на такое подробное разсмотрѣніе ея, не смотря на то, что она не только теперь не имѣетъ сторонниковъ, а и вскорѣ же послѣ своего появления была отвергнута даже защитниками легендарнаго происхожденія и значенія книги пр. Іоны ¹⁾.

поклоненія солнцу—природѣ, но въ своей вѣншей формѣ оная простая исторія, главное дѣйствующее лицо которой Издубаръ, и въ которой между другими событіями рассказывается и о приключеніяхъ съ Истаръ и Тумази. Во второй части поэмы Издубаръ рассказываетъ Сосилатру о потопахъ и рассказъ этотъ вполнѣ согласенъ съ сказаніями Бероза о томъ же предметѣ; послѣ рассказа о потопахъ у Бероза ведется рассказъ о томъ, какъ Издубаръ строилъ города и завоевывалъ страны. Рассказъ этотъ очень напоминаетъ собою библейскіе рассказы о Нимродѣ; поэтому нѣкоторые не безъ основанія думаютъ, что дѣйствительное имя Издубара, изображенное идеографически, Нимродъ, т.-е. другими словами, и этотъ рассказъ объ Издубарѣ имѣетъ своимъ источникомъ тѣже, что и въ мифѣ объ Оаннесѣ и о потопахъ, библейскія данныя о патриархальныхъ временахъ. Заимствованные отсюда, эти рассказы передѣланы были въ культъ Адониса сообразно съ натуралистическими идеями халдейскаго сабеизма (Подробнѣе объ этомъ см. „Очерки халдейской литературы“, М. Никольскаго въ Р. Вѣстникѣ. 1879. кн. 11 и 12).

¹⁾ Кромѣ разобранныхъ нами гипотезъ о мифологическомъ характерѣ историческихъ первоосновъ книги пр. Іоны, были и другія, но такія, въ которыхъ фантазирования о мифическихъ первоосновахъ книги доходили до нелѣпостей, очевидныхъ съ перваго раза. Таково напр. въ *der Kritisch. Journal der neuesten theolog. Litteratur von Berthold*, 1819, Bd. 8, s. 22 и д. мнѣніе, что первой основой книги пр. Іоны служила древняя символическая картина, обозначающая союзъ, или, быть можетъ, борьбу (какъ будто одно на другое похоже!) двухъ враждебныхъ народовъ—финикіянъ и ассириянъ, понятая евреями превратно и въ переложеніи въ словесную форму, въ ея буквальный смыслъ, образовавшая у нихъ сказаніе о пр. Іонѣ. „Іона значить голубь, а голубь государственный гербъ Ассиріи; Нептунъ же предметъ почитанія у Финикіянъ; значить въ этой картинѣ представлено было какое-либо историческое событіе, относящееся къ тѣмъ отдаленнымъ временамъ, когда вмѣсто буквеннаго письма было іероглифическое“. Такъ обосновывалась эта гипотеза, очевидно фантастичная и не имѣющая за себя никакихъ данныхъ, вромѣ игры словъ.

II.

Теперь у насъ должна быть рѣчь о нравственной невозможности для евреевъ пользоваться указанными нами и подобными имъ языческими мѣами для образованія изъ нихъ сказанія о пр. Іонѣ, составляющаго содержаніе книги этого пророка. Рѣчь эта по содержанію своему совпадаетъ съ вопросомъ о средѣ, въ которой, и способѣ, которымъ изъ тѣхъ, или иныхъ историческихъ первоосновъ образовалось сказаніе о пр. Іонѣ, записанное въ книгѣ его имени; вопросъ же этотъ относится ко второму намѣченному нами для разбора пункту легендарнаго воззрѣнія на книгу нашего пророка. Поэтому-то эту рѣчью мы и начинаемъ новый отдѣлъ своего разбора.

Первый вопросъ въ намѣченномъ нами пунктѣ есть вопросъ о факторахъ, которые должны были дѣйствовать въ переработкѣ тѣхъ, или иныхъ первоосновъ книги пр. Іоны въ ея настоящій видъ. Такими факторами могли быть или послѣдній редакторъ книги, или народное преданіе. Но стоить только поближе взглянуть въ условія дѣятельности того и другаго изъ этихъ факторовъ, и нравственная невозможность для нихъ, предполагаемой защитниками разсматриваемаго воззрѣнія на книгу пр. Іоны, передѣлки историческихъ первоосновъ книги въ ея настоящій именно видъ станетъ очевидною. Прежде объ языческихъ мѣахъ и сказаніяхъ. Возможно ли съ психологической точки зрѣнія допустить переработку этихъ мѣовъ въ настоящую исторію пр. Іоны, со стороны ли то одного послѣдняго редактора книги, или въ народномъ преданіи?

Изъ многочисленныхъ защитниковъ мѣической первоосновы книги пр. Іоны одинъ Розенмюллеръ утверждалъ, что эта первооснова въ ея настоящій видъ измѣнена однимъ послѣднимъ редакторомъ книги, въ народномъ же преданіи она существовала въ своей первоначальной языческой формѣ ¹⁾; всѣ же другіе единомышленники его называли и считали это предположеніе неестественнымъ и невѣроятнымъ, полагаемъ средой, въ которой если не совсѣмъ переработался, то хотя отчасти видоизмѣнился пред-

¹⁾ См. его цит. выше соч. стр. 355.

полагаемый ими мифъ, народное преданіе. Но и тотъ и другіе несправедливы.

Св. ап. Павелъ въ своемъ посланіи въ Римлянамъ, показавъ, что первоначально разумное божіе (что можно знать о Богѣ) являлось въ язычникахъ (изъ врожденной имъ идеи божества, изъ природы и изъ откровенія, бывшаго въ патриархальныя времена достояніемъ всего человѣчества), происхожденіе и сущность язычества представляетъ такъ. Люди осуетившася помысленіи своими и омрачися неразумное ихъ сердце... И измѣниша славу нетлѣннаго Бога въ подобіе образа тлѣнна человѣка, и птицъ, и четвероногихъ, и гады... и почтоша и послужиха твари паче (вмѣсто) Творца (Рим. 1, 19—25). Таково же происхожденіе и значеніе язычества и по исторіи. Она всюду представляетъ намъ язычниковъ обоготворяющими тѣ или другія силы природы, въ которыхъ почему либо особенно обнаруживается то или другое свойство божества и которыя такъ или иначе напоминаютъ о Богѣ въ Его отношеніяхъ къ человѣку, какъ о грозномъ ли Карателѣ ихъ, или любвеобильномъ Спасителѣ. Смѣшавъ дѣйствіе съ совершителемъ дѣйствія, явленіе съ причиною его, забывъ чистое первобытное откровеніе, язычники въ силу не отнятой отъ нихъ идеи о Богѣ, Творцѣ и Промыслителѣ міра, олицетворили эти силы природы, приписавъ имъ жизнь разумную, хотя и не свободную. Съ этой точки зрѣнія нужно смотрѣть и на языческую мифологию. Такое пониманіе ея, чуждое крайностей какъ чисто-натуралистическаго, такъ и догматическаго а равно и нравственнаго объясненія мифовъ ¹⁾, въ приложеніи къ разбираемымъ нами мифамъ и даетъ намъ право представлять ихъ, какъ мы и раскрыли это выше ²⁾, исторією борьбы добра и зла въ первоначальномъ человѣчествѣ, въ послѣдующія времена, вслѣдствіе искаженія самаго понятія о добрѣ и злѣ, искаженною въ матеріалистическомъ смыслѣ (причемъ борьба человѣка со зломъ стала представляться, какъ борьба съ враждебными силами природы); исторія эта искажена изъ чистаго и богооткровеннаго ученія объ этомъ предметѣ, въ патриархальныя времена, до столпотворенія бывшаго чи-

¹⁾ Такое пониманіе происхожденія и значенія какъ язычества вообще, такъ въ частности и его мифологии дается въ соч. арх. Хрисанова. Религія древняго міра, и въ филос. чтеніяхъ В. Д. Кудрявцева въ журн. Пр. Обзор.

²⁾ См. стр. 106 и 107, 111—112 и 115.

стнмъ у всей человѣческой семьи, а съ этого времени сохранившася такимъ только у одного народа еврейскаго ¹⁾. Это съ одной стороны. Съ другой стороны, въ противоположность язычникамъ, которымъ Богъ предоставилъ *ходить въ похотяхъ сердца своего*, еврейскій народъ со времени вавилонскаго столпотворенія выдѣленъ былъ Богомъ изъ семьи остальныхъ народовъ въ особый народъ, въ хранителя истинной религiи. Съ этою цѣлю Богъ на этомъ народѣ съ указаннаго времени сосредоточилъ Свое особенное дѣловодительство его ко Христу, утверждая и укрѣпляя этотъ народъ въ завѣтѣ Своемъ и по мѣрѣ возрастанія его все болѣе и болѣе расширяя для него кругъ откровенiй о Себѣ, какъ Богъ—Творецъ, Промыслитель и Искупитель. Благоволивъ стать въ такія отношенія къ народу еврейскому, Богъ являлся по отношенію къ нему не какъ *deus ex machina*, какъ думаютъ деисты, и не міровымъ духомъ на высшей ступени развитія его въ человѣческомъ сознаниі, какъ то выходитъ по гегелевскому пантеизму; такое отношеніе еврейскаго Бога къ народу Его не выдерживаетъ критики ни съ логической, ни съ исторической точекъ зрѣнiя. Иегова былъ для евреевъ личнымъ Богомъ и живымъ Отцемъ; Онъ былъ для нихъ Единымъ и Единственнымъ, Всемогущимъ, Всесильнымъ, Сущимъ, Творцемъ неба и земли и Промыслителемъ всей вселенной. Въ силу этой противоположности еврейскаго монотеизма языческому пантеизму и натурализму, и самое служеніе Иеговѣ было противоположно служенію языческимъ богамъ, противоположны были культы ихъ, и отношеніе къ нимъ природы и людей ²⁾. Какимъ же образомъ при этой діаметральной противоположности религiи евреевъ въ ея основныхъ и существенныхъ чертахъ язычеству возможно было измѣненіе языческихъ мiеовъ въ исторію пророка Иеговы въ народномъ ли то преданiи, или со стороны послѣдняго редактора книги пр. Іоны? Невозможно предположить, чтобы послѣдній дерзнулъ внести въ вѣру отцевъ своихъ нѣчто совсѣмъ чуждое ей, а первые принять внесенное имъ; и это потому, что нѣтъ и не можетъ быть общенiя между свѣтомъ и тьмою.

¹⁾ Ср. ст. А. Бѣльева: О человѣческихъ расахъ, въ приб. къ Тв. св. Отц. 1879 кн. 2 и 3-я.

²⁾ Подробнѣе о діаметральной противоположности религiи Иеговы язычеству см. въ соч. св. Титова. о ветхозавѣтномъ священствѣ и левитствѣ.

Конечно иное дѣло религія въ ея, такъ сказать, объективной сущности, и иное дѣло религія въ томъ ея видѣ, какъ она воспроизводится въ сознаніи ея исповѣдниковъ, среди которыхъ всегда бываетъ не малое количество неспособныхъ даже понимать ее въ ея идеальной чистотѣ и потому всегда готовыхъ исказять ее до неузнаваемости; но это соображеніе, справедливое въ общемъ, не можетъ имѣть значенія по отношенію къ евреямъ вообще, и въ частности къ еврейскимъ пророкамъ, какъ писателямъ библейскихъ книгъ. Поставленные Іеговою на стражѣ дома Израилева, еврейскіе пророки не только должны были высоко держать знамя своей религіи, но и не могли понимать ее иначе, какъ въ ея идеальной чистотѣ и высотѣ. Они были писателями тѣхъ священныхъ библейскихъ книгъ, въ которыхъ религія Іеговы и представляется именно въ ея идеальной чистотѣ и высотѣ, въ діаметральной противоположности язычеству. Именно они, обличая евреевъ въ идолопоклонствѣ, указывали на ничтожность языческихъ боговъ, сдѣланныхъ изъ дерева или металала ¹⁾; именно они называли этихъ боговъ 'ацѣб, или 'оцѣб, что, происходя отъ глагола 'ацѣб—рѣзалъ садилъ, надсаждалъ, огорчалъ, можетъ быть переведено русскимъ словомъ: пугало ²⁾; именно они называли служеніе этимъ богамъ мерзостію предъ Іеговою; именно они Іегову, Бога еврейскаго, въ противоположность языческимъ богамъ, называли *Единымъ Сущимъ, Творцемъ неба и земли*, природу и силы ея—дѣлами рукъ Іеговы, а всѣхъ разумныхъ существъ—рабами Іеговы, исполнителями Его велѣній ³⁾. Психологически немыслимо, чтобы люди, такъ ясно, строго и точно отличавшіе Бога Своего и служеніе Ему отъ боговъ языческихъ и служенія имъ, могли пользоваться языческими сказаніями для цѣлей своей религіи; психологически немыслимо это особенно въ виду того, что по сознанію пророковъ всякое религіозное вѣдѣніе есть *слово Іеговы*. А къ числу такихъ людей

¹⁾ См. напр. 1 Ц. 30, 9; 2 Ц. 5, 21; 1 Пар. 10, 9; 2 Пар. 24, 18; Пс. 115, 4; 135, 15; Ис. 10, 10; 46, 1; Ос. 4, 17; Зах. 13, 20 и др.

²⁾ См. Истор. книги в. зав. въ рус. переводѣ Гумлева, въ примѣчаніи къ 1 Ц. 30, 9.

³⁾ См. напр. Втор. 6, 4; 10, 14, 17, 18; 32, 4; Исх. 3, 14; 33, 20; 4, 22; Пс. 42, 9; 89, 3, 138, 9; 144, 3—9; 3 Ц. 8, 23. 27. 41—43, Іер. 2, 11, Исх. 24, 14; Лев. 19, 4, 22, 4 и др.

несомнѣнно долженъ былъ принадлежать и послѣдній редакторъ, или, что тоже, писатель книги пр. Іоны, ибо и въ книгѣ пр. Іоны Іегова представляется *Творцемъ неба и земли* (1, 9; ср. Быт. 1, 1), радѣющимъ даже объ язычникахъ (2, 10; ср. Исх. 19, 5. 6; 20, 16; Втор. 32, 41—43 и др.), пророкъ—рабомъ Іеговы, исполнителемъ Его повелѣній, (1, 1—2; 3, 1—2.), природа твореніемъ рукъ Іеговы (1, 4. 9; 2, 1. 4. 11; 4, 6—8), а боги языческіе—ничтожными суетными идолами, молитва къ которымъ—суетна и тщетна (1, 5—7; 2, 9). Ясно, что такой человекъ, съ идеями, убѣжденіями и чувствами, діаметрально противоположными всему языческому, не могъ и помыслить объ эксплуатированіи языческими мѣрами для цѣлей своей религіи, какъ бы ни было велико видимое, внѣшнее сходство этихъ мѣровъ съ датами его религіи, какъ бы ни была легка литературная переработка ихъ въ сказаніе іеговистическаго направленія.

Такая переработка, неестественная со стороны самаго писателя книги пр. Іоны не могла проникнуть въ писаніе его и готовую изъ народнаго преданія; ибо дѣятельность ветхозавѣтныхъ пророковъ, по писаніямъ которыхъ мы и можемъ только судить о діаметральной противоположности еврейской религіи язычеству, не одними этими писаніями ограничивалась; въ дѣйствительности она была гораздо шире и жизненнѣе, чѣмъ какъ можно представлять ее себѣ по этимъ писаніямъ съ перваго раза. Болѣе внимательное разсмотрѣніе этихъ писаній показываетъ, что то, что заключено въ нихъ, первоначально было раскрываемо народу въ живой устной проповѣди и въ своемъ настоящемъ видѣ конечно представляетъ собою лишь сущность этой живой пророческой проповѣди. Пророки были религіозно-нравственными просвѣтителями народа на каждомъ шагу его жизни; были цѣлыя школы пророческія, считавшія своихъ учениковъ сотнями; разсѣываясь по городамъ и весямъ земли своей, они не оставляли безъ обличенія ни одного религіозно-нравственнаго недуга, ни одной язвы своихъ соотечественниковъ. Доказательствъ такого широкаго и непрерывнаго дѣйствованія стражей дома Израилева на народъ на страницахъ библейскихъ книгъ также много, какъ много въ нихъ сказаній объ уклоненіи евреевъ въ идолопоклонство. Понятно, что такая дѣятельность пророковъ должна была имѣть не малое значеніе въ качествѣ силы, удерживавшей и самихъ евреевъ отъ смѣшенія культа Іеговы съ

культами языческими, если только могла имѣть мѣсто опасность подобнаго смѣшенія.

Что же касается этой послѣдней опасности, то конечно правда, что въ свящ. книгахъ много указаній на уклоненіе евреевъ въ идолопоклонство; но при всемъ томъ мы не имѣемъ права вовсе отказывать и массѣ этого народа въ способности понимать сущность своей религіи и отличать ее отъ языческихъ вѣрованій. Русскій народъ часто обвиняютъ въ язычествѣ; но стоить ближе всмотрѣться въ него и вслушаться въ его рѣчи, чтобы видѣть и понимать, что православіе вошло въ плоть и кровь его въ самой сущности своей, язычество же народа, больше нравственно-практическое, чѣмъ сознательно-георетическое, является чѣмъ-то выѣшнимъ по отношенію къ душѣ народа, чѣмъ-то такимъ, что никогда не можетъ смѣшаться въ немъ съ православіемъ, или замѣнить его собою. Точно тоже можно сказать и объ евреяхъ. Впрочемъ высказывая это предположеніе, мы не о всемъ народѣ всецѣло и за все время его существованія говоримъ, а только объ лучшей его части, имѣющей охранительное и регулирующее значеніе въ жизни народа, и лишь за то время, пока живы были и дѣйствовали пророки. Такъ ограничивъ предметъ своихъ предположеній, мы осмѣливаемся говорить, что еврейскій народъ оставался вѣренъ идеѣ монотеизма и не смѣшивалъ своей религіи съ язычествомъ даже въ тѣ моменты, о которыхъ въ библейскихъ книгахъ говорится, какъ о временахъ уклоненія евреевъ на путь боговъ иныхъ. Такъ во многихъ мѣстахъ книгъ Царствъ говорится о служеніи Израиля на высотахъ, съ которымъ уживалось и служеніе Іеговѣ (см. напр. 3 Ц. 3, 1—3; 8, 41—43; 15, 11—14). Іеровоамъ 1, царь израильскій, поставилъ въ Веилѣ и Данѣ золотыхъ тельцевъ и ввелъ во Израили поклоненіе имъ (3 Ц. 12, 25—33); но культъ этотъ устроенъ былъ по образцу культа еврейскаго: при первомъ жертвоприношеніи Іеровоама присутствовали съ соизволенія своего отца сыновья челоуѣка божія—пророка. Ясно, что въ этомъ уклоненіи отъ Іеговы подъ новыми образами почитался тотъ же Іегова, что и въ іудеи; это уклоненіе было расколомъ, или, если угодно, протестантизмомъ, введеннымъ изъ политическихъ расчетовъ и неизмѣнявнимъ сущности религіи Моисея. Не даромъ же во Израили и въ это время были пророки; въ это время ихъ было даже больше, чѣмъ въ другія эпохи. Поэтому о большинствѣ израиль-

скихъ царей, о которыхъ въ книгахъ Царствъ говорится, какъ объ отступившихъ съ народомъ своимъ отъ Іеговы, нельзя думать, какъ объ язычникахъ; грѣхъ ихъ—былъ *грѣхомъ Іеровоама, сына Наватова*. Во многихъ же другихъ случаяхъ отступленіе евреевъ отъ путей Іеговы было лишь нравственнымъ отпаденіемъ ихъ отъ заповѣдей Іеговы на путь языческой распушенности; иначе въ такихъ случаяхъ непонятна та быстрая, рѣзкая и частая смѣна этихъ отпаденій и вторичныхъ обращеній къ Іеговѣ, по которой то и другое нерѣдко совершалось при жизни одного и того же поколѣнія. Видно, что евреи, служа Вааламъ и Астартамъ, признавали въ то же время и Бога Своего, Іегову. Характерно въ этомъ отношеніи замѣчаніе книги Царствъ, что евреи своими служеніями языческимъ богамъ хотѣли лишь досадить Іеговѣ, *противать Ело* (4 Ц. 17, 15—25). Нельзя ли поставить такіе случаи уклоненія евреевъ въ идолопоклонство въ аналогію съ дѣтскимъ капризомъ, именно съ тѣмъ состояніемъ, когда ребенокъ сердится и говорить, что отецъ его—не отецъ и мать его—не мать, и въ капризѣ идетъ къ чужимъ, въ то же время въ душѣ выдѣляя родителей своихъ отъ этихъ чужихъ? Иначе почему Іегова не отвергалъ народа Своего отъ лица Своего совсѣмъ, а, лишь наказавъ его, какъ отецъ наказываетъ капризнаго ребенка, снова принималъ его и даже прежде, чѣмъ тотъ обрзумившись обращался къ Нему?..

Итакъ противъ предположенія о заимствованіи евреями въ лицѣ ли одного писателя книги, или всей массой народной исторіи пр. Іоны, записанной въ книгѣ его имени, изъ языческихъ мѣоовъ говорить самый характеръ еврейской религіи, діаметрально противоположный характеру язычества, вѣрность евреевъ религіи своихъ отцевъ и особенно то, что эта религія въ своей сущности была богооткровенная и въ своемъ, такъ сказать, обнаруженіи стояла подъ охраной пророковъ, какъ боговдохновенныхъ блюстителей ея идеальной чистоты.

Другое конечно дѣло послѣ завершенія ветхозавѣтнаго канона, когда съ Малахіей закончился рядъ ветхозавѣтныхъ пророковъ и отъ Израиля отошелъ духъ пророческій. Тогда евреевъ ничто уже не удерживало отъ соприкосновенія съ язычествомъ, отъ общенія съ язычниками и пользованія ихъ мѣами, и, предоставленные самимъ себѣ, евреи не преминули познакомиться съ языческой культурой македонскаго періода и согласовать съ ней свою

религію и свои обычаи. Теперь-то стало возможно для Израиля внесеніе въ религію отцевъ многого изъ язычества и его миеологія точно также, какъ было наоборотъ и со стороны язычниковъ. Если есть примѣры послѣдняго, то не мало можно найти въ еврейской, такъ-называемой, апокрифической литературѣ и даже въ неканоническихъ книгахъ ¹⁾ примѣровъ и перваго. Въ этихъ книгахъ дѣйствительно между многими другими апокрифами мы находимъ и апокрифъ несомнѣнно заимствованный изъ миеа о Геркулесѣ ли то и Гезіонѣ, или Персеѣ и Андромедѣ, или Издубарѣ и драконѣ: это апокрифъ о пр. Давидѣ, побѣждающемъ вавилонскаго дракона ²⁾. Мало того. Мы осмѣливаемся предполагать, и это единственное, въ чемъ мы можемъ сдѣлать уступку нашимъ противникамъ, что LXX, употребляя въ книгѣ пр. Іоны (2,1) вмѣсто: *δαί—ιδολ* подлинника греческія слова: *κῆτος μέγα*, показали себя въ нѣкоторой степени зависимыми отъ разобранныхъ нами греко-финикійскихъ миеовъ. Быть можетъ, они, желая растолковать еврейскій подлинникъ, воспользовались этимъ именемъ, заимствовавъ его изъ извѣстнаго въ ихъ время миеа; въ этомъ имени они, мало знакомые съ зоологіей и естественной исторіей, видѣли нѣчто опровергающее вѣроятно и въ ихъ время существовавшее возраженіе противъ словъ подлинника о поглощеніи пророка рыбою великою. Правы ли они или не правы, объ этомъ рѣчь другая; мы лишь хотимъ указать на самый фактъ этотъ, думая, что чрезъ утверженіе этого факта еще сильнѣе обосновывается защищаемая нами мысль о безусловной независимости исторіи Іоны отъ языческихъ миеовъ въ ея подлинникѣ, въ ея происхожденіи; потому что считаемъ несомнѣннымъ происхожденіе этой исторіи въ то время, когда еврейство не имѣло тако-го отношенія къ паганизму, какъ послѣ

Обращаемся къ вопросу о томъ, возможно ли было искаженіе и видоизмѣненіе первоосновы книги пр. Іоны въ ея настоящій видъ писателемъ ли то книжи, или народнымъ преданіемъ, при предположеніи, что такими первоосновами были какіе-либо факты изъ жизни самого пр. Іоны.

¹⁾ См. Поспѣхова о книгѣ премудрости Соломона.

²⁾ См. дат. выше соч. Кирпичникова въ прим. стр. 196.

Что простой историческій фактъ, лежащій въ основѣ книги пр. Ионы, получили свою настоящую чудесную окраску отъ самого писателя книги, каковымъ, можетъ быть, былъ самъ пр. Иона, это утверждали первые представители разбираемаго воззрѣнія. Но это предположеніе также неестественно, какъ и предположеніе о передѣлкѣ языческаго мифа въ рассказъ о пр. Ionѣ въ его настоящемъ видѣ однимъ послѣднимъ редакторомъ книги Ионы; въ томъ и другомъ случаѣ упущено изъ виду одно необходимое для возможности такой передѣлки условіе—время, которое сглаживаетъ лишь постепенно разности, мѣшающія такой передѣлкѣ. Предполагать же, что писатель книги, не только современникъ, а и очевидецъ описаннаго въ ней, преслѣдовавшій къ тому же при написаніи ея одни чисто историческія цѣли, исказилъ живой фактъ до неузнаваемости его по одному лишь тому, что предполагаемые имъ читатели его рассказа склонны къ чудесному, какъ именно и предполагали Таддей и Аммонъ, значитъ предполагать слѣдующую вѣру въ подлинность такого рассказа въ людяхъ тогда, когда на лицо улика его неподлинности—такіе же, какъ и самъ писатель, свидѣтели очевидцы описаннаго, т.-е. предполагать совсѣмъ невозможное. Какъ народъ могъ повѣрить такому рассказу, если онъ зналъ, что дѣло было несовсѣмъ такъ, какъ описано? Да и самый характеръ книги, простота и безыскусственность рассказа ея, говоритъ противъ справедливости такого предположенія. Другое совсѣмъ дѣло, если писателемъ книги былъ человѣкъ, жившій много времени спустя послѣ совершенія событій, описанныхъ имъ въ книгѣ его; въ такомъ случаѣ противъ предположенія, что именно писатель книги придалъ простымъ основоположительнымъ фактамъ ея чудесную окраску, не имѣетъ конечно значенія то соображеніе, что такого писателя могли обличить во лжи свидѣтели очевидцы. Но и тутъ эта возможность искаженія историческихъ основъ книги со стороны писателя ея естественна еще можетъ быть въ томъ случаѣ, если при этомъ искаженіи писатель преслѣдовалъ не исключительно историческія цѣли, а и морально-дидактическія; иначе непонятно, почему же такими легендарными подробностями, искажающими простой фактъ, не украсился рассказъ книги раньше, въ народномъ преданіи, изъ котораго очевидно долженъ былъ заимствовать свой рассказъ такой писатель.

Изъ слѣдующихъ за Аммономъ и Таддеемъ защитниковъ разбираемаго воззрѣнія только Нахтигаль и Бунзенъ, толкуя о средѣ, видоизмѣнившей простые основоположительные факты книги въ легендарныя по своему характеру, останавливаются исключительно на одномъ писателѣ книги; но и ихъ гипотезы, не смотря на то, что имѣютъ особенности, по которымъ существенно превосходятъ разобранное предположеніе, не основательны.

Нахтигаль считаетъ книгу пр. Іоны состоящею изъ трехъ, въ разное время и отъ разныхъ писателей происшедшихъ, частей. Признавая подлинною только молитву пророка (2, 3—10), онъ думаетъ, что третья и четвертая главы книги написаны были какимъ-либо плѣнникомъ, который выдумалъ ихъ о пр. Іонѣ для того, чтобы обрисовать и чрезъ то осмѣять партикулярристически-гордое отношеніе евреевъ къ язычникамъ, а глава первая и вторая въ 1—2 и 11 стихахъ написаны какимъ либо современникомъ Ездры и Нееміи съ цѣлю связать два предыдущіе разсказа о пр. Іонѣ, и чрезъ то провести въ общество своихъ современниковъ мысль, что Іегова не іудеевъ только Богъ, а и язычниковъ. За необходимость дѣленія книги пр. Іона на три одновременныя части Нахтигаль приводитъ два основанія. Первое то, что если разсматривать книгу пророка, какъ одно цѣлое, то въ ней являються перемѣшанными представленія и сцены изъ совершенно различныхъ временъ; второе заключается въ томъ, что всѣ три указываемыя имъ части книги различаются, будто бы, между собой по языку и складу рѣчи. Въ третьей и четвертой главахъ нельзя, говоритъ онъ, отрицать болѣе красиваго и тонкаго представленія и болѣе поэтичнаго изложенія, чѣмъ въ первой; вторая же глава своимъ языкомъ, лиризмомъ чувствъ и логичностію мыслей существенно отличается отъ обѣихъ первыхъ частей.

Но рѣшительно нельзя ничѣмъ доказать, что историческія данныя, заключающіяся въ книгѣ пр. Іоны, должны или даже могутъ относиться по временн своего происхожденія къ различнымъ вѣкамъ. Между образами всѣхъ трехъ предполагаемыхъ Нахтигалемъ частей книги существуетъ полное соотвѣтствіе. Во всѣхъ трехъ частяхъ пророкъ одинъ и тотъ же: онъ бесѣдуетъ съ Іеговою и получаетъ отъ Него повелѣніе идти съ проповѣдью покаянія въ языческую Ниневію (ср. 1, 1—3 съ 3, 1—2.), онъ пререкаетъ Іеговѣ (ср. 1, 3 съ 4, 1—4. 8. 9) и все таки исповѣдуетъ

Его Господомъ неба и земли (ср. 1, 9 съ 2, 10 и 4, 2) и исполняетъ волю Его; одинъ и тотъ же онъ и въ своихъ отношеніяхъ къ язычникамъ, какъ читателямъ суетныхъ и дожныхъ боговъ, недостойнымъ милостей Іеговы (ср. 1, 2. 3 съ 2, 9. 10 и 4, 2. 3); одинъ и тотъ же онъ и въ своемъ поведеніи вообще, въ своемъ характерѣ ¹⁾. Точно также и въ изображеніи язычниковъ нѣтъ ни одной черты въ книгѣ, дающей право предполагать разновременныхъ писателей ея; во всѣхъ предполагаемыхъ Нахтигалемъ частяхъ они представляются почитателями ложныхъ боговъ, по слову еврейскаго пророка обращающимися къ Іеговѣ и милуемыми этимъ послѣднимъ (ср. 1, 5. 6. 14—16 съ 2, 9. 10 и 3, 10. 5—9). Соотвѣтствіе между частями книги въ этомъ отношеніи такъ велико, что многіе изъ богослововъ отрицательнаго направленія указываютъ на это сходство, какъ на нѣчто крайнее, искусственное. Писатель книги остается равенъ себѣ во всѣхъ частяхъ книги и въ изображеніи Іеговы; и въ началѣ, и въ серединѣ, и въ концѣ ея Іегова изображается, какъ Всемогущій Владыка неба и земли, Которому повинуются и море, и вѣтеръ, и рыбы, и черви (ср. 1, 4; 2, 1 съ 2, 4. 10 и 4, 6. 7. 8), какъ Правосудный и Святой, Которому злонравіе равно непріятно какъ въ іудеяхъ, такъ и въ язычникахъ (ср. 1, 2. 3. 4 и 2, 1 съ 3, 1—10) и наконецъ, какъ добрый и милостивый, прощающій кающихся и обращающихся къ Нему грѣшниковъ, къ какому бы народу они ни принадлежали (ср. 1, 14. 15 съ 2, 8; 3, 10 и 4, 11). Существеннѣе и сильнѣе, првидямому, второе основаніе мнѣнія Нахтигала, состоящее въ различіи, будтобы, языка и образа изложенія въ различныхъ частяхъ книги. Несомнѣнно, что въ этомъ отношеніи 3—10 стихи второй главы существенно отличаются отъ остальныхъ главъ книги, но изъ этого нельзя выводить заключенія о разновременности ихъ происхожденія; отдѣлъ этотъ по самому содержанию своему, какъ молитва пророка, долженъ существенно отличаться отъ остальныхъ главъ книги чисто историческаго содержания; языкъ поэзіи и не можетъ быть тотъ же, что языкъ прозы. Даже то обстоятельство, что въ 2, 3—10 нѣтъ тѣхъ халдеизмовъ и арамеизмовъ, которые встрѣчаются въ остальныхъ главахъ книги, обстоятельство, на которое Нахтигаль обращаетъ особенное внима-

¹⁾ См. объ этомъ ниже.

ніе, какъ на доказательство разновременности происхожденія этой и другихъ частей книги пр. Іоны, вполнѣ можетъ быть объяснимо и безъ предположенія о разновременности происхожденія указываемыхъ частей книги. Мысль о разновременномъ происхожденіи различныхъ частей книги слишкомъ важна въ качествѣ доказательства исторической неподлинности книги Іоны, чтобы пропускать ее мимо. Между тѣмъ ни одинъ изъ защитниковъ этой неподлинности, кромѣ Бунзена, не старался поддержать Нахтигала въ его предположеніи о разновременности происхожденія молитвы пр. Іоны и остальныхъ частей книги и всѣ доказывали противное; видно слишкомъ слабо это предположеніе. И дѣйствительно самого поверхностнаго взгляда на дѣло достаточно, чтобы видѣть, что книга пр. Іоны во всѣхъ своихъ частяхъ написана перомъ одного писателя. Помимо единства представленій, даваемыхъ различными частями книги о выведенныхъ въ ней лицахъ, самый образъ изложенія во всей книгѣ одинъ и тотъ же. Всюду одинаковая краткость въ описаніи природы и подробность въ изображеніи людской дѣятельности; во всѣхъ частяхъ книги одни и тѣ же выраженія (ср. 1, 2 и 3, 2; во второмъ стихѣ третьей главы есть правда особенность сравнительно съ 1, 2, но такая, какой не могло бы быть при подражаніи); во всѣхъ частяхъ книги одинаковые обороты рѣчи (ср. напр. плеоназмы въ 1, 3 и 3, 3, 1, 10. 16 и 4, 1; 1, 2 и 4, 2). Сюда наконецъ относятся одинаковыя въ разновременныхъ, по разбираемому мнѣнію, частяхъ книги, именно и въ 1, 5. 10, и въ 4, 5, *устера прѣтера* т.-е. такіе обороты, въ которыхъ о послѣдующемъ говорится раньше, чѣмъ о предшествующемъ этому послѣдующему. Въ заключеніе разбора гипотезы Нахтигала не лишне указать на то, что въ книгѣ пр. Іоны есть и нѣчто такое, что не косвенно только, а и прямо опровергаетъ Нахтигала. По нему, третья и четвертая главы произошли раньше первой; между тѣмъ въ третьей и четвертой главахъ встрѣчаются черты, заставляющія необходимо предполагать существованіе уже тогда и первой главы. Такъ 3, 1 начинается тѣми же словами, что и 1, 1, и кромѣ того въ 3, 1 къ словамъ: *и было слово Госовы къ Іонѣ*, прибавлено: *вторично*. Точно такъ же и 3, 2 ясно предполагаетъ 1, 2. Правда Нахтигаль слово: *довѣр* въ 3, 1 переводитъ будущимъ временемъ, указывающимъ, будто бы, на 3, 3, на содержаніе про-

повѣди Іоны, которое онъ узналъ отъ Іеговы уже послѣ повелѣнія идти въ Ниневію; но это несправедливо и по этимологическому разбору ¹⁾ и по тому соображенію, что не естественно, чтобы пророкъ посланъ былъ куда либо безъ указанія цѣли и задачи его посольства. Наконецъ 4, 2, гдѣ пророкъ говорить о своемъ бѣгствѣ въ Фарсисъ, можно понимать только при предположеніи первой главы ²⁾.

Если такимъ образомъ гипотеза Нахтигала не выдерживаетъ критики въ своемъ частномъ развитіи, въ предположеніи двухъ отдѣльныхъ писателей книги, украсившихъ первичную основу ея легендарными чертами, то не можетъ ли быть она принята въ томъ ея видѣ, какъ ее передѣлываетъ Бунзенъ, предполагающій вмѣсто двухъ писателей одного? Онъ точно также, какъ и Нахтигаль, считаетъ подлинною лишь молитву пр. Іоны, которая вслѣдствіе того, что забыты были историческія обстоятельства, вызвавшія еѣ, дала собою поводъ какому либо писателю составить исторію пророка въ томъ ея видѣ, какъ мы имѣемъ еѣ теперь въ книгѣ имени этого пророка. Но противъ справедливости и такого предположенія снова встаютъ тѣ неразгаданные вопросы, которые касаются источника этой исторіи; нельзя же въ самомъ дѣлѣ успокоиться на томъ предположеніи, что изъ одного слова молитва пр. Іоны о чревѣ преисподней фантазія писателя сдѣлала цѣлый рассказъ о трехдневномъ пребываніи пророка во чревѣ рыбы, или что мысль о морскомъ путешествіи пророка вызвала образы Фарсиса и др. Содержаніе молитвы пророка слишкомъ оторвано въ своемъ прямомъ и первоначальномъ значеніи отъ всякихъ историческихъ опредѣленностей и точностей, которыя могли бы дать собою толчекъ къ развитію изъ нея такихъ именно, а не иныхъ подробностей; между тѣмъ эти подробности исторической обстановки молитвы въ ихъ настоящемъ видѣ такъ согласны съ молитвой, соответствуютъ ей, что представляется рѣшительно невозможнымъ не предполагать существованія ихъ одновременнаго съ молитвой. Иначе непонятно, какъ

¹⁾ Слово: *דַּוָּר* отъ *דָּבַר*—говорилъ, стоитъ въ Аор. 1, который, означая дѣйствіе оконченное, больше имѣетъ приложенія къ прошедшему, чѣмъ къ будущему времени.

²⁾ См. подробности о гипотезѣ Нахт. у Фридрихсена S. 214—224

народъ, изъ уваженія къ памяти пророка сохранившій подлинную молитву его, забылъ чисто-историческія детали ея и послѣ допустилъ, чтобы вымышлены были такія, которыя указывали на грѣхъ пророка.

Поэтому еще раньше Бунзена Мюллеръ, раздѣлявшій мнѣніе Нахтигала о подлинности исключительно одной молитвы пророка, предполагалъ необходимыми для образованія легендарной, по его мнѣнію, обстановки молитвы существованіе въ народѣ какихъ-либо преданій о пр. Іонѣ. „Вѣроятно въ народѣ, говоритъ онъ, на ряду съ подлинной пѣснью пророка существовало какое-либо преданіе, что Іона проповѣдывалъ противъ Ниневіи; можетъ быть рассказывали объ Іонѣ и другія извѣстія, которыя совпадали съ находящимися въ книгѣ теперь“ ¹⁾. Другіе же защитники легендарнаго значенія книги пр. Іоны утверждали это уже положительно. Но справедливо ли и это утвержденіе?

Конечно нельзя отрицать того, что у евреевъ точно также, какъ и у другихъ народовъ, живо и даже въ высшей степени развито было народное преданіе. Великія лица и событія во всѣ времена и у всѣхъ народовъ служили и служатъ центромъ самыхъ разнообразныхъ сказаній; то же должно было быть и у евреевъ, считавшихъ себя, и конечно не безъ основанія, первымъ по достоинству народомъ міра. И у нихъ опять точно также, какъ и другихъ народовъ, эти апокрифическія сказанія о древнихъ великихъ лицахъ не были всецѣло произведеніемъ фантазіи людей того времени, когда эти сказанія записаны; народное преданіе—вотъ среда, въ которой возникли такія сказанія, потому самому безъимянныя. Народное же преданіе для того, чтобы оно сложилось, оразнообразилось и явилось, какъ нѣчто цѣлое, должно пройти много стадій жизни, пережить не мало вѣковъ прежде, чѣмъ явиться записаннымъ ²⁾. Таковъ же, будто бы, путь происхожденія и книги пр. Іоны, по мнѣнію тѣхъ изъ защитниковъ легендарнаго ея значенія, которые думаютъ, что простой, лежащій въ основѣ ея, фактъ украшенъ легендарными по-

¹⁾ См. Berthold Einl S. 2405 u. w.

²⁾ Подробнѣе объ апокрифахъ евреевъ см. Порфирьева: „Апокрифическія сказанія о ветхозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ“. Казань. 1873.

дробностями въ народномъ преданіи и отсюда уже поздно заимствованъ для записи писателемъ книги. Но если бы путь происхожденія апокрифовъ и книги пр. Іоны былъ одинаковъ, то и самыя сказанія, наслоившіяся такимъ путемъ, должны бы быть одинаковы. Въ данномъ же случаѣ этого-то послѣдняго сходства нѣтъ.

Чтобы видѣть положительное несходство, будто бы, невѣроятныхъ и неправдоподобныхъ подробностей въ содержаніи книги пр. Іоны съ преувеличенными до баснословности и чудесными до уродливости разсказами апокрифовъ, достаточно самаго поверхностнаго и безпристрастнаго сравненія тѣхъ и другихъ. Грубо-уродливыя и противоестественныя дѣлія и событія, разсказываемыя въ апокрифахъ, какъ будто, для того и придуманы, чтобы имъ дивились и не вѣрили; въ нихъ всюду ангелы и демоны дѣйствуютъ, какъ люди, и наоборотъ; неодушевленное одушевляется, и одушевленное часто представляется дѣйствующимъ автоматически: духи погребаютъ тѣло Моисея, каменіе вопіють тонкимъ гласомъ—вотъ образчики апокрифическихъ неестественностей. Въ книгѣ же пр. Іоны такового пзвращенія порядка природы не могутъ указать и сами противники ея подлинности, держающіе говорить лишь о неестественныхъ, будто, бы преувеличеніяхъ. Характеръ баснословныхъ апокрифическихъ разсказовъ существенно отличается отъ характера разсказовъ книги пр. Іоны и въ самыхъ пріемахъ тѣхъ и другихъ. Существенная черта апокрифическихъ разсказовъ—это подробность въ мелочномъ, случайномъ: о всемъ, даже о самыхъ обыденныхъ явленіяхъ природы разсказывается въ апокрифахъ въ наглядной, описательной и даже діалогической формѣ; всюду въ уста дѣйствующихъ лицъ вкладываются ихъ подлинныя слова; вопросы: какъ и зачѣмъ, главные вопросы, на которые отвѣчаютъ апокрифы. И вся эта подробность всегда привязана къ какому либо небольшому по своему объему событію, ничтожному случаю. Размѣненное на мелочи, содержаніе апокрифовъ часто наряжено въ хитрыя, изысканныя и витіеватыя формы. Такъ во всѣхъ апокрифахъ, заключающихся въ книгѣ Янаръ, Талмудъ, Кабаллѣ и въ особенныхъ книгахъ извѣстныхъ подъ разными названіями. Книгу же пр. Іоны нельзя поставить даже въ отдаленную параллель съ апокрифами въ этомъ отношеніи по совершенному отсутствію въ ней этой микроскопической мелочности: событія

ея не ничтожно, рассказы ея не витіеваты, но просты и въ общихъ чертахъ; вопросы: какъ, зачѣмъ и почему, не только не рѣшаются въ ней, а на противъ ей лишь вызываются; въ ней даже не передано подробно содержаніе самой проповѣди пр. Іоны въ Ниневіи, не указана порода рыбы, поглотившей пророка и способъ сохраненія въ ней Іоны. Не естественно такое сопоставленіе и потому, что между тѣмъ, какъ апокрифическіе рассказы питаютъ одно только любопытство, первое чувство, вызываемое книгой пр. Іоны, есть то, которое заставляетъ читателя искать въ ней того или другаго нравоученія. Далѣе. Всѣ апокрифы примыкаютъ своимъ содержаніемъ къ той или другой изъ каноническихъ книгъ ветхаго завіта, дополняя собою сказанія этихъ книгъ, освѣщая эти сказанія новымъ свѣтомъ. Повѣстно, что такимъ апокрифическимъ дополненіямъ должны были подвергнуться тѣ лица и событія библейскихъ книгъ, о которыхъ съ одной стороны очень кратко говорится въ этихъ книгахъ и которыя, съ другой, по своей важности возбуждали вниманіе къ себѣ и вызвали много вопросовъ; поэтому апокрифы больше всего касаются допотопной и патриархальной исторіи, въ библіи изложенной сокращеннѣе послѣдующей, но въ тоже время возбуждающей очень много вопросовъ и недоумѣній. Не съ этими конечно апокрифами сопоставлять книгу пр. Іоны, ни въ какомъ случаѣ не идущаго въ параллель съ допотопными патриархами. Другое дѣло, повидимому, апокрифы объ Авраамѣ, Іосифѣ, Моисеѣ, Давидѣ, Соломонѣ, Исаи и др., которые точно также, какъ и Іона, принадлежатъ къ истиннымъ и лучшимъ представителямъ еврейскаго именно народа. Мотивы происхожденія апокрифическихъ сказаній о такихъ лицахъ нѣсколько иные сравнительно съ мотивами происхожденія первыхъ апокрифовъ; мотивы эти чисто-національные, еврейскіе. Оправдать, восхвалить, прославить, возвеличить все еврейское, все дорогое сердцу народа съ одной стороны, и очернить, унижать все иноземное, непавистное ему съ другой—вотъ исходный сердечный пунктъ апокрифовъ о лицахъ и событіяхъ чисто еврейскихъ. Начало и конецъ жизни такихъ лицъ, всегда болѣе или менѣ примрачныя и загадочныя, и славныя дѣла, возбуждающія любопытство, вотъ что составляетъ предметъ содержанія апокрифовъ о такихъ лицахъ и событіяхъ. Въ этихъ отношеніяхъ ветхозавѣтные апокрифы могутъ быть названы

народнымъ эпосомъ и совершенно справедливо должны быть сопоставлены съ нашими напр. былинами о древнерусскихъ богатыряхъ, прамыкающими своимъ содержаніемъ въ лѣтописямъ и въ то же время существенно отличающимися отъ нихъ уродливостію своего содержанія. Но сопоставлять съ апокрифами и былинами книгу пр. Іоны нельзя и въ этомъ отношеніи; ибо въ ней подобнаго сказанному сейчасъ объ апокрифахъ и былинахъ рѣшительно ничего нѣтъ. Своимъ содержаніемъ книга пр. Іоны не примыкаетъ ни къ одной части каноническихъ книгъ и рѣшительно нельзя говорить, что она пополняетъ собою въ совершенно-народномъ духѣ сказанное о пророкѣ въ четырнадцатой главѣ четвертой книги Царствъ. Іона—еврей, пророкъ Іеговы, древній по отношенію къ послѣднимъ столѣтіямъ еврейской жизни и одинъ изъ тѣхъ пророковъ, гробы которыхъ евреи старались всячески украшать. Отсюда естественно было бы ожидать, что фантазія народная постарается разукрасить именно тѣ образы этого пророка, которые могли служить къ его возвеличенію и прославленію, каковы напр. образы Исаи въ апокрифахъ о немъ и каковы, еще ближе, образы самаго Іоны въ позднѣйшихъ раввинскихъ преданіяхъ объ его происхожденіи и смерти ¹⁾. Такого направленія народной фантазіи относительно жизни пр. Іоны тѣмъ естественнѣе было бы ожидать, что въ указанной гл. четвертой книги Царствъ о немъ упомянуто, какъ о пророкѣ, словомъ своимъ содѣйствовавшемъ возвеличенію царства израильскаго, но упомянуто кратко. Восхвалять за это дѣло Іону и картинно изобразить то, какъ происходило описанное въ книгѣ царствъ событіе, вотъ вопросъ, на который естественно было отвѣтить народному преданію о пророкѣ. Въ-сто этого народъ передаетъ изъ рода въ родъ сказаніе о томъ, какъ этотъ благодѣтель Израиля былъ наказанъ Богомъ за нежеланіе идти съ проповѣдью покаянія въ ненавистный языческій городъ, какъ онъ проповѣдывалъ тамъ и съ такимъ успѣхомъ. Какимъ же образомъ могло случиться, что фантазія еврейскаго народа, благоговѣвшаго предъ своими пророками и презиравшаго язычниковъ, въ своихъ творческихъ образахъ шла на переборъ себѣ, создавала образы, которые выражаютъ не мечты, идеалы

¹⁾ См. во введеніи стр. 2—5 и 12—14.

и симпатіи народа, какъ обыкновенно бываетъ у всѣхъ людей, какъ было и у евреевъ относительно другихъ пророковъ, а наоборотъ, такіе, которые идутъ въ разрѣзъ съ этими идеалами и симпатіями? Не естественнѣе ли было народной фантазіи опустить или переименовать такія подробности, какъ бѣгство пр. Іоны отъ Іеговы, упреки, обращенные къ Іонѣ со стороны Іеговы, наказаніе его Іеговою, его посольство въ Ниневію для обращенія ниневитянъ, если бы даже эти подробности и были дѣйствительнымъ фактомъ? Не естественнѣе ли было точно также въ иномъ, совершенно обратномъ, видѣ представить и поведеніе корабельщиковъ, и покаяніе ниневитянъ, или по крайней мѣрѣ не развивать и не раскрывать эти образы въ такомъ ненавистномъ еврейскому національному самолюбію направленіи? Ибо всѣ эти образы должны были, по сознанію самихъ защитниковъ легендарнаго происхожденія ениги, являться для этого самолюбія жестокимъ укоромъ, насмѣшкой надъ нимъ. И чтобы понять возможность сохраненія въ народномъ преданіи этихъ образовъ, служившихъ укоромъ еврейскому національному самочувствію, необходимо предположить, что всѣ эти образы не сами собою развились въ народномъ сознаніи и отсюда въ преданіи, а какъ готовые, съ такими именно чертами и съ такимъ характеромъ даны были живой исторической дѣйствительностію. Точно также не можетъ быть, чтобы и рассказъ нашей книги о поглощеніи пр. Іоны рыбою великою созданъ былъ народной фантазією, а не взятъ изъ дѣйствительности. Ибо если все остальное—истинная исторія, то непонятно, почему разрушительному вліянію преданія и времени подпалъ одинъ только рассказъ о трехдневномъ пребываніи пророка во чревѣ рыбы. Не могъ онъ быть заимствованъ изъ языческихъ мѣтовъ; слѣдовательно онъ долженъ быть признанъ за видоизмѣненіе дѣйствительнаго факта. Но почему жъ такому видоизмѣненію не подверглись остальные рассказы книги, напр. о Ниневіи и ниневитянахъ, что видоизмѣнить въ худшую сторону было больше оснований? Вотъ почему Эйхгорнъ, высказавшій было предположеніе о народно—фантастическомъ происхожденіи только одного разсказа о поглощеніи пророка рыбою великою, въ другомъ параграфѣ своего введенія склоняется на сторону уже другаго пониманія дѣла¹⁾.

¹⁾ См. его Einl. §§ 576 и 577.

Словомъ, аналогія книги пр. Іоны, отличающейся простотою и безыскусственностію изложенія содержанія, такъ далеко отстоящаго отъ симпатій и убѣжденій народа, съ хитросплетенными по изложенію и хвалебными по содержанію апокрифами рѣшительно говорить противъ тождества или одинаковости происхожденія тѣхъ и другихъ. Чисто прозаическія дѣтописныя произведенія, какова между прочимъ и книга пр. Іоны, не такъ происходятъ, какъ поэтическія эпическія творенія, каковы и апокрифы

Эвальдъ, представляющій происхожденіе книги пр. Іоны въ такомъ же видѣ, какъ и происхожденіе апокрифовъ, въ подтвержденіе своего взгляда ссылается на какую-то другую, отличную отъ апокрифовъ, литературу о древнихъ пророкахъ и ихъ дѣятельности, наполненную вымышленными разсказами объ этихъ пророкахъ и развившюся особенно въ послѣднѣе время. Существенное отличіе предполагаемой Эвальдомъ народной литературы отъ апокрифовъ, согласныхъ съ духомъ народа и самостоятельно исполняющихъ собою библейскія сказанія, то, что содержаніе ея лишь подражательное воспроизведеніе нѣкогда живаго и полнаго народнаго преданія. Понятно, что при предположеніи литературы съ такими свойствами противъ приуроченія къ ней книги пр. Іоны по ея происхожденію не возстаютъ выставленные выше возраженія, но за то являются новыя, которыя дѣлаютъ объясненія Эвальда несостоятельными. Первое возраженіе касается предположенія о существованіи цѣлой обширной литературы, изъ которой удѣлѣла до насъ единственная книжка пр. Іоны. Такое предположеніе логически не состоятельно; на основаніи одного литературнаго памятника извѣстнаго рода рѣшать вопросъ о существованіи цѣлой литературы этого рода, и затѣмъ уже изъ предположенія такой литературы выводить заключеніе о томъ, что и книга, давшая собою поводъ къ предположенію такой литературы, должна принадлежать именно къ этой литературѣ и по своему характеру и по своему, слѣдовательно, происхожденію—одно доказывать другимъ, что въ свою очередь доказывается лишь только первымъ, это значитъ допускать логическій промахъ, называемый *circulus in demonstrando*. Затѣмъ помимо логическаго круга такое заключеніе отъ одного памятника литературы къ цѣлой литературѣ чрезвычайно рискованное дѣло. „Не-

волью чувствуется, говорить Эвальдъ, что подлѣ этой исторіи (пр. Іоны) существовало множество подобныхъ разсказовъ, ибо писатель едва ли захочетъ сказать эту пару словъ“. Неосновательность такого заключенія, вытекающаго изъ чувства и пустыхъ предположеній,—вотъ новый недостатокъ, обличающій несостоятельность Эвальда. Въ самомъ дѣлѣ естественно ли предположить, что тогда какъ изъ всѣхъ другихъ родовъ литературы евреевъ позднѣйшаго времени многое дошло до насъ, если не въ подлинномъ и цѣломъ видѣ, то по крайней мѣрѣ по имени, изъ литературы, предполагаемой Эвальдомъ, осталась лишь одна книга пр. Іоны? Онъ говоритъ, что Іона, этотъ древній и рѣдкій пророкъ, во всемъ своемъ существѣ былъ еще истиннымъ послѣдователемъ Іліи и Елисея; отчего же полная чудеса жизнь тѣхъ пророковъ рано сдѣлалась достояніемъ не преданія только, а и писанія, тогда какъ жизнь пр. Іоны лишь въ позднѣйшее время была записана? Въ книгахъ Царствъ и Паралипоменонъ, въ которыхъ записана дѣятельность Іліи и Елисея, говорится о книгахъ многихъ другихъ пророковъ, писанія которыхъ дошли до насъ только по имени: таковы писанія Самуила, Наана, Гада, Ахія Сидонлянина и др., поименованныя въ книгахъ Царствъ и Паралипоменонъ¹⁾; извѣстныя намъ только по именамъ, онѣ не дошли до насъ въ своемъ подлинномъ видѣ. Онѣ-то служили источникомъ для сказаній книгъ Царствъ, писатели которыхъ только сокращали содержаніе тѣхъ письменныхъ памятниковъ, какъ частныхъ записей пророковъ о событіяхъ ихъ времени, и уже поэтому послѣднему ихъ должно считать подлиннымъ; почему же сказаніе о пр. Іонѣ, вполне сходное по содержанію и характеру съ тѣми разсказами не вошло въ книги Царствъ, а лишь послѣ, осложнившись въ преданіи, стало представителемъ другаго рода, именно неподлинно исторической, литературы? Эвальдъ и другіе подобныя ему говорятъ при этомъ о морально—дидактическихъ цѣляхъ, которыя, будто бы, имѣлись въ виду послѣднимъ редакторомъ книги пр. Іоны при приведеніи имъ фактовъ преданія о пр. Іонѣ въ ихъ настоящій видъ книги.

Но противъ этого прежде всего говоритъ то обстоятельство, что у евреевъ, какъ и другихъ семитическихъ народовъ, нрав-

¹⁾ См. 3 Ц. 11, 41; 1 Пар. 29, 29—30, 2 Пар. 9, 29, 20, 24; числ. 21, 14—15; Ис. Нав. 10, 13, 1 Цар. 1, 18 и др.

ственныя истины не представлялись въ историческихъ вымышленныхъ разсказахъ; для этого у нихъ существовала особая отрасль литературы, извѣстная подъ именемъ философской, обычная форма которой притчи, афоризмы. Притчами славилась сыны востока (3 Ц. 4, 30); о мудрецахъ востока говорить Іеремія (49, 7); въ приточной формѣ излагали свои правоученія Гасифъ, Саади и др. Таковы у евреевъ притчи Лемуила (31 гл. кн. Пр.), притчи Соломона, Екклесіастъ егоже. Правда, на ряду съ этими въ полномъ смыслѣ слова притчами и аллегоріями, мы знаемъ у евреевъ учительную книгу Іова, въ которой наученіе предлагается въ формѣ исторіи и между псалмами есть нѣсколько историко-правоучительныхъ (напр. пс. 77); но въ такихъ случаяхъ для правоучительныхъ цѣлей не искажалась и не разрушалась исторія; наученіе здѣсь потому и истинно, что оно исторически подлинно.

Впрочемъ все это имѣло мѣсто во времена процвѣтанія еврейской литературы. Не то стало, когда отъ израиля отошелъ духъ пророческій. Въ это время еврейскій народъ питалъ себя слабыми воспроизведеніями давно пережитаго, въ немъ стараясь находить для себя наученіе. Такое происхождение и такое значеніе имѣютъ такъ называемыя неканоническія книги, каковы книга премудрости Соломона, книга премудрости І. сына Сирахова, и особенно историческаго содержанія, каковы книги маккавейскія, Товита и Іудифъ. Во всѣхъ этихъ книгахъ легендарно—историческое содержаніе взято изъ народнаго преданія и принаровлено въ правоучительнымъ цѣлямъ. Правда мы уже говорили, что Нѣльдкккк поставлющій книгу пр. Іоны въ аналогію съ этими книгами, не правъ; но потому, что этой аналогіей онъ хотѣлъ доказать совершенную вымышленность содержанія книги пр. Іоны; Эвальдъ же—сторонникъ историческаго пониманія книги нашего пророка, пусть историческаго лишь въ смыслѣ легендарнаго. Поэтому не въ правѣ ли онъ и ему подобные защищаться въ своемъ мнѣніи этой аналогіей? Правда содержаніе книгъ маккавейскихъ взято не изъ народнаго преданія о давно прошедшемъ, а изъ живой, современной писателямъ ихъ дѣйствительности ¹⁾. Что же касается нѣко-

¹⁾ Первые двѣ книги Макк. содержатъ въ себѣ исторію евреевъ отъ Александра Македонскаго до временъ Іоанна Гиркана, изображая борьбу палестинскихъ іудеевъ подъ предводительствомъ Маккавеевъ противъ Селевкидовъ

торыхъ историческихъ отдѣловъ книгъ премудрости Соломона и премудрости І. Сираха и книгъ Товита и Іудиев; то нужно сознаться, что содержаніе ихъ есть морально-дидактическое и легендарное изображеніе жизни и дѣятельности лицъ изъ давняго прошлаго, а въ послѣднихъ двухъ именно изъ того прошлаго, къ которому относится и жизнь пр. Іоны ¹⁾; написаніе же ихъ на основаніи языка этихъ книгъ и самаго невнесенія ихъ въ канонъ свящ. книгъ, никакъ не можетъ быть раньше IV в. до Р. Хр. или даже половины III ²⁾. Нельзя ли въ самомъ дѣлѣ ссылаться на эти именно аналогіи въ защиту того мнѣнія, что и книга пр. Іоны есть легендарная исторія этого пророка, написанная очень поздно на основаніи преданія съ морально-дидактическимъ цѣлями? И она есть лишь эпизодъ изъ жизни отдѣльнаго лица, какъ и тѣ книги; и въ ней точно также, какъ и въ тѣхъ книгахъ, нѣтъ никакихъ хронологическихъ указаній, прямо опредѣляющихъ время изображаемыхъ въ ней событій. Словомъ какъ будто все въ пользу такого сближенія книги пр. Іоны съ этими книгами. Если же такъ, то выводы, какіе можно сдѣлать отсюда по отношенію къ вопросу объ исторической подлинности книги пр. Іоны, очевидны.

Но эта очевидность становится сомнительною, если мы поближе всмотримся въ положеніе дѣла. Мы не станемъ здѣсь сравнивать неканоническія книги и особенно неканоническія истори-

(335—135 г. до Р. Хр.). Главнымъ предметомъ содержанія третьей книги Макк. служить гоненіе на іудеевъ отъ Птолемея Филопатора, начавшееся въ 216 г. до Р. Хр.

¹⁾ Въ книгѣ Товита говорится объ одномъ благочестивомъ израильскомъ семействѣ, которое не смотря на всеобщее развращеніе и идолопоклонство среди израильтянъ подъ игомъ ассиріянъ, слѣдовательно за 600 л. до Р. Хр. осталось добродѣтельнымъ и благочестивымъ, сохранило истинную вѣру въ Іегову и за свою вѣрность получило очевидную для всѣхъ помощь Божію. Книга же Іудиевъ восхваляетъ геройскій подвигъ Іудиев, убившей Олоферна, полководца Навуходоносора, царя Ниневіи, въ то время, когда тотъ осаждалъ ея отечественный городъ Ветилуу, что по нѣкоторымъ даннымъ (см. Іуд. 5, 18, 19; 4, 3 и д.) могло быть еще раньше времени Товита, слѣдовательно около VII в. до Р. Хр.

²⁾ См. Подробнѣе о времени написанія этихъ книгъ Keil Lehrbuch historisch—kritische Einleitung in d. A. T. 3. Aufl. § 235—240 и изслѣдованіе Дроздова о книгѣ Іудиевъ.

чекія книги съ книгой пр. Іоны въ отношеніи достовѣрности или легендарности ихъ содержанія, которое существенно различно въ нихъ, какъ мы увидимъ это ниже изъ разбора содержанія книги пр. Іоны. Нѣтъ нужды подробно разъяснять взаимное различіе этихъ книгъ и въ отношеніи языка ихъ. Первоначальнымъ языкомъ книги Іудеѣ былъ языкъ халдейскій, съ котораго сдѣланы были греческій, а потомъ и латинскій переводы ¹⁾; а въ книгѣ Товита, судя потому, что греческій текстъ этой книги не въ примѣръ древне-латинскому и сирскому, не содержитъ въ себѣ никакихъ слѣдовъ различныхъ переработокъ, никакихъ гебраизмовъ и другихъ недостатковъ перевода, нужно настоящій греческій текстъ LXX считать первоначальнымъ текстомъ книги ²⁾. Въ книгѣ же пр. Іоны языкъ ея есть языкъ чисто-еврейскій; если и въ ней указываютъ нѣкоторые арамеизмы, то не совсѣмъ основательно. Что касается самаго способа представленія фактовъ; то отличіе въ этомъ отношеніи книги пр. Іоны отъ неканоническихъ историческихъ книгъ такъ очевидно, что его не отвергаютъ сами защитники одинаковаго ихъ происхожденія. Эвальдъ называетъ изложеніе книги пр. Іоны сухимъ, формальнымъ, очевидно имѣя въ виду отсутствіе въ ней субъективнаго элемента, субъективныхъ чувствованій и возрѣній. Отличительный характеръ этого изложенія лѣтописная объективность, которая составляетъ особенность изложенія всѣхъ каноническихъ историческихъ книгъ. Не то встрѣчаемъ мы въ неканоническихъ историческихъ книгахъ и въ такихъ же отдѣлахъ учительныхъ неканоническихъ книгъ. Въ нихъ нѣтъ этого объективизма, этой безыскусственной простоты, отличающей каноническія писанія вообще и книгу пр. Іоны въ частности. Далѣе подражаніе и заимствованіе составляютъ другую отличительную черту изложенія содержанія въ неканоническихъ книгахъ. Правда и въ книгѣ пр. Іоны молитва его изложена псаломскими выраженіями, съ которыми видно сжился пророкъ; но это заимствованіе касается лишь формы выраженія самихъ по себѣ самостоятельныхъ мыслей книги. Говоря же о подражательномъ характерѣ неканоническихъ книгъ, мы разумѣемъ не виѣш-

---

¹⁾ Это подтверждается многократными несвойственными греческому языку оборотами рѣчи и др., подробнѣе см. цит. соч. Кейля § 236.

²⁾ См. Кейля же § 239.

июю только словесную форму ихъ, а внутреннее религіозное содержаніе ихъ, воззрѣніе на факты. Писатели ихъ являются въ своихъ книгахъ не боговдохновенными пророками, изрекающими истины, непосредственно получаемыя ими отъ Бога а лишь вѣрными учениками пророковъ, ревностными хранителями и толкователями ихъ писаній. Религіозно-нравственный духъ этихъ книгъ, обусловливающей ихъ дидактико-педагогическій характеръ, проявляется въ нихъ, какъ опосредствованный изученіемъ писанія и мысленнымъ проникновеніемъ въ духъ его, какъ вырабатываемый и образуемый трудомъ человѣческаго мышленія, искусствомъ человѣческой науки и опытомъ жизни, какъ духъ благочестивый, но не боговдохновенный въ строгомъ смыслѣ слова, а лишь авторскій, человѣческій. О писателяхъ неканоническихъ книгъ можно сказать тоже, чгд говорилъ въ похвалу самаго мудраго и благочестиваго изъ нихъ, Иисуса сына Сирахова, внукъ его въ прологѣ къ его творенію ¹⁾: *дѣдъ мой Иисусъ, множайше себе вдавъ въ чтеніе закона же и пророковъ и иныхъ отеческихъ книгъ, и въ сихъ довольное искусство стяжавъ, понудися и самъ написати нѣчто отъ надлежащихъ къ наказанію и премудрости, да прилежно учащійся, и сихъ причастницы бывше, много паче уступють въ законномъ житіи.* Особенно же хорошо выясняется это отличіе неканонической литературы отъ канонической и именно отъ книги пр. Іоны въ 14 гл. кв. Товита. Здѣсь Товитъ, предъ смертію своею убѣждая сына своего Товію выдти изъ Ниневіи въ Мидію, говоритъ: *увѣрихся бо, елика глагола Иона пророкъ о Ниневіи, яко разорится,* и далѣе предсказывая, что и остальные іудеи будутъ разсѣяны, но потомъ снова возвратится и отстроитъ храмъ, высказываетъ опять и это, не какъ пророкъ, но вдохновенію отъ Св. Духа, а какъ разумѣющей пророковъ по прилежному и благоговѣйному чтенію ихъ (ст. 2. 4—7). Очевидно Товитъ, передавая слова пророковъ и то, въ чемъ увѣрился онъ, къ чему пришелъ путемъ размысленій о сказанномъ пророками, выдаетъ себя не за пророка, получающаго слово Іеговы, какъ Иона, а за изучившаго пророковъ книжника, прилагающаго слова ихъ къ жизни, толкующаго ихъ. Не выдавая себя за пророка, писатель книги Товита, которымъ былъ вѣроятно самъ Товитъ, относится къ пророкамъ съ благоговѣніемъ,

¹⁾ См. Елизав. изданіе слав. Библия.

какъ къ такимъ (не провозвѣстникамъ, а главнымъ образомъ) предвозвѣстникамъ воли Иеговы, слово которыхъ непременно должно исполниться. Писатель же книги пр. Іоны представляетъ себя пророкомъ получающимъ слово непосредственно отъ Иеговы, и Его слово изрекающимъ. Очевидно, что въ основномъ возврѣніи на пророковъ и въ отношеніи къ нимъ писателей книгъ между книгою Іоны и книгами неканоническими находится существенное различіе. И это различіе не объяснимо при предположеніи одинаковаго происхождения той и другихъ.

Правда между сохранившимися до насъ неканоническими писаніями есть напр. книга премудрости Соломона, писатель которой представляетъ себя подъ образомъ одного изъ древнихъ боговдохновенныхъ мужей и какъ бы отъ его лица (см. особенно въ девятой главѣ этой книги) говорить. Но это не означаетъ того, что въ этой книгѣ излагается ученіе, непосредственно полученное Соломономъ отъ Бога. Языкъ книги, содержаніе ея и отношеніе ея къ позднѣйшимъ сравнительно съ вѣкомъ Соломона книгамъ, а равно и къ древнимъ греческимъ писателямъ, ясно даютъ намъ, а главное, давали и первымъ читателямъ книги знать, что она написана не Соломономъ, а александрійскимъ іудеемъ; имя Соломона должно быть принимаемо въ томъ смыслѣ, что въ этой книгѣ излагается ученіе о существѣ и свойствахъ истинной мудрости на основаніи Притчей и Екклесиаста Соломона, въ его духѣ; такъ что болѣе точный переводъ надписанія могъ бы быть: *премудрость Соломоновская*, на что и намекаетъ обыкновенно прибавляемое къ названію книги слово: *такъ называемая*. При такомъ пониманіи надписанія и значенія содержанія книги едва ли можетъ быть рѣчь о подлогѣ ¹⁾. Еще меньше можно видѣть такой подлогъ въ названіи второй и третьей книгъ Ездры. Словомъ всѣ, дошедшія до насъ подъ именами древнихъ боговдохновенныхъ мужей, неканоническія книги имѣютъ на

---

¹⁾ Имя Соломона, славнаго своею мудростію, такъ тѣсно связывалось съ мудростію, что оно употребляется, какъ бы, названіе самой мудрости. Поэтому писатель упомянутой книги, излагая въ ней глубочайшія возврѣнія истинной мудрости, и надписалъ свою книгу именемъ царя, такъ сказать, тезоименнаго мудрости. См. послѣд. о достоинствѣ и происхожденіи 3 кн. Ездры. А. Бухарева стр. 168. ср. Послѣдова книга Премудрости Соломона. ея происхожденіе.

себѣ это имя въ томъ смыслѣ, что онѣ разъясняютъ, дополняютъ и, такъ сказать, толкуютъ сказанное и сдѣланное тѣми мужами; но опять они дѣлаютъ это не какъ пророки по непосредственному вдохновенію, а какъ благочестивые книжники лишь, что дается видѣть изъ книгъ ихъ непосредственно и очевидно. Въ книгѣ пр. Іоны не такъ. Она не разъясняетъ и не дополняетъ собою что-либо изъ сказаннаго о пр. Іонѣ въ писаніи, а напротивъ сообщаетъ о немъ нѣчто такое, что какъ будто идетъ въ разрѣзъ съ сказаннымъ о немъ въ 4-й книгѣ Царствъ, или единымъ намекомъ не даетъ видѣть, что это подражаніе древнему пророку, или отдаленное воспоминаніе о немъ, а не живой портретъ, снятый съ дѣйствительности. Пр. Іона является въ книгѣ, какъ одинъ изъ древнихъ пророковъ во всемъ своемъ пророческомъ величіи и исторія его представляется читателю не воспоминаніемъ о древнемъ пророкѣ, а современною записью о немъ.

Еще больше книга пр. Іоны отличается отъ неканоническихъ историческихъ писаній характеромъ идей, лежащихъ въ основѣ ея, относительно іудеевъ и язычниковъ въ ихъ взаимоотношеніи и отношеніи къ Іеговѣ. Правда пр. Іона въ книгѣ его имени выставленъ не желающимъ спасенія язычникамъ, огорчающимся помилованіемъ ихъ отъ Бога (1, 3; 4, 1—11); но въ противовѣсъ этимъ личнымъ чувствамъ пророка въ книгѣ выставлены и его религіозныя убѣжденія, по которымъ онъ непоколебимо вѣруетъ, что если корабельщики бросятъ его въ море, то море престанетъ и Богъ сохранитъ этихъ язычниковъ, изъ которыхъ каждый молился богу своему (1, 4—12),—выставлены его убѣжденія, по которымъ онъ, еще будучи въ землѣ своей, твердо вѣрилъ, что Іегова—Богъ чело вѣколюбивый и милостивый, помилуетъ Ниневію (4, 2). Самые же событія, рассказанныя въ книгѣ, еще громче вѣщаютъ эту истину о милостивомъ отношеніи Іеговы не къ іудеямъ только, а и къ язычникамъ; помилованіе корабельщиковъ (1, 15) и, главное, ниневитянъ (3, 10; 4, 11),—вотъ факты, ярко выступающіе въ этой небольшой книжкѣ. Въ заключеніи же книги прямо высказывается убѣжденіе, что Іегова, какъ Богъ не іудеевъ только, а и язычниковъ (4, 11), не можетъ даже нежалѣть послѣднихъ. И язычники въ этой книгѣ представляются вполне достойными такихъ милостей Іеговы. Правда, вопль злобы ихъ доходитъ до неба (1, 2) и они чтутъ суетная и ложная (2, 9), но они молятся богамъ

своимъ (1, 5), приносятъ жертвы и даютъ обѣты Іеговѣ (1, 16) и отступаютъ отъ злыхъ дѣлъ рукъ своихъ (3, 6—9). Не то въ неканоническихъ книгахъ. Въ нихъ это отношеніе іудеевъ къ язычникамъ и соответственное съ нимъ воззрѣніе на этихъ враговъ Іеговы достигаетъ крайней степени своего напряженія. Дознанная еще опытомъ плѣна, сладость вѣрности отеческой вѣрѣ и закону, съ одной стороны, и съ другой, вся горечь противорѣчія, въ какомъ стояла по отношенію къ этой вѣрѣ и закону, долженствовавшихъ сдѣлать евреевъ первымъ народомъ въ мірѣ, живая дѣйствительность, по которой евреи, не смотря на всю свою буквалистическую привязанность къ отеческой вѣрѣ, находились въ непрерывной почти политической зависимости отъ того или другаго изъ царствъ Азіи, невольно порождали въ іудеяхъ уже негордое только и пренебрежительное, а и раздражительное, обидчивое воззрѣніе на язычниковъ и отношеніе къ нимъ, которое рѣзко бросается въ глаза въ неканоническихъ книгахъ. Язычники—это враги народа израильскаго, которые въ ярости своей убиваютъ евреевъ (Тов. 1, 18—20), и именно за приверженность ихъ закону своему, которыхъ изъ-за этого естественно бояться (2, 2), съ которыми *грѣшно* вступать въ родственныя связи (4, 12), потому что они грѣшники, которымъ не совѣтуется давать милостыню даже нищелюбивый Товитъ (4, 14—17; ср. 1, 16 и 2, 2; Сир. 12, 4—7), радовавшійся гибели Ниневіи (14, 12—15). Таковыми были не жизненныя только отношенія іудеевъ къ язычникамъ, а и ихъ религіозныя убѣжденія о язычникахъ по книгѣ Товита. Что же касается книги Іудиноу, восхваляющей женщину эту за то, что она отсѣкла голову Олоферну и тѣмъ спасла отечественный городъ Ветцлугу; то изъ нея нѣтъ нужды приводить даже и цитаты: она вся пропитана самымъ ненавистнымъ чувствомъ къ язычникамъ, и это по имя религія, отъ лица Божія. Въ книгахъ макевейскихъ всякое общеніе съ язычествомъ заклеяно позорнымъ именемъ беззаконія и измѣны отечеству (см. 1 Макк. 1, 11—16; 2 Макк. 4, 10 и др.). И это воззрѣніе на язычниковъ во всѣхъ неканоническихъ книгахъ историческаго содержанія выставляется не какъ личныя и національныя только чувства іудеевъ, а какъ воззрѣніе, основанное на писаніяхъ пророковъ и выражающее собою волю Божию. Такъ выходитъ по неканоническимъ истори-

ческимъ книгамъ, выходить слѣдовательно согласно съ показаніями апокрифическихъ книгъ, и до діаметральности противоположно основнымъ воззрѣніямъ книги пр. Іоны—Совершенно наоборотъ, чѣмъ въ книгѣ пр. Іоны, представляются въ неканоническихъ книгахъ еврей. Представляя язычество въ самыхъ мрачныхъ чертахъ, іудейство и особенно представителей его изъ древняго времени неканоническія книги выставляютъ лишь въ самомъ привлекательномъ видѣ, пменуя ихъ праведными, друзьями божіими, поборавшими по Богѣ противъ язычниковъ (см. I. Сир. послѣдн. главы). Въ такомъ видѣ представляются въ нихъ и всѣ событія изъ древней еврейской исторіи, говоряція о сношеніяхъ евреевъ съ язычниками; неканоническія книги не знаютъ объективнаго безпристрастія; по нимъ эти сношенія—борьба свѣта съ тьмою (см. напр. 11 и 18 гл. кн. Прем. Солом. о казняхъ егип.).

Словомъ, основныя воззрѣнія неканоническихъ книгъ по своему характеру и направленію діаметрально противоположны основнымъ воззрѣніямъ книги пр. Іоны. Субъективизмъ первыхъ слишкомъ рѣзко обличаетъ присутствіе въ нихъ человѣческихъ элементовъ, узкихъ, партикуляристичныхъ и плотскихъ, какъ плотяныя самъ человѣкъ; строгая объективность книги пр. Іоны кладетъ на нее печать универсализма, перваго и существеннаго признака богооткровеннаго слова. Въ тѣхъ книгахъ, какъ ни старались писатели ихъ приблизиться къ пророческому духу, человѣчность заставляла ихъ часто, удаляющуюся отъ божественнаго идеала, дѣйствительность возводить въ законъ—въ идеаль, или по крайней мѣрѣ оправдывать ее именемъ закона; въ книгѣ пр. Іоны не только прямо-противозаконная, но и согласная съ закономъ по крайней мѣрѣ по буквѣ дѣйствительность выставляется, какъ жизнь безконечно еще далеко отстоящая отъ идеала закона. Въ тѣхъ книгахъ божественное низводится до человѣческаго; здѣсь человѣческое возводится къ божественному. Вотъ почему тѣ книги не попали въ канонъ свящ. книгъ, хотя нѣкоторые изъ нихъ ко времени завершения его и были на лицо, что можно предпологать по крайней мѣрѣ о книгѣ Товита; книга же Іоны занесена въ канонъ, какъ пророческое писаніе. Какой выводъ можно сдѣлать изъ этого сопоставленія книги пр. Іоны съ неканоническими писаніями, по отношенію къ вопросу о происхожденіи и значеніи этой книги, очевидно.

Другихъ кромѣ указанныхъ нами аналогій, которыми могли бы защищаться сторонники легендарнаго происхожденія и значенія книги пр. Іоны, нѣтъ; при всемъ томъ противники исторической подлинности этой книги все-таки стоятъ на своемъ мнѣніи и развиваютъ ту мысль, что книга пр. Іоны легенда, заимствованная изъ преданія и передѣланная въ ея настоящій видъ съ морально дидактическими цѣлями. Чѣмъ же въ концѣ концовъ сторонники легендарнаго происхожденія книги пр. Іоны стараются защитить съ положительной стороны свое мнѣніе? Отвѣтъ на это можно находить въ способѣ развитія ими своихъ мыслей. Способъ этотъ состоитъ въ томъ, что они сначала выводятъ изъ содержанія книги тѣ моральныя, сентенціи, для выраженія которыхъ послѣдній редакторъ книги будто-бы записалъ и видоизмѣнилъ легенду о пр. Іонѣ, и потомъ стараются, уже на основаніи выведенныхъ такимъ образомъ моральныхъ сентенцій книги, отдѣлить въ ней то, что принадлежитъ преданію или даже дѣйствительности, отъ того, что привнесено въ книгу ея послѣднимъ редакторомъ.

Но способъ этотъ не много можетъ помочь имъ; онъ логически несостоятеленъ. Выводя тѣ или другія нравственныя истины, какъ основныя идеи книги, которыя имѣлъ въ виду послѣдній редакторъ книги, они доказываютъ несомнѣнность ихъ такимъ или инымъ отношеніемъ этихъ истинъ къ самому содержанію книги въ его цѣломъ, о которомъ еще не извѣстно, что въ немъ принадлежитъ составителю книги и что народному преданію. Затѣмъ, рѣшая этотъ послѣдній вопросъ, доказываютъ его такимъ или инымъ отношеніемъ частей содержанія книги къ предположенной ими цѣли послѣдней. А, поступая такъ, они, очевидно, опять дѣлаютъ *circulum in demonstrando*, точно также, какъ и раньше для выдѣленія подлинно историческихъ отъ легендарныхъ, дѣлаютъ тотъ логическій кругъ въ доказательствѣ, которымъ ничего не доказывается. Иначе и быть не можетъ; способъ этотъ построенъ на субъективныхъ основаніяхъ. Оттого и самое опредѣленіе существеннаго въ содержаніи книги для выражаемой, будтобы, въ ней идеи и несущественнаго у различныхъ ученыхъ различно: что одному кажется существеннымъ, то другому наоборотъ. Оттого и то, что между тѣмъ какъ одни стараются выдѣлить точно, что въ книгѣ принадлежитъ преданію и что составителю книги, ограничиваясь при этомъ виро-

чем однимъ „вѣроятно“ (таковы Бертольдъ, Винеръ и даже Фридрихсенъ), другіе, какъ Эвальдъ, вовсе отказываются отъ такого точнаго выдѣленія легендарнаго отъ вымышленнаго. Впрочемъ остановимся на разборѣ этого способа нѣсколько подробнѣе.

Какія моральныя сентенціи книги предполагаютъ защитники ея легендарнаго происхожденія? Бертольдъ выстаряетъ такой сентенціей то положеніе, что Іегова владычествуетъ не надъ однимъ Израилемъ и власть Его не въ одной Палестинѣ, а и во всей вселенной, надъ всѣми людьми; Винеръ, Кнобель, Фридрихсенъ и др. говорятъ, что составитель книги пр. Іоны при своемъ видоизмѣненіи народнаго преданія о пророкѣ имѣлъ въ виду противодѣйствовать партикуляризму евреевъ; Эвальдъ, какъ на нравственную сентенцію книги, указываетъ на ту мысль, что только истинный страхъ предъ Іеговою и покаяніе доставляютъ намъ помилованіе. Но самое это различіе предполагаемыхъ нравственныхъ сентенцій книги говоритъ уже о томъ, что ни одной изъ нихъ нельзя назвать въ полномъ смыслѣ слова основной нравоучительной идеей книги пр. Іоны; ибо изъ этой книги можно выводить множество другихъ подобныхъ и даже не подобныхъ симъ мыслей, какъ дѣйствительно и выводятъ многочисленные защитники морально-вымышленнаго характера книги. Если о всѣхъ послѣднихъ мысляхъ нельзя утверждать, что всѣ онѣ основныя мысли книги пр. Іоны; то точно также нельзя этого утверждать и о мысляхъ, указываемыхъ Бертольдомъ, Винеромъ, Эвальдомъ и др. Конечно, изъ того, что выводимыя названными учеными нравственныя положенія не обнимаютъ собою каждое въ отдѣльности всего содержанія книги, нельзя еще, какъ мы и говорили уже, сразу выводить, что послѣдній редакторъ книги не ихъ имѣлъ въ виду при записи и передѣлѣ имъ народнаго преданія о пр. Іонѣ; но нельзя выводить въ томъ только случаѣ, если допустимъ, что черты и образы книги, не подходящія подъ выставленныя моральныя положенія, суть произведеніе не послѣдняго редактора книги, а народнаго преданія, и что редакторъ не имѣлъ нужды опускать ихъ, какъ такіе, которые могли служить для его читателей ручательствомъ народнаго происхожденія книги и чрезъ то возбуждать въ этихъ послѣднихъ довѣріе къ самымъ моральнымъ сентенціямъ книги. Но этого-то, и именно того, что подобныя черты могли существовать въ народномъ преданіи и въ немъ сло-

жились, и нельзя допустить потому, что всё они противорѣчатъ воззрѣніямъ, убѣжденіямъ и симпатіямъ народа. Благосклонное изображеніе въ книгѣ язычниковъ, противорѣчащее выставленной Бертольдомъ идеи книги, противорѣчить и симпатіямъ еврейскаго народа, на почвѣ преданій котораго, будто бы, возрасло оно; этимъ симпатіямъ и воззрѣніямъ противорѣчить и доброжелательное отношеніе Іоны къ корабельщикамъ, стоящее въ то же время въ противорѣчій и со вторымъ положеніемъ; рассказы о бѣгствѣ пророка и о растеніи, или собственно о жалобахъ пророка при этомъ, нисколько недоказывающіе третьяго положенія, противорѣчатъ и воззрѣніямъ евреевъ на древнихъ пророковъ. Итакъ всё указанное черты и образы не могли возрасти на почвѣ народнаго преданія; но они не могли быть вымышленными и послѣднимъ редакторомъ книги; ясно, значить, что они должны быть признаны подлинно историческими фактами. Если же признать ихъ такими, то какое же основаніе не признавать такими и остальныхъ чертъ содержанія книги пр. Іоны, которыя не болѣе невѣроятны, чѣмъ тѣ, а слѣдовательно и всю книгу Іоны подлинно-историческую?—Къ такому же выводу можно придти на основаніи анализа и тѣхъ чертъ книги, которыя существенно необходимы для выставленныхъ моральныхъ положеній ея. Защитники разбираемаго воззрѣнія, и особенно Фридрихсенъ, считаютъ такіа черты произведеніемъ послѣдняго редактора книги; но если бы составитель книги не нашелъ этихъ чертъ въ народномъ преданіи, то едва ли бы онъ могъ придти къ мысли выбрать средствомъ для предположенной имъ дидактической цѣли народную легенду именно о пр. Іонѣ, а не какую-либо другую. Съ другой стороны эти черты, какъ направленные противъ тѣхъ или другихъ нравственныхъ недостатковъ и заблужденій Израиля, противорѣчатъ, значить, его обычнымъ воззрѣніямъ и симпатіямъ, слѣдовательно не могли быть произведеніемъ и народнаго преданія. Выводъ опять тотъ же. Къ нему же приходимъ и относительно такихъ чертъ книги, которыя, какъ несущественныя для моральныхъ сентенцій книги и въ то же время не противорѣчащія духу еврейскаго народа, могли бы повидимому быть измышлены; ибо такихъ чертъ слишкомъ мало, онѣ не больше какъ литературныя украшенія...

Итакъ въ результатѣ нашего разбора мнѣніе историческаго или ле-

гендарнаго пониманія книги пр. Іоны обазывается, что мы не можем согласиться съ предположеніемъ тѣхъ историческихъ основъ книги пр. Іоны, какія предполагають защитники разбираемаго воззрѣнія; потому что такія основы или произвольны, если берутся изъ жизни самаго ли Іоны или другихъ пророковъ, хотя и естественны, или неестественны, и даже просто невозможны, если такими основами считаютъ тѣ или другія языческія сказанія. Мы не можемъ допустить и видоизмѣненія ихъ въ настоящій, будто бы, неподлинно-историческій видъ ни однимъ писателемъ книги, ни народнымъ преданіемъ, ни тѣмъ и другимъ вмѣстѣ, потому что предположеніе это не правдоподобно, безиримѣрно и субъективно. Ясно значить мы не можемъ согласиться вообще съ такимъ пониманіемъ книги пр. Іоны.

Если же такъ, если и это воззрѣніе, какъ и то, по которому книга пр. Іоны есть чистый вымыселъ, не выдерживаетъ критики само въ себѣ, въ своемъ положительномъ развитіи; то естественно мы имѣемъ право остановиться на томъ пониманіи книги, которое отвергается защитниками разобранныхъ нами воззрѣній. Это пониманіе — чисто историческое, по которому книга пр. Іоны есть подлинная и точная и въ общемъ и въ частяхъ исторія изъ жизни самаго пророка Іоны, быть можетъ, написанная самимъ пророкомъ. Такое пониманіе книги пр. Іоны само навязывается читателю книги съ перваго раза вслѣдствіе его простоты и безыскусственности; такое пониманіе книги хотѣлъ придать ей и самъ писатель ея, начинающій книгу историческимъ: *vājēij*—и было (ср. Суд. 1, 1. 1 Ц. 1, 1 и др.), и точно обозначающій даже географическія данныя; такое пониманіе книги есть пониманіе ея самое древнее, принятое въ іудейской и древне-христіанской церкви и не лишенное своихъ защитниковъ и въ настоящее время, не только въ средѣ православныхъ восточныхъ, но и инославныхъ западныхъ богослововъ.... Но прежде, чѣмъ говорить послѣднее слово объ этомъ пониманіи, обратимся къ разбору тѣхъ основаній, по которымъ защитники разобранныхъ нами воззрѣній отрекались и отрекаются отъ этого чисто-историческаго пониманія ея. Разборъ этихъ основаній, о которомъ наша рѣчь въ слѣдующихъ главахъ, долженъ, какъ нельзя болѣе, лучше подтвердить и доказать несправедливость первыхъ воззрѣній и справедливость послѣдняго.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

**Разборъ и опроверженіе мнѣній о позднѣйшемъ сравнительно съ
вѣкомъ пр. Іоны времени происхожденія книги его имени.**

Первымъ и главнымъ основаніемъ для того, чтобы не считать книгу пр. Іоны подлинной исторіей, служить для противниковъ этой подлинности время написанія книги. Ни тѣ, которые считаютъ ее чистымъ вымысломъ, ни тѣ, которые считаютъ ее мифомъ или легендой, не соглашаются допустить, что книга пр. Іоны появилась въ вѣкъ самого Іоны, (IX в. предъ Р. Хр.) и указываютъ въ книгѣ ясныя, будтобы, слѣды ея позднѣйшаго происхожденія, которое одно уже много, по ихъ мнѣнію, должно говорить противъ чисто-историческаго пониманія этой книги. Но согласные между собою въ томъ, что эту книгу нельзя относить ко временамъ пр. Іоны, защитники позднѣйшаго происхожденія ея расходятся между собою въ точнѣйшемъ опредѣленіи этого позднѣйшаго времени. Между тѣмъ какъ одни относятъ происхожденіе книги пр. Іоны ко времени ассирійскаго плѣна (738—589) ¹⁾, другіе ко времени іудейскаго царя Іосіа (642—611) ²⁾, третьи считаютъ временемъ ея происхожденія или время плѣна вавилонскаго (607—537), или послѣплѣнный періодъ ³⁾, четвертые наконецъ думаютъ о времени Маккавеевъ, о царствованіи Птоломеевъ, какъ времени написанія книги пр. Іоны ⁴⁾.

---

¹⁾ Гольдхорнъ.

²⁾ Розенкюллеръ, Бертольдъ, Германъ фонъ-дёръ-Гардтъ.

³⁾ Ягеръ, Кнобель, Фридрихсенъ, Эвальдъ, Крамеръ, Клейнертъ, Блекъ, Нельдекке и др.

⁴⁾ Гитцигъ.

Оставляя въ сторонѣ доказательную силу этого основанія въ его, такъ связать, идеѣ, не говоря о томъ, что оно вообще не можетъ имѣть безусловнаго значенія (ибо почему нельзя допустить, что преданіе вѣрно и точно сохранило до позднѣйшаго времени рассказъ о пр. Іонѣ?), обращаемся къ этому основанію въ томъ его видѣ, въ какомъ оно представляется у самыхъ противниковъ подлинности книги пр. Іоны, чтобы видѣть всю несправедливость и потому бездоказательность его въ качествѣ возраженія противъ историческаго пониманія книги. Эта несправедливость и потому бездоказательность даннаго основанія даетъ себя предчувствовать уже въ тѣхъ колебаніяхъ и разнорѣчіяхъ между защитниками его относительно точнаго опредѣленія времени написанія книги. Длинный періодъ времени, на различныхъ моментахъ котораго останавливаются тѣ или другіе защитники позднѣйшаго сравнительно съ вѣкомъ Іоны происхожденія книги его имени (738—312), напередъ говорить не въ ихъ пользу. Ближайшее же разсмотрѣніе частныхъ каждаго мнѣнія, тѣхъ данныхъ, на основаніи которыхъ нашли противники требуютъ для книги пр. Іоны позднѣйшаго сравнительно съ вѣкомъ Іоны времени происхожденія ея, должно вполне подтвердить это предположеніе.

Прежде всего естественно ожидать, что чѣмъ позднѣйшее сравнительно съ вѣкомъ пр. Іоны предполагается время происхожденія книги его имени, чѣмъ легче отсюда заключеніе объ ея неподлинности; тѣмъ слѣдовательно крѣпче должно бы быть обосновано такое предположеніе, точно также, какъ и наоборотъ; потому что какъ бы сильно ни было доказано происхожденіе книги пр. Іоны напр. въ вѣкѣ ассирійскаго плѣна, оно само немного можетъ говорить противъ подлинности книги. На дѣлѣ же оказывается не такъ. Предположеніе о самомъ позднѣйшемъ времени происхожденія книги пр. Іоны, предположеніе Гитцига, самое, новидимому, важное для противниковъ подлинности книги, всѣхъ слабѣе обосновано.

Въ самомъ дѣлѣ чѣмъ, Гитцигъ доказываетъ свое право относить книгу пр. Іоны къ макавейскому періоду? „Тѣмъ, говоритъ онъ, что 1) такой чудесный рассказъ, какъ рассказъ книги пр. Іоны, могъ явиться только въ странѣ чудесъ, въ Египтѣ, на что указываетъ и соввучіе слова: *kjkaʾjon*—*клевещина* въ 4, 6. 7. книги пр. Іоны съ египетскимъ словомъ: *kjki*; 2) тѣмъ; что наша

книга, очень сходная съ книгою пр. Авдія въ томъ, что обѣ рабски зависятъ отъ одной и той же книги Іоилы, должна принадлежать тому же писателю, которому принадлежит и книга пр. Авдія, и написана быть имъ по поводу неисполненія пророчества первой книги, а эта послѣдняя написана въ очень позднее время и именно въ Египтѣ; и тѣмъ наконецъ 3), что въ молитвѣ пр. Іоны есть стихи, заимствованные изъ псалмовъ маккавейскаго времени 1).

Но такія соображенія и сопоставленія едвали могутъ имѣть доказательную силу. Справедливо, что Египетъ страна чудесъ, какъ называли его еще древніе 2), и нильская долина, та долина, гдѣ жизнь и смерть соприкасаются такъ близко, гдѣ рядомъ съ черноземною почвою и плодородіемъ лежатъ необозримыя песчаныя пустыни съ изъ страшными засухами, невольно вспоминается при образѣ однодневной клещевины; но изъ этого слѣдуетъ только то, что сказанное въ книгѣ пр. Іоны о клещевинѣ возможно, правдоподобно и естественно, но никакъ уже не то, что и самая книга написана въ Египтѣ. Она могла быть написана и въ другомъ мѣстѣ, потому что не одна нильская долина обладаетъ такою растительностію; югозападъ Азіи, междурѣчье Тигра и Евфрата, страна Инда и Ганга и доселѣ славятся такими растеніями. Правда нельзя не согласиться, что названіе растенія въ книгѣ Іоны напоминаетъ собою египетское названіе, что слово: *kjkājon* есть лишь передѣлка египетска слова *kjkj*; но сходство названія могло произойти отъ сходства предметовъ, тѣмъ болѣе, что евреи еще при Моисеѣ и раньше больше 200 лѣтъ жили въ Египтѣ и не разъ послѣ вспоминали о египетскомъ луцѣ (Числ. 11, 5; Втор. 11. 5). Отчего же они не могли заимствовать египетское слово тогда еще, если они что-либо подобное встрѣтили и въ землѣ, текущей молокомъ и медомъ? Отчего, заимствовавъ, они не могли въ измѣненномъ видѣ употреблять это слово у себя дома? Иначе чѣмъ объяснить флексическое измѣненіе слова: *kjkājon*? Это измѣненіе, указывая на одинъ корень

1) См. его цитов. выше соч. стр. 370.

2) Геродотъ, посѣтившій Египетъ, говоритъ: ("Αἴγυπτος) κλειστότα θαυμάσια ἔχει ἢ ἄλλη πάσα χώρα, καὶ ἔργα λόγου μέζω παρέχεται: πρὸς πᾶσαν χώραν. Lib. 11, cap. 35.

обоихъ словъ: и *kjkkajon* и *kjkkj*, ясно говорить о различныхъ мѣстностяхъ, въ которыхъ произносятся онѣ.—Другая половина доказательства Гитцига, кромѣ произвольной нелогичности, страдаетъ и фактическою невѣрностію. Гитцигъ въ этомъ случаѣ выходитъ изъ положенія о взаимномъ сходствѣ книгъ пр. Іоны и Авдія въ чертахъ, ясно, будто-бы, говорящихъ о позднѣйшемъ происхожденіи ихъ. Эти сходныя черты обоихъ книгъ составляютъ: 1) рабская зависимость ихъ отъ Іоіля и 2) чисто-внѣшнее пониманіе откровенія. Внѣшнее пониманіе откровенія у того и другаго пророковъ выражается въ томъ, что объ откровеніи божественномъ говорится у нихъ, какъ о словѣ Іеговы, бывшемъ пророку ¹⁾. Но въ такихъ же выраженіяхъ о божественныхъ откровеніяхъ говорится и у древнихъ пророковъ и, главное, у того же Іоіля, о которомъ самъ Гитцигъ говорить, какъ о древнемъ пророкѣ ²⁾. Что же касается рабской зависимости обоихъ пророковъ отъ Іоіля; то тутъ кромѣ невѣрности есть и намѣренная подтасовка фактовъ. Книга пр. Іоіля заключаетъ въ себѣ изображеніе страшнаго опустошенія іудей, произведеннаго саранчею и засухою, проповѣдь о наступленіи страшнаго дня Іеговы и призывъ къ посту и покаянію; не тотъ предметъ содержанія книги пр. Іоны. Нѣтъ сходства между ними и въ самой формѣ изложенія: книга пр. Іоны—прозаическая исторія, та—воодушевленная поэтическая рѣчь; въ той и другой нѣтъ ни одного сходнаго выраженія, такъ что непонятнымъ осталось бы самое сопоставленіе этихъ книгъ, дѣлаемое Гитцигомъ, еслибы опускать изъ виду книгу пр. Авдія, которая у него является какимъ-то посредствующимъ звеномъ. Книга пр. Авдія дѣйствительно тѣсно сходится въ нѣкоторыхъ характерныхъ мысляхъ и выраженіяхъ съ книгою пр. Іоіля и нельзя не признать зависимости ихъ одной отъ другой. Предполагая такую зависимость на сторонѣ Авдія, Гитцигъ заключаетъ отсюда о компилятивномъ характерѣ книги пр. Авдія, указывающемъ, будтобы, на позднѣйшее сравнительно съ книгою Іоіля время ея написанія. Въ этомъ компилятивномъ характерѣ и заключается сходство ея съ книгою пр. Іоны, которая не чужда компиляціи въ своей молитвѣ, заимствованной

¹⁾ См. Іовн. 1, 1; 3, 1; 4, 4. 9. 10. Авд. 1, 1. 8.

²⁾ См. 1, 1. 1. 1. 9; 2, 12—19; 4, 21.

изъ псалмовъ. Въ этомъ-то сходствѣ книги пр. Ионы съ книгою Авдія Гитцигъ и находитъ оправданіе для своего обобщеннаго заключенія о зависимости отъ книги Иоиля вмѣстѣ съ книгою Авдія и книги Ионы, и вотъ онъ то, что самъ же думаетъ объ одной изъ этихъ книгъ, говорить объ обѣихъ: утверждаетъ о зависимости книги пр. Ионы отъ книги древняго пр. Иоиля, въ умѣ своемъ считая вѣрною лишь общую мысль о зависимости книги пр. Ионы вообще отъ какого либо древняго пророка. Но что и въ такомъ видѣ предположеніе о второй главѣ книги пр. Ионы, заключающей въ себѣ молитву пророка, составленную изъ словъ и выраженій различныхъ псалмовъ, несправедливо, объ этомъ пока достаточно замѣтить вмѣстѣ съ Геферникомъ ¹⁾, что такое сопоставленіе книги пр. Ионы съ книгою пр. Авдія въ отношеніи ихъ, будто, бы, компилятивнаго характера для непредубѣжденнаго критика должно служить только еще къ болѣе твердому обоснованію древности книги пр. Ионы; ибо сходство книги Авдія съ книгою пр. Иоиля даетъ право заключать о зависимости не Авдія отъ Иоиля, а Иоиля отъ Авдія. Рѣшительное въ пользу этого доказательство даетъ приводимое Ионлемъ выраженіе, похожее на цитату какого либо мѣста: *какъ говоритъ Господь* (3, 5. слнч. 2, 32), чрезъ что предшествующая, общая у Иоиля съ Авдіемъ (ср. ст. 18), мысль, что *на гортъ Сионъ и въ Иерусалимъ будутъ житьшіе*, обозначается, какъ слово Иеговы. Эту мысль, приведенную Ионлемъ съ указаннымъ цитатомъ, слѣдовательно какъ откуда-нибудь заимствованную имъ, пророкъ сей могъ заимствовать только у Авдія, такъ какъ ея въ другомъ какомъ-либо мѣстѣ нѣтъ ²⁾. Точно также, какъ несправедливо предположеніе о компилятивномъ характерѣ книги Авдія по отношенію къ книгѣ Иоиля, несправедливо заключеніе Гитцига и о мѣстѣ написанія книги Авдія—въ Египтѣ. Изъ всей книги видно, что пророкъ пророчествуетъ изъ мѣста жилища Иеговы, изъ Иерусалима; значитъ и поводъ къ написанію книги Авдія не тотъ, который указываетъ Гитцигъ, а другой. Если же такъ, то ясно, что построенное на такихъ предположеніяхъ заключеніе Гитцига объ одномъ писателѣ обѣихъ книгъ, Авдія и Ионы, въ Египтѣ, въ позднѣйшее время, не можетъ

¹⁾ См. его цитов. сочин. стр. 563.

²⁾ Ср. Keil, Comment. über d. zw. klein. Proph. n. 241—251.

быть справедливымъ. Разъясненія Гитцига относительно повода къ написанію книги Іоны въ неисполненіи написаннаго въ книгѣ Авдіа о погибели Едома, побуждавшемъ писателя защитить Іегову указаніемъ на то, что и вообще пророчества не всегда сбываются, потому что не въ предсказаніи только цѣль пророчества, а въ исправленіи тѣхъ, къ кому направлено это пророчество, не оправдываются самымъ содержаніемъ книги пророка Іоны. Самое содержаніе книги во многихъ своихъ частяхъ не охватывается такою мыслию, какъ основною. Подробное изображеніе поведенія корабельщиковъ и поэтическое изложеніе молитвы Іоны не имѣютъ никакого отношенія къ этой мысли; между тѣмъ какъ изложеніе самой проповѣди пророка, имѣющей своей цѣлью обращеніе ниневитянъ, сокращено на два стиха.

Такъ легко опровергается мнѣніе Гитцига о маккевейскомъ происхожденіи книги пр. Іоны, все построенное на предположеніяхъ мелочныхъ по содержанію, по характеру своему искусственно-фальшивыхъ, которыя держатся только одно другимъ и съ наденіемъ одного падаютъ всѣ. Среди самыхъ противниковъ подлинности книги пр. Іоны не нашлось еще, кромѣ Гитцига, ни одного сторонника его мнѣнія. Иначе конечно и быть не можетъ; ибо говорить о маккевейскомъ происхожденіи книги пр. Іоны значитъ идти противъ прямыхъ и непререкаемыхъ свидѣтельствъ о раннѣйшемъ происхожденіи книги пр. Іоны. „Сирахъ, писавшій около 190 г. предъ Р. Хр., говоритъ Нельдеке — самъ защитникъ вымышленнаго пониманія книги пр. Іоны ¹⁾, знаетъ книгу двѣнадцати малыхъ пророковъ (49, 10), слѣдовательно и нашу книгу; на нее указываетъ и книга Товита, написанная около этого же времени (14, 8). Принятіе же книги пр. Іоны въ канонъ, св. книгъ, въ число книгъ 12 пророковъ, дѣлаетъ вѣроятнымъ даже то, что книга пр. Іоны уже въ V столѣтіи предъ Р. Хр. существовала, такъ какъ собраніе и заключеніе въ канонъ книги 12 пророковъ едвали можно полагать позже 400 года“ ²⁾.

Но Нельдеке, отвергнувъ возможность происхожденія книги

---

¹⁾ См. цит. его сочин. стр. 80.

²⁾ Едвали, нужно прибавить, позже 432 г., ибо въ этомъ году умеръ Немія, участіе котораго вмѣстѣ съ священникомъ Ездру въ окончательномъ

нѣйшемъ—послѣпльннмъ происхожденіи, идетъ еще дальше. Не останавливаясь лишь на прошедшей формѣ глагола: *qāijj'tā?*, онъ вооружается противъ самаго замѣчанія о величинѣ Ниневіи. „Иона, говоритъ онъ, безъ сомнѣнія не имѣлъ нужды дѣлать этого замѣчанія для своихъ современниковъ, такъ какъ они вѣроятно знали величіе города также хорошо, какъ и самъ онъ. Не было нужды дѣлать такого замѣчанія и въ томъ случаѣ, если бы составителемъ книги Ионы былъ не онъ, а другой кто, жившій хотя позднѣе его, но еще въ то время, когда Ниневія существовала; потому что Ниневія, пока она стояла, уже ради своего необычайнаго величія всюду должна была быть извѣстна. Слѣдовательно, если мы не хотимъ, чтобы это замѣчаніе стояло въ книгѣ совершенно излишне и безцѣльно, то составителемъ книги должны признагъ кого либо, жившаго уже послѣ разрушенія Ниневіи“⁴⁾. Но такъ ли все это на самомъ дѣлѣ?

Прежде всего въ выставляемомъ противниками умозаключеніи заключается большой логическій скачекъ между посылками и заключеніемъ. Посылка ихъ умозаключенія касается одной лишь части—одного стиха книги, даже одного слова, заключеніе же обнимаетъ собою всю книгу—относится къ цѣлому. Конечно такое заключеніе можетъ быть допущено, но не необходимо и естественно; пбо содержаніе посылки (замѣчаніе о величинѣ Ниневіи) не въ такой органически тѣсной связи стоитъ съ остальнымъ содержаніемъ книги, что безъ него немислнмо это послѣднее. Если же такъ; то отчего-бы не допустить позднѣйшую вставку этого замѣчанія?... Но обратимся къ фактамъ.

На основаніи произвольнаго толкованія свидѣтельствъ о Ниневіи греческихъ и вавилонскихъ писателей (Геродота, Діодора Сицилійскаго и др.), долго полагали двукратное разрушеніе Ниневіи, причемъ первое разрушеніе относили ко времени Сардананала, послѣдняго потомка Семирамиды, т. е. къ IX или VIII в. предъ Р. Хр., и еслибы эти сказанія были справедливы, не для чего было бы противникамъ подлинности книги пр. Ионы выставлять приведенныя слова ея, какъ доказательства ея неподлинности: Ниневія дѣйствительно скоро

⁴⁾ См. его *Iona, eine moralische Erzählung* въ *Memorabilien* 1, s. 145—148.

послѣ посольства Іоны должна была быть разрушена. Но эти сказанія несправедливы; несправедливы и попытки объяснить ихъ предположеніями о древней и новой ассиріи ¹⁾); потому что это противорѣчитъ достовѣрнымъ сказаніямъ объ ассиріи и столицѣ ея Ниневіи за это время историческихъ и пророческихъ книгъ еврейскихъ. По нимъ въ VIII в. и позже ассирія представляется такимъ могущественнымъ царствомъ и столица ея Ниневія такою крѣпкою и древнею, что немислимо предположить при этомъ ея недавнее окончательное разрушеніе. Сопоставляя же съ этими данными историческихъ и пророческихъ книгъ В. З., особенно же съ данными изъ книгъ пророковъ Софоніи и Наума, предсказывавшихъ разрушеніе Ниневіи, сказанія Геродота ²⁾ и Діодора Сицилійскаго ³⁾ о разрушеніи Ниневіи, должно признать однократное разрушеніи Ниневіи въ концѣ VII в. предъ Р. Хр. Трудно точно опредѣлить годъ этого разрушенія Ниневіи; принимая во вниманіе съ одной стороны несомнѣнность участія въ осадѣ Ниневіи Набопалассара, съ другой то, что по канону Птоломѣя, подтверждаемому и астрономическими вычисленіями, царствованіе Набопалассара падаетъ на періодъ между 625 и 606 гг. предъ Р. Хр., можно лишь сказать, что разрушеніе Ниневіи, бывшее конечно не въ 1-й годъ царствованія Набопалассара, должно было совершиться въ концѣ VII в. предъ Р. Хр., ближе къ 606 году ⁴⁾.

Теперь, если разрушеніе Ниневіи было около 600 г. предъ Р. Хр., а написаніе книги пр. Іоны, по Мёлеру же, не могло быть съ одной стороны раньше этого времени, съ другой позже 430 г.—времени завершенія в. завѣтнаго канона; то какимъ образомъ могло случиться, что до разрушенія Ниневіи—до 600 г., ради одного ея необычайнаго величія, всякій долженъ былъ знать ее, а непосредственно послѣ разрушенія (въ первое же столѣтіе послѣ него), которое въ свою очередь должно было быть тоже необычайнымъ, въ Палестинѣ совершенно забыли и имя Ниневіи?

---

¹⁾ У насъ такое объясненіе разработано было Сеньковскимъ (бараномъ Брамбеусомъ) въ его статьѣ: Ниневія.

²⁾ Lib. 1, cap. 103. 106.

³⁾ 11, 24—28.

⁴⁾ См. объ этомъ подробно Keil Comm. üb. d. zw. kl. Proph. s. 698—700.

Необычайныя явленія долго сохраняются въ памяти народной и даже, чѣмъ болѣе проходитъ времени, тѣмъ большимъ ореоломъ необычайности окружаются эти явленія; такъ что неестественно представить, чтобы замѣчаніе книги Іоны о величинѣ Ниневіи, сдѣланное, будтобы, писателемъ для своихъ современниковъ, указывало въ этихъ современникахъ людей, совершенно позабывшихъ объ имени Ниневіи. Въ такомъ случаѣ, совершенно справедливо говорить Вертольдъ ¹⁾, составитель книги долженъ былъ бы въ концѣ книги сдѣлать прибавленіе, что этотъ городъ послѣ дѣйствительно все таки былъ разрушенъ. Безъ этого прибавленія первоначальные читатели книги, не слыжавшіе о Ниневіи, по прочтеніи книги все еще оставались бы въ убѣжденіи, что Ниневіа существуетъ въ данный моментъ, что она такъ и осталась помилованною по благодати Іеговы, хотя на самомъ дѣлѣ ея уже не было. Отсюда мы необходимо должны допустить, что если въ книгѣ нѣтъ такого прибавленія о разрушеніи Ниневіи, то значить во время написанія книги она и не была разрушена. Говорить же о безцѣльности замѣчанія о величинѣ Ниневіи для современниковъ составителя книги при предположеніи существованія въ ихъ время этого города, не вполне основательно; потому что это значитъ предполагать у всѣхъ—даже у самыхъ простыхъ современниковъ составителя книги обстоятельныя свѣдѣнія о чужеземномъ городѣ; а это по меньшей мѣрѣ странно (многие ли знаетъ нѣмецкій поселянинъ о Москвѣ или Петербургѣ?), и особенно по отношенію къ древнимъ евреямъ. Поэтому составитель всегда могъ и долженъ былъ дѣлать такіа точныя топографическія замѣчанія ²⁾. Иначе пришлось бы осудить или лишить своего вѣва многихъ другихъ писателей не только библейскихъ, а и свѣтскихъ изъ всѣхъ временъ и изъ всѣхъ языковъ, такъ какъ они по большей части дѣлаютъ въ историческихъ сочиненіяхъ такіа топографическія замѣчанія о вещахъ общеизвѣстныхъ въ ихъ время.

Замѣчаніе книги пр. Іоны о величинѣ Ниневіи должно было тѣмъ болѣе выразительно сдѣлано быть для израильскихъ читателей для того, чтобы напередъ оправдать; такъ сказать, въ

¹⁾ См. его Einl. s. 2400.

²⁾ Ср. Hävernik. цит. соч. § 247.

ихъ глазахъ, описанное ниже (3, 9 и 11, 11), отмѣненіе Іеговою Его опредѣленія о гибели Ниневіи. Правда, прибавка слова: *לֵא לֹדִיָּם—у Бога*, или какъ въ Таргумѣ—*предъ Богомъ*, къ словамъ: *'ijr—i'dolāz—городъ великій*, на языкѣ библейскомъ весьма часто употребляется просто для выраженія превосходной степени ¹⁾; но въ данномъ случаѣ нельзя смотрѣть на эту прибавку, какъ на прилагательное, такъ сказать, количественное только; потому что величина города дальше, въ словахъ, *на три дня пути*, точно обозначена ²⁾. Эти опредѣленные границы города не вполнѣ соотвѣтствуютъ такой превосходной степени, какая дается словомъ: *у Бога*, если не придавать этому послѣднему слову дѣйствительнаго—предметнаго, такъ сказать, значенія. Съ религіозно-еократической точки зрѣнія, обычной и въ другихъ библейскихъ книгахъ слова: *Ниневія былъ городъ великій у Бога*, не на безпримѣрность только ея величины по отношенію къ другимъ городамъ указываютъ, а на ея положеніе въ отношеніи къ Богу, и могутъ быть перефразированы такъ: *Ниневія былъ городъ великій даже для Бога, предъ Богомъ, въ очахъ Божиихъ*. Она была велика въ очахъ божіихъ не потому, что была на три дня пути, а вслѣдствіе своего гордаго противленія Богу, вопіющаго на небо о своемъ возмездіи (1, 2), съ другой стороны велика въ отношеніи къ помилованію ея Іеговою (4, 11).—Отсутствіе въ писателѣ книги пр. Іоны намѣренія дать въ указанныхъ словахъ 3-й ст. 3-й главы исключительно историческое замѣчаніе доказывается и прошедшей формой глагола: *גַּיְיָתָא—была*, вмѣсто которой при такомъ значеніи разсматриваемаго замѣчанія естественнѣе было бы стоять настоящему времени. Правда въ этой-то прошедшей формѣ глагола противники исторической подлинности книги Іоны и видятъ главнымъ образомъ указаное на то, что во время написанія книги Ниневіи несуществовало; но это несправедливо. Эта форма есть такъ называемый *präteritum*, т. е. настоящее, относящееся къ прошедшему. Если принимать здѣсь *גַּיְיָתָא* въ формѣ *präteritum*; то это будетъ значить, что пророкъ возвращаетъ исторію въ предѣст-

¹⁾ Ср. Быт. 10, 8. 9. Пс. 79, 11; Дѣян. 7, 20; Исх. 3, 6 и мн. др. Ср. Зап. на кн. Б. Фигарета, ч. 2. стр. 28.

²⁾ Ср. о величинѣ Ниневіи ниже.

вующія времена, говорить о томъ, что было, какъ о дѣйствительно существовавшемъ въ описываемое въ книгѣ прошедшее время, безъ всякаго отношенія этого тогда дѣйствительно существовавшаго къ настоящему времени; такъ что этой прошедшей формой нисколько не исключается существованіе описываемаго въ данный настоящій моментъ написанія книги. Здѣсь прошедшая форма глагола поставлена лишь въ соотвѣтствіе съ такой же формой другихъ глаголовъ, стоящихъ подлѣ этого и по контексту рѣчи относящихся къ тому же событію, каковы: *вѣјакѣм, вѣјлѣх—и всталъ* (Иона) и *пошелъ* (3,3), и даже въ соотвѣтствіе съ такой же формой того же глагола въ гл. 1, 1 и 3, 1. гдѣ стоитъ *вѣјѣј—ибыло*. Такимъ образомъ это прошедшее время разбираемаго глагола можно назвать синхронистическимъ имперфектомъ, употребленіемъ котораго писатель освобождалъ себя отъ всякаго указанія на настоящее. Въ такомъ случаѣ все это отдѣленіе можно перефразировать такъ: *Иона всталъ и пошелъ въ Ниневію и нашелъ ее великимъ городомъ, или оказалось, что это великій городъ у Бога, что онъ достоинъ, чтобы Богъ обратилъ на него вниманіе. Онъ тогда былъ трехъ дней пути*.

Чтобы показать полную несостоятельность разбираемаго нами основанія, не лишне наконецъ указать на 14, 4 книги Товита, гдѣ Товитъ убѣждаетъ сына своего, Товію выдти изъ Ниневіи (8); *ибо Ниневія будетъ разрушена, какъ говорилъ пр. Иона*. Очевидно, Товитъ говорилъ эти слова, когда Ниневія еще существовала; мѣжду тѣмъ онъ уже упоминаетъ о предсказаніи пр. Іоны касательно разоренія Ниневіи, изложенномъ въ нашей именно книгѣ. Слѣдовательно книга пр. Іоны была въ то время, когда жила Товитъ; слѣдовательно она написана прежде разрушенія Ниневіи.

Другое доказательство позднѣйшаго сравнительно съ вѣкомъ Іоны времени происхожденія книги пр. Іоны заимствуется вообще отъ языка этой книги, который, будто бы, сходенъ съ языкомъ позднѣйшихъ книгъ ветхаго завіта; ибо заключаетъ въ себѣ много арамеизмовъ явившихся вслѣдствіе долговременнаго пребыванія евреевъ въ плѣну вавилонскомъ. Еще Гезеніусъ, на основаніи филологическихъ и грамматическихъ отличій однихъ библейскихъ книгъ отъ другихъ, опредѣлялъ признаки, по которымъ можно узнавать, въ дополненному или послѣднѣйшему періоду лите-

ратуры относится известная книга ¹⁾; за нимъ пошли другіе и особенно тѣ богословы филологи, которымъ хотѣлось свести многія раннѣйшія писанія къ послѣднѣйшему времени, чтобы заподозрить ихъ подлинность. Къ этому же доказательству обратились противники подлинности и нашей книги; на цѣности этого доказательства настаивали особенно Ейхгорнъ, Янъ, Крамеръ, Де-Ветте, Ровенмюллеръ, Фридрихсенъ, Нёльдекке и др. ²⁾ По нимъ, слѣды позднѣйшаго арамейскаго діалекта, которые находятся въ нашей книгѣ, суть: 1) отдѣльныя слова, которыя встрѣчаются въ книгахъ не раннѣйшаго сравнительно съ плѣномъ, а именно позднѣйшаго времени. Слова эти: *mālāxīj*—*корабельщики* (1, 5), которое встрѣчается еще только у Іезекіиля 27, 9. 27. 29, но не рѣдко у сирійцевъ и арабовъ; *īś^o fījnah*—*корабль* (1, 5), которое ни гдѣ еще не встрѣчается въ свѣщ. еврейскихъ книгахъ, но тѣмъ чаще у арабовъ; *ijt^o āšet* — *думалъ* (1, 6), которое въ формѣ *ka* встрѣчается только еще одинъ разъ у Іереми (5, 28). 2) Слова, встрѣчающіяся въ раннѣйшихъ сравнительно съ временемъ плѣна писаніяхъ, но въ книгѣ пр. Іоны имѣющія или форму, или значеніе такия, которыя онѣ получили только у позднѣйшихъ писателей. Такъ въ 4, 11 вмѣсто раннѣйшей формы количественнаго числительнаго употреблена позднѣйшая; слова *kārā'*—*проповѣдывалъ* (1, 1; 3, 2), *mānā'*—*предуповлялъ* (2, 1; 4, 6. 7. 8), *tā'am*—*царское повелѣніе, эдиктъ* (3, 7), *ābār*—*отдалялся, уклонялся*, употреблены точно также въ позднѣйшихъ значеніяхъ. 3) Слова: *'ēloijm* *īymāijm*—*Господь небесъ* (1, 9), которыя составляютъ позднѣйшую замѣну раннѣйшихъ словъ: *'ēloijm* *ībāot*—*Господь Саваовъ*. 4) Усиленіе значенія глагола тождественнымъ съ нимъ по значенію существительнымъ, напр. *vāijj^r'u* *ijr^o'a*—*устрашились страхомъ* (1, 10. 16), или: *vāj^r'ā* *rā'āg*—*огорчились юрестію* (4, 1). Какъ позднѣйшую грамматическую особенность книги пр. Іоны отмѣчаютъ наконецъ въ ней 5) употребленіе сокращенной формы мѣстоименія:—*'aš^r* и соединеніе его съ личнымъ, какъ:—*b^oīš^l'mij*—*за кого изъ насъ* (1, 7; ср. 1, 8).

Относительно доказательной силы этихъ данныхъ въ пользу

¹⁾ См. Geschichte der hebr. Sprache und Schrift von Gesenius. 1815, §. 25.

²⁾ Это высказано даже въ нашей русской литературѣ составителемъ евраграм. и лексикона О. Штейнбергомъ.

позднѣйшаго сравнительно съ вѣкомъ Іоны времени происхожденія книги его имени, весьма важно замѣтить, что за нимъ не признаютъ такого значенія даже нѣкоторые и изъ защитниковъ неподинности книги нашего пророка, не говоря уже о богословахъ ортодоксальнаго направленія. И это вполне справедливо. Ибо прежде всего не всѣ указанныя выше особенности книги пр. Іоны приведены справедливо, какъ особенности, встрѣчающіяся только въ книгахъ позднѣйшаго времени. Такъ глаголь: *к̄арā* имѣеть въ книгѣ пр. Іоны значеніе: *проневдывалъ*, не въ смыслѣ предсказанія только будущаго, а и въ смыслѣ публичнаго провозглашенія, обнародованія того, что повелѣлъ Господь (1, 2; 3, 2. 4), и даже въ смыслѣ воззванія, мольбы къ Богу (1, 6, 14), причемъ главная суть значенія въ томъ и другомъ случаѣ заключается въ самомъ понятіи кричанія. По въ такомъ смыслѣ и даже съ такимъ значеніемъ это слово употребляется не у позднѣйшихъ только, а и у раннѣйшихъ писателей (см. Ис. 40, 2. 6; Прит. 1, 21; 8, 1; 1 Ц. 21, 9; Пс. 147, 9; Быт. 4, 26; 39, 14; Исх. 25, 5). Точно также и значеніе глагола: *м̄анā* въ смыслѣ: *притовлялъ, обрекалъ, повелѣлъ быть*, есть и у Ис. 65, 12, и въ кн. Іов. 7, 3, и въ Пс. 61, 8. Далѣе усиленіе глагола тождественнымъ съ нимъ существительнымъ свойственно точно также и позднѣйшимъ и раннѣйшимъ и даже самымъ раннѣйшимъ писателямъ. Такъ въ Бытіи 49, 25 читаемъ: *в̄іѣб̄р̄ак̄к̄а б̄ір̄к̄от* — *благословитъ тебя благословеніемъ*; 16, 10: *з̄ар̄ба̄з̄ 'ār̄ ба̄з̄* — *умножая умножу*; а въ 22, 17 то и другое выраженіе вмѣстѣ; въ книгѣ же Бытіи (27, 33) и еще есть совершенно такой же оборотъ рѣчи: *в̄іѣх̄эрад̄ іѣн̄г̄ак̄ г̄рада̄з̄ і'доліа̄з̄* — *и вострепеталъ Исаакъ трепетомъ великимъ*. Подобныхъ оборотовъ много особенно въ псалмахъ и въ другихъ поэтическихъ книгахъ; съ ними, кажется, можно поставить въ аналогію, во всѣхъ книгахъ св. канона, и болѣе древнихъ и болѣе новыхъ, встрѣчающіяся, повторенія слова для выраженія его превосходной степени, въ родѣ: *т̄снь т̄сней, суета суеть, рабъ рабовъ* и т. п. Всѣ такіа выраженія указываютъ лишь на картинность, образность языка, которая свойственна цвѣтущей эпохѣ литературы, а не времени упадка ея, каковымъ считаютъ послѣднѣйшій періодъ. Несправедливо затѣмъ замѣчаніе относительно употребленія сокращенной формы относительнаго мѣстоимѣнія *и* вмѣсто

полной: *'amšr*,— употребленія ея въ качествѣ префикса личнаго мѣстоименія. Пророкъ Осія несомнѣнно писалъ свои пророчества въ лучшія времена еврейскаго языка въ израильскомъ царствѣ и употреблялъ нерѣдко эту сокращенную форму ¹⁾; она встрѣчается даже въ Пѣсни Пѣсней 1, 6; 8, 12, принадлежащей временамъ Соломона и наконецъ въ еще болѣе древнемъ писаніи, въ пѣсни пророчицы Деворры (Суд. 5, 4). Слѣдовательно эта сокращенная форма не можетъ служить доказательствомъ поздняго времени написанія книги пр. Іоны. Судя по приведеннымъ примѣрамъ, эта форма составляла прежде особенность поэтической и, приближающейся къ ней, разговорной рѣчи и послѣ уже вошла въ книжный языкъ. Въ книгѣ же пр. Іоны эта форма и употреблена въ такихъ именно мѣстахъ, гдѣ приведены собственныя слова дѣйствующихъ лицъ. Въ пользу нашего мнѣнія о разбираемомъ словѣ не лишне замѣтить и вотъ еще что: въ книгѣ пр. Іоны мѣстоименный суффиксъ перваго лица употребляется не исключительно въ сокращенной формѣ: *'amj*, какъ во общепринятой формѣ онъ въ соотвѣтствіе съ разбираемой нами формой въ книгахъ послѣднѣйшаго происхожденія, а и въ полной: *'ānōšij*, какъ въ книгахъ древнѣйшихъ, и въ сокращенной формѣ не чаще (2 раза), чѣмъ въ полной (5 разъ); тогда какъ у Аввакума, Софоніи, Аггея напр. полная форма не встрѣчается во все, а у Даниила 23 раза сокращенная и одинъ только разъ полная. Что касается наконецъ наименованія Бога *Господомъ* *неба*—*'ēloḥīm ʿāli ʾamājīm*, вмѣсто того, чтобы называть Его—*'ēloḥīm ʾēb'āot*—*Господь Саваоѳъ*; то нужно замѣтить, что различіе наименованій Бога въ библейскихъ книгахъ обуславливается не различіемъ времени происхожденія книгъ, а различіемъ понятій, соединяемыхъ съ тѣми наименованіями. Одни имена Божія употребляются, когда говорится объ отношеніи Бога къ народу еврейскому, совсѣмъ другія, когда Богъ представляется, какъ Творецъ и Владыка міра и въ Его отношеніяхъ къ язычникамъ. Въ первыхъ случаяхъ Богъ называется: *j'ḥovāh*, *ʿdōnāj j'ḥovāh*, *j'ḥovāh ʾēb'āot*, или *'ēloḥīm ʾēb'āot*, въ остальныхъ случаяхъ Онъ именуется или просто *'ēloḥīm*, или въ соединеніи съ другими опредѣленіями, какъ

¹⁾ Ср. Keil. Comm. ub. die zw. Proph. S. 112 и д.

я́йша́мајим, *я́а'арѣи* и др. Такое различіе особенно ясно по отноше́нію къ наименованіямъ Бога: *я́зговѣг* и *'элојим*, даже уже въ книгѣ Бытія ¹⁾; тоже самое по отноше́нію къ этимъ имена́мъ и въ нашей книгѣ ²⁾. Этимъ же обстоятельствомъ объясняется употребле́ніе имени *'элојим* *я́йша́мајим* и въ разбираемомъ нами 9-мъ ст. 1-й главы. Въ этомъ стихѣ излагается рѣчь пр. Іоны къ языческимъ корабельщикамъ, которымъ нужно было дать указаніе на Бога, какъ Творца и Промыслителя, какъ на Такого, Который можетъ распоряжаться всѣмъ и всѣми.

Обращаемся къ слѣдующимъ перазобраннѣмъ нами словамъ. Между ними остается нѣсколько словъ такихъ, которыя повсе не встрѣчаются еще въ библейскихъ книгахъ, или встрѣчаются только въ книгахъ несомнѣнно позднѣйшаго происхожденія. Но о тѣхъ словахъ, которыя встрѣчаются въ книгѣ Іоны и нигдѣ больше, нѣтъ нужды говорить; при ниче́мъ нельзя доказывать. Что же касается тѣхъ словъ, которыя находятся еще только въ книгахъ позднѣйшаго происхожденія, то отсутствіе ихъ въ раннѣйшихъ книгахъ можно бы конечно объяснить даже тѣмъ, что въ книгахъ въ раннѣйшее время написанныхъ не приходилось говорить объ обозначаемыхъ этими словами предметахъ и явленіяхъ, хотя, можетъ быть, онѣ и тогда были; ибо корневныя по отноше́нію къ этимъ словамъ глаголы съ такимъ же значеніемъ и произношеніемъ встрѣчаются и въ раннѣйшихъ книгахъ. Такъ слова: *с'фѣјитѣ* — *талуба корабля*, дѣйствительно нѣтъ въ раннѣйшихъ книгахъ; но корневой по отноше́нію къ нему глаголь: *сѣфан* — *крыль, обшивалъ тссомъ, укрывалъ*, въ такомъ значеніи употребляется въ 1 Ц. 6, 9; 7, 7; Втор. 33, 21. Точно также и по отноше́нію къ слову: *мѣлах* — *гребель*; корневой глаголь его *мѣлах* — *гребъ, приводилъ въ движеніе*, встрѣчается въ Ис. 51, 6; Исх. 30, 35 и др. Кромѣ того то и другое слово обозначаютъ собой явленія рѣдкія между евреями и болѣе сродныя финикійскимъ и сирійскимъ народамъ; по этому очень естественно, что они или очень рано

¹⁾ Ср. Чтенія въ Общ. Л. Д. II. 1878, 1, 525.

²⁾ Ср. 1, 1. 3. 4. 9. 14. 15; 2. 1. 2. 3. 7. 8. 10. 11; 3, 1. 3; 4, 2. 3. 4. 6, гдѣ употребляется слово Іегова, съ 1, 3, 3. 5. 8—10; 4, 7. 8, гдѣ употребляется имя Елогимъ.

цѣликомъ вошли въ еврейскій языкъ, или впервые внесены въ еврейскую литературу Ионой, плававшимъ на кораблѣ съ языческими, и очень можетъ быть, финикійскими и сирійскими корабельными товарищами ¹⁾). Эти объясненія особенно идутъ къ слову: *תַּאֲמ*—*благоусмотрѣнiе, воля* царя и вельможъ, *эдиктъ*, выражающій волю и благоусмотрѣнiе, благоразсужденiе царя и вельможъ его. Явленiе это дѣйствительно необычайное въ еврейской жизни: у евреевъ царемъ былъ Иегова, земной же царь лишь намѣстникъ Его, который долженъ дѣлать и повелѣвать то, что угодно въ очахъ Иеговы, и повелѣвать отъ имени Иеговы и чрезъ служителей Его (пророковъ), но не по своей воли и не по своему благоусмотрѣнiю, какъ то дѣлалъ вавилонскій языческiй царь, правящiй народомъ отъ своего имени. Вотъ почему и слово: *תַּאֲמ* въ указанномъ смыслѣ могло быть дѣйствительно впервые внесено въ литературу *вр.* Ионой, бывшимъ въ Вавилон и тамъ о немъ слышавшимъ; корневой же глаголъ этого слова: *תַּאֲמ*—*распознавалъ* и самое слово это въ смыслѣ распознаванiя, отыскаванiя встрѣчается и раньше въ кн. *Иов.* 12, 20; *Пр.* 26. 16; *1 Ц.* 14, 29; *Пс.* 34. 9 и др.

Въ заключенiе разбора указываемаго основанiя нѣсколько словъ о значенiи араменизмовъ въ библейскихъ книгахъ вообще. И вслѣдъ доказательства изъ языка не могутъ быть признаваемы вполне твердыми и надежными; особенно это нужно сказать о еврейскомъ языкѣ. „Языкъ еврейскiй, насколько мы его знаемъ, говоритъ Прейсверкъ ¹⁾, ограничивается текстомъ каноническихъ книгъ ветхаго заветъа. Очевидно, что вся сокровищница живаго языка не могла вмѣститься въ небольшомъ количествѣ книгъ, и что для насъ совершенно потеряно нѣкоторое количество словъ, преимущественно техническихъ выраженiй, и такихъ выраженiй обыденной жизни, которыя рѣдко попадаютъ въ языкъ письменный“. Это съ одной стороны. Съ другой стороны, всякаго, кто изучаетъ языкъ еврейскiй, говоримъ опять словами того же Прейс-

¹⁾ За правдоподобность такого объясненiя говорить повидному то, что финикiйскiй языкъ былъ близко родственнiй къ сирiйскому языку; см. объ этомъ въ прибавленiи къ свяд. этногенези Власова статья Прейсверка историческiй обзоръ еврейскаго языка, стр. 6.

¹⁾ Стр. 11.

верка, въ томъ сго видѣ, какъ онъ намъ представляется въ священныхъ книгахъ, поражаетъ одна особенность: это единство языка во всѣхъ книгахъ ветхаго завета. Известно, что пространство времени болѣе тысячи лѣтъ раздѣляетъ книги, написанныя различными авторами, писавшими въ разныхъ мѣстностяхъ и о различныхъ предметахъ; между тѣмъ видно языкъ оставался единымъ... тѣмъ же для всѣхъ писателей ветхаго завета“; такъ что нѣсколько десятковъ новыхъ словъ, нѣсколько новыхъ оборотовъ, выражений и флексій, близкихъ къ арамейскому языку, — вотъ все, что отличаетъ однѣ книги св. канона отъ другихъ. Предполагать для объясненія этихъ разностей непременно только то, что книги, имѣющія такія особенности, явились въ позднѣйшее время подъ вліяніемъ иноземнаго халдейскаго языка, мы не имѣемъ никакого права въ виду того одного напр. обстоятельства, что въ то время, когда, по указанію Неем. 8, 8, къ еврейскому тексту бібліи, который читался предъ народомъ, для этого послѣдняго необходимо было прибавлять толкованіе (*мѣфѣрѣш*—собственно *переводъ*) по халдейски, Артеи, Захарія и Малахія писали свои книги, всего менѣе имѣющія этихъ отличій, чисто по еврейски. Такія разности могутъ быть признаемы признаками не постепеннаго видоизмѣненія языка, а лишь разныхъ нарѣчій мѣстныхъ, областныхъ. Весьма вѣроятно, что жители сѣверной части Палестины, сосѣдніе съ странами, гдѣ говорили арамейскимъ нарѣчіемъ, имѣли произношеніе, приближающееся къ арамейскому. На это есть указаніе и въ Суд. 12, 6 и у Марк. 14, 70. Отчего же присутствіе араменизмовъ и въ книгѣ пр. Іоны, точно также, какъ и въ книгѣ пр. Осіи, въ которой ихъ не меньше, чѣмъ въ книгѣ Іоны, не объяснять тѣмъ, что оба пророка, принадлежавшіе къ сѣверному десятиколенному израильскому царству, писали на израильскомъ діалектѣ, по самому географическому положенію этой страны, всегда и прежде могшемъ заключать въ себѣ араменизмы? Указывая на основаніи араменизмовъ известныхъ библейскихъ книгъ на ихъ послѣднѣе или ввремяплѣнное происхожденіе, обличители не совсѣмъ ясно и раздѣльно понимаютъ слово араменизмъ, называя арамейскимъ нарѣчіемъ лишь тотъ языкъ, на которомъ говорили халдеи, отличные отъ туземнаго вавилонскаго

племенн ¹⁾ (по Дан. 1, 4). Языкъ этихъ халдеевъ совершенно чуждый семитическому корню должно отличать отъ арамейскаго нарѣчія, въ собственномъ смыслѣ, на которомъ говорили сирійцы, родственные евреямъ по происхожденію. Правда на этомъ послѣднемъ нарѣчій говорили и въ Вавилонѣ во времена вавилонскаго царства, какъ то видно изъ 2, 4 Дан.; но изъ за этого нѣтъ резона смѣшивать два языка. Арамейское въ собственномъ смыслѣ нарѣчіе должно считать остаткомъ того первобытнаго семитическаго языка, изъ котораго образовался и развился между другими и еврейскій языкъ; такъ что этотъ послѣдній по отношенію къ нему языкъ развившійся, даже въ писаніяхъ Моисея. За такое пониманіе арамейскаго языка по отношенію къ еврейскому говорить то, что такіе въ собственномъ смыслѣ арамеизмы встрѣчаются и въ древнѣйшихъ поэтическихъ книгахъ, которыя вообще любятъ украшать себя рѣдкими старинными, вышедшими изъ употребленія, выраженіями ¹⁾. Такими арамеизмами могутъ быть признаны и арамеизмы книги пр. Іоны; такъ какъ они по своимъ корневымъ значеніямъ и произношенію, какъ мы видѣли, принадлежать къ тому же семитическому роду, что и еврейскія слова. Если же мы припомнимъ сказанное выше о мѣстѣ жизни и дѣятельности пр. Іоны въ Галилеѣ и Ниневіи, и о характерѣ его дѣятельности и писанія; то вѣроятность эта усилится, и мы въ правѣ будемъ говорить, что эти арамеизмы нисколько не свидѣтельствуютъ о позднѣйшемъ вояремѣннѣмъ или послѣднѣмъ происхожденіи его книги, какъ не говоритъ напр. противъ подлинности какой либо старопечатной русской книги употребленіе въ ней такого слова, которое слышится еще теперь. Какъ слышится такое слово теперь, такъ слышалось древнее арамейское слово въ Вавилонѣ, во время вавилонскаго плѣна...

Третьимъ по счету, по важности чуть ли нипервымъ, основаніемъ позднѣйшаго сравнительно съ вѣкомъ Іоны времени происхожденіи его книги, а слѣдовательно основаніемъ и ея неподлинности, служить компилятивный, будто бы, характеръ молитвы пр. Іоны, изложенной во 2-й гл. его книги (3—10). Время плѣна вавилон-

¹⁾ Образцы его въ библии мы имѣемъ только въ Іер. 10, 11, Дан. 2, 4—7—28; Езд. 4, 8—6—18; 7, 12—26.

¹⁾ Ср. цит. выше соч. Прейсверка.

скаго, говорятъ противники подлинности книги пр. Іоны, будучи періодомъ упадка политической жизни народа, было вмѣстѣ съ тѣмъ временемъ упадка и его духовной жизни—упадка литературы. Отсутствие самостоятельности и компиляція, простиравшаяся даже на фразы и слова, вотъ отличительный характеръ писаній пророковъ этого времени, составлявшихъ свои рѣчи и псалмы часто посредствомъ простаго подбора фразъ изъ раннѣйшихъ, особенно лирическихъ, произведеній. Такимъ именно атомистическимъ, такъ сказать, характеромъ отличается, говорятъ, и молитва пр. Іоны, которая есть, будто бы, механическій подборъ фразъ, оборотовъ и мыслей изъ твореній раннѣйшихъ писателей и именно изъ псалмовъ. Этимъ-то рабскимъ подражаніемъ составителя молитвы раннѣйшимъ писателямъ объясняется и ея, будто-бы, неестественность и неприноровленность къ душевному состоянію Іоны. Отсюда составленіе ея, а слѣдовательно и всей книги пр. Іоны, часть которой она составляетъ, можетъ быть относительно только къ плѣнному или послѣплѣнному времени, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые изъ псалмовъ, на которые должно смотрѣть, какъ на первоначальные источники молитвы пр. Іоны, принадлежать также этому времени. Такъ аргументируютъ Гитцигъ, Ейхгорнъ, Розенмюллеръ, Фридрихсенъ, Кнобель, Де-Ветте, Крамеръ и даже одинъ изъ защитниковъ историческаго пониманія книги пр. Іоны — Клейпертъ. Но и эта аргументація въ высшей степени несостоятельна въ качествѣ доказательства позднѣйшаго происхождения книги пр. Іоны.

Nervus probandi доказательной силы разсматриваемаго основанія составляетъ заключеніе отъ части къ цѣлому, отъ неподлинности молитвы пр. Іоны къ неподлинности всей его книги точно также, какъ и въ аргументаціи на основаніи значенія 3-го стиха 3-ей главы. И здѣсь точно также, какъ и тамъ, и даже еще больше такое заключеніе логически несостоятельно; ибо взятая въ немъ часть не стоитъ въ органически—неразрывной связи съ цѣлымъ, съ точки зрѣнія самихъ доказчиковъ. По ихъ мнѣнію, молитва пророка въ томъ видѣ и въ томъ мѣстѣ, какъ мы находимъ ее въ книгѣ пр. Іоны, неестественна и неумѣстна; она не вѣжется съ остальнымъ содержаніемъ книги, которое ясно предполагаетъ будто-бы, что Іона будетъ просить Бога 'объ избавленіи отъ опасности (см. ст. 1-й и 2-й второй гл.) а не благодарить

Его за это избавленіе; ибо молитва произнесена была пророкомъ еще прежде избавленія его отъ опасности. Благодарственный же характеръ молитвы въ ея настоящемъ видѣ и произошелъ, будто бы, именно отъ ея компилятивнаго характера, который указываетъ на ея позднее происхожденіе. Но отсюда-то именно и нельзя заключать о неподлинности дѣлой книги; потому что если бы остальное содержаніе книги было одновременно по своему происхожденію съ молитвой; то такого внутренняго противорѣчія между ними не могло бы быть, оно не могло бы остаться не замѣченнымъ. Такое противорѣчіе могло явиться только въ такомъ случаѣ, если лишь молитва пр. Іоны была вставкою въ книгу, позднѣйшею сравнительно съ временемъ происхожденія остальныхъ частей книги, которыя существовали раньше молитва. Если же такъ; то ясно значить, что рассматриваемой аргументаціей позднѣйшаго происхожденія книги Іоны на основаніи разсмотрѣнія молитвы пророка противники историческаго пониманія книги не только не помогаютъ себѣ, а напротивъ—опровергаютъ себя, выставляя данныя, ведущія къ заключенію о раннѣйшемъ времени написанія очень большой части книги. а слѣдовательно объ историческомъ, а не какомъ либо иномъ пониманіи этой части. Таковъ выводъ можно сдѣлать изъ общаго лишь взгляда на разбираемое основаніе; ближайшес же разсмотрѣніе его должно еще болѣе подтвердить этотъ выводъ.

Основная мысль разбираемаго нами доказательства о неподлинности молитвы пр. Іоны покоится на томъ предположеніи, что время плѣна вавилонскаго, или непосредственно слѣдовавшее за нимъ, было временемъ упадка литературы евреевъ. Но это предположеніе несправедливо и преимущественно по отношенію къ лирической поэзіи евреевъ, къ псалмамъ, къ которымъ по характеру своему и принадлежитъ именно молитва пр. Іоны. Для псалмовъ такимъ временемъ были годы предъ плѣномъ—последніе годы существованія царствъ израильскаго и іудейскаго когда религиозно-нравственное развращеніе евреевъ, бывшее причиною ихъ плѣна, ослабляло и помрачало ихъ умственный кругозоръ и убивало ихъ религиозно-поэтическое воодушевленіе 4):

4) См. напр. 3 Цар. 12, 26—33; 13, 33; 2 Пар. 11, 13—15; 24. 7. 18; 26, 26; 33, 4—7; 4 Цар. 21, 3—7 и мн. др.

оттого-то изъ всего этого времени, отъ Соломона до плѣна вавилонскаго, мы едва насчитываемъ 25 псалмовъ, и замѣчательно, всѣ эти псалмы падаютъ именно на время правленія трехъ царей—Иосафата, Езекии и Иоси, какъ плодъ вѣры и благочестія, временно возбужденныхъ ими въ народѣ божіемъ ¹⁾. Столько же псалмовъ, сколько ихъ приходится на весь болѣе, чѣмъ 370 лѣтній, періодъ существованія царства іудейскаго, мы имѣемъ и изъ двухъ лишь вѣковаго періода, обнимающаго собою время плѣна и особенно непосредственно послѣплѣнное ²⁾; и между псалмами, несомнѣнно принадлежащими этому періоду, мы имѣемъ немало такихъ, которыхъ художественное творчество, поэтическая оригинальность и воодушевленіе вполне достойны цвѣтущей эпохи псалмопѣнія при сладкозвучномъ Давидѣ ³⁾. И это вполне понятно. Жизнь истиннаго поэта есть его поэзія; нѣтъ жизни (духовной), нѣтъ и пѣсенъ у поэта. Но жизнь духовная сильнѣе пробуждается въ горѣ; отсюда грустныя пѣсни поэта во время тяжелыхъ испытаній жизни его столько же естественны, какъ наши слезы и жалобы на судьбу, когда несчастіе тяготитъ наше сердце тяжелыми чувствованіями; не даромъ же говорятъ, что пѣсня возникла изъ страданія. Страданія же евреевъ въ плѣну вавилонскомъ, бѣдность и недостатки слѣдующаго времени сильно пробуждали евреевъ отъ ихъ нравственнаго усыпленія, возбуждали въ нихъ глубочайшее чувство и вообще очень высоко подняли уровень ихъ религіозно-нравственнаго состоянія; отсюда то и объясняется то, что писанія евреевъ этого времени отличаются высокими художественными достоинствами. Конечно и тутъ были произведенія компилятивнаго характера какъ между прозаическими рѣчами, такъ и между псалмами; но эту компиляцію нельзя называть механическимъ напизываніемъ фразъ и мыслей раннѣйшихъ твореній, а лишь усиленіемъ, развитіемъ, сознательной репродукціей того, что дано было въ раннѣйшихъ писаніяхъ. Это же обусловливалось вовсе не

¹⁾ Ко времени Иосафата относятся псалмы: 45—47 и 82; ко времени Езекии: 65, 66, 74, 75, 86, 90 и 91, ко времени Иоси и послѣ него до плѣна вавилонскаго: 76—79 и 92—99. См. св. Вишнякова О происхожденіи псалтири, 1875, объ этихъ пс.

²⁾ Къ этому времени относятся псалмы: 84, 101, 104, 106, 110—120, 122, 124—125, 127—129, 133—136 и 145—150. См. Вишнякова о сихъ псал.

³⁾ Таковы псалмы: 101, 104, 145 и особ. 136.

бездарностию творцевъ этихъ псалмовъ и рѣчей, но 1) единствомъ предмета ихъ писаній съ предметами раннѣйшихъ твореній; у тѣхъ и другихъ такимъ предметомъ прежде всего были Мессія и Его царство, потомъ отношеніе евреевъ къ Иеговѣ, какъ Своему Царю и Отцу; и 2) тѣмъ церковно-религиознымъ строемъ еврейской жизни, по которому всѣ входы и выходы истинно благочестиваго еврея были основаны на законѣ. Отсюда-то позднѣйшіе писатели, поучаясь день и ночь въ законѣ Господнемъ, говорившемъ о Мессіи, необходимо должны были знать и усвоить себѣ образы и мысли раннѣйшихъ писателей. Въ такомъ видѣ представляли состояніе еврейской литературы ввремя плѣна и непосредственно за нимъ слѣдовавшее, противники историческаго пониманія книги пр. Іоны не выставили бы его основоположеніемъ своего доказательства послѣдственнаго происхожденія молитвы пророка. Выставивъ же ложную мысль объ этомъ состояніи общему и основною мыслию своего умозаключенія, они по необходимости пошли по тому же пути лжи и въ частности, въ среднсмъ терминѣ, стараясь подвести подъ свое понятіе о характерѣ компиляціи послѣдственныхъ твореній и молитву пр. Іоны, тоже представляющую, будто бы, лишь механическое нанизываніе фразъ и мыслей псаломскихъ.

Конечно сходство между молитвой пр. Іоны и нѣкоторыми псалмами несомнѣнно есть. Чтобы видѣть его, достаточно поставить въ параллель слова молитвы пророка и сходныя съ ними мѣста псалмовъ.

Молитва пр. Іоны 2,
3—10.

3 ст: Изъ тѣсноты
моей воззвалъ я къ
Господу и Онъ отвѣт-
ствовалъ мнѣ; изъ чрева
преисподней я во-
зопилъ и Ты услышалъ
голосъ мой.

Мѣста псалмовъ, сходныя съ этой мо-
литвой:

Пс. 17, 7: Въ тѣснотѣ моеі призвалъ
Господа и къ Богу Мосму воззвалъ. И
Онъ услышалъ отъ (святаго) чертога
своего голосъ мой и вопль мой дошелъ
до слуха Его.

Пс. 119, 1: Ко Господу воззвалъ я
въ скорби моеі и Онъ услышалъ меня.

Пс. 129, 1. 2: Изъ глубины взываю
къ Тебѣ, Господи; Господи, услышь голосъ
Мой. Да будутъ уши твои внимательны
къ голосу моленій моихъ.

4 ст: Ты повергъ мени въ пучину, въ сердце морей, и струящаяся вода окружила меня; всѣ волны Твои и валы Твои ходили надо мною.

5 ст: И я сказалъ: отлученъ я отъ очей Твоихъ; но... еще буду взирать ко храму Святости Твоей.

6 ст: Обложили меня воды по самое дыханіе; бездна закрыла меня; тростникъ колебался надъ головою моею.

7 ст: Я низшелъ къ корнямъ горъ; земля своими запорами заградилла меня на вѣкъ; но Ты, Иегова, Богъ мой, освободилъ жизнь мою изъ могилы.

8 ст: Тогда какъ душа моя унывала во мнѣ, я вспомнилъ Иегову и молитва моя дошла до Тебя, ко храму святости Твоей.

68, 3: Я погрязъ въ глубокомъ болотѣ, и не на чемъ стать; вошелъ во глубину водъ и быстрое теченіе ихъ увлечаетъ меня.

41, вторая половина 8-го ст: всѣ воды Твои и волны Твои прошли надо мною.

30, 23: Въ смятеніи моемъ я думалъ: отверженъ я отъ очей Твоихъ; но Ты услышалъ голосъ молитвы моей, когда я воззвалъ къ Тебѣ. (Сюда же относятся 5, 8).

17, 5, 6: Объяли меня муки смертныя, и потоки беззаконія устрашили меня; цѣпи ада облегли меня, и сѣти смерти опутали меня.

68, 2: Спаси меня, Боже, ибо воды дошли до души (моей).

68, 15, 16: Извлеки меня изъ тины, чтобы не погрязнуть мнѣ; да избавлюсь отъ ненавидящихъ меня и отъ глубокихъ водъ; да не увлечетъ меня стремленіе водъ, да не поглотитъ меня пучина, да не затворитъ надо мною пропасть зѣва своего.

17, 16, 17: И явились источники водъ и открылись основанія вселенной отъ грознаго гласа Твоего, Господи, отъ дупленія духа гнѣва Твоего. Онъ простеръ руку съ высоты и взялъ меня и извлекъ меня изъ водъ многихъ.

142, 4, 5, 6, 7: И унылъ во мнѣ духъ мой, опѣмѣло во мнѣ сердце мое. Вспоминаю дни древніе, размышляю о всѣхъ дѣлахъ Твоихъ. Простираю къ Тебѣ руки мои; душа моя къ Тебѣ, какъ жаждущая земля. Скоро услышь меня, Господи; духъ мой изнемогаетъ; не скрывай лица Твоего

отъ меня, чтобы я не уподобился нисходящимъ въ могилу.

145, 2-я половина 4 и 5 ст: Не стало для меня убѣжища, никто не заботится о душѣ моей. Я воззвалъ къ Тебѣ, Господи, и сказалъ: Ты прибѣжище мое...

17, 4: Призову достопоклоняемаго Господа и отъ враговъ моихъ спасусь. Ср. 5, 8.

7, 7: Ненавижу почитателей суетныхъ идиоловъ, но на Господа уповаю.

9 ст: Держащіеся суетностей лжи, оставили Его, милость Свою.

10 ст: А я съ пѣснями славословія принесу Тебѣ жертву; что обѣщаль, исполню. Спасеніе у Иеговы!

115, 5. 9: Обѣты мои воздать Господу предъ всѣмъ народомъ.

115, 8. Тебѣ принесу жертву хвалы и имя Господне призову.

49, 23: Кто приноситъ въ жертву хвалу, тотъ чтитъ Меня; и кто наблюдаетъ за путемъ своимъ, тому явлю Я спасеніе Божіе.

Итакъ сходство между молитвой пр. Іоны и нѣкоторыми псалмами несомнѣнно есть; такъ что нельзя совсѣмъ отрицать заимствованія изъ этихъ псалмовъ со стороны составителя молитвы. Но это заимствованіе нельзя назвать лишь механическимъ наборомъ фразъ и мыслей, несоответствующихъ той дѣйствительности, которая окружала пророка въ моментъ его молитвы. Противъ справедливости такого жестокаго обвиненія говоритъ самый характеръ образовъ и мыслей молитвы, заимствованныхъ изъ псалмовъ. Эти образы водныхъ опасностей и смерти, эти мысли о Богѣ, о святомъ храмѣ Его, о Его великой милости—тѣ самые образы и мысли, которые естественно должны были наполнять душу пророка въ пучинѣ морской.

Правда страшно было положеніе Іоны даже если смотрѣть на него со стороны только, то положеніе, находивъ въ которомъ пророкъ изрекъ свою молитву; но изъ этого не слѣдуетъ еще,

что онъ непременно долженъ былъ вопить къ Богу о помилованіи, какъ какой-либо оставленный Богомъ. То положеніе, въ которомъ находился пророкъ теперь во чревѣ рыбы, не было первою и самою страшною опасностію; въ такой опасности онъ былъ прежде, нежели попалъ во чрево рыбы. Брошенный въ море, пророкъ постепенно все болѣе и болѣе погружался въ сердце его—въ пучину морскую; такъ что волны и валы морскіе проходили надъ нимъ, пока наконецъ воды не достигли до души его. Конечно первыя минуты такого положенія могли еще подавать надежду спасенія; но чѣмъ глубже погружался пророкъ въ волны морскія, тѣмъ слабѣе должна была быть въ немъ эта надежда, тѣмъ неотвязчивѣе должна была являться мысль объ опасности окончателнаго потопленія, о томъ, что онъ не увидитъ ужъ болѣе земли: страхъ и трепеть за свою жизнь должны были естественно обуять пророка. Проходилъ еще моментъ; вокругъ головы Іоны стали обвиваться морскія водоросли, воды доходили до самой души его и опасность задушенія и потопленія была неизбежна; никакія человѣческія усилія, казалось, не могли отворотить ея. Положеніе подлинно было безвыходно и пророку было отъ чего смутиться, изнемочь душею своею до смерти. И дѣйствительно странно и неестественно было бы, какъ говорятъ противники, еслибы въ этотъ моментъ отчаянія, вмѣсто того, чтобы взывать къ Богу объ избавленіи отъ этаго ада преисподняго, пророкъ началъ благодарить и славить Бога за дарованное ему спасеніе. Но не къ этому моменту жизни пророка относится молитва его, изложенная во второй главѣ его книги; она произнесена имъ уже во чревѣ рыбы, уже послѣ того, какъ онъ избавленъ былъ Богомъ отъ ада преисподняго. Въ сказанный же моментъ смертной опасности, душа пророка, подобострастная пансѣй, точно также изнемогала и онъ обращался къ Богу съ молитвой. *Когда душа моя унывала во мнѣ, я вспомнилъ Іегову, и молитва моя дошла до Тебя—ко храму Святому Твоему, говорить самъ онъ (8 ст.), вспоминая объ этомъ времени. Слѣдовательно и онъ молился тогда, вопилъ къ Богу о помилованіи, какъ хотѣть того наши противники, и слѣдствіемъ этой-то молитвы явилось спасеніе его жизни во чревѣ рыбы, находясь въ которомъ онъ изрекъ свою молитву.*

Странна, необычайна и потому самому страшна была и жизнь

Ионы во чревъ рыбы: онъ не знаетъ, гдѣ онъ и что съ нимъ будетъ; но еслибы онъ и теперь обратился къ Богу съ такою же молитвою о помощи, какъ прежде, а не съ благодарственною пѣснiю Ему, то въ этомъ высказались бы трусость и маловѣріе пророка—черты характера, недостойныя истиннаго раба Иеговы. Между образами и мыслями молитвы есть образы храма Святаго Иеговы, и мысли о желаніи видѣть этотъ храмъ; въ молитвѣ высказывается сокрушеніе о томъ, что не придется видѣть этого храма, говорится, что Богъ избавилъ его отъ опасности. Во всѣхъ этихъ образахъ и мысляхъ видна горячая вѣра въ Бога и беззавѣтная преданность Ему; въ нихъ видныя челоуѣкъ истинно вѣрующій, какимъ и свойственно было быть пророку Божію. Для челоуѣка же такой вѣрующей души вполне достаточно было настоящаго положенія: онъ можетъ хвалить Бога, и за то благодареніе Ему. Необычайность жизни не должна смущать его; спасеніе его отъ волнъ моря должно служить для него залогомъ, ручательствомъ за то, что, если будетъ нужно, Богъ и отсюда, гдѣ онъ теперь находится, спасетъ его. Отсюда изъ груди такого челоуѣка въ настоящемъ положеніи могли изливаться не ропотъ, или отчаянная и маловѣрующая мольба къ Богу, а именно хвала Его, благодареніе Ему за дарованное спасеніе. Душевные миръ и спокойствіе, почерпаемые такимъ челоуѣкомъ въ преданности Богу и въ вѣрѣ въ Него, должны отражаться и на самомъ характерѣ его хвалебной пѣсни Богу; ей должны быть чужды сильныя порывы и скачки; въ ней не должно быть пустыхъ вздоховъ и восклицаній. Уста такого вѣрующаго раба Иеговы плавно, кратко, ясно и связно изложить свои мысли и чувства; они не только выскажутъ благодареніе Богу, а и укажутъ, за что, укажутъ тѣ опасности, отъ которыхъ спасъ Богъ, и безбоязненно изобразятъ свое предыдущее состояніе. Такихъ свойствъ естественно ожидать отъ молитвы пр. Ионы, если образы, заимствованные изъ псалмовъ, не механическая компиляція, ничего не выражающая, а дѣйствительная копія съ душевнаго состоянія пророка. И всѣ эти свойства даже въ высшей степени мы дѣйствительно и находимъ въ молитвѣ пророка.

Иона, какъ вѣрующій въ Бога и преданный рабъ Его, считаетъ свое настоящее положеніе во чревъ рыбы не опасностію смертною, способною повергать челоуѣка въ отчаяніе, а

избавленіемъ отъ такой опасности, избавленіемъ, за которое слѣдуетъ благодарить Бога; потому онъ хотя и говоритъ объ опасностяхъ водныхъ, даже называетъ ихъ адомъ преисподнимъ (такъ онъ страшился ихъ), но говоритъ обо всемъ этомъ, какъ о прошедшемъ. Оканчивая свою молитву, изображая свое настоящее чувство, онъ говоритъ: *Тебѣ (Геговъ) принесу жертвы, и что общилъ, исполню; потому что спасеніе у Іеговы* (10), ясно выражая этимъ свое благодарное чувство къ Богу за спасеніе. Итакъ основной характеръ молитвы благодарственный, какимъ и долженъ быть. Но кромѣ этого прямого указанія на свои благодарныя чувства въ молитвѣ нѣтъ никакихъ вздоховъ и восклицаній, которыя всегда служатъ свидѣтельствомъ фальшиваго чувства. Истинно и искренно благодарный Богу, пророкъ главнымъ предметомъ своей молитвы дѣлаетъ не изображеніе этого чувства своего, а того спасенія, которымъ вызвано оно. Поэтому указаніемъ на это спасеніе и начинается самая молитва пророка. Онъ говоритъ: *из тѣсноты моей воззвахъ къ Господу въ скорби и Онъ услышалъ меня; изъ чрева преисподней я возопилъ и Ты услышалъ голосъ мой* (3 ст.). Правда здѣсь нѣтъ даже и упоминанія о томъ, что онъ живетъ по милости Бога необыкновенною чудесною жизнію, во чревѣ рыбы; но можно ли за это отвергать подлинность молитвы? Напротивъ это и служитъ яснымъ доказательствомъ ея несомнѣнной подлинности, того, что она записана въ книгѣ въ такомъ именно видѣ, въ какомъ излилась она изъ груди пророка, когда онъ былъ во чревѣ рыбы. Выброшенный изъ чрева рыбы онъ зналъ, гдѣ такъ дивно сохранялся въ продолженіе трехъ дней и могъ сказать объ этомъ; во чревѣ же рыбы послѣ морскихъ тревожныхъ волненій, онъ первое время не могъ имѣть не только яснаго, а и никакого представленія о мѣстѣ своего пребыванія. Онъ чувствовалъ, что онъ живъ, спасенъ отъ смерти — и только; поэтому-то онъ лишь въ общихъ чертахъ и указываетъ на это спасеніе въ первыхъ словахъ молитвы. Другое дѣло водныя опасности, отъ которыхъ онъ спасенъ былъ теперь: онъ зналъ ихъ, чувствовалъ ихъ, пережилъ и могъ поэтому подробно, точно, вѣрно представить себѣ. Самое настоящее положеніе свое, то, за которое пророкъ благодаритъ Бога, онъ не иначе могъ представлять себѣ, какъ только чрезъ противоположеніе его воднымъ опасностямъ — чрезъ представленіе себѣ этихъ послѣднихъ; и чѣмъ

вождедѣннѣе для него было это спасеніе, тѣмъ сильнѣе и рѣзче онъ долженъ былъ представлять себѣ тѣ опасности. И подлинно, во всѣхъ слѣдующихъ словахъ молитвы содержится подробное, точное и вѣрное изображеніе въ самыхъ рѣзкихъ и сильныхъ чертахъ тѣхъ опасностей, которымъ подвергался пророкъ прежде, нежели попалъ во чрево рыбы. Служа частнымъ развитіемъ мысли о спасеніи перваго и послѣдняго стиховъ молитвы, составляя, такъ сказать, отрицательное опредѣленіе ея, образы дальнѣйшихъ стиховъ молитвы стоятъ потому въ самой тѣсной и неразрывной связи съ этими стихами, мысль которыхъ о спасеніи есть такимъ образомъ по отношенію къ нимъ не больше, какъ общая, главная мысль. Но въ такой же органически-тѣсной связи находятся слѣдующіе стихи и между собою и именно потому, что они составляютъ собою до точности вѣрное изображеніе опасностей, которымъ подвергался пророкъ. Такъ четвертый стихъ изображаетъ первый моментъ этой опасности; въ немъ говорится о томъ, какъ Іона попалъ въ глубину моря, и какъ волны и валы морскіе проходили надъ нимъ. Въ непосредственной связи съ этимъ стихомъ стоятъ слова 5-го ст: *и я сказалъ: отринуть я отъ очей Твоихъ, увижу ли я храмъ Твой святой*, изображающія тѣ чувствованія, которыя овладѣли Іоною при наступленіи постигшей его опасности. Въ такой же связи этотъ стихъ стоитъ и съ дальнѣйшими стихами, 6-мъ и 7-мъ, въ которыхъ изображается усиленіе водной опасности, грозившей теперь уже самой жизни пророка. Въ нихъ говорится, что воды обложили Іону уже по самое дыханіе, что бездна совсѣмъ закрыла его; такъ что тростникъ, растущій надъ нѣ морскомъ (водоросль) обвивался вокругъ его головы, и что наконецъ пророкъ спустился къ самымъ корнямъ горъ — къ самому морскому дну, гдѣ коренятся основанія горъ (ср. Ис. 17, 16), такъ что земля своими запорами заграждала его на вѣкъ ¹⁾. Отъ

---

¹⁾ Сооставляя это мѣсто съ подобнымъ же мѣстомъ книги Іова (38, 8. 10—11), гдѣ Богъ говоритъ о морѣ: *кто заключилъ во вратахъ море, когда оно, исторщисъ изъ чрева, выступило?... Я (т. е. Богъ) провелъ вокругъ него черту Мою и поставилъ запоры и врата. И сказалъ: досель доходи и не дальше и здѣсь должна сокрущиться гордость волкъ твоихъ*, и гдѣ: *подъ запорами моря разужются стѣнки морскаго ложа, которыя служатъ границею моря, и чрезъ которыя оно, по Божію установленію, переступить не въ силахъ, подъ запорами земли здѣсь должно разумѣть такія границы, которыя*

этих стиховъ самый естественный переходъ къ восьмому стиху, въ которомъ говорится: *изнемогла во мнѣ душа моя, я вспомнилъ о Господѣ, и молитва моя дошла до Тебя, до храма святаго Твоего*, гдѣ Іегова царствуетъ, какъ Богъ и Царь пророка. Въ этихъ словахъ заключается изображеніе того напряженнаго душевнаго состоянія, въ которомъ находился Іона во время послѣднихъ предѣловъ опасности, изображеніе сначала отчаянія его, а потомъ услышанной Богомъ молитвы его, за которой слѣдовало самое спасеніе, воспѣваемое пророкомъ. При воспоминаніи объ этомъ послѣднемъ настоящемъ моментѣ своей жизни, пророку естественно было высказать теперь всѣ чувства и мысли, которыя вызывались въ немъ этимъ спасеніемъ Божиимъ. Изліяніе этихъ чувствъ хвалы и благодаренія Богу и составляетъ содержаніе послѣднихъ стиховъ молитвы, которые потому самому стоятъ въ самой естественной связи съ предыдущими, а равно и первымъ стихомъ, который относится именно къ этому же настоящему моменту.

Такимъ образомъ анализъ содержанія молитвы пр. Іоны приводитъ насъ къ тому заключенію, что образы и мысли, заключающіяся въ ней, не простой наборъ фразъ, а стройное и органически-связное цѣлое, въ которомъ одна мысль вытекаетъ изъ другой, и всѣ онѣ пронизаны однимъ общимъ тономъ, одной общей идеей. Этотъ общій тонъ, или характеръ молитвы благодарственный вполне соответствуетъ душевному состоянію пророка, вѣрно воспроизводя въ своихъ образахъ тѣ положенія, которыя пришлось испытать пророку въ пучинѣ морской, и между этими образами молитвы съ одной стороны, и тѣмъ внутреннимъ и внѣшнимъ положеніемъ пророка съ другой нѣтъ никакого внутренняго противорѣчія. Поэтому не только въ механическомъ подборѣ образовъ, а и въ поддѣльности и неподлинности ихъ, а слѣдовательно и всей молитвы нельзя упрекнуть составителя этой молитвы. Все въ ней просто, естественно и ясно указываетъ на того, кто самъ испыталъ всѣ

препятствуютъ распространенію твердой земли на счетъ моря. Границами этими служатъ ярость и сила волнъ, которыя препятствуютъ проникновенно твердой земли въ море. Эта-то ярость волнъ и водяныхъ массъ, текущихъ надъ погруженнымъ на самое дно Іоною и заградила, и заперла на всегда для пророка выходъ на сушу, подобно тому, какъ вдвинутые запоры въ дверяхъ дома заграждаютъ для всѣхъ входъ въ этотъ домъ.

эти опасности, перечувствовалъ ихъ, и запечатлѣлъ ихъ, а равно и свои чувства во время ихъ, въ своей памяти живо, — ясно указываетъ на пр. Иону во чревѣ рыбы. Только изъ его груди подѣ непосредственнымъ впечатлѣніемъ всего пережитаго, когда онъ былъ еще во чревѣ рыбы, могла вылиться такая пѣснь, до точности соотвѣтствующая пережитой дѣйствительности какъ въ отдѣльныхъ образахъ, такъ и въ общемъ ходѣ мысли и въ основномъ ея тонѣ, задушевная, неподдѣльная, по истинѣ поэтическая.

Что молитва пр. Ионы должна быть признана истинно поэтическимъ произведеніемъ, за это говорить и ея внѣшній литературный строй. Какъ изліяніе души пророка, какъ отображеніе состояній его при извѣстныхъ внѣшнихъ положеніяхъ, она представляетъ собою неотвлеченныя разсужденія о томъ и другомъ, а описаніе; того и другаго; онъ картинно изображаетъ душевныя состоянія пророка и его внѣшнее положеніе, показывая читателю проявленія того и другаго въ отдѣльныхъ чертахъ. Картиность и образность — вотъ отличительныя черты молитвы пророка, приравнивающія ее къ истинно поэтическимъ произведеніямъ древнихъ. Слѣдя шагъ за шагомъ за внѣшними положеніями пророка и соотвѣтствующими имъ его душевными движеніями, она при всей своей связности, плавности и послѣдовательности, отличается удивительною краткостію и рѣзкостію своихъ образовъ. Однимъ шрихтомъ — однимъ словомъ или образомъ въ ней очерчиваются самыя даже неудобопредставляемыя внѣшнія положенія и самыя глубокія и сильныя душевныя чувства. *Воды достигли до души моей*, говорить пророкъ, изображая, какъ вода заливаясь во всѣ отверстія его тѣла, заваливала его дыханіе и грозила ему смертію, какъ бы выгоняя душу изъ тѣла. *И душа моя изнемогла*, продолжаетъ онъ, заставляя читателя живо представить себѣ, какъ душа его, теряясь въ своихъ мысляхъ и чувствахъ, какъ будто трепетно билась въ немъ, и въ этихъ волненіяхъ изнемогла, какъ птица изгоняемая изъ своего гнѣзда. *Я вспомнилъ о Боѣ*, непосредственно за сѣмъ говорить пр. Иона, оная даже указаніе времени, хотя и нужное для точности, но ясное изъ предыдущаго, и не опредѣляя даже того, какъ вспомнилъ, давая видѣть это въ слѣдующемъ: *и молитва моя дошла до Тебя. Съ тѣнями словословія принесу Тебѣ жертву: что обѣщавъ, исполню. Спасеніи у Госови!* Этими краекими

словами заключаетъ пророкъ свою пѣснь, выражая въ нихъ свое благодарное чувство, указывая для этого лишь на проявленіе его, дающее вмѣстѣ видѣть истинность его. *Спасеніе у Іеговы*, такимъ односложнымъ предложеніемъ, не связаннымъ съ предыдущимъ даже простымъ союзомъ, обозначаетъ Іона причину этого чувства. Нужно быть очень пристрастнымъ къ своему мнѣнію, чтобы не видѣть во всемъ этомъ сходства съ многими другими истинно поэтическими библейскими и небиблейскими писаніями. Но пойдемъ дальше.

Сущность еврейской поэзіи въ ея внѣшнемъ строѣ заключается прежде всего конечно въ ритмѣ, по которому слова по тону произношенія соединяются въ каждомъ стихѣ, какъ въ одномъ музыкальномъ цѣломъ. Правда вслѣдствіе отсутствія въ еврейскомъ стихѣ строгаго опредѣленія числомъ стопъ и слоговъ, трудно замѣтить въ немъ эту гармонію звуговъ и словъ; но за то для всѣхъ примѣтна другая особенность еврейскаго стихосложенія, называемая еврейскимъ стихотворнымъ параллелизмомъ. Этотъ параллелизмъ состоитъ въ томъ, что мысль поэта достигаетъ своего полного выраженія не въ одномъ предложеніи или связномъ періодѣ, а въ нѣсколькихъ, по большей части, двухъ отдѣльныхъ предложеніяхъ, которыя, какъ равномерные члены одного стиха, отличаются другъ отъ друга лишь повышеніемъ и пониженіемъ рѣчи въ выраженіи одной мысли. Если соотношеніе содержанія членовъ въ одномъ стихѣ основывается на послѣдовательномъ развитіи или логическомъ единеніи мыслей, то такой параллелизмъ называется синтетическимъ; если же — на противоположеніи или сходствѣ мысли, то или антитетическимъ, или синонимическимъ. Нѣсколько такихъ стиховъ, развивающихъ одну и ту же мысль по однимъ тѣмъ же законамъ или синонима, или антитеза, или синтеза, образуютъ собою строфу, отдѣльную отъ другой строфы, какъ повторяющей въ тѣхъ же формахъ новыя мысли. Такимъ образомъ еврейское стихотвореніе можетъ имѣть нѣсколько строфъ, каждая строфа — нѣсколько стиховъ, а стихъ — нѣсколько, но большей части 2 члена. ¹⁾ Такъ во всѣхъ учительныхъ книгахъ ветхаго завѣта: въ книгѣ Іова, въ псалмахъ, въ книгѣ притчей

¹⁾ См. ритмъ и метръ евр. поэзіи въ Тр. К. О. Аѣ 1872.

Соломона и даже въ книгѣ Екклесіастъ ¹⁾. Такъ и въ молитвѣ пр. Іоны.

Всѣхъ стиховъ, относящихся къ молитвѣ, восемь съ 3-го по 10-й стихи второй главы. Содержаніе перваго стиха молитвы (третьяго главы) относится не къ моменту, изображенному во второмъ и слѣдующемъ стихахъ, а къ тому моменту пребыванія Іоны во чревѣ рыбы, о которомъ говорится и въ послѣднемъ (10) стихѣ. Отсюда, относясь къ одному моменту времени, оба эти стиха, взятые вмѣстѣ, ясно указываютъ и то, о чемъ говорится въ молитвѣ—подлежащее или главный предметъ ея, и то, что говорится объ этомъ предметѣ, т. е. сказуемое этой молитвы, или ея главную мысль. Предметъ этотъ—внѣшнее положеніе пророка въ тѣснотѣ, во чревѣ преисподней, но уже спасенное, главная мысль—внутренне душевное состояніе пророка въ соотвѣтствіе этому положенію, молитва его къ Богу, кончающаяся славословіемъ. Въ первомъ стихѣ преимущественно описывается внѣшнее положеніе пророка, именно то, какъ вслѣдствіе молитвы пророка, вызванной пребываніемъ его въ тѣснотѣ, спасеніе пришло—слѣдовательно описывается предметъ молитвы, на который въ послѣднемъ стихѣ лишь кратко указывается; въ этомъ же послѣднемъ главнымъ образомъ изображается самое душевное состояніе пророка въ его отношеніи къ Богу, именно то, что пророкъ обѣщаетъ принести Богу жертвы и славословія—слѣдовательно главная мысль, которая въ 1-мъ стихѣ лишь кратко обозначается словомъ: *молюся*. Такимъ образомъ 1-й стихъ молитвы можетъ быть названъ темой или предложеніемъ молитвы, введеніемъ въ молитву, прологомъ ея, послѣдній—выводомъ, заключеніемъ, эпилогомъ, ея, а оба они должны составить изъ себя особую строфу; потому что въ нихъ развивается одна и та же двухчастная мысль, одно предложеніе, состоящее изъ подлежащаго и сказуемаго, потому строфа эта двухстишная. Одинъ стихъ развиваетъ подлежащее; другой сказуемое. Но въ каждомъ ихъ этихъ двухъ стиховъ два члена, одинъ изъ которыхъ служитъ къ дополненію и развитію другаго главнаго, причемъ дополняющимъ, вторымъ членомъ служитъ главная мысль втораго стиха (его 1-й членъ), а вторымъ членомъ втораго стиха—первый членъ 1-го.

¹⁾ См. книга Екклесіастъ. Опытъ критико-гегельтического изслѣдованія. М. Оленицкаго 1873 стр. 112--128.

Такимъ образомъ выходитъ, что въ этой двухстишной строфѣ каждое изъ двухъ понятій, составляющихъ собою цѣлое сужденіе, повторяется дважды, во такъ, что въ одномъ стихѣ это понятіе развивается подробно, въ другомъ же лишь кратко обозначается, и этимъ первый стихъ связывается со вторымъ точно также, какъ второй членъ втораго стиха, кратко обозначающій первый членъ перваго стиха и потому связывающій этимъ 2-й ст. съ первымъ. Служа для связи стиховъ, это повтореніе понятій служить и къ выясненію ихъ именно тѣмъ, что въ одномъ каждое изъ этихъ понятій лишь именуется, въ другомъ—показывается, въ чемъ оно состоитъ. Взаимное же отношеніе обоихъ понятій этой строфы, какъ отношеніе взаимнаго развитія—дополненія, какъ отношеніе подлежащаго и сказуемаго, есть очевидно отношеніе синтетическое; слѣдовательно параллелизмъ стиховъ этой строфы—синтетическій.

Этотъ разборъ перваго и послѣдняго стиховъ молитвы, образующихъ собою одну строфу, развитую въ синтетическомъ двухстишіи, даетъ ключъ къ разумѣнію стихотворнаго построенія и остальныхъ стиховъ молитвы. По закону единства они должны образовать собою три двухстишныя строфы. Всѣ три строфы молитвы должны служить логическимъ развитіемъ понятій разобранными нами строфы, по тому же закону единства, въ полномъ соотвѣтствіи съ синтезомъ разобранными строфы, какъ каждая въ отдѣльности, такъ и всѣ вмѣстѣ. Такъ и на самомъ дѣлѣ. Четвертый стихъ (1-й членъ 2-й строфы) представляетъ собою изображеніе бѣдственнаго состоянія пророка, пятый (второй членъ 2-й строфы)—молитвенное состояніе души его; шестой ст. (1-й членъ 3-й строфы), опять говорить о страданіи Іоны, а седьмой, какъ 2-й членъ этой строфы, заключаетъ въ себѣ молитвенный вопль пророка; наконецъ восьмой стихъ (1-й членъ 4-й строфы) говорить объ изнеможеніи души пророка, слѣдовательно о томъ же внѣшнемъ положеніи, а девятый и 1-я половина десятаго заключаютъ въ себѣ изложеніе его чувства. Словомъ первый членъ заключаетъ въ себѣ объективное описаніе положенія пр. Іоны, слѣдовательно говорить о предметѣ молитвы—подлежащемъ, второй представляетъ собою субъективное изліаніе его мыслей и чувствъ къ Богу по поводу тѣхъ положеній—слѣдовательно заключаетъ въ себѣ главную мысль молитвы,

ея сказуемое. Но то и другое понятіе, и подлежащее и сказуемое, но всѣхъ трехъ среднихъ строфахъ не повторяются только другими словами, а видоизмѣняются, развиваются, разлагаются на свои составныя части, причемъ каждая строфа развиваетъ по одной части того и другаго понятія въ порядкѣ ихъ происхожденія, въ самомъ, такъ сказать, процессѣ ихъ; такъ что въ томъ цѣломъ своемъ видѣ, какъ они даны въ прологѣ и эпилогѣ, эти понятія являются, какъ результатъ тѣхъ частей своихъ, выводъ изъ нихъ. И такимъ образомъ хотя въ остальныхъ строфахъ развиваются тѣ же самыя понятія, что и въ первой строфѣ, но въ новыхъ чертахъ и шрихтахъ—слѣдовательно являются чѣмъ-то новымъ по отношенію къ нимъ.

Объяснимся. Главнымъ предметомъ молитвы, подлежащимъ его, служить, сказали мы, положеніе пророка, изображенное въ первой строфѣ, какъ пребываніе Іоны въ тѣснотѣ и скорби (3 ст.), но не безнадежное, а какъ бы уже спасенное (10 ст.); во второй же, третьей и четвертой строфахъ говорится о томъ, что привело пророка къ этому положенію, что предшествовало ему. Такъ въ 4-мъ ст. говорится о томъ, какъ пророкъ попалъ въ пучину водъ, и какъ онъ постепенно погружался въ сердце морей; такъ что волны и валы морскіе были уже надъ нимъ; въ 6-мъ—излагается дальнѣйшая исторія этого состоянія, какъ тростникъ, растущій только на днѣ морскомъ, колебался надъ головою пророка: Іона нисшелъ уже къ самымъ основаніямъ горъ и воды достигали до души его; а въ 8-мъ изображается то, какъ пророкъ изможденной душой своей обратился къ Богу и Сей спасъ его. Очевидно въ этихъ стихахъ подлежащее понятіе первой строфы, разлагается на свои составныя части—развивается, и развивается совершенно логически правильно; ибо во второй строфѣ, начинающейся третьимъ стихомъ, говорится исключительно о внѣшнемъ положеніи пророка; въ третьей—о внѣшнемъ и отчасти о внутреннемъ душевномъ, а въ четвертой—исключительно о душевномъ состояніи, составляющемъ другую сторону положенія, кратко обозначенную въ 10 ст. словомъ спасеніе, которое уже больше приближаетъ цѣлое понятіе подлежащаго къ понятію сказуемаго, чѣмъ слова 3-го стиха. Точно такая же логичность замѣчается и въ развитіи понятія сказуемаго, понятія молитвы, какъ благодарственнаго изліянія души. Въ срединныхъ

строфахъ угазываются тѣ моменты, изъ которыхъ, такъ сказать, сложилось это состояніе. Такъ пятый стихъ (2-й членъ 2-й строфы) изображаетъ лишь начало молитвеннаго состоянія пророка—что-то между отчаяніемъ и гадеждою, седьмой—самую молитву, когда въ душѣ ужъ нѣтъ сомнѣній и страха, а одна лишь вѣра и надежда, девятый и 1-я половина 10-го—плодъ молитвы, тѣ благодарныя мысли чувства, которыя вызвала она, любовь. Пятый стихъ изображаетъ, какъ пророкъ сначала думалъ, что онъ удаленъ отъ очей Божіихъ—отчаявался, но потомъ въ немъ блеснула лучъ надежды и онъ, какъ бы не довѣряя своему отчаянію, говоритъ: „да не ужели съ самою дѣлою я не увижу Святаго храма Іеговы,“ давая этимъ какъ будто знать своей душѣ, что сомнѣнія ея несправедливы, что онъ вѣруетъ и надѣется на Іегову, и эта надежда служить преддверіемъ и основаніемъ самой молитвы пророка ¹⁾. Эта молитва въ самомъ процессѣ своемъ изложена въ седьмомъ стихѣ. Несмотря на всю безнадежность своего состоянія, пророкъ говоритъ здѣсь: *хотя я нисшелъ до основанія горъ, хотя на вѣкъ земля заградилла меня своими запорами, чтобы я не видѣлъ Св. храма Іеговы; но Ты, Іегова Богъ Мой снова дашь мнѣ жизнь—выведешь меня изъ преисподней* (тоже слово, что и во 2-й половинѣ вступленія) ²⁾. Послѣ этого душа молитвенника, преисполненная надежды на спасеніе, радуется объ этомъ спасеніи, и въ этой радости невольно прорывается благодарное чувство, вытекающее изъ сознанія того, что спасеніе не отъ суеты и ничтожества суетвѣрія, а отъ Бога, и выражающееся въ обѣщаніи принести источнику

¹⁾ Эта двойственность состоянія молитвеннаго чувства пророка объясняетъ собою разности между разными переводами библіи въ переводѣ этого стиха; между тѣмъ какъ въ однихъ (греч. слав. и русск. Пал.) обращено вниманіе на начало этого состоянія, близкаго къ сомнѣнію, въ другихъ (въ пер. Макарія и Синод.)—на его окончаніе. Но тотъ и другой переводы, особенно въ такихъ рѣзкихъ формахъ—крайность, которая устраняется по нашему мнѣнію такимъ переводомъ: *да неужели я не увижу...* заключающимъ въ себѣ оба момента.

²⁾ Соответствіе греч. перевода 7-го ст. именно, какъ молитвы, съ логическимъ порядкомъ мыслей пророка и съ требованіемъ синтетическаго параллелизма, а равно и естественность его кажется достаточно говорить противъ справедливости перевода арх. Макарія, по которому здѣсь не молитва о будущемъ, а благодареніе за прошедшее.

спасенія благодарственную жертву. И вотъ Иона говоритъ: *что-щѣ ничтожество суетврія сами себя лишаютъ помилованія, ¹⁾ а и масомъ благодаренія принесу Тебѣ жертву.* Безъ этой второй половины мысль пророка была бы неясна: лишь отрицательная часть ея высказана была бы; поэтому—то и слова 1-й половины 10-го стиха, какъ положительное дополненіе мысли девятаго, должны относиться къ нему, и слѣдовательно къ главной части, а не къ заключенію. Заключеніе должно, такъ сказать, обобщить собою понятіе молитвы; это и содержится въ словахъ: *что общааь,—испоано,* которыя равно обнимаютъ собою какъ слова 9-го стиха, такъ и 5-го. Такимъ образомъ содержаніе главной части молитвы пророка представляетъ собою синтетическое развитіе понятій подлежащаго и сказуемаго. И при этомъ нельзя не замѣтить, что въ стихахъ ближайшихъ къ вступленію, или къ понятію подлежащаго, гораздо рѣзче и подробнѣе развивается это понятіе, чѣмъ понятіе сказуемаго; подробное въ этихъ стихахъ описаніе положенія пророка въ 8-мъ стихѣ лишь кратко переносится уже на внутреннюю—душевную сторону, приближающую это понятіе къ понятію сказуемаго, составляющему главную мысль заключенія. Оттого это понятіе развивается преимущественно въ послѣднихъ стихахъ главной части: 7-мъ, 9-мъ и 1-й половинѣ 10-го, а въ 5-мъ ст. лишь кратко обозначается. При всемъ томъ оба понятія развиваются въ главной части въ самой тѣсной связи; это выражается не въ томъ только, что они чередуются здѣсь, а и въ томъ, что чѣмъ кончается одинъ стихъ, тѣмъ начинается другой. Отъ этого между прочимъ въ тѣхъ стихахъ, въ которыхъ развивается понятіе сказуемаго—содержится изліяніе души пророка, употребляются эпические формы, связывающія эти стихи

---

¹⁾ Антитетическимъ характеромъ молитвы пророка волиѣ устраняется мнѣніе тѣхъ, которые думаютъ, что въ этихъ словахъ говорится объ обращеніи корабельщиковъ. Крайность мнѣніе бл. Феодорита, что здѣсь корабельщики обвиняются за то, что бросили пр. Иону въ море, позабывъ милосердіе. Они сдѣлали это по необходимости и Иона самъ видѣлъ это. Быть можетъ, пророкъ сопоставляя себя съ язычниками—корабельщиками, здѣсь намекаетъ на то, что они на кораблѣ воздали славу Иогу не такъ, какъ бы слѣдовало, они еще не обратились тогда къ Иеговѣ, Богу, и Ему свои жертвы не приносили еще.

съ остальными, въ которыхъ описывается положеніе пророка. Такъ 5-й стихъ начинается словами: *я сказалъ*, привязывающій этотъ молитвенный стихъ въ 4-му описательному; молитва 7-го ст. начинается, какъ будто, продолжающимся изображеніемъ положенія пророка 6-й ст., точно также, какъ и 8-й ст., такъ сказать, самими словами своими подготавливаетъ 9-й.

Сущность еврейской поэзіи, сказали мы, заключается не въ одномъ строфическомъ дѣленіи цѣлаго, а и главнымъ образомъ въ параллелизмѣ стиховъ, какъ мы видѣли этотъ параллелизмъ въ 3-мъ и 10-мъ стихахъ. Этотъ же параллелизмъ находится и въ остальныхъ стихахъ, съ тѣмъ различіемъ, что въ стихахъ 4-мъ, 6-мъ и 8-мъ этотъ параллелизмъ синтетическій, а въ стихахъ 5-мъ, 7-мъ, 9-мъ и первой половинѣ 10-го—антитетическій. И это вполне согласно съ законами еврейской поэзіи. Стихи 4-й, 6-й и 8-й по своему содержанію соответствуютъ третьему стиху; въ нихъ точно также описаніе—эпосъ. А въ эпическихъ еврейскихъ стихотвореніяхъ преобладаетъ именно синтетическій параллелизмъ, какъ это можно видѣть въ историческихъ частяхъ книги Іова, и въ самыхъ рѣчахъ Іеговы (38 и 41 гл.), гдѣ описывается природа, а равно и въ псалмахъ историческаго, или описательнаго характера (см. пс. Асафа 71, 75, 76, 77 и 46, 47, 67 и мн. др.). Антитетическій же параллелизмъ преимущественно встрѣчается въ лирическихъ и дидактическихъ стихотвореніяхъ (см. особ. притчи), гдѣ не описываются предметы или внѣшнія состоянія, а излагаются мысли и чувства. И это понятно. Конкретныя представленія эпическихъ разсказовъ и описаній уясняются черезъ дополненіе ихъ новыми чертами и подробностями; мысли же и чувства относятся къ отвлеченной области понятій, требующихъ для себя обоснованія. Въ прозѣ это обоснованіе достигается указаніемъ причины, слѣдствія и т. п.; въ поэзіи же, особенно картинной еврейской поэзіи, чуждой всякой отвлеченности, для этого должны служить сравненія и противоположенія. Отсюда (а не случайно) произошло и то, что въ указанныхъ нами 5-мъ, 7-мъ, 9-мъ и 1-й половинѣ 10-го стихахъ параллелизмъ не синтетическій, но антитетическій. Между тѣмъ какъ въ 4-мъ, 6-мъ, 8-мъ стихахъ второй членъ стиха лишь поясняетъ и дополняетъ первый чрезъ пополненіе его новыми чертами и подробностями—чрезъ указаніе особенныхъ признаковъ и свойствъ, дѣлающихъ представле-

нія 1-го болѣе наглядными; въ стихахъ 5-мъ, 7-мъ, 9-мъ и первой половинѣ 10-го это уясненіе дѣлается чрезъ противоположеніе. Такъ первая половина 5-го стиха читается: *я сказалъ было: отлученъ я отъ отъ очей Твоихъ*; вторая, начинаясь съ *но*, раскрываетъ противоположное чувство; *неужели я неувиджу храма Святаго Твоего*, говорить здѣсь пророкъ. Первая половина 7-го ст. читается: *до основанія юръ я нисшелъ. земля на вѣкъ заградила меня своими запорами*: вторая—*но Ты, Госова Богъ мой выведешь жизнь мою изъ невисходней*. Девятый стихъ читается: *чтуніе суетныхъ* (боговъ) *сами себя миаютъ помяванія*; соотвѣтствующаго этому члена нѣтъ здѣсь; поэтому между прочимъ къ этому же стиху должно отнести и 1-ю половину 10-го стиха; тогда эта половина будетъ составлять самый законный 2-й членъ 9-го стиха, тѣмъ болѣе, что 2-я половина 10-го ст. сама раздѣляется на двѣ, каждая изъ которыхъ заключаетъ въ себѣ одну обобщенную уже мысль. Что именно такъ нужно раздѣлять стихи, что первую половину 10-го ст. должно относить къ 9-му, за это говоритъ и самый составъ стиховъ. Стихи 3-й, 4-й, 5-й, 6-й, 7-й и 8-й состоятъ каждый изъ 11 словъ, или точнѣе, 1-й членъ 3-го стиха—изъ 6-ти, второй—изъ 5-ти, слѣвательно оба равняются 11; 1-й членъ 4-го стиха—изъ 6-ти, 2-й членъ—изъ 5-ти, опять=11; 1-й членъ 5-го стиха—изъ 5-ти, 2-й—изъ 6-ти, опять=11; 1-й чл. 6-го ст.—изъ 6-ти, 2-й—изъ 3-хъ=9; 1-й чл. 7-го ст.—изъ 7-ми, 2-й—изъ 5-ти=12; 1-й чл. 8-го ст.—изъ 6-ти и 2-й изъ—6-ти=12; девятый же стихъ весь состоитъ лишь изъ 5 словъ первая половина 10-го заключаетъ въ себѣ 5 словъ и 2-я столько же. Чѣмъ объясняется это однообразіе? Свойствами евр. стиховъ, каждый изъ которыхъ, состоя по большей части изъ 2-хъ членовъ, имѣетъ отъ 9 до 12 словъ, по 4 и 5 или 6 словъ въ каждомъ членѣ. Такъ въ книгѣ Іова (напр. 38 гл.); такъ особенно замѣтно это въ 10—25 гл. книги Притчей, которые имѣютъ антитетическій параллелизмъ; такъ поэтому должно быть и въ книгѣ пр. Іоны. Ясно, что 9-й ст. неудовлетворяетъ этому требованію еврейскаго стихосложенія, какъ не удовлетворяетъ онъ и требованію параллелизма мыслей; ясно значить, что его нужно дополнить первой половиной 10-го стиха, и тогда онъ будетъ вполне соотвѣтствовать предыдущимъ стихамъ. Правда 2-я половина 10-го ст. будѣтъ состоятъ тогда только изъ 5-ти, а не изъ 10-ти или 11-ти словъ;

но дѣло въ томъ, что судя по содержанію его, какъ общенію всего—соединенію въ себѣ подлежащаго и сказуемаго—онъ и не можетъ быть антитетическимъ. Синтетическій же параллелизмъ мыслей останется и при пяти словахъ: *что обѣщала, исполню*; это будетъ первый членъ; *спасеніе Іеговы*—второй...

Мы кончили свой разборъ молитвы пр. Іоны въ матеріальномъ, логическомъ и литературномъ отношеніяхъ. Собственное чувство каждаго подскажетъ, что тотъ выводъ, какой выше сдѣланъ нами объ этой молитвѣ, именно, что неодолимая задумчивая и высокохудожественная пѣсня эта не сочинена и тѣмъ больше не скомпонована или сфабрикована изъ раннѣйшихъ твореній каинъ - либо жалкимъ кампиляторомъ, чуждымъ духа и жизни этой пѣсни, а написана безъ подготовокъ и мукъ сочинительства, изречена по-этомъ, пережившимъ тѣ состоянія и положенія и испытавшимъ тѣ мысли и чувства, что она поистинѣ вдохновенная пѣсня самаго Іоны, вполне справедливъ.

Нисколько не свидѣтельствуетъ противъ этого вывода и сходство образовъ молитвы съ образами нѣкоторыхъ изъ псалмовъ. Эти образы могли быть воспроизводимы писателемъ въ силу самой пригодности ихъ для выраженія положеній и душевныхъ состояній пророка Іоны, испытанныхъ имъ; нѣкоторые изъ этихъ образовъ даже болѣе подходятъ къ положеніямъ и состояніямъ Іоны, чѣмъ къ состояніямъ пѣвцовъ тѣхъ псалмовъ. У тѣхъ пѣвцовъ такіе образы, какъ болото, тина, грязь, воды и волны морскія, не собственное значеніе имѣли, а метафорическое, служа лишь для болѣе нагляднаго обозначенія вообще опасности, или частіе, душевныхъ мукъ; въ устахъ пр. Іоны они имѣютъ буквально историческій смыслъ. Достаточно предположить въ пр. Іонѣ лишь общее знакомство съ тѣми псалмами, чтобы понять такое заимствованіе; но онъ, какъ пророкъ Іеговы, долженъ былъ поучаться въ законѣ Господнемъ день и ночь, долженъ былъ почивать на законѣ; отсюда псаломскіе образы должны были такъ живо предноситься предъ нимъ, что онъ, выражая свои мысли и состоянія, дѣйствительно и не могъ иначе говорить, какъ только этими псаломскими образами, самъ и не думая о заимствованіи, не замѣчая, не сознавая его. Возможность такого отхоженія къ источникамъ доказывается собственнымъ опытомъ каждаго; мы сами часто говоримъ языкомъ излюбленныхъ

нами и выражающихъ подобныя нашимъ мысли и чувства авторовъ. Эта возможность доказывается опытомъ многихъ поэтовъ, приванныхъ нами за истинныхъ и принадлежащихъ къ цвѣтущей эпохѣ литературы. Однимъ изъ самыхъ близкихъ къ намъ примѣровъ этого, вполне подтверждающимъ психологически-поэтическую подлинность молитвы пр. Іоны, можетъ служить, обезсмертившая Державина и переведенная неоднократно на всѣ новые языки, его ода „Богъ“. Кто не восхищался высоко-религіозной поэзіей ея? Самое происхожденіе ея исторія обставляетъ подробностями, свидѣтельствующими объ ея болѣе, чѣмъ просто поэтическомъ, о вдохновенномъ достоинствѣ ¹⁾; между тѣмъ въ этой одѣ встрѣчается столько сходнаго съ предшествовавшими ей поэтическими произведеніями того же содержанія и особенно съ твореніями Гомера, Мендельсона, Клопштока, что, кажется, каждому стиху державинской оды можно подобрать соотвѣтственный ему въ тѣхъ произведеніяхъ. Не разъ это сходство точно также подавало поводъ къ заключенію о неподлинности оды, засвидѣтельствованной исторически, но напрасно; потому что это сходство было лишь бессознательнымъ отголоскомъ произведеній, читанныхъ Державиннымъ, ²⁾. Такихъ примѣровъ не мало представляетъ исторія и еврейской литературы: особенно много такого пользованія псаломскими образами у Іереміи ³⁾; оно есть и у пророка Исаи ⁴⁾; у самого первообраза лирическихъ поэтовъ Давида есть подражанія не только другимъ, а и себѣ самому ⁵⁾. Неужели всѣхъ этихъ писателей можно назвать жал-

¹⁾ См. Христом. Филонова ч. 2, стр. 284.

²⁾ См. подроб. объ отношеніи оды Державина къ другимъ раннѣйшимъ произведеніямъ въ Хр. Читаніи 1879 г. ноябрь, декабрь стр. 649—673 подъ заглавіемъ: ода Богъ въ переводѣ на ново-греческій языкъ Мпигіоса.

³⁾ Ср. напр. Іер. 17, 18 съ Пс. 30, 18; Іер. 18, 5—8 съ Пс. 1, 1; Іер. 20, 10 съ Пс. 14; 20, 18 съ ст. 11. того же пс.; Іер. 23, 12; 18, 20, съ Пс. 34, 5. 12; Іер. 15, 15—18 съ Пс. 68, 6—10; Іер. 18, 21—23 съ Пс. 108, 9—14; Іер. 10, 12 съ Пс. 231, 1; 7, 2—4 стих. 3—4; Плачь Іер. 2, 15—16 съ Пс. 21, 8. 9; Пл. Іер. 8, 4—5 съ Пс. 21, 15; Пл. Іер. 4, 4 съ Пс. 21, 16.

⁴⁾ Ср. Пс. 21, 2—3 съ Ис. 49, 14; ст. 7 того же пс. съ Ис. 41, 14 и 53, 3; ст. 24 съ Ис. 49, 18; ст. 28 и 30 съ Ис. 49, 6—8 и 23; ст. 31 съ Ис. 53, 10; Пс. 34 1 съ Ис. 19, 4 и 25; ст. 5 съ Ис. 29, 5; особ. много сходн. у Исаи съ Псал. 50.

⁵⁾ Ср. Пс. 103 съ Быт. 1, 1—20 и съ Пс. 104; ст. 20—21 130-го пс. съ ст. 4 104-го; ст. 22 съ 24 и 31; ст. 5 съ 28. Ср. также Пс. 69, 3—5 съ Пс. 34,

кими компиляторами, порожденіемъ времени упадка литературы и вообще духовнаго просвѣщенія? А по аргументаціи противниковъ должно быть такъ. Если же въ этихъ послѣднихъ нельзя видѣть бездарныхъ компиляторовъ, то также мало можно говорить это о писателѣ молитвы книги пр. Іоны, а слѣдовательно такъ же мало можно утверждать и о послѣплѣнномъ происхожденіи ея, а вмѣстѣ съ нею и всей книги ¹⁾).

Такъ въ разбираемомъ нами доказательствѣ основаніе и слѣдствие его взаимно противорѣчатъ себѣ и оно совершенно запутывалось бы въ своей субъективности, еслибы не находило фактической опоры для себя въ томъ утвержденіи, будто нѣкоторые изъ заимствованныхъ составителемъ молитвы пр. Іоны псалмовъ дѣйствительно принадлежатъ послѣплѣнному періоду. Таковы, будтобы, псалмы 41, 115 и 119. Правда въ виду съ одной стороны отсутствія факческаго доказательства принадлежности 115 и 119 псалмовъ давидовскому времени, съ другой въ силу соотвѣтствія ихъ содержанія и языка именно послѣплѣнному времени и согласно съ ихъ, обычными въ послѣплѣнныхъ псалмахъ, надписаніями (аллилуія и пѣснь степеней), мы должны признать послѣплѣнное происхожденіе этихъ псалмовъ ²⁾; но изъ этого никакъ еще не слѣдуетъ непременно, что созвучные съ

4. 21. 25 и 26 и Пс 108, 29; ст. 6-й 16-го Пс. съ Пс. 68, 30; 108, 22 и 26; Пс. 70 съ Пс. 21, 30, 34, 68, 108 и мн. др.

¹⁾ При рѣчи о заимствованіяхъ молитвы пр. Іоны изъ раннѣйшихъ писаній, о возможности и естественности этихъ заимствованій, невольно просятся подъ перо слова нашего глубокомысленнаго экзегета А. Бухарева (быв. арх. Теодора), что такое заимствование совершенно достойно богодухновенныхъ мужей. Ибо 1) если св. Духу угодно было не изглаждать въ нихъ впечатлѣнія воспитанія и разныхъ внѣшнихъ обстоятельствъ, а освящая употреблять оныя для своихъ цѣлей, то тѣмъ свойственнѣе впечатлѣніямъ отъ чтенія свящ. книгъ сохраняться и оживляться въ богодухновенныхъ мужахъ. Кромѣ того 2) чрезъ такое заимствование св. писатели самымъ дѣломъ или собственнымъ примѣромъ внушаютъ ту истину, что свящ. книгами должно пользоваться какъ божественнымъ руководствомъ къ истинѣ и добру. Точно такъ и поступали, по внушенію св. Духа, сами св. писатели, когда прямо или не прямо, ссылались другъ на друга⁴. См. о подлинности и цѣлости свящ. книгъ пророковъ Ісаія, Іереміи, Іезекиа и Даніила. А. Бухарева. 1864. стр. 14 въ примѣчаніи.

²⁾ См. подроби. у Вишнякова стр. 467—491.

ними стихи молитвы пр. Ионы заимствованы именно изъ нихъ; эти стихи нисколько неменьше имѣютъ сходства, созвучны и съ другими псалмами: 17 и 49-мъ ¹⁾). За принадлежность же перваго изъ этихъ послѣднихъ псалмовъ Давиду говоритъ самое надписаніе его, которое указываетъ не только имя Давида, но и поводъ къ написанію псалма; о такомъ происхожденіи 17 пс. говоритъ и соотвѣтствіе содержанія его тѣмъ историческимъ обстоятельствамъ, на которыя указываетъ надписаніе, и въ принадлежности этого псалма Давиду никто почти не сомнѣвался ²⁾). А 49-й псаломъ есть псаломъ Асафа, сына Берехіа, изъ племени Гирсанова, одного изъ трехъ начальниковъ хора при Давидѣ (Пар. 6, 30—48) ³⁾). Касательно третьяго изъ относимыхъ къ послѣднѣйшему времени псалмовъ, 41-го конечно естественнѣе предположить заимствованіе молитвы пр. Ионы изъ него, чѣмъ изъ параллельнаго съ нимъ 68-го псалма; но дѣло въ томъ, что и 41-й псаломъ несомнѣнно принадлежитъ временамъ Давида. Такое время написанія его вполнѣ подтверждается 1) самымъ надписаніемъ его: „сынамъ Кореевымъ“, которые занимали видное мѣсто въ хорѣ Давида (Пар. 25 гл.), 2) особенно мягкимъ, элегически-нѣжнымъ тономъ обычнымъ всѣмъ псалмамъ сыновъ Кореевъ (43, 48 и 83) и наконецъ 3) примѣнимостію содержанія его къ историческимъ обстоятельствамъ времени Давида. вмѣстѣ съ этими утвержденіями, а онѣ несомнѣны, падаетъ самое коренное основаніе, самая сила третьяго доказательства послѣднѣйшаго или ввремяпѣйнаго происхожденія книги пр. Ионы.

Итакъ ближайшее разсмотрѣніе молитвы пр. Ионы приводитъ насъ къ тому несомнѣнному заключенію, что какъ внѣшній характеръ ея, такъ и содержаніе не только не говорятъ въ пользу позднѣйшаго происхожденія молитвы, а прямо указываютъ, что она могла вылиться изъ груди только самого пр. Ионы; его уста шептали эту молитву и его персты писали ее.

Не больше, чѣмъ предыдущія, состоятельно наконецъ и послѣднее основаніе мнѣнія о позднѣйшемъ сравнительно съ вѣкомъ пр. Ионы времени происхожденія его книги, заимствуемое

¹⁾ См. выше въ приведен. параллели перваго и послѣдняго стиховъ молитвы.

²⁾ Подробн. см. Вишнякова стр. 131—135.

³⁾ См. тамъ же стр. 318—320. Ср. Пс. съ 1 Ц. 15, 22 и 1 Пар. 25, 2,

изъ внутренняго содержанія книги, изъ ея основной идеи. „Главная нить разсказа книги пр. Іоны, говоритъ Фридрихсенъ ¹⁾, вращается около посольства пр. Іоны въ Ниневію и обращенія ниневитянъ; понятно, что такая идея могла возникнуть и найти себѣ сочувствіе только въ такое время, когда евреи уже не однократно вступали въ общеніе съ язычниками, эти же послѣдніе знали хорошо еврейскую религію, умѣли цѣнить ее и даже обращались къ ней. А это прямо указываетъ на плѣнные и послѣплѣнные времена. Слѣдовательно тогда только и написана книга пр. Іоны“. По этой аргументаціи ни посольства пр. Іоны въ языческую Ниневію, ни обращенія ниневитянъ вслѣдствіе проповѣди пророка, а слѣдовательно и самого сказанія о томъ и другомъ не могло быть прежде плѣна вавилонскаго; потому что до этого времени ни евреи не могли быть знакомы съ язычниками, ни язычники не могли научиться цѣнить еврейскую религію. Но такъ ли это?

Мы уже видѣли, при разборѣ легендарнаго пониманія содержанія книги пр. Іоны, что евреи еще за долго до плѣна вавилонскаго, еще въ началѣ своей политической жизни, знали и золотого тельца, и Ваала, и Астарту, и Дагона, и Таммуза, и другихъ иноземныхъ боговъ ²⁾, на путь которыхъ они нерѣдко даже сами уклонялись ³⁾, знали слѣдовательно и самые народы, поклонявшіеся этимъ богамъ; потому что войны евреевъ съ палестинскими и близпалестинскими язычниками и побѣды надъ ними, кончавшіяся нерѣдко плѣненіями язычниковъ евреями, начались еще со временъ Иисуса Навина ⁴⁾ и продолжались и во времена судей ⁵⁾ и во времена первыхъ царей еврейскихъ ⁶⁾. Около же временъ жизни пр. Іоны во Израили жили прр. Ілія и Елисей, нерѣдко обращавшіе свое пророческое слово къ язычникамъ ⁷⁾. Точно также наоборотъ и язычники за долго еще до плѣна вавилонскаго должны были знать и знали какъ евреевъ, сосѣдей своихъ,

¹⁾ См. цит. выше соч. его, стр. 79 и дал.

²⁾ См. выше гл. II, стр. 104 и 105.

³⁾ См. напр. Суд. 2, 13; 6, 10; 10, 13; 1Ц. ср. 7, 3. и др.

⁴⁾ Ис. Нав. 6, 1—26; 8, 1—29; 9—11; 12, 1—24 и др.

⁵⁾ Суд. 1, 1—36, 3, 14—30, 4, 1—24, 7, 16—25, 11—33 и др.

⁶⁾ 1 Цар. 13, 1—5, 15, 7—9. 17. 1—35; 2 Ц. 8 1—15 и др.

⁷⁾ См. 3 Цар. 17, 8—24, 4 Цар. 4. 8—44, и др.

такъ и Бога ихъ, Іегову, могучаго Бога горъ, народу Своему покоряющаго ихъ ¹⁾). Конечно это знакомство евреевъ съ окружающими ихъ язычниками до плѣна вавилонскаго было не такое полное, какъ вовремя плѣна и послѣ него, когда евреи увидали язычниковъ точно также, какъ и язычники евреевъ, не на войнѣ только, не на показъ, въ отдѣльныхъ ли то личностяхъ, или если и въ массѣ, то въ исключительныхъ положеніяхъ, а, такъ сказать, въ своей домашней обстановкѣ, во всей своей наготѣ. Но выводъ, какой долженъ быть сдѣланъ изъ этого ограниченія по отношенію къ вопросу о плодахъ такого взаимнаго знакомства евреевъ и язычниковъ, совершенно обратный тому, какой дѣлаетъ Фридрихсенъ. И это понятно.

Мишура, будетъ ли это человѣкъ, предметъ, явленіе или мысль, кажется хорошею только издали, при не близкомъ только знакомствѣ съ этой мишурой; какъ же скоро мы подходимъ къ ней ближе, она теряетъ свой блескъ и является предъ нами въ своемъ настоящемъ видѣ. Отсюда если когда, то только до плѣна вавилонскаго религія языческая могла иногда обольщать евреевъ своею видимостію и они, увлекаемые именно этою видимостію, ходили въ то время нерѣдко во слѣдъ тѣхъ чуждыхъ боговъ; но и тогда это хожденіе было, какъ мы говорили выше, видимымъ только, больше практическимъ, чѣмъ теоретическимъ. Именно до плѣна евреи могли еще снисходительно относиться къ язычникамъ, думая, что они достойны милостей Іеговы и могутъ быть читателями Его; во время же плѣна они увидали язычество во всемъ его нравственномъ безобразіи и теоретической нелѣпости, увидали ясно, что язычники-враги Іеговы, упорные и горделивые; ибо эти послѣдніе и во время плѣна, когда среди нихъ жили евреи, оставались такими же язычниками, какъ и прежде, и даже еще больше. Если прежде ихъ могло сдерживать въ суевѣріяхъ, волшебствахъ, развратѣ, роскоши и т. под. порокахъ то, что они если не были въ подчиненіи у евреевъ, то и этихъ послѣднихъ не держали въ зависимости, стоя по отношенію къ нимъ на сторонѣ; то теперь этого не было. Прежде они могли еще научиться уважать Іегову, какъ Бога, по крайней мѣрѣ, равнаго ихъ богамъ; потому, что не разъ видали, они, какъ Онъ спасалъ народъ

¹⁾ Ис. Кав. 2, 9—13, 1 Цар. 4, 7—8 и мн. др

Свой отъ нихъ, покоряя ихъ народу Своему, и они могли обращаться къ Іеговѣ. Теперь же они увидали, что этотъ Богъ предалъ народъ Свой въ руки ихъ; слѣдовательно Онъ не такъ силенъ и не такъ могучъ, какъ ихъ боги, такъ могли думать съ своей точки зрѣнія чувственной и эгоистической, и въ упоеніи своимъ счастіемъ естественно должны были предаваться шумнымъ оргіямъ безсмысленнаго и развратнаго служенія своимъ богамъ. Это съ одной стороны. Съ другой стороны, такому положенію вещей, т. е. какъ тому, чтобы язычники во время плѣна и послѣ него стали меньше, чѣмъ прежде, чувствительны къ святымъ и духовнымъ идеямъ религіи Іеговы, такъ и тому, чтобы и для евреевъ теперь именно язычество потеряло свое обаятельное вліяніе и явилось мерзостію, возбуждая въ нихъ отвращеніе къ себѣ, способствовало самое политическое положеніе тѣхъ и другихъ. Побѣдителямъ свойственно зазнаваться и, погрязая въ роскоши и чувственности дѣлаться еще болѣе жестокими и самолюбивыми; побѣжденнымъ же въ сознаніи унижительно-тяжелой горечи своего положенія естественно скорбѣть и тужить о потерянномъ и ненавидѣть своихъ притѣснителей. Почему же должно было быть иначе у евреевъ и язычниковъ во время плѣна вавилонскаго, когда язычники были побѣдителями, а еврей—побѣжденными? Если мы вѣримъ, что въ своей идеи и сущности религія Іеговы діаметрально противоположна язычеству, если остается вѣрнымъ положеніе, что еврей во внутренней основѣ своей религіозной жизни, руководимой пророками, всегда оставались монотеистами—читателями Іеговы; то мы не имѣемъ нравственнаго права думать, что въ минуты испытаній еврей ожесточались, какъ Фараонъ, (Исх. 7—11), а язычники на верху своего земнаго счастья, конечнаго идеала ихъ чувственной религіи, не отдавались этой чувственности и этому эгоизму вполнѣ ¹⁾).

---

¹⁾ Правда побѣжденные ишутъ законы побѣдителямъ, какъ свидѣтельству-етъ исторія; но та же исторія говоритъ, что эти законы входятъ въ жизнь побѣдителей незалѣтно, и даютъ плодъ, какъ зерно, брошенное въ землю. Прежде, чѣмъ дать ростокъ, зерно должно истрѣтъ въ землѣ; такъ точно и законы побѣжденныхъ прежде чѣмъ взойти въ жизнь побѣдителей, они должны быть поправы, отвергнуты, уничтожены послѣдними. Тоже должно было быть и у язычниковъ время плѣна вавилонскаго.

Справедливость и естественность представленныхъ соображеній вполне подтверждаютъ и библейскія книги несомнѣнно плѣннаго и послѣднѣннаго происхожденія—именно пророческія писанія. Правда въ нихъ много говорится о судѣ Божиѣмъ надъ евреями— о бѣдствіяхъ и карахъ, которыя или постигли, или скоро постигнуть этотъ народъ, имѣющій подпасть подъ власть язычниковъ¹⁾; пророки, указывая евреямъ на эти грядущія бѣдствія, даже убѣждали евреевъ не противиться плѣншимъ ихъ (см. напр. посл. Іереміи). Но конечною цѣлію всѣхъ этихъ предсказаній и угрозъ служилъ все-таки призывъ народа къ покаянію и обращенію къ Іеговѣ (Іер. 3, 3—25; Іезек. 9—11 и др) главною мыслию всѣхъ пророческихъ писаній этого времени, зерномъ, къ которому сводилось все остальное содержаніе ихъ, была все-таки мысль о побѣдѣ израиля надъ язычниками и погибелѣ послѣднихъ. Когда народъ еврейскій сознаетъ Свой грѣхъ, обратится отъ своего злого пути и обратится къ Іеговѣ, Богу Своему, всѣмъ сердцемъ своимъ; тогда прекратятся дніе оны, Богъ возвратитъ народъ Свой въ его отечество, и прославитъ Іерусалимъ (Іер. 3, 11—17; 4, 1—4). Страданія Сіона суть страданія рожденія будущаго Царя, Который освободитъ народъ Свой отъ власти язычниковъ и, какъ добрый пастырь, соберетъ разсѣянное стадо Израиля (Іезек. 34, 17—31). Израиль снова будетъ народомъ Іеговы (Іез. 36, 1—31), возлюбленнымъ Его. Іегова соберетъ и оживитъ тогда Израиля, какъ мертвыя кости, соединяющіяся съ тѣломъ своимъ и снова оживающія (Іезек. 37, 1—14); Онъ заключитъ тогда миръ съ Израилемъ и оснуетъ новое царство истинной еоократіи (Іез. 40, 48) съ храмомъ болѣе славнымъ, чѣмъ первый храмъ (Агг. 2, 10—20; Соф. 3 гл.). Это еоократическое царство будетъ плодомъ побѣды Израиля надъ врагами его, плѣншими его, которые погибнуть (Агг. 2, 21—25; Соф. 2, 19—20). Слѣбныя орудія гнѣва Іеговы на народъ Свой, эти враги Его—жестокіе, свирѣбые и нечестивые язычники получаютъ вполне воздаяніе, которое воздавали они іудеямъ, и гнѣвъ Іеговы, направленный теперь на іудеевъ для ихъ исправленія, перейдетъ на враговъ Іеговы и уже не для исправленія ихъ, а для ихъ истребленія съ лица земли (Авв. 2 и 3 гл.). Вторгающіеся въ землю израилеву, они сами

¹⁾ См. напр. Іер. 2, 3, 4; 12, 17, Іезек. 4—11; Мих. 1—3 и мн. др.

отданы будутъ въ порабощеніе плѣннымъ ими евреямъ; надъ ними будетъ тяготѣть вѣчное проклятiе и они будутъ уничтожены (Иез. 25, 1—15; 36, 1—10; 38, 1—28). Египеть (Иер. 46; Иез. 32 и 38 гл.), земля Моавитская (Иер. 48), народъ Аммонитскій (45, 1—6), Эдомъ (49, 7—13), Дамаскъ и другіе города будутъ разрушены (49, 23—39); Вавилонъ и Ассуръ будутъ наказаны, поражены и опустошены (Иер. 50 и 51 гл.); Ниневія будетъ разрушена въ конецъ и совсѣмъ (см. кн. пр. Наума и Софоніи). Таковы были мысли и слова еврейскихъ пророковъ времени плѣна и непосредственно за нимъ слѣдовавшаго; таковы же были чувства и дѣла и посомыхъ пророками евреевъ. *На рѣкахъ вавилонскихъ, тамъ мы* (еврей) *сидѣли и плакали, вспоминая о Сіонѣ*, говорится въ 136 псалмѣ, по своему происхожденію несомнѣнно относящемся ко времени плѣна ¹⁾, плакали, отказываясь отъ плѣнія пѣсенъ Сіонскихъ и съ клятвою обѣщаясь не забывать Іерусалима въ началѣ веселія своего. *Дщи Вавилоны окаменная*, зывали они при этомъ, *блаженъ, иже иметъ и разбьетъ младенцы твои о камень*. Теперь-то именно народъ сознательно сталъ благоговѣть предъ своимъ закономъ и пророками; теперь-то именно прежнее влеченіе къ чувственному сближенію съ язычествомъ пропало совсѣмъ и законы объ отдѣленіи евреевъ отъ всѣхъ людей были усилены Евдрой и Нееміей (см. Евдр. 9, 12—14; Неем. 13, 23—25 и др.).

Правда прошло два или три столѣтія послѣ этого и вся религіозная ревность—чуткость евреевъ временъ плѣна позабылась и погибла: евреи вошли въ сношеніе съ язычествомъ, заимствуя отъ него много худое, и наоборотъ язычники заинтересовались іудействомъ, ухватились за него и еврейскій прозелитизмъ достигъ широкихъ размѣровъ; но нужно помнить, что 1) это было три или по крайней мѣрѣ два вѣка спустя послѣ плѣна; 2) что тогда этому способствовало отсутствіе пророковъ и, такъ сказать, изветшаніе еврейскаго народа. Еврейскій народъ подобно другимъ народамъ, какъ и каждый отдѣльный человѣкъ, долженъ былъ родиться, расти, крѣпнуть и стариться, чтобы умереть. Правда и доселѣ онъ еще не умеръ, какъ умерли многіе другіе народы, позже его

¹⁾ См. Вишнякова стр. 464—467.

явившіеся на сценѣ жизни; доселѣ еще онъ—вѣчный жидъ. Но на то есть особыя причины: то—особыя пути Провидѣнія, положившаго въ старости этого народа жить ему вѣчно. А что прежде наступленія этой старости, у евреевъ было и младенчество, и отрочество, и юность, и мужество, въ этомъ увѣрять насъ самая исторія ихъ. Ибо что иное, какъ не младенчество, времена патріарховъ? Что иное, какъ не отрочество, времена Моисея, бывшаго для евреевъ и пророкомъ, и правителемъ, и судіею, подобно матери слѣдившаго за каждымъ шагомъ ихъ? Что иное, какъ не юношество, періодъ судей, когда евреи, какъ юноша, желали ходить сами безъ постояннаго руководителя, и тотчасъ, опять какъ страстный юноша, падали, въ такія минуты нуждаясь въ нарочитыхъ и временныхъ судіяхъ? За симъ наступилъ мужескій возрастъ, когда евреи имѣли царей, но не какъ отнѣданныхъ имъ ихъ начальниковъ, а какъ вышедшихъ изъ ихъ среды представителей ихъ, управлявшихъ ими отъ имени Іеговы. Если во времена судей, какъ время юношества еврейскаго народа, и въ первое время мужества—при первыхъ царяхъ, еще естественны и возможны были паденія и даже частыя и глубокія, которыя по тому самому имѣли нравственный характеръ; то неестественно, чтобы такія паденія были въ старости. Опытная мудрость—вотъ признакъ этого возраста, въ которомъ сознательная и разумная покорность своему долгу естественна больше, чѣмъ когда-либо. Такою-то вспышкою ревности евреевъ по Богѣ Своемъ и было время плѣна и не посредственно за нимъ слѣдующее. Еще. Чѣмъ длиннѣе жизнь, тѣмъ продолжительнѣе и возрасты ея; чѣмъ сильнѣе и очевиднѣе научающій опытъ, тѣмъ дѣйствительнѣе его урокъ; чѣмъ порывистѣе и энергичнѣе возбужденіе отъ этого урока, тѣмъ послѣ съ упадкомъ силъ ниже паденіе и больше апатіи. Такъ обычно бываетъ въ жизни отдѣльныхъ людей; такъ бываетъ у цѣлыхъ народовъ; такъ въ частности должно было быть и у евреевъ и язычниковъ времени плѣна. Вотъ огчего и произошло то, что какъ велика и сильна была ревность евреевъ по Богѣ во время плѣна, такъ и послѣ, безъ руководства пророковъ, низко было ихъ паденіе. Съ этой точки зрѣнія смотря на жизнь, мы можемъ понять и то, почему именно во время плѣна вавилонскаго окружавшіе евреевъ язычники, въ частности ассиріяне и вавилоняне, сходящіе уже со сцены исторіи, какъ истощившіеся и одряхлѣвшіе, не могли имѣть такого

высокаго подъема религиозно-нравственнаго духа народнаго, чтобы умѣть цѣнить по достоинству религію Іеговы и обращаться къ этой религіи, и прежде не всегда особенно высоко стоявшей предъ ихъ осуетившимися помышленіями сердець...

Итакъ едвали можно говорить, что основныя идея и характеръ содержанія книги пр. Іоны болѣе соответствуютъ плѣнному и послѣдплѣнному времени, чѣмъ ранѣе плѣна бывшему вѣку пр. Іоны. Не служатъ ли основная идея и характеръ книги Іоны доказательствомъ обратнаго, именно невозможности такого поздняго происхожденія ея? Конечно нельзя придавать всѣмъ выставленнымъ соображеніямъ объ основной идеѣ и характерѣ содержанія книги пр. Іоны окончательнаго рѣшающаго значенія въ вопросѣ о времени происхожденія этой книги, но думается, что въ связи съ другими доказательствами болѣе ранняго сравнительнаго съ временемъ плѣна времени написанія ея и онѣ должны склонять нашу мысль именно къ этому послѣднему заключенію. За естественность, логичность и справедливость такого заключенія говорить уже то, что противъ доказательной силы всѣхъ выставленныхъ въ защиту позднѣйшаго происхожденія книги Іоны (плѣннаго или послѣдплѣннаго) соображеній раздаются голоса и со стороны гѣхъ, которые несогласны считать книгу пр. Іоны, написанною въ его время и пмъ самимъ. Гризингеръ, считающій книгу морально дидактическимъ вымысломъ, и Гольдхоръ, признающій въ ней только историческое основоположеніе, считаютъ гораздо болѣе вѣроятнымъ относить книгу пр. Іоны ко времени нашествія на Іерусалимъ Сennaхирима, царя ассирійскаго и отведенія израильтянъ въ плѣнъ въ ассирію, чѣмъ принимать ея плѣнное или послѣдплѣнное ея происхожденіе.

Впрочемъ соглашались съ Грizenгеромъ и Гольдхорномъ въ томъ, что происхожденіе книги пр. Іоны нельзя относить ко времени плѣна вавилонскаго, мы не можемъ согласиться съ положительной стороной и ихъ мнѣнія о времени происхожденія книги пр. Іоны; ибо ихъ мнѣніе о написаніи ея именно во время ассирійскаго плѣна совсѣмъ не имѣетъ за себя вѣскихъ и основательныхъ доказательствъ ¹⁾. И уже по этому одному можемъ,

¹⁾ Оба они это мнѣніе основываютъ не на какихъ-либо положительныхъ доказательствахъ, а исключительно на томъ предположеніи, что главное содержаніе книги, изображающей милостивое отношеніе Іеговы къ явчичи-

думается, относить книгу пр. Іоны къ тому времени, когда жилъ пророкъ, къ вѣву Іеровоама II, царя израильскаго (835—794), и приписывать ее самому пророку.

За это послѣднее время написанія книги пр. Іоны и именно самимъ пророкомъ говорить и основная идея книги объ участіи язычниковъ въ милостяхъ Іеговы. Эта идея, не согласная со

камъ, указывать цѣль ея въ томъ, чтобы съ одной стороны побудить язычниковъ къ благосклонному отношенію къ евреямъ, Іегова которыхъ такъ милостиво относится и къ нимъ—язычникамъ, съ другой самихъ евреевъ возбудить къ терпѣливому перенесенію своей тяжелой участи; а эта цѣль могла явиться не въ счастливыя времена жизни евреевъ, а въ годину ихъ несчастной зависимости отъ языческихъ деспотовъ во время ассирійскаго плѣна—перваго послѣ раздѣленія царствъ. Но подобной цѣли написанія книги пр. Іоны нельзя предполагать, какъ бы мы не представляли себѣ положеніе евреевъ въ этомъ плѣну. Мы видѣли, чѣмъ пророки утѣшали евреевъ въ ихъ тяжеломъ положеніи въ плѣну вавилонскомъ—указаніемъ на погибелъ враговъ; мы видѣли и то, какія мысли и чувства питали евреи къ своимъ врагамъ во время этого плѣна. На какомъ же основаніи дѣло должно было быть иначе во время ассирійскаго плѣна? Если во время вавилонскаго плѣна евреи отказывались по предложенію плѣншихъ ихъ иѣтъ пѣсни сіонскія и проклинали дщерь вавилоню окаянную; то точно тоже должно было быть во время плѣна ассирійскаго. Точно также презрительно и недобвѣрчиво должны были бы отнестись къ такому разсказу и гордые своею силою ассиріяне, находившіеся на верху своего счастья. Правда 17 и 18 гл. 4-й книги царствъ изображаютъ намъ израильтянъ отпавшими отъ Іеговы и въ плѣну ассирійскомъ, а язычниковъ-ассиріянъ особенно изъ тѣхъ, которые были переселены въ израильскую землю, обращающимися къ Іеговѣ; но помимо того, что такое положеніе вещей было собственно въ Израили только, оно и здѣсь не могло вызвать желанія указаніемъ на всемогущество благодѣющаго язычникамъ Іеговы склонить ихъ на сторону евреевъ. Этого желанія не могло явиться и у тѣхъ, которые шли по стопамъ боговъ иныхъ, чтобы прогнѣвать Іегову. Такой разсказ не могъ произвести желаемого впечатлѣнія и на тѣхъ изъ язычниковъ, которые вѣстѣ съ своими богами стали почитать Іегову послышавшаго на нихъ лъвовъ: если изображение Іеговы, представленное въ книгѣ пр. Іоны, могло возбудить въ ассиріянахъ уваженіе, любовь къ нему; то изображение поведенія пророка, желавшаго погибеліи Ниневіи, не могло внушать имъ расположенія къ израильтянамъ. По мимо того, что такое поведеніе пророка оскорбляло самолюбіе язычниковъ, имъ должно было приходить въ голову, что если Іегова, благодѣтельствующій имъ, выгналъ народъ Свой и покорилъ его имъ; то имъ нужно дѣйствовать согласно съ дѣйствіями этого могущественнаго Іеговы. Такъ неестественна и исторически невѣроятна предполагаемая цѣль книги пр. Іоны.

временем плѣна, какъ нельзя болѣе, соответствуетъ болѣе или менѣе счастливымъ временамъ царствованія Іеровоама II, когда израиль еще не такъ близко зналъ изычниковъ и мерзости ихъ, какъ въ плѣну, и не столько испыталъ еще на себѣ тираніи ихъ, какъ послѣ, и потому, самъ наслаждаясь покоемъ, могъ быть благодушнѣе по отношенію къ изычникамъ, когда слѣдовательно онъ могъ воспринять въ себя эту идею, не замѣтно для себя самаго, или по крайней мѣрѣ не вооружаясь противъ нея всей душой своей, какъ послѣ, и когда вслѣдствіе еще не совсѣмъ низкаго уровня религіозно-нравственнаго состоянія изычниковъ, между ними дѣйствительно могли находиться способные къ исправленію-подобные изображеннымъ въ книгѣ пр. Іоны корабельщикамъ и ниневитянамъ. ¹⁾ За это время написанія книги и именно самимъ пророкомъ говоритъ и языкъ книги, указывающій въ писателѣ ея не іудея, а израильянина, и имѣющій нѣкоторыя особенности, которыя кромѣ общихъ причинъ своего происхожденія— близости израильскаго царства сравнительно съ іудейскимъ къ сиріи и халдеи, могутъ найти свое полнѣйшее объясненіе въ томъ, что писатель книги, израильянинъ, жилъ и дѣйствовалъ въ Ассиріи; особенно это соображеніе имѣетъ значеніе по отношенію къ слову: *та¹а²м*, такъ соблазняющему противниковъ. А сопоставивъ съ этой идеей книги и языкомъ ея подробное и обстоятельное изображеніе въ нашей книгѣ Ниневіи, ея нравовъ и обычаевъ, и особенно припомнивъ содержаніе молитвы пророка, нами проанализированное, можно смѣло утверждать, что внутреннія основанія даютъ право не предполагать только, а и прямо полагать, что книга пр. Іоны написана въ его время и именно имъ самимъ. И кому же въ самомъ дѣлѣ лучше было знать и понимать изображенное въ книгѣ, какъ не самому Іонѣ, видѣвшему все это?

Согласно съ внутренними основаніями такого времени происхожденія книги пр. Іоны говорятъ и внѣшнія свидѣтельства объ ней. Здѣсь прежде всего мы ссылаемся на самое мѣсто, занимаемое по еврейскому и греческому текстамъ книгой пр. Іоны въ ряду книгъ малыхъ пророковъ, расположенныхъ между прочимъ не безъ отношенія къ хронологическому порядку проис-

¹⁾ Объ этихъ послѣднихъ подробности см. ниже.

хожденіи ихъ, какъ ясно это изъ того, что книги пророковъ ассирійскаго періода (отъ Осіи до Наума) стоятъ предъ книгами пророковъ халдейскаго періода (Аввакума и Софоніи), за которыми уже слѣдуютъ книги послѣднѣйшихъ пророковъ (Аггея, Захаріи и Малахіи). Правда книга пр. Іоны поставлена здѣсь не на первомъ мѣстѣ и даже не на второмъ или третьемъ, а на пятомъ по одному тексту и на шестомъ по другому; но это вѣроятно объясняется тѣмъ, что собиратели свящ. книгъ при расположеніи книгъ малыхъ пророковъ точно также, какъ и вообще пророческихъ писаній, обращали вниманіе и на сравнительный объемъ ихъ, и книги большія по объему поставляли выше меньшихъ. За Іону же, какъ писателя книги, говоритъ и надписаніе ея, сдѣланное вѣроятно тѣми же собирателями свящ. книгъ. Къ внѣшнимъ свидѣтельствамъ объ указываемомъ нами времени написанія книги и писателѣ ея относится и выше не разъ приведенное свидѣтельство книги Товита (14, 4—8); въ ней прямо говорится: „*какъ говорилъ пр. Іона*“; а отсюда уже съ несомнѣнностію можно заключать, что древняя іудейская церковь вполнѣ раздѣляла защищаемое нами мнѣніе. Такое вѣрованіе древней іудейской церкви засвидѣтельствовалъ и іудейскій историкъ Іосифъ Флавій, который въ своихъ древностяхъ (9, 10) говоритъ, что именно Іона написалъ исторію своего посольства въ Ниневію, бывшаго при Іероваамѣ II. Съ этимъ согласно вѣрованіе и древней христіанской церкви. А чѣмъ древнѣе свидѣтельство, тѣмъ, конечно, оно цѣннѣе по отношенію къ достовѣрности его.

Правда противъ нашего предположенія объ Іонѣ, какъ писателѣ книги, говоритъ по видимому то обстоятельство, что онъ въ нашей книгѣ нигдѣ не обозначается прямо, какъ ея писатель; объ немъ говорится здѣсь, какъ о совершенно стороннемъ для писателя книги человѣкѣ, въ третьемъ лицѣ; но это только повидимому говоритъ противъ насъ. Нѣтъ резоновъ и даже смысла ссылаться на 2, 3—10 ст., гдѣ Іона представляется говорящимъ въ первомъ лицѣ; потому что въ этомъ мѣстѣ рѣчь вносная, по самому свойству своему, какъ вносной, требующая перваго лица. Но мы не можемъ не выставить на видъ того, что почти всѣ писатели священныхъ книгъ, и именно историческаго содержанія, обыкновенно говорятъ о себѣ въ третьемъ лицѣ, хотя писательство ихъ въ данныхъ случаяхъ не сомнѣнно. Такое обыкновеніе писателей ветхаго завета, а въ

томъ числѣ и пр. Іоны, вытекающее изъ смиренія ихъ, какъ нельзя болѣе, соотвѣтствуетъ объективной исторической формѣ представленія и той роли этихъ писателей, по которой они были не авторами своихъ книгъ, а, какъ писавшіе ихъ по вдохновенію отъ Духа Святаго, лишь такъ сказать переписчиками ихъ, тростію въ рукахъ книжника скорописца—Духа Св.

Конечно трудно представить болѣе точное опредѣленіе времени описанія пр. Іоною своего путешествія въ Ниневію. Но такъ какъ нѣтъ особенныхъ основаній отдѣлять самый фактъ описанный въ книгѣ отъ времени занесенія его въ книгу; то и нужно думать, что послѣднее было сдѣлано непосредственно послѣ посольства пророка; хотя правда и то, что о посольствѣ то пр. Іоны въ Ниневію и нельзя утверждать съ точностію, въ какой годъ оно было. Впрочемъ несомнѣнно, что оно было позже предсказанія пророка Іоны о счастливомъ окончаніи израильянами войны съ сирійцами, но раньше послѣднихъ лѣтъ царствованія Іеровоама II, хотя въ обоихъ случаяхъ неизвѣстно, на сколько. ¹⁾.

---

¹⁾ См. выше во введеніи стр. 6—9.

Разборъ и опроверженіе возраженій противъ исторической подлинности книги пр. Іоны, заимствуемыхъ изъ ея содержанія и внѣшнихъ свидѣтельствъ объ ней.

Заключительнымъ предположеніемъ предыдущей главы о томъ, что книга пр. Іоны написана въ его время и, можетъ быть, даже самимъ пророкомъ, подрывается справедливость тѣхъ воззрѣній на эту книгу, по которымъ она есть или легенда, написанная на основаніи многовѣковаго преданія, или же чистый вымыселъ такого же поздняго происхожденія, но подрывается только отчасти; ибо за эти воззрѣнія стоятъ повидному нѣкоторыя особенности въ содержаніи книги, въ ея изложеніи и свидѣтельствахъ объ ней. Относительно же нѣкоторыхъ изъ разобранныхъ нами воззрѣній и этого: *отчасти* нельзя сказать, потому что очень легко предположить, какъ дѣйствительно и предполагаютъ нѣкоторые, что самъ пр. Іона изложилъ въ своей книгѣ въ формѣ историческаго повѣствованія или символическое (вымышленное) дѣйствіе, или видѣніе. Слѣдовательно для окончательнаго опроверженія тѣхъ и другихъ воззрѣній необходимо подвергнуть разбору тѣ основанія этихъ воззрѣній, которыя непосредственно направлены противъ исторической достовѣрности книги пр. Іоны на основаніи указанныхъ особенностей ея. Эти основанія I) частію внутреннія, заимствуемыя изъ содержанія книги пр. Іоны и изъ внѣшней формы изложенія этого содержанія, и II) частію внѣшнія, вытекающія изъ недостаточности, будто бы, постороннихъ свидѣтельствъ о подлинности этой книги. Разборъ и опроверженіе этихъ основаній и составить содержаніе настоящей главы.

I.

Первое мѣсто между внутренними основаніями исторической будто бы недостоверности книги пр. Іоны занимаютъ именно тѣ, которыя заимствуются изъ содержанія самой книги. Въ этомъ содержаніи противники его исторической достоверности прежде всего останавливаются на повѣствованіяхъ о чудесномъ, а потому, будто бы, и невозможномъ, затѣмъ замѣчаютъ въ книгѣ не мало разсказовъ и о такихъ фактахъ, которые сами въ себѣ хотя и возможны, но должны быть признаны невѣроятными потому, что противорѣчатъ, будтобы, другимъ несомнѣннымъ историческимъ даннымъ.

Говоря о чудесномъ въ содержаніи книги пр. Іоны, противники подлинности этой книги находятъ въ ней этого чудеснаго такъ много, что нельзя, будто бы, иначе объяснить и происхожденіе или появленіе его въ книгѣ, какъ только предположеніемъ о намѣренномъ искаженіи дѣйствительности со стороны писателя книги. Въ книгѣ пр. Іоны, говорятъ они, сильнѣе, чѣмъ гдѣ-либо, высказывается то супранатуралистическое воззрѣніе на жизнь міра, по которому управленію Божественнаго Провидѣнія усвоется характеръ единоличнаго и произвольнаго дѣйствованія въ природѣ. Явленія, которыя, при отсутствіи рабской привязанности къ буквѣ, могли бы быть объясняемы естественнымъ образомъ, и тѣ выставлены въ книгѣ, какъ сверхъестественныя и въ то же время произвольныя дѣйствія Самаго Бога. Жребій бросается и падаетъ на Іону, потому что этого хочетъ Богъ; буря поднимается и утихаетъ по непосредственному велѣнію Бога же и для Его цѣлей; Самъ Онъ непосредственно распоряжается рыбой, посылаетъ вѣтеръ, зной, червя; Самъ произрастаетъ растеніе, которое и засыхаетъ опять только по слову Его. Словомъ весь разсказъ книги носитъ на себѣ сказочный характеръ; для Бога представляется возможнымъ даже то, что противорѣчитъ самой природѣ вещей. Такъ пр. Іона три дня и три ночи сохраняется во чревѣ морскаго чудовища, не задохнувшись отъ недостатка воздуха и не тронутый въ пищеварительномъ каналѣ; растеніе въ одну ночь вырастаетъ на такую высоту, что можетъ дать тѣнь сѣдящему подъ нимъ пророку, и въ одну ночь снова засыхаетъ. И всѣ эти необычныя и чудесныя дѣянія не для какихъ-либо важныхъ цѣлей, ко-

торыя иначе и не могли бы, хотя и должны были бы быть достигнуты, а для одного пр. Ионы, чтобы привести его къ послушанію, для того Ионы, который является капризнымъ самолюбцемъ и даже упрорнымъ гордецомъ, невнимающимъ внушеніямъ Иеговы. Не менѣе сказочно-чудесенъ и самый характеръ этихъ отношеній Бога къ пророку: Богъ допускаетъ пророка вступать въ разговоръ съ Нимъ и даже противорѣчить Ему, что недостойно Бога и пророка Его и неестественно.— Вотъ сущность возраженій противъ рассказовъ книги пр. Ионы о чудесномъ, какъ высказываются эти возраженія въ цитованныхъ уже сочиненіяхъ Ейхгорна, Бертольда, Блэка, Нельдекке, Реусса и др.; особенно полно возраженія эти сгруппированы у Фридрихсена, по которому мы и приводимъ ихъ ¹⁾).

Въ отвѣтъ на эти возраженія прежде всего должно замѣтить, что противники, замѣняя одно другимъ понятіемъ чудеснаго, сказочнаго и удивительнаго, и обобщая ихъ въ одномъ понятіи невозможнаго, очевидно имѣютъ слишкомъ смутанныя представленія о данномъ предметѣ; намѣренно ли это, или не намѣренно, въ данномъ случаѣ это все равно. Отъ этой-то путаницы въ представленіи о чудесномъ, сказочномъ и удивительномъ и произошло у нихъ обвиненіе писателя книги пр. Ионы даже въ пристрастіи къ рассказамъ о чудесномъ, какъ невозможномъ. — Не все то, что насъ удивляетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ и чудесно; насъ обыкновенно удивляетъ нѣчто необычное, чего мы не понимаемъ, не умѣемъ объяснить себѣ, хотя это удивительное несомнѣнно возможно и дѣйствительно бываетъ. Сказочно же то, о чемъ можно только сказать, какъ о бывшемъ, но чего ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть на самомъ дѣлѣ; какъ плодъ народной фантазіи, всегда наивной и простодушной, но вмѣстѣ и невѣжественной, сказка повѣствуетъ о такихъ событіяхъ, которыя прямо противорѣчатъ всякимъ законамъ бытія, и реальнаго и мыслимаго, и совершаются безъ разумныхъ основаній, безцѣльно, или для цѣлей ничтожныхъ. Совсѣмъ не то чудесное; съ понятіемъ о чудесномъ непременно должна быть соединяема мысль о дѣйствіи сверхъестественномъ, которое превышаетъ силы и законы самой природы и можетъ быть совершено только силою высочайшею, божественною, для цѣлей не только разумныхъ, но непременно

¹⁾ См. его цит. сочин. стр. 46—60.

высокихъ и чистыхъ въ нравственномъ отношеніи. Будетъ ли слѣдствіемъ чуда, какъ такого, нарушеніе извѣстныхъ намъ законовъ природы, усиленіе ли, или только пріостановленіе ихъ дѣятельности, или же ни того, ни другаго; во всякомъ случаѣ чудо въ совершеніи своемъ выше силъ одной природы и непременно требуетъ участія божественной дѣятельности нарочитой, которая не принадлежитъ къ числу обыкновенно дѣйствующихъ въ природѣ божественныхъ силъ. Такъ понимали чудесное Св. Отцы и учителя древней церкви, какъ напр. І. Златоустъ ¹⁾, блаж. Августинъ ²⁾; такое понятіе о чудѣ дается на основаніи ученія Св. Отцевъ и современными нашими богословами, не только православными—восточными ³⁾, а и инославными—западными ⁴⁾; такое понятіе о чудесномъ дается само собою и другими библейскими данными, вполне аналогичными съ представляемыми книгой пр. Іоны. Если же такъ должно опредѣлять сказочное, удивительное и чудесное; то несомнѣнно, что въ книгѣ пр. Іоны не все, выставленное противниками ея подлинности, какъ невозможное, должно принадлежать къ этой именно области даже съ ихъ точки зрѣнія: потому что въ ней вовсе нѣтъ явленій и фактовъ сказочныхъ, а есть лишь или удивительные, или чудесные. Что удивительное, въ указанномъ нами смыслѣ, вполне возможно и дѣйствительно, съ этимъ долженъ согласиться всякій на томъ простомъ соображеніи, что познаніе природы идетъ постепенно впередъ и доселѣ еще не всесторонне; но точно также, какъ удивительное, возможно и чудесное въ полномъ смыслѣ слова.... Но обратимся лучше къ ближайшему разсмотрѣнію фактовъ, признанныхъ невозможными.

Противники чисто - историческаго пониманія книги пр. Іоны считаютъ сказочно - чудеснымъ, а потому, будто бы, и невозможнымъ все то, что въ нашей книгѣ представляется совершающимся по непосредственному велѣнію Божію, но что на самомъ дѣлѣ могло и должно было происходить или отъ естественныхъ причинъ и по естественнымъ силамъ и законамъ природы, или про-

¹⁾ См. его толк. на кн. Бытія 39, пр. 1. и др.

²⁾ См. его *De civitate Dei* XXI, 8.

³⁾ См. напр. Введеніе въ Правосл. Богословіе Макарія; догматическое богословіе Филарета.

⁴⁾ См. Чудеса Иис. Христа, Тренча, перев. съ англ.; Навиля „Христосъ“ и „вѣчная жизнь“, переводъ съ франц.

сто случайно. Сюда принадлежать: поднятіе бури на морѣ и ея прекращеніе (1, 4—15), появленіе и исчезновеніе рыбы (2, 1. 11), полуденный зной, жгучій вѣтеръ, червь, подтачивающій растеніе (4, 6—8), и бросаніе жребія (1, 7). Всѣ эти явленія вполне естественныя и законныя съ естественно-научной точки зрѣнія не могли, будто бы, быть, какъ непосредственное дѣйствіе Бога, каковымъ онѣ представлены въ книгѣ пр. Іоны; потому что въ такомъ видѣ онѣ чудесны. Но такъ ли?

Дѣйствительно всѣ указанныя явленія, какъ нельзя болѣе, соотвѣтствуютъ тѣмъ мѣстностямъ, въ которыхъ, и тому времени, въ которое совершающимися онѣ представлены въ книгѣ пр. Іоны. Такъ по 4 и 5 ст. первой главы надъ моремъ при іонпійской гавани поднялся большой вѣтеръ и произвелъ на морѣ великую бурю, великое волненіе, колыханіе волнъ ¹⁾ такое, что корабль готовъ былъ ²⁾ разбиться, и разбиться именно въ дребезги ³⁾; такъ что корабельщики должны были бросать въ море кладъ съ корабля, чтобы облегчиться отъ нея ⁴⁾ и чрезъ то предохранить корабль отъ погруженія въ волны. По 13 ст. тойже главы при такой бурѣ рѣшительно не было возможности пристать къ берегу, несмотря на всѣ усилія и старанія корабельщиковъ. Конечно всѣ эти образы книги пр. Іоны не оправдываютъ тѣхъ басней іудейскихъ, о которыхъ передаетъ блаж. Феодоритъ, будто корабль, на которомъ плылъ пр. Іона, во время бури стоялъ неподвижно, не будучи въ состояніи ни идти впередъ, ни возвратиться назадъ, или будто буря колебала одинъ только корабль Іоны, не волнуя окружающее его море ⁵⁾. Но это описаніе бури въ книгѣ пр. Іоны, понимаемое и въ своемъ букввальномъ смыслѣ, должно быть признано вполне справедливымъ. Буря на средиземномъ морѣ, и именно около палестинскихъ береговъ, особенно при іонпійской гавани—

¹⁾ *сѣ'а'р*—буря (ср. Іер. 28, 19; 25, 32) отъ глагола: *сѣ'а'р*—шумѣлъ, бушевалъ, волновалъ, ниспровергалъ; по LXX κλύδων отъ κλύω—бью; ср. 11 и 13 ст.

²⁾ *хѣш'ба'з*, отъ *хѣш'а'б*—разсчитывалъ, нампривался, былъ готовъ.

³⁾ отъ *ш'а'б'а'р*—локаль, разбивалъ въ дребезги, ср. 1 Цар. 22, 49.

⁴⁾ т. е. самими корабельщиками облегчиться; такъ по Псх. 18, 22, суффиксъ при глаголѣ относится къ лицамъ, а не вещамъ.

⁵⁾ См. Calmet *Comm. Litter. Tom. VI*, p. 619.

единственной у израильтян гавани со времени Соломона ¹⁾, одно из самых обыкновенных явлений, по свидетельству как древних, так и новейших, современных нам, путешественников. Об этой гавани и буряхъ при ней из древности мы имѣемъ свидѣтельство такого знатока военного и морского дѣла, какъ Иосифъ Флавій, по словамъ котораго рейдъ Іонніи самый опасный для морской стоянки, какъ не имѣющій постоянной пристани и совершенно открытый для морскихъ волнъ ²⁾. „Одинъ только разъ, говоритъ со словъ Иосифа Флавія и въ поясненіе ихъ де-Сольси, нужно пристать къ берегу Яффы или Іонніи, чтобы узнать, что такое морская опасность, даже въ самое лучшее время года. Круглый годъ здѣсь господствуетъ ужаснѣйшее волненіе“. Разсказывая далѣе со словъ тогоже Флавія объ іоннійскомъ возстаніи, де Сольси продолжаетъ, что „послѣ того, какъ народы провели ночь въ открытомъ морѣ на своихъ лодкахъ, на разсвѣтъ поднялся жестокий вѣтеръ, который моряки называютъ μέλας βόριον, (черный борея—обыкновенное и доселѣ названіе сѣвернаго вѣтра въ этихъ мѣстахъ). Въ одно мгновеніе одні лодки выбросило на берегъ, другія были разбиты о подводныя камни большая часть изъ всѣхъ силъ бились, чтобы или уйти въ море, или придти къ берегу; но лодки опрокидывало и онѣ погибали, или утопая въ морѣ, или разбиваясь о скалы“ ³⁾. Таковы опасности этой гавани даже доселѣ; „коралловые рифы, говоритъ нашъ русскій путешественникъ Норовъ, тянутся отсюда вдоль береговъ почти до Газы и перерываютъ канаты кораблей, стоящихъ еще въ гавани, отдавая ихъ на произволъ моря; такъ; что при поднимающейся бурѣ уходъ въ открытое море—единственное, но не всегда возможное вслѣдствіе обилія бурь здѣсь средство спасенія ⁴⁾“.

¹⁾ Объ ней упоминается 2 Пар. 2, 15; 3 Ц. 5, 23; 1 Езд. 3, 32; 1 Макк. 10, 76 и 14, 5.

²⁾ См. его О войнѣ іудейской III, 9, § 3. Этою особенностію іонійской гавани между прочимъ объясняется и то, что Иродъ В. рѣшился укрѣпить такъ назыв. Стратонову башню. Ср. археол. Кейля въ р. перев. ч. 1, стр. 37.

³⁾ См. Послѣдніе дни Іерусалима, де-Сольси, въ переводѣ Кустодіева. ч. 1, стр. 112—114.

⁴⁾ См. его путешествіе къ святымъ мѣстамъ, ч. 1, стр. 237; ср. Св. земля Диксона въ переводѣ Кутейкина стр. 8 и 1; Старый Іерусалимъ и его окрест-

Точно тоже должно сказать и о восточномъ вѣтрѣ, приносившемъ съ собою такой солнечный жаръ, что пр. Иона обратился къ Богу съ просьбою взять отъ него душу его—жизнь его (4, 8; ср. 3 Ц. 19, 4; Лук. 2, 29 и др.). Вѣтеръ этотъ въ подлинникѣ названъ: *руа̄ кадїм х^арїшїѣт*. Употребленное здѣсь слово: *кадїм* означаетъ собственно: *перёдъ* (ср. Авв. 1, 9), отсюда *востокъ* (ср. Іез. 47, 2; 48, 3) и затѣмъ уже *восточный вѣтеръ* (ср. Быт. 41, 6; Іов. 27, 22; Іер. 18, 14; Іез. 47, 18 и др.); а такъ какъ евреи только для четырехъ странъ, а по нимъ и для четырехъ только вѣтровъ особыя названія выработали; то и въ настоящемъ случаѣ подъ указанными словами могутъ быть подразумѣваемы и собственно-восточный, и сѣверо-восточный и южно-восточный вѣтры (ср. Исх. 14, 21). Для опредѣленія же качествъ и свойствъ этого вѣтра здѣсь употреблено слово: *х^арїшїѣт*; значеніе этого слова объясняютъ различно, смотря по различію корневаго слова, отъ котораго производятъ его. Нѣкоторые, какъ Гитцигъ, производя его отъ *х^арїш*—*ораніе, паханіе*, (1 Ц. 8, 12), разумѣютъ здѣсь *ventum, qualis flat tempore ogandi*, т. е. осенній вѣтеръ. Но такое значеніе не подходитъ къ разбираемому слову въ данномъ случаѣ; въ книгѣ пр. Ионы этимъ словомъ, судя по контексту рѣчи, имѣется въ виду обозначить нѣчто больше простой неприятности, приносимой этимъ осеннимъ вѣтромъ. (Не для того-ли, чтобы показать несоотвѣтствіе даннаго слова контексту рѣчи и чрезъ то хотя косвеннымъ образомъ подорвать значеніе подлинности книги, и пущено въ ходъ такое словопроизводство?). Поэтому справедливѣе другіе, какъ Кейль, производятъ слово: *х^арїшїѣт* отъ глагола: *х^арѣш*, который означаетъ: *притаился, замолчалъ*. Такое словопроизводство родственно пожалуй съ предыдущимъ, но въ его, такъ сказать, первоосновѣ, если производить: *х^арїшїѣт* не отъ *х^арїш*—*паханіе*, а отъ его корня *х^арш* и не въ значеніи: *пахалъ, оралъ*, т. е. копалъ землю, а въ смыслѣ: *докапывался, затывалъ, замышлялъ*, что родственно съ *х^арѣш*—въ значеніи: *притаивался, относился съ тайнымъ умысломъ*; отсюда *х^арїшїѣт*—

стности А. Д. стр. 5. Исторія же города Іонїя и его мѣстоположенія и т. п. подробно и обстоятельно изложены въ библ. словарѣ собств. именъ Пр. Солярскаго. Т. 2.

можно переводити: *тигій, молчаливый*, въ смыслѣ: *надутый*. Оба же корня слова стоятъ въ связи съ *харър*, или *хърр*—горько, *обгораль, вспыхивалъ, досадовалъ, сердился* и съ *харъе*, или *хъръб*—*опустошалъ, истреблялъ*. Отсюда: *хъріішіѣт* можетъ означать *жгучій*, какъ и перевели LXX, поставивъ слово *συκαίων*, отъ *каіω*—*жгу*; такой переводъ вполне согласенъ и съ контекстомъ рѣчи, потому что далѣе говорится, что этотъ вѣтеръ приносилъ съ собою нестерпимый солнечный зной. Такимъ образомъ въ 4, 8 говорится о томъ восточномъ вѣтрѣ, который дулъ ровно, спокойно, но въ тоже время уорно и вслѣдствіе этого приносилъ съ собою нестерпимый солнечный жаръ и о которомъ, какъ о такомъ, говорятъ и библія въ указанныхъ выше мѣстахъ и показанія путешественниковъ. Вездѣ этотъ вѣтеръ описывается, какъ знойный, удушливый до захвата дыханія; палящая сила его пожигаетъ хлѣбъ на полѣ и плоды, иссушаетъ кожу на тѣлѣ, отчего она трескается, опалаетъ лицо, какъ бы обдавая его варомъ и оставляя на тѣлѣ такіе же знаки, какъ и настоящій огонь. Насколько жгучъ и потому не выносимъ былъ этотъ вѣтеръ, у евреевъ вошедшій даже въ пословицу, можно судить потому, что у тѣхъ же ниневитянъ, въ странѣ которыхъ настигъ этотъ вѣтеръ пр. Іону, онъ представлялся олицетвореніемъ и произведеніемъ одного изъ семи духовъ зла, могущественнѣйшихъ и страшныхъ демоновъ съ космическимъ характеромъ, вся дѣятельность которыхъ — произведеніе зла, смерти и разрушенія. Между заклинаніями, которыя у ассирянъ имѣли значеніе самой неотступной молитвы объ избавленіи отъ какого-нибудь самаго великаго зла, было и такое, которое направлено было противъ этого вѣтра ¹⁾).

Мы подробно остановились на указанныхъ явленіяхъ, чтобы показать ихъ полную естественность. Ясно, что противники подлинности книги пр. Іоны противъ этой естественности ихъ ничего не могутъ сказать, и если выставляются ими эти явленія, какъ знаменіе пророческое, то исключительно въ силу того, что онѣ въ нашей книгѣ представлены, какъ самоличныя и, будто бы, про-

---

¹⁾ См. объ этомъ подробн. въ Чт. въ о. Л. Д. Пр. 1871, ст. А. Смирнова: О показаніи ниневитянъ.

извольныя дѣйствія самаго Бога. Не допуская возможности такого вмѣшательства со стороны Бога въ теченіе міровой жизни, противники исторической подлинности книги пр. Іоны называютъ такое вмѣшательство чудеснымъ, а слѣдовательно, по ихъ воззрѣнію, и невозможнымъ, а отсюда уже и самый фактъ неподлиннымъ.

Но такое заключеніе несправедливо и незаконно даже съ матеріалистической точки зрѣнія, на которой очевидно стоятъ наши противники и по которой все, совершающееся въ мірѣ, совершается по извѣстнымъ законамъ природы, извѣстными механическими и химическими силами ея, безъ всякаго участія Бога. Оно было бы справедливо, если бы въ книгѣ пр. Іоны указанныя явленія представлены были, какъ совершаемыя Богомъ помимо всякаго участія силъ и законовъ природы; на самомъ дѣлѣ въ книгѣ объ этомъ ничего не говорится, какъ не упоминается объ этихъ посредствующихъ причинахъ явленій природы и во всѣхъ другихъ библейскихъ книгахъ. Отъ молчанія же или неупоминанія объ нихъ до полного отрицанія ихъ еще очень далеко. Мало того. Супранатуралистическое мировоззрѣніе, по которому, говоря словами І. Христа, *и власи главніи вси изочтени суть* (Матѣ. 10, 30) Богомъ, вполне допускаетъ, что совершающееся въ мірѣ совершается по его законамъ и его силами, утверждая лишь при этомъ, что эти законы и силы не могли и не могутъ дѣйствовать цѣлесообразно сами по себѣ, совершенно самостоятельно безъ того, чтобы ими не руководила высшая разумная сила, вложившая въ нихъ этотъ разумъ, эти дѣла; по нему, силы и законы природы суть только слѣпныя орудія въ рукахъ правящей ими высшей силы, или средства къ выраженію и обнаруженію воли этой силы, которая (воля) и есть собственно законъ міровой жизни. Поэтому супранатуралистическое пониманіе вполне право все совершающееся въ мірѣ по такъ называемымъ законамъ природы и ея силами называть прямо дѣломъ высшей силы, дѣломъ Бога, правящаго міромъ, безъ упоминанія объ естественныхъ силахъ и законахъ природы, какъ о причинахъ второстепенныхъ, посредствующихъ, а не конечныхъ и главныхъ. Поэтому вполне законно и въ книгѣ пр. Іоны только Богъ указывается совершителемъ разсмотрѣ-

рѣнныхъ нами явленій и умалчивается о причинахъ посредствующихъ. Это молчаніе книги пр. Іоны о послѣднихъ причинахъ весьма и естественно, съ одной стороны вслѣдствіе неумѣстности указаній на посредствующія причины въ книгѣ, имѣющей религіозно-нравственное назначеніе, а съ другой потому, что эти причины не были вполне извѣстны дѣтскому въ опытномъ познаніи уму какъ первыхъ читателей книги, такъ и самаго писателя ея. И теперь многіе, даже ученые раздѣляющіе супранатуралистическое пониманіе природы часто, а большинство простыхъ людей и никогда не указываютъ на эти посредствующія причины описываемыхъ или только указываемыхъ ими явленій, просто констатируя фактъ ихъ совершенія, или по подобію библейскихъ книгъ ссылаясь на первопричину этихъ явленій словами: „Богъ далъ“, „Богъ взялъ“. „Богъ помогъ“ и т. п. Поступая такъ, они очевидно не подвергаютъ чрезъ это сомнѣнію самыхъ явленій; какое же право подвергать сомнѣнію подлинность явленій, описанныхъ въ книгѣ пр. Іоны на основаніи такого умолчанія о посредствующихъ причинахъ? Этотъ вопросъ съ его отрицательнымъ отвѣтомъ тѣмъ болѣе имѣетъ значенія, что въ книгѣ пр. Іоны не совсѣмъ умалчивается и объ этихъ посредствующихъ причинахъ. Въ ней говорится напр. о бурѣ не то, что Богъ *непосредственно* Самъ произвелъ еѣ, а что она появилась отъ вѣтра, о Самомъ же Богѣ утверждается лишь, что Онъ пустилъ на море вѣтеръ большой ¹⁾; точно также и о растеніи говорится, что Богъ повелѣлъ ему подняться, хотя и не указано въ книгѣ, какъ именно подняться; употребленное же въ 10 ст. 4-й гл., гдѣ говорится объ этомъ растеніи, выраженіе: *qājā* указываетъ не на чудесное или сказочное произрастаніе растенія, а на обычное и свойственное природѣ его. Итакъ на томъ только основаніи, что въ книгѣ пр. Іоны о разсмотрѣнныхъ нами явленіяхъ, равно какъ и другихъ, о которыхъ рѣчь ниже, говорится, какъ о дѣйствіяхъ Самаго Бога, безъ яснаго и подробнаго упоминанія о тѣхъ силахъ и законахъ природы, при посредствѣ которыхъ онѣ совершились, нельзя от-

---

¹⁾ Невольно припоминаются при этомъ слова 103 пс. (3 ст.): *творихъ ангелъ своя—духи и слуги своя пламень огненный.*

вергать подлинности повѣствованія объ этихъ явленіяхъ.

Въ разсматриваемыхъ явленіяхъ можно возражать развѣ только противъ самой идеи Божественнаго участія въ ихъ совершеніи. Но и это послѣднее возраженіе несправедливо и вотъ почему. Несомнѣнно, что міръ есть система дѣйствующихъ силъ, какъ утверждаютъ матеріалисты; но нельзя представить себѣ взаимодействіе этихъ силъ безъ предположенія одной общей силы, посредствующей между ними, нельзя представить, чтобы атомы могли производить тѣла и дѣйствовать другъ на друга сами по себѣ, а не подъ влияніемъ особой дѣйствующей надъ ними силы, которая приводитъ ихъ въ опредѣленное цѣлесообразное сочетаніе, служить для нихъ централизирующимъ началомъ. Каждое тѣло, каждый атомъ отдѣлены одинъ отъ другаго пространственно, и нѣтъ иной возможности объяснить то, что, присущее каждому атому и проявляющееся въ каждомъ процессѣ неорганической природы, стремленіе къ соединенію или раздѣленію приходитъ въ дѣйствіе и это дѣйствіе переносится съ одного атома на другой, нѣтъ возможности, повторяемъ, объяснить это иначе, какъ чрезъ предположеніе существованія такои посредствующей между ними силы, которая обнимала бы собою всѣ тѣла или атомы, какъ бы они ни были отдѣлены другъ отъ друга, всѣ массы тѣлъ, всю вселенную—силы вездѣсущей и безконечной—Бога. Такъ утверждали еще Ньютонъ и Кеплеръ о тяготѣніи; такъ необходимо предполагать и о каждомъ процессѣ неорганической природы и о всѣхъ дѣйствующихъ въ нихъ силахъ, въ существѣ тожественныхъ съ тяготѣніемъ и притяжаніемъ; такъ необходимо объяснять и дѣйствіе бурь и вѣтровъ—этихъ истинныхъ слугъ Божіихъ (Ис. 103, 4). Правда видимый міръ есть не просто система дѣйствующихъ силъ, а силъ дѣйствующихъ по законамъ, которые обуславливаютъ собою такой, а не иной порядокъ жизни природы, и цѣлымъ рядомъ причинъ связываютъ весь міръ въ одно цѣлое; но и при этомъ постороннее вмѣшательство въ теченіе мировой жизни со стороны Бога, проявляющееся въ посланіи вѣтра, бури, червя и рыбы, гдѣ и когда угодно Богу, не можетъ быть признано нарушеніемъ тѣхъ законовъ. Ибо самые эти законы составляютъ не что-либо отличное отъ воли Божественной, а лишь выраженіе этой воли Божіей о природѣ и обнаруженіе Его плановъ, намѣреній и мы

слей по отношенію къ тому, что по этимъ законамъ должно совершаться. Отсюда явленія свободнаго руководительно-промыслительнаго воздѣйствія на міръ и его жизнь со стороны Бога не случайныя и не предвидѣныя поправки, нарушающія гармонию міра, а дѣйствія, изначала предусмотрѣныя Богомъ. Это свободное руководство со стороны Бога законами природы только тогда могло бы разстроить порядокъ міровой жизни, когда бы міръ былъ мертвою машиною, часами, самонамѣнная часть которыхъ имѣетъ такую неразрывную связь съ цѣлымъ, что съ прекращеніемъ или намѣреннымъ усиленіемъ дѣятельности одной изъ этихъ частей должна приходиться въ разстройство дѣятельность и остальныхъ частей. Тогда дѣйствительно преднамѣренное, или нарочитое со стороны Бога поднятіе или прекращеніе бури, усиленіе жара, вѣтра, произвольное распоряженіе рыбою и ея движеніями должно было бы разстроить правильное теченіе міровой жизни; ибо это послѣднее въ такомъ случаѣ связано было бы съ инымъ, а не съ такимъ по количеству и времени дѣйствіемъ тѣхъ законовъ, по которымъ совершались эти дѣла доселѣ. Но міръ есть живой, одушевленный космосъ, въ которомъ каждая часть, имѣя неразрывную связь съ цѣлымъ, имѣетъ въ то же время свою собственную жизнь, прекращеніе, усиленіе или появленіе въ другое время которой нисколько не должно вредить жизни цѣлаго. Понятно, что при такомъ пониманіи дѣла, непосредственное вмѣшательство Бога въ дѣятельность этихъ законовъ нисколько не можетъ нарушить ни ихъ самихъ, ни общей міровой жизни. Представьте себѣ, что мы чахоточнаго человѣка посадимъ подъ колоколъ пневматической машины и чрезъ это заставимъ его дышать увеличеннымъ ли въ своемъ объемѣ, или очищеннымъ отъ лишннихъ дурныхъ примѣсей кислородомъ, нарочито для этого собраннымъ нами. Нарушаемъ ли чрезъ это мы сущность дѣйствія кислорода на человѣка, или вообще законъ жизни человѣческаго организма, если больнои вслѣдствіе нашихъ искусственныхъ опытовъ надъ нимъ, начинаетъ чувствовать себя легче, бодрѣе, свѣжѣе и т. п.? ¹⁾ Такъ точно и въ тѣхъ

---

¹⁾ Представленная нами соображенія о возможности и дѣйствительности божественнаго вмѣшательства въ теченіе міровой жизни см. въ цит. выше богословіяхъ Макарія и Филарета, равно какъ и въ разныхъ апологетическихкихъ статьяхъ въ журн. Прав. обозрѣніе и др.

естественныхъ явленіяхъ, описанныхъ въ книгѣ пр. Іоны, совершеніе которыхъ даетъ ясно видѣть въ нихъ участіе Бога, въ посланіи бури на море, не обусловливаемой, быть можетъ, предыдущими состояніями атмосферы, въ появленіи вѣтра, зноя и т. п. нельзя видѣть нарушенія ни самыхъ законовъ природы, ни общей міровой жизни.

Указанными соображеніями оправдывается естественность разобранныхъ нами предъ симъ фактовъ; но ими не оправдывается, по видимому, возможность описаннаго въ 7 ст. первой главы, гдѣ говорится, что, когда по принятіи корабельщиками обычныхъ мѣръ предосторожности, буря на морѣ не прекращалась, *корабельщики бросили жребій, чтобы узнать, за кого ¹⁾ изъ нихъ постигла ихъ бѣда сія и жребій палъ на Іону*. Указывая на этотъ фактъ, противники подлинности книги пр. Іоны, само собою разумѣется, не отвергають фактической возможности самого бросанія жребія для узнаванія виновнаго, равно какъ и того, что жребій палъ на Іону. Отвергать это не возможно, пбо существованіе обычая посредствомъ жребія узнавать виновнаго или вообще истину не только у іудеевъ, а и у другихъ народовъ древности подтверждается и другими несомнѣнными свидѣтельствами, ²⁾ помимо книги пр. Іоны. Но какъ представители отрицательнаго направленія, видя въ бросаніи жребія простое суевѣріе людей и думая, что въ немъ слѣпой случай рѣшаетъ дѣло, нами противники возстають собственно противъ того, что по книгѣ пр. Іоны не только бросающіе жребій вѣрили, будто жребіемъ руководить непосред-

¹⁾ Евр. слово, стоящее здѣсь *б'иц'л'мі*, равно: *б'иц'л'мір*—*л'мі*; въ немъ предлогъ *б'*—за, въ значеніи уплаты, замѣны; *и* въ первомъ словѣ—обычно въ разговорномъ языкѣ сокращеніе относительнаго мѣстоимѣнія *'иц'л'*—*который, кто, чей*, относящагося къ *л'мі*; это послѣднее состоитъ изъ предлога: *л* и мѣстоименнаго суффикса перваго лица: *мі* въ значенія цѣли, отношенія. Существованіе же при *мі*—*л*, когда есть: *б'* предъ *и*, въ своемъ родѣ прилагательнымъ, относящимся къ *мі* же, обусловливаетъ собою для *и* возможность другаго существительнаго имени, каковымъ по контексту рѣчи и по сравненію съ Ос. 12, ⁴⁾ и Дан. 9, 26, естественно признать *'аок*—*грѣхъ, вина*. Поэтому все слово можетъ быть переведено: *за вину кого изъ насъ*.

²⁾ См. 1. Нав. 7, 14; 1 Цар. 10, 20—23; 14, 41; Дѣян. 1, 26; ср. Cicer. De natura deorum 3, 36.

ственно Самъ Богъ ¹⁾, а и въ дѣйствительности дѣло было такъ. Имъ кажется, что такое вмѣшательство Бога не въ теченіе уже жизни природы, а въ мелкія дѣянія человѣческія, обусловливающія собою такія, а не иные событія, унижаетъ Бога и, главное нарушаетъ свободу человѣческую; и потому они называютъ такое представленіе чудеснымъ въ смыслѣ невозможнаго и отсюда уже, дѣлая тотъ же логическій скачекъ, что и выше, заключаютъ о неподлинности факта. Но и это соображеніе объ униженіи Бога и нарушеніи свободы человѣческой опять не справедливо; ибо для того, чтобы отрицать возможность вліянія Бога на человѣка, нужно отрицать возможность вліянія и людей другъ на друга. Если же люди съ великимъ духомъ съ сильною волею и характеромъ могутъ заставить иногда другаго человѣка, даже помимо сознанія этого послѣдняго, дѣлать то, что имъ угодно: то почему же не можетъ сдѣлать этого Богъ всемогущій? ²⁾ И это нисколько не унижаетъ Его божескаго достоинства; потому что для величія Божія нѣтъ ничего малаго точно также, какъ и великаго; всѣ самыя крайнія конечныя различія для безконечнаго должны быть безразличны, какъ безразличны для Него тысяча лѣтъ и одинъ день (2 Петр. 3, 8). Не оскорбляется тавимъ вмѣшательствомъ и человѣческая свобода; потому что сама она не безусловна и подчиняется въ этомъ случаѣ безусловному. Не этимъ унижается безъ мѣры человѣческой духъ, отрицается его свобода, а тѣмъ предположеніемъ что въ жребіи, часто рѣшающемъ и теперь еще судьбу человѣка, все зависитъ отъ слѣпнаго случая, который если и можетъ быть названъ слѣпымъ, то только потому, что мы не понимаемъ его внутренняго смысла и значенія...

Кромѣ явленій, не заключающихъ въ себѣ никакого собственно нарушенія обычныхъ законовъ природы, противники исторической подлинности книги пр. Іоны указываютъ въ ней и такія, самый процессъ совершенія которыхъ прямо нарушаетъ, будто бы, со-

---

¹⁾ Что не только пророкъ Іона, а и язычники вѣрили въ власть Бога надъ жребіемъ, это видно изъ того, что корабельщики, обращаясь къ Богу съ молитвой предъ бросаніемъ Іоны въ море, говорятъ: Ты, Господи, творишь, что хочешь (14), а по укрощеніи бури, страхомъ великимъ устроились и принесли жертвы Богу (16 ст).

²⁾ Fugitivus hic sorte reprehenditur, non viribus sortium, sed voluntate ejus, qui sortes regebat incertas, говорилъ объ этомъ блаж. Августинъ.

бою точно известныя законы природы, прогнворѣчить имъ, опровергаетъ ихъ. Таковы рассказы о тѣнистомъ растеніи въ одну ночь выросшемъ надъ головой пр. Іоны и въ одну ночь засохшемъ (4, 6. 7. 10) и о трехдневномъ пребываніи пророка живымъ во чревъ рыбы великой (2, 1. 11). „Не можетъ, говорятъ они о первомъ изъ этихъ фактовъ, быть, чтобы растеніе въ одну ночь выросло на столько, чтобы дать собою тѣнь сидящему подъ нимъ человѣку и въ одну ночь засохло совсѣмъ, будучи подточено червемъ; потому что это прогнворѣчить законамъ и ходу жизни природы отъ вѣка установленнымъ“¹⁾. Но для того, чтобы утверждать такъ, нужно съ одной стороны погнѣе разслѣдовать слова книги пр. Іоны, съ другой спросить естествовѣдцовъ и путешественниковъ о томъ, есть ли такое растеніе и какъ скоро оно можетъ вырости и засохнуть.

LXX въ своемъ переводѣ обозначили растеніе, выросшее надъ головою пророка, словомъ: *κόλονθα*; слово это происходя отъ *κόλος*: *обрубленный, притупленный* означаетъ *тыква* и именно *круглую тыкву*, какъ и переведено въ славянскомъ и русскомъ (синодск. изд.) переводахъ. Но соответствующаго этимъ словамъ еврейскаго слова: *דל'את*, встрѣчающагося только въ мишиѣ²⁾, въ еврейскомъ подлинникѣ сваяц. книгъ нѣтъ вовсе. Не составляетъ вѣрнаго перевода еврейскаго подлинника книги пр. Іоны и латинское слово: *hedera*, стоящее въ вульгатѣ и значащее собственно: *плющъ*, какъ переводили и Акилла, Симахъ и Θεοδοτιώνъ (у нихъ стоитъ *κισσός*). Поэтому, какъ бы ни было правдоподобно, сдѣланное на основаніи всѣхъ этихъ переводовъ, возраженіе противъ исторической подлинности книги пр. Іоны вообще, и рассказа ся о тѣнистомъ растеніи въ частности³⁾; въ виду указанной не точности представленныхъ переводовъ и несоответствія ихъ еврейскому подлиннику книги, заранѣе можно усумниться въ основательности и вѣрности самого возраженія. Въ еврейскомъ подлинникѣ для обозначенія этого растенія стоитъ слово *קיקאיון*, которое Гитцигъ производитъ отъ египетскаго слова: *кѣкѣ*.

¹⁾ См. дит. предъ симъ мѣсто соч. Фридрихсена.

²⁾ См. цитов. уже статью Прейсверъа, стр. 11.

³⁾ Ни тыква, ни плющъ дѣйствительно не обладаетъ свойствомъ приращенія растенію въ книгѣ пр. Іоны.

сеницами оно должно быть прежде сломано или вообще повреждено, о чемъ не говоритъ книга пр. Іоны, по которой Богъ повелѣлъ червю подточить расгеніе; но указавъ на первопричину гибели растенія, на Бога, писатель книги имѣлъ право умолчать о посредствующихъ — о дождѣ и поврежденіи, которыя могли быть слишкомъ незначительными. А что писатель книги не хотѣлъ представить рассказъ о растеніи, какъ о чемъ-то вышеестественномъ, а описываетъ его, какъ естественное явленіе, это видно изъ того, что говоря о гибели растенія, онъ не первую причину этой гибели, Бога, только указываетъ, а и одну изъ послѣдующихъ, ближайшихъ матеріальныхъ; ибо онъ говоритъ, что червь подточилъ растеніе. Славянскому и русскому слову: *червь* въ подлинникѣ соотвѣтствуетъ слово: *т'олѣ'ят*, которое означаетъ прежде всего вообще червя, затѣмъ въ частности такого червя, который является при разложеніи и гніеніи (ср. Исх. 16, 20; Исаян 14, 11 и 66, 24) и отсюда уже наконецъ насѣбное, которое обгладываетъ виноградныя лозы (Втор. 28, 39). Ясно, что подъ послѣднее понятіе подходитъ и понятіе черной гусеницы, которая, по словамъ путешественниковъ, подтачиваетъ и palmam Christi.

Что касается факта самого возрастанія даннаго растенія, какъ онъ представленъ въ книгѣ пр. Іоны; то прежде всего не совѣмъ справедливо думать, будто это растеніе для того только и выросло, чтобы давать собою тѣнь отъ палящихъ лучей солнца пророку. Лучи солнца дѣйствительно нестерпимо жгли пр. Іону, какъ то явствуетъ и изъ вышеприведенныхъ свидѣтельствъ о восточномъ вѣтрѣ, дующемъ въ знойную пору года, но жгли не только тогда, когда подточено было расгеніе, а уже и тогда, когда Іона только что вышелъ изъ города. Они-то вѣроятно и заставили пророка сдѣлать себѣ шалахъ, кущу, чтобы сидѣть подъ ней въ тѣни ¹⁾. Слѣдовательно тѣнь пророку давала собственно куща, такъ что и съ изчезновеніемъ растенія тѣнь оставалась. Растеніе возрасло, чтобы избавить пророка отъ горести его — утѣшить его въ горести его; а горестъ его была не о томъ, что нѣтъ тѣни, а о томъ, что ожиданіе его относительно гибели Ниневіи не исполняется. Это

¹⁾ Евр. названіе кущи, судя по Быт. 33, 17, и Ис. 4, 6, означаетъ именно покрывку для тѣни отъ солнца.

очевидно тоже огорченіе, о которомъ говорится и въ первомъ стихѣ этой главы ¹⁾). Если же такъ; то правильнѣе шестой стихъ перефразировать такимъ образомъ: *и повеялъ Богъ подняться клещевина надъ головою Іоны, такъ что тѣнь была надъ нимъ (надъ головою его)*. При такой перефразировкѣ послѣднія слова должны указывать собственно на степень высоты, на которую поднялась клещевина надъ головою пророка. Высота эта должна была равняться по крайней мѣрѣ 4 или 5 фут. или приблизительно отъ 1½ до 2 арш. (англ. ф. = 6⁵⁶ вершка); а при такой высотѣ широта листьевъ должна была быть достаточною, чтобы дать тѣнь сѣдѣющему подъ ними человѣку. Неужели и въ этомъ нужно видѣть еще нѣчто противуестественное? Но клещевина при благопріятной погодѣ, какъ говорятъ очевидцы, способна въ нѣсколько дней подняться на высоту 10—12 фут.; чтожъ дивнаго, что въ первую ночь она достигла 1/3 этой высоты? Извѣстно, что одна изъ первыхъ формъ развитія организма есть преимущественно ростъ организма въ высоту, а не разширеніе его, или укрѣпленіе. Впрочемъ, если и считать такое быстрое возрастаніе клещевины, какое приписывается ей въ книгѣ пр. Іоны, безпримѣрно-необыкновеннымъ; то и въ такомъ случаѣ нельзя будетъ видѣть въ данномъ явленіи ничего противуестественнаго, а лишь нѣчто вышеестественное. Единственное, что можетъ казаться при этомъ вышеестественнымъ, это лишь усиленіе дѣятельности тѣхъ силъ и законовъ природы, которые вообще дѣйствуютъ въ данномъ растеніи. Но пусть такое усиленіе было вслѣдствіе увеличеннаго, такъ сказать, воздѣйствія на природу со стороны Бога, и въ этомъ смыслѣ данное явленіе было чудомъ, какъ и принято вообще считать его ²⁾; и въ этомъ случаѣ оно, какъ не противоестественное, а лишь вышеестественное, не можетъ быть отвергаемо въ своей возможности, какъ нельзя отвергать возможности усиленнаго дыханія слабогрудаго больного искусственными средствами. Разбираемое явленіе можетъ быть поставлено въ аналогію по формѣ своего совершенія съ казнями египетскими (Исх. 7—9 гл.), и въ этой аналогіи послѣднее его оправданіе, какъ подлиннаго.

¹⁾ Ср. цит. соч. Кейля, стр. 297.

²⁾ Нѣмцы называютъ это растеніе: Wunderbaum—чудное дерево

Итакъ разсмотрѣнное нами явленіе, выставленное противниками исторической достовѣрности книги пр. Іоны, какъ нарушающее собою законы природы и потому будто бы невозможное, должно быть вычеркнуто ими изъ списка возраженій противъ исторической достовѣрности содержанія книги.

Нѣсколько въ иномъ положеніи находится другой изъ указанныхъ фактовъ-фактъ трехдневнаго пребыванія пр. Іоны во чревѣ рыбы великой. Этотъ фактъ, составляя средоточный пунктъ всей книги пр. Іоны, около котораго группируется все остальное содержаніе книги, съ самыхъ древнихъ временъ служитъ первымъ и самымъ большимъ камнемъ преткновенія для признанія исторической подлинности этой книги: надъ нимъ смѣялись еще Лукіанъ Самосатскій, Порфирій и другіе язычники, считая изъ за него сказкой и всю книгу пр. Іоны ¹⁾; онъ служитъ исходнымъ пунктомъ и твердою опорой для современныхъ представителей отрицательной критики въ ихъ нападеніяхъ на книгу пр. Іоны не только на западѣ ²⁾, а и у насъ въ Россіи ³⁾. Оно и понятно. Въ самомъ дѣлѣ возможно ли, чтобы пр. Іона, брошенный корабельщиками въ глубину моря, по повелѣнію Божію, былъ поглощенъ китомъ великимъ, пробылъ во чревѣ его три дня и три ночи живымъ, при чемъ даже молился Богу, и потомъ снова по повелѣнію Божію былъ выброшенъ чудовищемъ на землю живымъ и невредимымъ? Возможно ли допустить это явленіе, какъ дѣйствительно бывшее? Не противорѣчитъ ли оно тому закону природы, по которому для жизни человѣческаго организма необходимо дыханіе воздухомъ, котораго, конечно, не могло быть во чревѣ кита? Да и могъ ли еще попасть пр. Іона въ это чрево? Вотъ вопросы, вызываемые рассказомъ о трехдневномъ пребываніи пророка во чревѣ китовѣ, вопросы, нужно сознаться, существенной важности. Если они не будутъ рѣшены въ пользу утвержденія факта, то нечего и думать о подлинности книги пр. Іоны, и объ ея пророчественно — прообразовательномъ значеніи; ибо именно этотъ фактъ имѣетъ главнымъ образомъ пророчественно-прообразовательное и правоучительное значеніе. Оче-

¹⁾ Цитать смотри выше во введеніи стр. 23.

²⁾ См. напр. Ейхгорна цит. соч. § 578: Гяццига, стр. 359, Фридрихсена 55 и м. и др.

³⁾ См. выше во введеніи стр. 41—42

видно, поэтому, на этот фактъ нужно обратить особенное вниманіе и въ отвѣтъ на всѣ поставленные невѣріемъ вопросы доказать, что фактъ трехдневнаго пребыванія пр. Іоны во чревѣ китонѣ возможенъ и не противорѣчитъ законамъ природы, и что рассказъ книги подлиннень и несомпѣненъ. Къ этому побуждаетъ наконецъ и то, что его считали подлинно историческимъ и Самъ І. Христосъ и всегда вѣрно понимавшіе его ученіе, Св. Отцы и учителя не только древней, а и новой православной церкви.

Прежде всего о томъ, какъ разсматриваемый нами фактъ обозначается въ книгѣ пр. Іоны. Въ еврейскомъ подлинникѣ книги пр. Іоны (2, 1) морское животное, во чревѣ котораго пророкъ пробылъ три дня и три ночи, названо: *дāг—iā дол*. Слово: *iā дол* прилагательное и означаетъ: *великій* вообще и прежде всего въ количественномъ отношеніи, въ отношеніи массы, окружности (см. числ. 34, 6), множественности, безчисленности (Быт. 12, 2; 50, 10), и за тѣмъ уже въ качественномъ отношеніи для опредѣленія степени силы, величія. Слово: *дāг* должно означать рыбу вообще безъ точнаго опредѣленія вида или породы ея. Для обозначенія водныхъ животныхъ—нерыбъ въ еврейскомъ подлинникѣ употребляется слово: *лв'іятāн* (см. Іов. 40, 25; Ис. 103, 26 и др.). Есть еще слово: *т'āн'іжм* (см. Быт. 1, 21; Іов. 7, 12; Ис. 27, 1; Исх. 7, 9), но оно, занимая среднее мѣсто между обоимъ предыдущими словами, можетъ означать и рыбъ и млекопитающихся, которыя обнимаются вышеприведеннымъ понятіемъ морскаго животнаго; послѣднее значеніе даже больше подходитъ къ этому слову. Слово же *дāг* не можетъ обозначать собою нерыбъ, какъ: *лв'іятāн*, или *т'āн'іжм*; это ясно видно изъ значенія и другихъ словъ, очевидно, одного съ нимъ корня. Такъ: *дāгāг* въ переносномъ смыслѣ значить: *размножался, увеличивался числомъ* (см. Быт. 40, 16); а это даетъ и существительному: *дāг* значеніе чего—то размножающагося, чрезмѣрно плодovitаго, что составляетъ одно изъ самыхъ существенныхъ свойствъ рыбъ, но чего нельзя сказать напр. о млекопитающихъ водныхъ. А что: *дāг* вмѣстѣ съ тѣмъ не можетъ обозначать собою какую-либо опредѣленную породу рыбъ, это ясно и изъ того уже напр., что Моисей, дѣлая различіе между чистыми и не чистыми рыбами, не даетъ тѣмъ и другимъ особыхъ названій, а обозначаетъ и

тѣхъ и другихъ однимъ и тѣмъ же словомъ: *daḡ* (см. Лев. 11, 9—10). Правда по поводу того, что въ слѣдующемъ 2-мъ стихѣ 2-ой главы книги пр. Іоны слово: *daḡ* поставлено въ женскомъ родѣ: *daḡā*? нѣкоторые высказывали мысль, что сначала пр. Іону поглотила рыба мужскаго рода, а потомъ, когда пророкъ въ ней не молился и былъ поэтому выброшенъ ею, его снова поглотила рыба женскаго рода ¹⁾; но 1) эта мысль можетъ быть упомянута развѣ только, какъ предостерегающій примѣръ того, до чего можетъ доводить иногда щепетильная привязанность къ буквѣ безъ сравнительнаго метода; 2) въ сущности же слово: *daḡā*? по сравненію съ Втор. 4, 18; Исх. 7, 18—21; Числ. 11, 5 и др., должно означать тоже, что и *daḡ*, съ тѣмъ лишь различіемъ, что въ этой формѣ слово: *daḡ* можетъ имѣть значеніе скорѣе собирательное, чѣмъ просто обще-нарицательное. Въ переводѣ LXX толковниковъ слова евр. подлинника: *daḡ*—*גָּדוֹל* переведены словами: κῆτος μέγα. Тоже слово: κῆτος употребилъ и І. Христосъ, когда въ разговорѣ съ фарисеями доказывалъ имъ Свое будущее воскресеніе, какъ знаменіе Своей Божественности, указаніемъ на разбираемый нами фактъ изъ книги пр. Іоны (Мѡ. 12, 40). Тоже слово употребляли въ своихъ толкованіяхъ и Св Отцы и учителя древней церкви восточной, обращая главнымъ образомъ вниманіе на пророчественное и правоучительное значеніе этого факта. Тоже, происходящее отъ греческаго: κῆτος, слово: *cetos* стоитъ въ латинской вульгатѣ, равно какъ и въ славянскомъ и въ русскомъ (изд. св. Синода) переводахъ, сдѣланныхъ съ LXX, гдѣ греческое слово: κῆτος оставлено безъ перевода. Въ другихъ русскихъ переводахъ (напр. арх. Макарія) еврейское слово: *daḡ* переведено словомъ *рыба*, точно также, какъ и въ нѣмецкомъ переводѣ Лютера. Очевидно, послѣдніе переводы болѣе точно и правильно передаютъ смыслъ еврейскаго слова: *daḡ*, чѣмъ LXX, вульгата, славянскій и русскій переводы. Но какъ смотрѣть и чѣмъ объяснить то, что въ LXX, вульгатѣ, славянскомъ и русскомъ переводахъ поставлено слово: κῆτος—китъ, какъ будто не соответствующее еврейскому слову: *daḡ*? И исполнѣ ли оно несоответствуетъ этому еврейскому слову?

¹⁾ См. Bibelwerk Lange A. T. XIX, Thl. 5, 28.

Въ отвѣтъ на поставленные вопросы нужно обратить вниманіе на то, что греческое слово: κήτος, поставленное LXX вмѣсто еврейскаго: דָּאִי, происходить отъ глагола χάω, или χάσκω—*зіяю, зѣваю, держу ротъ открытымъ*, и означаетъ прежде всего *пропасть, бездну* (χάσμα—*пропасть* происходитъ отъ этого же глагола χάω), далѣе въ приложеніи къ животному міру—*страшилище*, какъ нѣчто громадное по объему и съ зіяющею пастію, отсюда уже еще частнѣе—*морское чудовище* и, какъ представителей его, сначала *огромную морскую рыбу* и наконецъ уже *кита* въ собственномъ смыслѣ, какъ водное млекопитающее животное. „Κήτος θαλάσσιον, θηρίον πολυειδές· ἔστι δὲ λέων, ζύγαννα πάρδαλις, φύσαλις, πρήσις, ἢ λεγομένη μάλλι, ἢ μάθη.“ говоритъ одинъ изъ филологовъ—естествовѣдцовъ, на котораго ссылается Клейнертъ ¹⁾. Такимъ образомъ существенное, что необходимо предполагается всѣми вышеприведенными значеніями слова: κήτος, составляютъ два главнымъ образомъ понятія: понятіе чего-то громаднаго по своему объему и другое понятіе чего-то обладающаго огромною, зіяющею, какъ пропасть, пастію. Эти-то существенныя понятія, заключающіяся въ словѣ: κήτος, и имѣли вѣроятно въ виду LXX, не безъ истолковательнаго элемента дѣлавшіе свой переводъ, потому между прочимъ и получившіе имя толковниковъ, а не переводчиковъ, и перевели еврейское слово: דָּאִי не словомъ: ἰχθύς, въ которомъ собственно этихъ понятій, какъ существенныхъ признаковъ слова, не заключается, а именно словомъ: κήτος. Очевидно, LXX могли разумѣть подъ словомъ: κήτος, не кита—млекопитающее животное (хотя и это животное по представленію соединяемому съ нимъ, судя по филологическому разбору слова: κήτος, не могло быть исключено ими изъ понятія рыбы, стоящаго въ еврейскомъ подлинникѣ), а огромную морскую рыбу съ огромною пастію вообще. Что такое именно пониманіе слова: κήτος могло быть причиною перевода LXX-ю еврейскаго слова: דָּאִי не словомъ: ἰχθύς, а именно словомъ: κήτος, объ этомъ можно заключать и изъ того еще, что 1) слово: κήτος поставлено у LXX безъ члена, чего не могло бы, повидному, быть, если бы они разумѣли подъ этимъ словомъ кита въ собственномъ смыслѣ, и 2) въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ смн-

¹⁾ Клейнертъ приводит эти слова цитуетъ Bocharti Hieros. P. II. lib. V. cap. 19

слово еврейскаго текста въ словѣ: *דָּאִי* не дается, или по крайней мѣрѣ не составляется на первомъ планѣ понятія чего-то обладающаго огромною пастию, LXX переводили слово: *δαί* словомъ *ἰχθῦς*, какъ напр. Быт. 1, 28; 9, 2; Числ. 11, 22 и др., а тамъ, гдѣ имѣются въ виду водныя животныя, но не рыбы, они обыкновенно ставили слово: *δράκων*, какъ напр. Иов. 40, 20; 7, 12; Пс. 103, 26; Ис. 27, 1; Исх. 12, 9 и др. ¹⁾. Такъ вполне справедливо, кажется, можно объяснять употребленіе въ данномъ мѣстѣ книги пр. Іоны LXX-ю не слова *ἰχθῦς*, какъ бы повидному должно быть въ соотвѣтствіе еврейскому подлиннику, а слова: *κῆτος*, въ смыслѣ рыбы же, только не заурядной, такъ сказать, и обыкновенной, а огромной и обладающей огромною пастию, а чрезъ это вполне справедливо защищать ихъ переводъ, или по крайней мѣрѣ не обвинять его въ неточности и несоотвѣтствіи еврейскому подлиннику.

Точно тоже. что мы сказали объ употребленіи слова: *κῆτος* LXX-ю, должно сказать относительно употребленія этого же слова и въ передачи исторіи пр. Іоны Иисусомъ Христомъ и Св. Отцами древней христіанской—греческой церкви. I. Христосъ, приводя разбираемое мѣсто книги пр. Іоны, приводилъ его конечно въ переводѣ LXX, на которомъ читали тогда и евреи Слово Божіе, а слѣдовательно понималъ и слово: *κῆτος* въ томъ смыслѣ, согласномъ съ смысломъ еврейскаго подлинника, какъ и I.XX. Единственное, что можно сказать противъ этого, заключается въ томъ, что въ Евангеліи отъ Матѳея (12, 40) слово: *κῆτος* стоитъ съ членомъ: *τό*; это конечно заставляетъ предполагать, что слѣдовательно подъ словомъ: *κῆτος* здѣсь разумѣется китъ въ собственномъ смыслѣ. Но, какъ и выше мы замѣтили, понятіе кита не выдѣлялось тогда изъ понятія огромной морской рыбы съ огромною пастию; стало быть и при такомъ пониманіи дѣла ошибки въ переводѣ подлиннаго текста не было. Въ переводѣ же LXX читали Библию и христіане древней церкви; слѣдовательно, въ такомъ же, какъ и LXX, смыслѣ понимали слово: *κῆτος* и Св. Отцы древней церкви, употреблявшіе его безъ какихъ бы то ни было разъясненій въ своихъ толкованіяхъ на книгу пр. Іоны.

¹⁾ Ср. *Novus Thesaurus philologico—kriticus, sive Lexicon in I.XXV. Test. I. Ir. Schleusner. 1820, pars. 3.*

Обращаемся къ славянскому переводу библіи, гдѣ греческое слово: κήτος оставлено безъ перевода. Намъ кажется, что и славянскихъ переводчиковъ, переведившихъ Библию съ греческаго перевода LXX, нѣтъ резоновъ обвинять за употребленіе слова: *китъ*, а не слова: *рыба*, въ неточности перевода и въ несоотвѣтствіи его смыслу еврейскаго подлинника. За правильность ихъ перевода говорятъ то, что не только въ древне-славянскомъ языкѣ, а и въ современномъ намъ народномъ русскомъ говорѣ слово: *китъ* не имѣло и не имѣетъ такого частнаго и спеціальнаго значенія, какое оно имѣетъ теперь на болѣе или менѣе точномъ и опредѣленномъ языкѣ науки. Нашъ простой народъ и доселѣ говоритъ: *чудо-юдо рыба-китъ*, т. е. подъ китомъ разумѣетъ вообще рыбу, только исполинскихъ размѣровъ во всѣхъ отношеніяхъ, потому способную поглотить не одного человѣка ¹⁾. Но уже съ прошлаго столѣтія и у насъ свѣдующіе люди стали выдѣлять слово: *китъ* изъ ряда общихъ именъ, присвоивъ ему частное значеніе, какъ собственнаго имени опредѣленнаго вида морскихъ млекопитающихъ, отличнаго отъ моржей, тюленей и т. п., хотя и одного съ ними рода. Въ такомъ смыслѣ употребляетъ теперь слово: *китъ* всякій, мало-мальски развитый, человѣкъ. Поэтому въ современномъ русскомъ переводѣ болѣе соотвѣтствующимъ еврейскому подлиннику должно считать слово: *рыба*, стоящее въ переводѣ напр. арх. Макарія, чѣмъ слово: *китъ*, которое употреблено въ русскомъ переводѣ Библии синодскаго изданія. Появленіе этого слова въ синодскомъ переводѣ можетъ быть лишь извиняемо приспособительностію этого перевода къ народному пониманію, но оно не можетъ быть оправдываемо вполне, въ виду тѣхъ развитыхъ русскихъ людей, которые, забывая о современномъ видоизмѣненіи значенія слова: *китъ*, ссылаются на это слово ради загодозриванія подлинности книги пр. Іоны, а отсюда нерѣдко и всего Писанія.

Отсюда, заключаемъ свои параллели, не вполне виноваты противъ библейскаго и отеческаго пониманія сказанія книги пр. Іоны тѣ и пзъ западныхъ богослововъ, которые оставляли безъ перевода слово: κήτος и въ современныхъ имъ изданіяхъ Библии, и въ своихъ толкованіяхъ, какъ скоро это обуславливалось отсутствіемъ точ-

¹⁾ На трехъ китахъ, по народному возрѣнію, міръ стоитъ.

ности языка и вѣрности естественно-научныхъ данныхъ, какъ это было у LXX и у славянскихъ переводчиковъ; но они виновными становятся въ неточности перевода, какъ скоро съ словомъ: кѣтосъ стало соединяться исключительно частное значеніе, какъ собственнаго имени особаго вида морскихъ млекопитающихъ, и какъ скоро естественно-научныя свидѣнія объ немъ получили полноту, опредѣленность и точность ¹⁾.

Почему же все-таки употребленіе слова: кѣтосъ какъ современными русскими, такъ и западными богословами и не богословами въ его частномъ, спеціальномъ значеніи, какъ собственнаго имени особаго вида млекопитающихъ, при извѣстности естественно-научныхъ данныхъ объ этомъ видѣ млекопитающихъ, должно быть признано не только несоотвѣтствующимъ тексту еврейскаго подлинника книги пр. Іоны, а и несправедливымъ и потому виновнымъ? Потому, отвѣчаемъ, что утверждать, будто пророка Іону проглотилъ китъ въ собственномъ смыслѣ, значитъ утверждать нѣчто противоестественное. Ибо 1) въ средиземномъ морѣ, на юго-восточной окраинѣ котораго, недалеко отъ ифсскаго порта, на сѣверо-западъ отъ Палестины, былъ поглощенъ и выброшенъ на берегъ рыбою великою пр. Іона, по свидѣтельству путешественниковъ, киты не встрѣчаются; 2) китъ имѣетъ очень узкое горло, чтобы проглотить человѣка: его нищенріемный каналъ въ поперечникѣ имѣетъ не больше 7 дюймовъ, или съ небольшимъ 3 вершка, почему китъ и питается только мелкою рыбою; 3) при такомъ положеніи дѣла Богъ, повелѣвающій киту проглотить пр. Іону, является искажающимъ Имъ же Самимъ установленный законъ природы о пространственномъ отношеніи тѣлъ; а что противоестественно, то не возможно. Слѣдовательно или сказаніе объ этомъ событіи неподлинно, или пониманіе этого сказанія не правильно. Эту неправильность узко-буквальнаго пониманія слова: кѣтосъ въ приложеніи къ исторіи пр. Іоны указывали не только противники подлинности книги, а и тѣ, которые держались мысли,

---

¹⁾ А такіе виновные и на западѣ были уже 17 столѣтій. Таковы были Пейферъ—отецъ и сынъ; первый изъ нихъ въ защиту того, что именно китъ проглотилъ Іону, написалъ сочиненіе подъ заглавіемъ: *Prolectiones in prophetiam Ionaе*, 1763; послѣдній — *Dissertatio pro stabiliendo them. piscem Ionaе deglutinatorem fuisse balacnam*. Lub. 1797. См. у Фридрихсена, стр. 23.

что дѣйствительно именно китъ поглотилъ пророка. Мало того. Эта неправильность послужила даже тогда же, когда была замѣчена, поводомъ къ появленію неудачныхъ искусственныхъ объясненій и перетолкованій переводнаго текста книги съ цѣлію устранить указанные препятствія къ признанію подлинности факта и вмѣстѣ сохранить слово: кѣтосъ въ его частномъ значеніи ¹⁾).

Отъ сравненія и разбора словъ, которыми въ различныхъ переводахъ и въ еврейскомъ подлинникѣ обозначено существо, поглотившее пр. Іону, обращаемся къ самому факту. Пусть словами: кѣтосъ мѣта, *дай ѡдол*, *рыба великая* и *китъ великій*, обозначается одно и то же морское животное изъ породы рыбъ съ огромною пастью. Развѣ и при такомъ предположеніи фактъ не трехдневнаго только пребыванія пророка во чревѣ такого существа, а и самаго поглощенія его послѣднимъ не является противоестественнымъ, и Богъ развѣ не является при этомъ нарушающимъ Имъ же Самимъ установленные законы и свойства природы? Прежде всего естли такое морское животное, которое способно проглотить цѣлаго человѣка?

Св. Отцы и учителя древней христіанской церкви обычно отвѣчали на этотъ вопросъ утвердительно, не пускаясь въ подробныя разъясненія того, къ какой породѣ можетъ принадлежать такое животное, и руководясь при этомъ вѣрой въ несомнѣнность слова Божія. Но вѣра и въ своей области не исключаетъ знанія, объясняющаго и утверждающаго еѣ; поэтому какъ скоро стремленіе въ этому знанію пробудилось и съ неотразимою силою укоренилось въ христіански-вѣрующемъ обществѣ, явились попытки объяснить, развить, пополнить вѣру знаніемъ и, если

---

¹⁾ Попытки подобныя объясненій сдѣланы были въ началѣ прошедшаго столѣтія Гейманомъ и Гае. Гейманъ (въ *Die Nov. Litterat. Lipz.* 1720, Nr. 7. s. 116, по цитатіи Фридрихзена стр. 28) высказалъ предположеніе, что пр. Іона не въ самый желудокъ кита попалъ, а оставался въ пасти или внутренности его рта; Гае же (въ особомъ разсужденіи подъ заглавіемъ: *De leviathan Iobi et ceto Ionaе. Brem.* 1723. p. 243 etc) утверждалъ, что слово *во чрево*, должно означать не только желудокъ, а и вообще внутреннюю часть тѣла живаго организма, въ томъ числѣ и чрево матерное (*mutterleib*), мѣсто, гдѣ пребываетъ дѣтенышъ или младенецъ до своего рожденія (ср. Быт. 25, 28; Руе. 1, 11; Ис. 49, 1; Пс. 71, 6 и др.). Объясненія очевидно натянутыя, странныя и нисколько не помогающія дѣлу.

приобрѣтенное знаніе какъ будто разногласило съ данными вѣры, примирить и согласить ихъ. Само собою разумѣется, что пока стремленіе къ знанію оставалось и остается преимущественно только стремленіемъ, до тѣхъ поръ попытки эти не не могли и не могутъ быть удачными. Вотъ почему неумѣнье дать утвердительный отвѣтъ на поставленный вопросъ при желаніи его для однихъ богослововъ служило и служить побужденіемъ представлять разсказъ о пребываніи пр. Іоны во чревѣ рыбы не подлинной и точной исторіей, а легендой, лишь въ народномъ преданіи получившей такую чудесную окраску, другихъ же приводило къ искаженію факта путемъ видоизмѣненія самаго подлиннаго текста книги пр. Іоны. О первыхъ наша рѣчь была выше. Что же касается послѣднихъ; то еще Клерикъ говорилъ: „Я знаю одного человѣка, который предполагалъ, что пророкъ (Іона), будучи брошенъ въ море, былъ спасенъ другимъ кораблемъ, который пророкомъ аллегорически обозначенъ въ его исторіи подъ именемъ большой рыбы, и на которомъ прожилъ три дня и три ночи, послѣ чего капитанъ корабля высадилъ его на землю и далъ ему свободу“ ¹⁾. Позднѣ Лессъ и Антонъ старались даже развить и обосновать это объясненіе. Первый изъ нихъ говорилъ, что глаголь: *ḡalāx*, переведенный въ первомъ стихѣ второй главы словомъ: *поглотилъ*, можетъ означать: *справлялся, гладилъ, подобралъ, захватилъ*; а это будто бы очень идетъ къ данному мѣсту, если въ немъ подъ словами: *даи-ḡадо* разумѣть корабль, пзвѣстный подъ такимъ именемъ; это же въ свою очередь тѣмъ болѣе, будто бы, возможно, что древность имѣла обыкновеніе цѣловать корабль замѣтнымъ, видимымъ посредствомъ какого-либо знака и называть его именемъ этого знака ²⁾. Для этого стоитъ, будто бы, только еще слово: *ḡmā'āi* переводить не „во чревѣ“, а „внутри“ ³⁾. Антонъ обосновывая это мнѣніе, говоритъ, что глаголь *ḡalāx* по арабски значить: *принималъ, приближался*, а *mīm'āijm* съ халдейскаго можетъ обозначать и вѣшнюю

¹⁾ См. его *Bibliothèque ancienne et moderne*. Amst. 1710. Tom. XX. 2. p. 459.

²⁾ Такъ по Плутарху корабль разбойника Хиара имѣлъ на своемъ носу знакъ льва, а на кормѣ дракона. Александрійскій корабль, на которомъ плылъ въ Римъ ап. Павелъ, назывался Диоскуры (Дѣян. 28, 11).

³⁾ Подробное изложеніе его мнѣнія у Фридрихсена стр. 24—27.

поверхность чрева, точно также, какъ (буква б) предлогъ, стоящій предъ словомъ: *м'ѣи*, быть въ значеніи: *на*, а (буква м) предлогъ второго стиха—въ значеніи: *отъ*. Отсюда первый и второй стихи второй главы можно будто бы переводить такъ: *Богъ повелѣлъ большой рыби приближиться къ Ионъ и была Иона на чревь ся три дня и три ночи*. Чтобы объяснить далѣе, какъ это могло случиться, Антонъ предполагаетъ, что по распоряженію Божию въ то время и въ томъ мѣстѣ, когда и гдѣ выброшенъ въ море Иона, плывъ трупъ морскаго звѣря и, такъ какъ трупъ плывъ бокомъ или навзничь, то Иона, схватившись за плавательныя перья его, держался на немъ три дня, пока наконецъ трупъ не подплылъ къ берегу, гдѣ Иона и бросился на землю. Такому объясненію не противорѣчатъ, говоритъ Антонъ, и слова І. Христа въ Евангеліи отъ Маттея (12, 40); потому что греческій предлогъ *ευ* означать иногда и *на* ¹⁾. Почти такое же объясненіе разсматриваемаго нами событія высказали нѣсколько позднѣе Ваффель ²⁾ и Грисдорфъ ³⁾. Нѣчто подобное, въ качествѣ впрочемъ голословнаго предположенія, высказалъ и Ейхгорнъ ⁴⁾. Намъ лично пришлось слышать подобную фантазію отъ одного русскаго образованнаго читателя слова Божія. Правда, это послѣднее не предано тисненію печатнаго станка и не было обосновано научно; но важно то, что подобныя мысли могутъ находить вѣру и теперь еще; а потому и разбирать ихъ и теперь еще не несвоевременно, тѣмъ болѣе, что разборъ этотъ долженъ привести насъ къ признанію неудовлетворительности такихъ объясненій, добытыхъ путемъ видоизмѣненія текста.

Въ самомъ дѣлѣ нельзя конечно не согласиться, что греческій предлогъ: *ευ* означать и *на*; но достаточно обратиться къ контексту того мѣста изъ Евангалія, на которое ссылается Антонъ, чтобы видѣть, что здѣсь онъ означать не: *на*, а: *въ*. Иисусъ Христосъ былъ не *на* сердцѣ земли три дня и три ночи, а *въ* сердцѣ—въ серединѣ, внутри земли ⁵⁾; поэтому и пр. Иона, ради простаго со-

¹⁾ Подробное изложеніе его мнѣнія см. опять у Фридрихсена стр. 28—30.

²⁾ Его мнѣніе въ Eichhorn. Allgemeine Bibliothek der bibl. Litterat. Bd. VII, 1796, стр. 755—758.

³⁾ Ibid. Bd. X, стр. 485 и сл.

⁴⁾ См. его Einleitung in das alte Testament 4 Bd. 1 ausg. 1824. § 576.

⁵⁾ Сердцемъ земли называется адъ, преисподняя; поэтому и выраженіе

отвѣтствія прообразованному имъ событію, долженъ былъ быть не *на* чревѣ, а *во* чревѣ рыбы. Точно также мало помогаетъ дѣлу указанныхъ нами толкователей и ссылка на родственные еврейскому, халдейскій и арабскій языки. Языки эти родственные, но все же они—особые языки и потому ссылаться на нихъ въ доказательство такого, а не иного значенія того или другаго еврейскаго слова, не всегда справедливо; родственныя слова въ разныхъ языкахъ по разнымъ причинамъ получаютъ разные, если не значенія, то оттѣнки ихъ. Если же обратиться къ другимъ еврейскимъ священнымъ книгамъ и сравнить значеніе, навязываемое Антономъ и Лессомъ нѣкоторымъ еврейскимъ словамъ, съ тѣмъ, какое эти слова имѣютъ въ этихъ другихъ мѣстахъ Писанія; то вопросъ долженъ быть рѣшенъ не въ пользу Лесса и Антона. Такъ глаголь: *יָלַאֵחַ* въ значеніи: *пожиралъ, проглатывалъ*, употребляется и въ Ис. 28, 4; Быт. 41, 7. 24; Исх. 7, 12; въ этомъ же смыслѣ употреблено это слово и въ 1, 13 Аввак., на которое ссылается Лессъ. Точно также глаголь: *קָו*, встрѣчаясь въ Притч. 23, 8; 25, 16; Іов. 20, 15; Лев. 18, 28, означаетъ только: *плевалъ, блевалъ, вылевывалъ, извергалъ*, но не просто: *выходилъ*; потому и происходящее отсюда существительное: *קִי* въ Ис. 28, 8 означаетъ лишь *блевотину*. Не вполне точно наконецъ указаны противниками значенія и предлоговъ: *ב* и *מ*.—Къ этимъ лексикологическимъ погрѣшностямъ Лесса и Антона должно присоединить далѣе ошибки ихъ противъ еврейской грамматики. Такъ, если придавать глаголу: *יָלַאֵחַ* значеніе *приближался*, то послѣ него долженъ былъ бы стоять предлогъ: *'ל* или *ל'* въ значеніи: *къ*, или по крайней мѣрѣ *ב*, но ни какъ не частица: *'עַתָּה*, какъ въ книгѣ пр. Іоны. Эта частица означаетъ или простую зависимость слова, предъ которымъ она стоитъ, отъ предшествующаго глагола, какъ отъ дѣйствительнаго, и въ такомъ случаѣ не переводится, или указываетъ на покойное пребываніе предмета вблизи другаго и въ такомъ случаѣ переводится: *при, подлѣ, у*, но никогда не указываетъ на движеніе этого ли предмета, который означается зависящимъ отъ

I. Христа: *яко же бы Іона во чрево китовъ, тако будетъ Сынъ человеческій, въ сердци земли....* означаетъ не пребываніе тѣла I. Христа во гробѣ, что все же на поверхности земли, а пребываніе души Его въ адѣ. Ср. о молитвѣ за умершихъ. Пр. Никольскаго. 1861, стр. 196.

частицы словомъ, или къ этому предмету ¹⁾. Если же такъ, то первый стихъ второй главы нельзя переводить такъ, какъ переводитъ его Лессъ, точно также, какъ нельзя переводить согласно съ нимъ и съ Антономъ и одиннадцатаго стиха, гдѣ слово: *jōnāz* стоитъ въ причинной, вниительной зависимости (съ частицей *'et*) отъ глагола: *vāijākj*. Главная же ошибка Лесса противъ грамматики касается употребленія члена. Если бы слова: *dāi-īdol* имѣли опредѣленное собственное значеніе, какое предполагаетъ Лессъ, считая ихъ собственнымъ именемъ корабля, на которомъ плылъ пр. Иона; то онѣ стояли бы съ членомъ опредѣленнымъ, который въ еврейскомъ языкѣ, какъ и въ другихъ, имѣетъ значеніе указательнаго мѣстоимѣнія и ставится предъ словами, имѣющими или собственное, или вообще опредѣленное все-таки значеніе ²⁾; тогда было бы: *īādāi-īdol*. Если же такого члена нѣтъ, то едва ли можно допустить, что бы такое названіе корабля употреблено было безъ добавочнаго объясненія, что это именно есть имя корабля. Приведенные же Лессомъ примѣры, которыхъ можно много набрать и изъ современной исторіи, ничего не говорятъ въ его пользу; напротивъ свидѣтельство книги Дѣяній Ап. подтверждаетъ именно нашу мысль. Тамъ читается: *Μετὰ δὲ τρεῖς μῆνας ἀνήχθημεν ἐν πλοσί παρακεχησακότι ἐν τῇ νήσῳ Ἀλεξανδρίῳ, παρασήμῳ Διοσκοούροισ.* Что же касается самаго пониманія указанными толкователями разбираемаго нами факта на основаніи сдѣланнаго имъ видоизмѣненія текста, то и тутъ таже неудовлетворительность, какъ это мы уже видѣли выше ³⁾....

И такъ попытки, не выходя изъ мысли объ исторической подлинности книги пр. Ионы, представить разсматриваемое событіе естественнымъ посредствомъ видоизмѣненія буквального значенія словъ подлиннаго текста книги не удачны, ясно, значить, что, если мы не хотимъ ограничиться тѣмъ, что говорили св. Отцы, свидѣльствовавшіе, что, *идъже хоцетъ Богъ, побѣждается естества чинъ*, если мы хотимъ не вѣрить только, а и знать и хотя отчасти понимать возможность и представлять дѣйствительность разсматриваемаго событія, то должны не текстъ книги пе-

¹⁾ См. евр. грамматику Гечениуса въ переводѣ Россовича §§ 117. 118 и 122.

²⁾ См. *ibid* §§ 109 111.

³⁾ См. стр. 78—87.

редѣлывать сообразно съ своими знаніями и пониманіемъ, а наоборотъ — текстомъ провѣрять свои знанія и свое пониманіе, — должны искать, нѣтъ ли въ лѣтописяхъ знанія человѣческаго какихъ-либо положительныхъ данныхъ, объясняющихъ разбираемый нами фактъ и подтверждающихъ подлинность текста книги пр. Іоны. Такъ дѣйствительно поступали и поступаютъ большинство новѣйшихъ защитниковъ исторической подлинности книги пр. Іоны. Они выходятъ изъ того положенія, что писатель книги пр. Іоны, можетъ быть, самъ пророкъ этого имени, не былъ физиологомъ, способнымъ точно опредѣлить породу рыбы, его поглотившей, да и не имѣлъ возможности, захлебываясь въ волнахъ бушевавшаго моря, сдѣлать это, какъ говорить блаж. Августинъ, „безполезное изслѣдованіе“, и потому обозначилъ эту рыбу общимъ именемъ: *рыба великая* (въ подлинникѣ, какъ мы замѣчали уже, даже безъ опредѣленной члена), именемъ, подъ которымъ можетъ быть подразумѣвася всякая рыба, лишь бы она способна была проглотить человѣка. Думалъ, что пророкъ такъ неопредѣленно породу поглотившей его рыбы обозначилъ намѣренно, предоставляя опытному читателю самому опредѣлить эту породу, богословы-экзегеты для подтвержденія текста Библии, въ естественной исторіи вообще и въ исторіи морскихъ путешествій въ частности стали искать данныхъ для подтвержденія того, что такая рыба дѣйствительно есть. И вотъ что собрано ими изъ этихъ источниковъ въ оправданіе возможности для пр. Іоны быть поглоченнымъ рыбою великою.

Между множествомъ породъ рыбъ, наполняющихъ собою воды морей и между прочимъ средиземнаго моря, въ которомъ именно и былъ поглоченъ пророкъ рыбою великою, есть семейство акулъ изъ разряда пластинко-жаберныхъ, поперечно-ротыхъ. Эти акулы, какъ большая часть широко-ротыхъ, замѣчательны тѣмъ, что производятъ живыхъ дѣтенышей¹⁾; онѣ питаются живою добычею и мясомъ вообще. Ротъ у нихъ расположенъ снизу и поперегъ; такъ что онѣ для хватанія добычи перевертываются на спину. Зубы у нихъ обыкновенно остры, многочисленны и стоятъ въ нѣсколько рядовъ на волокнистомъ толстомъ валькѣ, находящемся по краямъ челюстей. Передній рядъ состоитъ изъ ста-

---

¹⁾ Вотъ новое оправданіе правильности перевода LXX и славянскаго.

рыхъ зубовъ, которые замѣняются по мѣрѣ истиранія вторымъ рядомъ, постепенно подвигающимся впередъ, второй рядъ замѣняется третьимъ и т. д. Это семейство заключаетъ въ себѣ болѣе ста видовъ и распространено преимущественно въ восточномъ полушаріи. Многіе виды этого семейства акулъ въ наше время уже вымерли. Къ числу наиболѣе выдающихся видовъ изъ темеръ еще существующихъ принадлежитъ *Carcharias Magaladon*—большая акула, достигающая слишкомъ тридцати англ. футовъ длины ¹⁾; но этотъ видъ не водится въ средиземномъ морѣ точно также, какъ и подразумеваемые нѣкоторыми подъ рыбкою великою книги пр. Іоны акулы изъ породы *Cachelot*. Замѣчательнѣйшій же видъ акулъ, которыя водятся преимущественно въ средиземномъ морѣ и атлантическомъ океанѣ, это *Squalus carcharias*—акула-людобѣдъ, которая достигаетъ 32 футовъ длины и часто нападаетъ на человѣка, проглатывая его даже цѣлымъ. И замѣчательно, какъ приспособлено устройство зубовъ этой акулы-людобѣда къ тому, чтобы проглатывать добычу свою цѣлою. Она посредствомъ нѣкоторыхъ вращающихся мускуловъ можетъ влечь свои 400 копьеобразныхъ зубовъ въ сторону, поднимать поодиночкѣ или всѣ вмѣстѣ и приводить въ движеніе такъ, чтобы не дотрогиваться ими до проглатываемой пищи ²⁾. Исторія же морскихъ путешествій представляетъ намъ на своихъ страницахъ цѣлый рядъ достовѣрныхъ фактовъ, вполне подтверждающихъ эти данныя зоологіи и показывающихъ, что акула послѣдняго вида не только можетъ проглатывать человѣка цѣлымъ, а и дѣйствительно проглатываетъ иногда. Рассказываютъ нѣсколько случаевъ, когда во чревѣ пойманной акулы находили неповрежденными и непереваренными цѣлыя льдины, тюленей, людей и даже лошадей. Такъ, въ той же естественной исторіи Окена ³⁾, изъ которой мы заимствовали главнымъ образомъ описаніе акулы-людобѣда, приводится рассказъ Пондела, что на западѣ Франціи онъ видѣлъ акулу, чрезъ пасть которой легко могъ пройти тучный человѣкъ. Въ 1758 г., по словамъ Линнея ⁴⁾ въ средиземномъ

¹⁾ По нашимъ мѣрамъ, полагая футъ=6,56 верш., около 12 арш., или 4 сажени.

²⁾ Oken, Allgem. Naturreich. Bd. VI. Thierreich. S. 55. Ср. энцикл. словарь Березина, 1873. Отд. I, ч. 1; стр. 399—401.

) Стр. 56.

) Въ Mullers Vollst. Natursystem des Ritters Carl von Linné. Thl. 11, s. 268.

морѣ одинъ матросъ, при сильномъ вѣтрѣ, уялъ съ фрегата черезъ бортъ въ воду, тотчасъ явилась акула, схватила его и матросъ исчезъ въ ея пасти. Видѣвшій это, капитанъ корабля тотчасъ приказалъ выстрѣлить въ акулу изъ пушки и пуля, пущенная въ нее, попала такъ удачно, что акула снова тотчасъ выплюнула находившагося въ ея пасти матроса, который потомъ неведомъ пойманъ былъ на подоспѣвшую шлюбку живымъ, только немного пораненнымъ и помятымъ, и такимъ образомъ матросъ былъ спасенъ. Пойманная потомъ и уже высушенная эта акула имѣла 20 фут. (около 8 арш.) длины и 9 фут. (слишкомъ сажень) ширины съ плавательными перьями, вѣсомъ 23 пудъ.

Прилагая теперь эти несомнѣнные данныя естественной исторіи и исторіи морскихъ путешествій къ разсказу книги пр. Іоны о поглощеніи его рыбою великою, смѣемъ думать, что первая и послѣдняя части этого факта—именно самое поглощеніе пророка рыбою, первые моменты пребыванія его въ ней не-вреднымъ и живымъ и изверженіе пророка Іоны рыбою—суть исполнѣ естественныя явленія, оправдываемыя неподкупнымъ опытомъ и потому не могуція со стороны своей возможности стать возраженіемъ противъ подлинности книги даже для невѣрующихъ.

Послѣ этого остается еще недоказанною главная часть разбираемаго нами факта; надъ ней по видимому еще во всей силѣ стоитъ ореолъ чудесности въ смыслѣ будто бы противоестественности, а слѣдовательно и невозможности. Въ самомъ дѣлѣ возможно ли, чтобы пророкъ пробылъ во чревѣ рыбы три дня и три ночи? Правда, словамъ текста: *три дня и три ночи*, по аналогіи съ I Цар. 30, 12. 13; Есѣ. 4, 15; 5, 1, нѣтъ надобности придавать строго буквальное значеніе и думать, что пр. Іона пробылъ во чревѣ рыбы $24 \times 3 = 72$ часа. На разговорномъ живомъ языкѣ у евреевъ, какъ и у насъ, такими словами обозначается иногда періодъ времени, граничащій съ концемъ перваго и началомъ третьяго дня и равняющійся 25 или 26 часамъ. Аналогія же евангельскихъ сказаній о трехдневномъ пребываніи І. Христа во гробѣ отъ девятаго часа дня (по еврейскому время счисленію, слѣдовательно по нашему отъ 3—6 ч. по полудни) пятницы (Мо. 27, 46; Мрк. 15, 40; Лук. 23, 43—46) до утра воскресенья—того утра, когда еще тьма была (Іоан. 20), а по церковному преданію лишь до полупочаго часа

воскресенья, — слѣдовательно лишь въ продолженіе 26—28 часовъ, и вполнѣ оправдываетъ такое ограниченіе времени трехдневнаго пребыванія и пр. Іоны во чревѣ рыбы. Но я этотъ срокъ, уменьшенный нами почти втрое противъ буквальнаго показанія текста книги, не слишкомъ ли долготъ для пребыванія пророка живымъ во чревѣ рыбы? Физиологія положительно утверждаетъ, что если атмосферному воздуху прекращенъ доступъ въ легкія, то не можетъ быть превращенія венозной крови въ легкіяхъ въ артеріальную, слѣдовательно не можетъ быть кровообращенія, а прекращеніе кровообращенія есть уже прекращеніе жизни ¹⁾. Какое заключеніе по отношенію къ исторіи пророка Іоны слѣдуетъ повидимому отсюда и какое дѣйствительно и выводятъ противники ея подлинности, понятно само собою... Но и это заключеніе, слишкомъ понятное, чтобы повторять его, слишкомъ поспѣшно, чтобы считать его окончательнымъ. Для того, чтобы говорить, что событіе невозможно, потому что противъ орѣчь законамъ природы, нужно, вполнѣ и точно знать всѣ законы природы, какъ орудія и средства, чрезъ которыя Богъ управляетъ и можетъ управлять міромъ; мало того, для этого нужно пониманіе законовъ природы, а не простое вѣдѣніе ихъ, основанное иногда на гаданіяхъ. Ни того, ни другаго нужнаго нѣтъ въ данномъ случаѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, когда мы говоримъ, что съ прекращеніемъ кровообращенія должна кончиться и самая жизнь; то развѣ мы дедуктивно заключаемъ, выходя изъ какой либо философской аксіомы, изъ рациональнаго пониманія свойствъ человѣческаго существа, съ которыми органически связанъ былъ бы указанный законъ природы? Едвали. Ибо что такое смерть? Отдѣленіе души отъ тѣла, говоритъ богословіе; прекращеніе всѣхъ физиологическихъ процессовъ, говорятъ естественныя науки. Та и другія говорятъ правду, но не договариваютъ; истина въ соединеніи обоихъ этихъ опредѣленій: смерть есть отдѣленіе души отъ тѣла или прекращеніе въ тѣлесномъ организмѣ духовной дѣятельности и вмѣстѣ прекращеніе жизни тѣлеснаго организма — прекращеніе его про-

¹⁾ Удушеніе даже у здоровыхъ арабскихъ и синголедскихъ водолазовъ наступаетъ не поздиѣе, какъ чрезъ 1 1/2 минуты полнаго пребыванія тѣла подъ водою.

цессовъ. Но это очевидно не пониманіе, не осмысленіе, такъ сказать, смерти, а лишь простое описаніе ея. Теперь извѣстно, что фізіологическіе процессы жизни тѣлеснаго организма подчинены матеріальнымъ законамъ—химическимъ и механическимъ. Какимъ же образомъ прекращеніе тѣлесной жизни можно считать причиною смерти, которая есть вмѣстѣ съ тѣмъ прекращеніе въ тѣлесномъ организмѣ и духовной жизни? Какимъ образомъ матеріальное можетъ быть причиною духовнаго? Можно ли утверждать причинную зависимость духа и его жизни отъ тѣла и его процессовъ? Опытъ говорить намъ, что внутренней органической связи между ними нѣтъ. Такъ мы знаемъ, что жизнь тѣлесная не прекращается часто въ человѣкѣ и тогда, когда жизнь духовная находится въ абсолютномъ покоѣ, напр. въ состояніи полной безсознательности, или непосредственно, такъ сказать, послѣ послѣдняго вздоха умирающаго. Почему же не допустить и обратнаго положенія, именно того, что и послѣ прекращенія кровообращенія и другихъ зависящихъ отъ него фізіологическихъ процессовъ возможна еще духовная жизнь—жизнь души въ самомъ этомъ организмѣ?.. Впрочемъ мы забѣгаемъ впередъ... Итакъ органической внутренней связи между жизнью духа и тѣла нѣтъ, и мы знаемъ, что такое смерть, но не понимаемъ ея. Стало быть прекращеніе кровообращенія, которое (кровообращеніе) мы всегда наблюдаемъ при жизни человѣка и котораго нѣтъ у мертваго, есть не причина смерти, а одно изъ условій ея, одно изъ сопутствующихъ смерти обстоятельствъ. Если же такъ, то заключеніе о прекращеніи жизни пр. Іоны на основаніи прекращенія кровообращенія есть лишь механическое ожиданіе повторенія старыхъ явленій (2 Петр. 3, 4; Лук. 12, 45), есть простая индукція, основанная на простомъ перечисленіи фактовъ, подходящихъ подъ эту категорію, и на подведеніи подъ эту категорію даннаго случая. Въ такомъ заключеніи первая посылка, какъ сказать кто-то, не мышленіе, а наблюденіе, а вторая, подводящая данный случай подъ категорію данной посылки, не сужденіе, а инстинктъ; а это будетъ значить, что такое заключеніе лишь гадательное, предположительное, основанное на неполномъ знаніи вещей, а не на пониманіи ихъ. Ибо какъ иначе въ противномъ случаѣ объяснить себѣ то, что если тотчасъ же за смертію отъ удушенія, т. е. отъ прекращенія доступа атмосфернаго воздуха въ легкія,

является воздухъ, если его начинаютъ искусственно вдыхать въ организмъ, мертвецъ не оживаетъ,—является тоже условіе жизни, но самой жизни нѣтъ? Это съ одной стороны. Съ другой, кому не извѣстны очень многочисленные случаи, когда люди принимали простыхъ лстаргиковъ за подлинно умершихъ и, какъ такихъ, хоронили ихъ въ землѣ? Сама медицинская наука, не смотря на все свое развитіе, до сихъ поръ не указала вѣрныхъ и несомнѣнныхъ признаковъ, по которымъ можно разпознать дѣйствительно умершаго отъ мнимо умершаго. Ясно, что и выводъ, какой можно сдѣлать изъ такихъ основоположеній, не можетъ имѣть окончательнаго, безусловнаго значенія; этотъ выводъ точно также лишь гадательный, гипотетическій.—Таковъ только слѣдовательно выводъ и о смерти пр. Іоны, дѣлаемый отрицательной критикой на основаніи двухъ фактическихъ посылокъ—общей о томъ, что жизнь безъ воздуха для человѣка невозможна, и частной, что пр. Іона во чревѣ рыбы не могъ имѣть доступа атмосфернаго воздуха въ свои легкія.

Еще. Если каждое умозаключеніе требуетъ провѣрки; то индуктивное въ особенности, а заключеніе о смерти пр. Іоны еще тѣмъ больше, потому что исторія передаетъ намъ фактъ, отвергающій это заключеніе и слѣдовательно опровергающій одну изъ его посылокъ: она говоритъ намъ, что пр. Іона былъ во чревѣ рыбы три дня и три ночи и не умеръ. Ясно, что одно изъ этихъ двухъ показаній, или показаніе выставленнаго умозаключенія, или показаніе исторіи ложно, какъ исключющее собою другое показаніе. Какое же показаніе ложно? Отвергающіе подлинность книги пр. Іоны считаютъ ложнымъ послѣднее. Но они поступаютъ такъ не законно и несправедливо уже по тому одному, что встрѣчая въ исторіи фактъ, противорѣчащій ихъ гипотетическому заключенію, подвергаютъ критику, повѣркъ одно это показаніе исторіи, не касаясь своего умозаключенія; очевидно они позабываютъ старинную пословицу: *et altera pars auditur*. Конечно и эта провѣрка одного историческаго показанія, кончающаяся отрицаніемъ его справедливости, была бы законна, если бы произведена была вполне доказательно и логично. Но этого то и нѣтъ въ данномъ случаѣ. Ибо основаніемъ, по которому они отрицаютъ подлинность показанія книги пр. Іоны, служатъ то выставленное ими заключеніе о смерти пр. Іоны, которое въ свою очередь само

основывается на разбираемомъ показаніи исторіи. Ясно, что такое доказательство, какъ заключающее въ себѣ *petitio principii*, логически несостоятельно. Отсюда съ логическою необходимостію вытекаетъ нужда въ провѣркѣ самаго умозаключенія о смерти пр. Іоны во чревѣ рыбы; нужно разслѣдовать справедливость посылокъ такого умозаключенія—какъ общей, такъ и частной, и это только разслѣдованіе должно или подтвердить или отвергнуть подлинность показанія книги пр. Іоны.

Общей посылкою служить положеніе, что человѣкъ не можетъ жить безъ воздуха, а частной,—что пр. Іона во чревѣ рыбы долженъ былъ быть безъ воздуха. Последнее положеніе основывается, мы сказали, на показаніи исторіи; но въ книгѣ пр. Іоны говорится собственно, что пр. Іона былъ во чревѣ рыбы живымъ, добавленіе же, что онъ былъ тамъ безъ воздуха—это собственные соображенія отрицателей подлинности книги. Послѣ этого краткаго замѣчанія о второй послылкѣ, обратимся къ разбору фактической справедливости ея, а равно и первой послылки—о томъ, что человѣкъ не можетъ жить безъ воздуха, и для этого поищемъ въ природѣ и исторіи случаевъ, несомиѣнныхъ и въ тоже время аналогичныхъ съ разбираемымъ нами фактомъ и постараемся объяснить всѣ ихъ.

По сказаніямъ одного англійскаго хирурга Коатона, долго не вѣрившаго способности прекращать на время дыханіе и не умирать, которою, какъ говорили ему, обладаютъ индійскіе фаиры, наконецъ сдавшася, какъ онъ выражается, передъ фактомъ, одинъ такой, лично ему извѣстный, югъ могъ оставаться безъ дыханія отъ 7 до 12 минутъ. Въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ за 1880 г., въ статьѣ „Изъ пещеръ и дебрей Индостана“ авторъ ея, какъ очевидецъ, рассказываетъ о такой способности не дышать по крайней мѣрѣ въ теченіе 20—40 минутъ и все таки не умирать, которою владѣютъ индійскіе фаиры¹⁾; этою именно способностью ихъ и объясняется возможность для нихъ сидѣть на тонкихъ жердяхъ по птичьи, стоять головою внизъ, опершись буквально одною ладонью на землю, и вообще принимать на долгое время, а иногда и навсегда, неестественныя положенія. А свойство, обозначающее собою зимнюю спячку многихъ животныхъ

¹⁾ См. „Моск. Вѣдомости“ 1880 г. № 138. Письмо XXII.

ежей, летучихъ мышей, и летаргію, практикують тѣже факиры, позволяющіе зарывать себя въ землю на нѣсколько недѣль и даже мѣсяцевъ ¹⁾. Теперь, какъ объяснить все эти явленія?

Не вдаваясь въ частности и подробности, попытаемся представить въ общихъ чертахъ значеніе воздуха для жизни на основаніи добытыхъ наукою данныхъ. Это значеніе несомнѣнно существенно важное, но не исключительное. Необходимый предикатъ жизни организма есть его постоянное измѣненіе; слѣдовательно жизнь организма необходимо проявляется въ дѣятельности, какъ бы мы ее ни понимали; всякая дѣятельность сопряжена съ разрушеніемъ матеріи—органа ея; разрушеніе предполагаетъ возобновленіе. Такимъ образомъ первое условіе жизни есть пища, восстанавливающая потраченные ткани. Но для того, чтобы пища удовлетворяла восстановленію потраченныхъ тканей, она должна быть: 1) приведена въ разжиженное состояніе; 2) въ такомъ видѣ должна быть всосана въ кровь и въ видѣ крови сообщена всему тѣлу и 3) здѣсь уже соединиться съ тканями тѣла, ассимилироваться съ ними и замѣнить ихъ собою. Эти превращенія или измѣненія совершаются при дѣйствіи вдыхаемаго нами воздуха. Воздухъ состоитъ изъ двухъ газовъ кислорода и азота. Активный дѣятель есть собственно кислородъ, который соединяется съ элементами пищи и тканями тѣла; результатомъ этого соединенія является горѣніе, ассимилированіе его съ нѣкоторыми частями пищи и тканей тѣла, нужныхъ для жизни; продуктомъ горѣнія является выдѣленіе одного изъ самыхъ главныхъ и ядовитыхъ газовъ—углекислоты и другихъ вредныхъ веществъ, выдыхаемыхъ нами. Такимъ образомъ воздухъ необходимъ для жизни организма, но не одинъ, а вмѣстѣ съ пищей и столько же необходимъ, сколько и пища. И это во всѣхъ живыхъ организмахъ, начиная съ самыхъ простыхъ и несложныхъ, не имѣющихъ особаго органа дыханія, кромѣ проникаемой перепонки, одна сторона которой обращена къ воздуху, а другая приходитъ въ соприкосновеніе съ кровью, и кончая тѣми сложными организмами, которые совершаютъ дыханіе посредствомъ особаго дыхательнаго аппарата, жаберъ и легкихъ ²⁾. Всѣмъ живымъ орга-

¹⁾ Тамъ же.

²⁾ Само собою разумется, что высшіе организмы, дышащіе жабрами или легкими, дышатъ также и кожей, т. е. владѣя болѣе совершенными органа-

низмамъ, и гадамъ, и насѣкомымъ, и рыбамъ, и животнымъ, и человѣку для поддержанія жизни нужна пища и для приведенія ея въ ткани тѣла, а равно и для выдѣленія вредныхъ продуктовъ нуженъ воздухъ, заключающій въ себѣ извѣстные проценты кислорода. Изъ этого уже можно видѣть, что количество вдыхаемаго воздуха для каждаго живаго организма необходимо особое; но у всѣхъ оно находится въ причинномъ и эквивалентномъ отношеніи къ потребляемой организмомъ пищѣ. Отсюда и происходитъ то, что для одного и того же организма потребны разнообразныя количества пищи отъ самого maximum'a до самого minimum'a, когда человѣкъ можетъ не ѣсть вовсе въ продолженіе напр. сорока дней; отсюда же нѣчто подобное должно быть и по отношенію къ воздуху. Съ другой стороны, если количество потребляемаго нами при дыханіи кислорода опредѣляется количествомъ потребляемой нами пищи, которую онъ долженъ преобразовать въ ткани тѣла; то чѣмъ меньше человѣкъ дѣйствуетъ (работаетъ ли то физически, или занятъ умомъ своимъ или чувствомъ, это все равно), чѣмъ меньше слѣдовательно онъ ѣстъ и чѣмъ слѣдовательно слабѣе его жизненные отправления: пищевареніе, всасываніе и кровообращеніе; тѣмъ меньшее количество кислорода необходимо для этихъ отравленій. Такъ, мелкія животныя потребляютъ по отношенію къ своему объему въ нѣсколько разъ больше пищи, чѣмъ крупныя; отсюда количество потребляемаго ими кислорода относительно опять къ ихъ объему въ нѣсколько разъ превышаетъ количество кислорода, потребляемое крупными животными. Тотъ же законъ приложимъ и къ различнымъ индивидуумамъ одного и того же рода. Молодыя животныя больше поглощаютъ кислорода, чѣмъ взрослыя и старыя; худощавыя больше, чѣмъ тучныя. Все это имѣетъ отношеніе и къ человѣку. И вездѣ этотъ законъ имѣетъ

ми, владѣютъ также и низшими. Если вынуть легкія у лягушки, необходимое окисленіе крови можетъ при низкой температурѣ происходить чрезъ наружныя покровы; даже и человѣкъ, хотя въ слабой мѣрѣ, дышетъ также и кожею. Нѣкоторыя мышцы, какъ напр. діафрагма, дѣлаютъ возможнымъ для легкихъ, процессъ дыханія и безъ рта или горла. Именно, когда венозная кровь притекаетъ къ легкимъ, то сообщаемое впечатлѣніе передается чрезъ извѣстные нервы въ извѣстные нервные центры, откуда оно отражается на другихъ нервахъ, связанныхъ съ упомянутыми мышцами, вслѣдствіе чего они соприкасаются и такимъ образомъ производятъ дыханіе.

и обратное дѣйствіе. Изъ свѣжей атмосферы, заключающей въ себѣ достаточное количество кислорода, мы вступаемъ въ испорченную, заключающую въ себѣ огромное количество выдѣленной при дыханіи углекислоты, которая, оставаясь, дѣйствуетъ на кровь, какъ положительный ядъ; наше дыханіе затрудняется и вслѣдъ затѣмъ ослабляются всѣ жизненные отправления; послѣ же этого дыханіе въ той же самой атмосферѣ снова дѣлается для насъ легкимъ, потому что мы при ослабленныхъ жизненныхъ отправленияхъ не нуждаемся болѣе въ такомъ количествѣ кислорода, потребнаго для жизненныхъ отравленій, и не выдѣляемъ больше такъ много угольной кислоты. До чего можетъ простираться упругость человѣческаго организма, позволяющая ему приспособляться къ измѣнчивымъ условіямъ пищи и воздуха, можно судить потому, что атмосфера, которая однихъ людей—здоровыхъ, съ здоровыми правильными и полными жизненными отправлениями, способна удушить мгновенно, другихъ—съ организмомъ ослабленнымъ постепеннымъ приспособленіемъ къ неблагоприятнымъ условіямъ жизни, оставляетъ живыми на нѣсколько не только часовъ, а и дней и даже годовъ. Это имѣетъ значеніе какъ по отношенію къ количеству составныхъ частей воздуха, такъ по отношенію къ количеству и всего воздуха. Нормальное количество воздуха, вдыхаемаго и выдыхаемаго нами каждый разъ, равняется 20—25 кубич. дюймамъ; но усиліями оно можетъ быть доведено до 90 и даже до 240 куб. дюймовъ. Точно также колеблется и процентное отношеніе кислорода воздуха, потребнаго для дыханія. Одинъ кислородъ безъ другихъ составныхъ частей воздуха также убиваетъ, какъ и полное отсутствіе кислорода. Если мы смѣшаемъ пятьдесятъ частей кислорода съ пятьюдесятью частями угольной кислоты—другой составной части атмосфернаго воздуха; то здоровое животное задыхается въ подобной смѣси, не смотря на то, что въ этомъ случаѣ количество кислорода вдвое больше сравнительно съ обыкновеннымъ количествомъ его въ атмосферномъ воздухѣ. Нормальное количество кислорода въ атмосферномъ воздухѣ 21°. Съ другой стороны если въ воздухѣ остается 10% кислорода и при этомъ не будетъ увеличиваться количество углекислоты, животное или человѣкъ здоровые еще дышать; при 3% же кислорода, даже при постоянно увеличивающемся пропорціи

углекислоты только гады способны дышать. Но что можно сказать о гадахъ, то же можно сказать и о человѣкѣ съ ослабленными жизненными отправлениями организма, будетъ ли происходить это ослабленіе отъ постепенно уменьшающагося количества кислорода, или отъ другихъ своихъ причинъ. Необходимымъ условіемъ въ этихъ причинныхъ взаимоотношеніяхъ количества кислорода потребнаго въ крайнихъ случаяхъ для дыханія, степени и силы жизненныхъ отравленій и количества пищи служить полная эквивалентность ихъ и, такъ сказать, постепенность, соразмѣрность.

Изъ всѣхъ этихъ данныхъ и соображеній съ несомнѣнностію выходитъ то заключеніе, что значеніе воздуха для жизни человѣческаго организма велико, но не безусловно. Невозможно жить безъ воздуха, если въ немъ меньше 3% или по крайней мѣрѣ 10% кислорода, который превращаетъ венозную кровь въ артеріальную, въ чемъ собственно и состоятъ суть кровообращенія, ассимилирующаго приносимые имъ элементы пищи съ тканями тѣла и чрезъ то возстановляющаго цѣлость тканей тѣла, тратимыхъ нами при движеніи и дѣятельности. Какъ скоро нѣтъ указанныхъ процентовъ кислорода, или если при достаточномъ количествѣ кислорода воздухъ чрезмѣрно насыщенъ еще углекислотой, наступаетъ удушье. Возможность же жизни организма при указанныхъ процентныхъ отношеніяхъ количества кислорода воздуха обуславливается лишь соответствующимъ этимъ отношеніямъ уменьшеніемъ движенія индивидуума, количества потребляемой имъ пищи и степени и силы жизненныхъ отравленій и въ свою очередь само обуславливаетъ ихъ. Таковы данныя фізіологіи объ условіяхъ жизни организма и значеніи для этой жизни воздуха ¹⁾.

Прилагая теперь эти данныя къ разбираемымъ нами явленіямъ фокусовъ индійскихъ факировъ, зимней спячки нѣкоторыхъ животныхъ и летаргіи, мы имѣемъ право сказать, что возмож-

---

¹⁾ Эти данныя фізіологіи представлены нами по „Фізіологіи обыденной жизни“ Льюиса въ переводѣ Борзенкова и Рачинскаго 1862 г. т. I, гл. 8. публичнымъ лекціямъ „о жизни и смерти“ В. Сэвори въ переводѣ Ламанскаго, 1865 и „учебнику фізіологіи“ Эрнста Врѣкке въ переводѣ пр. Стѣчкова. 1876 г. т. I, 2-я полов. стр. 156—160 и др.

ность всѣхъ этихъ явленій. т. е. возможность жизни индивидуумовъ во всѣхъ этихъ случаяхъ вполнѣ объясняется удивительною упругостію живаго организма, позволяющею ему приспособляться къ самымъ измѣнчивымъ условіямъ пищи и воздуха. Продолжительное и чрезмѣрное уменьшеніе или даже полное отсутствіе пищи или чрезмѣрное усиленіе дѣятельности, или то и другое вмѣстѣ, ослабляютъ отправленія организма всѣхъ такихъ индивидуумовъ—пищевареніе и кровообращеніе; ослабленіе этихъ процессовъ обуславливаетъ собою уменьшеніе потребности ихъ въ кислородѣ (при дыханіи), нужномъ для превращенія венозной крови въ артеріальную и для ассимилированія тканей пищи съ тканями тѣла, а равно и уменьшеніе при томъ же дыханіи выдѣленія продуктово горѣнія и ненужныхъ веществъ; уменьшеніе этой потребности обуславливаетъ въ свою очередь возможность дыханія не чистымъ атмосфернымъ воздухомъ а съ значительно до minimum'a уменьшенной дозой кислорода, это съ одной стороны, съ другой—даетъ возможность дышать не чрезъ ноздри, или ротъ только, а и чрезъ кожу и мышцы. Оттого и незамѣтно дыханія во всѣхъ этихъ случаяхъ. Довольствуясь ничтожнымъ количествомъ пищи, которая въ качествѣ матеріальнаго условія жизненныхъ отправленій замѣняется въ летаргіи и спячкѣ собственнымъ жиромъ организма, подверженные такимъ свойствамъ индивидуумы могутъ довольствоваться на столько ничтожнымъ количествомъ кислорода при дыханіи, что здоровый вполнѣ организмъ оно должно было бы привести къ удушенію. Предполагаемый недостатокъ кислорода умѣряется въ своей важности малымъ количествомъ углекислоты; въ угарной комнатѣ, насыщенной испорченной углекислотою и углѣродомъ, скорѣе можетъ наступить удушеніе, чѣмъ въ землѣ. Земля съ своимъ растительнымъ царствомъ поглощаетъ углекислоту и выдѣляетъ кислородъ. Оттого и понятною становится возможность фокусовъ факировъ, позволяющихъ зарывать себя въ землю на цѣлыя недѣли.

Если такимъ образомъ возможны и такъ объяснимы указанные случаи фокусовъ факировъ, спячки животныхъ и летаргіи: то какіе резоны можно выставить противъ того, чтобы считать возможнымъ и объяснимымъ, или по крайней мѣрѣ удобопредставляемымъ и фактъ трехдневнаго пребыванія пр. Іоны во чревѣ рыбы? Первое по времени и существенно-важное условіе всѣхъ разобран-

ныхъ нами фактовъ—это ослабленіе жизне-дѣятельности организма; но это ослабленіе таково, что напр. въ летаргіи и спячѣ оно до этихъ состояній незамѣтно; и вообще это ослабленіе есть не поврежденіе какое-либо, а именно въ собственномъ смыслѣ ослабленіе, слабость, отощаніе. Летаргію называютъ крѣпкимъ сномъ, слѣдовательно и передъ ней, какъ и передъ сномъ, бываетъ усталость, изнеможенность. Почему же нельзя предполагать такого изнеможенія у пр. Іоны? У него оно могло достигнуть даже высшей степени напряженія, и прежде всего отъ душевныхъ страданій. Пророкъ слышалъ голосъ Всемогущаго Іеговы, повелѣвающій ему проповѣдывать покаяніе въ Ниневіи (Іон. 1, 2), и предчувствовалъ, что Богъ, какъ человѣколюбивый, милосердый и долготерпѣливый, помилуется городъ, если онъ покается отъ проповѣди Іоны (4, 2. 3). Съ другой стороны Іона, какъ истый еврей, ревнующій о славѣ и чести Бога Своего, Іеговы, славѣ, которой отъ неисполненія его (пр. Іоны) слова грозитъ опасность быть уничтоженною отъ язычниковъ, всей душой преданный народу своему, не могъ не волноваться изъ-за того, что милость Бога израильскаго достанется на долю враговъ народа Его. Правда, пр. Іона бѣжалъ отъ лица Іеговы (1, 3); слѣдовательно его личныя мысли и чувства взяли въ немъ перевѣсъ надъ внушеніями Божественными; но можно ли сказать, что эта побѣда досталась ему безъ борьбы, безъ страданій и потугъ душевныхъ? Кромѣ этихъ душевныхъ мукъ Іона долженъ былъ страдать и физически. Чтобы представить себѣ эти физическія страданія, стоитъ только припомнить усталость пророка отъ нелегкаго въ жаркой Палестинѣ, можетъ быть, даже пѣшаго и по всей вѣроятности спѣшнаго путешествія изъ Геоаховера (4 Цар. 14, 25), который былъ не далеко отъ Каны Галилейской, — родины пророка, до Іонпійской пристани на берегу средиземнаго моря. Нѣтъ прямыхъ данныхъ, но можно предполагать, что въ это время Іона держалъ постъ и, быть можетъ, не однодневный. Какъ сильно должны были отразиться эти душевныя и тѣлесныя муки на организмѣ пророка, судя по живому и впечатлительному характеру его, не лишенномъ нервозности и легкой возбудимости, можно судить по тому, что пророкъ, пришедши въ Іонпю и сѣдши на корабль, уснулъ въ нижней части его и спалъ, какъ убитый, въ то время, какъ корабль

кидало изъ стороны въ сторону страшною бурей, поднявшеюся на морѣ (1, 4. 5). Въ это именно время Іону разбудилъ кормчій, стали бросать жребій и жребій, которому и онъ долженъ былъ вѣрять, какъ вѣрили и другіе, упалъ на него; вся буря думъ и чувствъ, тяготившая пророка до сна, снова и съ новою силою под нялась въ душѣ пророка. Онъ исповѣдуетъ вину свою предъ корабельщиками и не безъ боли и страха предлагаетъ имъ бросить его въ море; корабельщики не съ охотою, но все-таки исполнили волю его (1, 6—14); онъ въ морѣ; валы и волны морскіе надъ головою его; тилой морской обвилась голова его; онъ нисшелъ къ основаніямъ горъ и неминуемая смерть предъ глазами его (1, 15; 2, 3—7). Какъ громомъ, должны были поразить подвижную и впечатлительную душу пророка всѣ эти тревоженія, безпокойства и страданія и прямымъ естественнымъ слѣдствіемъ этого не только могло, а и должно было явиться крайнее ослабленіе жизне-дѣятельности организма страдальца. Не краткій срокъ времени этихъ страданій, ихъ непрерывность, всецѣлость, обнимающая собою и душу и тѣло, и высшая степень напряженія ихъ должны были истощить и ослабить отправленія тѣлеснаго организма пророка до изнеможенія и самаго крайняго замедленія ихъ. Усиленная же и чрезмѣрная дѣятельность, или болѣзнь, физическая ли то, или душевная, только непремѣнно напряженная, способны до того истощать и замедлять жизненныя отправленія тѣлеснаго организма, что человѣкъ, перенесшій ихъ, засыпаетъ, какъ убитый, при самыхъ, невидимому, неблагопріятствующихъ сну условіяхъ. Томительное безпокойство, недоумѣнія и ожиданія, а равно и изнурительныя страданія послѣднихъ дней жизни Нашего Господа привели учениковъ Его въ саду Геосиманскомъ въ состояніе глубокаго сна (Мѡ. 26, 37—46; Мрк. 14; Лук. 22, 46—47), а Самого, оставленнаго Отцомъ, Страдальца Богочеловѣка, распятаго на крестѣ, довели даже до гроба. Почему же нѣчто подобное не могли произвести страданія пр. Іоны? Мы не говоримъ про смерть, о которой съ такою радостію твердятъ противники подлинности книги этого пророка, хотя и выводятъ ее изъ противоположныхъ основаній; но почему-же страданія человѣка Божія не могли привести его въ состояніе глубочайшаго сна во чревѣ рыбы, или еще лучше, въ состояніе подобное летаргіи? Мы говоримъ: *или*; потому что между летаргіей и глубокимъ сномъ, выраженіемъ котораго можно считать

зимнюю спячку животныхъ, нельзя найти существеннаго различія, кромѣ различія въ степени и силѣ жизне-дѣятельности въ томъ и другомъ случаѣ. Психологическія и фізіологическія условія предшествующей разбираемому нами состоянію пр. Іоны во чревѣ рыбы жизни его хотя въ общемъ и повидимому не сильны и не поразительны, но въ своихъ частностяхъ онѣ такъ сложны, а въ своей силѣ такъ неувовимо глубоки, что отрицать возможность подобнаго исхода въ данномъ случаѣ едва ли возможно.

Другое дѣло — условія жизни пр. Іоны уже послѣ того, какъ онѣ попалъ во чрево рыбы; тутъ, повидимому, не такъ легко проводить параллель между жизнью пр. Іоны и разобранными нами явленіями летаргіи и др. Ибо какъ бы мы ни уменьшали количество кислорода, потребнаго для поддержанія жизни летаргика ли то, или факира, дозволяющаго зарывать себя въ землю, этого количества не можетъ быть менше десяти, или въ крайнемъ случаѣ трехъ процентовъ. Съ другой стороны для жизни наземнаго организма нужно не только то, чтобы въ окружающей его средѣ было извѣстное количество кислорода, но и то, чтобы кислородъ былъ въ *извѣстныхъ* химическихъ и механическихъ сочетаніяхъ съ другими опредѣленными газами. Могло ли все это быть въ положеніи пр. Іоны и быть именно такъ? И прежде всего могъ ли быть кислородъ во чревѣ рыбы, поглотившей пророка? Въ отвѣтъ на это прежде всего нужно замѣтить, что не только животныя наземныя, дышащія атмосфернымъ воздухомъ, а и живущія въ водѣ, необходимо нуждаются въ кислородѣ, и вода, лишенная необходимаго количества кислорода, также губельна для животныхъ водныхъ, какъ и атмосферный воздухъ безъ кислорода для животныхъ наземныхъ. У обыкновенныхъ рыбъ дыханіе совершается посредствомъ жаберъ; вода, омывая нѣжную поверхность жаберъ, отдаетъ имъ свой кислородъ и поглощаетъ угольную кислоту. Правда, рыбы, какъ животныя холоднокровныя, нуждаются въ слишкомъ маломъ количествѣ кислорода, сравнительно съ животными наземными — теплокровными; но мы знаемъ, что напр. сурки во время спячки потребляютъ кислорода едва $\frac{1}{30}$ того количества его, которое поглощается ими въ нормальномъ состояніи; быть можетъ, отношеніе это падаетъ еще сильнѣе при болѣе низкой температурѣ. Они имѣютъ слѣдовательно обмѣнъ веществъ столь же медленный, какъ и хо-

лодножровныя животныя, у которыхъ этотъ обмѣнъ происходитъ въ 23 раза медленнѣе, нежели у теплокровныхъ ¹⁾. Противъ ссылки на рыбъ дышащихъ кислородомъ, говорить, въ данномъ случаѣ, видимо, то обстоятельство, что рыбы дышатъ посредствомъ жаберъ, которыя, выдаваясь своею увеличенною поверхностію наружу, не допускаютъ огромному количеству испареній, происходящихъ при выдѣленіи водою кислорода, проникать внутрь организма; но кто же не знаетъ, что лягушки, дышашія легкими, живутъ также и въ водѣ, пропуская внутрь необходимое для жизни организма количество кислорода посредствомъ слизистой оболочки своего тѣла? Почему же нельзя допустить, что и у пр. Ионы дыханіе могло совершаться не чрезъ ноздри или ротъ, слѣдовательно не чрезъ легкія непосредственно, а чрезъ кожу и мышцы, т.-е. чрезъ наружныя поверхности организма? Въ тканяхъ тѣла самаго человѣка постоянно остается неизрасходованнымъ нѣкоторое количество кислорода точно также, какъ и угольной кислоты. Почему же этотъ кислородъ не могъ служить соединяющимъ звеномъ между кислородомъ воднымъ и кислородомъ, непрерывно потребляемымъ живымъ существомъ внутри своего организма при процессѣ обмѣна веществъ? Конечно, мы осмѣливаемся дѣлать такія предположенія только при мысли о приблизительно такомъ же медленномъ обмѣнѣ веществъ въ организмѣ пророка, какой бываетъ во время спячки животныхъ, или у летарника. Мы знаемъ, что летучую мышъ, или ежа во время дѣятельнаго состоянія можно скоро потопить; но во время спячки они могутъ пребыть подъ водою больше двухъ часовъ и все-таки послѣ остаться живыми. Стало быть для ослабленныхъ фізіологическихъ отправленій вполнѣ достаточно того кислорода, который находится въ водѣ и этотъ кислородъ можетъ проникать внутрь организма, не подвергая его удушенію отъ испареній. Впрочемъ, чтобы не забѣгать впередъ, напомнимъ еще, что водныя млекопитающія, не довольствуясь воднымъ кислородомъ, часто выплываютъ на поверхность, и тутъ вдыхаютъ въ себя атмосферный воздухъ. Дальше, нѣкоторыя породы большихъ морскихъ рыбъ для удобнаго выплыванія на поверхность

---

¹⁾ См. подробнѣе выше цит. сочн. Брукке, стр. 169.

воды дѣлають запасы воздуха, наполняя имъ не только брюхо, а и плавательный пузырь; въ этомъ случаѣ онѣ поступаютъ также, какъ верблюдъ, запасаящій воду на нѣсколько дней и не только самъ питающійся ею, а и дающій возможность питаться ею и человѣку ¹⁾. Наконецъ о той породѣ акулъ, жертвой которой сдѣлался пр. Иона, извѣстно, что самецъ проглатываетъ въ случаѣ опасности свое дѣтище не для того, чтобы пожрать его, а чтобы сохранить и выпустить невредимымъ.

Всѣ указанныя обстоятельства не объясняютъ ли, скажемъ вмѣстѣ съ г. Сибирцевымъ ²⁾, хотя отчасти, возможности случая бывшаго, конечно по изволенію свыше, съ преслушавшимъ волю Божию пророкомъ во чревѣ рыбы, и совершившагося сверхъестественнымъ образомъ? Или точнѣе, указанныя обстоятельства не дѣлають ли возможность разбираемаго нами случая болѣе или менѣе удобопредставляемою?..

Намъ скажутъ, что этотъ случай есть чудо, которое нельзя анализировать такъ подробно и точно. Но и для величайшихъ таинъ христіанской вѣры—для догматовъ Троичности Лицъ Божества, соединенія двухъ естествъ въ Богочеловѣкѣ и Его воплощенія, Св. Отцы и учителя Церкви развѣ не употребляли и не развивали въ качествѣ объясненія этихъ таинъ аналогій изъ міра естественнаго? *Свѣта отъ Свѣта*, читаемъ мы въ символѣ вѣры объ отношеніи Бога Сына къ Богу Отцу; а въ катихизисѣ нашемъ предложено и объясненіе этой аналогіи. Итакъ мы имѣемъ право на свои объясняющія аналогіи.. Намъ скажутъ, что аналогіи Св. Отцевъ вовсе не имѣють своею задачею уравнивать сравниваемыхъ ими явленій; ибо Св. Отцы одни изъ этихъ явленій называютъ естественными а другія же—прямо сверхъестественными. Отвѣчаемъ. И мы, употребляя свои аналогіи, далеки отъ того, чтобы отождествлять съ указанными обстоятельствами состояніе пророка; мы хотимъ только сказать, что и съ пр. Ионой было *что либо подобное*. Дѣлая свои уподобленія, мы вовсе не думаемъ снимать съ разбираемаго нами библейскаго факта ореола чудесности. Чудесность его видна уже въ томъ, что какъ бы далеко мы ни проводили свои параллели, мы никогда не можемъ довести ихъ до конца;

¹⁾ См. выше цит. физиологію Льюиса.

²⁾ См. его опытъ библейской естеств. исторіи, стр. 207.

между сравниваемыми фактами всегда останется не соразмѣримое и существенное различіе. Сравниваемые нами роды жизни—пр. Ионы во чревтѣ рыбы съ одной стороны, и факировѣ летаргиковѣ и пр. съ другой, аналогичны между собою въ матеріалѣ дыханія, источникѣ его и количествѣ нужныхъ для него газовъ, несоизмѣрима въ самомъ способѣ свосмѣ. Между тѣмъ какъ въ однихъ изъ этихъ фактовъ (не библейскихъ) способъ обмѣна газовъ окружающей среды и выдѣленія кислорода ихъ въ организмы живыхъ существъ есть одинъ изъ тѣхъ способовъ, которые даны природѣ Творцемъ при ея твореніи; въ исторіи же пр. Ионы это соединеніе и разъединеніе газовъ, совершившееся въ средѣ естественныхъ условій и предметовъ, было произведено Богомъ непосредственно, особеннымъ, нарочитымъ Его повелѣніемъ, высказаннымъ Имъ, такъ сказать, въ данный моментъ. Повелѣніе Божіе, воля Божія и тамъ и здѣсьодна и та же воля—Божія; но тамъ она есть та сила, или тотъ способъ, который данъ былъ Богомъ природѣ при твореніи послѣдней, слѣдовательно *посредственно* Божественный, здѣсь этотъ способъ *непосредственно самимъ Богомъ* указанъ природѣ въ данный моментъ; тамъ это—таже сила, которая дѣйствуетъ и въ другихъ явленіяхъ, хотя по частямъ, здѣсь это—сила, только въ данномъ случаѣ проявившаяся и проявившаяся во всей своей полнотѣ. Всюду въ природѣ дѣйствуетъ Богъ Своею силою, Своею волею; въ чудесномъ же Онъ, такъ сказать, Самъ лично присутствуетъ, какъ разумная сила, руководящая событіемъ, тогда какъ въ естественныхъ явленіяхъ для разумаго руководства ими Богъ посылаетъ слугъ Своихъ—ангеловъ. Въ чудесномъ присутствіе Божества вполне ощутимо и видимо въ сплутого, что въ немъ (чудесномъ) способъ воздѣйствія Божества не обыкновененъ, новъ, т. е. не только не вѣданъ нами, а и въ полномъ смыслѣ новъ, какъ не продолжающій уже только существовать, именно какъ только начинающійся и тутъ же кончающійся, въ данный моментъ изрекаемый и дѣйствующій. Богъ вездѣсущъ, но въ храмѣ мы ощущаемъ Его особенное присутствіе; мы не дѣйствіе Его только видимъ здѣсь, а какъ бы Существо, нераздѣльное съ Словомъ Его. Таково же, но нашему мнѣнію, различіе между присутствіемъ Божіимъ въ естественномъ и чудесномъ. Другой и, замѣтимъ кстати, самый существенный признаеть, выдѣляющій чудесное изъ ряда естественныхъ

явленій, это—высокія и чистыя цѣли чудснаго (2 Солун. 2, 9); но подробнѣе объ этихъ цѣляхъ ниже... Если же представленныя объясненія въ понятіи о чудесномъ исполнѣ справедливы; то возможность этого чудснаго, если не исполнѣ, то, по крайней мѣрѣ, отчасти, думается намъ, можетъ быть удобопредставляема. Если человѣкъ умѣетъ открывать все новыя новыя, долѣ не подозрѣваемыя имъ, скрытыя силы природы и прилагать ихъ къ жизни; то почему же Богъ не можетъ вызывать къ жизни прежде не обнаруживавшіяся силы природы и комбинировать ихъ по новыѣ отношеніямъ? Богъ—не *deus ex machina*, а живой Отецъ міра, и міръ—не часовой механизмъ, а живой организмъ, постоянно развивающійся и раскрываемый... Мы не понимаемъ исполнѣ, какъ Богъ можетъ дѣйствовать въ чудесномъ событіи; но мы и въ естественныхъ явленіяхъ сути-то дѣла не понимаемъ, а можемъ лишь знать о ней, или представлять ее. Стало быть чудо вообще возможно и въ своей возможности удобопредставляется для человѣка. Отсюда точно тоже можно сказать и о пребываніи пророка во чревѣ рыбы въ частности, т. е. можно сказать, что водный кислородъ могъ выдѣляться изъ другихъ газовъ въ организмъ пр. Іоны, не подвергая его опасности задушенія и организмъ пророка могъ воспринимать выдѣляемое количество кислорода и довольствоваться имъ для продолженія своего существованія. Ибо 1) такое или иное сочетаніе газовъ, состоящихъ изъ мертвыхъ атомовъ во власти одной, общей всему живому и объединяющей собою все, силы—Бога; 2) жизнь высшаго организма въ низшей сравнительно съ обычной для него формѣ бытія понятна въ своей возможности по самому понятію объ этомъ организмѣ, какъ вышемъ. Мы знаемъ не мало объясняющихъ ее примѣровъ. Такъ ангелы, духи безплотные, вкушаютъ пищу на самомъ дѣлѣ: потому что принимаютъ на время низшія формы существованія. Человѣкъ, существо чувственное и духовно-нравственное, часто живетъ одною животною жизнью. Правда, въ данныхъ примѣрахъ рѣчь о духовныхъ существахъ и духовныхъ формахъ жизни; но отъ этого сила ихъ доказательности не должна уменьшаться. Первый же изъ нихъ объясняетъ даже возможность полной духовной жизни и при низшей формѣ бытія для существъ высшей организаціи. Впрочемъ спустимся ниже къ разбираемому нами факту. Мы знаемъ, что тяжести можно переносить и на

ромъ, и лошадыми, и на себѣ; во всѣхъ этихъ случаяхъ тяжесть переносится безъ ущерба для нея, лишь съ разной скоростью; дыханіе есть также въ своемъ родѣ перенесеніе кислорода воздуха въ кровеносныя сосуды, то чрезъ кожу и вообще наружныя покровы, то чрезъ жабры, то чрезъ легкія. Низшія формы организмовъ переносятъ тяжесть кислорода внутрь организма простѣйшимъ способомъ; высшія и болѣе сложныя, каковъ человѣкъ, имѣютъ для этого особый аппаратъ легкія. Почему же онъ не можетъ при имѣніи этого особаго аппарата переносить въ себѣ кислородъ, такъ сказать, на себѣ—чрезъ кожу и мышцы?..

Заканчивая рѣчь свою о разбираемомъ нами явленіи, о трехдневномъ пребываніи пророка во чревѣ рыбы, позволяемъ себѣ сказать еще два—три слова въ защиту избранныхъ нами аналогій—спячки животныхъ, летаргій и фокусовъ индійскихъ факировъ. Правда, біблія представляетъ намъ пр. Іону молящимся во чревѣ рыбы, слѣдовательно дѣятельнымъ и какъ бы неперемѣняющимъ строя душевной жизни сравнительно съ предыдущимъ его состояніемъ, что, какъ будто, не походитъ на состояніе летаргиковъ, факировъ и животныхъ въ спячкѣ; но именно только повидному не подходитъ, а не на самомъ дѣлѣ. Ибо а) та же біблія, представляя намъ молитву пр. Іоны во чревѣ рыбы, ничего больше не говоритъ объ этомъ состояніи; въ душѣ Іоны ничего больше могло и не быть; онъ дѣйствительно какъ будто и не зналъ, гдѣ онъ, какъ и что вообще съ нимъ, и даже не задавался этими мучительными вопросами въ своей молитвѣ. Не служитъ ли это прямымъ свидѣтельствомъ о медлительности душевныхъ процессовъ въ пророкѣ, происходящей отъ медлительности физиологическихъ процессовъ его организма? Это съ одной стороны. б) Съ другой стороны всѣ указанные нами аналогичныя съ разбираемымъ событіемъ примѣры въ существѣ суть лишь глубокой сонъ; но едва ли кто станетъ отрицать, что во снѣ мы всегда теряемъ свое сознаніе; напротивъ во снѣ часто бываетъ просвѣтлѣніе сознанія; стоитъ только вспомнить о пророческихъ сновидѣніяхъ ¹⁾. Что же касается летаргиковъ, то мы имѣемъ прямая свидѣтельства возвратившихся къ жизни летаргиковъ о томъ, что въ со-

---

¹⁾ См. подробности о ясности личнаго сознанія во снѣ у Морн „сонъ и сновидѣніе.“

стояніи летаргїи они не теряли своего сознанія; мало того, они слышать, ощущаютъ, думаютъ, желаютъ ⁴⁾ и т. п.

Послѣ анализа выставленныхъ противниками подлинности книги пр. Іоны разсказовъ ея о фактахъ и явленіяхъ чудесныхъ и потому, будто-бы, невозможныхъ, и защищенія возможности каждаго изъ нихъ въ отдѣльности, не лишни еще нѣсколько словъ касательно самаго обилія этихъ чудесныхъ фактовъ и явленій, разсказанныхъ въ книгѣ пр. Іоны, и ихъ безцѣльности, противъ чего точно также не мало говорятъ противники подлинности этой книги. Указываемое обиліе чудесныхъ фактовъ и явленій, наводящее, будто бы, на мысль о неподлинности самого разсказа объ нихъ, само по себѣ ровно ничего не можетъ говорить противъ подлинности тѣхъ фактовъ и явленій, какъ скоро доказана возможность каждаго изъ нихъ въ отдѣльности. Мало ли гдѣ много чудесъ; но вывести изъ обилія ихъ ихъ неподлинность значитъ только обнаруживать свое безсиліе, и если появленіе такого возраженія противъ нашей книги можетъ быть какъ-нибудь оправдываемо. то развѣ только тѣмъ, что вмѣстѣ съ этимъ соображеніемъ противники подлинности книги говорятъ и о безцѣльности чудесъ, разсказанныхъ въ ней. „Цѣлая масса чудесъ совершена была по книгѣ пр. Іоны, говорилъ Гитцигъ, и все это для одного пр. Іоны, который по характеру своему не стоилъ ихъ“. Но и это оправданіе не можетъ вполнѣ обезвинить противниковъ. Пусть пр. Іона по своему характеру, по своимъ религіозно-нравственнымъ качествамъ, стоялъ очень невысоко; можно ли выводить отсюда, что онъ, какъ такой, не стоилъ чудесъ? Какъ будто чудеса, какъ какая награда за добродѣтели, раздаются Богомъ только достойнымъ. Переберите всѣ чудеса ветхаго и новаго завѣта и посмотрите, какая цѣль ихъ. Покарать, наказатъ грѣшника нераскаяннаго, наставить, научить и исправить заблудшаго, помочь бѣдствующему и нуждающемуся— вотъ главныя цѣли чудесъ, какъ знаменій силы Божіей, ясно дающихъ чувствовать руку всемогущаго и благаго Бога; поэтому онѣ совершались и для жестоковѣрныхъ іудеевъ и даже для жестокосердаго Фараона (Иск, 7—11 гл.) Съ этой точки зрѣнія смотри на цѣль чудесъ, вполнѣ естественно придти къ вы-

---

⁴⁾ См. Душ. Чтеніе 1869, 11. 6, 36—42 и др.

водамъ совершенно противоположнымъ тѣмъ, какія сдѣлали относительно чудесъ книги пр. Іоны противники ея подлинности; ибо Богъ по закону святой правды и благодати Своей бѣльшее попеченіе долженъ имѣть объ одной заблудшей овцѣ, чѣмъ о девяностидесяти девяти незаблудшихъ (Лук. 15, 4—8). Истина этихъ выводовъ такъ очевидна, что страннымъ даже представляется, какъ могли говорить о безцѣльности чудесъ книги пр. Іоны люди, унижающіе религиозно-нравственный образъ пророка до крайнихъ предѣловъ. Въ своемъ возраженіи противники очевидно смѣшали Совершителя чудесъ съ тѣмъ, на комъ и для кого чудеса совершались, позабывъ, что по книгѣ пр. Іоны Іона—не совершитель чудесъ, а лицо, надъ которымъ онѣ совершались непосредственно самимъ Богомъ. Позабыли и смѣшали; смѣшали и солгали; солгали относительно безцѣльности чудесъ, солгали и относительно религиозно-нравственного состоянія пр. Іоны, будто оно было слишкомъ низко... Да, это послѣднее жестокое слово о пророкѣ Іонѣ—ложь и клевета; не отвѣчать на нее, даже по чувству нравственного долга нельзя, и отвѣтомъ на нее мы начнемъ разборъ второй группы положительныхъ основаній неподлинности книги пр. Іоны, заимствуемыхъ изъ самого ея содержанія.

Да не оскорбится благочестивое чувство читателя, если мы для разоблаченія указанной клеветы относительно религиозно-нравственного состоянія пр. Іоны, приведемъ ее подлинными словами одного изъ тѣхъ невѣровъ, которые съ какимъ-то дерзкимъ высокоуміемъ высказываютъ свои плотскія сужденія о вещахъ священныхъ. Мы имѣемъ въ виду Ейхгорна. „Характеръ пр. Іоны, говоритъ онъ ¹⁾, не заслуживаетъ никакого одобренія. Его пророческое вѣщаніе—вотъ идолъ, которому онъ желаетъ видѣть все принесеннымъ въ жертву; но ему нравится его пророческое вѣщаніе не само по себѣ, а потому, что оно сопровождается угрозою за неисполненіе его, и даже только потому, что за этой угрозой должны неизбѣжно слѣдовать смерть и гибель; и на та-

---

¹⁾ См. его Einl. § 336—338; согласно съ нимъ въ общемъ, хотя и не такъ резко, изображаютъ характеръ пророка и Гупцигъ (стр. 368), и Гертольдъ, вѣ изъ остальныхъ противниковъ подлинности книги пр. Іоны тѣ, которые думаютъ, что книга написана для олицетворенія недостатковъ Израиля.

кую-то проповѣдь онъ идетъ все таки лишь потому, что его страшитъ мысль о той потрясающей судьбѣ, которую пришлось ему испытать. Проходитъ нѣкоторое время послѣ произнесенія пророкомъ его грознаго слова; онъ напрасно ждетъ прореченнаго имъ бѣдствія; оно не приходитъ, и Иона проситъ себѣ смерти, не желая видѣть своей пророческой чести оскорбленною жизнію столь многихъ тысячъ. Онъ препирается съ Богомъ, всемогущая рука Котораго надъ нимъ и вѣдъ предѣловъ его отечества повергла его во чрево морскаго чудовища и снова поставила его между живыми и чрезъ это давала возможность и научала быть благоразумнѣе не изъ одного только страха. Къ подобной дерзости и проклятіямъ Иону увлекаетъ его злое сердце, приходящее въ раздраженіе отъ потери такой ничтожной вещи, какъ тѣнь клещевины. Божественнаго вѣстника не могутъ пристыдить и исправить своимъ поведеніемъ даже его языческіе спутники на кораблѣ готовомъ разбиться: они боятся Иеговы, онъ нѣтъ; они направляютъ корабль къ твердой землѣ, чтобы спасти его, виновника постигшаго ихъ бѣдствія, и просятъ у Иеговы прощенія, если они по необходимости должны будутъ пожертвовать жизнію одного, чтобы спасти многихъ; а онъ съ холоднымъ и гордымъ презрѣніемъ отвергая это предложеніе, требуетъ, чтобы его отдали волнамъ“. Выставивъ такимъ образомъ пр. Иону себялюбивымъ челоѣконенавистникомъ, безжалостнымъ гордецомъ и капризнымъ трусомъ по отношенію къ Богу и людямъ, Ейхгорнъ съ видомъ честнаго ревнителя правды, возмущающагося нравственнымъ безобразіемъ характера пророка, характера, который онъ обозвалъ при этомъ дьявольскимъ, заключаетъ свою характеристику, словами, что „для болѣе рельефнаго воспроизведенія этого гнуснаго религіозно-нравственнаго образа пророка у него не хватаетъ ни красокъ, ни силъ“, и при этомъ восклицаетъ: „это ли характеръ и поведеніе челоѣка, посылаемаго въ качества вѣстника Иеговы“?!

Конечно много недоумѣнныхъ вопросовъ вызываетъ въ насъ поведеніе пр. Ионы и его отношеніе къ Иеговѣ и къ язычникамъ, его бѣгство отъ Иеговы, его нежеланіе проповѣдывать покаяніе виновитянамъ, его огорченіе по поводу неисполниваго предсказанія. Но на основаніи этихъ фактовъ клеймить характеръ и религіозно-нравственный образъ пророка именемъ дьявольска-

го, именовъ, дальше котораго некуда уже идти въ униженіи достоинства человѣка, это—такая крайность, которую можно допустить только вслѣдствіе ослѣпленнаго пристрастія къ своему мнѣнію; ибо говорить, что эти черты характера немислимы, какъ черты характера пророка Божія, и въ то же время утверждать, что черты эти вымыслены съ нравоучительной цѣлю, это внутреннее противорѣчіе, уничтожающее справедливость обоихъ положеній. Нѣтъ сомнѣнія, что въ образѣ пр. Іоны могутъ оказаться тѣни, или темныя мѣста; но эти тѣни лишь еще ярче должны выставить тѣ свѣтлыя черты религиозно-нравственнаго образа пророка, которыя въ глазахъ вѣрующихъ ярко блещутъ на челѣ избранника Божія и о которыхъ какъ будто совсѣмъ забываютъ хулители пр. Іоны. Чтобы не бланжиться этими темными пятнами въ религиозно-нравственномъ образѣ Іоны, нужно прежде всего не противопоставлять ихъ религиозно-нравственнымъ достоинствамъ язычниковъ, выведенныхъ въ книгѣ, какъ дѣлаетъ то Ейхгорнъ. Ему хочется видѣть въ этихъ послѣднихъ одно лишь хорошее; но нужно помнить, что эти язычники прежде, чѣмъ стать хорошими, были съ *руками, полными беззаконій, были людьми, вопль злобы которыхъ доходилъ до самого неба.* Съ другой стороны нужно отрѣшиться отъ того догматическаго предубѣжденія, по которому библейскіе священные характеры должны быть тверды, какъ скала, предубѣжденія, по которому лица, окружаемыя въ нашемъ сознаніи ореоломъ святости, каковы именно пророки и апостолы, должны во всей ничѣмъ нерушимой неподвижности и неизмѣнности стоять на той умственной и нравственной высотѣ, проповѣдниками которой они являются и которая вообще болѣе, какъ будто, свойственна друзьямъ Божиимъ. На самомъ дѣлѣ не такъ. И библейскія священные лица, въ своей духовной жизни, *подобострастные намъ человечцы* и потому достигаютъ свойственной имъ религиозно-нравственной высоты не сразу и непосредственно во всей полнотѣ, а также, какъ и прочіе люди, постепенно, не безъ борьбы и мученій, не безъ зависимости отъ окружающихъ ихъ вліяній времени и мѣста; напротивъ эта внутренняя борьба праведниковъ, не возможная безъ надеждъ, и есть свидѣтельство о духовной жизни, духовномъ ростѣ, а не смерти ихъ. Такъ, правда ветхозавѣтные пророки по самому званію своему стражей дома израилева, должны были знать законъ Божій;

по это знаніе было не непосредственно всецѣлое, а пріобрѣтаемое путемъ наученія и откровеній. Предъ ихъ духовнымъ взоромъ, въ минуты воздѣлствія на нихъ Духа Божія, проносились божественныя мысли и чувства, но не во всей ихъ необъятной широтѣ, высотѣ и глубинѣ, а съ тѣхъ лишь сторонъ, съ которыхъ эти мысли должны были быть открыты людямъ по планамъ божественнаго домостроительства, и въ томъ ихъ объемѣ, въ той ихъ формѣ, съ которыхъ сами люди могли воспринять ихъ въ себя, не разрушая свойствъ своей человѣческой природы. Этого требуетъ какъ самое понятіе вдохновенія, такъ и понятіе о природѣ человѣческой. Природа человѣческая не только условна и ограничена, а и повреждена первороднымъ грѣхомъ. Въ силу этого поврежденія она стала раздѣленною на двѣ противоположныя крайности: духа и плоти, крайности, находящіяся въ постоянной взаимной борьбѣ. Прекрасно изображаетъ эту двойственность нашей природы ап. Павелъ, говоря, что *во удѣлѣ своихъ онъ чувствуетъ инъ законъ, противвоюющъ закону ума его и плѣняющъ его закономъ грѣховнымъ* (Рим. 7, 23). Борьба эта касается не чувства только и воли, а и ума человѣка. Если въ первомъ отношеніи низкія, плотскія—душевные чувства и страсти являются самыми естественными тормозами человѣка въ его стремленіи къ добру; то и истиннѣ противоположна ложь, въ борьбѣ съ которой истина въ настоящемъ естественномъ состояніи падшаго человѣка по бѣльшей части только и развивается. Та и другая борьба совершаются не отдѣльно одна отъ другой, а взаимно переплетаются въ своихъ причинахъ, первоосновахъ и самомъ дѣйствіи: *люди осуетишася помышленіи своими и омрачися неразумное сердце ихъ*, говоритъ объ этомъ тотъ же ап. Павелъ (Рим. 1, 22). Источникъ же этой суеты помышленій сердца не всегда въ самомъ человѣкѣ, а и въ окружающей его средѣ, въ той, такъ сказать, нравственной атмосферѣ, которая окружаетъ человѣка и вліяетъ на ходъ его жизни... Если только одни эти соображенія мы приложимъ къ разсмотрѣнію и оцѣнкѣ религіозно-нравственнаго образа пророка Іоны; и тогда какъ далеки должны быть наши выводы относительно этого образа отъ выводовъ, сдѣланныхъ Ейхгорномъ!

Въ самомъ дѣлѣ на чемъ Ейхгорнъ основываетъ свое обвиненіе пророка въ самолюбивой и гордой ненависти къ языч-

никамъ? На его нежеланіи идти съ проповѣдью покаянія въ ниневитянамъ, выразившемся въ его бѣгствѣ отъ Іеговы и тому подобныхъ дѣйствіяхъ, въ основѣ которыхъ очевидно лежали нехорошія мысли и чувства пророка объ язычникахъ—ниневитянахъ. Но можно ли эти думы и чувства, бывшія въ Іонѣ до возвѣщеннаго ему слова Іеговы, считать свидѣтельствомъ о низкомъ характерѣ пророка, недостойномъ его положенія, какъ пророка Божія? Едвали. Если бы пр. Іона и до момента божественнаго озаренія его Духомъ Святымъ думалъ такъ, какъ онъ призывался думать, тогда въ чему самое откровеніе, понимаемое какъ сообщеніе Богомъ человѣку сверхъестественныхъ истинъ, до которыхъ самому человѣку нельзя было дойти? Ясно, что по самому свойству откровенія, пророкъ долженъ былъ думать о предметѣ своего посольства не по божески, такъ сказать, а по человѣчески, такъ, какъ прочіе люди, изъ среды которыхъ онъ вышелъ, которые окружали его и съ которыми жилъ онъ. Въ еврейской исторіи мы имѣемъ примѣръ того, что человѣкъ, Іеговою вдохновенный, до выступленія своего на проповѣдь и даже во время самаго момента ея произнесенія думалъ о предметѣ ея даже совершенно противоположно тому, что возвѣщать былъ призванъ Богомъ; мы разумѣемъ Валаама, сына Веорова, желавшаго по своимъ языческимъ симпатіямъ и понятіямъ проклясть Израиля и изрекшаго на него благословеніе (Числ. 22—24 гл.). Почему же пр. Іона не могъ думать до своего призванія о предметѣ своего посольства такъ, какъ думали его соотечественники? Евреи же вообще думали, что всѣ язычники—враги Іеговы и народа Его, заслуживающіе не милостей Его, а лишь гнѣва и наказанія. Эти думы воспитывалъ въ нихъ самъ законъ, говорившій о завѣтѣ Іеговы съ народомъ Его и о проклятій языковъ, не признающихъ Іеговы Богомъ и ходящихъ по путямъ сердца своего, представлявшій на страницахъ своихъ прамыя пророчества о владычествѣ дома Давидова надъ язычниками; эти думы воспитывала въ нихъ и ихъ исторія, говорившая, какъ будто, объ исполненіи отчасти этихъ пророчествъ. Естественно, что и пр. Іона, дитя своего народа и своего времени, до полученія божественнаго откровенія долженъ былъ думать объ язычникахъ—ниневитянахъ такъ же, какъ думали его соотечественники, и за эти думы и чувства, поддерживаемыя въ немъ закономъ и исторіей и все-

сапшы имъ съ молокомъ матери, едва ли можно винить пророка. Въ нихъ высказывалась не челоѣко-ненавистничество пророка вообще; ибо иначе намъ пришлось бы обвинить въ томъ же и Давида, псалмы котораго говорящія о поѣбелѣи язычниковъ читаемъ и мы, и того сына Громова, который просилъ Господа дозволить ему низвести огонь на невѣрующій городъ Самарійскій, и который въ то же время есть по преимуществу апостоль любви (Лук. 9, 54). Въ такихъ чувствахъ этихъ избранниковъ Божіихъ высказывалась ненависть ихъ ко грѣху вообще и любовь къ народу своему, а еще болѣе любовь къ Богу: такое же одностороннее направленіе этимъ движеніямъ душъ ихъ дали ихъ воспитаніе и жизненные обстоятельства ¹⁾. Невольно припоминается намъ при этомъ тотъ же апостоль Павелъ, который *преизлиха малъ церковь Божію*, неистовствовалъ противъ христіанъ. Ревность его была богопротивная и челоѣко-ненавистная, но она была ревность чистосердечная, ревность по Богѣ; потому-то именно она и приготовила изъ него верховнаго апостола.

Правда ап. Павелъ, какъ скоро услышалъ гласъ Божій, зовущій его къ Себѣ, пошелъ въ Дамаскъ, какъ повелѣно было ему, и когда затѣмъ получилъ повелѣніе *отверсти очи людей іудейскихъ и язычниковъ, да обратятся отъ тмы въ свѣтъ*, все свое прежнее вмѣнилъ за тщету Христа ради, пошелъ возвѣщать имя Его предъ языки и цари и на этомъ поприщѣ потрудился паче другихъ апостоловъ. Не такъ повидимому откликнулся на зовъ Іеговы пр. Іона; посылаемый Іеговою въ Ниневію, онъ бѣжалъ отъ лица Его въ Фарсісъ. Но чтобы не бланзиться этой паралелью нужно прежде всего припомнить, что призваніе Павла совершилось не словомъ только слышаннымъ имъ отъ Господа, которое было въ общемъ извѣстно ему, въ частностяхъ же вѣроятно развито было послѣ, и не видомъ только чудесъ, а явленіемъ ему Самаго гонимаго имъ Іисуса во всей Его небесной славѣ. Это явленіе, повергшее и самаго Павла и спутниковъ его ницъ и ослѣпившее Павла, по силѣ своей чудесной поразительности было и призывомъ къ обращенію и вмѣстѣ непререкаемымъ знаменіемъ несомнѣнности и непреложности этого призыва: потому-то нѣтъ ничего дивнаго,

¹⁾ Ср. въ этомъ отн. Вгор. 32, 27; Ис. 48, 9; Іезек. 30 и др.

что оно сразу произвело переворотъ въ душѣ Павла. Не таково было слово Іеговы, бывшее къ Іонѣ.

Мы не думаемъ умалять значеніе слова Іеговы къ пр. Іонѣ, но само Писаніе ничего не говоритъ намъ объ его чудесности, или особенной поразительности; въ книгѣ пр. Іоны кратко говорится, что было слово Іеговы къ Іонѣ, сыну Амавіику (1, 1). Аналогія же многихъ мѣстъ библии, въ которыхъ употребляется это выраженіе, даетъ намъ право представлять это слово простымъ внутреннимъ влеченіемъ, которое человѣкъ сознаетъ, не какъ свое собственное влеченіе, а какъ приходящее къ нему отъ внѣ, со стороны, не отъ его *я*, хотя бы и изнутри его, словомъ—отъ Бога. Отчего же не представлять и слово Іеговы къ пр. Іонѣ подобнымъ такому инстинктивному влеченію?... Впрочемъ, если мы станемъ понимать данное выраженіе о призывномъ словѣ Іеговы къ Іонѣ и буквально, какъ обозначеніе настоящаго слова, голоса Іеговы, слышаннаго пророкомъ; и тогда этотъ голосъ, будучи въ своемъ существѣ чудеснымъ, все-таки не могъ быть такимъ необычайнымъ и поразительнымъ, какъ явленіе Савлу и поэтому не могъ сразу, такъ сказать, невольно произвести перевотъ въ душѣ пророка. Слышать голосъ и знать, что это голосъ Бога, для древняго еврея, особенно изъ школы пророческой, было не безпримѣрно. Самуиль, первый основатель пророческихъ школъ во Израилѣ, не разъ слышалъ такой голосъ, который онъ смѣшивалъ даже съ голосомъ первосвященника Ілія. Ни угрозъ, ни знаменій какихъ-либо непререкаемыхъ этотъ голосъ не заключалъ въ себѣ, кромѣ однаго прямого повелѣнія божія о томъ или другомъ. Въ этомъ повелѣніи божіемъ Самуилу образъ повелѣнія не имѣлъ никакого значенія, какъ бы подтверждающаго неурожность слова; такое подтвержденіе Самуиль получилъ въ указаніи Ілія (1 Ц. 3 гл); въ повелѣніи же божественномъ важна была, имѣла главное значеніе мысль повелѣнная. Какъ было въ данномъ случаѣ, такъ и вообще, какъ бы мы ни понимали внѣшнюю форму отношеній Іеговы къ пророкамъ, провозвѣстникамъ воли Его, мы должны помнить, что Богъ въ Своихъ откровеніяхъ пророкамъ такъ устроялъ дѣло, что пророки отдавались своими мыслями и чувствами не столько внѣшней обстановкѣ этихъ откровеній, не столько сознанію и чувствуванію того, что это Самъ Іегова дѣйствуетъ, сколько самымъ откровеніемъ.

которыя Іегова влагалъ въ уши пророковъ; такъ что отношеніе пророковъ къ сообщаемымъ имъ словамъ Іеговы можно уподобити нашему отношенію къ обычному человѣческому слову, хотя бы и авторитетному. Такъ должно было быть и по отношенію къ пр. Іоаннѣ. Всякое же слово, всякое повелѣніе другаго лица, обращенное къ намъ и требующее отклика съ нашей стороны, вызываетъ въ насъ тѣ или другія мысли и чувства, какъ выраженіе отношенія этого слова или повелѣнія къ нашимъ прежнимъ воззрѣніямъ и чувствамъ, вызываетъ ихъ въ насъ прежде, чѣмъ начнетъ дѣйствовать на волю и производитъ самый отвѣтъ; въ этомъ выражается жизнь нашей души, разумно-свободной по природѣ своей. Точно таково слѣдовательно должно было быть первоначальное дѣйствіе и слова Іеговы какъ на пророковъ вообще, такъ и на пр. Іону въ частности. Если же такъ; то въ душѣ Іоны, приверженнаго къ Іеговѣ и народу своему и ненавидѣвшаго язычниковъ изъ млада, слово Іеговы бывшее къ нему, которое открывало предъ взоромъ его безобразіе язычества въ новомъ свѣтѣ и въ болѣе яркомъ же свѣтѣ обнаруживало любовь Іеговы къ народу своему, естественно должно было навести пр. Іону на такія думы, что „если самъ Іегова, безконечно милостивый и долготерпѣливый, говорить о злобѣ язычниковъ вопіющей на небо объ отмщеніи; то ясно, что они должны быть наказаны необходимо. Но этотъ же самый Іегова велитъ ему проповѣдать имъ прощеніе, лишь бы они покались; какъ же значить, Онъ милостивъ и долготерпѣливъ!“ Такъ естественно могъ думать Іона и чувство горячей преданности къ Іеговѣ должно было возвыситься въ пророкѣ до послѣдней степени: то должно было быть чувство безпредѣльнаго благоговѣнія предъ Богомъ. Тотъ, кто хоть разъ погружался въ это безотчетное созерцательное отношеніе къ Богу и дѣламъ Его, знаетъ, что въ однихъ восторгахъ и молитвенныхъ вопляхъ не можетъ излиться при этомъ вся душа; присущее ей чувство долга, обязанности понудитъ ее на подвигъ, на жертву ради Бога, за Бога. Въ самомъ дѣлѣ представьте себѣ человѣка, который, видя, какъ другой отказывается отъ какого-либо законно принадлежащаго ему права, невольно стремится вступить за это право и стать противъ этого отказа; этотъ поступокъ вполне естествененъ, особенно при извѣстной степени религіозной настроенности и психической возбудимости, и досто-

инь всякой похвалы. Почему же должно быть названо не естественнымъ и не похвальнымъ обнаруженіе такого же безотчетнаго стремленія нравственнаго чувства долга въ пр. Іонѣ по отношенію къ Богу Его, отказывающемуся отъ законнаго права наказанія язычниковъ?..

Конечно, можно было бы еще говорить противъ естественности обнаруженія въ Іонѣ этихъ святыхъ чувствъ, еслибы онъ былъ человѣкомъ разсудка съ выдержаннымъ характеромъ; но пр. Іона и въ этомъ отношеніи былъ сыномъ народа еврейскаго — народа чувства и подвижности. Онъ былъ изъ тѣхъ людей чувства и сангвиническаго темперамента, которые не умѣютъ скрывать своихъ задушевныхъ думъ и чувствъ, вызванныхъ въ нихъ извѣстными отношеніями къ нимъ другихъ людей. Эти думы и чувства, какъ нравственная оцѣнка съ ихъ стороны тѣхъ отношеній, невольно отражаются и отпечатлѣваются на самомъ отвѣтѣ ихъ на тѣ отношенія, отвѣтъ, который призываетъ ихъ не къ выраженію этой оцѣнки, а совсѣмъ къ другому дѣлу. У натуръ скорыхъ и цѣльныхъ эти ихъ личныя чувства и думы могутъ такъ опредѣлять собою даже самый отвѣтъ ихъ, что зная доселѣшнія воззрѣнія такихъ людей и тѣ чувствованія и желанія ихъ по поводу извѣстныхъ отношеній, мы заранѣе можемъ предугадать этотъ отвѣтъ, это первое слово и первое дѣло. Этотъ отвѣтъ никогда не будетъ сознательнымъ, разумнымъ и обдуманномъ исполненіемъ обращеннаго къ такимъ людямъ повелѣнія, или отказомъ отъ требуемаго исполненія; въ немъ прежде всего будутъ невольно отражаться ихъ личныя чувствованія и желанія; это будетъ то непосредственное дѣйствіе, о которомъ говорятъ обыкновенно: „такъ Богъ на душу положилъ“. Такимъ именно по своему характеру и значенію дѣйствіемъ былъ и отвѣтъ пр. Іоны на божественный голосъ, призвавшій его къ проповѣди покаянія въ Ниневіи—его бѣгство въ Фарсисъ отъ лица Іеговы. Это бѣгство пророка не было сознательнымъ обдуманнымъ отказомъ, противленіемъ воли Іеговы: по разсудку человѣкъ не могъ дѣйствовать такъ опрометчиво; въ бѣгствѣ пророка сказалось чувство беззавѣтной любви его къ Богу, отказывающемуся отъ Своихъ правъ, и вмѣстѣ та беззавѣтная любовь пророка къ своимъ братьямъ по плоти, гдѣ убѣжденія его жизни, затаенныя въ самой глубинѣ души.

о которыхъ мы говорили выше. Это была ревность Иліи, прошившаго себѣ смерти, дабы не видѣть униженія и оставленія Іеговы всѣми (3 Цар. 17—20 гл.); это была ревность Моисея, желавшаго быть исключеннымъ изъ книги живота, чтобы голько были спасены евреи (Исх. 32, 10); по своему же психическому характеру это былъ отказъ необдумчиваго сына, о которомъ говорить Евангеліе (Мѣ. 21, 23)... Отъ такого чело-вѣка не отвергиваться мы должны, какъ отъ яраго безбожника и эгоиста, какъ думаетъ Ейхгорнъ, а любить и уважать его; ибо у такого чело-вѣка чувства и убѣжденія не расходятся съ словомъ и дѣломъ и онъ не стыдится и не боится высказывать ихъ; потому что знаетъ, что нѣтъ лести въ нихъ и лукавства. Это герой правды, истины и честности, готовый душу свою положить за свои убѣжденія и чувства и въ силу непосредственности и порывистости своего темперамента, въ бѣгствѣ своемъ полагающій се дѣйствительно. Это истинный избранникъ Божій, пророкъ Мессіи, даже до смерти ревновавшаго о славѣ Отчей (Мѣ. 21, 12—15 и др.)...

Само собою разумѣется, что предполагая такую психическую и нравственную подкладку въ бѣгствѣ пр. Іоны отъ лица Іеговы, мы высказываемъ тоже, что говоритъ и наша церковь, по вѣрованію которой пророкъ бѣжалъ „дабы пророчеству не солгаться“, какъ читается въ канонѣ Андрея Критскаго. Но этому вѣрованію выходитъ, что пророкъ зналъ заранѣе, что Богъ помилуетъ ниневитянъ послѣ того, какъ они раскаются, но вмѣстѣ съ тѣмъ предполагалъ, что это раскаяніе будетъ мимолетное, что ниневитяне, какъ и свойственно язычникамъ, скоро опять обратятся къ злымъ дѣламъ рукъ своихъ и тогда еще хуже будутъ подсмѣиваться надъ безсильемъ еврейскаго Бога, и такимъ образомъ оскорблять Его. Стало быть и повѣрованію церкви ревность о Богѣ Своемъ снѣдала пророка, но не его лично оскорбленное самолюбіе, какъ объясняетъ Ейхгорнъ, и тѣмъ менѣе трусость, какъ склоняется думать даже г. Орда, клеймящій пр. Іону именемъ жалкаго и несчастнаго.

Если бы пророкъ Іона былъ гордецомъ или трусомъ, (то и другое впрочемъ тѣсно связаны между собою); то какъ объяснить его поведеніе на кораблѣ съ корабельщиками, когда онъ признается имъ въ своей винѣ, бросаетъ вмѣстѣ съ ними жребій

и просить ихъ ввергнуть его въ море (1, 6—12)? Не ужели и эти факты свидѣтельствуютъ о его гордости и трусости? Но при мысли о гордости невольно вспоминаются гордцы, называемые этимъ именемъ въ библіи; таковы фарисеи въ притчѣ Господа, нагло лгущій не только предъ людьми, а и предъ собой и передъ Богомъ, лишь бы вознестись (Лук. 18, 10—14); таковъ Фараонъ египетскій временъ исхода евреевъ изъ Египта (Исх. 7—14 гл.), который зналъ не знаетъ—нехочетъ знать Іеговы, Бога еврейскаго и на казни Его, въ которыхъ сама мудрость египетская признала персть Божій, отвѣчаетъ лишь минутнымъ раскаяніемъ, не исправляясь ими, а лишь еще болѣе ожесточаясь въ своемъ упорствѣ до ослѣвленія. Похожъ ли на этихъ гордцовъ, такъ естественно и правдоподобно изображенныхъ въ библіи, пр. Іона? Нѣтъ. Ибо въ противномъ случаѣ зачѣмъ онъ исповѣдался предъ корабельщиками въ своей винѣ и признался имъ, что бѣжитъ отъ лица Іеговы (1, 10)? Они не спрашивали его объ этомъ (1, 8) и онъ признался имъ самъ, самъ показалъ имъ свои недостатки еще, быть можетъ, прежде, чѣмъ поднялась самая буря на морѣ, какъ можно догадываться по тому, что объ этомъ признаніи здѣсь замѣчается какъ бы мимоходомъ, Такая откровенность не идетъ къ лицу гордца, который обыкновенно другихъ людей считаетъ не достойными того, чтобы унижать себя предъ ними раскаяніемъ. Развѣ это признаніе Іоны было самохвальствомъ его предъ своими корабельными товарищамъ, вытекавшимъ изъ желанія показать предъ ними свое геройство, свою храбрость, что такъ естественно въ гордцѣ? Но въ такомъ случаѣ что значитъ вся молитва пр. Іоны, съ которой онъ обратился къ Іеговѣ изъ чрева рыбы (2, 2—10)? Если бы пр. Іона былъ упорнымъ и жестокимъ гордцомъ, то онъ не сталъ бы говорить, что онъ взывалъ въ скорби своей къ Богу, Которому одному принесетъ жертвы (12, 3. 5 10). Униженная просьба не въ природѣ гордца; молитва свойственна существу, считающему себя рабомъ Господа, безильнымъ и слабымъ. Правда и фарисеи молился и Фараонъ просилъ Моисея помолиться за него Іеговѣ; но у перваго молитва была лживая, льстивая, наружная только, но не внутренняя; второй молился, пусть даже искренно, но изъ грусти, вынужденный къ молитвѣ необходимостію, желаніемъ, какъ бы то ни было, толь-

ко поскорѣе избавитъся отъ налегавшей на него казни. Ничего подобнаго нельзя сказать о молитвѣ пр. Іоны. Шѣтъ нужды разьяснять снова, что въ ней лѣсти нѣтъ ни единыя; нѣтъ нужды разьяснить снова, что она и не молитва робкаго, хотя бы то и правдиваго человѣка; ибо ни одной жалобы, ни одной просьбы не изрекаетъ въ ней пр. Іона; вся она—благодарственная пѣснь Іеговѣ за избавленіе отъ опасности ¹⁾. Печать спокійствія и увѣренности въ своей судьбѣ лежитъ на всей молитвѣ пророка, и эта увѣренность не дерзкая и хвастливая, а покорная, вѣрующая; пророкъ не хочетъ лишь утруждать Бога своими просьбами о томъ, что несомнѣнно будетъ, въ чемъ онъ убѣжденъ, какъ въ дѣйствительномъ. Когда же душа его изнемогла и ему казалось, что воды стѣснили его до души—до смерти; онъ не обинулся звать къ Іеговѣ о помощи.—Итакъ на основаніи молитвы Іоны мы не смѣемъ назвать его трусливымъ гордцомъ. Если же такъ, то и въ поведеніи пророка по отношенію къ корабельщикамъ мы не имѣемъ права видѣть обнаруженіе его самолюбія. Самолюбіе относится къ области сердца, тогда какъ гордость принадлежитъ больше уму; обращенное на сердце—на отношенія къ ближнимъ, ненавидимымъ самолюбцемъ, оно есть не больше, какъ родная сестра гордости, владѣющей въ умѣ. Ихъ средоточный, связывающій, ихъ пунктъ одинъ и тотъ же, человѣческое самосознаніе, человѣческое я. И какъ изъ одного источника не можетъ выходить сладкая и горькая вода; такъ точно и изъ одного и того же самосознанія Іоны не можетъ выходить и отсутствіе гордости и присутствіе самолюбія, выражающагося въ зависти, человѣконенавистничествѣ и т. п. Если бы въ пр. Іонѣ было такое самолюбіе въ данномъ случаѣ по отношенію къ корабельщикамъ; то совершенно непонятна была бы просьба его, обращенная къ этимъ послѣднимъ, чтобы они бросили его въ море (1, 12).

Правда Ейхгорнь въ этомъ поступкѣ пр. Іоны видитъ гордость стонка, презирающаго услуги своихъ доброжелательныхъ спутниковъ и потому съ гордостью вызывающаго смерть на бой съ нимъ; но это несправедливо Стоякъ, рѣшающійся на само-

¹⁾ См. объ этомъ подробнѣе выше (стр. 166—190).

убійство, не такъ ведетъ себя; онъ умираетъ всегда съ сознаниемъ своей невинности и правоты, непризнанной и неопытой людьми. Онъ убиваетъ себя, когда окружающіе его люди, живя своими убѣжденіями и чувствами, или не хотятъ, или просто не могутъ отказаться отъ нихъ въ пользу его убѣжденій и чувствъ, а онъ, не желая согласиться съ ними, и себя не хочетъ передѣлать на ихъ ладъ. Это-то сознание безсилія съ одной стороны и своей правоты съ другой и служитъ обыкновенно исходнымъ побужденіемъ къ самоубійству стойка. Какой великій артистъ погибаетъ! вотъ девизъ самоубійства гордаго стойка, желающаго хотя въ смерти стать выше тѣхъ, которые не поняли его. Ничего этого нѣтъ въ поступкѣ пр. Іоны. Его убѣжденія и чувства во все не расходились съ убѣжденіями и чувствами его корабельныхъ товарищей въ томъ дѣлѣ, изъ-за котораго онъ брошенъ былъ въ море. Даже больше того. Когда первый порывъ благодарныхъ и любовныхъ чувствъ пророка въ отношеніи къ Богу прошелъ въ своей неотразимости и Іона сталъ сознательно обдумывать свое положеніе и размышлять о порученномъ ему дѣлѣ; то сознание необходимости слушать велѣній божественныхъ, пусть даже слишкомъ ужъ милостивыхъ къ язычникамъ, должно было выступило на первый планъ въ стремительной и порывистой, но въ тоже время вѣрующей и покорной душѣ пророка и онъ въ смиреніи самъ уже созналъ неправоту своего самовольнаго—бѣгства. Поэтому пророкъ самъ искренно и объявилъ корабельщикамъ, что онъ знаетъ — твердо увѣренъ, что ради него постигла ихъ эта великая буря (1, 12), самъ открыто призналъ себя виновнымъ. И нельзя подыскать резонновъ, по которымъ это признаніе пророка могло бы быть не искреннимъ. Правда кормчій своимъ грубымъ обхожденіемъ съ нимъ показалъ какъ будто свое недоброжелательство къ пророку, правда и остальные корабельщики говорили ему: *что ты сдѣлалъ съ нами*; но въ общемъ и въ концѣ концовъ отношеніе къ нему товарищей его было не враждебное, а сочувственное, пусть даже противоположное тому, какое онъ самъ имѣлъ къ себѣ. Ибо въ то время, когда онъ самъ осуждалъ себя на смерть, просилъ корабельщиковъ бросить его въ море, они напрягали все усилія, чтобы пристать къ берегу и тамъ высалить неповиннаго въ ихъ глазахъ Іону (1, 13); затѣмъ, когда буря не унималась и они рѣшились исполнить

надъ пророкомъ его собственный приговоръ, они обращаются съ молитвою къ Иеговѣ, чтобы Онъ не вмѣнилъ имъ въ грѣхъ того, что они хотятъ ввергнуть пророка въ море (1, 14). Стало быть корабельщики считаютъ сами лично Иону невиннымъ, стоятъ на его сторонѣ, сочувствуютъ ему, и если бросаютъ его въ море; то потому, что этаго хочетъ Иегова (1, 15), бросаютъ слѣдовательно въ силу необходимости, страшной и для нихъ самихъ. Гдѣ же тутъ трагизмъ стоическаго самоубійства Ионы? Кѣмъ же оскорбленнымъ въ своей непризнанной невинности считалъ себя Иона? Тутъ не только самое положеніе вещей противоположно тому, какое вызываетъ стоица на самоубійство, но и самаго факта самоубійства-то нѣтъ; ибо Иона не самъ бросился въ море, какъ бы свойственно было самоубійцѣ, а добровольно отдалъ себя корабельщикамъ, чтобы они бросили его. Стало бытъ онъ не ихъ считаетъ своими врагами. Но кого же? Неужели Бога? Неужели о Богѣ Иона думалъ, какъ о врагѣ Своемъ, Который поступаетъ съ нимъ не справедливо, Котораго онъ не можетъ передѣлать по своему, но Котораго хочетъ какъ будто всетаки побѣдить, отдавая себя на смерть? А въ такомъ случаѣ, опять повторяемъ, что значитъ молитва пр. Ионы, молитва искренно-вѣрующая и свидѣтельствующая не о льстивомъ или трусливомъ — во всякомъ случаѣ чуждомъ и далекомъ отношеніи Ионы къ Богу, а о покорномъ, смиренномъ и самомъ близкомъ, сыновнемъ? Ясно, что не по гордости, а совершенно по другимъ противоположнымъ ей побужденіямъ дѣйствовалъ Иона, отдавая себя въ жертву волнамъ.

Пророкъ требуя, чтобы его бросили въ море, дѣйствовалъ такъ потому, что сознавалъ себя виновнымъ и заслуживающимъ наказанія; потому онъ изъ ада преисподняго и воззвалъ къ Иеговѣ, проси Его о помилованіи. Сознаніе своей виновности у пр. Ионы было такъ велико, что сначала онъ боялся даже просить Иегову о помилованіи; онъ вѣрилъ въ помилованіе, но его ужасала нравственная тяжесть его проступка и вотъ онъ проситъ, чтобы указанное ему самимъ Богомъ въ жребіи наказаніе было исполнено надъ нимъ. Такъ и въ христіанствѣ истинно-нравственныя души сами добровольно выпрашиваютъ себѣ зиптимін у своихъ духовныхъ отцевъ, — добровольно подвергаютъ себя разнаго рода зипненіямъ и мученіямъ, и въ то же время просятъ о помилованіи. Эту ли смиренную

поворность, это ли всецѣлое покаянное чувство называть гордостію?.. Но у пр. Іоны былъ и другой мотивъ, по которому онъ желалъ быть наказаннымъ Богомъ: это присущая ему любовь къ ближнимъ, Пророкъ сознавалъ, что его бѣгство отъ Іеговы кромѣ того, что было личнымъ оскорбленіемъ Іеговы, служило причиною бѣдствія, постигнаго его корабельныхъ товарищей, ни въ чемъ предъ нимъ неповинныхъ. Хорошо было бы, если бы это бѣдствіе и ограничилось только испугомъ этихъ послѣднихъ—ихъ страхомъ передъ бурей, волненіями и лишеніемъ корабельной поклажи, если бы послѣ того, какъ жребій палъ на Іону и онъ исповѣдался въ своей винѣ, буря прекратилась; но и тогда Іона едва ли могъ не чувствовать своей виновности противъ корабельщиковъ. Теперь же буря не только не утихала, а напротивъ, становилась все сильнѣе и яростнѣе. Немогло ли быть принято это пророкомъ за указаніе на то, что Богъ не хочетъ простить его и теперь, что Онъ непремѣнно требуетъ его наказанія? Зачѣмъ же откладывать надъ собой исполненіе этого наказанія? Зачѣмъ стараться хоть мольбой отклонить его отъ себя, и тѣмъ причинять новыя бѣды своимъ товарищамъ? Не лучше ли погибнуть одному для спасенія всѣхъ? Не справедливѣе ли погибнуть ему, чѣмъ корабельщикамъ? А имъ такъ дорога жизнь; они такъ боятся божественной кары. Вотъ мысли, которыя могли волновать пр. Іону въ его добровольномъ согласіи на обреченіе себя въ жертву волнамъ. Кому не слышится и здѣсь голосъ того же великаго Павла, который молился *отлученъ быти отъ Христа по братіи своей* (Рим. 9, 3), или истиннаго пророка израилева—Моисея, обращающагося къ Богу съ такою же мольбою (Исх. 32, 10),—голосъ любви къ ближнему, любви самой крѣпкой и самоотверженной?..

Такъ путемъ анализа поведенія пр. Іоны на кораблѣ и въ пучинѣ морской мы пришли къ тому же заключенію о нравственныхъ основахъ его душевной жизни, что и при разборѣ бѣгства пророка отъ Іеговы, именно, что Іона не гордецъ и самолюбивый человѣконенавистникъ, а искренно и глубоко смиренная, истинно кающаяся и любящая душа, что это душа живая, отзычивая, порывистая.

Нестолько въ оправданіе подлинности своего толкованія приведенныхъ фактовъ, сколько въ объясненіе нашего заключенія о психической и нравственной подкладкѣ поведенія Іоны при-

демъ на память слова покойнаго арх. Теодора о другомъ в. з. пророкѣ — Іереміи. Этотъ пророкъ точно также, какъ и Іона, не разъ готовъ былъ сойти съ поприща пророческаго служенія, проклиналъ даже день своего рожденія (15, 10; 20, 6 — 19); но Іегова, Крѣпильшій его, превозмогалъ его и онъ обличалъ Израиля, угрожалъ ему бѣдствіемъ, плѣномъ, а послѣ, когда слово его исполнилось, самъ же написалъ книгу Плача, каждое слово которой какъ будто увлажнено слезами его, сѣтующаго и даже ропщущаго на разрушеніе Іерусалима. Указавъ на все это, знаменитый толковникъ говорить, что „все это не какая-либо измѣнчивость или не постоянство и вполне объясняется впечатлительностію натуры. Іеремія имѣлъ душу въ высшей степени чувствительную и любящую. Само собою разумѣется, эта любовь Іереміи, еще во чревѣ матери такъ духовно образованнаго, что тогда еще предназначала осѣнять его освящающая благодать, направлялась первоначально къ Богу, и въ немъ уже въ соотечественникамъ и всѣмъ людямъ. Отсюда-то и происходило, что таже пламенная, ревнивая и не терпѣливая любовь его, неизмѣняясь въ существѣ своемъ, являлась по отношенію къ упорнымъ противникамъ Божиимъ безпощадно враждующею силою. Нужно имѣть въ виду и то, что въ ветхозавѣтныхъ времена по существенному характеру ихъ свойственно было въ видимыхъ врагахъ божіихъ видѣть невидимыхъ; не открылась еще тогда во всей своей совершенной и духовной чистотѣ любовь Христова, крестомъ покрывающая всѣ вины человѣческія и упраздняющая грѣхъ и силы тьмы. Слѣдовательно нетерпѣливая враждебность къ нечестивымъ имѣла тогда значеніе вражды съ духами злобы“ ¹⁾. Все это, сказанное объ Іереміи, и въ отношеніи къ нему вполне резонное и справедливое, имѣетъ ближайшее отношеніе къ поведенію и характеру и пр. Іоны, равно какъ и къ нравственной оцѣнкѣ этого поведенія и характера: такъ похожи они на поведеніе и характеръ Іереміи. Объ Іереміи мы знаемъ, что не смотря на его отреченія и отказы отъ порученій Іеговы, послѣдній ни разу не упрекнулъ его за его безумные глаголы въ сердцѣ, не наказалъ, не обличилъ его, а лишь наскакивалъ и снова посылалъ на

¹⁾ См. его книгу „св. пр. Іеремія“, стр. 60.

проповѣди. За что же мы станемъ порицать бѣгство пр. Іоны? Или за то, что го отреченіе выходило изъ сознанія своей немощи и высказывалось лишь въ сердцѣ или словѣ, а Іона бѣжалъ отъ лица Іеговы, ревнуя о славѣ Его? Но это различіе есть лишь различіе въ степени и силѣ противодѣйствія Іеговы, а не въ самомъ существѣ этого противодѣйствія и объясняется лишь тѣмъ, что натура пр. Іоны была скорѣе, подвижнѣе, энергичнѣе и непосредственнѣе, чѣмъ натура Іеремія. Въ существѣ же это противодѣйствіе одно и то же во обоихъ указанныхъ случаяхъ и указываетъ лишь на неполное проникновеніе пророковъ въ тайны ума божественнаго, сообщаемыя имъ, на противодѣйствіе этимъ тайнамъ съ стороны ихъ личныхъ убѣжденій и чувствъ и на непониманіе ими всѣхъ путей Іеговы.

Ветхозавѣтные пророки знали, что возвѣщаемое имъ слово Іеговы есть слово божественное; но несомнѣнно знали они и то, что и ихъ доселѣшнія мысли небезосновательны. Поэтому Богъ, отрывая пророкамъ тайны свои, долженъ былъ разъяснять, доказывать и обосновать имъ эти тайны; ибо и Онъ, какъ самъ же сотворившій человѣка свободнымъ существомъ, не могъ дѣйствовать насильственно, и пророки, какъ разумно и соангельно воспринимающіе божественныя откровенія, не могли воспринимать ихъ безпрекословно и пассивно. Имъ самимъ, а главное тѣмъ, кому возвѣщать тѣ откровенія они посылались, нужны были знаменія, какъ доказательство истинности тѣхъ откровеній, нужно было испытаніе истины; а испытаніе предполагаетъ борьбу, въ которой истина дѣлается нашимъ достояніемъ лишь тогда, когда она пересилить основательностію и убѣдительностію своихъ доводовъ всѣ остальные мысли, относящіяся къ той же области. Стоитъ въ этомъ отношеніи припомнить исторію праведнаго Іова, его попытку въ разговорѣ съ друзьями и бесѣдѣ съ Богомъ открыть причину страданій людей. И чѣмъ глубже съ одной стороны въ человѣкѣ эти прежнія мысли, чѣмъ онѣ безпристрастнѣе и беззѣлоудичнѣе; тѣмъ съ другой стороны труднѣе борьба съ ними, сильнѣе доводы ихъ противъ вновь воспринимаемой истины. За то выработанная такимъ путемъ истина становится убѣжденіемъ, за которое мы готовы положить душу свою. Вотъ почему и пр. Іона возвѣщенную ему Іеговою

истину о томъ, что не все, что есть вѣдѣ іудейства, достойно огульнаго осужденія и истребленія, только тогда могъ съ успѣхомъ проповѣдывать, когда самъ сталъ убѣжденъ въ этой истинѣ; и народъ только тогда могъ повѣрить этой истинѣ хотя бы то она выходила отъ Бога, когда она была убѣдительно. А такимъ убѣжденіемъ въ устахъ пророка Іоны слово Іеговы, бывшее къ нему не въ вихрѣ и бурѣ, а какъ обычное слово человѣческое, могло стать только послѣ того, какъ оно было обосновано и доказано, и чѣмъ крѣпче въ пророкѣ были доселѣшнія его мысли, тѣмъ сильнѣе и глубже должны были быть эти обоснованія и доказательства вновь открытой ему. Тѣ мысли основывались на законѣ и исторіи; поэтому обоснованія и вновь открываемой истины должны были быть отъ Бога же, давшаго тотъ законъ, и фактичны. Іегова долженъ былъ дать Іонѣ такія же знаменія истинности Своихъ словъ, какія давалъ Онъ Моисею, Исаи, Іереміи и другимъ пророкамъ, и Онъ далъ ихъ Іонѣ въ событіяхъ непосредственно слѣдовавшихъ за его бѣгствомъ, каковы: буря на морѣ, паденіе жребія виновности въ бурѣ на пророка, вверженіе его въ море, трехдневное пребываніе пророка во чревѣ рыбы и избавленіе отъ этой опасности. Все это ясно говорило Іонѣ о непригодности его доселѣшнихъ убѣжденій и непреложности вновь возвышаемаго ему слова. Съ другой стороны онъ видѣлъ предъ собою корабельщиковъ, изъ которыхъ каждый молился Богу своему, но которые послѣ своимъ поведеніемъ въ отношеніи къ осужденному жребіемъ пророку дали ясно знать, что и они—не іудеи способны и достойны милостей Іеговы. Такимъ образомъ всѣ эти поразительные факты были по своему значенію для пр. Іоны не пристыженіемъ только его и не карательнымъ только наказаніемъ за его самовольство и непослушаніе Іеговѣ, а и тѣми знаменіями, тѣми обоснованіями и разъясненіями слова Іеговы, которыя должны были препобѣдить собою въ пророкѣ его доселѣшнія мысли путемъ борьбы съ ними. Черезъ нихъ и надъ ними должна была совершаться та работа ума, состоявшая въ разсматриваніи ихъ, сравнительной оцѣнкѣ и критическомъ разборѣ, которая у людей разсудка и мысли совершается если не всегда быстро, то всегда невѣдомо для свѣта, у людей же простаго чувства высказывается на дѣлѣ и бываетъ особенно мучительно прежде, чѣмъ приведетъ къ

истинѣ. И видно сильна и глубока была эта работа, эта борьба въ душѣ Іоны, когда для побѣды слова Іеговы надъ прежними мыслями Іоны потребовалось не тихое вѣліе духа, а такія грозныя, поразительныя и не легкія для самого пророка событія! Но она кончилась побѣдою слова Іеговы. Посланный въ Ниневію во второй разъ, Іона безпрекословно пошелъ туда и проповѣдалъ, что *еще сорокъ дней и Ниневія будетъ разрушена* (3, 1—3).

„Пр. Іона пошелъ въ языческую Ниневію потому, что испугался за свою жизнь“, говоритъ объ этомъ событіи Ейхгорнъ; но и это новое обвиненіе пророка несправедливо; ибо Іона не былъ трусомъ. Іона пошелъ въ Ниневію послѣ второго слова Іеговы потому, что онъ теперь всѣми тѣми фактамиубѣждался въ непреложной истинности слова Іеговы. Это убѣжденіе пророка не было простымъ практическимъ расчетомъ, основаннымъ на эгонистическихъ соображеніяхъ, а убѣжденіемъ честнымъ, разумнымъ, въ основѣ котораго лежала мысль о всемогуществѣ Іеговы, Его премудрости и благодати. И, нужно думать, крѣпко и глубоко было это убѣжденіе Іоны; потому что сильно было вліяніе его на Ниневитянъ. Они, жители большаго города, на три дня пути, всѣ отъ царя до послѣдняго гражданина, отъ мала до велика, наложили постъ на себя и на скотъ свой и во вретичи вопіяли къ Богу о помилованіи, отступили отъ злаго пути своего и отъ пороковъ, которые на рукахъ ихъ (3, 5—9). Чтобы такъ сильно возбудить отъ ихъ нравственнаго усыпленія, для этого слово Іоны должно было звучать надъ ними громомъ небеснымъ, должно было быть подлинно словомъ совластію, истиннымъ словомъ пророческимъ... Но объ этомъ подробнѣе рѣчь впереди;теперь обращаемся къ послѣдней страницѣ исторіи пр. Іоны.

Эта страница, рассказывающая о томъ, какъ даже досмертно огорчился пророкъ по поводу помилованія покаявшейся Ниневіи, какъ будто всетаки омрачаетъ нѣсколькосвѣтлый ликъ вдохновеннаго мужа и тѣмъ опровергаетъ наши рѣчи о религіозно—нравственномъ состояніи и характерѣ пророка: огорченія его, даже до желанія смерти себѣ по поводу неисполненія его предсказанія о гибели Ниневіи, какъ будто, въ самомъ дѣлѣ показываютъ, что его послушаніе Іеговѣ было не убѣжденіемъ души его, а чѣмъ то не искреннимъ, а мимолетнымъ, временнымъ!.. Да, не только при первомъ поверхностномъ взглядѣ на эти факты:

но внимательномъ же разсмотрѣніи дѣла, смѣло утверждаемъ, что вѣтъ, и въ доказательство справедливости своего положенія ссылаемся прежде всего на того же ап. Павла, на котораго ссылались не разъ и выше. Онъ уже много лѣтъ спустя послѣ того, какъ призванъ былъ къ апостодескому служенію и въ дѣлѣ проповѣди Евангелія погрузился нисколько не меньше прочихъ апостоловъ, въ своемъ, полномъ самого глубокаго филозофски-обоснованнаго изложеніи сущности христіанской вѣры, посланіи къ Римлянамъ восклицалъ: *бѣдный я человекъ! кто избавитъ меня отъ тѣхъ смерти селъ* (Рим. 7, 24), восклицалъ и въ то же время говорилъ, что *ничто не отлучитъ его отъ любви Христовой* (Рим. 8, 39). Самые ярые противники христіанства не возставали противъ подлинности этихъ свидѣтельствъ и на основаніи ихъ не называли Павла измѣнникомъ истины и любви Христовой. Какое же право мы имѣемъ дѣлать такіе выводы о пр. Іонѣ? Въ существѣ и восклицаніе ап. Павла и вопль и огорченіе пр. Іоны вполне тождественны между собой. Они выражаютъ собой ту послѣднюю, предсмертную вспышку жизни ветхаго человека, который здѣсь на землѣ, юдоли плача и борьбы, совсѣмъ не замираетъ нигде, — ту борьбу между душевнымъ и духовнымъ человекомъ, о которой мы говорили выше, по словамъ того же ап. Павла. Умомъ своимъ, опредѣлявшимъ всестрой и основной характеръ жизни ап. Павла въ христіанствѣ, онъ давно соуслаждался закону Божію; но *инъ закона во дѣльхъ* часто приводилъ его къ немощамъ, которыя пакости ему дѣлали (2 Кор. 12, 7.) и вызывали вопль его духа, такъ напоминающій собою огорченіе пр. Іоны. Когда пророкъ вышелъ изъ города, быть можетъ, еще не видавши того нравственнаго перерожденія, которое заставило Іегову отжѣнить Свое грозное слово о невивитянахъ, ничто не поддерживало въ пророкѣ тѣхъ любвеобильныхъ мыслей божественныхъ, которыя были конечною цѣлію его проповѣди; тогда какъ за прежнія его національно-еврейскія мысли и чувства, казалось, говорило самое вѣншее положеніе его, потомка Авраамова, одиноко сѣдѣщаго вдали отъ отечества своего въ виду пышно цвѣтущей азычской Ниневіи; и вотъ онѣ проснулись въ душѣ его съ новою силою. Какъ человекъ съ открытой душой, не умѣющій скрывать самыхъ мимолетныхъ и даже теперь совсѣмъ осуждаемыхъ

имъ порывовъ своего сердца, человѣкъ впечатлительный, отсюда рѣзкій и рѣшительный, онъ высказываетъ эти мысли и чувства въ рѣзкихъ словахъ; слова эти къ тому же если и не были чѣмъ-то въ родѣ народнаго ходячаго выраженія, то по крайней мѣрѣ хорошо знакомы были пророку изъ исторіи взятаго живымъ на небо и потому нерѣдко вспоминаемаго и прославляемаго въ той пророческой книгѣ, къ которой быть можетъ принадлежалъ Іона ¹⁾, Илиіи, въ такихъ же словахъ высказывавшаго ревность свою о Богѣ Спасителѣ Своемъ (3 Ц. 17—20). А тутъ жгучее восточное солнце стало палить пророка своими лучами. Онъ сдѣлалъ себѣ купцу и сидѣлъ подъ ней въ тѣни; стало какъ будто легче а погомъ и совсѣмъ спокойнѣе, когда Іегова повелѣлъ растенію подняться выше Іоны, такъ что тѣнь растенія была надъ головою его (4, 1—6). Но вотъ настало утро, червь подточилъ расгеніе и оно засохло; а вмѣстѣ съ этимъ пророкъ терялъ послѣднюю опору и надежду на то, что Іегова не оставитъ его. Мало того: возшло солнце, подулъ жгучій порывистый вѣтеръ пустыни и солнце стало ударять въ голову Іоны такъ, что пророкъ изнемогъ (4, 7. 8). Не ясно ли становилось для Іоны, что Іегова не внемлетъ ему, неутѣшаетъ его за его вѣру и любовь къ откровенному слову Божію, и нехочетъ помочь его невѣрію, нехочетъ изгнать изъ него совсѣмъ тѣ помыслы и страсти, которыя всосалъ онъ съ молокомъ матери и которыя теперь снова возстаютъ въ душѣ его? *Боже мой, Боже мой! вскую мя оставилъ еси*, взывалъ со вреста Богочеловѣкъ, оставленный Отцемъ Своимъ (Мѡ. 29, 46). Какъ же не просить было себѣ смерти человѣку ветхаго завѣта, человѣку впечатлительному, неистовому, по своей психофизической натурѣ?.. Но Іегова полными нѣжной отеческой любви къ людямъ словами наставилъ пророка Іону о томъ, какъ онъ долженъ относиться къ язычникамъ (4, 10. 11), какъ наставилъ Онъ нѣкогда прежде пр. Илию указаніемъ на то, что Онъ (Іегова) не въ вихрѣ и бурѣ, а въ гласѣ хлада тонка, и пророкъ, какъ и ап. Петръ, облченный Павломъ (Гал. 2, 11—15), молчаніемъ высказалъ свою покорность...

Итакъ сведемъ все сказанное о религіозно-нравственномъ со-

¹⁾ См. выше во введеніи.

стояніи и характерѣ пр. Іоны въ одно цѣлое. Несомиѣнно, что пр. Іона не невѣрующій въ Бога, не трусливый гордецъ, не чловѣко-ненавистникъ до смерти, какъ думаетъ Ейхгорнъ. Іона вѣритъ въ Іегову, Творца неба и земли, у Котораго одного спасеніе, достопоклоняемаго отъ всѣхъ людей, правосуднаго и милостиваго къ кающимся; онъ надѣется на одного Іегову; Его одного любить чтить въ храмѣ Его; Ему одному предаць до ревности, готовый душу свою положить за Іегову Своего, Которому онъ покоренъ, какъ Господу Своему. Такою же ревнивою до смерти горячностію, преданностію и самоотверженностію отличается любовь пророка и къ ближнимъ его; онъ любить своихъ соотечественниковъ, онъ же готовъ душу свою положить и за язычниковъ, если то нужно для ихъ спасенія. Но какъ изъ любви къ Богу онъ готовъ идти противъ Него, такъ точно и ближнимъ своимъ онъ можетъ желать смерти за грѣхи ихъ, которыми они оскорбляютъ достопоклоняемаго. Въ этомъ высказывается та любовь пророка къ истинѣ и правдѣ, которая и составляетъ нравственный двигатель его жизни. Чистый и честный въ своихъ основныхъ чувствованіяхъ и убѣжденіяхъ, которымъ предаць искренно, онъ отличается прямою, смѣлостію и рѣшительностію характера: но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ чловѣкъ не холоднаго ума и разсудка, а горячаго чувства и сердца. Онъ всегда говоритъ и дѣлаетъ то, что подсказываетъ ему его чувство, не обдумывая заранѣе въ тайнѣ своей души своего дѣла; отсюда онъ никогда ничего не скрываетъ; его душевная жизнь ясна, какъ Божій день, и вся она со всѣми своими слабостями и недостатками, со всѣми своими малѣйшими движеніями высказывается вовнѣ, въ его словахъ и дѣлахъ. Онъ никогда ничего не дѣлаетъ наполовину: каждому дѣлу онъ отдается весь; отсюда это чловѣкъ рѣзкій, чловѣкъ крайностей, способный какъ къ самымъ великимъ и благороднымъ дѣламъ и порывамъ, такъ и къ глубокимъ паденіямъ. Но то и другое, какъ вытекающее непосредственно изъ чувства, не провѣреннаго еще разсудкомъ, часто бываетъ не поразуму и не сознательно, а потому получаетъ свою цѣну послѣ, лишь тогда, когда оно станетъ достояніемъ его ума, но за то тогда-то оно уже крѣпко до непоколебимости. Это чловѣкъ рѣзкій въ самыхъ переходахъ изъ одного душевнаго состоянія въ другое, противоположное перво-

му, горячій и раздражительный. Словомъ это сангвиникъ съ его смѣлою увѣренностію, рѣшительностію и энергичностію, съ его выломъ непосредственнаго воодушевленія, быстрою готовностію въ словахъ и на дѣлѣ и опрѣметчивостію. Это образецъ замѣчательной смѣси великихъ природныхъ дарованій и слабостей. Какъ напоминаетъ пр. Іона собой, строемъ и характеромъ своей психофизической жизни и религиозно-нравственнымъ направленіемъ ея ап. Петра! Св. Петръ никогда не могъ скрывать того, что у него на душѣ, и потому мы болѣе знакомы изъ евангелія съ нимъ, чѣмъ съ другими апостолами; и пр. Іона весь предъ нами до smallestѣйшихъ движеній души въ своей краткой исторіи. Петръ, призванный ко Христу, весь отдается этому служенію, и Іона, сознавшій вину свою предъ Іеговою, у Него одного ищетъ спасенія. Петръ, отъ всего сердца отдавшійся Христу, не по разуму берется давать совѣты Ему, изъ любви къ Нему, но противъ воли Его, отсѣкаетъ ухо Малху; Іона, преданный Іеговѣ, изъ ревности по славѣ Его бѣжитъ отъ лица Его. Петръ вмѣстѣ съ сыномъ Грозовымъ желаетъ низвести огонь на городъ Самарійскій, не принявшій Христа, и Іона желаетъ смерти невинтянамъ, оскорбляющимъ Іегову своими грѣхами. Оттого Петръ, трикратно отречшійся отъ Христа, не разъ былъ отгоняемъ Христомъ отъ себя; и Іона не разъ словомъ и дѣломъ былъ обличаемъ и наказываемъ Іеговой. Но Симонъ названъ былъ отъ І. Христа Петромъ, камнемъ, въ ознаменованіе его непоколебимости и прочтенъ къ леву столновъ церкви, не смотря на всѣ свои отреченія и отступленія, и это конечно потому, что тѣ отступленія не больше, какъ исчезающія волны на поверхности глубокаго и тамъ, въ глубинѣ своей, спокойнаго и неизмѣннаго моря. Такъ точно и пр. Іона было удостоенъ отъ Іеговы чести быть пророкомъ Его, не смотря на свое упорство и противленіе. Не безъзначительна въ этомъ случаѣ и Яффа, служившая мѣстомъ дѣятельности апостала и пророка...

Дѣлая выводъ изъ этого разбора религиозно-нравственнаго характера и темперамента пр. Іоны по отношенію къ вопросу о подлинности исторіи его, нельзя не удивляться, какъ возможно въ простыхъ, естественныхъ и въ высшей степени плѣвыхъ, хотя и краткихъ образахъ книги видѣть мионическое или леген-

дарное, а тѣмъ болѣе вымышленное произведеніе. Здѣсь въ четырехъ небольшихъ главахъ изображенъ весь человѣкъ со всѣми его мыслями и чувствами, достоинствами и недостатками, изображенъ такъ, что предъ такимъ изображеніемъ блѣднѣть иногда должны многотомныя произведенія современной такъ-называемой художественной беллетристики, на нѣсколькихъ стахъ страницъ едва очерчивающія душу человѣка-героя лишь съ нѣкоторыхъ сторонъ. Простой здравый смыслъ отказывается видѣть въ этихъ образахъ искусственность или вымышленность. Это живой портретъ, списанный съ природы и притомъ самимъ натурщикомъ. Только самъ пр. Иона могъ такъ спокойно величаво, ничтоже сумняся, передавать самомайлѣйшія и не въ похвалу, какъ будто, ему идущія движенія своей душевной жизни, точно также, какъ только сами апостолы могли такъ просто говорить о своихъ слабостяхъ и недостаткахъ въ священныя писанія нов. завѣта. Безстрастная объективность и мѣткость—вотъ отличительная черта характеристикъ пр. Ионы въ книгѣ его имени, несобъяснимая иначе. Такъ говорить непосредственное убѣжденіе всякаго безпристрастнаго читателя книги, и справедливость этого убѣжденія вполне подтверждается исторіей въ тѣхъ свидѣтельствахъ ея о пр. Ionѣ, которыя мы читаемъ въ библейской книгѣ царствъ и въ раввинской литературѣ. Въ самомъ дѣлѣ, если не таковъ религіозно-нравственный образъ пр. Ионы, то какъ объяснить себѣ то замѣчаніе о немъ, которое читается въ четвертой книгѣ Царствъ (14, 25)? Какимъ образомъ писатель этой книги могъ представить Иону пророкомъ, рабомъ Іеговы, ревнующимъ о славѣ народа своего? Гдѣ, какъ не въ намѣченномъ нами религіозно-нравственномъ строѣ жизни пр. Ионы, лежитъ исходный пунктъ того уваженія и благоговѣнія къ его личности, которое такъ ярко просвѣчиваетъ въ томъ замѣчаніи? Это съ одной стороны. Съ другой, если дѣйствительно тотъ ученикъ пророческій, который бѣгалъ по порученію Елисея въ Рамоевъ Палаадскій, чтобы помазать Іиуя на царство, былъ пр. Иона, а въ этомъ сомнѣваться нѣтъ основаній; то развѣ не указываетъ и эта исторія на такой же порывистый, впечатлительный и скорый психофизическій характеръ Ионы, съ какимъ представляется пророкъ въ книгѣ его имени? Онъ *блгоумно* совершаетъ возложенное на него порученіе; Іиуй называетъ его *нестовымъ*:

помазывая Иуу на царство, онъ предсказываетъ истребленіе дома Ахавова за языческія мерзости, внесенныя имъ въ царство израилюво (4 Ц. 9, 1—10)... А все это, объясняя неровности въ характерѣ пр. Іоны и указывая на чистоту и достоинство его религіозно-нравственного образа, представляетъ собою новое подтѣверженіе исторической подлинности книги нашего пророка...

Защитивъ, насколько возможно, подлинность, естественность и сообразность съ достоинствомъ пророка Іеговы религіозно-нравственный образъ пр. Іоны и объяснивъ особенности его психофизической природы, мы должны отразить теперь нападенія на чловѣка Божія, именно, какъ на ниневійскаго пророка. Ейхгорнъ, Вертольдъ, Фридрихсенъ, Блекъ, Пельдекке и др. называютъ несвѣрзатною самую миссію Іоны въ Ниневію и проповѣдь его тамъ. Сущность этого возраженія состоитъ въ томъ, будто подобная миссія противорѣчитъ самому назначенію пророческаго служенія, учрежденнаго для охраненія вѣры и нравственности въ еврейскомъ народѣ и не имѣющаго никакого отношенія къ религіозно-нравственному состоянію другихъ народовъ, будто она безпримѣрна въ исторіи евр. профетизма и едва ли выполнима по трудности какъ путешествія пророка, такъ и проповѣди его въ иноязычномъ и иносрелигіозномъ городѣ. Справедливо ли все это?

Не можетъ быть конечно сомнѣнія въ томъ, что ближайшимъ кругомъ дѣятельности ветхозавѣтныхъ пророковъ и задачей этой дѣятельности ихъ было стоять блюстителямъ религіозно-нравственного и даже политическаго благосостоянія еврейскаго народа, какъ народа Божія. Но и такое, исключительно, пониманіе характера и задачи пр. дѣятельности не отвергаетъ возможности и нужды обращенія пророческаго взора и на другіе языческіе народы; ибо отчего нельзя думать, что для религіозно-нравственнаго совершенствованія израиля важно было показать ему иногда, что истинное покаяніе можетъ быть и у язычниковъ, и потому тѣмъ болѣе должно быть у народа божія? Саміи противники исторической подлинности книги пр. Іоны допускаютъ возможность благотворнаго дѣйствія такого примѣра на нравственность народа еврейскаго, только требуютъ, чтобы этотъ примѣръ былъ вымышленный. Но почему бы не дѣйствительный? Въ историческихъ книгахъ библейскихъ представляется подоб-

ныхъ примѣровъ, какъ дѣйствительно бывшихъ, не мало и помимо посольства пр. Іоны въ Ниневію. Венададь, царь сирійскій, приглашалъ къ себѣ пр. Елисея (4 Ц. 8, 4—10); этотъ же пр. Елисей помазалъ другаго сирійскаго царя, Азаила, на царство по особенному порученію Іеговы, данному пр. Иліѣ (3 Ц. 19, 15; 4 Ц. 5, 1—19). Поведеніе пр. Елисея при помазаніи Азаила на царство представляетъ даже собою нѣкоторое объясненіе не только возможности, а и характера посольства пр. Іоны въ сосѣднее съ сврѣйскимъ языческое царство—ассирійское. Елисей плакалъ, возливая елей на Азаила; потому что зналъ, что на погибель и въ наказаніе Израиля это помазаніе. Отчего же несообразнымъ съ пророческимъ званіемъ должно признать не только отказъ пр. Іоны идти въ Ниневію, такъ рѣзко выразившійся въ бѣгствѣ его въ Фарсисъ, а и самое порученіе данное ему Іеговой? Почему Іегова, посылая пророка въ Ниневію призвать ее къ покаянію, не могъ имѣть цѣлю спасти на время Ассирію съ тѣмъ, чтобы послѣ наказанъ чрезъ нее Израиля? Писатель книги Паралипоменонъ, говоря о нашествіи на израильскую землю Фула, царя ассирійскаго, замѣчаетъ, что *Богъ воздвигъ духъ Фула противъ Израиля* (1 Пар. 5, 26; ср. 1 Езд. 1, 1 и 4 Ц. 18, 24). Что иное можетъ означать это замѣчаніе, какъ не то, что нашествіе ассирійскаго царя было средствомъ въ рукахъ Божіихъ для наказанія и исправленія израиля? Такъ согласуется съ идеею пророческаго института въ сврѣйскомъ теократическомъ царствѣ посольство пр. Іоны въ языческую Ниневію, если даже ограничивать задачу теократіи и пророчества лишь одной еврейской націей. На самомъ же дѣлѣ задача эта должна была имѣть мировое значеніе; отсюда и дѣятельность ветхозавѣтныхъ пророковъ должна была просиграться и на языческіе народы. И мы знаемъ не мало примѣровъ того, что слово пророческое было обращено прямо къ языческимъ народамъ и призывало ихъ къ покаянію и участию въ спасеніи ¹⁾. Мы знаемъ не мало примѣровъ того, что пророки, слѣдя за религіозно-нравственнымъ состояніемъ язычниковъ, проявляли въ своихъ словахъ точное знаніе не только религіозно-нравственной, а и политической жизни языческихъ народовъ ²⁾.

¹⁾ См. напр. Ис. 13—24; 51—55; Іер. 46—51; Іез. 25—32; Ам. 1, 2 и др.

²⁾ Ср. напр. показанія Исаія о вост. народахъ съ сказаніями о нихъ греческихъ писателей.

Почему же у пр. Ионы не могло быть таких цѣлей по отноше-
нію къ неевитянамъ?.. Впрочемъ подробнѣе объ этомъ фактѣ съ
указанной стороны ниже; теперь наша рѣчь о другой половинѣ
разбираемаго возраженія, болѣе, повидимому серьезной, чѣмъ
предыдущая, именно о фактической, будто бы, невозможности
для пр. Ионы выполнить данное ему порученіе.

Несогласно говорятъ противники подлинности книги пр. Ионы,
съ исторіей, археологіей, географіей и психологіей то, что рассказы-
вается въ книгѣ нашего пророка объ его носольствѣ въ языческую
Ниневію, и потому невѣроятно, Невѣроятно, чтобы еврейскій
пророкъ, незнакомый ни съ нравами и обычаями, ни съ религіей,
ни съ языкомъ того города, въ который онъ посылается и кото-
рый растягивается будто бы на три дня пути въ длину, могъ
тотчасъ по своемъ прибытіи въ него, едва успѣвши пройти путь
одного дня, обратить на себя вниманіе всего города; такъ что
исъ отъ мала до велика тронулись его проповѣдью, повѣрили ей,
объявили постъ и одѣлись во вретнице, и самъ царь, этотъ не-
доступный восточный деспотъ, услышавшій эту проповѣдь, снялъ
съ себя царскія одежды, одѣлся во вретнице, сѣлъ на пеплѣ и
издалъ эдиктъ объ обязательности всеобщаго поста, не только
для всѣхъ людей города, а и для скота крупнаго и мелкаго,—не
вѣроятно, говорятъ, чтобы все это такъ было на самомъ дѣлѣ.
Такъ по мнѣнію противниковъ исторической подлинности книги
пр. Ионы ⁴⁾; такъ и повидимому; но не такъ на самомъ дѣлѣ. Чтобы
видѣть всю несправедливость этого въ общемъ, какъ будто, не бе-
зосновательнаго возраженія, нужно разложить это общее на част-
ности, которыя сгруппированы въ немъ, и разобрать ихъ каждую
въ отдѣльности, и тогда отъ всего возраженія не останется ни-
чего, что опровергало бы историческую подлинность указанныхъ
сказаній книги пр. Ионы. Частности эти: 1) изображеніе величины
Ниневіи (3, 3 и 4, 11), будто бы неправдоподобное и само
въ себѣ и сравнительно съ другими историческими данными: 2)
изображеніе самой проповѣди пророка, невозможной для него,
какъ чужеземца, незнакомаго ни съ религіей, ни съ нравами, ни
съ языкомъ Ниневіи; и 3) изображеніе самого дѣйствія проповѣ-

⁴⁾ См. напр. Фридрихсена стр. 35.

дн, какъ естественнаго самого въ себѣ и противорѣчащаго исторіи по своему обнаруженію.

1) Гитцигъ ¹⁾, желая показать несправедливость и невѣроятность показаній книги пр. Іоны о величинѣ Ниневіи, говоритъ, что слова 3 гл. 3 ст: *Ниневія же была большой городъ у Бога, на три дня пути*, заключаютъ въ себѣ опредѣленіе длины этого города; такъ какъ словами четвертаго стиха, что *Іона прошелъ по городу путь одного дня*, ясно указывается на то, что ему оставалось пройти еще двѣ трети города, разумѣется, въ томъ же направленіи, въ какомъ онъ шелъ и въ первый день; а тогда онъ шелъ въ прямомъ направленіи. Переведя ватѣмъ эти показанія на цифровыя данныя, именно опредѣливъ по Геродоту (V, 53) дневной путь въ 160 стадій, Гитцигъ выводитъ, что діаметръ Ниневіи равняется $160 \times 3 = 480$ стадіямъ, или, на нашъ счетъ, 82 верстамъ ²⁾. Обружность города въ такомъ случаѣ будетъ, полагая ее въ три раза больше длины, такъ какъ діаметръ относится къ окружности какъ 1 къ 3, 1440 стадій, или 246 верстъ, цифра для величины города дѣйствительно баснословная. Чтобы еще болѣе выставить недостоверность показаній книги пр. Іоны о величинѣ Ниневіи, Гитцигъ сопоставляетъ съ словами 3 ст. 3 главы книги, такъ имъ растолкованными, 11-й ст. 4-ой главы, гдѣ число младенцовъ города опредѣляется въ 120,000; и поэтому все народонаселеніе такого необъятнаго города полагаетъ въ 600,000. Взаимное противорѣчіе обоихъ разобранныхъ мѣстъ, говоритъ онъ въ заключеніи, очевидно, а это противорѣчіе уничтожаетъ, всякую достоверность ихъ показаній...

Справедливо, что взаимное различіе, а непротиворѣчіе, указанныхъ Гитцигомъ мѣстъ книги пр. Іоны дѣйствительно очевидно, но и то только при гитциговскомъ пониманіи ихъ; а отсюда заключать о недостоверности показаній этихъ мѣстъ еще не приходится.

¹⁾ Стр. 371 и л.

²⁾ День пути—разстояніе, какое можно пройти въ продолженіе одного дня. Такъ измѣрилось разстояніе пути у древнихъ азіатскихъ народовъ, и теперь еще измѣряется у арабовъ и персовъ. Но какъ именно велико это разстояніе, точно опредѣлить нельзя. Геродотъ въ одномъ мѣстѣ опредѣляетъ его въ 160 стадій, а въ другомъ въ 200. См. Winer. Bibl. Wort. I. 2. S. 60. Приблизительно на нашъ счетъ дневной путь равняется 25—32, слѣд. путь 3-хъ дней около 82 в. Стадія же заключаетъ въ себѣ 87 $\frac{1}{2}$ сажени.

Нѣтъ сомнѣнiя, что все количество народонаселенiя города на томъ основанiи, что въ немъ 120,000 младенцевъ, не можетъ быть признаваемо въ 2,000,000 согласно съ Шлоссеромъ, или въ 1,200,000, какъ думаетъ этимъ будто бы ослабить противорѣчивую неувѣроятность книги пр. Ионы, самъ же Гитцигъ; потому что людьми, неумѣющими отличить правой руки отъ лѣвой, какъ опредѣлены дѣти въ книгѣ пр. Ионы, нельзя считать только младенцевъ 3—5 лѣтъ (ср. 2 Макк. 7, 27 и 1 Ц. 1, 22 и 2, 11). Въ подлинникѣ для обозначенiя этихъ людей, стоитъ не: *jālad*—*дѣтя*, какъ въ Быт. 21, 8; Исх. 2, 8 и др. и даже не: *māfi*—*юноша*, какъ въ Исх. 12, 37; Iез. 9, 6; Быт. 47, 12, а *ādām*—*человѣкъ вообще*. А это наравнѣ съ указаннымъ въ книгѣ Ионы другимъ признакомъ для опредѣленiя ихъ возраста (именно тѣмъ, что они представляются не умѣющими отличить правой руки отъ лѣвой) даетъ видѣть въ нихъ людей не достигшихъ еще умственной и нравственной зрѣлости и потому не вмѣняемыхъ, какими доселѣ и у насъ считаются дѣти до 7-лѣтняго возраста; тогда же, въ виду большей продолжительности жизни человѣческой вообще, такими невмѣняемыми могли быть и болѣе возрастные—вообще всѣ дѣти, не достигшия зрѣлости по нашему гражданскому счисленiю. Полагая же количественное отношенiе дѣтей вообще къ людямъ остальныхъ возрастовъ, какъ 1 къ 5, дѣйствительно можно думать, что при 120,000-номъ количествѣ дѣтей количество всего народонаселенiя Ниневiи было въ 600,000 человѣкъ ¹⁾. Эта цифра народонаселенiя—самая обычная для большихъ городовъ и въ настоящее время, и она, стоя въ разногласiи съ пространственной величиной этого города, какъ ее опредѣляетъ Гитцигъ на основанiи 3-го и 4-го стиховъ третьей главы, вовсе не опровергаетъ показанiя этихъ стиховъ о величинѣ Ниневiи, если правильно толковать ихъ.

Дѣло въ томъ, что третiй и четвертый стихи третьей главы вовсе не могутъ быть толкуемы такъ, какъ толкуетъ ихъ Гитцигъ. Слова четвертаго стиха: *vā jāxal jonā? labō' bōā'ijr mā'ālāx jom'ē xād*, нельзя переводить такъ, какъ переводитъ ихъ Гитцигъ: и воицелъ Иона въ городъ на прямому направленiю на одинъ день

¹⁾ Ср. соображенiя Пибуря въ *Compt. rend. Acad. Sci. Paris*, 1854 г. стр. 296.

пути. Правда слово: *мѣлѣх*—пространство, происходя отъ глагола: *ѣлах*—*ходилъ, двигался, подвигался*, означаетъ собственно мѣру для опредѣленія не вообще пространства, а лишь пространства пройденнаго, отсюда *ходъ, шестое*. Но 1) въ такомъ случаѣ остается не переведеннымъ слово: *ѣхэл*, которое есть не совершенное время въ сокращенной формѣ отъ *ѣхил*—*кружился въ хоровахъ, вертѣлся устремлялся, успѣвалъ*¹⁾. 2) Слова: *бо' бба'ѣр*, вовсе не означаютъ прохожденіе города по прямой линіи, а просто *вхожденіе въ городъ, вступленіе*, безъ всякаго указанія направленія пути, пройденнаго внутри города. На это указываетъ и глаголь: *бо'*, который значить: *входилъ, проникалъ, вступалъ куда*, и въ этомъ значеніи своимъ главнымъ понятіемъ имѣетъ указаніе на достиженіе мѣста назначенія, какимъ бы то ни было путемъ или способомъ. Точно также и предлогъ: *б* при словѣ: *'ѣр* отвѣчаетъ скорѣе на вопросъ: *идь, въ чемъ, на чемъ*, а не *куда*, для чего употребляется чаще: *'эл*, и потому то означаетъ: *въ=внутри, среди, по*. Поэтому болѣе точный, приближающійся къ мысли писателя, переводъ приведенныхъ словъ долженъ быть такой: *и успѣлъ Иона войти въ городъ на одинъ день лоду*, т. е. онъ успѣлъ исходить въ городъ, сколько можно исходить въ одинъ день. 3) Такъ какъ во всей книгѣ стихи по своему строенію представляютъ собою синтетическую двухчленную соразмѣрность, напоминающую собой синтетическій параллелизмъ поэтическихъ книгъ; то очевидно разобранныя и переведенныя нами слова должно поставять въ непосредственную связь не со второй половиной третьяго стиха, какъ хочется Гитцигу, а со второй же половиной четвертаго стиха. Здѣсь говорится о самой проповѣди пророка въ Ниневіи; слѣдовательно и первая половина этого стиха должна указывать не на длину города, о чемъ во второй половинѣ третьяго стиха, а на длину ходьбы въ городъ пр. Ионы, и опредѣляютъ собою начало проповѣди пророка по времени и мѣсто ея. 4) Ставить же первую половину четвертаго стиха въ непосредственную связь со второй половиной третьяго тѣмъ болѣе незаконно, что въ третьемъ стихѣ эта половина составляетъ не главную часть или мысль, а лишь вводное, дополнительное предложеніе. Такимъ образомъ выходитъ, что на чет-

¹⁾ Ср. Суд. 21, 21; Іер. 23, 19; Ос. 11, 6; Пс. 10, 5; Іов. 20, 21; Быт. 8, 11 и др.

верный стихъ нельзя сослаться для опредѣленія величины города Ниневіи, или если можно, то лишь самымъ косвеннымъ образомъ.

Величина города прямо указана въ третьемъ стихѣ въ словахъ: *а Ниневія была городъ великій у Бога, на три дня пути*. Признаеть это и Гитцигъ, но онъ и нѣкоторые другіе несправедливо хотять видѣть въ этихъ словахъ указаніе на длину города, или діаметръ его. Для опредѣленія величины городовъ, селеній и вообще мѣстностей всегда и у всѣхъ берется окружность ихъ, а не протяженіе только въ длину, и нѣтъ никакихъ основаній дѣлать исключеніе въ этомъ отношеніи для книги пр. Іоны. Если же въ третьемъ стихѣ третьей главы ея разумѣется не длина или діаметръ Ниневіи, а ея окружность; то величина ея вовсе не будетъ такъ баснословна, какъ представляетъ ея Гитцигъ, а втрое менѣе, т. е. 480 стадій, или 82 версты въ окружности и около 30 в. въ длину. Правда и такая величина Ниневіи можетъ еще показаться для Ниневіи съ населеніемъ въ 600,000 человѣкъ, невѣроятною въ сравненіи съ современными намъ городами, въ которыхъ на гораздо меньшемъ пространствѣ скучено бываетъ гораздо болѣе населенія ¹⁾; но заключать отсюда прямо о недостоверности или легендарности самаго разсказа по меньшей мѣрѣ ненаучно. Прежде такого заключенія слѣдуетъ поискать какого либо объясненія этихъ взаимныхъ несообразностей, соглашающаго ихъ, и затѣмъ уже дѣлать выводъ.

Еще въ прошедшемъ столѣтіи нѣкто Гаренбергъ, желая устранить указанныя кажущіяся несообразности, препятствующія будто бы буквальному пониманію книги Іоны, говорилъ ²⁾, что „названная здѣсь Ниневія не есть главный городъ ассирійскаго царства, но небольшой удѣлъ съ главнымъ городомъ этаго имени въ цѣпи горъ Ермона, по ту сторону Иордана, въ полукольцѣ Манасіиномъ“. Этотъ удѣлъ, думаетъ онъ, могъ имѣть своего князька, какъ напр. имѣли таковыхъ Дамаскъ, Емаѡъ и др. Правда конечно, что окружность удѣла очень естественна въ 480 стадій точно также, какъ и народонаселеніе его въ 600,000 человѣкъ, при той разбросанности городовъ и деревень, при томъ множе-

¹⁾ Москва напр. при почти 700,000-номъ населеніи имѣетъ 39 в. въ окружности, Петербургъ при 900,000 жит. 48 в. окружи.

²⁾ Вь Neuen Theologischen Magazin—Antona 1768. 1 st. s. 1241 и в.

ствѣ пустыхъ земель, какія могли быть въ удѣлѣ; правда и то, что при такомъ предположеніи немогутъ казаться сомнительными ни проповѣдь пророка въ этой именно области, какъ въ области еврейской, а не языческой, ни обращеніе жителей ея къ Богу; но все это понятно будетъ и безъ такого предположенія, какъ увидимъ это ниже. Самое же предположеніе Гаренберга не имѣеть для себя основаній въ текстѣ книги пр. Іоны; такъ какъ въ немъ именно городъ Ниневія (*ni-niur*) представляется имѣющимъ три дня пути въ окружности при 600,000 населенія. Поэтому лучше поступаютъ новѣйшіе толкователи, которые, оставляя неприкосновеннымъ самый текстъ книги пр. Іоны, для объясненія указанной несообразности обращаются къ показаніямъ другихъ мѣстъ библіи, такъ или иначе соприкосновенныхъ съ разбираемымъ нами, къ свидѣтельствамъ древней гражданской исторіи и къ даннымъ археологій. Эти пособія дѣйствительно много помогаютъ въ опредѣленіи величины Ниневіи и др.

Въ 11 стихѣ 10-й главы книги Бытія мы читаемъ: *изъ сей земли вышелъ Ассуръ, и построилъ Ниневію, Реховоу-иръ, Калахъ и Ресенъ между Ниневією и Калахомъ, городъ великій.* „Такъ обыкновенно переводили, говоритъ м. Филаретъ ¹⁾, сіе мѣсто древніе. Новѣйшіе, принимая слово: *'а ссур* вмѣсто: *'а ссурѣи*, чему примѣры есть, (3 Цар. 3, 15; 2 Цар. 6, 10), по большей части переводятъ эти слова такъ: *изъ сей земли (Сеннаара) вышелъ онъ*, т. е. Нимродъ *въ Ассирію, и построилъ Ниневію*“. Это мнѣніе приводитъ и Властовъ въ своей Свящ. Лѣтописи ²⁾, какъ мнѣніе Отто Герлаха, и затѣмъ говоритъ, что и Моисей Хоренскій понимаетъ это мѣсто также; потому что понимая Бела за Нимрода, онъ называетъ Нина потомкомъ Бела и основателемъ Ниневіи. Замѣчательно также, что Ассурданапалъ въ своихъ надписяхъ называетъ Ресенъ городомъ Ловца, что напоминаетъ сказаніе о Нимродѣ, записанное Бытописателемъ ³⁾. Мы нарочно остановились на выясненіи преимю-

¹⁾ См. его Записки на кн. Бытія ч. 2, стр. 28.

²⁾ См. Св. Лѣт. Властова, ч. 1, стр. 153.

³⁾ За правильность послѣдняго перевода говоритъ и самый контекстъ рѣчи; ибо въ данномъ мѣстѣ у Моисея рѣчь не о дѣлахъ Сима, между которыми былъ Ассуръ, а о Нимродѣ; иначе странно говорить о подвигахъ Ассура, о пропехожденіи и родѣ котораго лишь въ 22 ст. Ср. вр. Мих. 5, 6.

щества послѣдняго чтенія предъ первымъ, потому что при такомъ только чтеніи показаніе библии о началѣ и происхожденіи Ниневіи можно удобно согласить съ преданіями восточныхъ народовъ о томъ, что основателемъ Ниневіи былъ Нинъ съ женою своею Семирамидою, сынъ Вэла, котораго отождествляютъ съ Нимродомъ. Именно отчего не предположить, что Нинъ только обновилъ, украсилъ и вообще докончилъ постройкой городъ, строить который началъ отецъ его Нимродъ? Назвалъ же Нимродъ городъ этотъ Ниневіей въ честь сына своего подобно тому, какъ Царянь, построивъ городъ, назвалъ его Енохомъ по имени сына своего (Быт. 5, 32). Если же такъ, то самая древность этого города, относящагося къ тѣмъ почти доисторическимъ временамъ, когда жили великаны, строившіе башню до небесъ въ Вавилонѣ, и то обстоятельство, что строителемъ ея былъ Ловець Нимродъ, вошедшій въ причту народовъ, какъ образъ силы и могущества, должно ручаться за обширность, грандіозность и крѣпость основныхъ построекъ Ниневіи, какъ города. Свѣтская же исторія, передавая народное преданіе о происхожденіи Ниневіи, говоритъ, что когда Нинъ строилъ этотъ городъ, то имѣлъ намѣреніе построить его такъ, чтобы никакой городъ въ свѣтѣ не могъ равняться съ нимъ ни въ обширности, ни въ великолѣвіи ¹⁾. По началу можно судить и о дальнѣйшемъ.

Правда библия долго послѣ приведеннаго разсказа не говоритъ прямо объ Ассиріи или частиѣе о столицѣ ея Ниневіи; но судя по нѣкоторымъ намекамъ ²⁾, должно думать, что по библии Ассирія была однимъ изъ могущественнѣйшихъ государствъ съ обширнымъ городомъ во главѣ уже въ XV—X вѣкахъ до Р. Хр. ³⁾. Съ этими исторически-основательными соображеніями вполне согласуются показанія и свѣтскихъ историковъ и позднѣйшихъ еврейскихъ пророковъ—Наума и Софоніи, Страбонъ, передавши народное преданіе о происхожденіи Ниневіи, прибавляетъ отъ себя, что Ниневія была много больше Вавилона, имѣвшаго, по его же словамъ, 365 стадій или около 64 в. въ окружности, и лежала въ равнинѣ 'Атоуріасъ—

¹⁾ Страбонъ XVI, 1; см. у Вейса. „Внѣшній бытъ древнихъ народовъ“, въ переводѣ Чаева, стр. 163.

²⁾ См. напр. Быт. 14 гл.; Числ. 24, 22—23; Суд. 3, 5—11 и др.

³⁾ Ср. Raylinson Chaldaea Assyria.

Ассиріи, на лѣвомъ берегу Тигра. Геродотъ, самъ лично видѣвшій Вавилонъ, окружность Ниневіи прямо опредѣляетъ, какъ мы видѣли, въ три дни пути. Діодоръ Сицилійскій (11, 3), на основаніи показаній Ктезія (въ его 23 кн. Персикѣ), увѣряетъ, что Ниневія образовала продолговатый четверугольникъ, каждая изъ двухъ длиннѣйшихъ сторонъ котораго равнялась 150, а короткія—90 стадіямъ; такъ что вся окружность города равнялась дѣйствительно 480 стадіямъ, обнесена была стѣной, высота которой простиралась до 100 фут. (14 саж. по 7 ф. въ саж.), а толщина была такъ велика, что по ней могли ѣхать три колесницы рядомъ: 1500 башенъ, высота которыхъ была вдвое больше высоты стѣнъ, окружали городъ ¹⁾. Елрейскіе же предлѣнные пророки, Наумъ и Софонія, пророчествуютъ о гибели Ниневіи, представляли ея городомъ съ огромными улицами, площадями и со множествомъ воротъ, городомъ, наполненнымъ дворцами, со множествомъ рѣзныхъ украшеній и кедровой обшивкой, хвалящимся своими крѣпостями, способными выдержать долговременную осаду и вмѣщающимъ въ себѣ многочисленныя войска (Наум. 2, 3, 6; 3, 4; Соф. 2, 24 и др.).—Почему нельзя предположить, что все это—могучія древнія постройки, которыхъ точно также, какъ и пирамидъ, боялось время, и которыя оставались нетронутыми и въ позднѣйшіе періоды жизни Ниневіи,—жизни не такой величественной и гигантской во всѣхъ отношеніяхъ, какъ жизнь до историческихъ ниневитянъ? Такое предположеніе больше пмѣетъ за собою достоинствъ и правъ на вѣроятіе, чѣмъ предположеніе о неподлинности одного изъ двухъ показаній книги пр. Іоны, т. е. показанія о пространственной величинѣ города съ одной стороны и о количествѣ народонаселенія съ другой,—даже больше, чѣмъ другое предположеніе, что тѣ древнія постройки—въ теченіе вѣковъ, вмѣстѣ съ жителями ихъ были погребены подъ землею и лишь на ихъ могилахъ возсталъ новый городъ, менѣ великій и грандіозный, чѣмъ древній и съ меньшимъ количествомъ жителей... ²⁾. Но пойдемъ дальше въ указаніи свидѣтельствъ исторіи о Ниневіи.

Спустя два вѣка послѣ разрушенія Ниневіи (въ 601 г. до Р. Хр.) Ксенофонтъ посѣщалъ ея развалины. Совершая свое от-

¹⁾ См. Duncker, Geschichte Alterthums Bd. 1.1855. s. 283.

²⁾ См. въ соч. Сельовскаго. Т. 3.

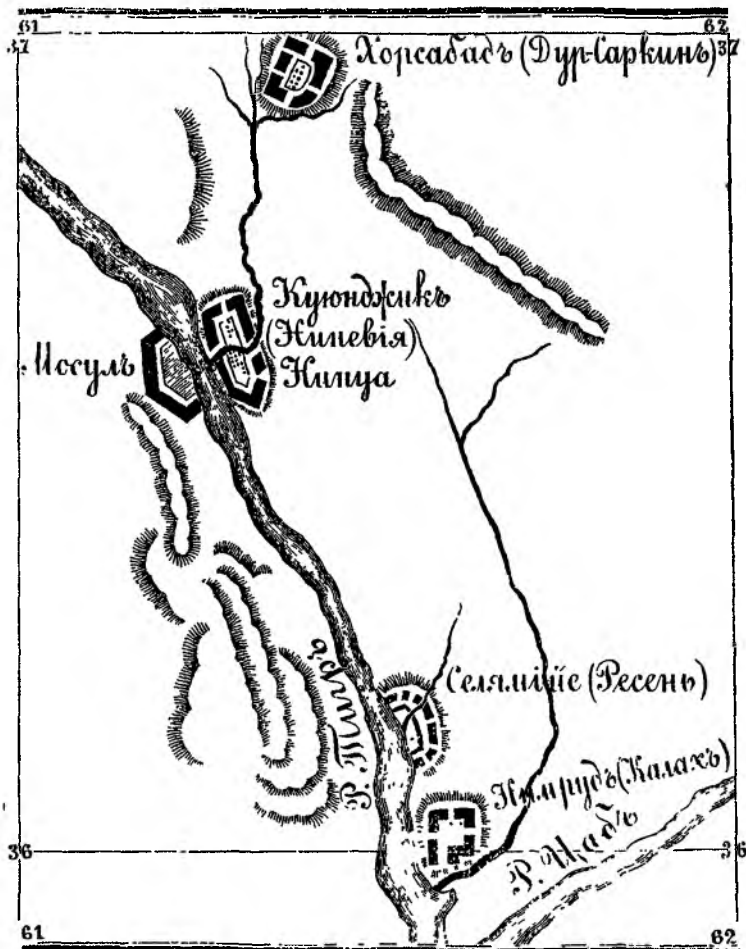

ступленіе съ десятию тысячами грековъ вверхъ по теченію Тигра и переправившись чрезъ большой Цабъ, Ксенофонтъ скоро достигъ большаго города на самомъ Тигрѣ, находившагося въ заустѣннѣ. Стѣны этого города утверждались на каменномъ фундаментѣ въ двадцать фут. высоты (κρῖνις ὑψηλὴ λίθινη τὸ ὕψος ποσσῶν); надъ нимъ возвышалась самая стѣна, построенная уже изъ кирпичей, толщиною въ двадцать пять, а высотую въ сто фут.; окружность ея простиралась на два парасанга (1½ нѣм. мил. или 60 ст., около 10 верстѣ). Около города находилась каменная пирамида, каждая сторона которой шириною была въ сто футъ, а высотую въ двѣсти. Отсюда, послѣ перехода въ шесть парасанговъ (около 30 верстѣ), греки пришли опять къ большой стѣнѣ разрушеннаго города. Здѣсь фундаментъ стѣны изъ полированнаго мрамора былъ въ пятьдесятъ фут. толщины и на пятьдесятъ фут. высоты; на этомъ основаніи утверждалась кирпичная стѣна, толщиною также въ пятьдесятъ, а вышиною въ сто фут.; окружность же ея равнялась шести парасангамъ. При этомъ Ксенофонтъ слышалъ отъ мѣстныхъ жителей, что персы только благодаря чуду, могли завоевать эти города, окруженные столь крѣпкими стѣнами ¹⁾. Изъ этого свидѣтельства само собою слѣдуетъ, что городъ Ниневія и въ позднѣйшее сравнительно съ разсматриваемою нами эпохою время занималъ громадное пространство, обнесенное нѣкогда общею стѣною, которая въ однихъ мѣстахъ была крѣпче и выше, чѣмъ въ другихъ и потому сохранялась цѣлою или въ развалинахъ, говоря тѣмъ о своей древности.

Во второй четверти настоящаго столѣтія любознательность нѣкоторыхъ путешественниковъ была возбуждена необычайными холмами, находящимися въ Месопотаміи, вблизи теперешняго селенія Мосула на лѣвомъ берегу Тигра. Эти холмы выдавались особенно въ четырехъ пунктахъ: 1) противъ Мосула на лѣвомъ берегу Тигра лежала цѣлая группа земляныхъ холмовъ, величайшіе изъ которыхъ извѣстны подъ именемъ Куянджикъ; 2) почти на шесть часовъ пути въ югу отъ Куянджики находилась гряда развалинъ, извѣстная подъ именемъ Нимрудъ; 3) далѣе къ востоку, почти на разстояніи трехъ часовъ, холмы Харамлестъ и 4) почти на пять

¹⁾ Xenoph. Ἀνάβασις III. 40 ср. Duncker, Gesch. Alterth. s. 238.

часовъ къ сѣверу отъ нихъ—холмы Хорсабада. На этомъ пространствѣ въ трехъ длинѣйшихъ его пунктахъ и произведены были раскопки сначала французскимъ консуломъ Боттою въ 1842 г., затѣмъ англичанами Лейардомъ и Равлинсономъ въ 1845 и наконецъ Плассомъ въ 1853 г., и вотъ что теперь вполнѣ точно дознано на основаніи этихъ раскопокъ относительно географическаго положенія, величины и устройства Ниневіи.

Карта ниневійскихъ развалинъ ¹⁾.

¹⁾ Съ карты въ статьѣ А. Астафьева. Житииси ассирійскихъ царей Ж. М. П. Провъ. 1878, кн. 1.

Ниневію назывался не одинъ городъ въ смыслѣ крѣпости, окруженной стѣной, а нѣсколько такихъ, на участкѣ земли въ 17 нѣмецкихъ или 90 англійскихъ миль ¹⁾. Этотъ участокъ земли, гранича съ трехъ сторонъ рѣками: съ сѣвера—Косромъ, съ запада — Тигромъ, и съ юго-запада — Гадръ-Су и великимъ Цабомъ, съ четвертой сѣвера - восточной—горами, лежитъ между 61 и 62⁰⁰ в. д. и 36 и 37⁰⁰ с. шир. Онъ кругомъ былъ искусно укрѣпленъ со стороны рѣкъ плотинами, шлюзами и каналами, а со стороны горъ валами и крѣпостями, какъ это видно еще изъ мусорныхъ кучъ, и былъ расположенъ въ видѣ неправильнаго четвероугольника, или трапеціи, острые углы которой лежали къ сѣверу и югу, а длинныя стороны по теченію Тигра и по направленію горъ. Въ окружности этой трапеціи и расположены были четыре большихъ, какъ ихъ называетъ Лейярдъ, кварталовъ одного великаго города Ниневіи. Эти кварталы: первый собственно Ниневія, обнимающій развалины при Куюнджикѣ. Сѣверная и восточныя части ея были защищены посредствомъ широкихъ рововъ, наполнявшихся водою; на восточной сторонѣ этого квартала устроены были даже двойные рвы, или потому, что эта сторона особенно была подвержена вторженію непріятелей, или потому, что рѣка Тигръ, около Ниневіи собственно, часто выступаетъ изъ береговъ и дѣлаетъ необходимымъ устройство отводнаго канала, который, принимая въ себя излишекъ воды, долженъ былъ предохранять городъ отъ наводненія. Второй кварталъ—Калахъ (теперешній Нимрудъ между Тигромъ и Цабомъ), который былъ столицею въ позднѣйшее время; третій—доселѣ не изслѣдованный городъ на Тигрѣ отъ трехъ до шести англ. миль къ сѣверу отъ Калаха; четвертый—Саркинъ (при Хорсабадѣ). Во всѣхъ этихъ кварталахъ было по особому царскому дворцу, каждый изъ которыхъ служилъ резиденціею царя въ извѣстное время года. Каждый изъ кварталовъ былъ окруженъ особою стѣною и укрѣпленіями; промежутки же между ними заняты были домами частныхъ лицъ ²⁾.

Сопоставляя эти показанія новѣйшихъ путешественниковъ о величинѣ и расположеніи Ниневіи съ свидѣтельствами объ этомъ

¹⁾ Англ. миля равняется 10.254 саж.; слѣдоват. 90 англ. м. = 130 верст.

²⁾ См. объ этомъ подробнѣе у Кейля въ его *Comm.* стр. 277, у Шрадера. *Die Kleinschriften und das A. Testament.* S. 286—288, и въ русск. литературѣ статью П. Казанскаго „Ниневія“ въ *Чт. въ О. Д. Д. Пр.* 1878, 1. 371 и др.

же древнихъ, мы находимъ между ними полное согласіе. Такъ разстояніе между Калахомъ и Ниневіею близко подходитъ къ засвидѣтельствованному Ктезіемъ протяженію длинной стороны города (150 ст.) и даетъ основаніе предполагать, что Калахъ есть тотъ городъ, который Ксенофонтъ назвалъ Лариссою, а Ниневія—его Меспила. Правда по Ксенофонтѣ окружность Ниневіи равнялась 380 ст. или 64 верстамъ, по Ктезію и Геродоту 480 ст. или 84 в., а по новѣйшимъ изслѣдованіямъ 90 англамъ, мил. или 130 верстамъ. Но это разногласіе легко устраняется тѣмъ вполне законнымъ предположеніемъ, что и показанія древнихъ историковъ и выводы новѣйшихъ путешественниковъ только приблизительны. Хотя выводы новѣйшихъ ученыхъ и основаны на самомъ тщательномъ и подробномъ разслѣдованіи мѣстности древней Ниневіи; но такъ какъ въ силу самой этой тщательности и подробности разслѣдованій и раскопокъ, въ нихъ къ остаткамъ и развалинамъ Ниневіи могло быть отнесено нѣчто такое, что принадлежало не ей, а близъ лежащимъ пригородамъ и селеніямъ; то и выводы, основанные на этихъ разслѣдованіяхъ могли быть преувеличенными. Свидѣтельства же древнихъ съ другой стороны, особенно Ксенофонта, какъ основанныя только на *поверхностномъ* въ бибвальномъ смыслѣ слова, внѣшнемъ и случайномъ обзорѣніи мѣстности ¹⁾, или какъ говоряція о величинѣ Ниневіи только въ одно извѣстное время, при ихъ посѣщеніи города, могли и могутъ быть лишь опять приблизительными, только въ смыслѣ уменьшенія дѣйствительной величины Ниневіи. Принимая же за истинное показаніе величины этого города средній выводъ изъ разобранныхъ данныхъ, мы получаемъ: $64 + 130 = 194 : 2 = 97$ версть,—цифру, очень близко подходящую къ словамъ книги пр. Іоны, что „*Ниневія была на три дня пути*“. Но эта величина города около 500 стадій или около 90 верствъ обозначаетъ собою величину не діаметра его, а окружности и касается Ниневіи, не какъ отдѣльнаго квартала при Куюнджикѣ,

---

¹⁾ Такъ въ объясненіе разногласія Ксенофонта не только съ Ктезіемъ, а и съ новѣйшими изслѣдователями, по всей справедливости можно сослаться на то замѣчаніе Ксенофонта же, что и послѣ разрушенія города стѣны его сохранились на протяженіи 6 миль, стало-быть стѣны города были длиннѣе видѣнныхъ Ксенофонтѣмъ.

а Ниневіи въ широкомъ смыслѣ слова, какъ совокупности всѣхъ четырехъ кварталовъ.

Приведенныя и разобранныя нами данныя прежде всего конечно точнѣе опредѣляютъ величину Ниневіи, представляя ее не много большею сравнительно съ нашими первыми предположеніями; но вмѣстѣ съ тѣмъ онѣ даютъ собою нить и къ соглашенію такой величины Ниневіи съ ея народонаселеніемъ въ 600,000 человѣкъ. Нить эта дается и древними путешественниками и новѣйшими изслѣдователями въ томъ замѣчаніи ихъ, что не вся Ниневія, обнимающая пространство въ три дня пути, была застроена такими вѣковѣчными зданіями, которыя могли сохраниться покрайней мѣрѣ въ развалинахъ, а лишь въ четырехъ своихъ угловыхъ пунктахъ, или квартарахъ. Здѣсь, по раскопкамъ новѣйшихъ изслѣдователей, были храмы, дворцы и другія казенныя и общественныя зданія; пространство же, заключенное между ними, не представляетъ собою груды развалинъ, а какіе-то пустыри, какъ будто и не застроивавшіеся такими сплошными и крѣпкими зданіями и кварталами. Выводъ, какой можно сдѣлать отсюда по отношенію къ вопросу о количествѣ народонаселенія Ниневіи, очевидно прежде всего тотъ, что такъ какъ невозможно было, чтобы царь со всею окружающею его многочисленною свитою изъ войска, жрецовъ, чиновниковъ и др. постоянно жилъ во всѣхъ указанныхъ четырехъ пунктахъ; то изъ четырехъ кварталовъ Ниневіи, долженствовавшихъ давать пріютъ не малой части населенія Ниневіи, въ извѣстное время года всегда былъ населенъ лишь одинъ, остальные же три пустовали. Это вопервыхъ. Вовторыхъ, судя потому, что и пространство, заключающееся между кварталами, по новѣйшимъ разслѣдованіямъ, представляется огражденнымъ и валами, и крѣпостями, и плотинами, и шлюзами, нужно думать, что и оно было заселено, но не такъ густо и плотно, какъ кварталы; иначе куда же дѣвались развалины? Принимая же во вниманіе свидѣтельство Ксенофонта о томъ, что при паденіи Ниневіи враги три года не могли осадить ея, нужно думать, что такъ долго продержаться ниневитянамъ можно было потому, что у нихъ много было запасовъ провизіи изъ скота и хлѣба. Стало быть, пространство между кварталами отъ того и не имѣетъ сплошныхъ развалинъ, что здѣсь были поля для засѣвовъ, достаточныхъ для прокормленія 600,000-наго населенія и пастбища для скота.

Справедливость этихъ соображеній и предположеній, сдѣланныхъ на основаніи историческихъ и археологическихъ данныхъ, подтверждается прямымъ свидѣтельствомъ о томъ же и книги пр. Іоны, съ своей стороны оправдывая и это послѣднее. По показанію книги пр. Іоны въ Ниневіи было „множество скота“ (4, 11), въ евр. подлинникѣ книги—*убъэмъаі раббаі*. Послѣднее слово означаетъ собственно такое множество, что выходитъ изъ ряда обычнаго числа, или количества; это слово часто стоитъ съ другими прилагательными для усиленія ихъ въ значеніи нашего *очень*; въ книгѣ же пр. Іоны такое значеніе этого слова обуславливается тѣмъ, что оно сопоставляется здѣсь съ 120,000 неумѣющихъ отличить правой руки отъ лѣвой. Точно также и слово: *бъэмъаі*, означающее вообще *крупный домашній скотъ* въ противоположность лѣснымъ звѣрямъ, по употребленію этого слова въ 3, 7 (Іоны же) означаетъ и *мелкій скотъ*, а по Іов. 40, 15; Пр. 30, 30; и Пс. 8, 8 оно можетъ означать не *овецъ, воловъ* и *ословъ* только, а и *лошадей* и даже *слоновъ*. Если овцы и волю должны были быть въ Ниневіи въ огромномъ количествѣ для жертвъ и употребляться въ пищу всѣмъ 600,000-нымъ населеніемъ ея, а ослы нужны были для перевозки тяжестей; то лошади и слоны должны были быть для военныхъ надобностей. Что они дѣйствительно были въ Ниневіи, объ этомъ можно заключать на основаніи свидѣтельствъ пр. Наума и Софоніи о воинственности Ниневіи, и Ксенофонта—объ осадѣ этого города; да и вообще извѣстно, что сраженія древнихъ не обходились безъ боевыхъ слоновъ и боевыхъ колесницъ, запряженныхъ конями. Можно по всему этому судить, какъ громадны должны были быть пастбища для такого множества скота. Прибавимъ къ этому свидѣтельство Діодора Сицилійскаго о томъ, что на востокѣ былъ обычай въ большихъ, особенно главныхъ и укрѣпленныхъ городахъ оставлять незастроенными между отдѣльными частями города и даже отдѣльными домами значительныя пространства земли, которыя во время осады были обрабатываемы и собираемымъ съ нихъ хлѣбомъ давали возможность выдерживать продолжительную осаду ¹⁾. Такъ гармонично восполняютъ и подтверждаютъ себя взаимно и свидѣтельство книги пр. Іоны и показанія исторіи и

¹⁾ См. Duncker's Geschichte d. Alterthums. Bd. 1. s. 284.

археологиче о количествѣ населенія Ниневіи въ его отношеніи къ пространственной величинѣ этого города. Но это еще не все.

Изъ приведенныхъ свидѣтельствъ древнихъ и показаній новѣйшихъ мы узнаемъ, что древніе восточные города, а въ томъ числѣ и Ниневія, не были похожи на новѣйшіе и по характеру самыхъ построекъ, и по взаимному расположенію ихъ. Дома восточные по большей части кирпичные; но приготовляя для домовъ кирпичи изъ глины, восточные народы, а въ томъ числѣ и ассиріяне, не обжигали этихъ кирпичей и не высушивали ихъ, а придавая имъ только форму, въ сыромъ видѣ клали ихъ одинъ на другой безъ всякаго цемента. Отсутствие же длинныхъ деревьевъ для крышъ и самая форма этихъ крышъ—плоская необходимо заставляли дѣлать точно такіе же и своды; такъ что каждое зданіе не могло имѣть болѣе одного этажа и для того, чтобы быть помѣстительнымъ, оно должно было распространяться не въ высъ, какъ теперь, сохраняя чрезъ то мѣсто, а въ ширь. Желаніе жить на чистомъ воздухѣ, особенно въ хорошую погоду, но въ то же время семейною уединенною жизнью дѣлало обычнымъ то, что при домахъ были, такъ называемые, внутреніе дворы съ цистернами и огромными садами. Въ Ассиріи же искусственные сады были съ одной стороны необходимѣе, чѣмъ въ другихъ восточныхъ странахъ, по самому климату, съ другой—возможнѣе. Какъ можно догадываться по разслѣдованіямъ на мѣстѣ развалинъ Ниневіи, ассиріяне имѣли обыкновеніе насыпать значительныя искусственныя возвышенія, которые, защищая мѣстность отъ разлива Тигра, вмѣстѣ съ тѣмъ служили и площадью для ихъ храмовъ, дворцовъ и домовъ. Ниневія почти вся построена была на такихъ искусственныхъ возвышеніяхъ ¹⁾. Однимъ изъ прославленныхъ семи чудесъ свѣта были такъ-называемые висячіе сады Семирамиды. Каждый кварталъ, говоритъ Лейярдъ, долженъ былъ заключать въ себѣ кромѣ жилыхъ домовъ сады и земли, отведенныя для охоты ²⁾.

Принимая во вниманіе все это и гигантскую колоссальность древнихъ построекъ Ниневіи и характеръ построекъ ея одноэтажныхъ съ большими дворами, и существованіе въ чертѣ

---

¹⁾ Ibid. s. 287 и д.

²⁾ См. Кейля стр. 298 и д.

города огромных садовъ, пашень и пастбищъ для скота, едва ли можно, указывая на аналогію современныхъ городовъ, говорить о разногласіи между показаніемъ книги пр. Іоны о пространственной величинѣ Ниневіи съ одной стороны, и о количествѣ ея населенія съ другой. Между тѣмъ и другимъ полное соотвѣтствіе, вполне подтверждающее справедливость ихъ обоехъ.

2) Установивъ такимъ образомъ достовѣрность данныхъ книги пр. Іоны относительно величины и населенности Ниневіи самихъ въ себѣ, мы должны разобрать ихъ теперь по отношенію къ дѣятельности пр. Іоны, равно какъ и самую эту дѣятельность. Здѣсь мы опять будемъ имѣть дѣло прежде всего съ Гитцигомъ. Указавъ на то, что по проведеннымъ имъ даннымъ діаметръ Ниневіи долженъ былъ быть въ 480 стадій, онъ не отвергаетъ и свидѣтельствъ древнихъ о длинѣ города въ 150 стадій, но для того, чтобы, какъ онъ думаетъ, еще яснѣе видна была несправедливость показаній книги пр. Іоны. Если длина города равнялась, говоритъ онъ, 150 стадіямъ, или однодневному пути, то ясно, что Іона, начавшій проповѣдь послѣ того, какъ прошелъ одинъ день пути, во всеуслышаніе провозглашалъ ее на окраинѣ города, тамъ, гдѣ его не могли слышать царь и всѣ жители. „Какая-де очевидная неправдоподобность“! Таковъ конечно выводъ этихъ разсужденій,— но выводъ несправедливый.

Самое значеніе словъ: *bo' bba'ur* говоритъ, какъ мы уже видѣли, противъ предположенія о прямомъ направленіи пути пр. Іоны, указывая лишь на фактъ вхожденія пророка въ городъ и однодневнаго пребыванія его тамъ; въ городѣ же, діаметръ котораго былъ въ 150 стадій, легко можно было ходить въ продолженіе цѣлаго дня и не дойти до другаго конца. А пророку Іонѣ это не прямое прохожденіе черезъ городъ даже нужно было; ибо онъ долженъ былъ, какъ говоритъ блаж. Феодоритъ ¹⁾, „не прямо ходить городомъ, а обходить торжища, улицы и переулки съ своею проповѣдью“. Выше мы замѣтили, что первая половина четвертаго стиха третьей главы книги Іоны, гдѣ говорится о томъ, что Іона успѣлъ пройти въ городѣ, сколько можно пройти въ одинъ день, стоитъ въ непосредственной связи со второй половиной, излагающей самую проповѣдь, опредѣляя собою начало

1) См. Тв. Св. Отцевъ въ р. перев. XX, 4 стр. 417.

и мѣсто этой проповѣди. Въ какомъ же хронологическомъ и топографическомъ отношеніи стоятъ между собою факты, изложенные въ этихъ двухъ половинахъ стиха, стоящихъ въ синтетическомъ отношеніи одна къ другой? Прежде всего нельзя это отношеніе представлять отношеніемъ строгой хронологической послѣдовательности только, а и не синхронистическимъ и причиннымъ, каковое отношеніе замѣтно и въ остальныхъ частяхъ книги. Ибо къ чему было и замѣчать объ однодневномъ путешествіи пророка, если бы оно не имѣло какого-либо важнаго значенія въ разсказѣ о проповѣди Іоны въ Ниневіи? Въ третьемъ стихѣ, впрочемъ не во второй его половинѣ, имѣющей значеніе вводнаго предложенія, говорилось, что послѣ вторичнаго повелѣнія Іеговы, Іона всталъ и пошелъ въ Ниневію, пошелъ, разумѣется, безъ замедленія и безъ сопротивленія, какъ въ первый разъ; въ четвертомъ же стихѣ точнѣе и частнѣе опредѣляется степень этой покорности и послушанія Іоны. Здѣсь указывается на то, что онъ, и придя въ Ниневію, слѣдовательно воочію увидя тѣхъ враговъ Іеговы, вопль злобы которыхъ дошелъ до самаго неба, не смутился и не поколебался, а въ тотъ же день, можетъ быть даже не отдохнувши отъ пути, сталъ проповѣдывать; такъ что первыя слова этого стиха можно перефразировать такъ: *и едва успѣвъ Іона войти въ городъ на одинъ день пути*, онъ уже проповѣдывалъ. Правда всѣмъ этимъ не устраняется еще странность прибавки: *на одинъ день пути*; но эта странность пропадаетъ, какъ скоро мы предположимъ, что пр. Іона, обязанный обращаться съ своею проповѣдью ко всѣмъ жителямъ Ниневіи, и проповѣдывавшій съ перваго момента своего вступленія въ городъ, долженъ былъ не изъ дома въ домъ переходить во все время своего пребывания въ Ниневіи, а избрать одно опредѣленное мѣсто для этой проповѣди. Скорый и торопливый въ своихъ движеніяхъ и дѣйствіяхъ, онъ все-таки не могъ пренебрегать правилами практическаго благоразумія и такта, и какъ ап. Павелъ, проповѣдывавшій Христа распятаго, въ синагогахъ и на площадяхъ слышавшихъ проповѣдь его большихъ городовъ Европы и Азіи ¹⁾, долженъ былъ стремиться туда, гдѣ было больше народа, куда собирались всѣ жители, гдѣ былъ центръ городской жизни, гдѣ была город-

¹⁾ См. напр. Дѣян. 17, 1. 2. 16—34; 18, 4.

ская площадь, гдѣ вѣдалась общественная дѣла и откуда вѣсть о пророкѣ могла разнестись по всѣмъ закоулкамъ города. А такими мѣстами въ Ниневіи очевидно были тѣ четыре квартала, раскопки которыхъ производятся и теперь. Въ нихъ вѣроятно въ разныя времена года жилъ самъ царь, а съ нимъ вмѣстѣ его вельможные и чиновные люди; въ нихъ же вѣроятно были и городскія площади. Почему же не предположить, что отъ того мѣста, гдѣ вошелъ въ городъ пр. Іона, до квартала, служившаго въ то время резиденціей царя и вельможъ, разстояніе дѣйствительно было на одинъ день пути? Справедливость этого предположенія вполне подтверждается и нѣкоторыми соображеніями.

Такъ по разслѣдованіямъ Лейярда, пр. Іона долженъ былъ войти въ городъ не съ юга, а съ сѣверо-западной стороны его, при Ниневіи собственно, что на Тигрѣ; потому что этотъ путь и теперь еще служить караванной дорогой въ городъ изъ Сиріи и Палестины. Если теперь предположить, что резиденціею царя во время пребыванія пр. Іоны въ Ниневіи былъ Калахъ (а предположить это очень естественно потому, что современнымъ пророку ассирійскимъ царемъ должно считать сына того Сарданапала, который построилъ такъ называемый сѣверо-западный дворецъ, въ Нимродѣ или Калахѣ; слѣдовательно царь этотъ по самой, такъ сказать, новизнѣ резиденціи въ Калахѣ, и изъ уваженія къ памяти своего отца долженъ былъ предпочитать ее другимъ ¹⁾); затѣмъ эта сторона города, ближе другихъ стоящая къ пустынѣ, болѣе ихъ подвержена была жучему вѣтру, палившему пророка по выходѣ изъ города); то дѣйствительно такъ и выходитъ, что пророкъ Іона прошелъ односторонній путь прежде, чѣмъ достигъ Калаха. Разстояніе между Калахомъ и собственно Ниневіей въ прямой линіи по картѣ равняется 18½ англ. мил. или около 28 в.; на самомъ же дѣлѣ дорога изъ Ниневіи собственно въ Калахъ была конечно не прямая, слѣдовательно нѣсколько длиннѣе, чѣмъ прямое разстояніе по картѣ; и пр. Іона прежде, чѣмъ войти разстояніе между Ниневіей и Калахомъ, долженъ былъ пройти чрезъ самую Ниневію; такъ что пророкъ дѣйствительно могъ пройти въ Калахъ только

¹⁾ Ср. Шрадера цитов. сочин. стр. 306.

уже къ концу однодневнаго пути ¹⁾. Здѣсь-то пророкъ и основался съ своею проповѣдію, которую онъ конечно возвѣщалъ еще и на пути къ Калаху.

Представьте теперь себѣ, что еще на пути къ Калаху слово пророка производило свое дѣйствіе; всѣ попадавшіеся ему на пути люди, отъ большаго до малаго, слыша проповѣдь его, вѣрили ей, поражались ею и, одѣваясь во вретиче, шли за пророкомъ въ Калахъ. Естественно, что толпа постепенно увеличивалась, пока въ Калахѣ не достигла громаднхъ размѣровъ, необычайныхъ въ обыкновенное время, и невольно обратила на себя вниманіе царя и всѣхъ бывшихъ доселѣ въ Калахѣ. Такъ само собою могло совершаться, что вѣсть о пророкѣ и самая проповѣдь его, быть можетъ, лично потребованнаго предъ царскія очи, дошли до царя и произвели на него тоже дѣйствіе, что и на многотысячную толпу: онъ всталъ съ престола своего, снялъ съ себя одежду свою, покрылся власяницею и сѣлъ на пеплѣ; и провозгласили въ Ниневіи, въ Калахѣ, отъ имени царя и вельможъ постъ на всѣхъ для умилостивленія Бога. Такому именно представленію хода дѣла вполне соответствуетъ и самый текстъ книги пр. Іоны, два раза говорящій о постѣ ниневитянъ и объ одѣяніи ихъ во вретиче: въ пятомъ стихѣ, непосредственно послѣ разсказа о томъ, что пророкъ вошелъ въ городъ и началъ проповѣдь, и въ седьмомъ и восьмомъ, гдѣ говорится о постѣ и одѣяніи всѣхъ во вретиче, по повелѣнію царя и вельможъ. И замѣчательно, что въ шестомъ стихѣ до слуха царя представляется дошедшимъ *сіе*, т.-е, то, о чемъ говорилось выше, именно, что люди Ниневіи повѣрили Богу, объявили постъ и одѣлись во вретиче, отъ большаго до малаго; такъ, что и по книгѣ пр. Іоны, не самъ Іона навязался съ своимъ словомъ прямо къ царю, а онъ вызванъ былъ на это самимъ деспотомъ. Если же представимъ, что и на царя Ниневіи слово пророка произвело такое же неотразимое впечатлѣніе, какъ и на толпу; то вполне понятнымъ станетъ, какъ все это могло совершиться въ то время, когда пророкъ прошелъ лишь путь одного дня. Пусть все это лишь начало дѣла, не исключаящее собою дальнѣйшаго продол-

¹⁾ Ср. Кейля цит. соч. стр. 290.

женія его; но это начало было такое, которое вполне охватывало собою все поле дѣятельности.

Такъ при свѣтѣ безпристрастнаго анализа показаній книги пр. Іоны и сопоставленія ихъ съ данными науки, самое незначительное повидимому замѣчаніе книги, выставленное, какъ укоръ противъ ея подлинности, лишь уясняетъ дѣло и еще болѣе подтверждаетъ чрезъ то справедливость разсказа этой книги о порядкѣ и способѣ проповѣданія пророкомъ слова его во всеуслышаніе всей Ниневіи. Послѣ этого намъ остается рѣшить, какова была проповѣдь, съ которою пророкъ обратился къ ниневитянамъ?

Въ греческомъ, а съ него и въ славянскомъ переводахъ библіи проповѣдь пр. Іоны передается такъ: *еще три дня и Ниневія будетъ разрушена*. Мы уже говорили, что чтеніе это, котораго держались Іустинъ, Оригенъ, Златоустъ и др., нельзя считать правильнымъ; „ибо, повторимъ слова блаженнаго Феодорита, иначе тремя днями только должно ограничиться время, въ которое пр. Іона обошелъ весь городъ, а ниневитяне, принесли Богу многотрудное покаянiе, сподобились отъ Него спасенія и пророкъ, сидя у городскихъ воротъ, ожидалъ исполненія своего пророчества, а потому нужно думать, что LXX читали въ еврейскомъ подлинникѣ и переводили не *три*, а *сорокъ*; трехдневный же срокъ произошелъ вѣроятно отъ погрѣшности первыхъ переписчиковъ въ числѣ, а по нимъ пошли и другіе ¹⁾“. И эта погрѣшность, говорили мы выше, вполне естественна; ибо поставить γ, употребляющуюся у грековъ для обозначенія числа три, вмѣсто μ—сорокъ, очень легко вслѣдствіе большаго сходства этихъ буквъ по начертанію; теперь же прибавимъ лишь, что ошибкой переписчиковъ естественнѣе объяснять дѣло, чѣмъ ихъ произволомъ, какъ думаетъ Кейль ²⁾. Во всякомъ случаѣ справедливо вполне въ передачѣ текста проповѣди пр. Іоны слѣдовать еврейскому подлиннику и русскимъ переводамъ, по которымъ вмѣсто *трихъ* читается *сорокъ*. Итакъ, по слову пророка, Ниневія чрезъ сорокъ дней должна была быть разрушена. Еврейское

¹⁾ См. Тв. св. Отц. въ русск. перев. XX, 4. стр. 418

²⁾ См. его ц. соч. стр. 290.

слово: *nāḡnaḡt* происходитъ отъ глагола: *ḡāḡāx* *обращалъ, поворачивалъ въ противоположную сторону* (3 Ц. 22, 34; 4 Ц. 21, 13), въ Niphal *обращался, превращался во что, былъ разоряемъ*. Судя по употребленію этого слова въ Быт. 19, 25—29 о конечномъ разореніи Содома и Гоморы и у Исаи 13, 19, въ данномъ случаѣ оно можетъ означать не поражение Ниневіи какимъ-либо бѣдствіемъ, или несчастіемъ, а ея конечную гибель, разрушеніе, уничтоженіе страшное, потрясающее на подобіе разрушенія Содома и Гоморы.

Само собою разумѣется, что не въ этой только страшной угрозѣ заключался весь смыслъ и весь текстъ проповѣди пророка, но несомнѣнно, что приведенныя въ книгѣ страшныя слова этой проповѣди стояли, такъ сказать, въ главѣ ея, на первомъ ея планѣ; они слышались изъ устъ пророка Іоны, искрились во взглядѣ его, видѣлись въ его жестахъ и движеніяхъ. Такой тонъ проповѣди пророка вполне сообразенъ былъ съ характеромъ ветхозавѣтнаго Іеговы, въ вихрѣ, съ громомъ и молніею открывающагося даже народу Своему (Иск. 19 и 20); онъ такъ согласенъ былъ съ духомъ вообще пророческаго слова, которое должно было быть подобно огню, или млату, разбивающему скалу (Іер. 23, 29); этотъ суровый тонъ проповѣди такъ подходилъ къ личнымъ думамъ, чувствамъ и свойствамъ характера самаго Іоны, проповѣдника ниневійскаго. Невольно припоминается при этомъ образъ Крестителя Господня, который, обращаясь съ проповѣдью покаянія къ грядущимъ къ нему фарисеямъ и саддукеямъ, громилъ ихъ названіемъ порожденія эхидны и угрозою будущаго гнѣва. (Ср. Мѡ. 3, 2. 7—10; Мр. 1, 4. Лук. 3, 3. 7—9). Какъ здѣсь эти суровыя рѣчи Іоанна не стоятъ въ противорѣчій съ сущностію его проповѣди, какъ проповѣди покаянія, и умолчаніе объ нихъ Марка не опровергаетъ собою достовѣрности сказанія Матвея и Луки; такъ точно и въ исторіи пр. Іоны подлинность его громовыхъ угрозъ, стоявшихъ во главѣ его проповѣди, не можетъ быть подвергаема сомнѣнію, а смыслъ ихъ не можетъ быть понимаемъ только буквально. Иначе для чего самое посольство пророка въ языческую Ниневію? Для чего это предвареніе подлежащаго уничтоженію города объ его неминуемой гибели, если въ этомъ предвареніи не было призыва къ покаянію? Иначе дѣятельность пророка

Ионы теряетъ свое педагогически-просвѣтительное значеніе; представленіе о Богѣ, жалѣющемъ о томъ, что Онъ имѣлъ въ мысляхъ навести бѣду на ниневитанъ, какое дается девятымъ стихомъ 3-й главы, получаетъ безусловное значеніе, и Богъ является ограниченнымъ въ Своемъ вѣдѣніи. Но противъ этого послѣдняго представленія и ветхій и новый завѣтъ, изображающіе Бога *наприцающимъ и не сущая, яко сущая*. Въ книгѣ Бытія предъ исторіею потопа употреблено подобное же выраженіе о Богѣ, Который *раскаялся, что сотворилъ человека на землѣ* (Быт. 6, 5, 6). Тамъ это выраженіе означаетъ, что беззаконіе допотопныхъ людей такъ было велико, что не оставалось никакого мѣста божьему милосердію; и здѣсь слѣдовательно оно должно означать, что Богъ могъ еще помиловать нечестивыхъ ниневитанъ, что въ нихъ была еще искра божія, которую нужно было возжечь. Если же Богъ могъ возжечь эту искру въ ниневитаняхъ, то несомнѣнно и хотѣлъ этого. Потому Онъ и послалъ Иону пр. въ Ниневію; съ этою цѣлю— призвать ниневитанъ къ покаянію и ходилъ Иона въ этотъ городъ и проповѣдывалъ въ немъ. И пророкъ зналъ это, зналъ, что *Иегова Богъ милостивый и человеколюбивый, зналъ, еще будучи въ отечествѣ своемъ* (4, 2), и сообразно съ этимъ знаніемъ проповѣдывалъ не только то, что Ниневія будетъ разрушена, а и то, что *Иегова отмѣнитъ Свое наказаніе, если ниневитяне отступятъ отъ своего злаго пути и будутъ вопіять къ Богу о помилованіи* (3, 8—10). Что смыслъ проповѣди пр. Ионы заключался въ призваніи ниневитанъ къ покаянію, какъ и проповѣдь Крестителя Господня, за это говоритъ наконецъ и то, что проповѣдь пророка должна была быть *по проповѣди прежней* (3, 1. 2), т. е. та же самая, о которой было къ нему слово Иеговы въ первый разъ. А по тому слову Иеговы, Иона долженъ былъ идти въ Ниневію и проповѣдать въ ней, что *воплъ злобы ея дошелъ до Бога* (1, 1. 2). Такимъ образомъ въ проповѣди пр. Ионы вмѣстѣ съ словомъ о гибели Ниневіи должно было быть и обличеніе злобы ея, пороковъ рукъ ниневитанъ. Это послѣднее должно было быть, какъ бы субстратомъ перваго слова. Иона долженъ былъ представить злые пути ниневитанъ предъ глазами ихъ, заставить ихъ сознаться, что пути эти—зло предъ лицемъ Божиимъ, зло, отъ котораго нужно отвратиться, чтобы не погибнуть,—долженъ былъ призывать ихъ къ покаянію подъ угрозою наказанія въ противномъ.

случаѣ. Поэтому-то угрожаемое пророкомъ наказаніе и было отодвинуто на сорокъ дней. Число сорокъ—число освященное примѣромъ Моисея, Иліи и др., въ такой именно срокъ очищавшихъ себя къ общенію съ Богомъ. Сорокъ дней Богъ посылалъ дождь на землю прежде, нежели истребилъ съ лица земли все живущее на ней во время всемірскаго потопа (Быт. 7, 4); этотъ сорокадневный дождь долженъ былъ служить для допотопнаго чело-вѣчества послѣднимъ грознымъ призывомъ его къ покаянію. Такое же значеніе имѣли и сорокъ дней до гибели Ниневіи; этотъ срокъ данъ былъ не для пророка, чтобы онъ успѣлъ проповѣдать, а для ниневитянъ, чтобы они всѣ сознательно и крѣпко раскаялись въ злыхъ дѣлахъ рукъ своихъ, раскаялись не словомъ только или мыслію, а и дѣломъ, на самомъ дѣлѣ.

Въ чемъ собственно состояла свѣрна ниневійская, которую обличалъ пророкъ и отъ которой ниневитянамъ нужно было от-вратиться, объ этомъ можно гадать по изображеніямъ величія Ниневіи, представляемымъ другими пророками еврейскви, гра-жданской исторіей и археологіей. По этимъ изображеніямъ, корнемъ всего зла, обывшаго ниневитянъ, было гордое и самолюбивое соз-наніе своего достоинства и значенія; Ниневія была городомъ лжу-ющимъ и говорящимъ въ сердцѣ своемъ: я и вромѣ меня яѣтъ еще (Соф. 2, 12—15; Ис. 36, 9. 18—20; 37, 11—13 и др.). Отсюда про-исходило то, что ниневитяне не имѣли для себя ничего святаго и руководились въ своей жиѣни лишь грубыми инстинктами и страстями. Сильная своими крѣпостями и храбрая своимъ вой-скомъ, Ниневія была непобѣдимымъ страшилищемъ для всѣхъ сосѣдей своихъ; такъ что всѣ они готовы рукоплескать о поги-бели ея; потому что между ними не было ни одного, кого бы не коснулось злодѣйство ея (Наум. 3, 10). Она была для всѣхъ, какъ левъ, ловившій добычу для щенковъ своихъ, и давившій всѣхъ для львицъ своихъ и наполнявшій добычею гнѣзда свои и логовища свои ловлею (Наум. 2, 13). Какъ мясники, какъ мужи вроей, ниневитяне хитростію, обжанами, вѣроломствомъ, притѣс-неніями, грабительствами и убійствами обогащались на счетъ ближнихъ своихъ (Н. 3, 1). Отсюда у нихъ золота и серебра и всякихъ драгоценныхъ вещей было множество и не было мѣры богатству (Наум. 2, 10), и вупцовъ у нихъ больше, чѣмъ звѣздъ на небѣ (Наум. 3, 16) Преемщеніе порожденною этимъ бо-

гатствомъ роскошью, они изнѣживались, какъ женщины; жизнь ихъ была безпечное гульбище (Наум. 2, 12; Соф. 2, 15), блудодѣйство блудницы, отличной волшебницы, которая въ блудодѣянiяхъ своихъ продавала народы и въ волшебствахъ своихъ племена (Наум. 3, 4). Изнѣженные ниневитяне предавались разврату, а развратъ, дошедшiй до отупѣнiя, до обожанiя его въ культѣ Мелитѣ (Посл. Іер. ст. 42—44), породилъ массу суевѣрiй. Правда этотъ нравственный обликъ ниневитянъ начертанъ еврейскими пророками Наумомъ и Софонiею, жившими гораздо позднѣе Іоны; но что же должно изъ этого слѣдовать? То, что въ повдѣйшее сравнительно съ вѣкомъ Іоны время эти пороки достигли крайнихъ границъ, съ которыхъ нѣтъ поворота назадъ, и потому по слову тѣхъ пророковъ Ниневiя дѣйствительно погибла; при пр. же Іонѣ они были въ меньшихъ размѣрахъ, но несомнѣнно того же тина. Это вполне подтверждаетъ, по книгѣ пр. Іоны, самъ царь ниневiйскiй, постановившiй вмѣстѣ съ постомъ и покаянiемъ удалиться отъ пороковъ, которые именно *на рукахъ ниневитянъ* (3, 8). Не даромъ свѣтская исторiя заклеивала ассирiянъ вообще, и жителей Ниневiи въ частности именемъ римлянъ древней Азiи. Деспотами по отношенiю къ иноземцамъ ниневитяне изображали и сами себя въ своихъ клинообразныхъ надписяхъ и на стѣнныхъ рисункахъ, открытых и открываемыхъ на развалинахъ стѣнъ ниневiйскихъ дворцовъ, гдѣ цѣлыя массы плѣнныхъ представлены въ цѣпяхъ приводимыми предъ лицо царей ассирiйскихъ, цѣлые легiоны воиновъ написаны предъ колесницею царя несущими головы убитыхъ неприятелией. Эти же картины съ надписями рельефно изображаютъ и роскошь ниневитянъ въ тѣхъ оргiяхъ, блестящихъ одеждахъ, украшенiяхъ и сосудахъ, утвари и музыкальныхъ инструментахъ, которые представлены на нихъ; онѣ же говорятъ и объ изнѣженности ниневитянъ, подтверждаемой и греческими писателями. О сладострастiи ассирiянъ и ихъ развратѣ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ говорятъ уже вошедшiя въ пословицу у всѣхъ народовъ легенды о женоподобномъ Сарданапалѣ, которому, нѣтъ сомнѣнiя, подражали и подданные этого царя. Этотъ развратъ на ряду съ самыми грубыми суевѣрiями освящала и самая религiя ниневитянъ—ихъ поклоненiе Ваалу, Астаргѣ и звѣздамъ небес-

нымъ ¹⁾. Все это религіозно-нравственное растлѣніе ниневійскаго общества и громилъ вѣроятно въ своей обличительной проповѣди пр. Иона, отъ имени Іеговы, Бога еврейскаго, призывая народъ къ покаянію и угрожая въ противномъ случаѣ гибелью города.

Вѣроятно ли, говорятъ далѣе противники исторической достовѣрности книги пр. Ионы, чтобы чужеземцу, неученому еврейскому пророку, знакомо было все нужное для обличительной проповѣди ниневитянъ, знакомы были и религія, и нравственность, и языкъ ихъ, точно также, какъ и то, что и ниневитяне знали и Іегову и законы Его, во имя которыхъ долженъ былъ говорить пр. Иона, и языкъ еврейскій, на которомъ долженъ былъ вѣщать израильскій пришлецъ?

Конечно, строгое библейско-церковное воззрѣніе на исторію не обслазнилось бы этимъ возраженіемъ противъ достовѣрности проповѣди пророка въ Ниневіи и въ томъ случаѣ если бы оно было и справедливо; ибо нѣтъ ничего противнаго этому воззрѣнію въ томъ, что Іегова открылъ Своему пророку какъ политическое-общественное устройство, такъ и религіозно-нравственное состояніе ниневійскаго общества, какъ Онъ открывалъ то другимъ пророкамъ, сообщилъ ему даръ вѣдѣнія языка, потребнаго для проповѣди, какъ данъ былъ этотъ даръ апостоламъ при сошествіи на нихъ Св. Духа въ день пятидесятницы, дабы *мужіе отъ всякаго языка, иже подъ небесемъ*, могли воспринять проповѣдь апостоловъ (Дѣян. 2, 4—6). Но нѣтъ нужды усиливаться отыскивать чудо тамъ, гдѣ дѣло могло обойтись и безъ него. Къ счастью эта возможность простаго и естественнаго объясненія хода дѣла въ данномъ случаѣ стоитъ внѣ всякихъ сомнѣній. Внѣ сомнѣній стоитъ то, что какъ пророкъ могъ знать и положеніе, и нравы, и нравственность, и языкъ ниневитянъ, такъ и они могли понимать его рѣчь. За это говорить уже самая близость Ассиріи къ израильскому царству, отъ границъ котораго Ниневія отстояла едва на 200 верстъ. Еще большее значеніе въ этомъ отношеніи должно имѣть то обстоятельство, что земля израильская, лежавшая на пути изъ Ассиріи въ Египетъ, была проходнымъ

---

¹⁾ Подробнѣе объ этомъ см. Дункера цитов. соч. стр. 291 и дал.; А. Смирнова: „глинообразныя надписи ассирійскія и историческія книги библіи“ въ Чт. О. Л. Д. Просв. 1873; Вейса цит. сочин. ч. 1, стр. 142—181 и др.

мѣстомъ какъ для египтянъ, такъ и для ассирійанъ; Ассирія имѣла и политическія сношенія съ Израилемъ уже во время Іоны и оживленныя ¹⁾. Все это не могло проходить безъ вліянія на взаимное знакомство одного народа съ другимъ въ указанныхъ отношеніяхъ. Пророку же Іонѣ тѣмъ естественнѣе было знать религіозно-нравственное состояніе ниневитянъ, что первая у нихъ была общею съ религіею другихъ языческихъ народовъ. Въ четвертой книгѣ Царствъ перечисляются боги, которымъ поклонялись цари ассирійскіе; и не во Израилѣ только, а и въ іудеи знали и Нисроха (4 Ц. 19, 37), и коней и колесницъ солнца (4 Ц. 23, 4—12), и Суккотъ-Бенова, и Нергала (4 Ц. 17, 30—31) и другихъ изъ воинства небеснаго, которымъ кланялись и строили жертвенники живущіе на Тигрѣ; а отсюда уже можно было заключать и о распущенности и о развратѣ тѣхъ идолопоклонниковъ. Изъ за того и запрещено было евреямъ вступать въ связь съ ихъ языческими сосѣдями, что они были развратны; стоитъ здѣсь лишь припомнить то обиліе цитатъ объ этомъ, какое мы встрѣчаемъ въ библіи (см. Исх. 34, 12—16; Втор. 12, 3; 4, 19; 17, 3; Суд. 2, 13; 3, 7; 10, 6; 1 Ц. 12, 10; 7, 3—4; 3 Ц. 11, 5—33; 14, 15; 15, 13; 16, 33; 18, 19; 2 Пар. 14, 3; 15, 16; 17, 6; 19, 3; 24, 18; 31, 1; 33, 3. 19 и мн. др.). О другихъ же болѣе выдающихся нравственныхъ злобахъ ниневитянъ—объ ихъ хищничествѣ и насиліяхъ можно было заключать по внѣшнему положенію Ниневіи, которое долженъ былъ видѣть пророкъ при самомъ входѣ своемъ въ городъ. Конечно это знакомство было неполно, но нельзя сказать, что не существенно. Знаніе пророкомъ сущности религіи Іеговы въ противуположности ея язычеству особенно съ метафизической и нравственной сторонъ дѣлало возможнымъ для него полное осмысленіе юродства и безобразія и религіозно-нравственнаго состоянія ниневитянъ, извѣстнаго ему въ его общихъ чертахъ; а большаго пр. Іонѣ, проповѣднику истины и добра, и не пужно было. Зачѣмъ было ему нужно подробное и обстоятельное до мельчайшихъ частныхъ знаніе нравовъ и обычаевъ ниневійскаго общества? Зачѣмъ ему нужны были частныя знакомства съ отдѣльными личностями? Характеръ его

---

¹⁾ См. выше.

миссиі не требовалъ этого точно также, какъ не нужно было такое знаніе и для ниневитянъ относительно пр. Іоны.

Для того, чтобы говорить противъ ниневитянъ—обличать ихъ нравственное безобразіе и увѣщевать ихъ отвратиться отъ ихъ злаго пути, нужно было еще пониманіе рѣчи пророка ниневитянами. Но какъ въ день первой Пятдесятницы христіанской не тѣмъ набожнымъ людямъ отъ всякаго народа подъ небесемъ, которымъ нужно было проповѣдывать Христа Распята, а апостоламъ—проповѣдникамъ Христовымъ Богъ сообщилъ вѣдѣніе иноземныхъ языковъ, на которыхъ говорили тѣ люди (Д. 2, 4—12); такъ точно и теперь естественнѣе было не ниневійскимъ мужамъ всѣмъ знать языкъ еврейскій, природный языкъ пр. Іоны, а одному пророку нужно было умѣть изъясняться на ихъ языкѣ, чтобы они понимали его. А въ этомъ чтѣ же дивнаго? Правда, Гитцигъ и Фридрихсенъ, особенно усиленно настаивающіе на томъ, что знаніе ниневитянами еврейскаго языка, нужное для пониманія проповѣди пророка, невозможно было безъ чуда, приводятъ въ доказательство своихъ словъ то положеніе, что въ ассирійскомъ языкѣ письмо было, какъ оказывается это на многихъ открытыхъ ассирійскихъ надписяхъ, отъ лѣвой руки къ правой, а не на оборотъ, какъ въ еврейскомъ; но въ счастію это положеніе фактически опровергнуто Лейардомъ, который говоритъ, что въ открытыхъ имъ ассирійскихъ надписяхъ встрѣчаются какъ первое, такъ и второе письмо Люди, близко знакомые съ обоими этими языками говорятъ, что ассирійскій языкъ, какъ принадлежащій къ числу семитическихъ языковъ, имѣетъ самое близкое сходство съ языкомъ еврейскимъ, сходство не только въ грамматической структурѣ ихъ, структурѣ корней, свойствѣ формациі родовъ и флексій и въ образованіи предложеній, въ чемъ грамматика ассирійская есть не больше, какъ копія грамматики еврейской, но и въ самыхъ словахъ и цѣлыхъ предложеніяхъ, иногда почти тождественныхъ въ томъ и другомъ языкахъ, конечно не безъ нѣкоторыхъ діалектическихъ отличій ¹⁾. До чего могло простирается это сходство, можно судить

---

¹⁾ См. Schrader, Assyrisch—babylonischen Keilinschriften. Leipzig 1872 s. 35.; ср. Стафилевскаго „ассирійскія клинообразныя надписи и ихъ значеніе для исторіи народа еврейскаго“, въ Пр. Обзор. 1878 г. Сент. стр. 22—25. Не-

по свидѣтельству древнихъ—Ксенофонта, Геродота и Страбона, которымъ, какъ путешественникамъ, нѣтъ основаній не довѣрять и которые говорятъ, что не только вавилоняне, но и жители Палестины, Финикии, Ассиріи и Каппадокии говорятъ однимъ языкомъ ³⁾. Это должны признать и всѣ тѣ противники подлинности книги пр. Іоны, которые доказываютъ позднѣйшее сравнительно съ вѣкомъ Іоны происхожденіе его книги тѣмъ, будто въ этой книгѣ много арамеизмовъ; потому что эти арамеизмы, гдѣ есть они въ книгѣ, сирійскіе, а не халдейскіе, и въ пониманіи ихъ нельзя отказать и чистымъ древнимъ евреямъ, что отчасти мы видѣли уже и выше. Принимая же во вниманіе всѣ эти данныя взаимное отношеніе различныхъ нарѣчій семитическаго языка, а въ томъ числѣ ассирійскаго и еврейскаго, вполнѣ справедливо можно представлять себѣ такимъ же, какое оказывается между различными нарѣчіями славянскаго языка—русскимъ, церковнославянскимъ, сербскимъ, польскимъ и др. Форма письма ихъ часто различна до неузнаваемости, но обличье говора ихъ близко сходно и созвучно. Въ данномъ же случаѣ это сравненіе тѣмъ бѣльшее имѣетъ значеніе въ качествѣ объясненія, что рѣчь идетъ объ ассирійскомъ нарѣчій съ одной стороны, и съ другой не объ іудейскомъ, а галилейскомъ діалектѣ еврейскаго нарѣчія, въ которомъ больше арамеизмовъ, чѣмъ въ іудейскомъ. Конечно отъ возможности по созвучію узнать языкъ и хотя съ трудомъ по навыку догадываться о значеніи отдѣльныхъ словъ и общаго смысла рѣчи на этомъ языкѣ, до живаго и свободнаго обмѣна мыслей на немъ еще очень далеко; но за то очень естественно заключеніе о возможности легкаго и скорого изученія сроднаго нарѣчія для человѣка, въ своемъ положеніи и въ обстоятельствахъ своей жизни имѣвшаго потребность въ этомъ изученіи. Выше приведенный нами рассказъ изъ 4 кн. Царствъ (18, 26—28) о сношеніяхъ ассирійскаго царя съ іудейскимъ, рассказъ, въ ко-

---

безъинтересенъ для насъ въ этомъ отношеніи дѣлаемый Шрадеромъ въ цѣтов. сочиненіи его этимологическій разборъ имени Ниневіи, которое въ ассир. надписяхъ пишется Ni-ni-a, что значитъ ведець, отсюда спусканіе, поселеніе и что согласно съ еврейскимъ: *nijnaw* (отъ глагола: *nabaw* селмаса, жилъ) жилище, поселеніе.

³⁾ См. у Стафилевскаго стр. 28.

торомъ Рапсакъ, посланный царя ассирійскаго, представляется говорящимъ по іудейски, а Еліакимъ, посланный отъ Езекии іудейскаго, просящій Рапсака говорить по *сирски*, а не по іудейски, какъ нельзя лучше подтверждаетъ справедливость нашего вывода. Почему же нельзя предположить, что какъ лучшіе люди Ассиріи, каковыми конечно были мужи Ниневіи, столицы ассирійскаго царства, такъ и пр. Іона, ученикъ пр. Елисея, близко стоявшаго къ сирійцамъ, могли понимать другъ друга, на какомъ бы языкѣ ни была проповѣдь пророка? Если же такъ; то о возможности обличительной проповѣди пр. Іоны въ Ниневіи и пониманія ея ниневитянами не можетъ быть и рѣчи.

3). Переходимъ къ разбору сказанія книги пр. Іоны о плодахъ проповѣди пророка въ Ниневіи. *Люди Ниневіи*, такъ описывается потрясающее дѣйствіе этой проповѣди на ниневитянъ въ самой книгѣ Іоны, *поверили Богу, и объявили постъ и одѣлись во вретиче отъ большаго до малаго*. Самъ могущественный царь *Ниневіи*, этой матери исполиновъ, какъ называетъ ее Ефремъ Сиринъ ¹⁾, *когда дошло до него сіе извѣстіе о проповѣди пророка и о такомъ дѣйствіи ея на ниневитянъ, всталъ съ престола своего, и снялъ съ себя свою драгоцѣнную царскую одежду и покрылся вретичемъ, и сълъ на пепелъ*. Самъ искренно повѣривъ этой проповѣди и боясь, что не всѣ его подданные слышали ее и вняли ей, не всѣ еще отвратились отъ своего злаго пути, онъ держитъ совѣтъ съ своими вельможами о томъ, какъ помочь городу, и вотъ *по волю царя и вельможъ его* особые посланцы-герольды *провозгласили и объявили въ Ниневіи: люди и скотъ, крупный и мелкій, пусть ничего не ѣдятъ, не пасутся и воды не пьютъ. И пусть покроются власяницами люди и скотъ, и крѣпко зываютъ къ Богу; и отступятъ всѣ отъ злаго пути своего, и отъ пороковъ, которые на рукахъ ихъ*. Кто знаетъ, *можетъ быть Богъ обратится, умилосердится,—утолить жаръ гнѣва Своего, и мы не погибнемъ. И отстали всѣ они отъ злаго пути своего*, такъ что *Богъ увидѣлъ дѣла ихъ* (3, 5—10). „Какая разительная переи́зна въ жизни роскошныхъ и сластолюбивыхъ ниневитянъ, ка-

¹⁾ Превосходный психологическій анализъ этого всеобщаго покаянія ниневитянъ см. въ бесѣдѣ св. Ефрема на слова книги пр. Іоны 3, 2—3 въ Тв. Св. Отц. въ р. перев. XVIII, 7, 6, стр. 247—289.

кое стройное покаяніе, какая мудрая совокудная скорбь и какое чудное зрѣлище должна была представлять въ это время пышная Ниневія“, восклицаетъ по этому поводу св. Василій Великій; между тѣмъ этимъ чуднымъ зрѣлищемъ соблазняются, называя его неестественнымъ, невѣроятнымъ какъ по его внутреннему существу, такъ и по внѣшнему его обнаруженію, а потому и не дѣйствительнымъ. Такъ разсуждаютъ почти всѣ противники исторической подлинности книги пр. Іоны, забывая, что за согласіе этого чуднаго зрѣлища съ дѣйствительностію неопровержимо говорить не только древняя, а и средняя и даже новая исторія, и что это согласіе вполне подтверждается и психологическимъ анализомъ разбираемаго явленія.

Въ самомъ дѣлѣ кто изъ читателей не слыхиваль о нравственныхъ эпидеміяхъ, охватывающихъ иногда собою цѣлыя массы народа? Не станемъ останавливаться на многочисленныхъ примѣрахъ коллективныхъ самоубійствъ, убійствъ, на нашихъ хлыстахъ и другихъ сектантахъ; есть немало болѣе рѣзкихъ примѣровъ того, какъ по слову одного цѣлыя массы народа рѣшительно, быстро и дружно кидались на какое либо одно дѣло, даже несогласное съ обычнымъ строемъ ихъ жизни и воззрѣній. Припомнимъ, какъ у насъ въ Москвѣ въ концѣ прошедшаго столѣтія убили архіеп. Амвросія, или въ 12 году Верещагина; въ томъ и другомъ случаѣ масса, толпа неудержимо дѣйствовала по слову одного человѣка и даже въ большинствѣ своемъ, пожалуй, противъ своей воли. Или еще примѣръ изъ того же времени: поголовное увлеченіе Наполеономъ 1-мъ. Правда, въ этихъ случаяхъ масса дѣйствовала въ худомъ, а не добромъ и религіозномъ направленіи; но сущность дѣла отъ этого не измѣняется. Въ исторіи были примѣры и послѣдняго рода. Про знаменитаго методистскаго проповѣдника Витфальда разсказываютъ, что онъ часто плакалъ среди своихъ рѣчей, и его личнымъ настроеніемъ заражались тысячи, относясь къ образамъ и картинамъ его рѣчей, какъ къ чему-то живому и дѣйствительному. Въ средніе вѣка эпидемія самоубиванія, неистовой пляски, демономаніи, истребленія евреевъ, освобожденія гроба Господня начинались обыкновенно по слову одного и охватывали собою сразу и неудержимо многотысячныя массы. Стоитъ припомнить здѣсь, какъ вдохновенная Іоанна Даркъ спасла Францію, какъ папа Урбанъ и Петръ пустынный возбудили сво-

ими пламенными рѣчами крестовые походы. Въ этихъ походахъ принимали участіе люди всякаго положенія, пола и возраста. Извѣстны напр. походы дѣтей, десятками тысячъ собиравшихся во Франціи и Германіи около такихъ же юныхъ вождей и погибавшихъ на пути въ Палестину для освобожденія гроба Господня. Пойдемъ еще дальше въ глубь исторіи и мы встрѣтимъ другіе примѣры такого же рода. Таково принятіе исламизма иногда сразу цѣлыми городами и селеніями поголовно ¹⁾. Не погрѣшимъ, если становясь на точку зрѣнія противниковъ, все въ жизни человѣческой пытающихся объяснить естественными причинами, поставимъ въ параллель со всѣми этими фактами фактъ распространенія христіанства, когда вслѣдствіе проповѣди апостоловъ, нерѣдко состоявшей изъ нѣсколькихъ вдохновенныхъ словъ, люди перемѣняли свои вѣрованія и свою жизнь, совсѣмъ перерождались тысячами и десятками тысячъ.

Всѣ указаные и многіе другіе подобные имъ факты ясно говорятъ о какомъ-то мимовольномъ и безсознательномъ иногда раздражаніи, о какой-то инстинктивной силѣ, о какомъ-то природномъ влеченіи къ подражанію. Но говоря такъ, мы далеки отъ мысли проводить эту идею до крайности, предоставляя это дѣлать Дарвину и всѣмъ многочисленнымъ сторонникамъ, подражателямъ и послѣдователямъ его, которые, представляя тысячи примѣровъ инстинктивнаго подражанія массами не только изъ міра человѣческаго, а и изъ животнаго и даже растительнаго царствъ, сходятся подтвердить ими свои теоріи о перерожденіи низшихъ организмовъ въ высшіе и т. п. Нѣтъ возможности вовсе отрицать существованіе этой безотчетной инстинктивной силы, влекущей къ подражанію въ разбираемомъ нами фактѣ всеобщаго покаянія и обращенія къ Богу ниневитянъ; но нельзя же конечно и все въ этомъ фактѣ производить изъ этой силы. Несомнѣнно, что кромѣ силы подражанія тутъ было много причинъ экономическихъ, политическихъ, нравственныхъ, умственныхъ, коренившихся именно въ данныхъ личностяхъ дѣйствовавшихъ массъ, какъ ихъ исключительныя особенности. Это съ одной стороны; съ другой—нельзя оставлять безъ вниманія и личныя ка-

---

¹⁾ Ср. Михайловскаго въ От. Зап. 1883. 1 и 3 кв. Герои и толпа.

чества тѣхъ, подражателями которыхъ явились тѣ массы. Не всякій изъ евреевъ, заявлявшихъ нѣкогда себя мессією, влекъ за собою толпы, и у насъ убійство Верещагина совершилось не по приказанію власти, дѣйствовавшей при этомъ, а по простому слову одного солдата; точно также не всякій проповѣдникъ можетъ такъ вліять на слушателей, какъ Витфальдъ и т. д. Вотъ почему для болѣе яснаго представленія возможности разбираемаго факта не лишне обратить вниманіе, какъ на свойства слушателей проповѣди пр. Іоны, такъ и на характеръ этой проповѣди пророка и на него самого.

Ниневитяне—древній восточный народъ. Натура восточныхъ людей—натура пылкая, впечатлительная и чрезвычайно воспримчивая къ чудесному, поразительному. Сами отвергающіе вѣроятность такого всеобщаго покаянія ниневитянъ вслѣдствіе проповѣди пр. Іоны, допускаютъ такую и даже еще болѣе сильную впечатлительность жителей востока къ чудесному, когда предполагаютъ ее достаточнымъ основаніемъ для того, чтобы заставить евреевъ возбуждаться къ нравственному усовершенствованію разсказомъ книги пр. Іоны, при предположеніи вымысленности этого разсказа. Не значить ли послѣ этого противорѣчить себѣ, допуская возможность этой возбудимости въ одномъ случаѣ у евреевъ, и отвергая вѣроятность ея въ другомъ—у ниневитянъ, хотя бы въ этомъ другомъ на помощь ей явились другія силы? Этими другими силами у ниневитянъ были, вытекающій изъ указанной подвижности чувства, особенный страхъ предъ Божествомъ, проникающій собою всѣ вообще языческія религіи востока, и то высокое уваженіе, та крѣпкая вѣра, съ которыми язычники всегда относились къ мантикѣ, всякаго рода гаданіямъ, прорицаніямъ и предсказаніямъ. Въ Ассиріи все это было по преимуществу. Жреческое сословіе въ Ассиріи было самое высокое; жрецы были наравнѣ съ знатнѣйшими изъ вельможъ первыми лицами послѣ царя. Самъ царь былъ верховнымъ жрецомъ своей религіи, но не такъ, какъ впослѣдствіи въ римской имперіи, не по имени только, а на самомъ дѣлѣ, какъ царемъ и священникомъ вмѣстѣ былъ Мельхиседекъ изъ Салима (Быт. 14, 18—20), и какъ по его примѣру послѣ хотѣлъ быть Осія іудейскій (4 Ц. 15, 5); такъ что обычнымъ одѣяніемъ ассирійскаго царя было одѣяніе верховнаго жреца, все украшен-

ное различными символическими ожерельями, фигурами и знаками, имѣвшими гадательное значеніе въ религіозныхъ обрядахъ ¹⁾. Религія ниневитянъ, имѣвшая космическій характеръ и бывшая болѣе религіею чувства, чѣмъ идеи, болѣе, чѣмъ всякая другая языческая религія, способна была воспитывать въ своихъ поклонникахъ ту благочестивую и покорную набожность, плодомъ которой могло быть всеобщее обращеніе къ Богу. Своимъ сабезизмомъ она утверждалась на климатическихъ условіяхъ самой страны. Наряду съ яснымъ и многозвѣзднымъ небомъ природа востока давала человѣку въ ночномъ полумракѣ слышать таинственные и непонятные звуки, а въ знойно-палящемъ солнцѣ съ южнымъ вѣтромъ-разрушителемъ окружала человѣка тысячами нежданыхъ бѣдъ и страшными неизлѣчимыми болѣзнями. Все это, вызывая въ человѣкѣ благоговѣйную созерцательность, невольно возбуждало въ немъ страхъ предъ грозными явленіями природы, сознание полной своей ничтожности и безпомощности. Отсюда въ ассирійской религіи была вѣра въ духовъ, населяющихъ каждый лѣсъ, гору, рѣку и т. и.; отсюда въ ней больше, чѣмъ въ какой-либо другой религіи изъ древнихъ, удержалась вѣра въ первобытный грѣхъ, карающій людей болѣзнями чрезъ тѣхъ духовъ; отсюда здѣсь сильно развитое религіозное чувство больше, чѣмъ гдѣ-либо, выражалось въ покаянныхъ молитвенныхъ вопляхъ и столахъ, въ гаданіяхъ, заклинаніяхъ и предсказаніяхъ. Ассириологи владѣтъ въ настоящее время цѣлой литературой богослужебныхъ гимновъ, молитвъ и заклинаній, въ которыхъ всюду на первомъ мѣстѣ сознание человѣческой грѣховно-

---

¹⁾ Ср. Вейса, стр. 149—154 и Dupcke г--а стр. 297—299 и др. Этимъ значеніемъ ниневійскаго царя и вельможъ его въ дѣлѣ религіи и нравственности объясняется и то, что именно по слову царя и вельможъ изданъ былъ эдиктъ о всеобщемъ покаяніи ниневитянъ. Религіозныя отправленія и здѣсь точно также, какъ и послѣ въ Римѣ, составляли такую гражданскую обязанность, неисполненіе которой каралось какъ противогосударственное преступленіе; поэтому они носили официальный характеръ и производились по установившимся изстари образцамъ и въ общепринятыхъ формахъ. Само собой разумѣется, что эта официальность покаянія не исключала собою свободныхъ движеній и обнаруженій души каждаго отдѣльнаго человѣка изъ жителей Ниневіи.

сти, необходимости смиренія и покаянія предъ Богомъ ¹⁾. Все это въ свою очередь обусловливало собою то, что ассирійскій жрецъ былъ прежде всего волхвъ, магикъ и прорицатель; астрологія и звѣздочетство имѣло здѣсь рѣшающее значеніе. Еще во времена Моисея Балакъ, царь моавитскій, отправлялъ пословъ къ Балааму, сыну Веорову, изъ-за Евфрата, чтобы онъ пришелъ и проклялъ Израиля; *ибо говорилъ онъ, знаю, что кого ты благословишь, будетъ благословенъ, а кого проклянешь, будетъ проклятъ*, и Балаамъ на устроенныхъ для него требищахъ произносилъ свои знаменитыя притчи и предсказанія, созерцая Мессію подъ образомъ *звѣзды* отъ Іакова (Числ. 22—24). Понятно, что и послѣ, когда вмѣстѣ со всѣмъ строемъ жизни осложнилась и религія, между Евфратомъ и Тигромъ она по своему отношенію къ исповѣдникамъ ея осталась тою же религіею мантии и прорицанія, что и прежде; и послѣ, какъ и прежде, въ прорицаніяхъ и предсказаніяхъ здѣсь слышали голосъ самого Бога, которому вѣрили не народъ только, а и жрецы, какъ бы ни были неопредѣленны эти гаданія и прорицанія. И эта вѣра въ прорицанія развита была такъ широко, что при этомъ терялась граница народнаго и чужеземнаго культа: Крезъ посылалъ спрашивать греческаго оракула, Балакъ слушалъ Балаама, Фараонъ—Іосифа (Быт. 41 ср. 1 Езд. 1, 1 и др.) ²⁾. Послѣднею силою, бывшею въ ниневитянахъ и способствовавшею къ возбужденности въ нихъ покаянныхъ чувствъ вслѣдствіе проповѣди пр. Іоны, должно признать ту роскошь и развратъ, въ которыхъ погразали все глубже и глубже жители пышной Ниневіи; эти пороки, дѣлаи ниневитянь, какъ всегда и вездѣ, трусливыми и робкими суевѣрами, готовыми придавать вѣру самымъ мелочнымъ и ничего незначащимъ примѣтамъ, должны были еще больше усиливать вѣру ихъ въ грозную проповѣдь Іоны.

Пророкъ же Іона, явившійся съ проповѣдью покаянія въ Ниневіи, былъ здѣсь чужеземцемъ изъ презрѣнной Галилеи, ничѣмъ лично не

---

¹⁾ Подробнѣе объ указанныхъ особенностяхъ ассирійской религіи, и въ частности о молитвенныхъ гимнахъ и закликательныхъ формулахъ, употреблявшихся у ассиріянъ, см. въ цитов. выше статьѣ А. Смирнова: „Покаяніе ниневитянь“ въ Чт. О. Л. Д. Пр. 1872.

²⁾ См. подр. о мантияхъ и прорицателяхъ въ древнихъ восточныхъ религіяхъ вообще въ цит. выше сочин. арх. Хрисаева Г'елигія древняго міра, Т. 2.

заинтересованнымъ въ судьбахъ города; и такой человекъ, не обращая ни на кого и ни на что вниманія, съ полною свободою и безстрастіемъ открываетъ жителямъ Ниневіи ихъ нечестивыя дѣла и стремленія, и при этомъ съ непоколебимою увѣренностію отъ лица Бога изрекаетъ страшный судъ надъ городомъ, имѣющій совершиться въ строго опредѣленное время. Такое слово посторонняго человека о жизни и смерти самихъ ниневитянъ, слово съ убѣжденіемъ, вдохновенное слово не могло не быть словомъ со властію и само по себѣ. Въ проповѣди же пророка было еще нѣчто, что особенно должно было заставить ниневитянъ покориться этой проповѣди. Иисусъ Христосъ говорилъ искушавшимъ Его іудеямъ, что какъ *Иона былъ во чревь рыбы три дня и три ночи, такъ и Сынъ Человѣческій будетъ въ сердцѣ земли три дня и три ночи*. Такъ по евангелію отъ Маттея (12, 40); по евангелію же отъ Луки (11, 30—32), Онъ говорилъ, что какъ *Иона былъ знаменіемъ для ниневитянъ, такъ будетъ и Сынъ Человѣческій для рода сего. Ниневитяне возстанутъ на судъ съ родомъ симъ и осудятъ его; ибо они покаются отъ проповѣди Иониной, и вотъ здѣсь больше Ионы*. Кажущееся на первый взглядъ несогласіе евангельскихъ сказаній вполне примиряется предположеніемъ объ ихъ взаимномъ восполненіи; „и изъ сопоставленія ихъ, говоритъ арх. Михаилъ ¹⁾, полный смыслъ рѣчи Спасителя вытекаетъ такой: какъ Иона, пробывъ во чревѣ китовѣ три дня и три ночи, сталъ знаменіемъ для ниневитянъ, внявъ которому они принесли покаяніе, такъ и Сынъ Человѣческій, пробывъ въ сердцѣ земли три дня и три ночи, будетъ знаменіемъ для рода сего, изъ коего нѣкоторые внявъ сему знаменію покаются и увѣруютъ, другіе же не увѣруютъ“. Стало-быть, по словамъ Спасителя, Иона принятъ былъ ниневитянами, какъ знаменіе съ неба, именно потому, что онъ разсказалъ имъ въ доказательство справедливости своей проповѣди о трехдневномъ пребываніи своемъ во чревѣ рыбы; ниневитяне повѣрили пророку потому, что увидали въ разсказанномъ имъ событіи знаменіе—σημεіον. Этимъ словомъ въ новомъ завѣтѣ обозначается какое-либо событіе, выходящее изъ ряда обыкновенныхъ, но не по своей только необычайности или диковинности, а главнымъ образомъ потому, что въ такомъ видѣ

¹⁾ См. его Толк. Евангеліе отъ Луки стр. 404.

оно является знакомъ божественной воли, голоса божественнаго ¹⁾. Въ нѣкоторую аналогію съ этимъ словомъ можно поставить слова: *это персть Божій*, которыми волхвы египетскіе охарактеризовали нѣкогда казни, посланныя Богомъ на Египеть (Исх. 8, 19—23) и заставившія Фараона отпустить евреевъ, а египтянокъ побудившія даже снабдить евреянокъ драгоценностями (Исх. 11 и 12). Очень можетъ быть, что и вдохновенный рассказъ пр. Іоны о бывшемъ съ нимъ случаѣ принять былъ ниневитянами, какъ персть Божій, побуждающій ихъ къ покаянію. Справедливость рассказа пророка объ этомъ событіи могла подтвердить для нихъ кромѣ неподдѣльности тона проповѣди Іоны и стоустая молва о корабельщикахъ, о томъ, что они, послѣ того, какъ бросили Іону въ море, избавились отъ опасности потопленія; молва эта исшедшая отъ самихъ корабельщиковъ могла дойти до ниневитянъ путемъ торговыхъ и другихъ сношеній. Это предположеніе тѣмъ болѣе вѣроятно, что книга пр. Іоны своимъ молчаніемъ о томъ, какъ скоро послѣ спасенія пророка отъ опасностей моря Богъ снова послалъ его въ Ниневію, даетъ право раздвигать предѣлы этого времени на болѣе или менѣе продолжительный срокъ... Словомъ все въ самомъ пророкѣ и проповѣди его должно было говорить ниневитянамъ, что Іона—посланникъ неба, которому нельзя не вѣрить, и они покаялись и обратились къ Богу.

Конечно естественное со стороны ниневитянъ знаніе Іеговы, Бога Еврейскаго, и даже признаніе Его дѣйствительности (ср. 3 Ц. 20; 23 и 17), не даетъ еще права обращеніе ниневитянъ къ Богу представлять обращеніемъ ихъ отъ языческаго политеизма къ еврейскому монотеизму. Такому представленію противорѣчитъ исторія, изображающая ассиріянъ не много спустя послѣ разбираемаго нами событія, именно во время ассирійскаго плѣна, такими же почитателями идоловъ, какъ и прежде, точно также, какъ объ царѣ и военачальникѣ сирійскихъ, послѣ рассказа объ ихъ замѣчательныхъ обращеніяхъ къ Іеговѣ (4 Ц. 5, 1—17, 8, 4—10) замѣчается, что они оставались въ своей языческой вѣрѣ и продолжали молиться въ домѣ Риммона (4 Ц. 5, 18). Обращеніе къ

¹⁾ См. Мѣ. 12, 18; Мрк. 8, 12; 16, 17—20; Лук. 2, 34; 11, 16 Іоан. 2, 11., 18. 23; 3, 2; 6, 2. 30; 7, 31; 9, 16; 20, 30; 1 Кор. 22; 14, 22 и др.

Богу въ томъ и другомъ случаѣ было обращеніемъ вообще къ Богу, какъ Творцу и Промыслителю вселенной, а не къ Иеговѣ, Богу еврейскому, Это было обращеніе къ *'элогіѣм*, какъ многозначнательно и точно значитъ въ евр. текстѣ книги пр. Іоны (3, 5, 10); хотя несомнѣнно по той же книгѣ выходитъ, что этотъ *'элогіѣм* есть вмѣстѣ и *јэговѣ* (ср. 3, 5. 8—10 съ 4, 10—11).

Чтобы лучше уяснить себѣ тѣ религіозно-нравственныя образы и представленія, которые возбуждались проповѣдью пр. Іоны въ ниневитянахъ, нашъ русскій библеистъ А. П. Смирновъ, не видя ничего невѣроятнаго и оскорбительнаго для духовности Бога въ мысли о томъ, что, открываясь язычникамъ, Богъ можетъ открываться имъ преимущественно подъ тою формою, подъ какою кто изъ нихъ мыслилъ Его, думаетъ, что и ниневитяне, принимая пр. Іону за знаменіе съ неба, понимали это знаменіе согласно съ своими языческими представленіями о божествѣ. Именно, указавъ на существованіе у ассиріянъ приведеннаго нами выше мѣста объ Оаннесѣ и сказавъ, что этотъ Оаннесъ, занимая высокое мѣсто въ длинной лѣстницѣ боговъ ассирійскихъ, по вѣрованію ассиріянъ, имѣлъ главною заботою своею исправленіе бѣдствій производимыхъ въ мірѣ злыми духами, ученый библеистъ говоритъ: „Разсказъ о большой рыбѣ, поглотившей и извергнувшей пророка, и о божественномъ посольствѣ Іоны въ Ниневію напоминалъ ниневитянамъ ихъ древнія религіозныя сказанія о рыбообразномъ Еа-Оаннесѣ, выходящемъ изъ моря, чтобы учить людей почитанію боговъ, религіознымъ и гражданскимъ законамъ жизни, и объ его сынѣ. И самъ пророкъ чужеземецъ, говорящій со властію, смѣло и рѣшительно обѣщающій совершенную погибель ассирійскаго царства за беззаконія и требующій покаянія, легко могъ показаться язычнику чѣмъ-то бѣльшимъ, чѣмъ обыкновенный человѣкъ, можетъ быть даже самимъ Еа или его сыномъ. Въ этомъ нѣтъ ничего невѣроятнаго и удивительнаго. Вопилъ же въ Листрѣ народъ о Павлѣ и Варнавѣ, что они боги, сошедшіе въ образѣ человѣческомъ. Назвали же Варнаву—Зевсомъ, а Павла—Юрніемъ. И не только простой неразумный и суевѣрный народъ, но даже Листрійскій жрецъ принесъ уже воловъ, чтобы принести имъ жертвоприношеніе, такъ что апостолы едва увѣрили, что они—обыкновенныя люди (Дѣян. 14, 11—23;

15, 18). Цѣлыми восьмью вѣками раньше этого въ Ниневіи могло случиться тоже самое. Самое имя пророка, сходное съ именемъ Оаннеса, могло съ перваго раза казаться имъ многозначительнымъ¹⁾. Нѣтъ сомнѣнія, что предположеніе нашего библеиста согласно какъ съ исторіею, такъ и съ понятіемъ о Богѣ, по благодости Своей всякимъ путемъ влекущемъ ко спасенію человѣка, въ какомъ-бы языкѣ онъ ни былъ, и вполне правдоподобно; ибо объясняетъ собою какъ разбираемый фактъ, такъ и другіе и именно то, почему такъ, а не иначе наказаль Богъ пророка за его непослушаніе, почему такое, а не иное имя носилъ пророкъ, а потому наконецъ и плодотворно, какъ помогающее собою опроверженію гипотезы Баура, по которой мнѣ объ Оаннесѣ былъ источникомъ самого разсказа книги пр. Іоны²⁾. Но къ этому предположенію не лишне все-таки прибавить, что тотъ же примѣръ Павла и Варнавы, который приводитъ г. Смирновъ въ доказательство справедливости своего пониманія дѣла, даетъ право думать, что обращеніе ниневитянъ, начавшееся съ отождествленія пр. Іоны съ Оаннесомъ, не могло окончиться этимъ суевѣріемъ. Павелъ и Варнава разубѣдили жителей Листры въ ихъ суевѣрїи и обратили ихъ къ истинѣ; такъ точно и пр. Іона, послѣ обращенія ниневитянъ къ Богу, какъ своему Оаннесу, не могъ оставаться празднымъ и спокойнымъ зрителемъ этого все-таки заблужденія ниневитянъ и долженъ былъ разъяснить имъ, что предсказанная имъ гибель должна придти не отъ Оаннеса, или сына его, а отъ Іеговы, Бога еврейскаго, и ниневитяне должны были повѣрить ему. Даніилъ, отерывшій Навуходносору сонъ его, предварилъ свое откровеніе прямымъ замѣчаніемъ, что тайны, которую хочетъ знать царь, не могутъ открыть мудрецы и гадатели, а одинъ Богъ, и послѣ того, какъ Даніилъ разсказалъ Навуходносору сонъ его и значеніе сна, царь отвѣчалъ ему: *воистину Богу вашъ есть Богъ боговъ и владыка царей* (Дан. 2, 27—28 и 47; ср. Исх. 8—10 гл.). Точно также долженъ былъ поступить и пр. Іона и ниневитяне послѣ того, какъ пророкъ объяснилъ имъ, отъ какого Бога грозить имъ гибель, такъ именно и должны

¹⁾ См. цитов. выше статью его въ чт. въ О. Д. Д. Просв. 1879 стр. 102 и др.

²⁾ См. выше стр. 107—115.

были понять, какъ объяснять пророкъ; ибо и послѣ у ниневитянъ осталась память объ этомъ всенародномъ возбужденіи, какъ о посланномъ отъ Іеговы, Бога еврейскаго (4 Ц. 18 гл.).

Въ заключеніе своей рѣчи объ обращеніи ниневитянъ мы должны всетаи сказать, что собственныя вѣрованія ниневитянъ и тѣ или нынѣ разъясненія пр. Іоны могли быть лишь толчкомъ въ принятію ими проповѣди пророка, внѣшнимъ вспомогательнымъ средствомъ къ уясненію ими себѣ этой проповѣди, а не самую сущность этого обращенія. Анализируя съ положительной стороны самый фактъ этого обращенія, то душевное настроеніе, которое возбуждалось не въ сознаніи только и представленіи ниневитянъ, а въ самомъ сердцѣ ихъ — какъ средоточіи душевной жизни, вслѣдствіе проповѣди Іоны, мы утверждаемъ, что въ сущности это обращеніе ихъ было особое и имѣло не теоретическое, а нравственно-практическое знаніе. Греки имѣли цѣлый Олимпъ боговъ, но въ минуты благодатнаго проблеска ихъ религіознаго чувства прибѣгали не къ Зевсу и Эрмію, а къ Богу невѣдомому для нихъ, по ихъ собственному сознанію; и ап. Павелъ, приглашенный въ афинскій ареопагъ, наввалъ афинянъ набожными не за ихъ олимпійскіихъ боговъ, а за то, что между множествомъ алтарей нашелъ у нихъ жертвенникъ, на которомъ написано было: *невѣдомому Богу* (Дан. 17, 23). По этимъ даннымъ не безосновательно кажется предполагать, что въ глазахъ язычниковъ боги (а въ томъ числѣ и еврейскій Іегова), а не Богъ, играли роль не больше, какъ исполнителей велѣній верховнаго рока, царившаго надъ ними, посредниковъ между этимъ рокомъ и людьми, и не были богами въ собственномъ смыслѣ слова. Такого Бога язычники не знали, Кто Онъ и каковъ, но лишь глухо, смутно и нечисто предчувствовали, что Онъ есть и ищущимъ Его издвоздатель бываетъ (Дѣян. 7, 26, 27; Евр. 11, 6 и др.). Къ этому-то невѣдомому ниневитянами Богу (*эллоім*), а не къ Іеговѣ, Котораго они по проповѣди пророка могли считать не больше, какъ сильнымъ исполнителемъ воли верховнаго Бога, и не къ своимъ національнымъ богамъ и обратились они душой своей и сердцемъ своимъ послѣ проповѣди Іониной. Это обращеніе ихъ было обращеніемъ къ Богу, чувствуемому ими въ сердцѣ своемъ; это было просвѣтленіе той врожденной идеи Бога, которая въ нихъ затемнена была, но не уничтожена ихъ языческимъ вѣрова-

ніями и которая послѣ обличительной проповѣди Іоны, открывшей быть можетъ самыя сокровенныя и въ тоже время самыя постыдныя движенія ихъ сердца, проснулась преимущественно конечно съ своей нравственной стороны, и разбудила ихъ совѣсть. Усыпленная доселѣ не взыскательными требованіями язычества, совѣсть ниневитянъ проснувшись, подняла свой обличительный голосъ и ниневитяне увидали, какъ далеко ушла ихъ жизнь отъ тѣхъ идеальныхъ требованій ея, которыя, какъ выраженіе идеи всесвятаго Бога, доселѣ смутно лишь предносились въ ихъ покаянныхъ вопляхъ и гимнахъ. Это состояніе не было только высшею степенью языческаго религіознаго сознанія и чувства; ибо язычество во всякомъ случаѣ есть только томленіе духа человѣческаго по Богу, а не самое общеніе его съ Богомъ, не примиреніе съ нимъ, каковымъ представляется состояніе ниневитянъ по книгѣ пр. Іоны, и которое необходимо предполагаетъ нѣкоторое воздѣйствіе на человѣка и со стороны Бога. Оно было однимъ изъ тѣхъ темныхъ проблесковъ христіанскаго—истинно-религіознаго возбужденія, какія должны были быть и до Христа, поколику дѣло Его обнимаетъ собою людей всѣхъ временъ, однимъ изъ тѣхъ проблесковъ, по поводу которыхъ Тертуліанъ говорилъ, что человѣческая душа по природѣ христіанка и по которымъ язычники-полтеисты любили повторять: *Богъ далъ, Богъ послалъ*. Таково же именно должно было быть и возбужденіе ниневитянъ. Все различіе между нимъ съ одной и указанными непосредственно предъ нимъ возбужденіями язычниковъ полтеистовъ съ другой стороны,—количественное и заключается лишь въ томъ, что эти послѣднія суть частныя, отдѣльныя и по своей продолжительности минутныя влеченія, въ исторіи же обращенія ниневитянъ подобное состояніе охватило собою цѣлыя массы и въ каждомъ отдѣльномъ индивидуумѣ изъ этихъ массъ, всю душу и мысль, и чувство и волю и отсюда-то оно невольно выразилось у нихъ такъ рѣзко во внѣ.

Если же справедливо признать, что возможны были отдѣльныя и минутныя истинно-религіозныя возбужденія у язычниковъ; то имѣть ничего ничего невѣроятнаго и въ томъ, что такія возбужденія возможны и для цѣлыхъ массъ, составляющихся изъ единицъ. Много значить тутъ тотъ громовой ударъ, который заставляетъ, говоря словами русской пословицы, перекреститься, и та степень

духовно—нравственнаго усыпленія, отъ которой нужно возбудить людей, степень ихъ религіозно-нравственной чуткости. Въ исторіи же обращенія ниневитянъ все это на нашей сторонѣ. Правда степень религіозно-нравственнаго состоянія ниневитянъ, судя по изображеніямъ его въ исторіи, была дѣйствительно низка и не далека отъ той грани, съ которой не бываетъ поворота къ лучшему: то была послѣдняя ступень духовной жизни, та ступень, за которою слѣдуетъ смерть, какъ не способность къ нравственному возстанію. Но все же это была жизнь, а не смерть; пусть эта жизнь была сонная, но отъ сна возможно и возбужденіе. Такое возбужденіе есть возбужденіе смертельно больного на краю могилы, когда онъ собираетъ остатки своихъ угасающихъ силъ, чтобы подняться въ послѣдній разъ съ постели. И чѣмъ сильнѣе и рѣзче бываетъ эта предсмертная вспышка, дѣлающая человѣка на время, какъ будто, совсѣмъ здоровымъ; тѣмъ несомнѣннѣе свидѣтельствуетъ она о близости смерти, подобно тому, какъ живые отпрыски, появляющіеся вслѣдствіе особаго ухода садовника на отживающемъ и засыхающемъ старомъ деревѣ, тѣмъ необходимѣе дѣлаютъ скорое срубаніе этого дерева для того, чтобы дать жизнь другому. Такъ было и у ниневитянъ въ разбираемый нами моментъ; ихъ религіозно-нравственное возбужденіе вслѣдствіе грозной проповѣди пр. Іоны было предсмертной вспышкой ихъ угасающихъ силъ. И чѣмъ сильнѣе и рѣзче мы будемъ представлять себѣ это духовное возбужденіе ихъ; тѣмъ согласнѣе оно будетъ въ общемъ съ послѣдующей исторіей ниневитянъ, изображающей намъ ихъ обреченными на конечную гибель и дѣйствительно погибшими. Пророчества объ окончательной гибели Ниневіи вслѣдствіе ея крайняго развращенія высказаны были едва полтора столѣтія спустя послѣ времени жизни пр. Іоны пр. Наумомъ около 700 г. до Р. Хр. (см. его 1, 1. 2. 8. 10; 2, 9; 3, 13, 19), и еще опредѣленнѣе пр. Софоніею около 640 г. (см. его 2, 13—15). И замѣчательно точное и почти буквальное исполненіе этихъ страшныхъ пророчествъ, по которымъ Іегова ииѣлъ сотворить, какъ дѣйствительно и сотворилъ, *погубленіе ниневитянъ въ потопъ пути*, послѣ того, какъ стѣны Ниневіи были отовсюду обложены врагами, а серебро и золото расхищено. Ксенофонтъ, описавшій разрушеніе Ниневіи, говоритъ, что мидане и вавилоняне, осаж-

дая Ниневію, воспользовались необыкновеннымъ разлитіемъ Тигра и по рѣкѣ прошли внутрь города, что Сарданапаль, царь ниневійскій, въ отчаяніи самъ зажегъ свой дворецъ и тамъ погибъ вмѣстѣ со всѣмъ гаремомъ своимъ и съ своими сокровищами и что наконецъ союзники, овладѣвъ городомъ, истребили жителей его, самый городъ превратили въ развалины и, обремененные золотомъ и серебромъ, ушли въ Экбатаны¹⁾. Таково было паденіе Ниневіи, время котораго выше мы опредѣлили въ 606—625 г. до Р. Хр.

Обращаемся къ раскрытію и разъясненію внѣшнихъ формъ обнаруженія покаянія ниневитянами. Покаянный характеръ обращенія ниневитянъ къ Богу прямо указываетъ на покаянные вопли и молитвы къ Богу, какъ выраженіе этого обращенія. *Пусть крѣпко взываютъ къ Богу*, говорилъ царь ниневійскій о людяхъ своихъ (3, 8); слова еврейскаго подлинника книги пр. Іоны, переведенныя такъ, выражаютъ мысль именно о такомъ молитвенномъ обращеніи къ Богу, которое обнаруживается въ громкихъ и постепенно усиливающимся, неслабыхъ вопляхъ и крикахъ (ср. Ис. 8, 11; Іез. 3, 14; 2 Цар. 26, 16). Прекрасной иллюстраціей этихъ словъ можетъ служить рассказъ третьей книги Царствъ о жрецахъ вааловыхъ, которые, во время состязанія съ пр. Іаіеіей, съ утра до вечера громко призывали имя Ваала, а послѣ полудня стали кричать по предложенію пр. Іаіеіе еще громче, чтобы тѣмъ легче было услышать ихъ Ваалу (18, 26—29). Такія же вѣроятно громкія взыванія къ Богу разумѣль и пр. Іеремія, когда говорилъ о жрецахъ вавилонскихъ, что они ревутъ съ воплемъ, какъ ныне на поминкахъ по умершемъ (Іер. посл. ст. 31). Правда книга пр. Іоны ничего не говоритъ о томъ, какія слова выкрикивали ниневитяне во время своего обращенія къ Богу, но нѣтъ ничего невѣроятнаго предполагать, что они взывали къ Богу словами тѣхъ покаянныхъ псалмовъ, отрывками которыхъ владѣеть въ настоящее время ассириологія. Ничто не препятствуетъ далѣе представлять себѣ это выкрикиваніе сопро-

---

¹⁾ Подробнѣе о точномъ исполненіи пророческихъ предсказаній о гибели Ниневіи см. у Кейля: доказательства божественности христ. религіи на основаніи исполненія в. з. пророчествъ объ яз. городахъ; также у Кейля въ его *Comm. ub. d. proph. Zephania*.

вождающимся разными обрядами и церемоніями, обычными въ богослужбной практикѣ ниневитянъ. Пр. Іеремія въ своемъ посланіи говоритъ еще, что язычники ассирійско-вавилонской монархіи обычай имѣли обносить боговъ своихъ на плечахъ по городу (4 ст.), кланяться имъ, вѣнчать ихъ головы вѣнцами (10), украшать пурпуровыми одеждами (11), зажигать предъ ними свѣтильники (18), приносить куренія и жертвы (20 и 29). Эти же вѣроятно обряды совершаемы были ниневитянами и во времена Іоны и книга пророка молчитъ объ нихъ потому, быть можетъ, только, что эти обряды были обычны и обще извѣстны; не было нужды упоминать объ нихъ. Другое дѣло всеобщій постъ и одѣяніе во вретисце всѣхъ не только людей, а и скотовъ; это было нѣчто выходящее изъ ряда обыкновеннаго и потому вполне достойное быть занесеннымъ въ книгу пр. Іоны. Но эта-то самая необычность послѣднихъ обнаруженій побаяннаго чувства ниневитянъ и вызываетъ въ противникахъ исторической подлинности книги пр. Іоны возраженіе противъ достовѣрности сказанія объ нихъ.

Конечно всеобщій постъ и трауръ дикъ для отвергающихъ значеніе и пользу поста и на трауръ смотрящихъ не больше, какъ на требованіе приличій свѣта, но дикъ онъ не для всѣхъ вообще. Уже въ силу одного того, что наше тѣло органически тѣсно связано съ душой, необходимо, чтобы характеру душевныхъ состояній вполне соотвѣтствовало и состояніе тѣла—внѣшности. Покаяніе же, какъ оно опредѣляется и въ книгѣ пр. Іоны, есть удаленіе *отъ злаго пути и отъ пороковъ, которые на рукахъ* (3, 8), воздержаніе не только отъ нихъ, но и отъ всего, что служитъ къ удовлетворенію ихъ, что излюблено человѣкомъ въ его зломъ пути, укрощеніе самого самолюбія. Непомѣрная же гордость, холодное и безсердечное отношеніе къ ближнимъ, роскошь, сластолюбіе и сладострастіе, которыми страдали ниневитяне, питаются превознесеннымъ положеніемъ, безбѣдностію, удобствами и довольствомъ въ пищѣ, одеждѣ и жилищѣ. Отсюда тѣмъ выше и искреннѣе раскаяніе, тѣмъ естественнѣе и даже необходимѣе для кающихся низведеніе себя въ положеніе ничтожныхъ отверженцевъ, удаленіе отъ тѣхъ удобствъ и удовольствій, окружаясь которыми они невольно располагались къ обуревающимъ ихъ страстямъ и порокамъ, воздержаніе отъ обильной и роскошной пищи и питія;

волнующихъ вровъ и возбуждающихъ сладострастные порывы, отъ мягкихъ одеждъ, изящныхъ украшеній, удобныхъ и роскошныхъ помѣщеній. Все это, какъ нельзя лучше, и выражается въ постѣ, какъ воздержаніи отъ пици и питья; не даромъ же дни покаянія и доселѣ еще дни поста, какъ воздержанія и даже совершеннаго удаленія отъ пици на многіе дни. А такой именно постъ наложили на себя и ниневитяне, о которыхъ въ книгѣ пр. Іоны сказано, что *всѣ люди и скотъ отъ мала до велика ничего не пили и воды не пили* (3, 7). Правда здѣсь не говорится, какъ много дней продолжался этотъ постъ; но если даже и предположить, что для нѣкоторыхъ, слышавшихъ проповѣдь пророка въ началѣ ея, онъ былъ тридцати дневный и болѣе; то и въ такомъ случаѣ возможность его соблюденія, конечно не для всѣхъ и изъ этихъ раннихъ слушателей пророка, подтверждается прямыми историческими свидѣтельствами и потому стоитъ выше всякаго сомнѣнія ¹⁾. Одно нужно помнить при этомъ, что нельзя прилагать разсматриваемыхъ нами словъ книги пр. Іоны ко всѣмъ безъ исключенія жителямъ Ниневіи со всею строгостію и точностію.

Другимъ обнаруженіемъ покаяннаго чувства ниневитянъ было то что всѣ одѣлись во вретиче. Стоящее въ еврейскомъ подлинникѣ слово: *сѣкѣм*, въ ед. ч. *сѣк* (отъ гл. *сакѣк*—*текъ*, пропускалъ сквозь себя влагу), означаетъ собственно *тѣднику*, *дерюгу*, *тѣдкій мышокъ*, *сакъ* (ср. греч. *сѣккосъ*, лат. *saccus*), а отсюда далѣе *тѣдкую*, *тѣдкую*, *тѣдкую* *одежду*, *вретиче* и *власяницу* (ср. Іер. 4, 3; Іоил. 1, 13; Іов. 16, 15); такъ что такой или иной переводы, т. е. *вретиче* ли, или *власяница*, равно справедливы для допускающихъ возможность самаго явленія и равно возбуждаютъ сомнѣніе въ противныахъ подлинности разсказа. Правда сомнѣніе это въ свое оправданіе можетъ сослаться на то, что у насъ теперь принято въ дни поста и покаянія и особенно при смерти близкихъ и дорогихъ людей одѣваться въ черныя одежды, но эта ссылка не совсѣмъ будетъ удачною также, какъ не удаченъ и самый современный выборъ траурныхъ одеждъ поста. Ибо правда, что именно черныя одежды лучше всего выражаютъ состояніе души человѣка при смерти

¹⁾ См. Исх. 24, 18; Втор. 9, 11; Лук. 11, 2, а не вѣрующіе этимъ свидѣтельствамъ см. напр. Моск. Вѣд. 1881 № 142 и 187 и т. п.

дорогаго для него лица, ощущение какой-то пустоты, неизвѣстности и неопредѣленности; состоянію же души кающагося, т. е. удручающаго себя за грѣхи свои, воздерживающагося не только отъ грѣховъ, а и отъ того, что питало ихъ, черныя одежды, какъ будто, и не вполне соответвуютъ, или недостаточно выражаютъ его. Самыми лучшими, такъ сказать, варателями привычнаго къ роскоши и извѣженности гѣла служатъ именно вретиче и власяница. Такое выраженіе покаяннаго состоянія духа не безпримѣрно и въ настоящее время; и въ современномъ мірѣ такіе строгіе аскеты, измощающіе плоть свою веригами и власяницами, невѣдомыя свѣту скрываются въ тиши монастырей, сѣтовъ и пещеръ; въ древнемъ же мірѣ они были какъ-будто видѣе и обычае. Пр. Іовиль, по случаю народныхъ бѣдствій призывавшій весь народъ къ покаянію, повелѣлъ назначить всеобщій постъ, въ которомъ должны принять участіе и отроки и даже грудные младенцы (2, 12—16) и приглашалъ всѣхъ священниковъ скорбныя и покаянныя молитвы свои изливать предъ Іеговою во власяницахъ (2, 13). Тоже сдѣлали и Езекия, царь Іудейскій, и придворные его, и священники, во время нашествія Салманасара, царя ассирійскаго, на ихъ землю, прося Бога о спасеніи живущихъ (4 Ц. 19, 1—4; ср. 3 Ц. 21, 27; 4 Ц. 6, 30 и др.). Власяница, какъ траурная одежда, извѣстна была и въ патріархальное время (Быт. 37, 34), и не въ одномъ только Израилѣ. Іезекиль, изображая печаль царей тирскихъ о погибели ихъ городовъ, говоритъ, что они сойдутъ съ престоловъ своихъ, сложатъ съ себя цвѣтное одѣяніе свое и облечутся въ трепеть (26, 11). Недостающее въ книгѣ пр. Іезекіиля указаніе на власяницу мы встрѣчаемъ въ книгѣ Іова, представляющей этого страдальца, жителя земли Уць, слѣдовательно ближайшаго сосѣда ассиріянъ, раздирающимъ одежду свою, сѣдящимъ на пеплѣ (1, 20; 2, 8) и утверждающимъ, что онъ въ горести своей сшилъ власяницу на кожу свою (16, 15). І. Христосъ именно Тиръ и Сидонъ изображалъ кающимися во вретичѣ и пеплѣ (Мѣ. 11, 21). Тоже подтверждаютъ и свѣтскіе писатели относительно всѣхъ восточныхъ народовъ ¹⁾.

---

¹⁾ См. Winer Beal-Worterbuch. Art. Trauer, а также Herzog R. Encykl. XVI, S. 381.

По всѣмъ этимъ даннымъ постъ, ношеніе власяницы, или вретница и сидѣніе на пещлѣ въ знакъ горести и покаянія, и каждое въ отдѣльности, и всѣ въ совокупности, въ приложеніи и къ отдѣльнымъ только лицамъ, и къ цѣлымъ массамъ, обнимающимъ собою и старыхъ и малыхъ, оказываются вполне естественнымъ и исторически засвидѣтельствованнымъ явленіемъ.

Въ разбираемомъ нами описаніи покаянія ниневитянъ можетъ еще показаться несообразною, какъ будто, съ дѣйствительностію одна черта—это привлеченіе къ посту и одѣяніе во власяницы и животныхъ, которыя по книгѣ пр. Іоны точно также, какъ и люди, должны были взывать къ Богу о помилованіи (3, 8—9); при ближайшемъ же разсмотрѣніи дѣла и эта черта не должна казаться такою. Конечно въ доказательство справедливости этого показанія книги пр. Іоны можно бы сослаться на то, что и въ настоящее время при погребеніи умершихъ не только люди одѣваются въ черныя одежды, а покрываютъ черною матеріею и лошадей, которыя везутъ погребальную колесницу, и даже самую колесницу, каковой обычай имѣетъ значеніе обряда, своимъ печальнымъ видомъ имѣющаго лишь усилить печаль самихъ людей. Блаженный Феодоритъ прямо говоритъ, что „и ниневитяне ввели въ свою печаль и животныхъ для того, чтобы, когда онѣ, томимыя голодомъ, будутъ иное мычать, иное блѣять и каждое издавать свой голосъ, то люди тѣмъ сильнѣе проливали горячія слезы и тѣмъ легче отверзали себѣ источники Божьяго милосердія“¹⁾. Но въ книгѣ пр. Іоны одѣваніе животныхъ во власяницы ли то, или вретница представляется имѣющимъ значеніе не для людей только, а и для самихъ животныхъ; ибо 1) скоть, который долженъ былъ быть покрытъ власяницами, не крупный только, а и мелкій, слѣд. не лошади, ослы и верблюды только, а и овцы и козы, и 2) слова восьмага стиха: *עֲזִיבֶנּוּ אֶל 'ֵלֹהֵיָם*—и взывали къ Богу, нельзя отдѣлять отъ предыдущихъ такъ, чтобы ими начиналась новая рѣчь, относящаяся къ людямъ только. Правда нѣкоторые толкователи дѣлаютъ это, чтобы уничтожить чрезъ то странность обращенія къ Богу и животныхъ; но послѣднія слова девятаго

¹⁾ См. Тв. Св. Отц. въ р. пер. XX, 4, стр. 421.

стиха: *וְאֵלֶיךָ יָשׁוּבוּ*, ясно заставляют предполагать, что именно этими словами кончается то, что по воле царя было объявлено в Ниневии. Если же такъ, то слѣдовательно и восьмой стихъ весь долженъ относиться къ этому эдикту царя. Конечно отступление отъ злаго пути, о чемъ говорится въ концѣ восьмага стиха, очевидно относится къ однимъ людямъ; поэтому здѣсь и стоитъ особое подлежащее: *יְהוּ*, которое по употребленію его въ библейскихъ книгахъ и означаетъ именно людей; но при предшествующемъ этому предложеніи: *וְהָיָה כִּי יִרְאוּ אֶת־פְּרִי־אֲדָמָהּ וְאֶת־בְּרִי־מִן־הַבְּהֵמָה*—люди и скотъ. Такимъ образомъ текстъ книги пр. Іоны утверждаетъ фактъ одѣванія во власяницы и скота не для болѣе печальнаго вида только, не для того только, чтобы въ людяхъ возбудить тѣмъ большую печаль, а для выраженія того, что и скотъ этимъ одѣваніемъ долженъ былъ, какъ бы, высказать свои покаянныя и молебныя чувства по отношенію къ Богу; такъ что оно было въ собственномъ смыслѣ трауромъ скота. Но и такое представленіе дѣла не безпримѣрно въ исторіи. Геродотъ (IX, 24) рассказываетъ, что персы, когда въ сраженіи при Платей палъ ихъ полководецъ Масистъ, остригли волосы лошадямъ и другимъ животнымъ въ лагерѣ, свидѣтельствуя тѣмъ, что и животныя чувствуютъ утрату храбраго Масиста. Тоже подтверждаютъ Плутархъ и Аристидъ. Возраженіе, выставляемое противъ этихъ примѣровъ (между прочимъ Гитцигомъ), что они указываютъ на трауръ по умершемъ, а не на покаянный трауръ, о какомъ говорится въ книгѣ пр. Іоны, не имѣетъ силы потому уже, что у всѣхъ народовъ форма покаяннаго и погребальнаго траура во многомъ одинакова. Затѣмъ въ данномъ случаѣ для насъ важна не форма траура, а сама, такъ сказать, сущность его, его основная мысль, что и животныя имѣютъ нѣчто въ своихъ душахъ, что точно также, какъ и люди, могутъ выражать во внѣ. А эта мысль чисто библейская. Тотъ же пр. Іонилъ, изображая картину голода и засухи, представляетъ полевыхъ звѣрей, у которыхъ не стало пажити, смотрящими вверхъ къ Іеговѣ, и какъ бы взывающими къ Нему о помилованіи (1, 20), и послѣ призываетъ ихъ къ веселію и радости, потому что возревновалъ Іегова за землю Свою (3, 18. 21. 22). Еще Моисей замѣтилъ, что пещь скомятъ языкомъ своимъ, если

въ домѣ хозяина его ссть мертвецъ (Исх. 11, 7). И это вѣрваніе, что животныя не только за себя, а и за человѣка могутъ страдать, сочувствовать ему въ его горѣ, какъ будто, находясь съ нимъ въ какомъ сродствѣ ¹⁾, въ своей крайности граничащее, быть можетъ, съ суетвѣріемъ, имѣетъ въ основѣ ту глубочайшую истину, которую высказалъ въ посланіи къ Римлянамъ св. ап. Павелъ, говоря, что вся природа грѣхомъ человѣка подпала тлѣнію и вмѣстѣ съ нимъ совоздыхаетъ объ этомъ рабствѣ тлѣнію въ надеждѣ на освобожденіе отъ него въ свободу славы чадъ божіихъ (Рим. 8, 10).

Итакъ анализъ содержанія тѣхъ частей книги пр. Іоны, которыя говорятъ о проповѣди пророка въ Ниневіи, о самомъ этомъ городѣ и объ обращеніи Ниневитанъ къ Богу, вслѣдствіе проповѣди пр. Іоны, долженъ, думается, убѣдить безпристрастнаго читателя въ томъ, что нападенія на это содержаніе отрицательной критикой, какъ на невѣроятное, не справедливы.

Но опровергая своимъ разборомъ недоумѣнія относительно однихъ частей нашей книги, мы, какъ будто, вызываемъ нѣкоторыя недоумѣнія относительно другихъ. Именно. Если разсказъ книги пр. Іоны объ обращеніи ниневитанъ къ Богу справедливъ въ смыслѣ обращенія ихъ къ *Богу вообще*, къ *'элогіумъ*, а не къ *Іозаи*; то не представляетъ ли собою чего-то невѣроятнаго разсказъ о корабельщикахъ, которые по одному слову пророка обратились съ молитвою именно къ Іеговѣ, Богу еврейскому, Ему принесли жертвы и Ему дали обѣты (1, 9—16)? Конечно Гитцигъ ²⁾ несправедливо говоритъ, что по мнѣнію составителя книги корабельщики тотчасъ на кораблѣ принесли жертву Іеговѣ (Ион. 1, 10). Едвали можно допускать, что уже на кораблѣ корабельные люди стали настоящими евреями и, какъ такіе, принесли жертву Іеговѣ по указаніямъ заповѣдей Іеговы, по обрядамъ Его религіи. Въ послѣдствіи они, конечно, могли сдѣлаться прозелитами іудейской религіи, какъ и свѣдѣтельствуютъ о томъ іудейское преданіе ³⁾; во время же даи-

¹⁾ Не безъ значенія въ этомъ отношеніи то, что въ жертву чловѣкомъ за вину его приносились животныя.

²⁾ См. цит. его соч. стр. 368.

³⁾ См. Палладія толкованіе на кн. пр. Іоны стр. 13.

наго плаванія на кораблѣ, и именно во время бури и не посредственно послѣ ея утишенія, они смотрѣли на Іегову въ своей языческой формѣ, и если принесли Ему жертвы, то по язычески. Въ текстѣ книги кн. Іоны объ этомъ говорится такъ: *принесли жертвы и дали обѣты*. Что значитъ здѣсь выраженіе: *дали обѣты*? Нельзя ли видѣть въ немъ поясненіе перваго выраженія, и именно въ томъ смыслѣ, что корабельщики на кораблѣ дали только обѣщаніе принести жертвы Іеговѣ, принести, когда разумѣется будетъ къ тому удобное мѣсто и время, т.-е. на сушѣ, по высадкѣ изъ корабля? Такое пониманіе весьма и естественно, особенно въ виду того, что на кораблѣ дѣйствительно неудобно же было приносить жертву. Но если и такъ; то все же остается еще открытымъ вопросъ о томъ, возможно ли было для корабельщиковъ такое религіозное возбужденіе, по которому они готовы были принести жертвы еврейскому Богу, хотя бы и послѣ?

Для объясненія этого нужно припомнить, во 1-хъ, что дѣло идетъ главнымъ образомъ о корабельщикахъ, о тѣхъ, которые всю жизнь свою проводятъ въ морѣ, имѣя мореходство своимъ постояннымъ занятіемъ ¹⁾. Такіе люди должны быть религіозными по самому положенію своему; находясь постоянно на морѣ, среди самыхъ непокорныхъ и буйныхъ стихій, въ виду опасностей, каждую минуту угрожающихъ, если не жизни, то благоденствію ихъ, они больше, чѣмъ другіе люди, живущіе безъ внѣшнихъ толчковъ и напоминаній о Богѣ, должны быть вѣрующими въ міродержащій промыслъ и видящими его проявленіе тамъ, гдѣ для другихъ простая случайность. 2) Что же касается остальныхъ людей, бывшихъ на кораблѣ въ качествѣ пассажировъ, среди которыхъ конечно могли быть и малорелигіозные; то для нихъ возможность обращенія каждаго къ Богу своему съ молитвою тутъ же на кораблѣ несомнѣнна уже въ виду вообще опасностей морскаго путешествія. Не даромъ сложилась пословица: „кто на морѣ не бывалъ, тотъ Богу не маливался“; ибо на морѣ велики бываютъ опасности, сильны побужденія къ молитвѣ. Опасность же, постигшая нашихъ корабельщиковъ, выходила изъ ряда обычныхъ опасностей морскихъ путешествій; отсюда и дѣйствіе ея должно

¹⁾ Въ евр. подлинникѣ стоитъ слово: *מַלְחָמַי* — *иребець, несильникъ*, отъ *מָלַח* — *иребъ*.

было быть выходящимъ изъ ряда обычныхъ. Были конечно и другія обстоятельства, обусловливавшія собою возможность необычайнаго религіознаго возбужденія корабельныхъ людей; но для уясненія ихъ себѣ обратимся лучше къ послѣдовательному анализу рассматриваемаго явленія въ томъ порядкѣ его, какъ оно описано въ книгѣ.

Буря великая, пущенная на море Іеговой, нужно думать, была неожиданна для самихъ корабельщиковъ; ибо нѣтъ сомнѣнія, что корабельщики пустились въ путь, выждавъ въ іопійской гавани благопріятной для своего плаванія погоды. Опытные въ своемъ дѣлѣ, не разъ и прежде выдавшіе великія бури на морѣ, корабельщики приняли конечно противъ постигшей ихъ теперь бури всѣ мѣры предосторожности; они выкинули съ корабля даже грузъ его, владь, конечно состоявшую изъ жизненныхъ припасовъ взятыхъ въ путь и, быть можетъ, товаровъ. Не смотря на все это, корабль готовъ былъ пойти ко дну, потонивъ съ собою въ волнахъ всѣхъ пассажировъ своихъ. Ясно было всѣмъ бывшимъ на кораблѣ, — не только пассажирамъ, многіе изъ которыхъ по неопытности могли принять за дѣйствительную опасность только кажущуюся такой, а и самимъ корабельщикамъ, что они накраю могилы; поэтому если когда, то именно теперь всѣмъ имъ естественно было обратиться съ молитвою къ Богу, молитвою не фарисейскою и наружною только, а самую искреннюю и горячую. Понятно, что эта первоначальная молитва была молитвой каждаго къ Богу своему: евреи молились Іеговѣ, язычники — своимъ языческимъ богамъ. Корабельные же люди, несомнѣнно, были язычники; они происходили вѣроятно изъ Іопіи, Тира и Сидона, приморскихъ городовъ, жители которыхъ по самому мѣстоположенію этихъ городовъ скорѣе другихъ могли сдѣлаться мореходцами; можетъ быть между ними были и жители того отдаленнаго Фарсиса ⁴⁾, въ который плылъ корабль. Во всѣхъ этихъ мѣстахъ видную роль между богами, какъ вла-

---

⁴⁾ Нѣкоторые понимаютъ и понимаютъ слово Фарсисъ, какъ названіе моря вообще; но уже потому, что это имя есть имя одного изъ сыновей Іавана (Быт. 10, 11), нужно думать, что этимъ именемъ называлась мѣстность, заселенная потомками этого Фарсиса. Правда первоначальные потомки Фарсиса суть жители Киликіи, гдѣ есть городъ Тарсъ; но едва ли подъ Фарсисомъ книги Іоны нужно разумѣть этотъ именно Тарсъ; ибо Фарсисъ

стителами опредѣленныхъ частей міра, занимали боги моря и воды. Къ этимъ языческимъ богамъ прежде всего и обратились конечно корабельные люди съ молитвою, и никто не можетъ ничего сказать противъ полной естественности этой языческой молитвы корабельныхъ людей. Но если такъ естественъ этотъ первый моментъ религіознаго возбужденія корабельщиковъ, то точно также должны быть естественны и тѣ слѣдующіе, которые съ перваго взгляда кажутся сомнительными; ибо этотъ моментъ служитъ прецедентомъ тѣхъ, на ряду съ нѣкоторыми другими обстоятельствами, обусловливающимъ собою не только возможность, но и такъ сказать, легкость ихъ возбужденія. Эти другія обстоятельства заключались съ одной стороны въ дальнѣйшемъ внѣшнемъ положеніи дѣлъ на кораблѣ и вызванномъ ими душевномъ состояніи корабельныхъ мужей, съ другой—въ самомъ характерѣ языческихъ вѣрованій этихъ людей

Именно. Во время языческой молитвы корабельныхъ людей, cadaго изъ нихъ къ богу своему, главный кормчій корабля сошелъ въ нижнюю часть его—трюмъ, гдѣ хранились разныя корабельныя принадлежности, сошелъ, конечно, для того, чтобы взять снасти нужныя для спасенія корабля, сошелъ, безъ сомнѣнія, въ попыхахъ, озабоченный и разстроенный; а тутъ крѣпкимъ сномъ спалъ Иона, еврей, чтитель Іеговы. Съ отчаянной просьбой, полной укора, обращается онъ къ нему, говоря: *что спишь ты? встань, воззови къ Богу Твоему; можетъ быть Твой Богъ вспомнитъ объ насъ и мы не погибнемъ* (1, 6). Критическое положеніе, въ которомъ находились теперь всѣ бывшіе на кораблѣ Фарсискомъ и которое яснѣе всѣхъ остальныхъ долженъ былъ видѣть кормчій, вполне оправдываютъ и объясняютъ ту рѣзкость, отрывочность и многосодержательность, которою отличается рѣчь кормчаго, и вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ нельзя лучше, гово-

---

книги Іоны—мѣсто отдаленное отъ Палестины, а не близкое, какъ Тарсъ; кораблями Фарсійскими назывались корабли, нужныя для отдаленнаго плаванія (см. Пс. 71, 10; 3 Ц. 10,⁵ 22; 22, 49; Пс. 48, 3); по словамъ Іереми (10, 9 ср. Іез. 27, 25) изъ Фарсиса получалось серебро, желѣзо и золото по Ис. 23, 1—14, это было главное мѣсто торговли Финикіянъ. Поэтому самымъ вѣроятнымъ предположеніемъ должно быть то, что Фарсисъ—это Испанія, или, частіе, городъ этого имени въ Испаніи между обоими рукавами Гвадалквивира. Ср. Wisner Bibl. Real. Worterbuch объ этомъ имени.

рять объ ея задушевной искренности, о томъ, что это — слова, вылившіяся изъ самаго сердца, искавшаго послѣдней опоры своей потрясенной вѣрѣ и своею чуть не обманутой надеждѣ. Утопающій хватается за соломенку; чтожь дивнаго, что кормчій корабля, какъ нельзя болѣе, ясно видѣвшій опасность потопленія, обратился къ иновѣрцу еврею съ просьбою, чтобы тотъ помолился Богу Своему? Говорилъ же Раисакъ, о которомъ была уже рѣчь выше, что Іегова, Богъ еврейскій, послалъ его взять землю іудейскую (4 Ц. 18, 25. 33—35); отчего же такія слова не могли быть въ устахъ язычника о власти Іеговы и надъ моремъ? Слава о чудесахъ Его при переходѣ евреевъ изъ Египта, когда Онъ потопилъ воинство египетское, а израиля провелъ по сухому дну моря, очень скоро распространилась между язычниками и именно финикійскими (Исх. 15, 1). Нельзя конечно положительно утверждать, но въ виду указанныхъ обстоятельствъ вполнѣ резонно предполагать, что просьба кормчаго, обращенная къ пр. Іонѣ о молитвѣ Іеговъ была не только искренняя, а и исполнена вѣры и надежды на успѣхъ этой молитвы. Если же такъ; то нужно думать, что и отвѣтомъ пророка на эту просьбу было не тупое молчаніе, а искренняя молитва его къ Іеговъ и полное исповѣданіе вины своей предъ кормчимъ. И если послѣ, въ Ниневіи слово пророка было словомъ со властію; то почему оно не могло быть такимъ и въ данномъ случаѣ? А въ силу такого слова кормчій могъ еще болѣе утвердиться въ своемъ религіозномъ возбужденіи, въ своей вѣрѣ въ могущество Іеговы; теперь онъ могъ самъ быть готовымъ принести мольбы и жертвы этому Богу. Таковъ могъ быть второй моментъ религіознаго возбужденія на кораблѣ Фарсискомъ, моментъ въ своемъ исходномъ пунктѣ; утверждающійся на первомъ, а въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи опредѣляющій собою характеръ послѣдующихъ моментовъ.

Да, намъ кажется, что слѣдующіе моменты религіознаго возбужденія корабельщиковъ повторяютъ лишь собою то, что было съ кормчимъ; полѣдній выстѣ съ пророкомъ Іоной могъ быть тѣмъ героемъ, который увлекъ за собою толпу корабельныхъ людей. Самое стараніе корабельщиковъ направить корабль къ берегу, чтобы высадить пр. Іону, вытекавшее изъ инстинкта самосохраненія, не было чуждо религіозно-нравственныхъ возбужденій; а стараніе это было, разумѣется, исполнено матросами и другими бывшими на кораблѣ людьми не иначе, какъ по распоряженію и по

указанію начальника корабля, названнаго въ книгѣ кормчимъ. На помощь этому влиянію кромѣ общей религіозности ильвшихъ на кораблѣ и характера этой религіозности выступили жребій, упавшій на Іону, исповѣданіе Іоны и въ концѣ концовъ утишеніе бури. Въ самождѣльѣ жребій вызванъ былъ мыслью о справедливости боговъ и вмѣстѣ признаніемъ своей виновности каждымъ изъ корабельщико-въ. *Не я ли, Господи*, говорили апостолы на тайной вечери (Мрк. 14, 19); такой же смыслъ имѣлъ и жребій корабельщико-въ. Они вѣрили, что жребіемъ владѣютъ боги, и каждый изъ нихъ, вынимая жребій, ждалъ отъ него божественнаго подтвержденія своей виновности, заслуживающей вары. *Бросим жребій и жребій палъ на Іону*, на того Іону, о которомъ знали они, что онъ бѣжитъ отъ лица Іеговы, Бога Своего. *И сказалъ ему: за кого бѣда сія? Каковъ тебѣ дѣло? Откуда ты? Гдѣ твоя отечественная земля? Изъ какова ты народа* (8 ст., ¹). *Я еврей, чтитель Іеговы, Боги небеснаго, Который сотворилъ море и сушу*, такъ отвѣчаетъ Іона на всѣ предложенные ему вопросы,

---

¹) Правда перваго вопроса, именно: *За кого бѣда сія?* недостаетъ въ нѣкоторыхъ кодексахъ (Cod. 115 и др.); въ кодексѣ же 384 этотъ вопросъ стоитъ на полѣ; на полѣ же, какъ примѣчаніе, внесенное въ текстъ послѣ, въ началѣ же будто бн вовсе не бывшее въ немъ, какъ нарушающее собой естественный ходъ дѣла, ставятъ этотъ вопросъ Гриммъ и Гитцигъ. Но едва ли все это можетъ говорить что-либо противъ подлинности вопроса, точно также, какъ несправедливо выставлять и послѣдніе вопросы въ качествѣ возраженія противъ возможности того, что пророкъ Іона еще до бури рассказалъ бывшимъ на кораблѣ, что онъ бѣжитъ отъ лица Іеговы. Первымъ вопросомъ корабельные люди хотѣли побудить Іону, чтобы онъ, какъ выражается Розенмиллеръ, *„ipse ore proprio se, quum sit detprehensus, reum lateatur, culpam que suam et scelus retogat“*. Какъ прямой вызовъ къ признанію пророкомъ своего проступка, этотъ вопросъ, какъ нельзя болѣе, умѣстенъ былъ въ устахъ тѣхъ, которые знали, что онъ бѣжитъ отъ лица Іеговы, и въ числу которыхъ принадлежалъ между прочимъ кормчій. Уже по одному заранее высказанному пророкомъ признанію своей вины, они, жребіемъ успокоенные теперь въ своихъ совѣстяхъ, не смѣли сами гадать о виновности Іоны и о характерѣ этой виновности и потому должны были говорить именно такъ за кого бѣда сія. Разсказанное пророкомъ уклоненіе его отъ даннаго ему порученія Іеговы показывало корабельщикамъ въ пр. Іонѣ человѣка смиреннаго, любящаго и угоднаго Богу, иначе по ихъ воз- трѣнію, онъ не могъ удостоиться божественнаго откровенія. Съ другой стороны жребій ясно говорилъ, что именно Іона виновникъ-грѣшникъ, и мысль о томъ, въ чемъ же долженъ былъ состоять этотъ грѣхъ, невольно выныла

указывая и родъ свой для однихъ и свое религіозное вѣрующее состояніе для другихъ ¹⁾. Нѣтъ конечно сомнѣнія въ томъ, что онъ и теперь для тѣхъ, которые ничего не слышали отъ него прежде, исповѣданіе своей вины повторилъ съ непоколебимой и самоувѣренной искренностію, которая не могла не вліять на корабельщиковъ. Они не могли теперь не вѣрять пророку; справедливость словъ его подтверждалъ жребій. И вотъ они точно также, какъ и кормчій, и раньше слыхавшіе о могуществѣ Іеговы и признававшіе Его дѣйствительность, весьма испугались; на нихъ напалъ страхъ, ощущаемый грѣшнымъ человѣкомъ въ присутствіи божества. Этотъ религіозный страхъ предъ Іеговой, который теперь такъ явно обнаружилъ Свое могущество и силу, усиливался въ корабельныхъ язычникахъ сознаниемъ того, что пусть они не объявлены виновными въ бурѣ, но они доселѣ, зная Іегову, не признавали Его, не кланялись Ему, какъ Богу. Этотъ же страхъ былъ вѣроятно причиною и того, что корабельные язычники не рѣшились самовольно наказать Іону, а, не зная за нимъ никакой вины и съ своей языческой точки зрѣнія не представляя себѣ ясно и той, которую ввоздилъ на себя самъ пророкъ, къ нему же обратились съ вопросомъ о томъ, какъ имъ слѣдуетъ поступить теперь. „Ему, такъ могли думать они, какъ чтителю этого Іеговы, естественнѣе всего знать, чѣмъ можно умиливать разгнѣваннаго Бога“; ибо несомнѣнно, что они хотя и знали Іегову и теперь всей душой своей признавали Его, какъ Бога, все-таки религіи Его, требованій этой религіи и обрядовъ ея не знали; собственное же ихъ религіозное чувство

и остальные вопросы; они думали въ самыхъ занятіяхъ Іономъ найти что-либо безчестное. Тѣ же, которыхъ такія объясненія этихъ вопросовъ покажутся неудовлетворительными, должны помнить, что душа въ сильно взволнованномъ состояніи, каково именно и было состояніе корабельныхъ людей, способна на самыя невѣроятныя и противорѣчивыя порывы мысли и чувства (ср. Мр. 9, 6, Іоан. 11, 21—27). Затѣмъ на кораблѣ могли бытъ и такіе, которые дѣйствительно ничего не знали о пророкѣ. Книга пр. Іоны, обобщая всѣ вопросы, представляетъ въ нихъ лишь суть всего говореннаго въ данную минуту на кораблѣ тѣми и другими

¹⁾ Это послѣднее въ переводѣ LXX выражено словомъ: σέβεται — чту, почитаю.

подсказывало имъ, что ихъ языческіе обычаи и обряды не могутъ быть истинны. Въ отвѣтъ на вопросъ корабельщиковъ о способѣ умилостивленія Іеговы, Іона предлагаетъ имъ бросить его въ море (ст. 11 и 12). Нельзя думать, что только чувство жалости руководило корабельными людьми, когда они отказались привести въ исполненіе это рѣшеніе; тутъ дѣйствовалъ также и релігіозный страхъ предъ Іеговой и они напрягали всѣ усилія, чтобы пристать къ берегу. Здѣсь-то вѣроятно и проявилась то вліяніе кормчаго, о которомъ мы говорили выше. Онъ же, а не кто-либо другой, конечно велъ корабль къ берегу; онъ же вѣроятно въ то время, когда усилія эти становились напрасны, далъ мысль привести во исполненіе приговоръ Іоны, но прежде обратиться съ молитвою къ Іеговѣ, Которому помолиться просилъ онъ Іону раньше. *И воззвали (корабельные люди) къ Іеговѣ: „о Іегови! да не погибнемъ за душу челоуѣка сего и не возложи на насъ невинной крови. Ибо Ты, Іегова творишь, что хочешь“.* (13 и 14 ст.). Послѣ этой молитвы они бросили Іону въ море и море отложило свою ярость. Какое великое знаменіе могущества, силы, справедливости и въ то же время благости Своей проявилъ Іегова въ дѣлахъ этихъ! Поистинѣ Онъ есть истинный Богъ и всѣ другіе боги ничто предъ Нимъ! Ему одному достоинъ кланяться, Его благодарить за спасеніе жизни“. Такъ могли думать корабельные люди и можно ли сомнѣваться въ психологической естественности всѣхъ этихъ мыслей, волновавшихъ души корабельныхъ язычниковъ? Релігіозные вообще, по язычески судившіе о богахъ, а въ томъ числѣ и объ Іеговѣ, Богѣ еврейскомъ, они видятъ надъ собою явную смерть и спасаются отъ нея, спасаются не по милости своихъ боговъ, а по волѣ Іеговы, открытой имъ чтителемъ Его, Іеговы, Котораго они знали и прежде, и Который теперь такъ очевидно для всѣхъ показалъ Свое могущество, силу, правду и благость. Можно ли было этимъ людямъ не признать Іеговы истиннымъ Богомъ и не высказать такъ откровенно предъ Нимъ своихъ благодарныхъ чувствъ за спасеніе жизни? Кромѣ же этого на кораблѣ Фарсійскомъ ничего и не было...

Пусть випевитяне обратились только къ *элоіѣм*; опасности, грозившей имъ, они, доселѣ утопавшіе во грѣхахъ, еще не видали. Ко-

рабелльные же люди были на краю могилы и сами по себѣ были религіознѣе; для нихъ, кромѣ того, яснѣе видна была рука Іеговы. Поэтому-то они и должны были обратиться именно къ Іеговѣ. Естественность этого обращенія къ Іеговѣ язычниковъ станетъ еще понятнѣе для насъ, если припомнимъ, что и послѣ утишенія бури на кораблѣ могли остаться и другіе читатели Іеговы, кромѣ Іоны, которые, благодарные за свое спасеніе отъ явной смерти, могли явиться для язычниковъ въ качествѣ проповѣдниковъ Іеговы. Невольно припоминается при этомъ разсказъ книги Дѣяній Апост. о темничномъ стражѣ въ Филиппахъ, который обратился ко Христу со всѣмъ домою своимъ, когда избѣжалъ угрожавшей ему позорной смерти за то, что не усерегъ было Павла и Силу (Дѣян. 16 гл.). Въ исторіи же христіанской церкви такіе примѣры, вполне оправдывающіе справедливость сдѣланнаго нами анализа религіознаго возбужденія корабельныхъ людей, кончившагося обращеніемъ ихъ къ Іеговѣ, встрѣчаются чуть не на каждой страницѣ. Да и вообще должно признать справедливымъ, что великія потрясающія событія въ мірѣ физическомъ, въ окружающей насъ дѣйствительности, и особенно въ нашей собственной жизни способны производить великіе перевороты въ душевномъ мірѣ нашемъ....

Этимъ мы кончаемъ разборъ содержанія книги пр. Іоны съ цѣлю защитить его полную историческую подлинность; ибо другія, будто бы, историческія невѣроятности въ содержаніи этой книги, кромѣ разобранныхъ нами, по своей мелочности и ничтожности не заслуживаютъ разсмотрѣнія. Дѣлая же на основаніи представленнаго нами разбора содержанія общій выводъ относительно его историческаго достоинства, мы съ полнымъ правомъ можемъ сказать, что все, что говорится въ книгѣ пр. Іоны о тѣхъ или иныхъ явленіяхъ природы, какъ жгучій вѣтеръ и червь, подточившій клещевяну, буря и поглощеніе пророка рыбою великою, о тѣхъ или иныхъ историческихъ событіяхъ, какъ проповѣдь пророка Іоны въ Ниневіи и покаяніе ниневитянъ, все, что говорится въ книгѣ о характерѣ и поведеніи выведенныхъ въ книгѣ лицъ, какъ Іона, ниневитяне и язычники, бывшіе на кораблѣ, не только нельзя назвать невозможнымъ и невѣроятнымъ, но является, какъ нельзя болѣе, естественнымъ и правдоподобнымъ, какъ согласное съ законами при-

роды физической ли то, или психической, и съ исторіей въ ея широкомъ смыслѣ, а потому не только не указываетъ на историческую неподлинность содержанія книги пр. Іоны, но служитъ самымъ нагляднымъ подтвержденіемъ этой подлинности содержанія, которе въ силу указанныхъ нами особенностей его не можетъ быть даже представляемо какъ вымыслъ. И едва ли нельзя думать, что сами противники историческаго пониманія книги пр. Іоны, какъ бы, чувствуютъ не полную состоятельность своихъ возраженій противъ содержанія книги; поэтому-то они и стараются подкрѣпить ихъ соображеніями относительно способа изложенія этого содержанія.

Въ способѣ изложенія содержанія книги пр. Іоны противники исторической подлинности этой книги указываютъ нѣкоторыя черты, обличающія, будто бы, въ писателѣ ея скорѣе поэта, или романиста, чѣмъ точнаго историка. Съ одной стороны, говорятъ они, нельзя не замѣтить нѣкоторой симметріи въ расположеніи образовъ и картинъ книги, нельзя не замѣтить, какъ будто, намѣреннаго подбора для этой симметріи однородныхъ фактовъ, однозвучныхъ словъ и выраженій. Съ другой стороны въ книгѣ пр. Іоны не достаетъ многого, чего естественно было бы ожидать отъ точнаго историка. Писатель книги намѣренно пропускаетъ тѣ части своей исторіи, подробное описаніе которыхъ возможно только для очевидца и важно для наглядности и полноты исторіи. Онъ перескакиваетъ все трудное и длинное путешествіе Іоны въ Наневію и ничего не говоритъ ни о породѣ рыбы, поглотившей пророка, ни о способѣ поглощенія и изверженія его, ни о мѣстѣ изверженія, ни о тѣхъ порокахъ, противъ которыхъ ратовалъ Іона, ни объ имени ниневійскаго царя, ни о раннѣйшей и ни о позднѣйшей судьбѣ пророка. "Всего этого естественно было бы ожидать отъ точнаго историка, но все это пройдено въ книгѣ молчаніемъ, ясно показывающимъ, что писатель имѣлъ не историческія, а какія-либо другія цѣли. Правда, ни Гитцинъ ¹⁾, ни Эйхгорнъ ²⁾, ни Фридрихсенъ ³⁾, ни другіе, которые говорятъ такъ, не дѣ-

¹⁾ См. его к. соч. стр. 361.

²⁾ См. его к. соч. стр. 345.

³⁾ См. его к. соч. стр. 49; сравн. Бертольда стр. 2304, Блека стр. 572 и друг.

лаютъ изъ этихъ словъ своего заключенія; но уже потому, что такія соображенія каждый изъ нихъ ставятъ въ числѣ другихъ основаній, на которыхъ строить свою гипотезу, несомнѣнно, что это заключеніе объ указанныхъ свойствахъ книги, какъ о говорящихъ противъ ея подлинности, ими прямо предполагается. Но и это послѣднее возраженіе противъ подлинности книги пр. Іоны, заимствуемое изъ нея самой, едва ли справедливо.

Если симметрія въ образѣ изложенія мыслей и въ самыхъ мысляхъ дѣйствительно болѣе свойственна поэту, чѣмъ историку; то изъ этого не слѣдуетъ непремѣнно, что книга, въ которой встрѣчается эта симметрія, есть вымысль, а не подлинная исторія. При такомъ заключеніи въ слѣдствіи гораздо болѣе высказывается, чѣмъ сколько предполагается въ его основаніи. По отношенію же къ книгѣ пр. Іоны такое заключеніе тѣмъ болѣе несправедливо, что основанія его не оправдываются самой книгой. Тѣ особенности книги пр. Іоны, на которыя намекаютъ противники ея подлинности, очень легко объясняются безъ предположенія о придуманной искусственности ихъ. Повтореніе одинаковыхъ и даже однихъ и тѣхъ же словъ и выраженій объясняется сходствомъ и даже тождествомъ самыхъ мыслей, обозначаемыхъ тѣми словами и выраженіями. Ср. напр. 1, 1 — 2 и 3, 1 — 2; въ обоихъ случаяхъ высказывается одно и тоже божественное повелѣніе Іонѣ идти въ Ниневію съ проповѣдью покаянія. Еще ср. 1, 6 и 3, 9, гдѣ одинаковыя выраженія и одинаковыя мысли потому, что по самому положенію вещей въ томъ и другомъ случаѣ люди представлены испытывающими одни и тѣже чувства. Или ср. 4, 3 и 4, 8, гдѣ въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ высказываются совершенно одинаковыя въ существѣ, хотя различныя по степени, чувствованія пр. Іоны. Подобныя обороты говорятъ скорѣе о слишкомъ простой и безыскусственной прозаичности языка, чѣмъ объ его риторической искусственности, и свойственны болѣе историку-лѣтописцу, чѣмъ поэту. На непрелубѣжденный противъ подлинности книги пр. Іоны взглядъ такія явленія суть лучшее доказательство ея подлинности; видно, что писатель не хотѣлъ даже видоизмѣнить и разнообразить какъ нибудь свои выраженія, лишь бы онѣ точно обозначали собою соответствующія имъ понятія и представленія. И это соображеніе вполне подтверждается всѣми остальными оборотами и выраженіями книги, въ которыхъ

нельзя не замѣтить самой строгой и объективной точности. Такая характеристика изложенія книги пр. Іоны прилична ей не только относительно тѣхъ мѣстъ, которыя носятъ на себѣ всѣ слѣды исторической прозаичности, а и относительно молитвы пр. Іоны; эта молитва, какъ мы видѣли уже, при всей ея поэтической образности и картинности, отличается самой строгой объективною точностію. Что же касается чисто-историческихъ частей книги, то здѣсь эта объективная точность выражается даже въ томъ, что, изображая то или иное явленіе, писатель книги говоритъ о немъ, какъ о посланномъ отъ Бога, этой первопричины всѣхъ вещей, всякаго бытія и жизни. Впрочемъ говоря такъ, мы не думаемъ отрицать вовсе, доходящую дѣйствительно до поэтической художественности, наглядность и картинность языка книги пр. Іоны; даже тайныя и глубокія душевныя движенія авторъ не отвлеченными понятіями опредѣляетъ, а очерчиваетъ краткими, но мѣткими образами, обозначающими собою вѣщное обнаруженіе этихъ движеній. Правда, эта образность рѣчи есть существенное свойство еврейскаго языка, какъ восточнаго языка чувства, но она же вмѣстѣ съ тѣмъ свидѣтельствуетъ и о той безъискусственной цѣлостности, которая вообще присуща древнимъ историкамъ, и характеризуетъ собою цвѣтущую эпоху литературы, каковъ и долженъ былъ быть языкъ Іоны. Эта картинность изложенія доходитъ до художественности особенно въ тѣхъ параллелизмахъ мыслей и словъ, которые встрѣчаются не въ одной только молитвѣ пророка Іоны, а проходятъ чрезъ всю книгу. Въ ея синонимическихъ, антитетическихъ и синтетическихъ параллелизмахъ, которыхъ нельзя не видѣть въ каждомъ стихѣ книги, дѣйствительно есть симметрія, есть какая-то поэтическая гармонія рѣчи; но какую правдивостію дышетъ эта гармонія рѣчи, отмѣчающей этими параллелистическими оборотами самыя существенныя и рельефныя, такъ сказать, фазы, или моменты того или иного факта, того или иного состоянія и т. п.! Какою краткою, отрывочною и въ то же время плавною, чуждою пустаго фразерства и растянутости, является вслѣдствіе этого и вся вообще рѣчь книги! Собственное чувство читателя книги пророка Іоны даже въ переводѣ ея подскажетъ ему, что изложеніе книги при всей чудесности содержанія ея своею простотой, безъискусственностію и въ тоже время строгой объектив-

ностью невольно подкупаетъ его въ пользу подлинности этого содержанія. Такъ и кажется, что она списана съ натуры свидѣтелемъ очевидцемъ. Вотъ предъ нами напр. картина бури на морѣ. Кто не скажетъ, что эти страхи корабельныхъ людей и ихъ религиозное возбужденіе — живая картина, краткія но рѣзкія черты которой могли быть подмѣчены лишь свидѣтелемъ очевидцемъ? Или возьмемъ напр. поведеніе пр. Іоны послѣ проповѣди въ Ниневіи; развѣ не живой онъ стоитъ передъ нами съ своими жалобами и огорченіями? Эта художественная правдивость и точность языка книги пр. Іоны проглядываютъ не въ общемъ только строй изображеній цѣлой группы предметовъ и явленій, а и въ употребленіи отдѣльныхъ словъ, какъ обозначеній отдѣльныхъ предметовъ. Такъ напр. въ тѣхъ мѣстахъ книги, гдѣ говорится объ отношеніи Бога къ Іонѣ, какъ къ пророку Его, Богъ называется Іеговою (см. 1, 1. 3. 4. 9; 2, 1. 3. 7. 8. 9. 10. 11; 3, 1. 3; 4, 2. 3. 4. 6. 10), потому что это имя, по откровенію самого Бога, Онъ носитъ въ книгахъ св. Писанія, какъ Богъ собственно еврейскаго народа (Иск. 3, 14. 15); тамъ же, гдѣ язычники — корабельщики и ниневитяне представлены говорящими о Богѣ, Онъ именуется Элогимъ, какъ Богъ вообще, какъ Всемогущій Творецъ и Владыка всего (см. 1, 5. 6; 3, 5. 8. 10; 4, 7. 8. 9). А гдѣ нужно было изображать это высочайшее Существо и Само въ Себѣ, какъ Творца и Промыслителя вселенной вообще, и въ Его отношеніяхъ, какъ такого, въ частности къ пр. Іонѣ, тамъ ставятся вмѣстѣ оба Его имени — и Іегова и Элогимъ (см. 1, 9; 4, 6).

Переходимъ къ разсмотрѣнію симметріи главныхъ и общихъ мыслей книги пр. Іоны, которая точно также, будто бы, какъ и симметрія отдѣльныхъ мыслей и словъ, говоритъ объ искусственности, а слѣдовательно и объ исторической неподлинности этой книги. Нѣтъ сомнѣнія, что и симметрія мыслей точно также, какъ и симметрія словъ, есть въ книгѣ пр. Іоны; она главнымъ образомъ и поражаетъ читателя книги въ тѣхъ синтетическихъ и антитетическихъ параллелизмахъ, о которыхъ мы говорили выше, и которые замѣчательны какъ по гармоничности и соразмѣрности въ группировкѣ и расположеніи словъ, такъ и по мѣрности въ повышеніи и пониженіи мысли. Очевидно эта симметрія, свидѣтельствующая лишь о живости и талантливости писателя, ничего

не говорить противъ подлинности книги пр. Іоны. Другое повидимому дѣло—симметрія въ изображеніи лицъ дѣйствующихъ въ книгѣ; по этой симметріи какъ въ первыхъ двухъ главахъ книги изображаются язычники съ одной стороны и пророкъ еврейскій—съ другой, такъ и въ послѣднихъ двухъ, и притомъ, будто бы, такъ, что какъ въ первой половинѣ книги, такъ и во второй язычники представляются хорошими и добрыми, тогда какъ пр. Іона и тамъ и здѣсь представленъ въ дурномъ свѣтѣ. Но и эта симметрія только повидимому можетъ говорить противъ подлинности книги; пбо сама она—эта симметрія, только видимая, кажущаяся, а не дѣйствительная. Пр. Іона дѣйствительно во всей книгѣ одинъ и тотъ же, но во второй половинѣ онъ не повтореніе себя сравнительно съ тѣмъ, что о немъ сказано въ первой, а дополненіе, нагляднѣе развивающее и раскрывающее предъ нами его впечатлительную натуру. И весь онъ по своему характеру и поведенію вовсе не такая противоположность язычникамъ, какую хотятъ считать его наши противники, а только огличенъ отъ нихъ. Когда мы изображали характеръ пророка и анализировали его поведеніе, мы видѣли, что на челѣ пр. Іоны видѣтъ съ темными тѣнями или недостатками блещутъ и свѣтлыя черты и блещутъ въ обиліи. Точно также и язычники—люди, не только способные обращаться къ Богу и каяться въ своихъ прегрѣшеніяхъ, а и грѣшники, заслужившіе за свои грѣхи наказаніе божественное. Правда, нельзя отрицать того, что какъ въ Іонѣ тѣневныя черты его характера и поведенія выведены сильнѣе и рельефнѣе, чѣмъ другіе, такъ наоборотъ и въ язычникахъ; но возражать противъ этого, какъ обстоятельства подвергающаго сомнѣнію самую подлинность книги пр. Іоны, значитъ требовать отъ разсказа книги такой подробности, какой захотѣлось бы лично намъ, значитъ выходить изъ того принципа, на которомъ основывается вторая половина разбираемаго нами возраженія противъ исторической подлинности книги и который ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть названъ состоятельнымъ.

Этимъ другимъ основаніемъ разсматриваемаго возраженія служитъ мысль о неполнотѣ разсказа книга пр. Іоны; но основываясь, говоритъ Геферникъ, на такой дешевой аргументаціи, можно заподозрить достовѣрность и подлинность всякой вообще исторіи, принадлежащей перу древняго писателя. Самому точному

и подробному лѣтописцу можно наставить безчисленное множество вопросовъ, имъ неразрѣшенныхъ; неужели изъ за этого можно отвергать достовѣрность его лѣтописи? Если несправедливо дѣлать это по отношенію къ лѣтописцу исторыку; то тѣмъ болѣе несправедливо это по отношенію къ писателю книги пр. Іоны. Ибо утверждая, что книга пр. Іоны есть подлинная исторія его путешествія въ Ииневію, мы не говоримъ, что цѣль этой книги была исключительно историческая; мы не отвергаемъ ея правоучительныхъ цѣлей и защищаемъ ея пророчественно-прообразовательное значеніе. Но объ этомъ послѣ; въ данномъ же случаѣ укажемъ на то, что и исключительно историческія творенія могутъ имѣть цѣлю не всю исторію того или иного событія во всей его многосторонней полнотѣ обозрѣть, а лишь съ извѣстныхъ сторонъ, способствующихъ уясненію его причинъ, сущности и слѣдствій. Въ этомъ выражается прагматизмъ историческій. Поэтому въ каждой исторіи могутъ быть главные дѣйствующія лица, и лица второстепенныя, могутъ быть главные моменты событія, могутъ быть и второстепенныя детали. Если все касающееся первыхъ, т. е. главныхъ дѣйствующихъ лицъ и главныхъ моментовъ событія, можетъ и даже должно быть обозначено точно, подробно и вообще обстоятельно; то едва ли есть законные резоны требовать такой же обстоятельности относительно послѣднихъ, т. е. второстепенныхъ лицъ и моментовъ событія. Далѣе въ каждой исторіи могутъ быть такіе моменты и явленія, которые если не исполнѣ очевидны для читателя, то по крайней мѣрѣ могутъ быть выведены имъ изъ другихъ моментовъ и явленій и которые поэтому обыкновенно опускаются въ исторіи. Такое опущеніе должно быть даже относимо къ достоинству исторіи, какъ разказа, а не къ недостаткамъ ея; ибо для чего говорить о томъ, что ясно и понятно для читателя и безъ напоминаній? Наконецъ и то сказать, что предъявлять къ каждому историческому произведенію всѣ требованія, пусть они законныя и основательныя, во всемъ ихъ полнотѣ, значитъ требовать, чтобы всякая исторія стояла, такъ сказать, на высотѣ своего идеала; въ дѣйствительности же бываетъ ли все такъ, какъ бы намъ желательно?— Прилагая теперь всѣ эти соображенія къ книгѣ пр. Іоны, какъ точной исторіи, что мы можемъ сказать о тѣхъ вопросахъ, которые предлагаютъ писателю книги пр. Іоны противники ея исто-

рической подлинности? То, что они или вовсе были неразрѣшны для писателя книги пр. Іоны и потому въ своемъ представленіи къ нему смѣшны, или легко разрѣшны изъ самой ли то книги его, или изъ отношенія ея къ современной ей исторіи, или не существенно важны для цѣлей книги пр. Іоны, которыя не могутъ быть исключительно историческими, и во всякомъ случаѣ излишни и ненужны.

Въ самомъ дѣлѣ можно ли согласиться съ Гитцигомъ, который упрекаетъ писателя книги пр. Іоны за то, что онъ умалчиваетъ о дальнѣйшей судьбѣ пророка и объ его раннѣйшемъ мѣстопребываніи? Едвали; ибо рѣшеніе этихъ вопросовъ не стоитъ ни въ какой тѣсной связи съ предметомъ содержанія книги, въ которой писатель представляетъ намъ одинъ опредѣленный моментъ изъ жизни пророка, моментъ, который имѣетъ смыслъ и значеніе самъ по себѣ и съ которымъ требуемые Гитцигомъ факты стоятъ въ такой же связи, какъ и родословіе и дѣтство пророка и др. т. под.; т. е. все это, конечно, было бы очень интересно знать, но для цѣлей книги совершенно излишне. Еще несправедливѣе требованіе, чтобы писатель книги точно обозначилъ породу рыбы, поглотившей пр. Іону, и способъ поглощенія и изверженія его на сушу. Если теперь, при самомъ богатомъ развитіи естествознанія, когда природа, какъ органическая, такъ и неорганическая, изслѣдована въ ихъ мельчайшихъ подробностяхъ, въ рѣшеніи этихъ вопросовъ приходится довольствоваться гаданіями и предположеніями; то въ тѣдѣ слишкомъ тысячи лѣтъ тому назадъ бывшія, времена едва ли зоологическая и фізіологическая опытность могла зайти такъ далеко даже у лучшихъ естествовѣдѣвъ того времени, не говоря уже о писателѣ книгъ, каковыми, думаемъ мы, былъ самъ галилеянинъ Іона. Для него же, сначала погружавшагося въ морскія волны, готовыя поглотить его до смерти, и потомъ необычайнымъ и быстрымъ движеніемъ заключеннаго въ необыкновенномъ хранилищѣ, во чревѣ рыбы, наблюдательное отношеніе къ этому хранилищу было даже и невозможно. Непонятность для самаго пророка его пребыванія во чревѣ рыбы напротивъ требовала, чтобы онъ послѣ, записывая свое чудесное спасеніе во чревѣ рыбы и освобожденіе изъ этого заключенія, уклонился отъ всякихъ подробныхъ описаній и, чтобы быть объективнымъ

историкомъ, ограничился въ данномъ случаѣ голько простымъ констатированіемъ факта, т. е. сдѣлать то, что мы дѣйствительно и видимъ въ книгѣ имени пророка. Не стоитъ въ противорѣчій съ требованіями, какія можно предъявлять подлинною исторіи, и то, что писатель книги пр. Іоны проходитъ молчаніемъ самое путешествіе пр. Іоны въ Ниневію, на что Гитцигъ указываетъ, какъ на дѣйствительное противорѣчіе съ точной исторіей. Мы ни откуда не знаемъ, что въ этомъ путешествіи пророка было что-либо достойное обозначенія и стоящее въ тѣсной связи съ цѣлію его путешествія. А голько въ этомъ послѣднемъ случаѣ на писателѣ книги лежалъ долгъ описать это путешествіе, если онъ хотѣлъ быть точнымъ историкомъ. Правда повидимому справедливо Гитцигъ удивляется тому, что писатель книги пр. Іоны не упомянулъ о мѣстѣ, гдѣ пророкъ былъ выброшенъ на землю, но голько именно повидимому. Если въ 11-мъ ст. второй главы, гдѣ говорится объ этомъ изверженіи, мѣсто это и не обозначается прямо и точно; то его можно опредѣлять на основаніи контекста рѣчи. Сравненіе 1-го ст. третьей главы съ 1 и 2 ст. первой главы не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что въ 11 ст. второй главы подъ мѣстомъ, гдѣ Іона вышелъ на сушу, разумѣется тотъ же палестинскій берегъ средиземнаго моря, съ котораго пророкъ и вступилъ на корабль и который, какъ такой, опредѣляло и преданіе, записанное І. Флавіемъ въ его древностяхъ. Да и самъ Гитцигъ въ своемъ толкованіи ¹⁾ замѣчаетъ, что этотъ берегъ есть берегъ континента—естественно палестины. И дѣйствительно при словѣ: *אֵיבָרֵי הַיָּבֵשׁ—суша* (2, 11) рѣчь можетъ быть голько объ этомъ берэгѣ, ближе всѣхъ лежащемъ къ еврейскому читателю. Къ чему же послѣ этого излишнее упоминаніе о мѣстѣ, гдѣ Іона вышелъ на сушу, когда самъ читатель такъ безошибочно можетъ опредѣлять его? Точно также на основаніи самаго текста книги пр. Іоны можно точно опредѣлять и содержаніе проповѣди Іоны въ Ниневіи, которое въ 3, 4 голько кратко обозначено. Сопоставленіе этого стиха съ 1-мъ и 2-мъ той же главы и 2-мъ и 3-мъ стихами первой ясно, какъ мы уже замѣчали, говорить, что эта проповѣдь была обличеніемъ злобы ниневитянъ, которая по 3, 8 состояла главнымъ образомъ въ насмѣлкѣ рукъ.

¹⁾ См. стр. 370.

Чтоже наконецъ касается имени ниневійскаго царя, при которомъ была эта проповѣдь, то оно не обозначено потому, что царь этотъ играетъ въ книгѣ пр. Іоны совершенно второстепенную роль и по своей личности совершенно индифферентенъ для цѣлей книги пр. Іоны. И въ историческихъ библейскихъ книгахъ собственныя имена языческихъ царей не всегда обозначаются¹⁾; почему же не можетъ этого быть въ книгѣ пр. Іоны?

Итакъ, заключаемъ мы разборъ возраженій противъ подлинности книги пр. Іоны, заимствуемыхъ изъ самой книги, должно признать не сомнѣннымъ, что не только содержаніе книги, а и изложеніе содержанія говорятъ въ пользу подлинности книги, но не противъ нея.

II.

Каждая исторія, кромѣ внутреннихъ основаній своей достовѣрности, заимствуемыхъ изъ самой книги — изъ ея содержанія и способа изложенія, должна имѣть и внѣшнія свидѣтельства объ этой достовѣрности. Такъ должно быть и по отношенію къ книгѣ пр. Іоны. Въ виду же особеннаго характера содержанія этой книги съ одной стороны, съ другой въ виду того обстоятельства, что изъ времени жизни пр. Іоны и непосредственно за нимъ слѣдовавшаго до насъ дошло не мало другихъ историческихъ письменныхъ памятниковъ не только народа еврейскаго, а и ассирійскаго, указанное требованіе исторической науки по отношенію къ книгѣ нашего пророка особенно желательно и даже необходимо. Удовлетворяетъ ли ему книга пр. Іоны? Вотъ вопросъ, изслѣдованіе котораго составитъ собою содержаніе втораго отдѣла настоящей главы и отрицательный отвѣтъ на который дають и стараются обратить во свою пользу противники историческаго пониманія нашей книги. Въ подтвержденіе этого обвиненія они указываютъ на то, что о фактахъ, рассказанныхъ въ книгѣ пр. Іоны, при всей ихъ поразительности и необычайности, ни однимъ словомъ не упоминается ни у какого другаго сов-

---

¹⁾ См. напр. Исх. 1, 8; ср. Исторія Израильскаго народа въ Египтѣ, Ф. Елеонскаго, стр. 158 въ прии.

ременнаго пророку, или непосредственно послѣ него жившаго писателя,—ни у ассирійскихъ, ни у другихъ языческихъ, которые писали объ ассиріянахъ, ни даже у еврейскаго историка, который въ своей исторіи царствъ іудейскаго и израильскаго упоминаетъ все-таки о пр. Іонѣ, говоря о предсказаніи, данномъ имъ израильскому царю Іеровоаму II. „Не ясный ли это знакъ, что книга пр. Іоны, лишенная этихъ свидѣтельствъ, не подлинная современная пророку исторія, а позднѣйшій вымыселъ, или легенда если объ ней не знали современники рассказанныхъ въ ней событій и люди, непосредственно затѣмъ жившіе и могшіе знать ее“, восклицаетъ въ своемъ обзорѣи различныхъ взглядовъ на книгу пр. Іоны Фридрихсенъ, выставляя въ этомъ свое послѣднее основаніе противъ справедливости историческаго пониманія нашей книги ¹⁾). Но и это основаніе точно также, какъ и разобранныя выше, не справедливо.

Аргументъ *ex silentio* самъ по себѣ не имѣетъ объективной силы убѣдительности. Такую силу этотъ аргументъ получаетъ только отъ тѣхъ обстоятельствъ, которыя дѣлаютъ возможнымъ и даже необходимымъ для писателей тѣхъ сочиненій, отъ которыхъ требуютъ нужныхъ свидѣтельствъ, упоминаніе о тѣхъ фактахъ, подтвержденія исторической достовѣрности которыхъ мы ищемъ. Какъ же скоро нѣтъ такихъ обстоятельствъ, а есть наоборотъ другія, которыя говорятъ противъ этой возможности и необходимости, доказательство *ex silentio* не только теряетъ всякое значеніе въ смыслѣ доказательства извѣстнаго положенія, а и становится доказательствомъ противнаго положенія. Прилагая теперь это законное логическое требованіе къ искомымъ свидѣтельствамъ объ исторической достовѣрности книги пр. Іоны, что же мы видимъ?

Что касается прежде всего свидѣтельствъ не еврейскихъ, заимствуемыхъ изъ ассирійской ли то, или какой другой языческой литературы; то объ нихъ, собственно говоря, не должно быть и рѣчи. Такъ греческимъ напр. и другимъ языческимъ, только не ассирійскимъ писателямъ того времени не было нужды и даже возможности говорить о пр. Іонѣ; и молчаніе объ изслѣдуемомъ нами событіи тѣхъ греческихъ писателей древности, которые посѣщали и описывали юго-западъ Азіи, каковы Геродотъ, Ксенофонтъ и др., вполне

¹⁾ См. его цит. соч. стр. 59.

объясняется тѣмъ, что они въ своихъ историческихъ и описательныхъ сочиненіяхъ сообщаютъ не лѣтописную исторію евреевъ, ассиріянъ и др., а простыя и общія географическія и этнографическія отрывочныя свидѣтельства объ нихъ, и этихъ послѣднихъ сообщаютъ очень мало и какъ бы мимоходомъ, а потому и искать у нихъ нужныхъ намъ сви дѣтельствъ нѣтъ резона. Другое дѣло повидимому ассирійскіе писатели. Искомое свидѣтельство касается главнаго города Ассиріи—Ниневіи; на развалинахъ же этой послѣдней въ послѣднее время найдена богатѣйшая бібліотека, и въ британскій музей привезено до 10 тысячъ пронумерованныхъ глиняныхъ цилиндровъ и алебастровыхъ плитокъ, испещренныхъ всевозможными надписями, содержаніе которыхъ на ряду съ миологіей, законовѣдѣніемъ, астрономіей и др. касается и исторіи Ассиріи и именно Ассиріи, современной пр. Іонѣ, и многое изъ этой исторіи за недалекое отъ пр. Іоны время уже разобрано. Но изъ всего этого не слѣдуетъ еще того, что намъ должно быть уже извѣстно свидѣтельство ассирійскихъ клинообразныхъ надписей и о проповѣди пр. Іоны въ Ниневіи. Изъ того по истинѣ громаднаго количества надписей, которое Смитъ опредѣляетъ въ 10,000, изслѣдована едва только 20-я часть; почему же нужно непременно требовать, чтобы нашъ фактъ попалъ въ счастливую категорію разобранныхъ? Правда, между надписями открыта и прочитана одна, которую ассиріологи относятъ къ временамъ Іеровоама II, царя израильскаго, современника пр. Іоны; такова надпись современнаго Іеровоаму II (по Шрадеру) ассирійскаго царя, Биннирара объ его многочисленныхъ и славныхъ походахъ и завоеваніяхъ въ сосѣднихъ съ его царствомъ земляхъ и между прочимъ въ землѣ Амвріевой, подъ которой несомнѣнно разумѣется израильское царство. Но молчаніе бібліи, которая представляетъ все время царствованія Іеровоама II славнымъ и побѣдоноснымъ (4 Ц. 14, 1—28), о послѣднемъ изъ указанныхъ дѣяній Биннирара, и богатырско-легендарный характеръ всѣхъ вообще описанныхъ въ этой надписи дѣяній Биннирара невольно заставляютъ усумниться въ правдивости показаній этой надписи, перечисляющей повидимому всѣ замѣчательныя событія царствованія этого деспота. Цѣль этой надписи, какъ и многихъ другихъ изъ раннѣйшаго и позднѣйшаго сравнительно съ вѣкомъ Іоны

времени—прославленіе царствованія этого Биннирара; для этой цѣли цари ассирійскіе вѣроятно также, какъ оказалось относительно царей египетскихъ, не стыдились сдѣланное другими приписывать себѣ, перемарывать собственныя имена, поставляли свое имя нерѣдко на мѣсто имени своего отца. Предметомъ содержанія этой, какъ и другихъ подобныхъ надписей, служатъ походы, побѣды, и завоеванія царя; самыя событія, описываемыя въ нихъ, располагаются не по годамъ царствованія, а по военнымъ походамъ царя¹⁾; можно ли ожидать, чтобы въ надписи, относящейся къ надписямъ подобнаго рода (а ихъ большинство), записано было такое событіе, какъ испугъ, сознание себя виноватыми, покаяніе ниневитянъ по слову еврея-чужеземца, предрекавшаго гибель городу? Пусть это покаяніе ниневитянъ совершилось въ обычной языческой формѣ и было искренне, это не дѣлаетъ болѣе естественною записъ этого событія; ибо оно 1) было и прошло, и 2) было все-таки бѣдствіемъ. Всякое же общественное бѣдствіе, особенно при сознаніи, что оно есть выраженіе гнѣва боговъ, должно было класть позорное клеймо на того „сына боговъ“, въ царствованіе котораго совершилось оно, и потому не могло имѣть мѣста въ лѣтописяхъ этого царя, не только общественныхъ, а и частныхъ изъ того времени. Въ исторіи древнихъ народовъ мы знаемъ одинъ аналогичный нашему фактъ: истребленіе свреевъ изъ Египта и похищеніе фараона со всѣмъ воиномъ его въ черномъ морѣ, описанныя въ книгѣ Исходъ (12—14). При всемъ богатствѣ папирусныхъ и монументальныхъ памятниковъ египетскихъ изъ этого времени, объ этомъ событіи въ нихъ нѣтъ ни слова. Почему же должно было быть иначе у ассирянъ? Подобный же примѣръ скрытія поносныхъ для царя фактовъ представляютъ намъ самыя ассирійскія надписи, уже разобранныя. Такъ одна изъ надписей Синхериба (библейск. Сеннахерима) подробно говоритъ о походѣ его противъ Езекиа, царя іудейскаго, окончившемся, какъ извѣстно изъ библіи (4 Ц. 18), полною неудачею Синхериба, и въ тоже время представляетъ развязку этого дѣла совершенно противоположною библіи—блестительною и славною для Синхериба. Имѣемъ ли мы послѣ этого какое-либо право предъяв-

¹⁾ Ср. подр. цит. соч. Стафилевскаго стр. 428—435 и др.

лить свои требованія относительно свидѣтельства о проповѣди пр. Іоны въ Ниневіи къ ассирійскимъ клинообразнымъ надписямъ?

Теперь объ еврейскихъ книгахъ времени пр. Іоны и непосредственно за нимъ слѣдовавшаго. Здѣсь на первомъ планѣ должна стоять четвертая книга Царствъ, повѣствующая объ Іеровоамѣ II и другихъ современныхъ пр. Іонѣ царяхъ израильскихъ и упоминающая о самомъ пр. Іонѣ. Но требовать отъ этой книги такого же упоминанія о путешествіи пр. Іоны въ Ниневію и о проповѣди его тамъ, какое содержится въ ней о другомъ пророчествѣ Іоны, именно Іеровоаму II о расширеніи предѣловъ его царства, совершенно неосновательно. Это прежде всего потому, что когда писатель четвертой книги Царствъ заносилъ на страницы своей исторіи царствованіе Іеровоама II, можетъ быть уже послѣ его смерти ¹⁾, книга пр. Іоны была уже на лицѣ, въ особомъ свиткѣ, и въ такомъ случаѣ писателю книги Царствъ заносить въ свою лѣтопись исторію пр. Іоны, изложенную въ особой книгѣ, вовсе не было нужды. Главное же, что нужно помнить при этомъ, это то, что историческія священныя книги евреевъ по своему содержанію и цѣлямъ, какъ показываетъ и самое названіе ихъ („книги царей“ и „слова дней“), были государственными лѣтописями, въ которыхъ записывались дѣянія еврейскаго народа, его царей и правителей въ ихъ отношеніи къ Іеговѣ, Верховному Царю Израили и къ завѣту Іего, изображается развитіе теократіи въ еврейскомъ собственно царствѣ, или народѣ. Отсюда если въ этихъ книгахъ и разсказывается что объ еврейскихъ пророкахъ, то разсказывается то и на столько, въ чемъ и на сколько эти пророки своею дѣятельностію оказывали непосредственное вліяніе на жизнь этой

---

¹⁾ Объ этомъ можно догадываться потому, что писатель четвертой книги Царствъ, кратко обозначая многое изъ царственныхъ дѣяній царей еврейскихъ, за подробностями отсылаетъ то къ книгѣ словесъ царей израилевыхъ. то къ книгѣ словесъ царей іудейскихъ и т. п. (см. 3 Ц. 14, 10 29; 15, 7; 16, 5 14; 4 Ц. 1, 18; 8, 23; 10, 34 и мн. др.), т.-е. даетъ понять, что его книга не первоначальная повременная лѣтопись, веденная изъ года въ годъ, а сокращеніе такихъ лѣтописей, написанное очевидно уже послѣ составленія этихъ лѣтописей, слѣдовательно послѣ всего того, что представляется совершившимся уже въ этой книгѣ, слѣдов. много спустя послѣ смерти Іеровоама II такъ какъ четвертая книга Царствъ обнимаетъ собою періодъ времени отъ Ахава до плѣна вавилонскаго, по крайней мѣрѣ до 567 г. до Р. Хр.

теократіи въ еврейскомъ народѣ. Въ этомъ именно смыслъ и рассказываетя въ третьей и четвертой книгахъ Царствъ о пророкахъ Или и Елисеѣ. Въ этомъ смыслѣ сдѣлано въ четвертой книгѣ Царствъ не разъ указанное нами замѣчаніе и о пророкѣ Іонѣ, по слову котораго Іеровоамъ II расширилъ предѣлы израильскаго царства до давидовскихъ границъ его. Фактъ же, рассказанный въ книгѣ пр. Іоны, имѣлъ ближайшее отношеніе къ языческому міру и, какъ такой, не входилъ въ задачу историческихъ книгъ а потому ему не было и резоновъ быть записаннымъ именно въ этихъ книгахъ. Правда въ четвертой же книгѣ Царствъ говорится наприм. о помазаніи Елисеемъ на царство Азаила, царя сирійскаго, о пророчествахъ его этому царю (8, 8—13 и др.) и т. п.; но это потому что это царство съ такимъ именно царемъ во главѣ обуслови, вало собою такое, а не иное состояніе еврейской теократіи и обуславливало при томъ въ это именно время, а не въ будущемъ, хотя бы то и не отдаленномъ, какъ это оказывается въ книгѣ пр. Іоны. Отсюда если фактъ проновѣди пр. Іоны въ Ниневіи и могъ быть упомянутъ въ какомъ-либо мѣстѣ историческихъ книгъ; то развѣ только въ книгахъ позднѣйшихъ и притомъ упомянуть только мимоходомъ, къ случаю, въ такомъ мѣстѣ, гдѣ говорится о такомъ состояніи Ниневіи, въ которомъ нельзя было не видѣть исполненіи пророчества Іоны. А такое упоминаніе о немъ мы дѣйствительно и находимъ въ неканонической книгѣ Товита, написанной больше четырехъ вѣковъ спустя послѣ дѣятельности пр. Іоны. Въ ней говорится, что Товитъ предъ смертію своею, призвавъ сына своего Товію, убѣждалъ его переселиться изъ Ниневіи въ Мидію, потому что, говорилъ онъ, непременно исполнится то, что сказалъ пр. Іона и Ниневія будетъ разрушена (14, 4—8), очевидно разумѣя предсказаніе пр. Іоны, записанное въ книгѣ его имени. Такое же точно историческое пониманіе книги пр. Іоны представляется въ разобранныхъ нами выше свидѣтельствахъ объ ней третьей книги Маккавейской (6, 6) и Іосифа Флавія въ его древностяхъ (9, гл XI).

За историческими книгами слѣдуютъ пророческія. Но въ нихъ тамъ, гдѣ пророки говорятъ о Ниневіи и вообще Ассиріи, они смотрятъ на нее нѣсколько съ иной точки зрѣнія, чѣмъ на какой стоитъ писатель книги пр. Іоны. Они говорятъ о Ниневіи, или какъ объ орудіи Іеговы для наказанія ея свречевъ, или какъ о предметѣ

божественнаго гнѣва, какъ о городѣ имѣющемъ погибнуть непремѣнно и безусловно. Поэтому-то и отношеніе Іеговы къ ниневійскимъ язычникамъ, которыхъ Онъ призываетъ въ покаянію и милуетъ ради ихъ раскаянія, какъ это представляется въ книгѣ пр. Іоны (см. особенно 4, 2), не находило у нихъ мѣста для себя и могло быть лишь намекаемо ими, какъ давно бывшее, въ ихъ же время не имѣющее мѣста. Въ этомъ смыслѣ вполне справедливо можно видѣть въ словахъ пр. Наума, которыми онъ начинаетъ свое грозное пророчество противъ Ниневіи, именно: *Іегова есть Богъ ревнитель и мститель; мститель Іегова и силенъ въ ярости; готовъ мстить Іегова врагамъ Своимъ и бережетъ Онъ живъ для ненавидящихъ Его; Іегова терпитъ долго, но великъ могуществомъ и не наказаннымъ не оставляетъ грѣха* (1, 2, 3), прямое указаніе на вѣкогда бывшее пророчество противъ Ниневіи Іоны, окончившееся помилованіемъ ея Іеговою милостивымъ и долготерпѣливымъ ¹⁾. Другою естественною точкою соприкосновенія дѣятельности пр. Іоны, описанной въ книгѣ его имени, съ дѣятельностію другихъ пророковъ, описанною въ ихъ пророческихъ писаніяхъ, служитъ отреченіе пр. Іоны отъ поручаемой ему Іеговою миссіи среди язычнковъ, осужденное Богомъ, и въ этомъ смыслѣ опять нельзя не видѣть намека именно на сказанное въ книгѣ пр. Іоны въ словахъ книги пр. Іезекіиля, въ которыхъ Іегова выставляется ободряющимъ пророка, отказавшагося въ своихъ мысляхъ отъ поручаемой ему дѣятельности. *Не къ народу съ рѣчью непонятною и съ непонятнымъ языкомъ ты посылаешься, говорить здѣсь Іегова Іезекіилю, а къ дому Израилеву, не къ народамъ чужимъ, чьихъ словъ ты не понималъ бы; да если бы Я послалъ тебя и къ нимъ, то они послушались бы тебя* (3, 5, 6). Въ этихъ словахъ нельзя не видѣть указанія на отреченіе отъ подобной миссіи пр. Іоны, послѣ такъ успѣшно

---

¹⁾ Это предположеніе высказалъ еще блаж. Іеронимъ. Вотъ подлинныя слова въ его толкованія ер. 1, 2, 3 ст. кн. Наума: Sensus est: diu quidem saecularis Assyriorum potiens fuit et magnanimitatis suae fortitudine iniquitates eorum sustinuit, provocans eos ad poenitentiam; sed quia contenta vanitate Dei secundum cor impenitens, thesaurizarunt sibi iram in die irae uno. Михаелисъ по этому поводу замѣчалъ: non obscurus respectus est ad totum illud vaticinium Ionae et ejus querecos Ion 4, 2 et Naum 1, 2. 3.

исполненной; ибо другого подобнаго факта, кромя разсказаннаго въ книгѣ пр. Іоны, біблія не знаетъ.

Нельзя далѣе проходить молчаніемъ и нѣмага свидѣтельства о книгѣ пр. Іоны, какъ исторической, какое представляется въ помѣщеніи книги этой въ канонѣ священныхъ еврейскихъ книгъ, и именно въ числѣ пророческихъ писаній. Книга пр. Іоны при всей поразительной чудесности разсказываемыхъ въ ней событій, при всемъ, какъ будто умаляющемъ достоинство евреевъ, какъ народа Божія, приравниваніи ихъ къ язычникамъ въ отношеніи къ милостямъ Іеговы съ одной стороны и при всемъ презрительномъ отношеніи евреевъ къ язычникамъ въ это именно время завершенія канона св. книгъ съ другой, принята была Ездрую и Неемією въ канонъ священныхъ книгъ, какъ пророческое писаніе. Само собою разумѣется, это возможно было только при томъ предположеніи, что въ іудейской церкви книга пр. Іоны безъ всякаго сомнѣнія признавалась, какъ историческая. „Если бы собиратели канона, говоритъ Рейндль ¹⁾, не вѣрили въ историческую истинность фактовъ книги пр. Іоны и усматривали въ этой книгѣ только однѣ религіозныя истины, высказанныя подъ покровомъ аллегоріи и басни, то почему они помѣстили еѣ не между агиографами?“ Помѣстивъ же еѣ между пророческими писаніями, собиратели канона тѣмъ ясно засвидѣтельствовали, что они считали еѣ вполне достовѣрною исторіей. Противники исторической подлинности этой книги большею частію игнорируютъ доказательную силу этого свидѣтельства. Но аргументація ихъ противъ него ²⁾, именно, что собиратели канона могли ошибиться, принявъ за исторію то, что на самомъ дѣлѣ было вымысломъ или возросло на почвѣ народнаго преданія, произвольна, неосновательна и потому несправедлива. Для того, чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно припомнить что 1) у евреевъ ко времени завершенія канона были не однѣ тѣ книги, которыя внесены въ канонъ, а и многія другія, которыя остались внѣ канона, и 2) что внесеніе въ канонъ той или другой книги не для всякаго, претендующаго на это право, было возможно а поручаемо было лишь пророкамъ, какъ стражамъ дома Израилева. При такомъ положеніи вещей

¹⁾ См. Гесерпикъ въ его Einl. 2 Thl. 2. Abthl. s. 366.

²⁾ См. особ. у Фридрихена въ его ц. соч. стр. 40.

не возможно допустить предполагаемой ошибки при внесении книги пр. Ионы въ канонъ, и это внесение ея въ канонъ должно быть признано за точное и документальное свидѣтельство объ исторической достовѣрности книги пр. Ионы, или точнѣе, о признаніи этой достовѣрности за книгой нашего пророка со стороны іудеевъ, которымъ и ввѣрены были словеса Божіи.

Свою послѣднюю санкцію всѣ указанныя свидѣтельства получаютъ для насъ въ свидѣтельствѣ самой непреложной истинны, І. Христа. Если Онъ признавалъ дѣйствительно бывшимъ написанное въ книгѣ пр. Ионы, то и мы не можемъ не признавать его таковымъ. А Онъ, укоряя невѣровавшихъ Ему фарисеевъ и саддукеевъ за ихъ искусительное требованіе отъ Него чудесныхъ знаменій Его мессіанскаго достоинства, говорилъ: *родъ лукавый и прелюбодѣйный ищетъ знаменія; и знаменіе не дастся ему, кромѣ знаменія Ионы пророска. Ибо какъ Иона былъ во чревъ рыбы три дня и три ночи, такъ и Сынъ человѣческій будетъ въ сердци земли три дня и три ночи. Ибо какъ Иона былъ знаменемъ для ниневитянъ, такъ будетъ и Сынъ человѣческій для рода сего. Ниневитяне возстанутъ на судъ съ родомъ симъ и осудятъ его; ибо они покаются отъ проповѣди Ионовой и вотъ здѣсь больше Ионы* (Мѡ. 12, 39 и 40 и Лук. 11, 29, 30—32). Какъ читатель видитъ, слова І. Христа мы привели по обоимъ евангеліямъ, составивъ изъ нихъ одно цѣлое; выше на основаніи такого сопоставленія мы утверждали объ І. Христѣ, что по Его мысли пр. Иона не только былъ во чревѣ китовѣ три дня и три ночи, а и рассказалъ объ этомъ чудесномъ событіи ниневитянамъ и чрезъ это-то именно явился предъ ними, какъ знаменіе неба. Теперь же намъ остается только защитить подлинность буквально-историческаго смысла этихъ словъ І. Христа, какъ подтверждающихъ историческую достовѣрность книги пр. Ионы, защитить отъ тѣхъ нападокъ, которымъ подвергаются онѣ, какъ такое доказательство, со стороны отрицательной критики. Особенно много противъ нихъ говоритъ Фридрихсенъ ¹⁾, который прежде всего утверждаетъ, что эти слова не могли принадлежать подлинно І. Христу, а есть позднѣйшее прибавленіе самихъ евангелистовъ; но противъ этого положенія говоритъ самый контекстъ рѣчи.

¹⁾ См. его ц. соч. стр. 42—46.

Приведенныя нами слова І. Христа стоятъ въ тѣсной логической связи со всею рѣчью Спасителя къ фарисеямъ, изложенною въ данномъ мѣстѣ. Фарисеи не вѣрили божественности проповѣди І. Христа, какъ Мессіи; Ему нужно было доказать эту божественность какимъ-либо чудомъ, которое непрерываемо указывало бы въ Немъ Бога. Большинство чудесъ, совершенныхъ І. Христомъ при Его земной жизни, по своему свойству и значенію таковы, что могли казаться возможными и для человѣка-чудотворца, облеченнаго божественною силою. Чудо же собственнаго воскресенія и притомъ такого, послѣ котораго смерть уже не можетъ возобладать надъ воскресшимъ и которое служить источникомъ и всеобщаго воскресенія (1 Кор. 15—1 52), нельзя было, какъ и никогда нельзя, объяснить такимъ образомъ; оно непрерываемо свидѣтельствуетъ о божественной силѣ самого Воскресшаго—объ Его божественной природѣ. Поэтому и І. Христосъ долженъ былъ указать фарисеямъ въ доказательство Своей божественности именно на это чудо, а не на какія-либо другія. Эти послѣднія могли быть для разныхъ цѣлей совершаемы Спасителемъ и послѣ этихъ словъ Его, но не онѣ, а именно воскресеніе Его должно было окончательно убѣдить всѣхъ въ Его божественномъ достоинствѣ. Если же такъ, то І. Христосъ, указывая на Свое будущее воскресеніе, какъ на доказательство Своей божественности, долженъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ доказать возможность, дѣйствительность и несомнѣнность его, какъ факта. Сдѣлать же это Онъ для іудеевъ могъ не иначе, какъ указавъ на другое аналогичное съ чудомъ воскресенія, но въ то же время несомнѣнно историческое чудо, и это не потому, что рѣчи Его не имѣли характера философской системы, а именно потому, что такого доказательства по складу своего мышленія требовали слушатели. Мало того. Это аналогичное съ чудомъ воскресенія и подлинно-историческое чудо должно было быть таково, чтобы оно было не только подлинно въ очахъ слушателей, а имѣло и пророчесвенный характеръ по отношенію къ той божественности, которую І. Христосъ долженъ былъ защищать. Такимъ образомъ несомнѣнно, что если І. Христосъ долженъ былъ защищать предъ фарисеями Свое божественное достоинство; то именно Онъ, а не евангелистъ долженъ былъ указать на чудо трехдневнаго пребыванія пр. Іоны во чревѣ рыбы. Если же такъ

то ясно также, что не только Христосъ, а и слушатели Его должны были считать это чудо на столько же несомнѣнно дѣйствительнымъ, на сколько дѣйствительно должно было быть (и было) Его собственное воскресеніе. Безъ предположенія исторической несомнѣнности этого доказывающаго факта падала доказательная сила рѣчи І. Христа объ Его божественности, точно также, какъ безъ самаго указанія на этотъ фактъ, какъ дѣйствительный, не имѣли значенія и для іудеевъ, и сами по себѣ, и дѣльнѣйшія слова І. Христа о томъ, что пр. Іона былъ знаменіемъ для ниневитянъ, которые повѣрили проповѣди пророка. І. Христосъ не могъ назвать Іону знаменіемъ для ниневитянъ, если бы не признавалъ дѣйствительнымъ того чуда съ пророкомъ. Но покаяніе ниневитянъ Онъ противопоставляетъ современному невѣрію, которое было, такъ сказать, на лицо, какъ фактъ; слѣдовательно по словамъ І. Христа ясно, что и покаяніе ниневитянъ Онъ считалъ подлиннымъ фактомъ. Признаніе же исторической достовѣрности этого факта Спаситель еще яснѣе выставилъ, сопоставивъ его, равно какъ и противопоставимый ему фактъ современнаго І. Христу невѣрія, съ фактомъ слушанія царницей савской мудрости Соломоновой (Мѡ. 12, 42).

Правда, Фридрихсенъ утверждаетъ, что эта параллель, проведенная І. Христомъ между проповѣдью пр. Іоны въ Ниневіи и посѣщеніемъ Соломона царцей савской съ одной стороны, и невѣріемъ іудеевъ съ другой, не доказываетъ того, что Онъ и первые факты считаетъ несомнѣнно подлинными наравнѣ съ послѣднимъ. Разъясняя эту мысль, ученый критикъ говоритъ, что если проповѣдникъ, доказывая пользу покаянія, ссылается какъ на примѣръ ап. Петра, несомнѣнно покаившагося, такъ и на раскаяніе блуднаго сына притчи, не упоминая о вымышленности послѣдняго примѣра; то это не дѣлаетъ еще для насъ обязательнымъ и послѣдній примѣръ притчи считать такимъ же дѣйствительнымъ событіемъ, какъ и примѣръ ап. Петра. Но эта аналогія неосновательна. Если вѣрующій изъ такого сопоставленія не дѣлаетъ вывода о дѣйствительности послѣдняго примѣра; то потому, что 1) онъ суть дѣла составляетъ не въ вопросѣ о дѣйствительности или недѣйствительности этихъ фактовъ, который и не приходитъ вѣроятно ему при этомъ въ голову, а въ ихъ нравственномъ значеніи; 2) вѣрующій

слушатель такого проповѣдника заранѣе убѣжденъ въ дѣйствительности перваго примѣра и вымысленности послѣдняго, и 3) для неупомянанаго проповѣдникомъ о вымысленности послѣдняго факта мы находимъ извиненіе въ неточности рѣчи проповѣдника. Безъ этихъ обстоятельствъ, особенно безъ послѣдняго, выводъ о дѣйствительности обоихъ фактовъ и по нашему мнѣнію есть самый естественный и законный выводъ; такъ что какъ скоро подобное сопоставленіе встрѣчается въ точной рѣчи, имѣющей свою цѣлю доказать важность какой-либо пререкаемой истины; то со стороны всякаго критически относящагося къ дѣлу читателя или слушателя дѣйствительно вполнѣ естественно и съ логической точки зрѣнія законно не только признаніе не дѣйствительности втораго примѣра, а и указаніе на несостоятельность такого сопоставленія для вывода изъ нихъ заключенія о необходимости аналогичнаго третьяго. Это указаніе неизбѣжно было бы и со стороны гордыхъ фарисеевъ и просвѣщенныхъ саддукеевъ, которые слѣдили за каждымъ словомъ, за каждою мыслию І. Христа, чтобы опровергнуть Его и пменно со стороны логичности или не логичности Его словъ, (ср. съ Мѣ. 16, 1. Мрк. 10, 2; 11, 27—32; 12, 13—27; Іоан. 2, 19—21; 3, 1—5; 6, 35. 41. 42; 8, 12—59; 12, 32—43; и мн. др.); лишь бы они увидали такое противорѣчіе. Если же, по евангеліямъ, съ ихъ стороны не послѣдовало такого возраженія, то ясно значить, что какъ І. Христосъ, такъ и они считали оба примѣра дѣйствительными событіями. Въ противномъ случаѣ, еслибы І. Христосъ считалъ исторію пр. Іоны недѣйствительною, Онъ указалъ бы на это, какъ это Онъ дѣлалъ въ другихъ случаяхъ, предлагая напр. прятчи. Ибо ни одна іота, или черта едина въ Его словахъ и рѣчахъ не была пустой и беззначительной; все было точно, имѣло смыслъ и значеніе. Такимъ образомъ въ проанализированныхъ нами словахъ І. Христа не одно только мѣсто книги пр. Іоны выставляется, какъ признаваемое Имъ за историческое, а оба главные факта, сообщенные въ ней, слѣдовательно вся она, и не только какъ самимъ І. Христомъ признаваемая за таковую, а и Его невѣрующими современниками и вѣрующими евангелистами.

Обращаясь къ болѣе позднему времени, мы находимъ, что здѣсь такіа свидѣтельства объ исторической подлинности книги пр. Іоны какъ у іудеевъ, такъ и у христіанъ еще полнѣе, точнѣе, определеннѣе и многочисленнѣе, чѣмъ, какъ мы видѣли, онѣ

были раньше. Сводъ этихъ свидѣтельствъ см. въ введеніи стр. 20—22; здѣсь прибавимъ лишь, что въ Таргумѣ Ионафана (къ кн. Наума 1, 1) пр. Иона выводится, какъ предшественникъ Наума въ пророческомъ служеніи въ Ниневіи, и покаяніе виновитянь представляется, какъ слѣдствіе его проповѣди. Христіанская же церковь помимо прямыхъ свидѣтельствъ о достовѣрности книги пр. Іоны въ писаніяхъ Св. Отцевъ и учителей церкви выразила свою вѣру въ эту достовѣрность въ многочисленныхъ изображеніяхъ этой исторіи въ своихъ катакомбахъ.

Такимъ образомъ и съ этой послѣдней стороны—со стороны внѣшнихъ свидѣтельствъ объ исторической достовѣрности книги пр. Іоны, нельзя сказать объ ней, что она совсѣмъ не удовлетворяетъ требованіямъ строгой исторической критики. Она, какъ подлинно-историческая, засвидѣтельствована исторіей, хотя и не вездѣ, гдѣ бы желательно было находить эти свидѣтельства; самое же молчаніе объ исторіи пр. Іоны, записанной въ книгѣ его имени, тѣхъ, отъ кого бы желательно было между прочимъ слышать голосъ о ней, имѣетъ свои резоны.

Обобщая теперь все сказанное объ основаніяхъ выставляемыхъ отрицательной критикой въ пользу всевозможныхъ, только не историческаго, пониманій книги пр. Іоны, мы имѣемъ полное право сказать, что всѣ онѣ говорятъ не въ пользу возрѣвнѣй на книгу пр. Іоны, какъ на чистый ли вымыселъ, или какъ на легенду, а противъ нихъ и воплѣтъ оправдываютъ чисто-историческое пониманіе этой книги. Такое пониманіе ея оправдывается и со стороны времени написанія ея въ вѣкъ пр. Іоны и именно самимъ пр. Іоною, и со стороны самаго содержанія ея въ его чудесныхъ и повидимому невѣроятныхъ частностяхъ, подтверждаемыхъ и психологіей, и археологіей, и исторіей, и соображеніями разума, и данными естественныхъ наукъ, и со стороны наложенія этого содержанія, отличающагося объективной точностію, и наконецъ со стороны внѣшнихъ свидѣтельствъ объ этой книгѣ, какъ подлинно исторической. И это оправданіе историческаго пониманія книги пр. Іоны должно быть признано тѣмъ болѣе важнымъ, что оно касается тѣхъ именно сторонъ и пунктовъ, на которые указываетъ отрицательная критика, какъ на говорящія въ ея пользу.

Выясненіе пророчественно-прообразовательнаго смысла и значенія исторіи пр. Іоны.

Заключительный выводъ первой части настоящаго изслѣдованія, содержавіе которой касалось главнымъ образомъ внѣшне-фактической стороны дѣла, можетъ быть выражено словами св. ап. Павла, который сказалъ оъ о своемъ ученіи, именно, что *мы не повреждаемъ слова Божія, какъ мноіе, но проповѣдуемъ искренно, какъ отъ Бога, предъ Богомъ, во Христѣ* (2 кор. 2, 17), *отвернувъ скрытность, свойственную дѣламъ постыднымъ, не прибѣгая къ хитрости и не искажая слова Божія* (2 кор. 4, 2). Но къ этому же самому выводу можно придти и другимъ путемъ, чрезъ разсмотрѣніе внутренней стороны дѣла—чрезъ выясненіе внутренняго смысла и значенія исторіи, изложенной въ книгѣ пр. Іоны. Такое выясненіе должно отвѣтить на вопросъ не о томъ, что эта исторія такова именно была и на самомъ дѣлѣ, какою она описана въ книгѣ, а объ томъ, что она и должна была быть именно такой; такое выясненіе должно состоять въ указаніи основныхъ причинъ и конечныхъ цѣлей этой исторіи, и чрезъ то привести насъ не къ познанію только, а и къ пониманію ея. Пониманіе же исторіи пр. Іоны, осмысленіе того, какое мѣсто и значеніе имѣла она въ планахъ божественнаго домостроительства нашего спасенія, то пониманіе, которое важно и само по себѣ, какъ важно осмысленіе и всякаго вообще предмета, должно имѣть для насъ особенную цѣну и достоинство по тому еще, что книга пр. Іоны, заключающая въ себѣ эту исторію, принадлежитъ къ числу тѣхъ *писаній, чрезъ которыя, по*

слову Господа, *мы думаемъ имѣть животъ вечный* (Іоан. 5. 39).—
Понятно отсюда, почему для выясненія внутренняго смысла и
значенія этой исторіи мы назначаемъ особую часть изслѣдованій.

Итакъ, какой-же внутренней смыслъ и значеніе исторіи пр.
Іоны, изложенной въ его книгѣ?

Ключъ къ разрѣшенію этого вопроса даетъ намъ положеніе
этой книги въ священномъ канонѣ въ ряду въ собственномъ смыслѣ
пророческихъ писаній. Нельзя думать, что боговдохновенные соби-
ратели и составители канона, помѣщая книгу пр. Іоны въ этомъ
отдѣлѣ, руководились однимъ тѣмъ соображеніемъ, что книга эта
написана пророкомъ Іоною; на основаніи такого соображенія и
книга плача Іереміа, несомнѣнно написанная самимъ пр. Іере-
міею, должна была бы стоять въ еврейскомъ канонѣ между проро-
ческими же писаніями; здѣсь же въ такомъ случаѣ должны были
бы стоять и нѣкоторыя другія книги, несомнѣнно писанныя про-
роками, но не помѣщенные между пророческими писаніями.—
Не болѣе вѣроятно и другое основаніе, придуманное Блжжъ¹⁾
для объясненія помѣщенія книги пр. Іоны между пророческими
писаніями, именно то, что главнымъ предметомъ содержанія кни-
ги пр. Іоны служитъ эпизодъ изъ жизни пророка Іоны. Если бы
это было справедливо; то книги пр. Михея, Авдіа и Малахіи вовсе
не должны были бы имѣть мѣста между пророческими писаніями,
такъ какъ онѣ не заключаютъ въ себѣ никакихъ историческихъ
свѣдѣній объ этихъ пророкахъ, а вторая и пятая книги Моисея,
какъ много говоряція о жизни и дѣятельности этого пророка, и
цѣлый рядъ главъ въ третьей и четвертой книгахъ Царствъ, гдѣ
повѣствуется о пророкахъ Іліи и Елисеѣ, должны были бы быть
причислены къ пророческимъ писаніямъ, или же на оборотъ, книга
пр. Іоны должна была бы стоять между ними. Книга эта по сво-
ему внѣшнему содержанію очень сходна съ тѣми главами книгъ
Царствъ, въ которыхъ говорится о пр. Іліи и Елисеѣ; въ 14-й гл.
четвертой книги Царствъ сообщается даже объ одномъ пророчествѣ
пр. Іоны касательно увеличенія предѣловъ израильскаго Царства.
Почему-же къ этому сообщенію не присоединена и та исторія
пр. Іоны, которая заключается въ книгѣ его имени? Или почс-

¹⁾ См. его выше цит. сочиненіе стр. 560.

му въ этой исторіи не присоединено и это сообщеніе, имѣющее несомнѣнно значеніе въ біографическомъ отношеніи? Правда, и въ пророческихъ книгахъ Исаи, Іереміи и др. встрѣчается не мало историческихъ данныхъ о внѣшней жизни и дѣятельности этихъ пророковъ; но въ нихъ эти біографическія данныя не имѣютъ самостоятельнаго значенія и не составляютъ существеннаго содержанія книги, по которому именно и опредѣлялось бы помѣщеніе этихъ послѣднихъ между пророческими писаніями. Онѣ являются въ этихъ книгахъ, какъ рамки пророческихъ рѣчей, видѣній и дѣйствій тѣхъ пророковъ, необходимыя для того, чтобы сдѣлать эти послѣднія болѣе понятными для позднѣйшихъ читателей и поставить ихъ (пр—ства) въ органической связи съ дѣйствительностію. Въ этихъ книгахъ равно, какъ и въ другихъ пророческихъ писаніяхъ, главный предметъ содержанія, къ которому сводятся и при которомъ получаютъ свое значеніе и всѣ эти историческія детали, составляютъ пророческія рѣчи, видѣнія и символическія дѣйствія. Онѣ-то и составляютъ то основаніе, по которому книги, заключающія ихъ въ себѣ, какъ свое главное содержаніе, помѣщены собирателями канона въ особый отдѣлъ пророческихъ писаній. Если же во всѣхъ остальныхъ пророческихъ книгахъ, кромѣ книги пр. Іоны, основаніемъ къ образованію изъ нихъ особаго отдѣла писаній именно пророческихъ служитъ то обстоятельство, что въ нихъ излагаются рѣчи и видѣнія и описываются дѣйствія, имѣющія пророческій смыслъ и значеніе; то стало быть—заключаемъ обратно—и книга пр. Іоны помѣщена въ этомъ же отдѣлѣ писаній именно потому, что изложенное въ ней событіе имѣетъ пророческій смыслъ и значеніе. И въ этомъ только пророческомъ смыслѣ и значеніи ея содержанія можетъ и должно находить свое послѣднее и рѣшительное объясненіе и оправданіе и то, что о многомъ, чего естественно было бы ожидать отъ книги съ исключительно историческими цѣлями, здѣсь не говорится, другое же, что могло бы быть опущено безъ ущерба для историческихъ интересовъ, въ книгѣ пр. Іоны излагается подробно. Если здѣсь не говорится ни объ раннѣйшей, ни о позднѣйшей судьбѣ пр. Іоны, ни о времени его дѣятельности, ни объ имени ассирійскаго царя, при которомъ онъ дѣйствовалъ, а напротивъ подробно разсказывается о пребываніи пророка во чревѣ рыбы,

растеніи, возросшемъ надъ головою пр. Іоны, что, какъ живописующая подробность, могло бы и не имѣть мѣста въ исторіи пр. Іоны, если бы она преслѣдовала однѣ историческіи цѣли, какъ не безосновательно говорить о томъ противники ея подлинности; то все это потому, что то, о чемъ не говорится въ книгѣ пр. Іоны, не имѣеть, значитъ, пророческаго смысла точно также, какъ и на оборотъ—рассказанное въ книгѣ имѣеть это значеніе. И такъ несомнѣнно, что книга пр. Іоны помѣщена между пророческими писаніями именно потому, что она заключаетъ въ себѣ пророческій смыслъ и значеніе.

О чемъ же пророчествуетъ книга пр. Іоны? Что за откровеніе, котораго можетъ чаать отъ нея человекъ, вселенный на упованіи (Рим. 8, 19)? *Якоже бы Іона во чревь китовъ три дни и три ночи; тако будетъ и Сынъ человеческій въ сердцы земли три дни и три ночи. Мужіе Ниневитстїи востануть на судъ съ родомъ симъ и осудятъ его, яко покающаяся проповѣдію Іониною; и се бо въ Іонѣ здѣ* (Мѡ. 12, 38—40, ср. 16, 4; Луц. 11, 29. 30). Такъ опредѣлялъ пророческій смыслъ и значеніе исторіи пр. Іоны Самъ Іисусъ Христосъ въ Своемъ отвѣтѣ книжникамъ и фарисеямъ, требовавшимъ отъ Него знаменія Его Мессіанскаго достоинства. Въ этихъ словахъ І. Христа, для Котораго и о Которомъ весь законъ и пророки, указаны исходный и конечный пункты пророческаго смысла книги пр. Іоны. Такъ всегда понимала это и церковь христіанская въ лицѣ своихъ Отцевъ и учителей, которые въ объясненіи этого смысла книги Іоны всегда ссылались на приведенныя сейчасть слова Спасителя, не углубляясь въ дальнѣйшее ихъ развитіе, обоснованіе и разъясненіе ¹⁾. Но это-то послѣднее обстоятельство и было причиною того, что люди, не стоящіе на высотѣ отеческаго пониманія божественныхъ вещей, хотя и желающіе стоять на истинно-православной точкѣ зрѣнія, не вникнувъ глубоко въ смыслъ словъ Христовыхъ, ограничили пророчественно-прообразовательный смыслъ и значеніе книга пр. Іоны лишь тѣмъ, что прямо и непосредственно дается этими словами Спасителя, или, точнѣе, даже только первую ихъ половиною. Сюда принадлежать не только

1) Цит. см. во введеніи.

тѣ въ простотѣ сердца вѣрующіе, богословы и не богословы, которые: все пророческое значеніе книги пр. Іоны видятъ только въ томъ, что Іона своимъ трехдневнымъ пребываніемъ во чревѣ рыбы прообразовалъ трехдневное пребываніе Спасителя въ сердцѣ земли, а и тѣ западные ученые, которые, при выясненіи пророческаго смысла книги Іоны, что, мимоходомъ сказать, между ними большая рѣдкость, не на единичный только фактъ изъ исторіи Бого-человѣка обращаютъ свое вниманіе, а и на нравоучительное значеніе книги пр. Іоны и для іудеевъ ветхаго завѣта ¹⁾).

Нельзя сказать, что такое пониманіе пророческаго смысла книги пр. Іоны несправедливо; за справедливость его говорятъ уже слова І. Христа, на которыхъ оно основывается; но оно все таки слишкомъ узко и поверхностно. Въ самомъ дѣлѣ, если пророческій смыслъ книги пр. Іоны заключается лишь въ томъ, что Іона своимъ трехдневнымъ пребываніемъ во чревѣ рыбы великой прообразовалъ смерть и воскресеніе І. Христа; то для чего все остальное содержаніе книги, кромѣ второй главы, въ которой говорится объ этомъ чудѣ? Особенно это должно сказать о третьей и четвертой главахъ книги, которыя не имѣютъ непосредственнаго отношенія къ разсказу о чудѣ: не объясняютъ его, не доказываютъ, а даже наоборотъ. Нельзя же ограничивать значеніе ихъ такъ, чтобы считать ихъ деталями содержанія, нужными для его пополненія и украшенія. Такой способъ толкованія считается одностороннимъ и узкимъ даже въ приложеніи къ притчамъ, которыя въ нѣкоторыхъ случаяхъ менѣе важны по своимъ мыслямъ мессіанскихъ пророчествъ. И Самъ Господь, предложивши толкованіе Своихъ притчей о сѣятелѣ и плевелахъ, объяснилъ въ нихъ малѣйшія подробности разсказа (Мѡ. 13, 3—43). На какомъ же основаніи мы станемъ оставлять безъ выясненія пророческаго смысла тѣ части книги пр. Іоны, которыя не имѣютъ непосредственнаго отношенія къ разсказу ея о пребываніи пророка во чревѣ рыбы?— Далѣе. Если мы будемъ ограничивать пророческій смыслъ книги пр. Іоны однимъ тѣмъ, что непосредственно дается вышеприве-

---

¹⁾ См. напр. Гейтценберга: *Christologie d. alt. Testam. und Commentar uber d. Mess. Weissagungen.* 1 Bd. s 472 и д.

денными словами Спасителя; то выйдетъ, что этотъ смыслъ могъ и можетъ быть понятенъ однимъ христіанамъ, и то только при свѣтѣ данныхъ словъ Спасителя; для іудеевъ же, которымъ собственно и вѣрено было слово Божіе (Рим. 3, 2), этотъ смыслъ остался бы загадкой до самаго пришествія Христа. Если же такъ, то въ какомъ же смыслѣ исторія пр. Іоны могла быть знаменіемъ для іудеевъ, даже современныхъ Христу? Конечно, несомнѣнно, что ниневитяне книги пр. Іоны возстанутъ на судъ съ родомъ симъ и осудятъ его потому, что они покаались отъ проповѣди Іониной (Мѡ. 12, 41) — отступили отъ своего злаго пути и отъ пороковъ, которые были на рукахъ ихъ, и обратились въ Богу по слову пророка (Іон. 3 гл.), конечно это не сомнѣнно, какъ несомнѣнно и то, что много и другихъ правоучительныхъ истинъ и правилъ могли извлекать для себя изъ книги пр. Іоны и іудеи точно также, какъ все это можемъ и должны дѣлать и мы; ибо въ этомъ нравственномъ исправленіи, очищеніи, возвышеніи и усовершенствованіи нашей души конечная цѣль всего писанія (2 Тим. 3, 16. 17; 1 Петр. 1, 22. 23; Іак. 1, 18 и др.) какъ ветхаго, такъ и новаго завѣта. Но изъ этого не слѣдуетъ, что св. писаніе—есть правоучительная христоматія только, не больше. Оно и въ частностяхъ и въ общемъ есть живой организмъ, въ которомъ всѣ части, имѣя внутреннее отношеніе къ единой основной идеѣ его, существенно связаны между собою и каждая часть въ тоже время является живымъ членомъ цѣлаго. Вотъ почему и нельзя ограничивать значенія для іудеевъ книги пр. Іоны, какъ дѣтоводителя ихъ ко Христу (Гал. 3, 24), только отдѣльными правоучительными правилами и истинами, выводимыми изъ нея. Мы должны рѣшить при этомъ не только то, какимъ образомъ эти правоучительныя истины могли приводить іудеевъ ко Христу, а и то, почему эти истины даны именно въ книгѣ пр. Іоны, а не раньше и не послѣ. Иначе мы не поймемъ, для чего всѣ отдѣльныя книги ветхозавѣтнаго канона даны были именно іудеямъ и притомъ въ разное время. Тотъ же ап. Павелъ, который называлъ ветхозавѣтное писаніе дѣтоводителемъ ко Христу, въ посланіяхъ къ Галатамъ и къ Римлянамъ подробно раскрываетъ, что это писаніе должно было приводить іудеевъ къ вѣрѣ во Христа—къ сознанію нужды божественной помощи въ дѣлѣ

спасенія именно тѣмъ, что законъ, говоря человѣку: *не пожелай*, не давалъ ему силъ къ исполненію этихъ заповѣдей, и такимъ образомъ, дала лишь познаніе грѣха, дѣлалъ человѣка рабомъ грѣха и сыномъ гнѣва Божія, нуждающимся въ божественномъ искупленіи, которое и дается чрезъ вѣру во Христа. Но уже этимъ самымъ указаніемъ отрицательнаго значенія ветхозавѣтнаго закона въ дѣлѣ спасенія апостолъ предуказываетъ и на положительное значеніе его, на то, что ветхозавѣтное писаніе вмѣстѣ съ правоученіемъ, невыполнимымъ для израиля одними его силами, говорило и о Христѣ, въ Которомъ Одномъ источникъ спасенія, говорило о Немъ такъ, что и іудеи могли видѣть и знать этого Христа по писанію, данному имъ и спастись вѣрою въ Него-Грядущаго. Поэтому евреи, по ученію того же апостола Павла, и безотвѣтны предъ правдой Божіей за свое невѣріе въ Іисуса, какъ Христа; поэтому именно и самъ Іисусъ Христосъ, обличая іудеевъ за невѣріе въ Него, говорилъ имъ: *ислѣдуйте писанія, ибо вы думаете чрезъ нихъ имѣть жизнь вѣчную; а они свидѣтельствуютъ о Мнѣ* (Іоан. 5, 39; ср. Лук. 24, 25, 27 и др.). Если такимъ образомъ, по ученію І. Христа и Его апостола, все ветхозавѣтное писаніе имѣетъ Его, Христа, главнымъ предметомъ своего, и оно такъ именно должно было быть понимаемо и принимаемо и іудеями, которымъ дано было; то тѣмъ болѣе все это должно имѣть приложеніе къ тѣмъ именно частямъ ветхозавѣтнаго писанія, которыя составляютъ и для насъ и для іудеевъ особый отдѣлъ собственно пророческихъ писаній. Только въ такомъ случаѣ для насъ можетъ быть понятною связь ветхозавѣтнаго откровенія съ новозавѣтнымъ. Вотъ почему далѣе мы обязаны вѣрить, что и для іудеевъ пророческій смыслъ книги пр. Іоны заключался не въ одномъ ея правоучительномъ характерѣ, а и въ прямыхъ предсказаніяхъ ея о назначенной намъ чрезъ страданія и славу Христовы благодати спасенія, равно какъ и для насъ не въ одномъ послѣднемъ предсказаніи, нужномъ для утвержденія нашей вѣры въ Божественность Христа, а и въ правоучительныхъ выводахъ книги, полезныхъ для нашего нравственнаго усовершенствованія.

Приступая теперь къ положительному выясненію такого именно пророческаго смысла исторіи пр. Іоны, мы считаемъ не лишнимъ сказать нѣсколько подробнѣе о существѣ мессіанскихъ

идей, о задачах ветхозавѣтной теократіи и института пророческаго вообще. Да не посѣтуетъ читатель, что въ этомъ очеркѣ намъ придется повторять нѣчто и изъ сказаннаго выше въ разныхъ мѣстахъ; для ясности и полноты рѣчи нужно это.

Идея ветхозавѣтнаго до христіанскаго домостроительства заключалась въ приготовленіи людей къ принатію Искупителя и искупленія отъ прародительскаго грѣха и его слѣдствій ¹⁾. Сила паденія перваго человѣка заключалась въ томъ, что онъ, а за нимъ и все его потомство, если бы они предоставлены были самимъ себѣ, должны были бы удалиться отъ Бога—Своего первообраза, постепенно погружаться въ животную, плотскую жизнь и, главное, сами не сознавать этого удаленія и погруженія (Рим. 1, 22—26). Отъ этой-то бездны паденія и долженъ былъ, по опредѣленію предвѣчнаго совѣта, спасти людей Единородный Сынъ Божій, Своею безцѣнною кровію принеся Богу выкупъ за грѣхи человечества, и въ этой же самой крови, какъ крови Богочеловѣка, давая людямъ силы и средства къ возстанію и оживленію (см. Лук. 2, 11 — 14; Мѡ. 20, 28; Иоан. 1, 7 — 18; 6, 27 10, 28; 14, 6—20; 17, 2. 21 — 23; 1 Иоан. 2, 1; 5, 11; 1 Петр. 1, 19—23; 3, 18; Рим. 5, 9. 10. 21; Гал. 3, 13; 4, 4. 5; Еф. 1, 7; 2, 13—18; Евр. 9, 12—15 и мн. др.). Но прежде, чѣмъ спасти людей, нужно было приготовить ихъ къ принатію этого спасенія.

Само собою разумѣется, что приготовленіе людей къ принатію мессіанскаго спасенія должно было состоять съ одной стороны въ томъ, чтобы въ людяхъ все болѣе и болѣе развивалось сознаніе своего паденія безъ возможности возстать собственными силами, желаніе спасенія, какъ общенія съ Богомъ чрезъ искупленіе Христово, и принаровленіе жизни духа своего, грѣхомъ удалившагося отъ Бога, къ умѣнью носиріять это общеніе, съ другой стороны — въ томъ, чтобы предъ духовнымъ

---

¹⁾ Воззрѣніе на смыслъ дохристіанской жизни, какъ на приготовленіе ко Христу особенно чрезъ в. з. теократію и пророчества, проводится не только у древнихъ Отцовъ и учителей церкви (см. Августинъ *De civit. Dei* 7. 2—), а и у новыхъ богослововъ, даже протестантскихъ (см. Аполог. чтенія Шякоппа въ р. переводѣ). Безъ мессіанской идеи, проповѣдуемой пророками, была бы немислима в. з. теократія, говоритъ Евальдъ въ своей *Geschichte der Volk Israel*. Т 3, S. 512

взоромъ людей все болѣе и болѣе прояснялось и раскрывалось это спасеніе въ своей сущности и свойствахъ — въ своемъ содержаніи. Нужда въ такомъ приготовленіи вытекала изъ понятія какъ о самомъ человѣкѣ, какъ разумно-свободномъ существѣ, такъ и о самомъ этомъ спасеніи, какъ сознательномъ и добровольномъ усвоеніи человекомъ жизни Божества. Уже первобытная религія, бывшая до паденія, обуславливалась въ своемъ развитіи непосредственнымъ воздѣйствіемъ на человѣка, какъ существо ограниченное, со стороны Бога, Который Своими бесѣдами съ человекомъ просвѣтлялъ въ умѣ его сознаніе общенія съ Богомъ, а заповѣдью данною человеку въ рай руководительно направлялъ волю его къ этому общенію (Быт. 2, 10; 3, 8—20). Со времени же паденія это непосредственное водительство Божіе человекомъ на пути въ усвоенію послѣднимъ потеряннаго имъ общенія— это просвѣтленіе его разума истиннымъ боговѣдѣніемъ и направленіе воли его къ добру, путемъ непосредственныхъ откровеній Божіихъ и внѣшняго воздѣйствія Бога на жизнь человѣка, стало тѣмъ необходимымъ, что со времени паденія естественныя, внутри самого человѣка находящіяся, руководительныя начала его жизни— его разумъ и совѣсть все болѣе и болѣе помрачались и заглушались. Но вмѣстѣ съ тѣмъ это помраченіе человѣческой природы— постепенное удаленіе духа человѣческаго отъ Бога и погруженіе его въ эгоизмъ и чувственность, тѣмъ труднѣе дѣлало для человѣка воспріятіе внѣшняго непосредственнаго руководительнаго воздѣйствія Божія. Все это и было причиною того, что внѣшнее божественное воздѣйствіе на человѣка чрезъ сверхъ-естественное божественное откровеніе могло стать удѣломъ не всего человечества, а лишь избранныхъ, которые передавали бы его другимъ, предоставленнымъ ходить въ похотяхъ сердца своего, и лишь постепенно должно было развиваться и раскрываться въ своемъ содержаніи. Эта-то горсть избранныхъ и должна была составить собою то теократическое царство, въ которомъ Богъ Самъ непосредственно Своими сверхъестественными откровеніями и внѣшними воздѣйствіями приготовлялъ людей къ принятію Мессіи и Его спасенія, просвѣтляя ихъ умъ внѣшне-откровеннымъ истиннымъ ученіемъ о Себѣ. Самомъ въ Своемъ отношеніи къ міру, о Мессіи и Его спасеніи, внѣшне-откровенными же нравственно-обрядовыми предписаніями и даже гражданскими закона-

ми направляли ихъ сердце и волю къ дѣйтельному желанію этого спасенія. Постепенность же и, такъ сказать, частичность, съ какою должно было входить въ жизнь этихъ избранныхъ непосредственное водительство Божіе, допущенныя для того, чтобы не нарушать разумно-свободной природы этихъ избранныхъ, и подъ непосредственнымъ водительствомъ Божиимъ остававшихся такими же эгоистами, преданными чувственности, какъ и остальное человѣчество, создала исторію этого теократическаго царства, долженствовавшаго быть свѣточемъ въ приготовленіи къ Мессіи для тѣхъ другихъ, предоставленныхъ ходить въ похотяхъ сердца своего.

Начало теократическаго царства восходитъ ко временамъ патриархальнымъ, когда Богъ изъ всѣхъ народовъ міра, вслѣдствіе ихъ злочестія ставшихъ неспособными къ непосредственному воспріятію сверхъестественныхъ божественныхъ откровеній и воздѣйствій, выдѣлилъ одинъ народъ еврейскій съ тѣмъ, чтобы онъ сохранилъ идею единобожія и мессіанскаго спасенія чистою и живою, способною стать руководительнымъ началомъ его жизни, и потомъ распространилъ ее, какъ таковую, и въ остальномъ человѣчествѣ. Въ этомъ состояла сущность завѣта, заключеннаго Богомъ съ отцемъ вѣрующихъ, Авраамомъ (см. Быт. 12, 1—3; 15, 7—21; 17, 17 и др.) ¹⁾. Но тогда этотъ завѣтъ данъ былъ лишь въ своей общей основѣ; въ своемъ полномъ, охватывавшемъ собою всѣ стороны жизни завѣтныхъ людей, видѣ теократія учреждена была при Моисеѣ, когда Израиль возрѣлъ уже въ народъ, и дана въ законѣ, въ которомъ точно и подробно указаны задачи, цѣль и средства теократіи и изложена самая сущность ученія догматическаго, нравственно-обрядоваго и даже юридическо-гражданскаго, долженствовавшаго готовить народъ еврейскій въ языкъ святъ и царское священіе (Исх. 19, 6—7).

Стоило Израилю выполнить данный ему законъ, великая религиозно-миссіонерская задача его, какъ народа теократическаго, могла считаться оконченною, и профетизма, какъ особаго института

---

¹⁾ Что въ этомъ заключалась задача и цѣль теократіи, это видно и изъ послѣдующихъ писаній ветхаго завѣта; см. Исх. 6, 4, 34, 10, 27. Втор. 4, 13, 5, 2, 8; 8, 18; 29, 1; Псал. 104, 9—10; Ис. 55, 3 и др.

въ теократическомъ царствѣ еврейскомъ, не должно было бы и быть. Но увь,—духа, который былъ въ Моисеѣ, не было въ народѣ, который при синайскомъ же законодательствѣ отказался лично и непосредственно отъ Бога получать откровенія Его (Исх. 19, 19; 20, 19). Это былъ народъ жестоковыйный, не обрѣзанный ушесы и сердцемъ (Дѣян. 7, 51), слѣпой рабъ Иеговы, глухой вѣстникъ, посланный Имъ, который много видѣлъ и ничего не замѣтилъ (Ис. 42, 18). Забвеніе благодѣяній Божіихъ, ихъ непониманіе и перетолкованіе, уклоненіе съ путей Иеговы въ слѣдъ боговъ иныхъ—по влеченію своего грубо-чувственного сердца и подъ влияніемъ сосѣднихъ языческихъ народовъ, съ которыми Израилу приходилось вступать въ самыя разнообразныя отношенія, если не увеличивались, то и не уменьшались во Израили и послѣ Моисея, не смотря на всѣ благодѣянія, предостереженія, суды и наказанія, которыми Иегова велъ этотъ народъ по пути закона ко Христу. Вѣрно, что Израилъ былъ сыномъ Иеговы, но сыномъ капризнымъ и упрямымъ. Могъ ли такой народъ сознательно и самостоятельно выполнять возложенную на него миссію подъ руководствомъ одной мертвой буквы закона, который, будучи основою ветхозавѣтной теократіи, не давалъ указаній на каждый отдѣльный случай жизни, на каждое историческое обстоятельство? Ясно, что для него долженъ былъ быть постоянно на лицѣ живой человѣкъ въ качествѣ живаго примѣра, какъ носитель идеала этой теократіи въ ея чистотѣ, высотѣ и неприкосновенности, какъ истинный теократъ въ своихъ мысляхъ и чувствахъ, словахъ и дѣйствіяхъ. Являясь такимъ самъ въ себѣ, этотъ человѣкъ долженъ былъ быть стражемъ дома Израилева (Іез. 3, 17. 18), долженъ былъ разъяснять и раскрывать основу ветхозавѣтной теократіи, изложенную въ законѣ, развивать предъ Израилемъ эту основу въ приложеніи ея къ живой исторической дѣйствительности, осіявать его отъ Иеговы, постоянно напоминая ему объ основныхъ законахъ, сущности и цѣляхъ теократіи—о Богѣ и Христѣ Его и разъясняя ихъ ²⁾).

---

¹⁾ Правда у Израила для этихъ же цѣлей были и священники, какъ законные учителя народа, и правители его—судьи и цари, оберегатели его политической цѣлости и избавители отъ иноземныхъ вліяній; но тѣ и другіе своею дѣятельностію касались лишь частныхъ сторонъ жизни теократическаго царства и въ сферѣ готовыхъ правилъ и предписаній закона; но даже и здѣсь они не всегда стояли на высотѣ своего призванія. Въ доказательство

Такимъ истиннымъ стражемъ дома Израилева могъ быть только служитель Іеговы, нарочито для того избранный самимъ Богомъ, Его авторитетомъ надѣленный, отъ Него непосредственно получающій откровенія, въ Его имя и Его силою дѣйствующій. Такой стражъ Іеговы, стоя подѣ Его непосредственнымъ воздействиемъ, долженъ былъ обнимать взоромъ своимъ всего Израиля въ его дѣломъ и не только, какъ носителя идеи спасенія, а и какъ передатчика этой идеи язычникамъ. По этому онъ долженъ былъ не только бороться противъ упадка нравственности въ народѣ, или слишкомъ привязывавшемся къ буквѣ закона, или погружавшемся въ чувственность, но обращать вниманіе и на политическую жизнь Израиля, или предостерегая его отъ смѣшенія съ язычниками, или предрекая ему притѣсненіе и паденіе его тѣми, и убѣждая его быть покорнымъ и гуманнымъ руководителемъ язычниковъ въ религиозно-нравственной жизни. Вѣнцемъ же дѣятельности такого стража должно было быть возвѣщеніе мессіанской идеи,—указаніе на эту идею, ея развитіе и раскрытіе предѣ взоромъ Израиля сообразно со степенью его приемлемости, раскрытіе ея на почвѣ закона, но не въ сферѣ только его, а на основаніи непосредственныхъ божественныхъ откровеній. Всею этою дѣятельностію онъ долженъ былъ готовить все дохристіанское челоуѣчество, іудейство непосредственно и прежде, а язычниковъ послѣ и чрезъ іудеевъ главнымъ образомъ (ходя и не всегда), къ принятію Мессіи и Его царства, а своими свидѣтельствами о послѣднемъ утверждать и обосновывать и нашу вѣру въ Него, уже пришедшаго. Такими стражами дома Израилева и были пророки, которыхъ мы видимъ въ теченіе всей исторіи теократіи во главѣ Израиля и которые были, по словамъ блаж. Августина, „изрекателями словъ Божиихъ людямъ, не могшимъ или недостойнымъ слушать непосредственно самаго Бога“, а вмѣстѣ съ тѣмъ и по

этого упомянемъ лишь о грѣхахъ Іеровоама, сына Наватова, давшего собою примѣръ многимъ изъ своихъ преемниковъ и о томъ, что со времени этого же Іеровоама у Израильтянъ было не левитское законное священство, а произвольно избранное сѣвскою властію и народомъ изъ всѣхъ десяти коленъ, составившихъ изъ себя царство израильское.

тому самому, по выраженію св. Епифанія, и „предуготовителями явленія Христова во плоти“¹⁾.

Къ этому-то сонму ветхозавѣтныхъ пророковъ, какъ нарочито отъ Бога посланныхъ служателей теобратія, принадлежить и Иона, сынъ Амитаа, пророчесственный смыслъ и значеніе пророческой книги, или, что все равно, дѣятельности котораго, описанной въ его книгѣ, намъ должно, а теперь послѣ предложенныхъ замѣчаній и можно опредѣлить, разъяснить и доказать.

Сущность содержанія книги пр. Ионы, зерно, къ которому сводится, около котораго группируется и отъ котораго получаетъ свое значеніе и все остальное въ содержаніи его книги, составляетъ слово *Иеговы*, бывшее къ пр. Ionъ о томъ, чтобы онъ шелъ въ языческой городъ Ниневію и проповѣдалъ въ ней, что *воплъ злобы ея дошелъ до самаго неба* (1, 1—2) и что еще сорокъ дней и она будетъ разрушена (3, 1—3). Выше мы уже видѣли, что это грозное въ своей прямой буквѣ слово должно быть понимаемо, не какъ безусловное предсказаніе о гибели Ниневіи, а какъ голось, призывавшій ниневитянъ къ покаянію, какъ слово о спасеніи, какъ и понималъ его самъ пр. Иона, ^{Убѣжавшій} въ Фарсисъ, чтобы не видѣть этого покаянія, и во чревѣ рыбы исповѣдавшій, что именно у Иеговы, Бога еврейскаго, у Него одного спасеніе для всѣхъ (2, 10), какъ понималъ это слово и Самъ І. Христось, указавшій на покаяніе и спасеніе ниневитянъ, какъ на истинный конецъ и желательный плодъ слова пр. Ионы (Мѡ. 12, 42). Говорили мы и о томъ, что въ характерѣ ветхаго завѣта, какъ завѣта закона и правды, лежитъ объясненіе и того, почему этотъ голось любви божественной, призывающей людей къ покаянію, а слѣдовательно къ помилованію и спасенію, звучитъ такъ грозно и сурово, какъ удары молота, или грома. Въ настоящій разъ не беззначительно будетъ припомнить лишь еще слова Иеговы къ пр. Іезекіилю, записанныя въ книгѣ этого послѣдняго. Слова эти читаются такъ: *сынъ человеческій! Я поставлю тебя стражемъ дому Израилеву и будешь слушать слово изъ устъ Моихъ и будешь осіявать ихъ отъ Меня. Когда скажу я беззаконнику: смертью умрешь, а ты не станешь*

¹⁾ На такое назначеніе, и такой характеръ пророческаго служенія ветхозавѣтныхъ пророковъ указываетъ и сама библія въ тѣхъ наименованіяхъ, какія усвоить она этимъ лицамъ

осіявати его и не скажешь ничего для осіянія беззаконника, чтобы онъ отсталъ отъ беззаконнаго пути своего, чтобы онъ былъ живъ; то беззаконника тотъ въ беззаконіи своемъ умретъ и взыщу кровь его отъ рукъ твоихъ. Если же ты осіявалъ беззаконника, а онъ не отсталъ отъ беззаконія своего и отъ пути своего порочнаго; то онъ въ беззаконіи своемъ и умретъ, а ты душу свою сохранилъ. И праведникъ, если отступитъ отъ правды Его и будетъ поступать худо; то положу предъ нимъ преткновеніе и онъ умретъ. Когда не будешь осіявать его, то онъ умретъ во грѣхахъ своихъ и не припомнимъ ему праведныя дѣла его, какія дѣлалъ онъ, и взыщу кровь его отъ рукъ твоихъ. Если же ты будешь осіявать праведника, чтобы праведникъ не грѣшилъ и онъ не станетъ грѣшникомъ, потому что принялъ осіяніе, и ты душу твою сохранилъ (Іез. 3, 17—21).

Эти многозначительныя слова пр. Іезекіиля объясняютъ намъ не только то, что смыслъ слова Іеговы къ пр. Іонѣ заключается въ призваніи ниневитянъ къ покаянію, а слѣдовательно и въ спасенію, а и то, что это слово о спасеніи есть истинно-пророческое слово. Это слово говорить о томъ, что спасеніе даровано будетъ не іудеямъ только, а и язычникамъ и именно чрезъ іудеевъ, и что условіе этого спасенія со стороны человека—отступленіе отъ злаго пути своего. Слѣдовательно это слово выражаетъ собою самую сущность ветхозавѣтной теократіи. Оно говорить о томъ же спасеніи и язычниковъ путемъ покаянія, о которомъ говорили и первый и послѣдній изъ ветхозавѣтныхъ пророковъ—и Моисей и Іоаннъ: Моисей въ своихъ словѣствованіяхъ о первоевангеліи (Быт. 3, 18), о завѣтѣ Божиемъ съ Ноємъ (6, 8; 8, 21; 9, 9—17), объ обѣтованіяхъ, данныхъ отцу вѣрующимъ Аврааму, чрезъ котораго въ лицѣ Сѣмени его должны благословиться всѣ племена земныя (12, 1—9; 15, 7—21; 17, 1—17), Исааку и Іакову (26, 1—9; 27, 28—29) и наконецъ объ откровеніяхъ и обѣтованіяхъ, имъ лично полученныхъ отъ Бога (Втор. 15, 15—29; 27, 28; 32—34),—Іоаннъ въ произнесенныхъ имъ на Іорданѣ обличеніяхъ фарисеевъ, гордившихся своимъ происхожденіемъ отъ Авраама, которому Богъ, говорилъ Предтеча, и изъ камней можетъ дать чадъ, и въ своемъ призывѣ всѣхъ къ покаянію, какъ единственному условію полученія мессіанскаго спасенія (Лук. 3, 1—18; Мт. 3, 1—12 и др.).

Нужно ли приводить тѣ мѣста изъ остальныхъ пророческихъ писаній, въ которыхъ точно также, какъ и въ книгѣ пр. Іоны, обличеніе злыхъ дѣлъ выставляется какъ призывъ къ покаянію, а слѣдовательно и спасенію? Ими полны всѣ пророческія книги. Укажемъ лишь не многія изъ тѣхъ, въ которыхъ этотъ призывъ къ покаянію и отсюда обѣщаніе спасенія простирается и на язычниковъ. „И будетъ въ послѣдніе дни“, говоритъ великій Исаія, гора дому Іеговы будетъ поставлена во главу горъ,.. и пошекутъ къ ней всѣ народы... и скажутъ: поидемъ и взойдемъ на гору Іеговы, въ домъ Бога Іаковлева, дабы Онъ указалъ намъ пути свои, и будемъ ходить стезями Ыа (2, 2—3). Еще: народъ оный (пути приморскаго, земли заіорданской, Галилея языческой), ходящій во тьмѣ, увидитъ свѣтъ великій... свѣтъ возсіяетъ надъ ними (9, 2). Или еще: въ тотъ день египтяне будутъ, какъ женычныя: и вострепещутъ и убоятся грозы руки Господа воинствъ, Который погрозитъ ему... Въ тотъ день алтарь Іеговы будетъ среди земли египетской, и памятникъ Іеговы у предѣловъ ея, и будетъ знаменіемъ и свидѣтелемъ Іеговы въ землѣ египетской, что возопили къ Іеговѣ отъ притѣснителей и Онъ послалъ имъ спасителя и заступника... И будетъ знаемъ Іегова въ Египтъ; и египтяне въ оный день познаютъ Іегову и принесутъ жертвы и дары, и объеты дадутъ Іеговѣ и исполнятъ. Если и поразитъ Іегова Египтъ: то поразитъ и исцѣлитъ; и обратятся къ Іеговѣ и Онъ преклонится къ нимъ и исцѣлитъ ихъ (19, 16—22; ср. 12, 4—5; 25, 2—4; 35, 1—4; 40, 3; 42, 4. 10—12; 55, 56 и др.). Или вотъ какъ пророчествовалъ объ этомъ же самомъ спасеніи язычниковъ пр. Іеремія: Такъ говоритъ Іегова обо всѣхъ злыхъ Моихъ сосѣдяхъ касающихся удѣла, который Я удѣлилъ народу Моему, Израилю: се, Я исторгну ихъ изъ земли ихъ и домъ Іудинъ исторгну изъ среды ихъ. Но по исторженіи ихъ, снова помилую ихъ, и возвращу ихъ каждому въ удѣлъ свой, и каждого въ землю свою. И если они научатся ходить путями народа Моего каяться именовъ Моимъ живъ Іегова! такъ, какъ научили народъ Мой каяться вааломъ: то водворятся среди народа Моего. Если же не послушаются, то Я искореню язычниковъ этихъ, искореню и полюблю. говоритъ Іегова (12, 14—17; ср. 14, 9). Такія же по предмету и характеру своего содержанія увѣщанія, обѣтованія и предсказанія встрѣчаются и у другихъ пророковъ. См. Мих. 4,

1—2; Ам. 9, 11; Соф. 3, 9—11; Зах. 14, 10; 16, 19; Иовл. 3, 9—12. 18; Ос. 14, 2—8; 2, 2, 3, 5; Иезек. 37, 22 и др. Всѣ эти вѣщанія несомнѣнно суть истинныя пророчества; на нѣкоторыя изъ нихъ, какъ на исполвившіяся во времена Мессіи, есть указанія въ новозавѣтныхъ писаніяхъ (см. Мѡ. 4, 14—16; Дѣян. 15, 14—17 и др.). Если же такъ; то несомнѣнно, что и согласное съ приведенными пророчествами по своей основной мысли, выражающей сущность ветхозавѣтной теократіи, слово Іеговы, бывшее къ Іонѣ пророку, по тому самому есть истинно-пророческое слово. Не безъ причины же оно въ книгѣ пр. Іоны называется словомъ Іеговы, бывшимъ къ пр. Іонѣ, т. е. обозначается такъ, какъ обычно обозначаются божественныя откровенія, сообщаемыя именно пророкамъ (Іон. 1, 1: 3, 1—3. ср. Втор. 18, 18; Исх. 4, 12; Числ. 22, 18; 23, 5—16; Ис. 51, 16; Іер. 1, 9; 7, 1; 23, 22; Іез. 1, 3; 3, 37; Ос. 12, 11; Агг. 1, 3; Зах. 1, 6; 7, 7 и др.).

Правда въ этомъ словѣ Іеговы, бывшемъ къ пр. Іонѣ, а этимъ послѣднимъ переданномъ ниневійскимъ язычникамъ, много общаго не только съ тѣмъ, что было возвѣщаемо другими пророками, а и съ тѣмъ, что должны были дѣлать и священники и левиты, какъ служители Божіи въ дѣлѣ спасенія людей, (Ис. 61, 6), поставленные Богомъ призывать грѣшниковъ къ покаянію (4 Ц. 17, 13; Іер. 35, 15) и примиренію съ Нимъ. Но изъ этого не слѣдуетъ еще того, что нравственно-руководительная проповѣдь и пр. Іоны не имѣла пророческаго значенія; ибо кругъ дѣятельности священниковъ строго очерченъ былъ самымъ закономъ, изъ предѣловъ котораго они не выходили: по этимъ указаніямъ закона они имѣли дѣло съ однимъ лишь народомъ израильскимъ и его должны были осіявать исключительно отъ закона, и дѣйствіе Духа Св. въ нихъ должно было обнаруживаться въ точномъ исполненіи предписаннаго закономъ. Не то представляетъ намъ собою пр. Іона въ исторіи слова Іеговы. бывшаго къ нему о Ниневіи: это слово, служителемъ котораго пророкъ является въ своей книгѣ, какъ обращенное къ языческимъ народамъ, дѣйствительно стоитъ на почвѣ закона, но не въ его вѣдѣности и буквѣ, а его цѣломъ — въ его сущности. Будучи необходимымъ слѣдствіемъ основныхъ принциповъ закона, оно и по содержанію и по формѣ выходитъ изъ естественныхъ предѣловъ послѣдняго и является словомъ, стоящимъ выше разума человѣческаго, — не достижимымъ для него одного и пости-

гаемымъ имъ лишь послѣ его произнесенія, словомъ, даннымъ въ непосредственномъ божественномъ откровеніи, — сверхъ естественнымъ. Это послѣднее заключеніе, именно, что слово Іеговы, бывшее къ Іонѣ и составляющее зерно книги его имени, дѣйствительно сверхъестественное, сдѣлается для насъ вполне яснымъ и убѣдительнымъ, если мы представимъ анализъ этого слова, какъ основной мысли книги Іоны, въ отношеніи его къ исторіи теократіи и другихъ, несомнѣнно пророческихъ, главъ.

Предъ нами первая страница исторіи ветхозавѣтной теократіи, какъ она была осуществляема при Моисеѣ и непосредственно слѣдовавшихъ за нимъ пророкахъ. И что же мы видимъ здѣсь? Моисей, этотъ первый и истинный пророкъ Израиля, какъ прообразъ пророка Мессіи (Вт. 18, 15), изложившій въ писаніяхъ своихъ сущность ветхозавѣтной теократіи, лишь въ краткихъ и общихъ чертахъ указывалъ Израилю на Мессію; главное вниманіе свое онъ обратилъ на нравственныя, обрядовыя и гражданскія законы, направленные къ религіозно-нравственному воспитанію и политическому руководству самаго народа израильскаго въ его отдѣльности отъ остальныхъ народовъ, и даже въ противоположности имъ. Къ этому же направлена была дѣятельность и непосредственно слѣдовавшихъ за нимъ пророковъ — и І. Навина, Самуила и даже Давида, въ обиліи проливавшихъ кровь ханаанскихъ и другихъ языческихъ народовъ и болѣе всего трудившихся надъ восстановленіемъ и поддержаніемъ истиннаго богопочтенія и богопоклоненія въ самомъ Израилѣ. Такой священнической и царской характеръ дѣятельности этихъ пророковъ, указывающей на преимущественное значеніе въ этотъ многовѣковый періодъ теократіи именно священниковъ и царей, обуславливался тѣмъ, что это было *первое* время существованія израильскаго народа, какъ народа завѣта, время, такъ сказать, собиранія ветхозавѣтнаго теократическаго царства. Прежде, чѣмъ сдѣлать Израиля свѣточемъ для другихъ народовъ, нужно было его самого образовать и воспитать въ народъ завѣта; для этого же нужно было не мессіанскую идею разивать и раскрывать предъ нимъ во всей ея широтѣ, а самый народъ утвердить въ единобожіи и нравственной чистотѣ, безъ чего и самая мессіанская идея оставалась бы безпочвенною. Поэтому же въ это

время мессіанская идея, лежащая въ основѣ теократіи, если и должна была быть открываема и усвояема Израилю, какъ руководительная идея его жизни, то съ той лишь ея стороны, съ которой она всего болѣе примыкала къ ближайшимъ и непосредственнымъ задачамъ жизни Израиля въ это время—время его дѣтства и юности. Отсюда именно и понятными становятся тѣ преимущественныя заботы, которыя направляемы были въ первое время на точное опредѣленіе и строгое разграниченіе обрядовъ богослуженія и жертвоприношеній, въ своей сущности прообразовавшихъ мессіанскую идею: какъ такія, они усвоили эту идею не уму, а чувству, которымъ по преимуществу Израиль во-дился теперь, но усвоили непреложно, хотя и не такъ ясно для сознанія. Отсюда понятнымъ становится и то, что для сознанія Израиля въ прямомъ пророческомъ словѣ эта идея высказываема была, какъ пророчество о Звѣздѣ отъ Іакова (Числ. 24, 17), Князѣ отъ чреслъ Іуды (Быт. 49, 10), какъ о Царѣ на престолѣ Давидовѣ (2 Ц. 7, 12—14, 23, 2—5, Пс. 2, 1—4; 44, 14—18: 71, 11 и др.), Который побѣдитъ всѣхъ язычниковъ и т. п. Правда мысль о духовномъ единеніи въ Мессіи всѣхъ людей не чужда была и этому времени и этимъ пророчествамъ о Мессіи; но это доказываетъ лишь то, что іудеи, желавшіе поставить Іисуса царемъ (Іоан. 6, 15), не правы — односторонни были въ своемъ чувственномъ пониманіи предлагавшейся ему идеи; ибо въ тѣхъ пророчествахъ, гдѣ царство Мессіи совершается, какъ побѣда Израиля надъ язычниками и погибель послѣднихъ, не язычники, какъ люди, точно также, какъ и іудеи, предопредѣленные Богомъ къ спасенію, разумѣлись, а язычество, какъ противобожеское религіозно-нравственное состояніе, враждебное идеи теократіи. Преимущественное же выдѣленіе въ пророчествахъ даннаго времени царскихъ и именно національно-іудейскихъ чертъ Мессіи и такое же выдѣленіе ихъ въ сознаніи воспринимавшаго тѣ пророчества Израиля, несомнѣнно доказывается стремленіями послѣдняго (во времена Самуила) имѣть царя (1 Ц. 8, 1—20). Не отображеніемъ ли такого представленія Мессіи, какъ Царя Израиля, было и самое могущество этого народа при Давидѣ и Соломонѣ—лучшихъ царей еврейскихъ? Не даромъ и послѣдующіе пророки называли Мессію прямо Давидомъ (Іер. 30, 9; Іез. 27, 24) и престолъ Его—престоломъ Давида (Ис. 9, 5).

Такимъ образомъ ясно, что какъ самая теократія въ первое время жизни Израиля осуществлялась лишь она половиною — съ своей, такъ сказать, частной, національной стороны, такъ сообразно съ этимъ, и дѣятельность служителей ея была такая же частная: то было время священническаго и царскаго служенія, къ которому по своему содержанію и формѣ, примыкало даже служеніе пророческое. По этому о дѣятельности этихъ пророковъ, которыхъ несомнѣнно существовали цѣлыя школы (1 Ц. 10, 19; 18 и др.), въ священныхъ книгахъ еврейскихъ или не упоминается вовсе, или, если и упоминается, то не въ особыхъ свиткахъ собственно пророческихъ писаній, а лишь, какъ часть въ общей исторіи еврейскаго царства; ибо самая мессіанская идея, высказываемая иногда пророками, была выставляема ими, какъ объясненіе, подтвержденіе и прообразъ ихъ вѣро и правоучительныхъ и политическихъ вѣщаній о жизни Израиля въ данную минуту. Поэтому не въ особомъ пророческомъ свиткѣ, а лишь въ книгѣ Царствъ (4 Ц. 14, 15) записано предсказаніе и пр. Іоны Іеровоаму II, царю израильскому, касательно расширенія предѣловъ израильскаго царства отъ входа въ Емаѣъ до моря пустыни. Предсказаніе это политическаго содержанія и направлено было къ утвержденію народа израильскаго въ народъ Іеговы; слѣдовательно хотя оно и было пророчествомъ, поскольку было богооткровеннымъ словомъ, и по своему содержанію, и по своей формѣ, но своимъ конечнымъ смысломъ и значеніемъ оно относилось болѣе къ области священническаго и царскаго, а не въ собственномъ смыслѣ пророческаго служенія, какъ имѣющаго непосредственное отношеніе къ послѣдней цѣли теократіи, къ Мессіи.

Не то представляетъ собою другое слово Іеговы, бывшее къ Іонѣ,—слово о покаяніи ниневитянъ. Оно не противорѣчитъ пророчеству Іоны же о расширеніи предѣловъ Израиля, какъ не противорѣчитъ и дѣятельности тѣхъ пророковъ, которые были въ первое время существованія теократіи и которые имѣли главною задачею своею—воспитаніе Израиля въ народъ Іеговы, но оно отличается и отъ этой дѣятельности и отъ этого его же пророчества именно тѣмъ, что касается не однихъ іудеевъ, а и язычниковъ, и имѣетъ своею задачею не только воспитаніе самаго Израиля въ народъ Іеговы, а выясненіе сущности теократіи въ ея цѣломъ, лишь приспособленное къ удобнѣйшему проведе-

нію ея въ жизнь Израиля. Въ этомъ то отличіи слова Іеговы, бывшаго къ Іонѣ, о ниневитянахъ отъ пророчествъ перваго періода теократіи съ священническимъ и царскимъ характеромъ и заключается первое свидѣтельство въ пользу подлинно-пророческаго смысла и значенія этого послѣдняго слова. Оно является такимъ посравненію съ разобранными нами пророчествами и потому, что будучи открыто послѣ нихъ, оно не имѣло для себя въ этихъ пророчествахъ такого прецедента, который оно только бы развивало и расширяло и который по этому самому не давалъ бы ему права не только быть, а и считаться богооткровеннымъ пророческимъ словомъ, привнесшимъ въ мессіанскую идею что-то новое.

Другой характеръ имѣла теократія во второй послѣдующій періодъ ея существованія. Скоро послѣ того, какъ Израиль при Давидѣ и Соломонѣ и съ внѣшней и съ внутренней стороны сталъ истинно-теократическимъ царствомъ, началось паденіе его со стороны внѣшняго могущества; царство еврейское, раздѣлившееся на два, мало по малу утрачивало свою политическую самостоятельность, истощивъ свои силы въ неравной борьбѣ прежде всего съ ассиріянами, потомъ съ вавилонянами и наконецъ съ греко-римскими народами. Но это внѣшнее паденіе Израиля, какъ нельзя лучше, способствовало возвышенію его религіозно-нравственнаго состоянія, какъ народа Іеговы. Между тѣмъ время все шло впередъ; все ближе и ближе подходило исполненіе временъ—мессіанское время, въ которомъ былъ конецъ ветхозавѣтнаго домостроительства. Наступала пора, когда Израиль, доселѣ въ удаленіи отъ язычества воспитывавшій себя исключительно въ народъ Іеговы, долженъ былъ и легко могъ приступить къ выполненію другой половины своей теократической миссіи—стать свѣточемъ язычникамъ на пути ихъ шествія къ Мессіи—долженъ былъ и легко могъ ученіе и завѣты, данные ему отъ Бога, передать и этимъ послѣднимъ и среди нихъ распространить идею мессіанскаго спасенія. Въ силу этого расширенія теократической задачи жизни израильскаго народа должна была измѣниться дѣятельность и служителей теократіи. Ни священство, ни царская власть не уничтожаются, но они не имѣютъ теперь такого значенія въ жизни теократіи, какъ прежде. Съ разрушеніемъ Іерусалима и храма, съ потерей политической самостоятельности Израиля и съ разсѣяніемъ его среди язычниковъ, въ дѣль религіозно-прав-

ственнаго руководства его важною стала забота не о точномъ исполненіи этимъ народомъ обрядоваго закона Моисеева, что было и не всегда удобно, а объ умѣньи понять и оцѣнить идеальную высоту духа отеческой религіи въ ея противоположеніи язычеству; въ области же внѣшней гражданской жизни мудрость политическая и военныя доблести и совѣмъ не стали имѣть никакого значенія. Теперь нужно было убѣждать Израиля покориться тяжелому гнету язычниковъ, полезному и для нравственности его; ибо чрезъ то народъ этотъ болѣе прежняго могъ оцѣнить по достоинству вѣру отцевъ своихъ,—и для миссіонерской дѣятельности Израиля, которую ему теперь легче прежняго стало выполнить вслѣдствіе близкаго соприкосновенія съ язычниками. Для выполненія этой послѣдней задачи израильскому народу особенно важно было подробное, широкое и точное раскрытіе мессіанской идеи, какъ идеи спасенія всѣхъ людей чрезъ Мессію—Страдальца за грѣхи людскіе, имѣющаго всѣхъ воскресить къ духовно-нравственной жизни и примирить съ Богомъ; внѣшнее же положеніе этого народа, униженнаго, ослабленнаго и плѣннаго язычниками, дѣлало эту идею не только важною для него, а и удобопріемлемою; ибо она находила для себя отголосокъ въ его собственной скорбной судьбѣ. Вотъ почему въ разсматриваемый нами періодъ жизни израильскаго народа первыми и по внутреннему значенію, и по внѣшнему положенію, теократическими дѣятелями должны были стать не священники и цари, какъ то было прежде, а пророки, стоявшіе подъ непосредственнымъ воздѣйствіемъ Бога и отъ Него непосредственно получавшіе откровенія о сущности, задачахъ, дѣлахъ и средствахъ теократіи. Занявъ первенствующее значеніе въ жизни Израиля, пророки должны были стать теперь не національными только дѣятелями народа еврейскаго, а мировыми, охватывающими взоромъ своимъ не іудеевъ только, а и язычниковъ на пути шествія ихъ къ Мессіи. Приведеніе тѣхъ и другихъ къ пониманію сущности религіозно-нравственной жизни, какъ служенія Богу духомъ и истиню, и къ желанію этого духовнаго единенія съ Богомъ—вотъ что должно было быть задачею дѣятельности ихъ; мессіанская идея во всей ея широтѣ и глубинѣ—вотъ главный предметъ ихъ пророческихъ вѣщаній. Убѣждая евреевъ терпѣливо переносить внѣшнія страданія и быть религіозными не по

буквѣ только закона, а и по духу, и утѣшая ихъ своими мессіанскими пророчествами, состоящими въ изображеніи Мессіи не какъ Царя, а какъ Спасителя всѣхъ людей отъ грѣховъ ихъ, и въ описаніи царства Его, какъ царства мира и любви, пророки должны были чрезъ то воспитывать ихъ въ свѣточѣ язычникамъ, тѣмъ и другихъ готовить къ принятію Мессіи и такимъ образомъ служить выполненію задачи теократіи въ ея цѣломъ и законченномъ видѣ. По всему этому этотъ второй періодъ теократіи по праву долженъ быть названъ золотымъ вѣкомъ пророковъ; по всему этому дѣятельность пророковъ этого періода по праву должна была стать достояніемъ особыхъ свитковъ пророческихъ; ибо основное содержаніе ихъ пророческихъ вѣщаній есть выясненіе теократіи въ ея общемъ, обнимающемъ собою и іудевъ и язычниковъ, и цѣломъ — въ ея отношеніи не къ данной только дѣйствительности, а и къ концу ея — Мессіи и спасенію Его.

Отсюда, если книга пр. Іоны, появившаяся въ этотъ золотой вѣкъ пророчества, какъ особый свитокъ пророческій, своею основною мыслию объ участіи язычниковъ въ спасеніи отъ Іеговы подходитъ подъ общій тонъ собственно пророческихъ писаній этого періода, имѣющихъ прямое отношеніе къ Мессіи; то ясно, что она есть мессіански-пророческое слово. А книга пр. Іоны по содержанію своему дѣйствительно имѣетъ тѣсную органическую связь съ остальными собственно-пророческими писаніями.

Связь эту мы уже видѣли отчасти при сопоставленіи основной мысли книги пр. Іоны съ подобными ей по содержанію мыслями другихъ вѣтхозавѣтныхъ пророковъ, жившихъ послѣ пр. Іоны; теперь же, приступая къ историческому, слѣдовательно болѣе глубокому и подробному взаимному сопоставленію той и другихъ мы напередъ должны отмѣтить существенное отличіе основной мысли книги пр. Іоны отъ этихъ послѣднихъ. Отличіе это состоитъ въ томъ, что у другихъ пророковъ, на ряду съ призывомъ язычниковъ къ покаянію въ данную минуту, находятся и прямые предсказанія объ участіи язычниковъ въ царствѣ Мессіи (цитаты смотр. выше), а вмѣстѣ съ этими послѣдними еще шире развиты предсказанія и о самомъ Мессіи, Его Богочеловѣчествѣ, страданіи и т. п. Ничего подобнаго нѣтъ въ книгѣ пророка Іоны, раскрывающей повидимому одну частную мысль о томъ, что

и язычники способны къ покаянію и достойны спасенія, и поэтому не имѣющей какъ будто въ себѣ положительнаго мессіанскаго элемента. Но отмѣчая это отличіе книги пророка Іоны отъ остальныхъ пророческихъ писаній разсматриваемаго періода, мы должны сказать, что оно нисколько не говоритъ противъ пророческаго въ собственномъ смыслѣ достоинства нашей книги, равнаго съ достоинствомъ остальныхъ собственно пророческихъ писаній, и объясняется тою же мудрою постепенностію въ раскрытіи основной теократической идеи о Христѣ, и тою же приспособительностію въ этомъ развитіи ко времени и обстоятельствамъ, по которой и прежде мессіанская идея или совсѣмъ не была раскрываема пророками, или же представляема была подъ образомъ побѣды Израиля надъ язычниками.

Чтобы лучше уяснить себѣ это, припомнимъ, что отъ времени жизни и дѣятельности пророка Іоны до исполненія времени хотя оставалось и меньше, чѣмъ отъ временъ пророковъ перваго періода: половина пути уже пройдена была ветхозавѣтною теократіей; но за то другая половина этого пути только еще начиналась, и до Христа оставалось цѣлыхъ восемь вѣковъ. Еще много за это время исторической жизни Израиля имѣло совершиться перемѣнъ и переворотовъ, среди которыхъ точныя и подробныя изображенія Мессіи и Его царства могли перетолковаться и исказиться. А еслибы наряду съ такими изображеніями даны были Іеговою чрезъ пророка же Іону еще и такія точныя указанія времени наступленія царства Мессіи, какія даны были напримѣръ чрезъ Даниила; то онѣ могли бы только истомить Израиля въ его ожиданіяхъ Мессіи и даже охладить его ревность въ исканіи послѣдняго. Поэтому гораздо сообразнѣе съ воспріемлемостію Израиля должно было быть, чтобы самыя точныя и подробныя предсказанія о времени и обстоятельствахъ явленія Мессіи и наступленія Его царства высказаны были послѣ всего, чтобы тѣмъ живѣе они были въ памяти народной къ самому времени Мессіи, и тѣмъ легче могли указать послѣдняго въ Іисусѣ, и чтобы въ противномъ случаѣ не явилось недовѣрія къ этимъ предсказаніямъ, или по крайней мѣрѣ безпечности въ дѣлѣ приготовленія себя къ Мессіи. И мы дѣйствительно видимъ, что такія пророчества, какъ напр. Даниила о царствахъ, имѣющихъ быть и разрушиться ко времени явленія вѣчнаго царствія

Мессіи (2 гл.), и о семидесяти седминахъ (9, 24—27), или Малахіи о славѣ *второго* храма Іерусалимскаго и о Предтечѣ Мессіи (3—4), по точности и опредѣленности своихъ данныхъ о времени явленія Мессіи служившія ясными указателями въ ожиданіи наступленія этого времени ¹⁾, даны были послѣ всѣхъ другихъ пророческихъ вѣщаній о Мессіи. Правда, кромѣ этихъ точныхъ указаній времени явленія Мессіи какъ у названныхъ, такъ и у другихъ современныхъ имъ послѣ—плѣнныхъ пророковъ было не мало и такихъ мессіанскихъ предсказаній, которыя въ отношеніи ясности и подробности своихъ образовъ далеко уступаютъ мессіанскимъ же предсказаніямъ раннѣйшихъ пророковъ: пр. Исаія напр., жившій за долго до Даниила, съ такою ясностію, подробностію и глубиною изобразилъ искупительныя страданія Мессіи, что по всей справедливости заслужилъ отъ Отцевъ церкви имя ветхозавѣтнаго евангелиста, равнаго которому не было послѣ. Но 1) говоря о мудрой постепенности въ развитіи мессіанскихъ пророчествъ, мы не думаемъ защищать эту мысль до мельчайшихъ подробностей и до крайности, утверждая справедливость ея лишь въ общемъ, 2) въ такомъ, а не иномъ развитіи мессіанскихъ пророчествъ кромѣ закона постепенности должны были дѣйствовать и дѣйствовали и другіе законы, и между ними напр. законъ мудрой приспособительности этихъ пророчествъ по содержанию ихъ къ обстоятельствамъ жизни израильскаго народа, при которыхъ давались онѣ. Сообразно съ этими обстоятельствами было напр. то, что главное содержаніе мессіанскихъ пророчествъ того же самаго пр. Исаіи, о которомъ рѣчь, и Іереміи состояло въ изображеніи Мессіи, какъ Богочеловѣка и Искупителя, Который страданіями Своими спасетъ міръ отъ тяготѣвшихъ надъ нимъ грѣховъ и примиритъ всѣхъ людей и между собою и съ Богомъ. Но при всей ясности и подробности изображенія такихъ свойствъ Мессіи у плѣнныхъ пророковъ нельзя не замѣтить у нихъ отсутствія

---

¹⁾ Что указанія пророчества были для ветхозавѣтныхъ людей — не только іудеевъ, а и язычниковъ ясными указаніями, по которымъ и тѣ и другіе могли безошибочно узнать время явленія Мессіи, объ этомъ свидѣтельствуетъ уже лихорадочно нетерпѣливое ожиданіе Мессіи, которое было предъ рожденіемъ Спасителя и во время Его и которое выразилось тогда въ появленіи многихъ же-мессій въ Израилѣ и въ пришествіи волхвовъ съ востока въ Іерусалимъ.

точных временных указаний исполненія данных ими образовъ, которое именно и дѣлало ихъ предсказанія менѣе томительными для Израиля, чѣмъ предсказанія позднѣйшихъ. Изображая же такъ Мессію и Его царство, пророки времени плѣна вмѣстѣ съ тѣмъ говорили и о томъ, что царство это будетъ всемірное и будетъ состоять въ правдѣ и святости; побуждая евреевъ безропотно покоряться постигшей ихъ участи плѣнниковъ языческихъ, они тѣмъ самымъ ясно предполагали понятною для Израиля мысль не только о возможности и законности такого всемірнаго царства, а и о необходимости привлеченія въ него іудеями побѣдившихъ ихъ язычниковъ. Выясненіе этой-то послѣдней мысли о возможности и необходимости участія и язычниковъ въ царствѣ Мессіи, какъ царствѣ духовнаго единенія и примиренія съ Богомъ, и указаніе Израилю на необходимость для него быть въ этомъ отношеніи свѣточемъ для язычниковъ и представляетъ собою книга пр. Іоны въ своей основной мысли о томъ, что Іегова—Богъ не іудеевъ только, а и язычниковъ и этихъ послѣднихъ призываетъ къ спасенію и спасаетъ, если они покаятся. Представляя въ своемъ содержаніи выясненіе мысли о возможности и способности вступленія язычниковъ въ духовное единеніе съ Іеговою, единосущнымъ Мессіи, она должна была быть и дѣйствительно была тою путеводною звѣздою, которою Израиль могъ и долженъ былъ руководиться въ пониманіи подробныхъ мессіанскихъ предсказаній послѣдующихъ пророковъ и безъ которой эти предсказанія не могли быть ни переданы Израилемъ язычникамъ, ни восприняты тѣмъ и другими.

Въ самомъ дѣлѣ уже ко времени пр. Іоны одностороннее пониманіе прежнихъ мессіанскихъ предсказаній, представлявшихъ царство Мессіи, какъ владычество Израиля и надъ язычниками, развилось очень широко. Самъ пр. Іона, одинъ изъ лучшихъ представителей Израиля, бѣжалъ отъ лица Іеговы, чтобы не идти съ проповѣдью покаянія въ языческую Ниневію. Можно судить поэтому, какъ нежелательна была вообще для Израиля мысль о томъ, что и язычники стануть участниками мессіанскаго спасенія. Въ этомъ недоброжелательномъ отношеніи Израиля къ язычникамъ, обусловленномъ какъ настоящимъ упадкомъ прежняго внѣшняго могущества этого народа, такъ и доселѣ еще живыми для Израиля пророчествами и прообразами мессіанскаго царства, дан-

ными въ славныя времена Давида и Соломона и въ духѣ ихъ славныхъ царствованій, какъ нельзя лучше, выразилось то, какъ узко односторонне поняты были имъ эти пророчества и образы, какъ мало готовъ былъ Израиль къ своей будущей миссіи—быть свѣточемъ язычникамъ и даже къ личному усвоенію и пониманію мессіанскихъ вѣщаній послѣдующихъ пророковъ. Между тѣмъ не много времени спустя послѣ жизни и дѣятельности пр. Іоны должны были наступить сначала ассирійское, а потомъ и вавилонское плѣненія, которыя, вводя Израиля въ ближайшее соприкосновеніе съ язычниками, дѣлали болѣе легкимъ для него выполненіе его миссіи среди этихъ послѣднихъ, а тяжелымъ внѣшнимъ положеніемъ среди нихъ Израиля дѣлали для послѣдняго болѣе понятными и самыми мессіанскія предсказанія пророковъ того времени, въ своихъ внѣшнихъ образахъ заимствованныя отчасти отъ этого положенія. Что стало бы и съ этою миссіею и съ этими предсказаніями, еслибы прежде нихъ не явился съ своею проповѣдью пр. Іона? Не естественно ли предполагать, что и прежде уже бывшее недоброжелательное отношеніе Израиля къ язычникамъ, усилилось бы еще, и Израиль даже въ лучшихъ своихъ представителяхъ отказался бы совсѣмъ быть вѣстникомъ Іеговы среди враговъ своихъ? Не естественно ли предполагать, что и самыя предсказанія послѣдующихъ пророковъ, понятныя для Израиля въ той ихъ части, которой онѣ соприкасались съ настоящимъ тяжелымъ внѣшнимъ положеніемъ этого народа, остались бы не доступными не только сердцу, а и уму Израиля сътой стороны ихъ, съ которой мессіанское царство представлялось у пророковъ, какъ достояніе всѣхъ людей—и іудеевъ и язычниковъ?... Чтобы предостеречь Израиля отъ могущаго произойти при этомъ всякомъ случаѣ нежелательнаго для цѣлей теократіи пониманія дѣла и отношенія къ нему, и нужно было именно теперь, не задолго до разрушенія израильскаго царства, прежде вѣщенія другихъ въ собственномъ смыслѣ мессіанскихъ предсказаній, раскрыть ту именно общую и основную мысль, что и язычники способны отвращаться отъ своего злаго пути и что Іегова, какъ Богъ всѣхъ людей, и ихъ призываетъ ко спасенію, словомъ ту мысль, которая и составляетъ основную мысль книги пр. Іоны.

Съ другой стороны это раскрытіе основной мысли книги пр. Іоны ранѣе плѣненія важно было и для язычниковъ, которые

должны были воспринимать отъ евреевъ мессіанскія идеи пророковъ и чрезъ то приготовляться къ принатію Мессіи. Путь, которымъ должно было совершиться и это воспріятіе и это приготовленіе, состоялъ съ вѣшной стороны въ господствѣ язычниковъ надъ плѣннымъ ими Израилемъ, съ внутренней—въ духовномъ подчиненіи этому послѣднему язычникамъ. Но для того, чтобы побѣдителя-язычники могли внимать законамъ побѣжденныхъ—евреевъ, нужно было, чтобы язычники еще прежде плѣна утвердились не въ той только мысли, что Іегова, Богъ еврейскій, подчинившій имъ народъ Свой, есть дѣйствительный Богъ, имѣющій власть и вѣдѣніе страны своей (одна эта мысль не могла искоренить ихъ горделиво-презрительнаго отношенія къ побѣжденнымъ евреямъ, а слѣдовательно и къ пѣснямъ сіонскимъ), а и въ той главнымъ образомъ, что настоящее милостивое отношеніе къ нимъ Іеговы не есть заслуженная съ ихъ стороны плата имъ за ихъ поведеніе, а единственно лишь плодъ милосердія Іеговы, кающагося о злобахъ человѣческихъ. Нужно было язычникамъ опытно дознать то, что Іегова можетъ и миловать ихъ за покаяніе и наказывать за ихъ злыя дѣла и что царство Его есть царство кротости и добра. Это опытное дознаніе важно было для язычниковъ потому, что они предъ временемъ своего господства надъ евреями, по своей жизни и дѣятельности дѣйствительно были таковы, что вопль злобы ихъ вопіялъ на небо объ отмщеніи. Такимъ были они по свидѣтельству не одной книги пр. Іоны. Отсюда-то и понятнымъ становится, въ какомъ отношеніи важно и необходимо было для язычниковъ слово Іеговы, бывшее къ пр. Іонѣ. Оно должно было содѣйствовать нравственному исправленію язычниковъ, которое, утверждая ихъ въ мысли объ Іеговѣ, какъ Карателя и Спасителя всѣхъ людей—не іудеевъ только, а и язычниковъ, должно было дѣлать ихъ способными стать орудіемъ наказанія Израиля отъ Іеговы и наконецъ чуткими къ тѣмъ мессіанскимъ вѣщаніямъ еврейскихъ пророковъ, которыя должны были быть сообщены имъ чрезъ тѣхъ же побѣжденныхъ ими евреевъ.

Такимъ образомъ изъ представленнаго нами сопоставленія основной мысли книги пр. Іоны съ идеею ветховавѣтной теократіи и пророческаго служенія въ ней вообще, съ духомъ и характеромъ осуществленія ихъ въ исторической жизни Израиля и язычниковъ, равно

какъ и изъ сопоставленія этой основной мысли книги пр. Іоны съ мессіанскими предсказаніями слѣдующихъ за нимъ пророковъ и съ историческими условіями жизни Израиля и язычниковъ времени Іоны и непосредственно слѣдовавшаго за нимъ, ясно должно слѣдовать, что откровеніе слова Іеговы, бывшаго къ пр. Іонѣ о спасеніи язычниковъ, откровеніе, данное именно вонремя жизни этого пророка, было благовременно и плодотворно, какъ для іудеевъ, такъ и для язычниковъ въ ихъ историческомъ шествіи въ Мессіи; а это ясно указываетъ на полное соотвѣтствіе слова Іеговы къ Іонѣ основной теократически мессіанской идеи самой въ себѣ, и въ ея историческомъ развитіи. Другое слѣдствіе представленнаго сопоставленія—то, что появленіе этого слова, какъ такого и въ данное время, не было и не могло быть однимъ лишь логическимъ выводомъ изъ предыдущихъ мыслей и фактовъ теократіи и профетизма, сдѣланнымъ человѣческимъ разумомъ; въ своемъ первоисточникѣ оно исходило свыше—отъ ума неограниченнаго, божественнаго, было сверхъестественнымъ божественнымъ откровеніемъ—истиннымъ словомъ пророческимъ ¹⁾. Проповѣдь пр. Іоны можетъ быть разсматриваема, какъ раздѣлительная грань съ одной стороны между раннѣйшими пророками, какъ служителями теократіи въ ея частномъ, національно-іудейскомъ значеніи, съ другой—между тѣми, предметъ вѣщаній которыхъ составляла по преимуществу мессіанская идея въ ея всемірномъ значеніи. Проповѣдь эта содержитъ благу ю вѣсть о спасеніи Іеговою не іудеевъ только, а и язычниковъ. Она изречена была

---

¹⁾ Изъ представленнаго же сопоставленія самъ собою слѣдуетъ еще одинъ выводъ, не имѣющій прямаго отношенія къ выясненному нами пророческому значенію и смыслу основной мысли книги пр. Іоны, но весьма важный для цѣлей нашего изслѣдованія въ его цѣломъ, выводъ который поэтому мы и хотимъ отмѣтить здѣсь подъ строкой. Выводъ этотъ тотъ, что если сообразно съ исторіей и задачей теократіи и профетизма важно было выясненіе основной мысли книги пр. Іоны не въ какое-либо другое (раннѣйшее ли то, или позднѣйшее—это все равно), а именно въ указанное нами время—время жизни и дѣятельности пр. Іоны, и что если поэтому она есть истинно-пророческое слово; то ясно значить, что въ это именно время, а не въ позднѣйшее, какъ думаютъ противники подлинности книги пр. Іоны, и написана была эта книга и что поэтому она подлинна. Впрочемъ это послѣднее яснѣе будетъ видно изъ послѣдующаго.

тогда, когда Израиль вступалъ еще только на путь языковъ, изречена была не предъ іудеями только, а прежде всего предъ язычниками и потому записана была въ особый свитокъ, рядъ которыхъ и долженъ былъ составлять собою отдѣлъ пророческихъ писаній. Какъ тавад, проповѣдь пр Іоны по всей справедливости должна быть признана первою по времени и по содержанію собственно пророческою книгой ¹⁾. Въ ней мессіанская идея о спасеніи всѣхъ людей есть главная основная мысль книги, но именно потому, что проповѣдь эта—первая по времени собственно пророческая проповѣдь, въ ней эта идея представлена лишь въ общихъ чертахъ, и съ той именно стороны, съ которой она больше, чѣмъ мессіанскія идеи послѣдующихъ пророковъ, служила религиозно-нравственному воспитанію Израиля и язычниковъ въ данный моментъ.

Этимъ мы кончаемъ выясненіе пророческаго смысла и значенія основной мысли книги пр. Іоны, и переходимъ къ разсмотрѣнію формы, въ которую заключена въ ней эта мысль.

Форма книги пр. Іоны есть исторія. Книга эта раскрываетъ свою основную мысль не теоретически, а въ историческомъ повѣствованіи о проповѣди пр. Іоны въ Ниневіи, причемъ историческій элементъ въ такой мѣрѣ выступаетъ на первый планъ, что естественно является вопросъ о пророчесственномъ же смыслѣ и значеніи и всѣхъ историческихъ подробностей, которыми обставлено въ книгѣ пр. Іоны самое слово Іеговы, бывшее къ нему. Ибо, повторяемъ, нельзя же въ самомъ дѣлѣ думать, что это историческое содержаніе книги есть не больше, какъ простая рамка пророческаго слова; потому что содержаніе это и са-

¹⁾ Прогнвъ этого само собою разумѣется, нисколько не говоритъ настоящее мѣсто книги пр. Іоны въ ряду собственныхъ пророческихъ писаній. Книги пррр. Исаяи, Іереміи и Іезекіиля и въ еврейскомъ канонѣ, и у насъ стоятъ на первомъ мѣстѣ и называются большими по большому объему ихъ сравнительно съ объемомъ книгъ малыхъ пророковъ, къ которымъ собственно и принадлежитъ книга пр. Іоны, между этими же послѣдними, расположенными въ общецъ хронологически, книга пр. Іоны занимаетъ не первое мѣсто потому, что книги пророковъ Осіи, Іоля и Амоса стоящія впереди ея больше ея по своему объему, отчасти же и потому, что эти послѣднія суть писанія пророковъ іудейскаго царства, всегда стоящаго по своему значенію впереди израильскаго въ которомъ принадлежалъ Іона изъ Генаховера

мымъ объемомъ и характеромъ своимъ такъ затѣляетъ основную мысль книги, что ея могло бы быть и не видно для Израиля, которому вѣрено было это слово, для котораго оно было ново и съ національнымъ сознаниемъ котораго оно шло даже въ разрѣзъ, если бы и форма книги пророка Іоны не имѣла пророческаго смысла и значенія. Форма же эта при первомъ уже взглядѣ на нее, многое объясняетъ, раскрываетъ и доказываетъ въ самомъ пророческомъ словѣ Іоны: она имѣетъ съ основною идеею книги внутреннюю органическую связь. Итакъ не только естественно, а и необходимо предположить, что книга пророка Іоны есть книга пророческая не по своей только основной идеѣ, заключающейся въ словѣ Іеговы, данномъ пророку, а и по своей исторической формѣ. Въ этой послѣдней она еще болѣе заключаетъ въ себѣ пророческаго элемента, чѣмъ сколько видно его въ самомъ словѣ Іеговы къ пр. Іонѣ, которое, какъ надпись лишь къ пророческой картинѣ, не такъ ясно, полно и убѣдительно излагаетъ мессіанскую идею о спасеніи язычниковъ, какъ бы требовали того и значеніе пророческаго слова вообще, и характеръ пророческихъ вѣщаній остальныхъ пророковъ, равно какъ и самыя нужды и потребности іудеевъ и язычниковъ. Ибо ассирійское и вавилонское плѣненія, имѣвшія наступить скоро послѣ Іоны и приготовить евреевъ къ выполненію указанной имъ миссіи по отношенію къ язычникамъ, не были еще указаны евреямъ пророками, какъ путь, которымъ должна быть возвѣщена язычникамъ идея спасенія, и даже какъ форма, въ которой оно должно совершиться. Послѣдующіе за Іоною пророки прямо и ясно предсказывали и о плѣнѣ евреевъ и о страданіи Мессіи¹⁾; но нужно же было приготовить еврейское сознание къ усвоенію самыхъ этихъ идей бѣдствія и страданія, какъ идей теократическихъ и мессіанскихъ; ибо слово пророческое должно было быть живымъ словомъ имѣющимъ воспитывающее значеніе для жизни евреевъ. Это-то и давала евреямъ книга пр. Іоны въ своемъ историческомъ содержаніи. Впрочемъ начнемъ съ начала...

Пророческое слово вообще есть не только слово Премудраго и Всемоущаго Бога, а и слово Бога именно къ людямъ. Пророкъ не

¹⁾ Цитаты см. ниже

предсказатель только будущихъ событій и вообще человѣкъ отъ Самаго Бога узнающій волю Его, а пересказыватель—передатчикъ этой воли и этихъ событій людямъ ¹⁾). Какъ такой, пророкъ долженъ былъ, изрекая свое пророчество, представлять его въ формѣ доступной пониманію ограниченнаго ума человѣческаго, нуждающагося и въ разъясненіи ему пророческаго слова, и въ обоснованіи его. Какъ сынъ своего народа и времени, пророкъ, далѣе, нуждался во всемъ этомъ и самъ для себя. Мало того. Слово пророческое, какъ откровеніе людямъ воли божественной, пусть даже о самомъ отдаленномъ будущемъ, должно было быть живымъ словомъ, т.-е. такимъ, которое вліяло бы на жизнь человѣка, возбуждало бы эту жизнь съ той ея стороны, съ которой она должна имѣть отношеніе къ этому будущему; безъ этого непонятнымъ стало бы, почему та или иная воля божественная открыта была въ такое, а не въ иное время, этимъ, а не другимъ людямъ. Если же такъ должно быть съ словомъ пророческимъ вообще; то понятно, что все это должно было имѣть свое приложеніе и къ слову Іеговы, бывшему къ пр. Іонѣ о спасеніи язычниковъ. Іудею, мыслившему объ язычникахъ, какъ о врагахъ народа Божія и Іеговы, нужно было не сказать только то, что язычники способны принять спасеніе отъ Іеговы, а и показать, какъ способны и почему достойны они принять это спасеніе, показать въ живомъ и наглядномъ для нихъ образѣ. Далѣе маловѣрному іудею, всегда проспавшему себѣ знаменій отъ пророковъ въ удостовѣреніе ихъ пророчествъ, не постыдившемуся обратиться съ такими требованіями къ Самому Мессіи (Іоан. 6, 30), нужно было доказать, что данное Іонѣ слово Іеговы о спасеніи язычниковъ есть подлинно божественное слово. Если по отношенію къ слову человѣческому такое значеніе доказательствъ и основаній его могутъ имѣть отвлеченныя логическія соображенія и аксіомы, то по отношенію къ слову божественному такіа соображенія могутъ имѣть мѣсто развѣ.

¹⁾ Такое значеніе пророка выражается и въ самыхъ употребительныхъ названіяхъ его —еврейскомъ и греческомъ. Самое употребительное еврейское имя пророка: *נביא* означаетъ именно проповѣдника, передающаго мысль одного другому, посредника между лицами. Въ такомъ значеніи это слово употреблено въ Исх. 16. 7, 1—2. Греческое же имя пророка: *προφήτης* составлено изъ глагола *φύω* *говорю*, и предлога *πρό*—*передъ* въ значеніи и прежде, и предъ лицомъ кого либо, за кого-либо

послѣ исполненія этого слова, и при этомъ все таки не въ значеніи послѣднихъ обоснованій этого слова, какъ божественнаго, а лишь въ смыслѣ показателей божественности его. Доказать же данное слово божественное, какъ именно такое, доказать непрерываемо и тогда, когда оно еще не исполнилось, возможно только черезъ чудо, какъ непосредственное дѣло всемогущаго Бога: не напрасно чудо на языкѣ писанія называется *знаменіемъ* божественнымъ (ср. Іоан. 5, 36; 14, 10—12). Точно такое же доказательство нужно было и для слова Іеговы, бывшаго къ Іонѣ, о спасеніи и язычниковъ. Затѣмъ, представивши Израилю эту мессіанскую идею съ ея объективной стороны, нужно было придать слову пророка характеръ слова живаго, относящагося не къ отдаленному только будущему, а къ живой исторической дѣйствительности. Именно нужно было наглядно показать іудеямъ, современникамъ пр. Іоны, что высокая идея о спасеніи Іеговою и язычниковъ, при всей ея новости и кажущейся неудобопріемлемости, вполнѣ осуществима, притомъ не въ отдаленномъ только будущемъ, а и въ настоящемъ. Всѣ эти доказательства и разъясненія, не имѣющіяся въ самомъ словѣ Іеговы, бывшемъ къ пр. Іонѣ, и даны въ историческихъ подробностяхъ, наполняющихъ книгу нашего пророка. Такъ столкновеніе пророка съ языческими корабельщиками и поведеніе этихъ послѣднихъ, равно какъ и поведеніе самихъ ниневитянъ послѣ проповѣди у нихъ пророка должны были объяснить іудеямъ способность язычниковъ къ воспріятію спасенія отъ Іеговы, чудо съ пророкомъ Іоной во чревѣ рыбы великой должно было фактически доказать имъ божественное происхожденіе и значеніе Іониной проповѣди, а событія, случившіяся послѣ проповѣди пророка въ Ниневіи и въ самомъ городѣ и внѣ его, должны были показать евреямъ ихъ настоящее отношеніе къ пророческой проповѣди, научить отношенію истинному и убѣдить въ нравственной законности такого отношенія. Прибавимъ, что все это необходимо было не только для евреевъ, современниковъ пр. Іоны, а и для него самаго. И онъ, хотя и избранникъ Божій и истинный пророкъ Іеговы, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ сыномъ своего народа и своего времени, что и доказалъ онъ между прочимъ своимъ поведеніемъ во время проповѣди.

Подобнаго рода сопровожденіе божественныхъ откровеній соответствующими имъ подробностями историческаго содержанія

не безпримѣрно и у другихъ пророковъ въ ихъ пророческихъ писаніяхъ. Пророкъ Исаія, высказывая свое великое пророчество объ Эммануилѣ, имѣющемъ родиться отъ Дѣвы, подтверждалъ и разъяснялъ его историческими подробностями изъ личной жизни и изъ жизни Ахаза, царя іудейскаго (гл. 7 и 8). И всѣ вообще ветхозавѣтныя пророчества *вдаль* (2 Ц. 7,34) — объ отдаленныхъ мессіанскихъ временахъ представлялись пророками не въ ихъ объективной отдѣльности, а въ связи съ чудесными предсказаніями о чемъ-либо ближайшемъ такъ, чтобы для непосредственныхъ слушателей пророковъ непреложность предсказаній послѣднихъ объ отдаленномъ будущемъ сама собою вытекала изъ того, что они видѣли, или скоро должны были увидѣть исполненіе пророчества о ближайшемъ будущемъ. Конечно, и эти послѣднія предсказанія имѣли свою самостоятельную цѣль въ планѣ ветхозавѣтнаго домостроительства приготовленія людей къ принятію Спасителя; но нельзя отрицать и того, что онѣ должны были представлять собою доказательство божественной непреложности пророчествъ объ отдаленномъ будущемъ. Это были въ своемъ родѣ тѣ же чудеса, что и чудо съ пр. Іоной во чревѣ рыбы, и съ тою же цѣлію. Далѣе и у другихъ пророковъ выясненіе субъективной стороны ихъ пророчески-мессіанскихъ идей на ряду съ объективнымъ изложеніемъ самыхъ этихъ идей точно также было самымъ обычнымъ явленіемъ. Таковы по своему значенію тѣ несомнѣнно историческія изображенія религіозно-нравственнаго состоянія современниковъ пророка, которыя встрѣчаются въ другихъ пророческихъ писаніяхъ. Будучи внесены въ пророческія книги, какъ историческія рамки заключающихся въ нихъ пророчествъ, онѣ вмѣстѣ съ тѣмъ представляютъ собою выясненіе и раскрытіе бывшихъ и долженствовавшихъ быть отношеній Израиля къ сообщавшимся ему при этомъ пророчествамъ, — отношеній, которыя въ свою очередь должны были объяснять собою, почему въ данный моментъ дано было такое, а не иное пророчество. Словомъ значеніе ихъ то же, какое мы предполагаемъ и въ историческихъ подробностяхъ слова Іеговы, бывшего къ пр. Іонѣ.

Впрочемъ, сближая такимъ образомъ историческое содержаніе книги пр. Іоны съ историческими же элементами въ прочихъ писаніяхъ пророческихъ, мы далеки отъ мысли отождествлять ихъ.

При указанномъ нами сходствѣ между ними имѣеть мѣсто и довольно существенное различіе. Различіе это заключается въ томъ, что въ другихъ пророческихъ писаніяхъ историческія обоснованія и разъясненія изрекаемой въ нихъ той или другой пророческой идеи или совѣмъ не имѣють съ ней внутренняго сродства, какъ ея случайные образы ¹⁾, или, если имѣють такое сродство, то это послѣднее не носитъ характера такой органической связи, какая обыкновенно соединяетъ двѣ существенныя части одного цѣлаго ²⁾; въ книгѣ пр. Іоны совѣмъ не то. Въ ней ея историческое содержаніе, сгруппированное около слова Іеговы, бывшаго къ пр. Іонѣ, (помимо того, что занимаетъ собою гораздо большую часть книги сравнительно съ тѣми двумя стихами, въ которыхъ изложено то слово Іеговы, настолько большую, что послѣднее какъ бы теряется въ этомъ содержаніи, чего нѣтъ въ другихъ пророческихъ писаніяхъ) является не какъ что-либо внѣшнее и случайное по отношенію къ этому слову Іеговы, а какъ и само въ себѣ живое, и по отношенію къ нему существенное и съ нимъ единое.

Если же такъ; то все историческое содержаніе книги нашего пророка, стоящее во внутренней органической связи съ самымъ пророческимъ словомъ Іоны, есть уже не простое логическое обоснованіе и разъясненіе этого слова, а живой образъ его, самое это слово въ его дѣйствительности и въ осуществленіи; такъ что самъ пророкъ, которому открыто было это слово въ его, такъ сказать идеѣ, является въ книгѣ не простою только трубою Іеговы, пусть даже сознательною, способною на противорѣчія Іеговѣ, но все же внѣшнею по отношенію къ самому слову ³⁾, а въ связи со всѣми лицами, событіями и явленіями, о которыхъ говоритъ Іона въ своей книгѣ, такимъ же, или лучше, тѣмъ же самымъ пророческимъ словомъ, которое выслушалъ Іона отъ Іеговы, представленнымъ лишь въ своемъ раскрытіи, въ своей конкретной

¹⁾ Это должно сказать о подобіяхъ, сравненіяхъ, символическихъ дѣйствіяхъ и даже въ некоторыхъ чудесахъ другихъ пророковъ

²⁾ Такъ въ типологическихъ предсказаніяхъ.

³⁾ Конечно Іона былъ и такою трубою не только тогда, когда изрекалъ пророчество Іеговоу, а и тогда, когда получалъ и передавалъ слово Іеговы вавилтянамъ о спасеніи ихъ.

дѣйствительности. Это одна пророческая картина, предложенная намъ непосредственно Самимъ Богомъ, въ которой самое слово Іеговы къ Іонѣ о спасеніи язычниковъ есть, какъ бы, надпись ея, ея заголовокъ, наименованіе, а историческія обстоятельства, сопровождавшія произнесеніе этого слова—самая картина, написанная тѣмъ же Іеговою, Который изрекъ и то слово, только написанная другими красками, въ другой формѣ ¹⁾. Это прообразъ, какъ были прообразами приношеніе Исаака въ жертву (Быт. 22, 1—19), вознесеніе мѣднаго змія въ пустынь (Числ. 23, 6—9) и многое другое въ ветхомъ завѣтѣ. Пророкъ и всѣ окружавшіе его, такъ сказать, переживали въ своей жизни (въ тѣхъ событіяхъ, которыя описаны въ книгѣ) слово Іеговы бывшее къ Іонѣ, какъ Давидъ напр. переживалъ нѣчто изъ страданій Господа, Соломонъ — изъ Его славы (см. напр. Пс. 21, 15, 44, 109 и др.) ²⁾.

Да, мы не можемъ согласиться съ тою мыслию, будто безъ попредположенія символизаціи вся исторія пр. Іоны немислима, будто она преднамѣрена была Богомъ, какъ простой символъ ³⁾. Человѣчество имѣетъ свое значеніе и достоинство въ очахъ Божіихъ не въ своемъ только общемъ и цѣломъ, а и въ отдѣльныхъ своихъ индивидахъ, какъ частяхъ, изъ которыхъ слагается цѣлое. Если все человѣчество должно быть царствомъ Божиимъ (Апол. 20, 1—7)—церковію Божіею; то и каждый отдѣльный человекъ, какъ одинъ изъ камней этого зданія церкви, долженъ быть въ свою очередь живымъ храмомъ Духа Святаго, какъ бы отраженіемъ всей церкви въ ея цѣломъ (1 Петр. 2, 4—8; Римл. 8, 9—11; 1 Кор. 3, 16). Съ другой стороны и царство Божіе, принесенное на землю Мессіею, по самой его божественности, нельзя ограничивать ни мѣстомъ, ни временемъ: фактъ искупленія совершился конечно въ данное время и въ данномъ мѣстѣ, но плоды его должны простираться на весь міръ, способный къ воспріятію ихъ, не только послѣ христіанскій, а и до христіанскій,

¹⁾ Не потому ли самое слово Іеговы къ пр. Іонѣ изложено въ книгѣ его такъ кратко и не опредѣленно, тогда какъ историческія обстоятельства его описаны такъ подробно?

²⁾ Ср. объ этомъ въ сочин. Каменскаго. „Изображеніе Мессіи въ Псалтири.

³⁾ См. Гевгстевберга цитов. въ введеніи сочин. его стр. 472.

и даже допотопный (1 Петр. 3, 19—20). Если же такъ, то ясно значить, что и все рассказанное въ книгѣ пр. Іоны и о самомъ пророкѣ, и о корабельщикахъ, и о ниневитянахъ должно имѣть значеніе не только, какъ символъ, самъ въ себѣ мертвый и случайный по отношенію къ слову Іеговы, не какъ только форма этого слова, а какъ само оно въ его приложеніи къ тѣмъ лицамъ. И Іона, и корабельщики, и ниневитяне должны были быть дороги Богу и сами въ себѣ, какъ личности, для которыхъ точно также, какъ и для насъ, предназначено было Богомъ и возвѣщенное Имъ пр. Іонѣ слово о спасеніи. Въ этихъ людяхъ оставалась еще восприимлемость къ спасенію—у нихъ живо было покаянное чувство, и Богъ не могъ не радоваться объ этомъ покаяніи, а они не могли остаться безучастными по отношенію къ этой радости—къ этому спасенію; они имѣли право на него, пусть даже только отчасти. Это спасеніе не было и не могло быть полнымъ примиреніемъ человѣка съ Богомъ (1 Петр. 3, 19), какъ невозможно было крови юнчей и козлей отпущати грѣхи (Евр. 10, 4); ибо удовлетвореніи правдѣ Божіей безцѣнною кровію несорочнаго Агнца не было еще принесено на самомъ дѣлѣ; все же мы не можемъ отрицать, что какъ принесеніе къ алтарю крови юнчей, такъ и искаяніе давали приносящему и кающемуся нѣкое успокоеніе—не чувство только примиренія съ Богомъ, а и самое это примиреніе по силѣ вѣры въ примиряющаго Искупителя (Пс. 50, 15; Іоан. 8, 56). То было не самымъ образомъ вещей, а лишь сѣнію грядущихъ благъ (Ев. 10, 4); но эта сѣновность разсматриваемыхъ нами историческихъ фактовъ книги пр. Іоны даетъ намъ право считать ихъ, какъ бы, начатками мессіанскаго спасенія, возвѣщеннаго въ словѣ Іеговы къ пр. Іонѣ, и начатками спасенія съ той именно стороны и въ томъ направленіи, съ которой оно представлялось въ тѣхъ фактахъ.

Конечно, говоря такъ, мы хотимъ утверждать не то, что до времени пр. Іоны ничего подобнаго не было въ челоѣчествѣ въ дѣйствительности, а лишь то, что доселѣ это предвкусеніе мессіанскаго спасенія не сознавалось, именно какъ такое, съ этого же момента оно должно было сознаваться, какъ такое, ясно. Въ этомъ случаѣ въ царствѣ добра и благодати должно было совершаться тоже самое, чгò было и въ царствѣ грѣха и наказанія. *И до закона грѣхъ былъ въ мѣртъ, но онъ не вѣтъ-*

няся не сущу закону (Римл. 5, 13), онъ былъ какъ бы мертвъ (7, 8), его какъ бы не было; съ появленіемъ же закона умножилось и преступленіе (5, 20): *грѣхъ сталъ крайне грѣшенъ посредствомъ заповѣди* (7, 13). Точно тоже должно было быть и въ царствѣ благодати. Дары благодати, какъ мессіанское спасеніе, передающееся въ этихъ дарахъ (пусть даже лишь отчасти), были раздаваемы въ мірѣ и до Христа, Который заслужилъ ихъ, и даже до пророковъ, предвозвѣстившихъ о нихъ; но до пророковъ эти дары не сознавались, именно какъ мессіанское спасеніе, и потому не такъ цѣнились и вмѣнялись. Какъ скоро же это спасеніе являлось въ мірѣ человѣческомъ вмѣстѣ съ прямымъ словомъ Іеговы о томъ, что это спасеніе есть спасеніе отъ Іеговы, источника мессіанскаго спасенія, оно должно было сознаваться, какъ такое, и въ такомъ именно видѣ воздѣйствовать на дальнѣйшую жизнь, предугадуя на самый образъ вещей ¹⁾).

Знаменательно въ самомъ дѣлѣ то, что прообразы, бывшіе въ первое время теократіи и записанные въ книгѣ напр. закона Моисеева, не имѣютъ подлѣ себя прямого слова Іеговы, о прообразованныхъ событіяхъ, въ книгѣ же пр. Іоны историческія обстоятельства, названные нами прообразовательными, даны вмѣстѣ съ прямымъ словомъ Іеговы о томъ спасеніи, которое изображаютъ онѣ. Не указываетъ ли и эта особенность формы книги пр. Іоны на то, что книга эта, появившись, такъ сказать, на рубежѣ двухъ періодовъ теократіи, есть истинно пророческая книга не только въ своей основной мысли, а и въ своемъ историческомъ содержаніи? Содержаніе это соединено въ ней съ прямымъ пророческимъ словомъ, какъ будто нарочито для того, чтобы ясно было людямъ, кѣмъ, какъ и при какихъ обстоятельствахъ можетъ, должно будетъ быть и будетъ передано язычникамъ спасеніе возвѣщенное въ томъ словѣ. Не безъ причины по этому и Господь нашъ Іисусъ Христосъ, выясняя пророчесвенный смыслъ и значеніе книги Іоны, остановилъ внима-

¹⁾ Конечно это сознаніе мессіанскаго спасенія и послѣ момента его возвѣщенія пророками до Христа не могло быть такимъ яснымъ и полнымъ, какъ послѣ Христа; но это различіе есть различіе лишь количественное, а не качественное, слѣдовательно не существенное. Впрочемъ подробнѣе объ этомъ ниже.

ніе Своихъ слушателей именно на историческомъ содержаніи этой книги, на историческія обстоятельства, описанныя въ этой книгѣ, указалъ, какъ на знаменіе для рода Своего, который за невѣріе свое мессіанскому достоинству Іисуса долженъ былъ быть осужденъ именно виневи́тиями, показавшимися отъ проповѣди Іоанной (Мѡ. 11, 42). Стало-быть, по мысли Господа, въ этомъ именно историческомъ содержаніи книги Іоны современники его (Іисуса) должны были искать и видѣть пророчественно-прообразовательное указаніе на мессіанское спасеніе предсказанное ей. Итакъ ясно должно быть, что историческое содержаніе книги пр. Іоны должно имѣть пророчественное значеніе не съ формальной, логической только стороны своей, а и съ матеріальной, относящейся къ самому существу мессіанскаго пророчества, заключающагося въ словѣ Іеговы къ пр. Іонѣ, какъ прообразъ его.

Заключеніе о пророчественно - прообразовательномъ значеніи историческаго содержанія книги пророка Іоны должно быть еще очевиднѣе, если мы обратимъ вниманіе на то, почему мессіанская идея книги пр. Іоны открыта была въ ней не въ символахъ апокалипсическихъ видѣній Даніила и Захаріи, и не въ живыхъ національно-іудейскихъ образахъ ея, не имѣющихъ съ нею непосредственнаго внутренняго родства, какъ у Исаи, Іереміи и другихъ, а именно въ прообразѣ, соединенномъ съ прямымъ пророческимъ словомъ. Въ самомъ дѣлѣ, почему это такъ? Потому же, отвѣчаемъ, почему и въ новомъ завѣтѣ откровеніе божественное народу предлагаемо было сначала въ притчахъ Самимъ Господомъ, который мало говорилъ безъ притчей, развѣ только ученикамъ Своимъ (Мѡ. 13, 10—13; Іоан. 16, 29), потомъ въ прямомъ учительномъ словѣ апостольскомъ—въ посланіяхъ Іакова, Петра, Іоанна и особенно Павла, и наконецъ уже въ апокалипсическихъ видѣніяхъ Іоанна; потому же, почему и въ ветхомъ завѣтѣ, въ его первой половинѣ, мессіанское будущее съ особенною рельефностію выставлено было въ прообразахъ, затѣмъ въ прямомъ пророческомъ словѣ и наконецъ уже въ видѣніяхъ Даніила; т. е. въ силу неприспособительности божественныхъ откровеній не только въ содержаніи, а и въ формѣ ихъ къ степени пониманія и нуждамъ тѣхъ, кому давались онѣ. Время жизни и дѣятельности пр. Іоны было предъ началомъ или въ началѣ того періода, въ который Израиль, самъ уже воспигавшійся въ народъ завѣта, призывался

быть руководителемъ и свѣточемъ для язычниковъ на пути вхъ шествія къ Мессіи. Поэтому тайна царствія Божія, открытая Іеговою Іонѣ преимущественно съ своей нравственной стороны (срав. Іоан. 4, 16—29), открыта была не въ апокалипсическомъ видѣніи (для пониманія котораго, какъ непосредственнаго созерцанія божественной истины разумомъ, нужна была духовная опытность, вполнѣ понятная лишь въ концѣ временъ—при мудрецѣ Даниилѣ ¹⁾) и не могшая быть достояніемъ людей, только что вступающихъ въ золотой вѣкъ пророчества), и не въ прямомъ пророческомъ словѣ (которое, какъ и слово апостольское, должно было не насаждать вѣру, а утверждать ее уже насажденную (Лук. 1, 4), было пищею удобоприемлемою лишь для искушенныхъ въ горнилѣ плѣна евреевъ), а именно въ прообразѣ, который, какъ и притча, отличается не только бѣльшей наглядностію сравнительно съ прямымъ пророческимъ словомъ, а и бѣлье очевидной несомнѣнностію ²⁾.

Что же прообразовало собою историческое содержаніе книги пр. Іоны, сгруппированное около слова Іеговы къ пророку о спасеніи язычниковъ? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, надлежитъ сначала опредѣлить главные моменты исторіи пр. Іоны, или точнѣе, исторіи слова Іеговы бывшаго къ нему, и затѣмъ подыскать соотвѣтствующіе имъ моменты въ исторіи самаго спасенія, предсказаннаго въ томъ словѣ и наконецъ уже доказать тѣсную, внутреннюю органическую связь между тѣми и другими моментами.

¹⁾ Не отъ того ли, что апокалипсическая форма откровенія есть достояніе духовно-умудренныхъ людей, и апокалипсисъ Іоанна богослова и книга пр. Даниила доселѣ еще одѣтъ пѣзъ самыхъ трудныхъ для пониманія книгъ Писанія?

²⁾ Само собою разумѣется, что, сопоставляя прообразъ съ притчею, мы не думаемъ отрицать того существеннаго различія между ними, о которомъ говорили выше, а утверждаемъ только, что между ними должно быть существенное сходство въ отношеніи къ ихъ наглядной убѣдительности, и то лишь въ томъ случаѣ, если прообразовательные факты имѣютъ подлинно историческое значеніе и, какъ такіе, нарочито преднамѣренны были самимъ Богомъ. Въ этомъ смыслѣ и „все извѣданное отцами еврейскаго народа исперва было принимаемо и понимасмо евреями, какъ притча и гаданіе (Пс. 77, 13) и именно, какъ притча во (на) время настоящее, или что гоже, прообразъ, въ этомъ яменно смыслѣ исторія пр. Іоны, какъ прообразъ, и можетъ быть называема притчей

Дѣйствующія лица исторіи пр. Іоны суть самъ пророкъ этого имени съ одной стороны, и язычники-корабельщики и ниневитине съ другой. Первый является проповѣдникомъ слова Іеговы о спасеніи язычниковъ, послѣдніе—слушателями его, принимающими эту проповѣдь и пользующимися плодами ея. Іона прежде, чѣмъ явился въ Ниневіи съ бывшимъ къ нему словомъ Іеговы, бѣжалъ отъ лица Его въ Фарсисъ и за это наказанъ былъ трехдневнымъ пребываніемъ во чревѣ рыбы великой; язычники прежде проповѣди у нихъ пророка молились каждый своему богу и имѣли руки полныя злыхъ дѣлъ, а послѣ проповѣди наложили на себя постъ, во вѣтницѣ и пеплѣ покаались и отвратились отъ злыхъ дѣлъ своихъ. Вотъ главные моменты историческаго содержанія книги пр. Іоны. Отвлекая отъ этаго содержанія его частныя индивидуальныя черты, мы получаемъ такую общую мысль, что проповѣдь о спасеніи язычниковъ и самое это спасеніе должны исходить отъ евреевъ и чрезъ евреевъ, что эти евреи прежде, чѣмъ пронести вѣщаніе свое и спасеніе во всѣ концы вселенной, должны быть погребены въ волнахъ житейскаго моря и, какъ бы, погублены для своей дѣятельности, а язычники должны воспринять отъ нихъ послѣ того, какъ эти послѣдніе снова оживутъ послѣ пагубы своей, проповѣдь о спасеніи и самое спасеніе путемъ покаянія и отвращенія отъ злыхъ дѣлъ своихъ, какъ бы нѣкоторымъ отреченіемъ отъ своей прежней жизни. Другими словами, и іудеи прежде, чѣмъ проповѣдать спасеніе язычниковъ, и язычники прежде, чѣмъ воспринять это спасеніе отъ проповѣди іудейскаго пророка, должны умереть для своихъ прежнихъ мыслей, чувствъ и дѣйствій—для своей прежней жизни. Правда, въ книгѣ пр. Іоны, кромѣ указанныхъ разсказовъ, изложена и молитва пр. Іоны, занимающая четвертую по объему часть книги, описано и поведеніе его послѣ проповѣди и спасеніе корабельщиковъ; но и эти изложеніе и описаніе развѣ не о томъ же говорить, что проповѣдь о спасеніи всѣхъ можетъ быть возвѣщена людямъ и воспринята ими только путемъ борьбы съ своими прежними мыслями, чувствами и дѣлами—послѣ отреченія отъ нихъ? Словомъ, не ясно ли, что смыслъ прообразуемаго исторіей Іоны событія и самой этой исторіи можно свести къ той общей мысли, что зерно, чтобы плодъ принести, должно умереть?..

Невольно припоминается при этомъ анализѣ историческаго содержания евангелія пр. Ионы разсказъ евангелія отъ Іоанна о томъ, какъ еллины, пришедшіе въ Іерусалимъ на праздникъ (Пасхи), желали видѣть Іисуса и какъ Господь въ отвѣтъ на это желаніе произнесъ рѣчь о Своей смерти и самоотреченіи вѣрующихъ. *Бягу же нѣцыи еллины отъ пришедшихъ, да поклонятся въ праздникъ, такъ читаемъ мы въ 12 гл. 20—26 ст. евангелія отъ Іоанна, сѣи убо приступиша къ Филиппу, иже бѣ отъ Вивсаиды Галилейскія, и моляху его, глаголюще. Господи, хожемъ Іисуса видѣти. Прииде Филиппъ и глагола Андрею: и пакы Андрей и Филиппъ глаголаша Іисусови. Іисусъ же отвѣща имъ, глаголя. прииде часъ, да прославится Сынъ человѣчскій. Аминь, аминь глаголю вамъ: аще зерно пшенично падѣ на землю не умретъ, то едино пребываетъ. аще же умретъ, много плодъ сотворитъ. Любай душу свою погубитъ ю; и не навидяи души своея въ мѣрѣ семъ, въ животѣ вѣчный сохранитъ ю. Аще кто Мнѣ служитъ, Мнѣ да послѣдствуетъ: и идѣже есмь азъ, ту и слуга Мой будетъ: и аще кто Мнѣ служитъ, почититъ его Отець Мой.* Въ объясненіе этого евангельскаго повѣствованія арх. Михаилъ ¹⁾, между прочимъ, говоритъ: „еллины эти были язычники, принявшіе іудейскую вѣру, каковыхъ было тогда много, и которые назывались прозелитами различныхъ классовъ. Выраженіе *видѣть* не значитъ здѣсь только посмотрѣть на Господа; потому что смотрѣть на Него могъ всякій, бывшій около Него, когда Онъ ходилъ по дворамъ храма и училъ. Видѣть значитъ здѣсь войти въ болѣе близкое отношеніе съ Нимъ, быть представленными Ему, конечно для того, чтобы говорить съ Нимъ, слушать Его рѣчь о ихъ вопросахъ и пр., вообще быть болѣе близкими учениками Его (Ср. Гал. 1, 18). Если эти чужестранцы были свидѣтелями торжественнаго входа Господня въ Іерусалимъ, очищенія Имъ храма отъ осквернявшей святость его торговли, порабленія разныхъ сектъ іудейскихъ и слушателями торжественныхъ рѣчей Іисуса о Себѣ, какъ Мессіи, о судьбѣ народа еврейскаго, объ участіи язычниковъ въ царствѣ Мессіи; то желаніе ихъ войти въ ближайшія отношенія съ Нимъ тѣхъ понятіе. Не хотѣли они, въ виду грубаго противодѣйствія Іисусу со стороны книжниковъ и фарисеевъ, предложить Ему идти съ проповѣдью къ

¹⁾ См. его Толк. ев. Г. III, стр. 422 и др.

иноплеменикамъ? Во всякомъ случаѣ, въ этомъ фактѣ вырази-лось стремленіе со стороны язычниковъ въ царству Христову и такъ это понято было Самимъ Христомъ“. За такое пониманіе дѣла говорить и посредничество, употребленное еллинами, и самая перѣшительность посредниковъ (учениковъ Господа), которая, вѣроятно, происходила отъ незнанія ихъ, какъ поступить въ данномъ случаѣ Иисусъ, прежде говорившій о Себѣ, что *Онъ посланъ только ко овцамъ, погибшимъ дома израилева* (Мѡ. 15, 24; 10, 5—6). Итакъ, это обращеніе еллиновъ въ Иисусу было первымъ и рѣшительнымъ выраженіемъ того переворота въ религиозной жизни міра, вслѣдствіе котораго въ царство Христово долженъ войти міръ языческій на мѣсто избраннаго народа Божія. Господь долженъ былъ дать отвѣтъ на этотъ запросъ язычниковъ. Но отвѣтъ этотъ не могъ быть положительнымъ, прямымъ и подробнымъ; ибо ни іудеи, понимавшіе всемірность царства Мессіи, какъ вѣшнее господство свое надъ всѣми язычниками (Іоан. 6, 15; 11, 47—50; 18, 33; Лук. 23, 1—3; Дѣян. 1, 6 и мн. др.), ни эти послѣдніе, въ лицѣ пришедшихъ къ Иисусу еллиновъ слишкомъ ужъ просто представлявшіе дѣло устроенія всемірнаго царства Божія, не поняли бы этого отвѣта; тѣмъ и другимъ нужно было указать и разъяснить и самую сущность этого царства *не отъ міра сего* и путь къ нему—путь креста. И вотъ Господь, лишь кратко сказавъ, что пришелъ часъ прославиться Сыну Человѣческому, остановилъ взоръ Свой на этомъ пути, его разъясняя и доказывая въ слѣдовавшихъ за ними словахъ Своихъ. Понятный смыслъ этихъ послѣднихъ словъ тотъ, что путь въ всемірному царству Мессіи, какъ для самаго Основателя его, такъ и для участниковъ въ немъ, есть путь креста—смерти и самоотреченія. Это тотъ же путь, которымъ идетъ въ своей жизни и природа физическая; объ ней Спаситель говорилъ при этомъ: *еще зерно пшенично падъ на землю не умретъ, то едино пребываетъ: еще же умретъ, много плодъ сотворитъ*. И прежде Господь не разъ говорилъ, что съ древа крестнаго Онъ привлечетъ всѣхъ къ Себѣ (достаточно припомнить при этомъ анализированныя нами выше слова Мѡ. 12, 40, или Іоан. 2, 19; 3, 14; 10, 15 и др.); но доселѣшнія отрывочныя предсказанія Господа о крестѣ Своемъ, оставшіяся непонятными даже для учителей израилевыхъ (Іоан. 3, 10, 12) и самихъ учениковъ Иисусовыхъ (Мѡ. 16, 21—22), должны

были служить лишь къ тому, чтобы слово объ этомъ крестномъ пути, въ виду извѣстности прямаго смысла его изъ прежнихъ предсказаній Господа, теперь, будучи лишь кратко намѣчено въ этомъ прямомъ, внѣшнемъ смыслѣ своемъ и подробно раскрыто въ своей сущности и значеніи, было понято слушателями Его сознательно и принято какъ слово божественное: они должны были служить для этаго послѣдняго приготовительными объясненіями.

Мы намѣренно такъ подробно говоримъ о смыслѣ и значеніи невольно припоминающагося при чтеніи книги пр. Іоны евангельскаго разсказа о рѣчи Господа къ эллинамъ. Слишкомъ велико соотвѣтствіе между содержаніемъ этого разсказа и содержаніемъ нашей книги въ ихъ внутреннемъ смыслѣ и значеніи, чтобы не замѣтить въ этомъ соотвѣтствіи тѣсной внутренней связи между описаннымъ и тамъ, и здѣсь. Евангельскій разсказъ, приведенный нами, какъ нельзя лучше, поясняетъ и доказываетъ представленныя нами соображенія о внутреннемъ смыслѣ и значеніи исторіи пр. Іоны: онъ говоритъ о томъ, о чемъ пророчествуетъ книга пр. Іоны своимъ историческимъ содержаніемъ, что прообразуетъ собою это содержаніе. Мы видѣли, что въ книгѣ пр. Іоны слово Іеговы, бывшее къ пророку о спасеніи язычниковъ, составляющее зерно книги, изложено въ ней кратко и неопредѣленно, хотя и въ утвердительномъ смыслѣ, бѣльшая же по объему своему часть книги занята историческимъ содержаніемъ, указывающимъ собою путь, которымъ должно войти въ міръ это спасеніе. И въ евангельскомъ разсказѣ слово Господа о наступленіи часа прославленія Его также кратко и не совсѣмъ внятно безъ слѣдующихъ словъ Его ¹⁾, подробно указывающихъ и ссылаю на физическій міръ убѣдительно разъясняющихъ крестный путь этого прославленія. И тамъ, и здѣсь путь этотъ — путь креста, смерти и отреченія, равно одинаковый какъ для самихъ проповѣдниковъ спасенія, такъ и для воспринимающихъ его. Послѣ приведенныхъ нами словъ евангельскихъ, богословъ передаетъ дальше и такія слова Господа: *нынѣ душа моя возму-*

---

¹⁾ Отмѣтимъ замѣчательную разность между тѣмъ и другимъ словомъ, обусловленную различіемъ характера обоихъ завѣтовъ. Слово Іоны звучитъ угрозой, страшно, какъ и самъ завѣтъ; слово Христа — любовно и славно. Такъ и должно быть между прообразомъ и тѣмъ, что прообразуетъ онъ.

тыся: и что реку; Отче, спаси мя отъ часа сего; но сего ради приидохъ на часъ сей. Отче, прослави имя Твое (ст. 27—28). Не напоминаетъ ли эта молитва Богочеловѣка тѣ волненія и колебанія, съ которыми выступилъ на проповѣдь Іона и которыя испытывалъ онъ и сидя у Ниневіи? Еще лучше эти волненія, колебанія и недоумѣнія прообразовали собою нерѣшительность учениковъ и недоумѣнія народа по поводу гласа съ небеси. Самое время рассказаннаго въ евангеліи событія предъ страданіями и смертію Господа, послѣ которыхъ евангеліе царствія должно было быть проповѣдано уже не однимъ іудеямъ, а и язычникамъ (Мѡ. 28, 19; Мрк. 16, 15), развѣ не ясно указываетъ на то, что исторія пр. Іоны, бывшая предъ наступленіемъ втораго періода ветхозавѣтной теократіи, комментирована въ этомъ разсказѣ, какъ прообразъ именно въ немъ описанныхъ событій? Въ заключеніе Своей рѣчи Господь еще разъ повторилъ ея главную мысль, что Онъ всѣхъ *привлечетъ къ Себѣ*—всѣхъ спасетъ, *если вознесенъ будетъ отъ земли*—если умретъ на крестѣ (32 ст.), представляя оба эти факта во взаимной внутренней связи: по этимъ словамъ Господа выходитъ, что на крестѣ есть то условіе, безъ котораго не можетъ быть всеобщаго спасенія. Такъ точно и въ книгѣ пр. Іоны исторія его, стоя во внутренней органической связи съ словомъ Іеговы, бывшимъ къ пророку, прообразуетъ собою самый путь этого спасенія, предреченнаго въ словѣ Іеговы.

Откроемъ еще книгу новаго завѣта на страницахъ посланій апостольскихъ, которыя по своему содержанію и значенію, какъ учительныя писанія, представляютъ собою раскрытіе и разъясненіе основъ вѣроученія, данныхъ въ евангеліяхъ, книгахъ законоположительныхъ. См. напр. Іак. 1, 2—4; 5, 7—11; 1 Петр. 1, 6—10; 2, 20—25, 3, 17—22; 2 Петр. 3, 5—15; 1 Іоан. 1, 7; 2, 2; 5, 5—9. Подробнѣе же всѣхъ раскрываетъ ученіе о всеобщности спасенія во Христѣ путемъ страданій и смерти и спасаемыхъ и Самаго Спасителя Св. апостоль Павель, который точно также, какъ и Христосъ, изрекая, что напослѣдокъ всего будетъ Богъ всяческая во всѣхъ, говорилъ, что путь къ этому—путь креста и смерти не только для самаго Спасителя, а и для людей. Укажемъ лишь на два мѣста изъ его посланій, особенно сходныя съ проанализированнымъ нами мѣстомъ изъ евангелія на

15-ю главу его перваго посланія къ Коринѣянамъ, гдѣ онъ говоритъ о всеобщемъ воскресеніи людей, для соцарствованія со Христомъ въ лонѣ отчемъ, о томъ воскресеніи, которое имѣетъ совершиться вслѣдствіе смерти и воскресенія Господа, какъ первенца изъ мертвыхъ, и совершиться именно путемъ тлѣнія людей. Другое мѣсто въ посланіи къ Римлянамъ; изобразивъ въ первыхъ главахъ этаго посланія исторію спасенія человѣка путемъ самоотреченія и борьбы и сказавъ, что этотъ путь есть путь спасенія и іудеевъ, и язычниковъ (1—8 гл.), апостоль въ слѣдующихъ главахъ излагаетъ ту же исторію не въ отношеніи ея къ каждому отдѣльному лицу, а въ ея цѣломъ и говоритъ, что іудеи стали народомъ завѣта за неразуміе язычниковъ, но ставъ народомъ завѣта они преткнулись и это преткновение послужило къ спасенію язычниковъ (9—11 гл.). Основныя мысли этого ученія апостольскаго очевидно тѣ же, что и мысли Господа въ приведенной нами рѣчи Его; но онѣ напоминаютъ собою и исторію пр. Іоны; эта послѣдняя говоритъ намъ о спасеніи язычниковъ, проповѣданномъ имъ еврейскимъ пророкомъ, который наказанъ былъ отъ Бога трехдневнымъ пребываніемъ во чревѣ рыбы, и усвоенномъ ими вслѣдствіе покаянія, какъ смерти грѣху.

Итакъ, можно съ увѣренностію сказать, что новозавѣтныя писанія въ своемъ ученіи о всеобщемъ спасеніи путемъ креста, смерти и покаянія представляютъ собою толкованіе прообразовательнаго смысла исторіи пр. Іоны, сопровождавшею собою слово Іеговы къ этому пророку о спасеніи язычниковъ.

Но прообразъ, говорили мы выше, не символъ: онъ не предугадываетъ только будущее событіе ясно и наглядно, а и предначинаетъ его собою, находясь съ нимъ во внутренней органической связи. Нагляднымъ подтвержденіемъ справедливости такого пониманія взаимоотношенія между прообразомъ и прообразуемымъ имъ могутъ служить рѣчи Господа о воскресеніи мертвыхъ (Іоанъ 5, 19—30) и о концѣ міра (Мѣ. 24, 1—42). Въ каждой изъ этихъ рѣчей І. Христосъ говорилъ о двухъ событіяхъ,—одномъ ближайшемъ будущемъ, или даже настоящимъ, и другомъ отдаленнѣйшемъ, которое прообразовалось первымъ. Такъ нравственное возстаніе человѣчества, начавшееся уже во времена Христа, есть прообразъ будущаго всеобщаго воскресенія въ смыслѣ факта не только объясняющаго собою послѣдній, а

и предначинающаго его собою точно также, какъ и разрушеніе Іерусалима, о которомъ Господь говорилъ вмѣстѣ съ пророчествомъ о концѣ міра, было не только доказательнымъ объясненіемъ послѣдняго, а и его началомъ. Но эти конечные факты изъ рѣчей Господа, соединенные между собою внутреннею связью, не разорваны и внѣшнимъ образомъ такъ, чтобы между ними было пустое пространство. Въ промежуточные между ними періоды времени должно совершиться развитіе прообразовательныхъ фактовъ до полнаго преобразенія ихъ въ прообразованные ими. Такъ нравственное возстаніе человѣчества, начавшееся со Христа, не окончилось тогда же, а растетъ и будетъ увеличиваться въ своей силѣ до тѣхъ поръ, пока не закончится всеобщимъ тѣлеснымъ воскресеніемъ, точно также, какъ и разрушеніе Іерусалима было лишь началомъ тѣхъ бѣдствій, которыя приведутъ наконецъ міръ къ гибели. Такъ точно и исторія пр. Іоны, будучи прообразомъ мессіанскаго спасенія всѣхъ людей смертію Христовою, должна была не только предугадывать это спасеніе, а и предначинать его собою, относясь не только къ отдаленнѣйшему времени Мессіи, а и къ настоящему—современному самой исторіи, и къ ближайшему по отношенію въ ней будущему. Другими словами, исторія пр. Іоны должна была предсказывать не только о томъ, что будетъ въ царствѣ Мессіи, когда придетъ Онъ, а и о томъ, что будетъ съ іудеями и язычниками въ ихъ отношеніи къ спасенію отъ Іеговы и до Христа,—должна была говорить о томъ, что еще до Христа они, евреи, должны возвѣстить это слово язычникамъ—быть свѣточемъ для нихъ, но возвѣщать они (евреи) не захотятъ и за это повергнуты будутъ Богомъ въ пучину бѣдъ житейскихъ, и что, наконецъ, проповѣдь все-таки совершится и язычники будутъ помилованы. Словомъ, исторія пр. Іоны должна быть въ миниатюрѣ исторію самаго завѣта ветхаго.

Такого пониманія прообразовательнаго смысла исторіи пр. Іоны какъ указывающей на настоящее и ближайшее будущее іудеевъ и язычниковъ въ ихъ отношеніи къ спасенію отъ Іеговы, требуетъ и та внутренняя связь, въ какой находится эта исторія съ самымъ словомъ Іеговы о спасеніи. Слово это, будучи мессіански-пророческимъ словомъ, относится прежде всего къ ближайшему будущему, ибо оно въ прямомъ буквальный смыслѣ говоритъ лишь о способности язычниковъ въ воспріятію мессіанскаго спасенія

и о правѣ ихъ на это спасеніе, ничего не говоря о томъ пути или способѣ, которымъ должно совершиться оно. Такъ точно и исторія слова Іеговы къ пр. Іонѣ, указывая путь или условіе для распространенія на язычниковъ и усвоенія ими спасенія во время Христа и послѣ Него, должна была указать собою и на ближайшее къ самому пророку будущее. Она должна была указать собою на плѣнь (ассирійскій ли то, или вавилонскій, это все равно), какъ на средство, которое, такъ сказать, естественно и необходимо вело евреевъ къ выполненію ими ихъ миссіонерской задачи среди язычниковъ, и на тотъ прозелитизмъ еврейскій, который послѣ этихъ плѣнновъ очень широко распространился. Если исторія пр. Іоны есть тоже самое пророческое слово, что и слово Іеговы къ Іонѣ, долженствовавшее имѣть руководительное значеніе для евреевъ въ ихъ настоящей жизни; то и пророчески-правоучительная истина, открываемая чрезъ нее точно также, какъ и основная идея самаго слова Іеговы, должна была быть высказана примѣнительно къ степени пониманія и нуждамъ тѣхъ, кому прежде всего дана была эта исторія, и это относительно не только формы этой истины, а и содержанія ея и объема этого содержанія. Слово Іеговы о спасеніи язычниковъ, составляющее собою зерно пророчества Іоны, какъ первое по времени слово, касающееся выполненія Израилемъ его миссіонерской задачи, дано въ книгѣ нашего пророка въ формѣ краткаго и общаго правоучительнаго положенія, и уже послѣ раскрыто пророками во всей его полнотѣ и ясности; такъ точно и исторія этого слова, указывающая путь распространенія евреями этого спасенія и воспріятія его язычниками, должна была быть въ книгѣ нашего пророка лишь намѣчена въ общихъ чертахъ, въ видѣ контура, безъ частныхъ и подробностей, выясненіе которыхъ должно было найти свое мѣсто у послѣдующихъ пророковъ.

Мы отчасти уже видѣли тѣ историческія обстоятельства, которыя дѣлали нужнымъ для Израиля времени пр. Іоны и слѣдующаго за нимъ выясненіе пути языковъ, на который долженъ былъ вступить этотъ народъ; теперь же отмѣтимъ лишь то, что содержаніе пророческихъ рѣчей, видѣній и описанія символическихъ дѣйствій пророковъ слѣдующаго за временемъ пр. Іоны періода, въ большей своей части дѣйствительно есть раз-

витіе и разбясненіе тѣхъ пророчески-правоучительныхъ истинъ, которыя въ общихъ чертахъ даются исторію пр. Іоны. Вотъ предъ нами великій Исаія съ своими рѣзкими обличеніями неблагодарнаго къ Іеговѣ, глухаго и слѣпаго вѣстника Его—Израиля, за свою жестоковѣйность долженствовавшаго быть поглощеннымъ левиааномъ великимъ (гл. 1, 2—21; 3, 1—25; 22, 1—25; 39, 5—7; 6, 10—12; 10, 1—34; 24, 1—23; 25, 1—12; 26, 1—21; 27, 1—13 и мн. др.),— предъ нами великій Исаія съ своими грозными предвѣщаніями погибели язычниковъ, поклоняющихся истуканамъ и съ своими одушевленными увѣщаніями, обращенными и къ іудеямъ, и въ язычникамъ внимать глаголамъ Іеговы и Его признавать истиннымъ Богомъ. Не менѣе ясны и убѣдительно пророчества о неизбѣжности плѣна для Израиля и увѣщанія отворотиться отъ поклоненія суетнымъ, съ какими и словомъ, и дѣломъ обращался къ этому народу страдалецъ Іеремія (1, 4—10; 2, 12—36; 4, 8—26; 8, 1—3 22; 9, 1—11; 13, 9—23; 19, 11—15; 26, 4—17; 25, 9—11 и др.). Тѣ же самыя пророчества о плѣненіи евреевъ язычниками, какъ средствѣ для послѣднихъ увидѣть свѣтъ велій и обратиться къ Іеговѣ, вмѣстѣ съ обличеніями жестоковѣйности первыхъ и суетности идолопоклонства послѣднихъ, встрѣчаемъ мы и у другихъ пророковъ времени плѣна и не задолго до него жившихъ (см. Ос. 1, 3—11; 5, 4—15; 6, 1—11; Іоиль 2, 1—27; Амос. 2, 3—6; 5, 1—20; 7, 1—17; Мих. 1, 2—16 и др.). А все это есть не больше, какъ раскрытіе и разбясненіе пророчески-правоучительныхъ истинъ, въ первый разъ въ общихъ чертахъ данныхъ Израилю исторію слова Іеговы къ пр. Іонѣ о спасеніи язычниковъ и руководившихъ Израиля въ пониманіи имъ своей задачи, какъ теократа-свѣточа для язычниковъ. И знаменательно: какъ самое слово Іеговы къ пр. Іонѣ о спасеніи при всей общности своей, при всемъ своемъ соответствіи нуждамъ времени и согласіи съ вѣщаніями послѣдующихъ пророковъ, было ново въ своемъ содержаніи для сознанія евреевъ, такъ точно такую же новизною и безпримѣрностію была для нихъ и исторія этого слова. Въ предыдущей жизни Израиля не было данныхъ, изъ которыхъ могла бы сложиться въ сознаніи еврейскомъ эта исторія спасенія язычниковъ путемъ наказанія евреевъ (см. объ этомъ гл. II и III).

Прямое заключеніе изъ всѣхъ этихъ сопоставленій, соображеній и разбясненій объ исторической формѣ содержанія книги

пр. Іоны то, что книга эта произошла въ то именно время, къ которому относится своимъ содержаніемъ и которое было раньше времени плѣненій израильскихъ, и что она есть подлинная исторія, написанная самимъ Іоной. Но не это заключеніе для насъ въ настоящемъ случаѣ существенно важно, а то, что книга эта есть истинно-пророческая книга не только по своей основной мысли, а и въ своемъ историческомъ содержаніи. Этотъ богооткровенный пророчественно-прообразовательный смыслъ и значеніе нашей книги заключается въ ея согласіи съ другими несомнѣнно-пророческими вѣщаніями въ томъ, что она и въ своемъ историческомъ содержаніи и въ своей основной мысли является пророчествующею о Мессіи и Его царствѣ, основанномъ на Его крестныхъ страданіяхъ и имѣющемъ вмѣстѣ въ себя язычниковъ, отвращающихся отъ злыхъ дѣлъ рукъ своихъ—пророчествующею приспособительно къ степени пониманія и нуждамъ Израиля и чрезъ то имѣющею руководственное значеніе и для Израиля въ его дѣятельности, какъ свѣточа язычниковъ, и для этихъ послѣднихъ въ ихъ шествіи къ Мессіи, и для насъ—для утвержденія нашей вѣры въ Его божественность.

На какой недосыгаемой для человѣческаго разума высотѣ мысли, слова и дѣла выступаетъ предъ нами въ этой книгѣ ветхозавѣтный пророчизмъ по сравненію его съ языческой мантикой на самыхъ высшихъ ступеняхъ ея проявленія! Безсвязныя по своей формѣ, двусмысленныя и низкія по своему содержанію и безцѣльныя по своему значенію прорицанія языческихъ и даже лучшихъ изъ нихъ, греческихъ, орыкуловъ не могутъ не только сравняться, а и вообще идти въ параллель съ словомъ Іеговы о мессіанскомъ спасеніи язычниковъ, изреченнымъ напимъ пророкомъ въ Ниневіи, уясненнымъ имъ относительно условій осуществленія этого спасенія въ историческомъ содержаніи книги, не объяснимымъ въ своемъ происхожденіи изъ одного разума и опыта, но вмѣстѣ съ тѣмъ вполне отвѣчающимъ и въ своемъ цѣломъ и въ частяхъ насущнымъ религіозно-нравственнымъ потребностямъ и современниковъ пророка и потомковъ ихъ, и тѣхъ и другихъ приводящимъ ко Христу. Впрочемъ, чтобы лучше представить себѣ всю недосыгаемую для разума человѣческаго высоту, широту и глубину пророчественно-прообразовательнаго смысла и значенія книги пр. Іона, да позволено будетъ подробно прослѣдить гармонію про-

образовательныхъ фактовъ и пророческихъ мыслей книги съ обозначаемыми ими явленіями и событіями живой дѣйствительности въ ея прошедшемъ, настоящемъ и будущемъ, въ порядкѣ самой книги, соответствующемъ дѣйствительному. Подъ руководствомъ истинныхъ израильтянъ ветхаго завѣта, Самаго Господа Иисуса Христа, Его учениковъ и преемниковъ ихъ—Отцевъ и учителей церкви, эта гармонія намъ должна быть слышнѣе, чѣмъ какъ слышна была она древнимъ.

Іона, сынъ Амитая (истины)—одинъ изъ всѣхъ, дѣйствовавшихъ въ его исторіи лицъ, читатель Іеговы, Бога небеснаго, Творца неба и земли, человекъ съ словомъ Его во устахъ своихъ (1, 1. 2. 9), какъ напоминаетъ собою Израиля въ началѣ путей его жизни, при избраніи его въ народъ завѣта въ лицѣ Авраама! Авраамъ одинъ сохранялъ вѣру въ истиннаго Бога среди окружавшихъ его идолопоклонниковъ не только въ землѣ Ханаанской, а еще и въ Урѣ Халдейскомъ, и потому былъ проркомъ Божиимъ, по молитвѣ котораго живъ можетъ остаться грѣшникъ (Быт. 20, 7) и который поэтому получалъ слово Іеговы о Сѣмени, имѣющемъ благословить Собою всѣ племена земныя (Быт. 12, 1—3). Какъ напоминаетъ собою это слово Іеговы къ Аврааму Его же слово къ Іонѣ пророку о томъ, чтобы онъ шелъ съ проповѣдью покаянія въ Ниневію, городъ великій! И развѣ Ниневія—этотъ городъ великій, могучій и сильный, съ вельможами и царемъ, и съ руками, полными беззаконій,—не полный образъ языческаго міра на дальнѣйшихъ ступеняхъ его жизни, точно также, какъ прелюбодѣйный Вавилонъ у другихъ пророковъ, или какъ въ книгѣ же пр. Іоны корабельщикъ—образъ язычества на первыхъ порахъ его жизни, на низшихъ ступеняхъ его культурнаго, но на высшихъ—религіозно-нравственнаго состоянія? И какъ дивно совпаденіе этихъ образовъ языческаго міра въ его отношеніи къ ветхозавѣтной теократіи съ дѣйствительностію! По книгѣ Іоны, пророкъ отказался идти съ проповѣдью покаянія въ языческую Ниневію, бѣжалъ въ Фарсисъ отъ лица Божія и уже только тогда, когда личнымъ опытомъ самъ наученъ былъ понять истинность повелѣннаго ему, Ниневія услышала голосъ его и покаялась; за то корабельщикъ, къ которымъ и не посылался пророкъ, прежде ниневитянъ узнали, что спасеніе отъ Іеговы, узнали изъ опыта жизни,

помимо, казалось, воли самого пророка (1, 4—16). Такъ точно было и въ дѣйствительной исторіи человѣчества. Израиль чуть не съ перваго момента своей теократической жизни оказался неспособнымъ сознательно исполнять назначенную ему Іеговою миссію среди язычниковъ и поэтому прежде долженъ былъ еще самъ быть воспитанъ и наученъ относительно истиннаго пониманія идеи спасенія. Точно также, какъ и Іона, на словахъ исповѣдавшій Іегову Творцемъ неба и земли, а въ дѣйствительности бѣжавшій отъ лица Его въ Фарсисъ, Израиль въ мысляхъ и чувствѣ всегда оставался чтите-лемъ единаго истиннаго Бога, на дѣлѣ же—въ жизни не разъ уклонялся съ путей Іеговы на путь иныхъ боговъ, какъ будто позабывая о всемогуществѣ и вездѣприсутствіи Іеговы и готовый даже слить себѣ золотого тельца. Іона спитъ на кораблѣ въ то время, какъ языческіе корабельщики молятся каждый своему богу; точно также и въ еврейской исторіи на первыхъ ея страницахъ нельзя не замѣтить безпечнаго отношенія Израиля не только къ своей миссіи среди язычниковъ, а и къ самой вѣрѣ отцевъ своихъ, въ противоположность вѣрности и преданности язычниковъ своимъ идоламъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ припомнить книгу Судей, которая наполнена разсказами о постоянныхъ уклоненіяхъ Израиля на путь иныхъ боговъ,—уклоненіяхъ, всегда кончавшихся подчиненіемъ его язычникамъ, приносящимъ обильныя жертвы богамъ своимъ за даруемыя имъ побѣды. Отсюда же, равно какъ и изъ книгъ Моисея и Самуила, мы узнаемъ также и то, что Израиль долженъ былъ познать свои заблужденія изъ закона, который, какъ бичъ надъ головою коня, висѣлъ надъ этимъ народомъ, угрожалъ ему смертію за любодѣйное отношеніе къ инымъ богамъ, и изъ исторіи своей, наглядно говорившей ему о всемогуществѣ и всевѣдѣніи Іеговы; точно также и пр. Іона долженъ былъ познать не только ложность избраннаго имъ пути—бѣгства, а и всемогущество Іеговы и изъ поднявшейся бури, и изъ указанія жребія, который, какъ законъ, грозилъ ему смертію за бѣгство его. И какъ въ исторіи пр. Іоны, бури, поднявшаяся на морѣ, жребій смерти, павшій на Іону, и его самоличное исповѣданіе своей вины противъ всевидящаго Бога, невольно заставили корабельщиковъ устрашиться совершавшихся предъ ихъ глазами событій и обѣщать принести

жертвы и дать обѣты виновнику ихъ—Іеговѣ, Богу Іонину, такъ точно и въ исторія еврейскаго народа не разъ бывало, что язычники, уstraшенные грозными знаменіями могущества и силы Іеговы, сознавались въ ничтожествѣ боговъ своихъ и, испытывая волненія, посылаемыя Іеговою на морѣ житейскомъ, открыто исповѣдывали могущество этого бога. Такъ было, напримѣръ, съ Фараономъ (Исх. 7—4) и съ филистимлянами (1 Ц. 5 и 6); такъ было во времена Соломона, когда каждый изъ израильтянъ спокойно сидѣлъ подъ смоковницею своею и царица Савская приходила послушать мудрости Соломоновой (3 Ц. 4—10) ¹⁾. Какъ далѣе Іона оставался во чревѣ рыбы три дня и три ночи, такъ точно и Израилю суждено было пробить въ цѣпяхъ рабства длинный періодъ времени, который пр. Осія (6, 12) называетъ тремя днями,—числомъ, означающимъ совершенство и указывающимъ на достиженіе цѣли. Іона во чревѣ рыбы великой не могъ, конечно, исполнить назначенной ему миссіи, но за то онъ здѣсь научился вспоминать о святомъ храмѣ Іеговы, исповѣдывать, что у одного только Него—Іеговы это спасеніе, и опытно познавать это спасеніе: точно такое же значеніе и для всего Израиля имѣли оба плѣна—и ассирійскій и особенно вавилонскій: въ плѣну Израиль возсталъ отъ своего нравственнаго усыпленія, научился вспоминать о святомъ храмѣ Іеговы (Ис. 136) и познавать, понимать и усвоить мессіанскія вѣщанія слѣдовавшихъ за Іоною великихъ пророковъ, научился быть свѣточемъ язычниковъ.

---

¹⁾ Особенно же ясно буря, постигшая на морѣ корабельщиковъ и Іону съ ними, напоминала собою тѣ волненія политическія, тѣ государственныя колебанія, которыя предъ временами плѣна происходили и въ раздѣлившемся на два и видимо упадавшемъ царствѣ еврейскомъ, и въ сосѣднихъ съ нимъ языческихъ царствахъ, смѣнявшихъ одно другое въ своемъ господствѣ надъ остальными. Скоро за этими временами, въ которыя жила и дѣйствовала пр. Іона, Израиль въ наказаніе за свои прегрѣнія нравственно-житейскія отпаденія отъ Іеговы и для того, чтобы сдѣлаться сознательнымъ свѣточемъ язычниковъ на пути ихъ шествія къ спасенію Іеговы, долженъ былъ быть поверженъ на землю сильнымъ и вѣрнымъ у Господа, какъ ливнемъ съ градомъ, какъ разлившимся наводненіемъ бурныхъ водъ,—долженъ былъ быть отданъ левіагану, змѣю прямо бѣгущему и змѣю изгибающемуся, чудовищу морскому, точно также, какъ и пр. Іона, жребіемъ указанный, какъ виновникъ бури, брошенъ былъ, наконецъ, въ море и тамъ поглотенъ былъ рыбою великою.

Когда Иона кончилъ свою молитву во чревъ рыбы великой, цѣль наказанія его, слѣдовательно, была достигнута, ибо онъ со-зналъ непреложную истинность слова Іеговы; Іегова повелѣлъ рыбѣ великой извергнуть пророка на сушу. Какъ это напоми-наетъ собою то, что, когда достигнута была цѣль плѣненія Из-раиля, онъ возвращенъ былъ въ отечество свое! И замѣчательно, Киръ, царь персидскій, давая евреямъ дозволеніе возвратиться въ свое отечество, самъ ясно высказалъ, что онъ, поступая такъ, исполняетъ волю Іеговы, Бога еврейскаго (2 Ездр. 2, 1—4). Явившись снова на сушѣ, пророкъ идетъ въ Ниневію и тамъ проповѣдуетъ, что еще сорокъ дней и Ниневія будетъ разру-шена; проповѣдь Ионы произвела свое дѣйствіе: ниневитяне со-звали свое нравственное паденіе и отвратились отъ злаго пути. Такъ и въ исторіи ветхозавѣтной теократіи послѣ плѣна вави-лонскаго еврейскій прозелитизмъ находилъ своихъ адептовъ не между азіатскими только язычниками, а и въ Александріи, и въ Греціи, и въ Римѣ ¹⁾. Иона, говоритъ послѣдняя страница его книги, видя благоприятное для ниневитянъ слѣдствіе его проповѣди, ропщетъ на Іегову и проситъ себѣ смерти, вслѣдствіе чего Іегова различными способами научаетъ его истинному по-ниманію дѣла. Такъ точно и послѣ плѣна даже пророки еврей-скіе, эти лучшіе носители и служители теократіи, нерѣдко съ недоумѣніемъ вопрошали Іегову о роковой будущности своего народа; на всякое новое возвышеніе язычниковъ евреи смотрѣли и тогда, какъ и прежде, какъ на попраніе ихъ законныхъ правъ. Стоитъ припомнить тѣ войны и возстанія, которыя предъ вре-менемъ Христа поробашенные евреи поднимали противъ языч-никовъ, особенно римскихъ.... Но въ это время въ іудеѣ явился Христосъ и ветхозавѣтной теократіи насталъ конецъ, на этомъ же остановилась и исторія пр. Ионы—ея истинный прообразъ и копія.

Понятно, что такъ далеко, подробно и точно видѣть указан-ную нами параллель между исторіей слова Іеговы къ пр. Ионѣ о

---

¹⁾ Этому распространенію еврейской религіи между язычниками способ-ствовали и внѣшнія обстоятельства, и больше всего, переводъ священныхъ еврейскихъ книгъ на греческій языкъ и разсѣяніе іудеевъ между язычниками. Развѣ и въ этомъ нѣтъ соответствія исторіи пр. Ионы?

спасеніи язычниковъ, описанной въ книгѣ этого пророка, и между прообразовательно увавнаною въ этой исторіи самою жизнію ветхозавѣтной теократіи можно только теперь, когда и та, и другая предъ нашими глазами, какъ нѣчто внѣшнее, постороннее для насъ; нельзя сказать того же объ іудеяхъ, жившихъ предъ временемъ плѣна, во время плѣна и послѣ него,—до Христа. Конечно, мы не можемъ сомнѣваться въ томъ, что въ то время, когда пророкъ подъ непосредственнымъ воздѣйствіемъ Духа Св. заносилъ свое пророческое слово и исторію его въ особый свитокъ, предъ его богопросвѣщеннымъ взоромъ проносилась какъ самая мессіанская идея, въ слугителя которой онъ былъ избранъ Іеговою—самое слово Іеговы о спасеніи язычниковъ, такъ и исторія этого слова, какъ живой образъ этой идеи въ ея историческомъ развитіи. Иначе мы не поймемъ, что же собственно заставило пророка рѣшиться на такой подвигъ, какъ запись этого слова и его исторіи въ особый свитокъ. А это было дѣйствительно подвигомъ не потому только, что такая запись, долженствовавшая быть переданною въ религіозно-нравственное руководство для цѣлаго народа, даже съ своей внѣшней фактической стороны, была въ тѣ времена великимъ и труднымъ дѣломъ, а и потому, что, поступаая такъ, пророкъ долженъ былъ идти противъ своихъ національно-іудейскихъ убѣжденій и симпатій, долженъ былъ нести, такъ сказать, это не лично-эгоистическое только, а и національно-религіозное (по скольку оно воспитывалось въ іудеяхъ закономъ и исторіей) самолюбіе свое въ жертву открытой ему идеи спасенія. Рѣшиться на такой подвигъ, безъ ясно сознаваемой высокой цѣли его, неестественно. Мало предполагать и то, что такую цѣлю были лишь личныя соображенія пророка о правочительности разсказа; то обстоятельство, что слово спасенія было къ нему отъ Іеговы, какъ и другимъ пророкамъ, и сходно съ ними, и тѣсная внутренняя связь исторіи его съ этимъ словомъ необходимо должны были приводить пророка къ мысли о пророчественно-прообразовательномъ смыслѣ и значеніи написаннаго имъ. Но анализируя это состояніе, мы не имѣемъ права представлять его яснымъ и опредѣленнымъ съ перваго же момента его возникновенія; это противорѣчитъ понятію божественнаго вдохновенія, не насилую-

щаго душевныхъ достоинствъ человѣка, а лишь просвѣтляющаго и возвышающаго ихъ. Хорошо объясняютъ характеръ этого сознанія слова ап. Петра, сказанныя имъ о пророкахъ вообще: *о немже (Христовомъ) спасеніи взыскаша и испыташа пророцы, иже о вашей благодати прорекоста* (и разумѣется записывали предсказываемое), *испытующе, въ какво или въ кое время являше въ нихъ Духъ Христовъ, прежде свидѣтельствую о Христовыхъ страстехъ и о славахъ, яже по сихъ* (1 Петр. 1, 10—11; ср. 2 Петр. 1, 21 и др.). Подъ руководствомъ этихъ словъ св. апостола, сознаніе пр. Іоною пророчественно-прообразовательнаго смысла и значенія того, что написано имъ въ его книгѣ, мы можемъ представлять себѣ возникшимъ не сразу всецѣло, а лишь постепенно развивавшимся и уяснявшимся въ немъ при помощи собственныхъ внимательныхъ изслѣдованій и размышленій (ἐξεζητησαν καὶ ἐξηρεύησαν, а не просто ἐζήτησαν) пророка о томъ, на которое (τίνα) и на какое (ποῖον) время указывалъ ему словомъ своимъ и исторіей его бывший въ немъ Духъ Христовъ. Путемъ этихъ размышленій, просвѣтляемыхъ и направляемыхъ Духомъ Святымъ, пророкъ и долженъ былъ приходить къ мысли о томъ, что спасеніе отъ Іеговы, которое онъ призванъ возвѣстити язычникамъ, есть предуказаніе сущности и характера мессіанскаго спасенія во исполненіи временъ, и не предуказаніе только, а и прообразъ его—предверіе и какъ бы начало его, — долженъ былъ приходить къ мысли о томъ, что это спасеніе, какъ примиреніе съ Богомъ путемъ страданій, предуказывается и прообразуется не однимъ словомъ Іеговы, бывшимъ къ нему, а и всей исторіей этого слова. Эта исторія, какъ живой образъ его, должна повторяться въ ея существенныхъ чертахъ и моментахъ и въ концѣ временъ, и раньше—въ жизни израильскаго народа, которая въ своемъ общемъ и цѣломъ есть прообразъ мессіанскаго царства. Само собою разумѣется, что яснаго и опредѣленнаго представленія предуказуемаго будущаго и собственно въ томъ его видѣ, какъ оно имѣло осуществиться по исполненіи временъ, у пророка не могло быть по самому понятію о пророчествѣ, имѣющемъ ближайшею своею задачею религіозно-нравственное руководство жизнію Израіля. Сообразно съ такой задачей пророческаго служенія, и для самаго пророка пророчество его должно было имѣть своего рода загадочность и при-

мрачность ¹⁾. Эта примрачность образовъ будущаго должна была побуждать пророка, испытывавшаго бывшее² ему пророчество, чутко прислушиваться къ событіямъ, совершавшимся предъ его глазами и сравнивая съ ними образы пророчества, искать въ нихъ не влюча только къ уразумѣнію пророчества, какъ предсказанія о будущемъ, а и свѣтильника жизни для освѣщенія пути ея въ ея настоящемъ (ср. въ объясненіе и обоснованіе этихъ положеній Захар. 7, 7—12; Ис. 6, 1—10; 53, 1; Рим. 10, 16; Иоан. 12, 37—41 и др.). Точно тоже должно было быть и у пр. Іоны. Сравнивая исторію пророческаго слова своего съ исторіею теократіи и мессіанскаго царства, пророкъ не могъ ясно видѣть будущаго этихъ послѣднихъ, и, взоромъ своимъ сворѣе обращаясь къ настоящему теократіи, прообразуемому его личной исторіей, невольно долженъ былъ наталкиваться на тѣ нравственно-поучительные выводы, которые сами собой давались при этомъ. И вотъ онъ, помня о своемъ пророческомъ назначеніи быть руководителемъ народа на пути его шествія въ Мессіи, заноситъ бывшее ему откровеніе и исторію его въ особый свитокъ, который передаетъ народу прежде всего для его религіозно-нравственнаго руководства.

Если таково было отношеніе къ пророчеству книги пр. Іоны самаго пророка; то не иное оно должно было быть и у народа, которому передана была его книга, хотя быть можетъ еще въ меньшей, чѣмъ у пророка, степени ясности и живости. Иначе мы не поймемъ того, какимъ же образомъ, на какомъ основаніи, по какимъ побужденіямъ и съ какими цѣлями свитокъ Іонинъ принятъ и помѣщенъ былъ въ рядъ отдѣльныхъ свитковъ пророческихъ. Какъ же скоро совершилась эта, такъ сказать, канонизація книги пр. Іоны со стороны освященныхъ руководителей народа, этотъ послѣдній не могъ не признавать ея истинно-пророческимъ словомъ, конецъ котораго—въ Мессіи и Его царствѣ. Примрачность же образовъ этого слова относительно мессіанскаго булущаго съ

---

¹⁾ Какая, говорятъ одинъ изъ апологетовъ христіанства, была бы отвѣтственность у человѣка, какая была бы у него добродѣтель, или бодрость духа, надежда, если бы никакое покрывало не лежало на не измѣняемыхъ опредѣленіяхъ Всевышняго? Онъ увидѣлъ бы тогда, что стоитъ предъ неизбѣжной необходимостью, поражающею и убивающею.

одной стороны, и живыя историческія обстоятельства жизни Израиля послѣ Іоны съ другой, заставляли народъ искать въ этой книгѣ прежде всего отвѣта на нужды и потребности настоящаго времени. Время это—тяжелое время паденія царства еврейскаго, начавшееся скоро послѣ жизни и дѣятельности пр. Іоны, невольно обращало взоры Израиля—народа религіознаго по преимуществу, къ слову Іеговы за утѣшеніями, указаніями и наставленіями. А разъ обратившись къ этому слову, Израиль того времени, не могъ не остановиться именно на книгѣ пр. Іоны, которая такъ недавно дана ему въ руководство; быть можетъ въ памяти нѣкоторыхъ, исторія, описанная въ ней, хранилась еще какъ живой фактъ, совершившійся если не на ихъ глазахъ, то при жизни ихъ отцевъ. „Не нарочито ли для насъ—для нашего времени и дана эта книга? Иначе, для чего дана она теперь? Если же она дана для насъ прежде всего, то не въ ней ли именно должно искать указанія на значеніе настоящаго времени и конецъ его, равно какъ и совѣта о томъ, какъ вести себя при настоящихъ обстоятельствахъ?“ Такъ могъ думать Израиль, приступая къ чтенію книги пр. Іоны. А прочитавъ эту книгу, онъ не могъ не увидѣть, хотя въ общихъ чертахъ, существеннаго сходства между своею жизнію и поведеніемъ пророка. „Какъ Іона—одинъ почитатель Іеговы среди окружавшихъ его язычниковъ, призванный къ проповѣднической дѣятельности на перекоръ воли божественной, уклонился отъ этого порученія и за это былъ наказанъ Богомъ; такъ вѣдъ и мы—народъ израильскій. И почему это не нарочитый образъ нашъ? Если же такъ, относительно прошедшаго и настоящаго положенія дѣль въ нашей жизни, то не естественно ли въ этой же исторіи видѣть указаніе и относительно будущей жизни?“ Вотъ, думается намъ, исходные, начальные вопросы, которые Израиль предлагалъ себѣ при чтеніи книги пр. Іоны и въ отвѣтахъ на которые должно было прежде всего заключаться руководительное значеніе этой книги, какъ пророческой для этого народа. „Если и мы, весь народъ израильскій, точно также, какъ и пр. Іона, самымъ вѣшнимъ своимъ положеніемъ наказываемся за свое горделиво-презрительное отношеніе къ нашимъ врагамъ-язычикамъ; то не значить ли это, такъ могъ размышлять Израиль, что какъ Іона во чревѣ рыбы молился Іеговѣ, вспоминая о храмѣ Его, такъ и мы должны вести себя, что какъ Іона былъ

помилованъ за это обращеніе къ Богу и сознаніе, что у Іеговы спасеніе для всѣхъ, такъ и наши бѣдствія должны будутъ кончиться, что какъ Іона, освободившись изъ чрева рыбы, пошелъ съ проповѣдью покаянія въ Ниневію и ниневитяне покаялись, такъ и мы должны переимѣнить свои враждебныя отношенія къ угнетающимъ насъ язычникамъ. Стало быть, Іегова есть Богъ не іудеевъ только, а и язычниковъ; стало-быть и язычники, если они каются, заслуживаютъ отъ Него прощеніе; стало-быть, и они способны къ воспріятію не только проповѣди о спасеніи, а и самаго спасенія отъ Іеговы; стало-быть и они достойны его. Если же такъ, то во всемъ этомъ должны быть какія-либо мудрыя и благія цѣли Іеговы, завѣты Котораго съ Израилемъ не могутъ разрушиться. Не есть ли это указаніе на то благословеніе, которое обѣщано Іеговою всѣмъ племенамъ земнымъ, именно чрезъ Сѣмя Авраама? А это сѣмя есть Сѣмя жены, имѣющее стереть главу змія. Стало-быть, не безъ причины книга Іоны начинается словомъ Іеговы къ Іонѣ—не даромъ она пророческая книга“¹⁾).

Конечно, все сказанное нами объ отношеніи Израиля къ пророческому слову Іоны, суть предположенія, но предположенія не лишеныя основаній; ибо онѣ подтверждаются хотя отчасти и исторіей. И въ самомъ дѣлѣ, почему великій Исаія называлъ грядущія бѣдствія Израиля именами, невольно напоминающими собою исторію пр. Іоны? Не потому ли, что видѣлъ въ погруженіи Іоны въ волны моря и въ поглощеніи его рыбою великою не только прообразъ, а и знаменіе

---

¹⁾ Конечно, эти нравоучительно-руководительные выводы изъ книги пр. Іоны, замѣтимъ кстати, могли быть дѣлаемы и усвоены въ своей жизни Израилемъ только при предположеніи несомнѣнной исторической достовѣрности книги. Только она—эта несомнѣнная историческая достовѣрность исторіи пр. Іоны могла сдѣлать обязательными тѣ нравоучительно-пророчесственныя параллели, которыя долженъ былъ дѣлать Израиль изъ исторіи пр. Іоны относительно своего настоящаго и будущаго и которыя онъ не сталъ бы даже дѣлать, какъ шедшія въ разрѣзъ съ его національно-эгоистическими убѣжденіями и симпатіями, если бы въ данномъ этой исторіей (въ ея началѣ) фактическомъ подтвержденіи несомнѣнности этихъ параллелей, относящихся въ прошедшему, онъ не видѣлъ указанія и на то, что и будущія параллели—не искусственно вымышленныя, а несомнѣнныя, какъ данныя самою живію.

того, что скоро и Израиль будетъ окруженъ врагами, какъ водами многими, и поглощенъ ими, какъ левіаѳаномъ? Почему далѣе пр. Осія говорилъ, что плѣнъ продолжится три дня—знаменательное число, означающее полноту и указанное въ книгѣ пр. Іоны? Не потому ли, что, обращаясь взоромъ своимъ къ концу плѣна, прозрѣваль указаніе на него въ той же исторіи пр. Іоны, и не только указаніе, а и знаменіе? Чѣмъ наконецъ объяснить себѣ то обстоятельство, что скорбныя пѣсни Израиля въ плѣну вавилонскомъ, въ родѣ 115, 116 и 136 псалмовъ, происхожденіе которыхъ во время плѣна, какъ мы видѣли выше, несомнѣнно, естественныя конечно сами въ себѣ, вылились изъ души Израиля въ тѣхъ же самыхъ словахъ и выраженіяхъ, съ какими мы встрѣчаемся въ молитвѣ пр. Іоны, изложенной во 2-й главѣ его книги и являющейся въ своемъ содержаніи и въ своей формѣ высоко-художественнымъ и психологически-понятнымъ изліаніемъ скорбной души пророка? Не указываетъ ли и это обстоятельство на то, что Израиль видѣлъ въ этой молитвѣ не только прообразъ своего плѣннаго состоянія, а и руководство и правоученіе себѣ?...

Возвращаемся къ оставленнымъ нами правоучительно-руководственнымъ выводамъ, какъ долженъ былъ дѣлать Израиль для себя изъ исторіи пр. Іоны. Несомнѣнно конечно, что много такихъ поучительныхъ выводовъ могъ и долженъ былъ дѣлать для себя Израиль изъ книги пр. Іоны; но что особенно цѣнно и дорого должно было быть для Израиля въ книгѣ пр. Іоны въ этомъ отношеніи, такъ это широкій, общечеловѣческій, христіанскій универсализмъ этихъ правоучительныхъ истинъ, извлекаемыхъ изъ этой книги. Эти правоучительно-пророческія истины книги пр. Іоны—не частныя обрядовыя предписанія закона, имѣющія только временное и мѣстное значеніе, каковы наиримѣръ осужденіе о яденіи свиного мяса и нечистыхъ живогныхъ, нарушеніи вѣшняго покоя субботняго, принесеніи въ жертву нечистаго хлѣба и порочныхъ животныхъ, или законы о мести ко врагамъ. Правоучительно-пророческія руководительныя истины книги пр. Іоны чужды этой ветхозавѣтной обрядовой исключительности, внѣ іудейства не имѣвшей мѣста и въ самомъ существѣ своемъ носившей указаніе на что-то другое—настоящее подлинное; онѣ, эти истины книги пр. Іоны и ест.

то настоящее и подлинное, что, какъ достойнѣе собственно христіанства, въ ветхомъ завѣтѣ являлось лишь, какъ проблескъ, какъ заря; онѣ говорятъ о виновности человѣка, требующей покаянія, о покаяніи, сопровождаемомъ добрыми дѣлами и о милости Божіей, спасающей кающихся. И какъ высказаны эти истины! Это—не сухія и строгія предписанія законныя и даже не трогательныя убѣжденія слѣдовать указанному пути; въ положеніяхъ и поведеніи дѣйствующихъ лицъ книги пр. Іоны предъ нами возстаетъ живой человѣкъ въ его дѣйствительномъ религиозно-нравственномъ состояніи, предшествующемъ полному примиренію съ Богомъ. Прежде всего, этотъ человѣкъ—тотъ, чей вопль злобы доходитъ до неба; потомъ онъ слышитъ божественный голосъ. призывающій его къ его первообразу; умою своимъ онъ со-успокоивается этому зову божественному: онъ еще въ отечествѣ своемъ знаетъ, что Іегова Богъ милостивый и долготерпѣливый; но живущій въ немъ грѣхъ—его лжеименный разумъ представляетъ ему этотъ божественный зовъ въ превратномъ видѣ и человѣкъ не безъ борьбы, но и не по необходимости, поступаетъ вопреки этому зову божественному. Богъ снова зоветъ его сильнымъ голосомъ чудесъ; человѣкъ не можетъ не откликнуться на этотъ зовъ, кается и получаетъ за это покаяніе прощеніе. Это прощеніе не переродило человѣка сразу, насильно; душевныя мысли снова выплываютъ въ немъ наружу, но подъ руководствомъ божественнаго слова человѣкъ не покоряется имъ уже такъ, какъ прежде. На этомъ останавливается книга наша, написанная тогда, когда Іисусъ не у бѣ прославляеъ, дѣл тѣхъ, которые подъ дѣйствіемъ Духа не воплотили еще въ себѣ Христа. Развѣ не напоминаетъ собою эта исторія то, что говоритъ св. апостолъ Павелъ въ посланіи къ римлянамъ (7, 7—25; 8, 1—8) о дозаконномъ, подзаконномъ и благодатномъ состояніяхъ человѣка, каждое изъ которыхъ должно быть достойнѣемъ какъ ветхозавѣтнаго человѣка, поколику дѣло Христово простирается плодами своими не только впередъ, а и назадъ, такъ и новозавѣтнаго, поколику искупленіе Христово не насильно навязывается намъ отвнѣ и всецѣло, а внутрь насъ есть, какъ свободное движеніе усвоющей его души лишь постепенно возрастающее въ силѣ своей. И какъ глубоко вѣрно понятъ этотъ божественный зовъ книги пр. Іоны наши отцы и

учители, отъ лица каждаго изъ насъ откликаясь на него въ церковной пѣсни словами: *отъ тли, Боже, мя возведи!*

Если божественный зовъ книги пр. Іоны къ возстанію отъ духовнаго зла и къ желанію примиренія съ Богомъ такъ близокъ нашему христіанскому искупленному сознанію; то какъ же высоко онъ долженъ былъ стоять предъ подзаконнымъ сознаніемъ іудей и истомленнымъ сознаніемъ язычника? Сущность ветхозавѣтнаго и виѣхристіанскаго вообще душевнаго состоянія челоувѣка въ его отличіи отъ состоянія облагодатствованнаго—примпреннаго въ томъ и заключается, что тамъ челоувѣкъ, постоянно падая и сознавая свое паденіе, какъ не освященный благодатію христіанскихъ таинствъ, не имѣлъ силъ къ возстанію и сознавая это, могъ лишь отчасти предвкушать его. Отсюда-то само собою помимо всѣхъ другихъ данныхъ, и становится понятнымъ, какимъ образомъ книга пр. Іоны должна была быть пророческою для Израиля въ его отношеніи къ Мессію. Возбуждая въ душѣ обратившагося къ ней израильянина покаянное чувство, она призывала его прежде всего къ молитвѣ о ниспосланіи мессіанскаго спасенія, — къ молитвѣ о скорѣйшемъ пришествіи этого спасенія именно внутри души молящагося, къ молитвѣ о томъ, чтобы Іегова далъ хотя предвкусить этого спасенія, какъ далъ онъ предвкусить его нивитянамъ, и чрезъ то жизненно увѣриться, что это спасеніе будетъ несомнѣнно. Если же при этомъ мы припомнимъ и то гордо-презрительное отношеніе Израиля къ язычникамъ, которое невольно воспитывалось въ душѣ его самой же исторіей, и тѣ историческія обстоятельства, среди которыхъ Израиль долженъ былъ жить послѣ времени пр. Іоны, и тѣ задачи, которыя налагались на Израиля этими обстоятельствами, какъ на народъ Іеговы, обязанный распространить спасеніе Его по всей землѣ, и тѣ предсказанія о Мессіи, которыя имѣли изречь ему послѣдующіе пророки, если припомнимъ все это; то мы должны будемъ признать, что руководительное значеніе книги пр. Іоны, какъ пророческой книги, для Израиля было жизненное, простиралось шире и глубже простаго возбужденія покаяннаго и молитвеннаго чувства: оно простиралось на самую жизнь и дѣятельность Израиля. Въ мысли, что язычники—такіе же люди, какъ и Израиль, точно также, какъ и онъ, способные принимать начатки спасенія отъ Іеговы, мысли, подтвержденной въ книгѣ пр. Іоны фактически и

указывающей на то, что то, что было съ ниневитянами, должно повториться со всѣми язычниками въ будущемъ, наша книга давала Израилю руководство въ предстоящихъ ему сношеніяхъ съ язычниками. Она заставляла Израиля оставить свое горделиво-презрительное отношеніе къ этимъ язычникамъ и не отказывать имъ учиться у него пѣснямъ сіонскимъ; а это уже много значило въ дѣлѣ выполненія Израилемъ второй половины его миссіи—быть свѣточемъ для язычниковъ на пути ихъ шествія къ Мессіи. Въ самомъ дѣлѣ, не книга ли пр. Іоны, самою живою дѣйствительностію подтверждавшая истину, что Іегова является и язычникамъ не въ бурномъ только порывѣ вихря, а и въ тихомъ вѣяніи вѣтерка, истину, открытую еще прежде и учителю Іонину Иліѣ (3 Ц. 19, 11—12), способствовала тому, что, по крайней мѣрѣ, пророки Израиля не стали, подобно Иліи или Іонѣ, настойчиво требовать отъ Іеговы, чтобы онъ погубилъ недостойныхъ язычниковъ? Не она ли первая, смиряя гордость Израиля, не только мирила его и съ его собственнымъ плѣномъ, какъ средствомъ для привлеченія и язычниковъ къ спасенію отъ Іеговы, и съ совершавшимся на его глазахъ этимъ привлеченіемъ, а и побуждала его къ участию въ этомъ привлеченіи, какъ съ одной стороны предуказанномъ въ ней, а съ другой—предуказывающемъ и приготавлиющемъ собою явленіе Мессіи? Въ данномъ случаѣ, мы имѣемъ въ виду передаваемое Іосифомъ Флавіемъ (кн. XI, гл. 1) и Θεодоритомъ (въ его толкованіи на кн. Даніила пр.) преданіе о томъ, что Киру персидскому, предъ отпущеніемъ имъ евреевъ изъ плѣна, показано было извѣстное пророчество Исаи объ этомъ царѣ (Ис. 44, 28; 45, 1—13). Да и самыя, наконецъ, пророчества послѣдующихъ пророковъ не потому ли, что въ книгѣ пр. Іоны находили объясненія и подтвержденія свои, и были принимаемы и усвоены Израилемъ, если не вполне живо и точно, то, по крайней мѣрѣ, съ сознаниемъ ихъ пророчественнаго значенія? Само собою разумѣется, что говоря такъ, мы не исключаемъ дѣйствія въ данномъ случаѣ и другихъ причинъ, и даже, быть можетъ, дѣйствія болѣе сильнаго, чѣмъ дѣйствіе книги пр. Іоны. Все же она приготавлиала и размягчала каменистую почву израильскаго сердца къ воспріятію этихъ другихъ пророчествъ, бывшихъ о Мессіи послѣ Іоны, и къ уясненію того, какимъ же образомъ царство Мессіи обойметъ собою весь міръ, въ чемъ будетъ со-

стоять сущность мессіанскаго спасенія, чѣмъ будетъ приобрѣтаться оно и т. п., давая чрезъ это Израилю возможность предугадывать, или лучше, сердцемъ предчувствовать Мессію, смертію Своею имѣющаго основать всемірное царство.

И благо тѣмъ изъ израильтянъ, которые при наступленіи царства Мессіи, слушая вдохновенное разъясненіе Іоанномъ, сыномъ Захаріи, древнихъ мессіанскихъ пророчествъ въ приложеніи ихъ къ Іисусу, Сыну Маріи изъ рода Давидова, отеликнулись на его призывъ къ покаянію въ мысли, что Богъ и изъ камней можетъ произвести чадъ Аврааму, каялись, творя плоды, достойные покаянія, и по зову Іоанна шли къ указываемому имъ Іисусу, какъ Агнцу Божію (Мѡ. 3, 1—12; Мрк. 1, 1—7; Лук. 3, 1—18; Іоан. 1, 18—51 и др.) На нихъ отражалось въ этомъ случаѣ дѣйствіе, наравнѣ съ другими пророческими писаніями читавшейся въ синагогахъ ихъ, и проповѣди Іониной. Но судъ и осужденіе ожидаетъ лукавыхъ фарисеевъ, съ невѣріемъ относившихся къ Іисусу и Его проповѣди о примиреніи съ Богомъ людей, съ покаяннымъ и вѣрующимъ сердцемъ илучихъ къ Нему: ихъ осудятъ мужи ниневитскіе, ибо они покаялись вслѣдствіе проповѣди Іониной; и вотъ здѣсь болѣе Іоны (Мѡ. 12, 41). Для ниневитянъ пр. Іона былъ знаменіемъ спасенія отъ Іеговы, разъясняющимъ въ исторіи главнымъ образомъ трехдневнаго пребыванія пророка во чревѣ рыбы и условія и пути этого спасенія; такъ и іудеи современные Христу—проповѣднику всемірнаго спасенія, въ самой исторіи Господа, естественно приводившей Его къ смерти, должны были видѣть знаменіе божественности Христа. Такъ говорилъ Самъ Господь нашъ Іисусъ, утверждая этими словами подлинность такого духовно-нравственно подготовляющаго людей къ принятію Его значенія книги пр. Іоны.

Уже въ этихъ, сейчасъ приведенныхъ нами словахъ Господа, а еще болѣе въ непосредственно связанномъ съ ними сопоставленіи, которое сдѣлалъ Іисусъ между Своею смертію и трехдневнымъ пребываніемъ Іоны во чревѣ рыбы, и на которое Онъ указалъ, какъ на знаменіе Своего мессіанскаго достоинства, ясно дается чувствовать, что не одно духовно-нравственно приготовляющее къ Мессіи значеніе имѣла для іудеевъ книга пр. Іоны, а и нѣчто болѣе. Именно они должны были видѣть въ ней и прямое пророчество о Мессіи—прообразъ Его.

Впрочемъ иначе и быть не могло, если мы вѣримъ, что ветхій завѣтъ и въ своемъ цѣломъ и въ частяхъ есть сѣнь грядущихъ благъ (Евр. 10, 1) не на самомъ только дѣлѣ,—въ дѣйствительности, а и въ сознаниі самихъ евреевъ. Какъ скоро они допускали, что пр. Иона своимъ чудеснымъ пребываніемъ во чревъ рыбы не только прообразовалъ пребываніе евреевъ въ плѣну, служа знаменіемъ его законности и необходимости, какъ средства обнаруженія теократіи, а и предуказывалъ на мессіанское время, то они въ силу самой связи теократіи съ мессіанскимъ временемъ не могли не гадагь, что и въ царствѣ Мессіа должно совершиться нѣчто подобное ихъ ветхозавѣтной исторіи. Само собою разумѣется, что и эти параллели между исторіей пр. Ионы, прообразовавшей собою исторію ветхозавѣтной теократіи, съ одной стороны, и исторіею Мессіа съ другой, не могли быть такъ ясны и полны у нихъ, какъ можемъ сдѣлать это мы, точно также, какъ не были для нихъ такими и параллели между исторіей Ионы и исторіей самой ветхозавѣтной теократіи; въ томъ и другомъ случаѣ не всѣ члены этихъ параллелей были на лицо; члены прообразуемые нужно было еще отыскивать и ихъ предчувствовать. Но что евреи могли дѣлать эти параллели и дѣйствительно дѣлали, это несомнѣнно; ибо иначе мы не можемъ объяснить себѣ того обстоятельства, что такихъ параллелей между ветхозавѣтными и новозавѣтными событіями, какъ доказывающихъ собою божественную несомнѣнность этихъ послѣднихъ, очень много въ писаніяхъ св. апостоловъ—въ евангеліяхъ и въ посланіяхъ, особенно у ап. Павла и преимущественно въ его посланіи къ евреямъ. По писаніямъ этихъ св. мужей весь законъ и пророки не только сами въ себѣ, а и въ очахъ бывшихъ подѣ закономъ были, какъ бы, новозавѣтною исторіею въ ветхомъ завѣтѣ. Конецъ закона Христосъ, говоритъ ап. Павелъ, и на этомъ положеніи строить даже свое заключеніе о безотвѣтности іудеевъ не увѣровавшихъ во Христа (Рим. 3, 20—22; 10, 1—10). Правда, у апостола рѣчь о нравственномъ законѣ главнымъ образомъ, какъ средствѣ оправданія; но не та же ли мысль и въ книгѣ пр. Ионы, что оправданіе, какъ дѣло милости Божіей, дается не дѣлами закона, а вѣрою, слѣдовательно и Христомъ ¹⁾.

¹⁾ Подробнѣе о новозавѣтномъ толкованіи ветхаго завѣта см. въ статьяхъ И. Корсунскаго. Новозавѣтное толкованіе ветхаго завѣта, въ Ч. О. 1. Д. Пр.

Итакъ, какія же новозавѣтныя событія предуказаны въ исторіи пр. Іоны? Обращаемся къ исторіи сначала Самаго Начальника нашей вѣры Іисуса, а потомъ и основанной Имъ церкви.

Пророкъ Іона происходилъ изъ галилейскаго города, Геоаховера, и Христось и по происхожденію Своихъ родителей и по мѣсту Своего жительства былъ галилеянинъ (Мѡ. 2, 23; Лук. 2, 39. 51. 52; 4, 16. 22—24; Іоан. 1, 45 и др.). Іона на кораблѣ, готовомъ сокрушиться отъ бури, и Христось—посреди ветхозавѣтной церкви, близившейся къ концу. Товарищи Іоны, корабельщики, уstraпешные бурей, помышляя о средствахъ спасенія, невольно изрекають надъ пророкомъ то слово, которое надъ Іисусомъ произнесли архіереи и фарисеи: *уне сть. да единъ человекъ умретъ за люди; да не погибнетъ весь народъ* (Іоан. 11, 47—50). Іона, добровольно обрекающій себя на смерть, дѣйствительно ввергается въ море и тѣмъ спасаетъ корабельщиковъ, Христось, *область имъвшій положить душу Свою и паки пріяти ю*, добровольно предаетъ Себя на смерть, *да мы будемъ правда Божія о Немъ, и язвою Его исцѣлѣмъ* (2 Кор. 5, 21; Ис. 53, 5). Правда, Іона подвергся ужасному наказанію заслуженно за свое непослушаніе воли Божіей; а Христось возносится на крестъ невинно; но 1) между прообразомъ и прообразуемымъ имъ, какъ между копіей и оригиналомъ, и не можетъ быть полного тождества; 2) грѣхъ Іоны въ сущности былъ проявленіемъ не его личнаго эгоизма только, а воспріятой имъ отъ другихъ неразумной ревности его по славѣ Божіей, а 3) и Христось, безгрѣшный Самъ въ Себѣ, понесъ наказаніе и умеръ на крестѣ за грѣхи народа, воспріятыя Имъ на Свои рамена, какъ Свои грѣхи, такъ что даже Отецъ Его оставилъ Его (Мѡ. 27, 46). Правда, далѣе, смерть І Христа не отвратила гибели іудеевъ, попіявшихъ распни, распни его, но она утолила гораздо ужаснѣйшую бурю гнѣва Божія, угрожавшую гибелью всему роду человѣческому (Ис. 53, 5; Кол. 1, 20). Далѣе, Іона, брошенный въ море, не погибаетъ, но выражаясь словами церковной пѣсни, какъ гробомъ, поглощается рыбою великою и живой молится тамъ, заключая свою молитву исповѣданіемъ спасенія у Іеговы, Христось, святыи съ креста и умершій по тѣлу, полагается въ новомъ гробѣ, а бессмертною душою Своею и божествомъ сходитъ въ адъ, проповѣдуя спасеніе сущимъ тамъ *духовомъ* (Дѣян. 2, 27; 1 Петр. 3, 10 - 20). Эта проповѣдь, напоминая собою заключеніе молитвы

пр. Ионы, по аналогіи съ этой же молитвой, началомъ своимъ должна имѣть вѣрстную молитву Господа, которая точно также, какъ и молитва Ионы, началась изображеніемъ мукъ страдальца, оставленнаго Иеговою (Іоан. 19 гл. ср. Пс. 21). *Ико же бѣ Иона во чревь китовъ три дни и три ноци, тако будетъ и Сынъ человеческій въ сердци земли три дни и три ноци* (Мѡ. 12 40), такъ объясняетъ Самъ І. Христосъ дальнѣйшее прообразовательное значеніе трехдневнаго пребыванія пророка во чревѣ рыбы по отношенію къ Его собственному пребыванію во гробѣ съ вечера пятницы до утра перваго дня недѣли.

Знаменательны для насъ эти слова Господа; онѣ показываютъ, что по ученію Его, пришедшаго спасти всѣхъ людей смертію Своею, въ данныхъ фактахъ средоточный пунктъ Іониной проповѣди о спасеніи Христовомъ и самаго спасенія Его, — въ нихъ заключается то существенное условіе, безъ котораго не могла быть произнесена проповѣдь о спасеніи, равно какъ и тотъ путь которымъ должно совершиться самое спасеніе и который, какъ краеугольный камень зданія, его же небрегота зиждущи, какъ камень соблазна, больше, чѣмъ другіе, нужно было утвердить. Съ утвержденіемъ этого камня само собою утверждается и все остальное, стоящее съ нимъ во внутренней органической связи. Вотъ почему на одинъ только данный фактъ изъ всей книги пр. Ионы и указалъ Господь; вотъ почему и для насъ весьма важно это свидѣтельство Господа. На немъ основывается вѣра церкви въ пророчественное значеніе указаннаго событія, а вмѣстѣ съ нимъ и всего остальнаго содержанія книги, та вѣра, которая, на основанія словъ апостола (1 Кор. 15, 4), занесена въ пятый членъ никео — цареградскаго символа вѣры и выражается въ богослужебной практикѣ (см. Пареміи на вел. субботу). „Ибо, говоритъ Златоустъ ¹⁾, именно это писаніе (книгу пр. Ионы) назнаменуя, какъ яснѣйшее пзъ всѣхъ, апостолъ и отцы сказали, что І. Христосъ воскресъ въ третій день по писаніямъ“. Вслѣдствіе этой-то именно важности приведеннаго свидѣтельства І. Христа, критики отрицательнаго направленія и стараются всячески ослабить доказательную силу его для нашей вѣры въ смерть и воскресеніе Спасителя по писаніямъ, утверждая то положеніе, что слова: *ὄψτερ* и *οὕτως* (иже и тако), употребленныя въ этомъ мѣстѣ греческаго текста, означаютъ простое сравненіе, сопоставленіе

¹⁾ См. его толков. на указ. мѣсто посланія въ Кор.

двухъ фактовъ и ничего больше. Но какъ нѣтъ сомнѣнiя въ томъ, что здѣсь необходимо предполагается это сравненiе и сопоставленiе двухъ подлинно-историческихъ фактовъ; такъ равно несомнѣнно и то, что смыслъ этого сопоставленiя не просто историческiй, а и глубоко пророчесственный. Это сопоставленiе ветхозавѣтнаго съ новозавѣтнымъ совершенно аналогично въ этомъ отношенiи со всѣми остальными подобными же ссылками Христа и апостоловъ на ветхiй завѣтъ, которыхъ весьма много въ новомъ завѣтѣ. Въ этихъ же ссылкахъ часто формула, употребленная въ разбираемомъ нами мѣстѣ, ἴσπερ и οὕτως, замѣняется или формулой: καὶ ἐπληρώθη (и исполнилось), или: καθὼς γέγραπται (какъ написано), или же наконецъ всего чаще: ἵνα πληρωθῆ (чтобы исполнилось). Сопоставленiе же ветхозавѣтнаго событiя съ новозавѣтнымъ съ такими именно опредѣленiями ихъ значенiя уже вовсе не можетъ быть объясняемо въ смыслѣ простаго историческаго сопоставленiя (ср. ос. Матѣ. 2, 15; Иоан. 15, 25; Дѣян. 1, 20). Что это дѣйствительно такъ, это ясно и изъ указаннаго нами сейчасъ мѣста 1-го п. къ Коринтянамъ (15, 4), гдѣ говорится, что *Христосъ воста въ третiй день по писанiемъ*, κατὰ τὰς γραφὰς, что совершенно равнозначительно выраженiю: καθὼς γέγραπται (какъ написано), а слѣдовательно и ἵνα πληρωθῆ. Итакъ какъ въ приведенныхъ словахъ Господа и Его апостола, такъ и въ основанномъ на нихъ исповѣданiи символа вѣры, лежитъ та мысль, что не моментами пребыванiя Ионы во чревѣ рыбы заключается пророчесственное значенiе исторiи Ионы по отношенiю ко Христу, а простирается и на всю исторiю и въ ея началѣ и въ концѣ.

Прообразовательное по отношенiю къ Господу значенiе начала исторiи Ионы мы уже видѣли; обращаемся къ ея продолженiю и концу. Въ самомъ дѣлѣ, какъ Иона чудесно спасенъ былъ изъ чрева рыбы, чтобы идти съ проповѣдью покаянiя въ языческую Ниневiю; такъ и Христосъ воста отъ гроба, да проповѣдается евангелiе царствiя всеи твари (Мрк. 16, 15). Какъ тамъ указанное чудо должно было служить знаменiемъ для ниневитянъ, для приведенiя ихъ къ покаянiю, а потомъ и для самихъ евреевъ, для выполненiя ими ихъ проповѣднической мисси среди язычниковъ; такъ и чудо воскресенiя I. Христа должно было, какъ и теперь должно, служить такимъ же знаменiемъ какъ Его мессiанскаго достоинства, такъ и божественной несомнѣнности осно-

важною Имъ вѣры, должно служить для насъ, какъ и для невѣровавшихъ Христу фарисеевъ, предъ которыми Онъ говорилъ эти слова (ср. 1 Кор. 15, 12—15), знаменіемъ этаго даже болѣе сильнымъ и вѣскимъ, чѣмъ чудо Іоны. *Якоже бысть Іона знаменіемъ ниневитомъ, тако будетъ и Сынъ человѣческой роду сему*, такъ продолжилъ Самъ Христосъ указанное выше сопоставленіе, употребляя его, конечно, въ томъ же пророчесственномъ значеніи, что и вышеприведенное, и непосредственно за сѣмъ присовокупилъ: *мужіе ниневитстїи возстанутъ на судъ съ народомъ сѣмъ и осудятъ его; яко покающаяся проповѣдію Іониною; и се бои Іоны здѣ* (Мт. 12, 41 ср. Лук. 11, 30—35). Эти два обстоятельства—замѣченное Христомъ преимущество чуда воскресенія Его предъ чудомъ Іоны и указанное Христомъ же видимое несоотвѣтствіе между прообразомъ и прообразуемымъ имъ въ ихъ дальнѣйшемъ (Іонѣ повѣрили, а Христу фарисеи и книжники не вѣрили), нисколько не нарушаютъ въ сущности гармоніи, какая должна быть между прообразомъ и прообразуемымъ имъ. Это ясно будетъ для насъ, какъ скоро мы сопоставляемъ съ исторіей проповѣда Іоны въ Ниневіи исторію евангельской проповѣди, подольше остановимся своимъ вниманіемъ на лицахъ, къ которымъ обращена была та и другая проповѣдь.

Іона долженъ былъ идти съ проповѣдью покаянія не къ іудеямъ, а къ развращеннымъ язычникамъ и чрезъ то показать, что спасеніе Іеговы должно распространиться на всю землю, а не ограничиться однимъ народомъ еврейскимъ; такъ и Христосъ послѣ воскресенія Своего, посылая апостоловъ на проповѣдь, говорилъ имъ *идите въ міръ весь, проповѣдите евангеліе всей твари* (Мрк. 16, 15); еще: *идите убо научите вся языки* (Мт. 28, 19). Но пророкъ до бывшаго съ нимъ чуда уклонился отъ этой проповѣди и бѣжалъ въ Фарисейскіе и въ этомъ случаѣ является тѣмъ, ствующимъ уже не какъ пророкъ только, а вмѣстѣ и какъ человѣкъ—сынъ своего народа и времени. Поэтому-то онъ въ данномъ случаѣ долженъ быть принимаемъ прообразомъ уже не Самаго Христа только, какъ идеально-непоколебимаго проповѣдника истины, а и тѣхъ вѣстниковъ Его—апостоловъ, которыхъ посылалъ Онъ предъ Собою и которые, какъ и Іона, не представляя себѣ ясно всемірнаго царства любви Христовой, шли иногда противъ Его указаній (Лук. 9, 49—56 и др.). Впрочемъ, если мы захотимъ разсмотрѣть

вать въ этомъ случаѣ Іону, какъ прообразъ Христа; то и гутъ мы не можемъ не видѣть соотвѣтствія между ними. Ибо почему выставленное нами поведеніе пророка не можетъ хотя отчасти напоминать собою образа и круга дѣятельности самого І. Христа при Его жизни, когда Онъ, отправляя учениковъ Своихъ на проповѣдь, говорилъ имъ: *на путь языкъ не идите, и во градъ Самарянской не ввидите; идите же паче ко овцамъ погибшимъ дому Израилева* (Мѡ. 10, 5. 6)? Правда, Христосъ дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ мудро съ мыслію, что израильтяне (овцы) должны лишь прежде быть напитаны словомъ Божіимъ, чѣмъ (псы) язычники (Мѡ. 15, 21—24), а не исключительно они одни, какъ повидимому думалъ Іона. Но и при этомъ несоотвѣтствіи, которое естественно между прообразомъ и прообразуемымъ, здѣсь есть все-таки сходство въ самомъ имени, которое даетъ Христосъ іудеямъ (овцы) и язычникамъ (псы). Еще больше этого сходства въ самомъ дальнѣйшемъ ходѣ той и другой проповѣди. Іона послѣ того, какъ чудесно спасся отъ смерти во чревѣ рыбы, и именно потому, что спасся, дѣйствительно пошелъ съ проповѣдью въ Ниневію и ниневитяне покаялись. Такъ и Христосъ еще предъ страданіями Своими говорилъ, что пришелъ часъ прославиться ему, подѣ чѣмъ Онъ разумѣлъ Свою смерть, воскресеніе и вознесеніе отъ земли, прославиться для того, чтобы принести плодъ мртв и всѣхъ привлечь къ себѣ и именно послѣ этого воскресенія и вознесенія (Іоан. 12, 20—32); по воскресеніи же Его апостолы дѣйствительно согласно заповѣди Его *проповѣдавши* евангеліе всей гвари *всюду*, говоря: *покайтесь и да крестится кійждо васъ во имя Іисуса Христа*, угрожая въ противномъ случаѣ осужденіемъ (Мрк. 16, 15—20; ср. Дѣян. 2, 38),

Знаменательно въ этомъ случаѣ совпаденіе самаго мѣста, откуда собственно началась проповѣдь язычникамъ и въ исторіи пр. Іоны и въ исторіи христіанства. Въ Іонин Іона, сѣвши на корабль, плывущій въ Фарсыя, самымъ дѣломъ отрекался отъ поручаемой ему миссіи—быть проповѣдникомъ спасенія у язычниковъ; сюда же, вѣроятно, присталъ и корабль постѣ бури; здѣсь же, быть можетъ, принесли жертвы и дали обѣты Іеговѣ корабельщики—финикійскіе уроженцы, наученные въ этомъ невольнымъ опытомъ Іоны; отсюда же наконецъ пошелъ все-таки и Іона съ проповѣдью покаянія въ Нине-

вію. Не то же ли было и въ исторіи христіанской проповѣди? Въ предѣлахъ Тира и Сидона женщина сиро-финикіянка выслушала сначала отказъ Господа исполнить ея просьбу и потомъ получила просимое отъ Него, какъ бы вынужденнаго къ тому апостолами Его (Ме. 15, 20—28). Въ Іоніи же ап. Петръ, второй Іона по своему характеру, видѣлъ спускавшійся съ неба сосудъ нѣкій, наполненный гадами и птицами нечистыми, которыя ему велѣно было заколоть и ѣсть, и отрекался ѣсть ихъ; и отсюда же онъ, когда вслѣдъ затѣмъ пришли къ нему мужи отъ язычника Корнилія изъ Кесаріи, на утріе вставъ пошелъ въ эту Кесарію и тамъ крестилъ весь домъ этого язычника (Дѣян. 10, 10—30). Ниневитяне покаялись отъ проповѣди Іониной, и апостолы послѣ обращенія Корнилія познали, что и язычникамъ далъ Богъ покаянiе въ жизни (Дѣян. 11, 18) и вѣщаніе апостоловъ прошло по всей извѣстной тогда землѣ (Рим. 10, 18). И замѣчательно, всюду апостолы обращались съ проповѣдью сначала къ іудеямъ, которые не вѣровали, и потомъ уже къ язычникамъ, которые вѣровали, и такимъ образомъ само собою выходило, что церковь спасаемая образовывалась и образовалась изъ язычниковъ, а не изъ іудеевъ, которые оказались отверженными. Съ перваго взгляда и тутъ является несоотвѣтствіе между прообразомъ и прообразуемымъ имъ; ибо мы не можемъ же думать, что Іона, прообразовавшій собою іудеевъ, и послѣ покаянiя ниневитянъ, возвратившись въ отечество свое, остался такимъ же невѣрующимъ, каковыми оказались въ большинствѣ случаевъ іудеи времени христіанства. Но чтобы не бланзниться и этимъ кажущимся несоотвѣтствіемъ между прообразомъ и прообразуемымъ, нужно помнить съ одной стороны то, что и Іона прежде, чѣмъ записалъ исторію своей проповѣди въ свитокъ, который передалъ въ руководство народу, слѣдовательно прежде, чѣмъ сознательно и съ убѣжденіемъ воспринялъ данное ему слово Іеговы о спасеніи язычниковъ и именно чрезъ іудеевъ, но уже послѣ своей проповѣди въ Ниневіи, сидѣлъ при городѣ въ кущѣ, ожидая, что будетъ съ городомъ, и желая его погибели, такъ что Іегова долженъ былъ для наученія ея правильному пониманію дѣла послать червя, который подточилъ бы растеніе, дававшее ему тѣнь, и жгучій вѣтеръ, палившій его солнечными лучами; съ другой стороны нужно посмотрѣть на исторію современнаго намъ Израіля и на послѣднюю судьбу его, какъ о ней

предсказано въ откровеніи. Изъ опыта мы знаемъ, что и іудеи, какъ и Іона, съ завистью и недоброжелательствомъ къ осталъному міру, принявшему христіанство, ожидающіе своихъ грезъ о Мессіи, чрезъ отчужденіе отъ этого міра, лишеніе своего отечества и разсѣяніе по чужимъ землямъ, чрезъ различныя бѣды и напасти, которыя обрушиваются на нихъ со всѣхъ сторонъ, и чрезъ укорливое, наконецъ, для нихъ благоденствіе христіанскихъ народовъ, вразумляются и призываются Богомъ къ принятію евангелія и не всегда тщетно. О будущей же судьбѣ ихъ ап. Павелъ *тайну* вѣщаетъ, что ожесточеніе произошло въ Израилѣ отчасти *до времени*, когда войдетъ (разумѣтся въ церковь Христову—спасетса) полное число язычниковъ *и тако весь Израиль спасетса* (Рим. 11, 25, 26); и тогда-то, говоритъ апостоль въ другомъ мѣстѣ, *будетъ Богъ вслчская во всѣхъ* (1 Кор. 15, 28). Такимъ образомъ конецъ пророческаго смысла исторіи Іоны по апостолу долженъ быть таковъ: какъ нѣкогда Іона былъ непослушенъ для того, чтобы чрезъ его непослушаніе, или точнѣе, чрезъ чудесное наказаніе его за это непослушаніе, проповѣдью его помилованы были за послушаніе этой проповѣди ниневитяне, а это въ свою очередь должно было раздражить и ревность самого Іоны съ тѣмъ, чтобы и онъ былъ помилованъ; такъ и израильтяне и въ ветхомъ завѣтѣ были жестоковѣйны и теперъ не послушны, чтобы чрезъ наказаніе ихъ за это непослушаніе, въ древности плѣномъ, а теперъ бѣдами, привлечь къ спасенію и язычниковъ, а это въ свою очередь должно имѣть своимъ концемъ будущее спасеніе и самихъ израильтянъ, послѣ котораго настаетъ и явленіе Бога, какъ было то и въ ветхомъ завѣтѣ.

Выясняя на основаніи возвѣщеніи ему тайны законъ божественнаго домостроительства вообще, апостоль такъ заключаетъ свою рѣчь объ этомъ домостроительствѣ въ своемъ посланіи къ Римлянамъ: *Затвори Богъ всѣхъ въ противленіе, да всѣхъ помилуетъ*, и въ благоговѣніи предъ симъ концемъ всего восклицаетъ: *о глубина богатства и премудрости и разума Божія* (Рим. 11, 32. 33)! Развѣ не этотъ же премудрый законъ божественнаго домостроительства долженъ видѣться намъ и въ пророческомъ словѣ Іоны? Откуда развѣ можемъ мы и при видѣ этого послѣдняго слова, такъ исполнившагося и такъ исполняющагося, не восклицать съ апостоломъ: какъ не изслѣдимо премудры и глубоки пути Божіи?

Развѣ смѣемъ, пораженные этою глубиною богатства мудрости Его въ этомъ словѣ, не утверждаться чрезъ эту премудрость слова въ вѣрѣ во Христа, къ чему призываетъ и апостоль? И развѣ не должны мы и въ данномъ случаѣ приложить къ себѣ урокъ апостола, чтобы мы, дикая вѣтвь на маслинѣ Христовой, не гордились предъ отможившеюся вѣтвию іудеевъ, помня, что не мы корень держимъ, а корень насъ (Рим. 11, 18. 20)?...

Сопоставляя теперь этотъ конецъ пророческаго смысла книги пр. Іоны съ его началомъ, что же мы видимъ? Въ небольшой книжкѣ, излагающей исторію проповѣди пр. Іоны въ Ниневіи, Богу угодно было дать всѣмъ намъ—и іудеямъ, и язычникамъ, и христіанамъ—откровенное слово о всемъ Своемъ домостроительствѣ. Заключая въ себѣ исторію проповѣди Іоны въ Ниневіи о спасеніи путемъ покаянія, спасшей язычниковъ для спасенія ими іудеевъ, и предуказывавшей имъ (язычникамъ), что нѣкогда и они примуть участіе въ ожидаемомъ всѣми мессіанскомъ спасеніи и примуть именно отъ іудеевъ, книга пр. Іоны имѣла непосредственное отношеніе не только къ язычникамъ, а и къ іудеямъ. Представляя взору Израиля въ Іониной проповѣди о покаяніи и язычниковъ и еще яснѣе въ самой исторіи этой проповѣди ту задачу, которую Израиль, какъ народъ завѣта, долженъ былъ скоро послѣ времени Іоны выполнить по отношенію къ язычникамъ, и тотъ путь, которымъ онъ долженъ былъ совершить эту задачу, книга пр. Іоны не только убѣждала Израиля къ слѣдованію по этому пути, не только доказывала божественность этого пути, а и разверзала сердце его къ воспріятію мессіанскихъ вѣщаній слѣдующихъ пророковъ. Дѣйствуя таимъ образомъ на нравственную сторону Израиля, книга пр. Іоны въ самыхъ тѣхъ мысляхъ, чувствахъ и желаніяхъ, вызываемыхъ ею, давала Израилю предвѣшать всю сладость мессіанскаго спасенія и чрезъ то предуказывала и даже предназначала своею исторіею это спасеніе, конечно не вполне и всецѣло, а лишь отчасти, въ томъ, что это спасеніе распространено будетъ Мессіею и на язычниковъ послѣ смерти Его и можетъ быть пріобрѣтаемо лишь покаяніемъ. Прямое же отношеніе этого слова ко Христу не во всемъ ясное для іудеевъ, ясно для насъ, при сопоставленіи образовъ книги съ извѣстною уже намъ жизнью Христа и Его церкви, какъ прообразовъ съ прообразуемымъ

ими; и въ этой-то ясности указаннаго отношенія лежить пророчественно-руководственное значеніе книги пр. Іоны для насъ, и для нашихъ потомковъ, какъ утверждающей вѣру во Христа и заставляющей крѣпче прильпиться къ Нему. Если по всему этому, въ силу основнаго правила для опредѣленія достоинства слова: по плодамъ его узнавать его, книга пр. Іоны должна быть признана пророческою, какъ богооткровенною книгою премудрости божественной, едва постигаемую нами въ своемъ исполненіи; то не меньшамъ ореоломъ божественности мы должны окружать ее при разсмотрѣніи и ея происхожденіи, совершившагося въ то время и въ такой формѣ, въ которыхъ всего болѣе выразилась приспособленность ея къ вуждамъ, потребностямъ и къ степени пониманія тѣхъ, кому дана она, происхожденія, превышающаго силы естественнаго разума и еще меньше идущаго въ параллель съ происхожденіемъ языческой мантики. Это по истинѣ богооткровенное слово о спасеніи однихъ чрезъ непослушаніе другихъ, находящее свое приложеніе какъ въ древности, такъ и нынѣ, какъ въ общемъ, такъ и въ частяхъ, и недоступное въ своемъ происхожденіи разуму человѣческому.

Поистинѣ глубоко богатство мудрости слова Божія!

Въ этомъ-то богатствѣ вѣденія Божія, выразившемся предъ нами въ книгѣ пр. Іоны, и лежить ключъ къ уразумѣнію глубочайшаго уваженія къ этой книгѣ со стороны христіанской церкви,—уваженія, по которому эта глубина внутренняго смысла исторіи пр. Іоны, созерцаемая окомъ вѣры, всегда служила ручательствомъ исторической достовѣрности книги въ мысли, что если такъ толжно было быть по разуму для блага людей, то такъ и было все это, съ другой стороны къ уясненію причины самыхъ язвительныхъ насмѣшекъ надъ этой книгой со стороны отрицательныхъ критиковъ, не хотящихъ видѣть въ исторіи человѣчества ничего божественнаго.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Выводы изслѣдованія по отношенію къ задачѣ его.

Въ заключеніе своего исагогико-экзегетическаго изслѣдованія о книгѣ пр. Іоны, намъ остается свести къ одному и представить читателю въ цѣломъ тѣ выводы, къ которымъ пришли мы, имѣя задачей своею защитить историческую достовѣрность этой книги и уяснить ея пророчественно-прообразовательный смыслъ и значеніе, согласно ученію объ этомъ І. Христа (Мѡ. 12, 39—42; Лук. 11, 29—32), апостоловъ (1 Кор. 15, 4) и св. Отцевъ и учителей церкви. Выводы эти слѣдующіе:

1) Іона, сынъ Амаѣя (сл. Амаѣи)—пророкъ израильскаго царства, жившій не въ ІХ, а въ VIII вѣкѣ до Р. Хр., частиѣе, не позже царствованія Іеровоама II, царя израильскаго, ученикъ, если не пр. Іліи, то Елисея.

2) Книга пр. Іоны не можетъ быть считаема вымысломъ, ни какъ повѣствованіе о вымышленномъ символическомъ дѣйствіи, ни какъ апологъ, ни какъ притча, ни какъ аллегорія, ни какъ вообще тенденціозный вымышленный рассказъ позднѣйшаго сравнительно съ вѣкомъ пр. Іоны времени. Это воззрѣніе на нее опровергается простымъ сличеніемъ этой книги съ другими древними писаніями, несомнѣнно принадлежащими къ тому, или иному изъ указанныхъ родовъ вымысла.

3) Не можетъ быть понимаема книга пр. Іоны и какъ еврейскій мифъ, въ основѣ котораго лежать, будто бы, тѣ или другіе мифы языческіе. Ни съ вавилонскимъ мифомъ объ Оаннесѣ, ни съ грекофиникійскимъ мифомъ о Геркулесѣ и Гезіонѣ, или Пер-

себѣ и Андромедѣ, на которые указывали и указываютъ иногда противники исторической подлинности книги пр. Іоны, какъ на источники ея, эта книга не имѣетъ ничего общаго, кромѣ одного созвучія именъ и внѣшняго сходства животнаго, о которомъ, между прочимъ, говорится и въ исторіи пр. Іоны, и въ тѣхъ мѣстахъ въ ихъ первоначальномъ видѣ. Положеніе же еврейской страны, характеръ политическихъ отношеній евреевъ къ язычникамъ, строй ихъ внутренней (церковной) жизни и существо ихъ религіи, совершенно противоположной изычеству, не допускаютъ даже мысли о возможности такого заимствованія, по крайней мѣрѣ, до времени заключенія еврейскаго канона священныхъ книгъ въ III стол. до Р. Хр.

4) Не можетъ быть книга пр. Іоны считаема и легендой въ томъ смыслѣ, что она лишь въ основѣ своей имѣетъ подлинныя историческія факты изъ жизни пророковъ—Іоны ли то, или какаго другаго, настоящими же своими подробностями разукрашена послѣ—въ теченіе ли вѣковъ въ народномъ преданіи, или же отъ послѣдняго редактора книги. Мнѣніе это помимо своего субъективизма и гипотетичности, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и неестественности предполагаемыхъ имъ основъ книги, не можетъ быть принято и въ силу существеннаго отличія книги пр. Іоны, по характеру ея содержанія и формы, отъ другихъ несомнѣнно легендарныхъ произведеній еврейской литературы, каковы такъ называемыя книги апокрифическія и неканоническія.

5) Молитва пр. Іоны, изложенная во 2, 3—10 его книги, не бездарная компиляція позднѣйшаго времени, какъ утверждаютъ противники исторической подлинности этой книги, а совершенно самостоятельное, логически связанное по своей формѣ и вполне соответствующее описанному въ книгѣ положенію пророка во чревѣ рыбы по своему содержанію, художественное произведеніе, естественнѣе всего написанное самимъ пр. Іоною.

6) Тѣсная же внутренняя связь молитвы пр. Іоны съ остальнымъ содержаніемъ книги его имени, характеръ идей книги, болѣе приличный времени Іоны, чѣмъ позднѣйшему, языкъ ея, какъ въ общемъ своемъ строѣ, такъ и въ отдѣльныхъ выраженіяхъ, и обстоятельныя историческія и топографическія данныя относительно событій и явленій, описанныхъ въ этой книгѣ, не объяснимыя при мысли о происхожденіи ея въ позднѣйшее время,

убѣдительно говорятъ объ указанномъ нами выше происхожденіи и всей вообще книги пр. Іоны.

7) Несправедливо противники исторической подлинности книги пр. Іоны, какъ на возраженіе противъ этой подлинности, указываютъ на сказочно-чудесный характеръ нѣкоторыхъ фактовъ описанныхъ въ этой книгѣ; каковы—поднятіе бури на морѣ по повелѣнію Іеговы и ея прекращеніе по случаю вверженія въ море Іоны (1, 4—7. 14. 15), быстрое появленіе растенія надъ головою пророка по выходѣ его изъ Ниневіи и исчезновеніе этого растенія въ одну ночь послѣ того, какъ оно подточено было червемъ, и наконецъ посланіе отъ Іеговы солнечнаго жара и жгучаго вѣтра (4, 6—10). Всѣ эти факты, съ теистической точки зрѣнія представленные въ книгѣ Іоны происшедшими отъ Бога, въ тѣхъ странахъ и въ то именно время, въ которыхъ бывшими изображены они въ книгѣ, волигь возможны и естественны, какъ подтверждаютъ то анализъ описанія ихъ въ книгѣ пр. Іоны и аналогичныя съ этимъ описаніемъ данныя другихъ книгъ, несомнѣнно историческихъ.

8) Несправедливо противники исторической подлинности книги пр. Іоны возстаютъ противъ разсказа ея о трехдневномъ пребываніи пророка во чревѣ рыбы великой (2, 1—2. 11). Фактъ этотъ для оправданія своей подлинности не нуждается въ видоизмѣненіи подлиннаго текста книги; въ томъ его видѣ, какъ онъ описанъ въ книгѣ пр. Іоны (по подлиннику ея, а не по LXX и славян. переводу), онъ не заключаетъ въ себѣ ничего противоестественнаго и, какъ такой, волигь возможенъ, хотя въ въ своемъ цѣломъ и не можетъ быть объясняемъ иначе, какъ чудо. Къ этому заключенію, кромѣ разбора отличныхъ отъ показаній книги представленій этого факта, приводитъ анализъ его въ томъ его видѣ, какъ онъ описанъ въ книгѣ, подтверждаемый философскими соображеніями и естественно-научными данными о другихъ фактахъ подобнаго рода.

9) Нѣтъ ничего невѣроятнаго, т. е. несогласнаго съ другими несомнѣнно историческими данными того же рода, хотя и возможнаго вообще, и въ изображеніи въ книгѣ нашего пророка отношенія Іоны къ Іеговѣ, личнаго характера его, какъ пророка Вожія, посольства Іоны въ языческую Ниневію съ проповѣдью покаянія, самой проповѣди его о разрушеніи Ниневіи чрезъ сорокъ дней

(а не чрезъ три, какъ значится у LXX и въ слав. переводѣ) величины Ниневіи, характера ея жителей и образа ихъ покаянія (въ 1-ой, 3-ей и 4-ой главахъ книги и т. п.). Анализъ всѣхъ этихъ изображеній, подтверждаемый другими аналогичными съ ними и засвидѣтельствованными въ своей подлинности несомнѣнными историческими, археологическими и психологическими данными, приводитъ, напротивъ, къ заключенію объ ихъ вѣроятной исторической подлинности.

10) Внѣшнія же историческія свидѣтельства объ исторической подлинности книги пр. Іоны вообще, какія можно находить какъ въ іудейской, такъ и христіанской церкви, и нѣкоторыя особенности въ изложеніи содержанія книги, или несправедливо опускаемыя, или неправильно толкуемыя противниками этой подлинности, представляя собою положительныя доказательства послѣдней, даютъ право обобщить предыдущія вѣроятныя заключенія и считать историческую подлинность всей книги нашего пророка проблематически доказанною.

11) Будучи подлинною въ своемъ буквальномъ историческомъ содержаніи, книга пр. Іоны имѣетъ глубокіи внутренній—пророчественно-прообразовательный смыслъ и въ этомъ смыслѣ имѣетъ высшее подтвержденіе своей исторической достовѣрности.

12) Книга пр. Іоны должна быть признана пророческою по своей основной мысли, вполне однородной въ своей сущности съ идеями другихъ несомнѣнно-пророческихъ писаній и въ своемъ источникѣ вполне богооткровенной, какъ удовлетворяющей собою нуждамъ и потребностямъ теократіи и необъяснимой въ своемъ происхожденіи изъ одного разума, и прообразовательною по своей исторической формѣ, аналогичной съ формою и нѣкоторыхъ другихъ богооткровенныхъ мыслей.

13) Въ самомъ словѣ Іеговы къ пр. Іонѣ заключая мысль о распространеніи мессіанскаго спасенія и на язычниковъ, а въ исторіи этого слова указывая условіе, или путь этого распространенія, какъ путь страданій и смерти (Іоан. 12, 24), книга пр. Іоны была пророчественно-прообразовательною для древнихъ евреевъ и язычниковъ въ томъ отношеніи, что приготовляла первыхъ не только къ болѣе легкому усвоенію прямыхъ пророчествъ слѣдующихъ за Іоною пророковъ о всемірности мессіанскаго спасенія путемъ страданій и смерти Спасителя, а и къ

покорному перенесенію надвигавшихся на нихъ бѣдствій плѣнній, какъ средства для распространенія среди язычниковъ означенной мессіанской идеи, и чрезъ то освѣщала тѣмъ и другимъ путь ихъ ко Христу, убѣждая ихъ въ несомнѣнности Его явленія и въ однородности исторіи и сущности Его спасенія съ исторіею и сущностью ветхозавѣтной теократіи, прообразовательно изложена въ книгѣ Іоны, и приводя тѣхъ и другихъ къ вѣрѣ въ Него. Для насъ—христіанъ это значеніе книги нашего пророка заключается въ томъ, что въ смерти и воскресеніи Господа, прообразованныхъ трехдневнымъ пребываніемъ пророка Іоны во чревѣ рыбы указывая намъ условіе нашего спасенія, имѣющаго по подобію проповѣди Іониной распространиться на весь міръ, а въ покаяніи ниневитянъ намѣчая и путь къ усвоенію этаго спасенія, какъ отчасти уже сбывшаяся на І. Христѣ и Его первыхъ послѣдователяхъ, а отчасти сбывающаяся на насъ, она должна утверждать насъ въ мысли о божественности нашей вѣры и въ стремленіи усвоить себѣ спасеніе ея.

П Р И Л О Ж Е Н И Е .

Указатель мѣстъ книги пр. Іоны, объясненныхъ въ различныхъ частяхъ изслѣдованія, расположенный по порядку главъ и стиховъ ея.

ГЛАВЫ и СТИХИ книги пр. Іоны		СТРАНИЦЫ ислѣдованія)	ГЛАВЫ и СТИХИ книги пр. Іоны		СТРАНИЦЫ ислѣдованія.
I	1	1—13, 162—163*, 147, 260, 277, 337, 339, 272.	"	10	162—163*, 167—190, 339, 385—429.
"	2	14*, 161, 278—280, 337, 369—385	"	11	162—163*, 221 253, 339, 343, 385—429.
"	3	162—163*, 258—263, 329, 339, 385—429.	3	1	162—163*, 337, 339, 369—385.
"	4	162—163*, 206—207, 209—214, 328—330, 339, 385—429.	"	2	161, 339, 385.
"	5	163, 328—330, 339, 385—429.	"	3	156—159, 162—163*, 281—295, 339, 385.
"	6	163, 330—331, 337, 339, 385—429.	"	4	16*, 155—156, 161, 281*, 282—283, 295—302, 304—308, 314—315, 385—429.
"	7	14*, 214—215, 331—332, 385—429.	"	5	162—163*, 308—324, 339, 385—429.
"	8	332*, 385—429.	"	6	295—299, 385—429
"	9	162—163, 263—265, 268—272, 332—333, 385—429.	"	7	164, 199, 312*, 325—327, 385—429.
"	10	161, 263—272, 333—335, 385—429.	"	8	162—163*, 302—304, 339, 385—429.
"	11	333—335, 385—429.	"	9	162—163*, 308—324, 337, 385—429.
"	12	265—272, 333—335, 285—429.	"	10	162, 339, 385—429.
"	13	333—335, 385—429.	4	1	161, 262—263, 272—276.
"	14	162—163*, 215*, 333—335, 385—429.	"	2	128*, 162—163*, 262—263, 272—276, 339, 385—429.
"	15	162—163*, 333—335, 385—429.	"	3	162—163*, 262—263, 272—276, 337, 339, 385—429
"	16	161, 215, 327—328, 335, 385—429.	"	4	162—163*, 339, 385—429.
2	1	77—85, 91—112, 162—163*, 221—253, 339, 342, 385—429.	"	5	262—263, 272—276, 385—429.
"	2	162—163*	"	6	150, 216—221, 292, 297—298, 339, 385—429.
"	3	162—163*, 167—190, 339, 385—429.	"	7	150, 162—163*, 216—221, 385—429.
"	4	167—190, 385—429.	"	8	162—163*, 208—214, 262—263, 272—276, 337, 339, 385—429.
"	5	167—190, 385—429.	"	9 и 10	46, 216—221, 339, 385—429.
"	6	167—190, 385—429.	"	11	46, 281—295, 385—429.
"	7	162—163*, 167—190, 339, 385, 429.			
"	8	162—163*, 167—190, 339, 385—429.			
"	9	162—163*, 167—190, 339, 385—429.			

*) Цифры съ звѣздочкой обозначаютъ, что находящееся на указанной страницѣ объясненіе стоитъ въ примѣчаніи.

З а м ѣ ч е н н ы я о ш и б к и.

<i>Страницы.</i>	<i>Строки.</i>	<i>Напечатано.</i>	<i>Слѣдуетъ читать.</i>
27	5 снизу	фактам	факты.
55	12 сверху	обезотчетно-обаятельное	безотчетно-обаятельное
73	5 "	образы пр. Иеговы	образы пророка Иеговы
99	1 "	половину	половина
105	3 "	были слѣдовательно зна- комы они были и съ сыномъ	были слѣдовательно зна- комы они и сыномъ
106	7 снизу	κῆτος μευάλη	κῆτος μέγα
149	18 сверху	нашли противники	наши противники
155	6 снизу	Сардананала	Сардананала
166	14 сверху	разрушеніи	разрушеніе
—	5 снизу	(бараномъ)	(барономъ)
177	5 "	проникновенно	проникновенію
180	5 сверху	(третьяго главы)	(третьей главы)
183	1 снизу	о благодареніе	а благодареніе
186	4 сверху	я отъ отъ очей	я отъ очей
202	2 "	заимствуемыхъ изъ ея со- держанія и внѣшнихъ свидѣтельствъ	заимствуемыхъ изъ ея со- держанія, изложенія и внѣшнихъ свидѣтельствъ
203	10 снизу	произрастетъ	произращаетъ
211	17 сверху	причины	причинахъ
212	5 "	утверждаютъ	утверждаютъ
219	8 снизу	шалахъ	шалашъ
227	5 "	уже 17 столѣтій	уже въ 17 столѣтій
240	5 сверху	сонованіи	основани
260	19 "	перевотъ	переворотъ
279	1 "	придемъ	приведемъ
317	7 снизу	<i>Богу</i>	<i>Богъ</i>
318	15 сверху	знаніе	значеніе
327	10 снизу	10	16
330	5 "	золото	золото;
331	3 сверху	своее	своей
—	9 "	въ устахъ	въ устахъ
352	19 "	<i>осудитъ</i>	<i>осудятъ</i>
357	4 "	первой части	предыдущихъ частей
—	5 "	которой	которыхъ
385	4 снизу	Іоля	Іонія

